

Дана Арнаутова

Обрученные луной

Глава 1

Два Волка

У него были синие глаза. Лестана точно знала, что у волчьих оборотней они бывают желтые или карие, редко — серые. Но только не синие! А этот Волк смотрел на нее синими глазами, которых у него быть не могло. Пронзительно, невозможно яркими и столь же невозможно наглыми! Лестана едва не поехала, но только выпрямилась в седле еще сильнее, задрал подбородок, стиснула поводья и ответила самым надменным взором, на который была способна после пяти суток утомительной дороги.

Хочет поиграть в «отвернись первым»? Что ж, это она тоже умеет! Все равно придется ждать, пока застрявшую повозку не уберут с дороги, чтобы посольство могло спокойно проехать в ворота.

Волк, ничуть не смутившись, продолжал ее разглядывать. Рослый и широкоплечий, с растрепанными черными лохмами, перехваченными сзади в короткий хвост, он показался Лестане выше любого из сопровождающих ее воинов-Рысей. Смоляные пряди густых волос впереди и по бокам были обрезаны неровно, словно кто-то небрежно отхватил их ножом, чтобы не мешали, и загорелое лицо Волка Лестана видела отлично. Широкие брови, придававшие ему диковатый вид, сломанный и не очень ровно сросшийся нос, улыбка... Нет, даже ухмылка!

У ног Волка лежал, запрокинув голову и отливая на солнце ржавым золотом шкуры, матерый олень. Наверное, здесь лес тоже был совсем рядом, как и у Рысей.

— Хорошая добыча, — тихо сказал рядом братец Ивар, и даже вечная насмешница Кайса согласно угукнула.

Лестана и сама оценила размах ветвистой короны рогов — полдюжины отростков, никак не меньше. А еще — одинокую резаную рану на шее. Это значило, что охотник подобрался к оленю достаточно близко, чтобы в несколько прыжков оказаться рядом и, схватившись за тяжелые рога, другой рукой перехватить горло зверя охотничьим ножом.

— Думаешь, он его сам добыл? — отозвалась Лестана, снова смерив взглядом крепкую фигуру Волка, одетого в потертую замшевую куртку, такие же штаны и мягкие охотничьи сапоги. — И сюда дотащил? Даже не запачкался... Интересно, сколько нас еще будут здесь держать?

Волк усмехнулся еще шире и нахальнее, блеснув белоснежными зубами. Махнул рукой подбежавшим подросткам, показав на тушу оленя, что-то сказал. Волчата, открыв небольшую калитку, потащили добычу куда-то за ворота, а он продолжил рассматривать Лестану и ее спутников, ухитряясь ни с кем не встречаться взглядом достаточно долго, чтоб это сошло за вызов.

Лестана раздраженно перекинула назад косу, неизвестно когда успевшую оказаться на груди. И чего этот волчара таращится, словно никогда Рысей не видел?! Или для него девушка в мужской одежде в новинку? Так Волчицы, все это знают, и сами в драке хороши, и делами в стае заправляют не реже мужчин. Лестану отец особенно наставлял, чтобы уважительно вела себя с местными хозяйками. А вот про наглых волчар, словно облизывающих ее взглядом, ни слова сказано не было! И ни один приличный Кот бы себе такого не позволил! Но что ждать от стаи, где даже встретить их, как положено, не смогли?

Словно услышав ее сердитые мысли, Волк с явной ленцой отвел наконец взгляд и соизволил обратить его на злосчастную повозку, из-за которой дюжина Рысей никак не могла проехать в ворота городища. Возле повозки хлопотали возчик и трое стражников, пытаясь приподнять и развернуть, чтобы освободить застрявшее колесо. Лестана велела бы своей охране помочь, но понимала, что толку от этого не будет: еще кому-то в узких воротах к повозке просто не подойти.

Явно понимал это и незнакомый Волк, потому что не стал бестолково хвататься сбоку, а отстранил щуплого возчика, встав на его место как раз возле злополучного камня, заклинившего колесо. Негромко рыкнул что-то стражникам — и те послушно замерли. Еще один рык — и все четверо разом приподняли повозку. Лестана видела, как напряглась обтянутая темной замшей спина, плечи будто развернулись еще сильнее, как только куртка не треснула! Синеглазый Волк потянул тяжелую повозку на себя, приподнимая угол выше, а потом пнул каменюку — и та улетела вдаль, а повозка с хрустом опустилась обратно на землю.

— Может, и сам дотащил оленя, — так же тихо прокомментировал увиденное Ивар.

Действительно, если на волокуше...

Лестана поймала себя на том, что слишком много внимания уделяет нахальному волчаре, и нахмурилась. Подумаешь, какой-то охотник! Мало ли их среди Черных Волков, славящихся добычливостью?

Возчик, торопливо поблагодарив, кинулся к лошади, стараясь побыстрее выехать из ворот, а Волк небрежно кивнул стражникам и снова привалился к воротному столбу, разглядывая теперь уже точно одну Лестану.

— Прошу прощения за задержку!

В освободившихся воротах показался еще один из хозяев-Волков. Молодой, высокий, отчаянно красивый! Улыбающийся светло и ясно... Такие же черные волосы, как у всех здесь, были тщательно заплетены в короткую косу, перевитую алой лентой — Лестана ее хорошо рассмотрела, когда Волк учтиво поклонился. А еще она увидела тонкую цепь с медальоном поверх светлой шелковой рубашки, начищенные сапоги с окованными носами и каблуками, наборный пояс и штаны из тонкой золотистой замши...

Щеголь был настолько хорош собой, что Лестана вмиг вспомнила о долгой дороге, где даже помыться толком не удавалось. И одежда у нее запыхалась так, что позор всему кошацъему роду, и косу давно следовало расчесать и переплести, и...

Глубоко вздохнув и постаравшись выбросить из головы лишние мысли, она склонила голову в ответ, рассудив, что золотой медальон в виде волчьей головы означает то же самое, что у нее самой — медальон с рысью.

— Я Брангард, сын вождя Ингевальда, — подтвердил ее догадку юноша. — Прошу, войдите в наш дом и будьте в нем желанными гостями!

Войти? На миг Лестана задумалась, не следует ли спешиться из уважения к хозяевам, но более сведущий в обычаях Ивар просто тронул повод — и его конь опередил кобылку Лестаны, первым пройдя в ворота. Брангард снова радушно улыбнулся, а от воротного столба донеслось громкое нахальное фыркание.

Проезжая мимо, Лестана скосила глаза на Волка, стоящего так близко, что протяни он руку — и мог бы коснуться ее сапога. Если бы, конечно, она ему это позволила! Не хватало еще всяким тянуть грязные лапы!

На миг показалось, что вот еще немного... Дерзкая ухмылка стала еще насмешливее, и Лестана с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться. Да что же это такое?!

Возмущаясь, она невольно втянула воздух, и ее чутья коснулась смесь запахов: хвойная горечь, палая листва, разгоряченное звериное тело и оленья кровь. Лестана сморщила нос, стараясь, чтоб это вышло незаметно. Волки... Впрочем, чего и ждать от простого зверолова?

Брангард тоже посмотрел в ту сторону с каким-то усталым укором.

— Здоров ли отец? — вместо приветствия или выражения почтения бросил ему охотник.

Брови Лестаны сами собой слегка поднялись от изумления. Это он о вожде? Она даже оглянулась, пытаясь еще раз рассмотреть наглеца повнимательнее.

— Отец велел, чтобы ты к нему зашел, как вернешься, — ровно ответил Брангард и отвернулся от верзилы, снова тепло и учтиво улыбнувшись Лестане. — Спокоен ли был ваш путь, госпожа Лестана, дочь Рассимора? Мы рады приветствовать вас и вашу свиту.

— Вполне спокоен, господин Брангард, — учтиво ответила Лестана. — Благодарю за гостеприимство.

Спрашивать, кто стоит у ворот, ей больше не было нужды. Если синеглазый нахал тоже зовет отцом вождя Черных Волков, значит, это Хольм.

Лестана невольно содрогнулась. В памяти всплыли слова отца, когда они последний раз виделись перед отъездом.

— У Ингевальда два сына, — мерно ронял вождь Рысей последние наставления. — Старший — Хольм, от первой жены, умершей родами. И младший — Брангард, от Сигрун, нынешней его пары. Говорят о них всякое, но я хочу, чтобы ты сама увидела обоих глазами сердца, а не только разума. Нам нужен этот союз, очень нужен, и ты это знаешь не хуже меня. Без поддержки Черных Волков нас уже через несколько лет сомнут Медведи и Росомахи. Будь у Ингевальда хоть одна дочь, я просил бы ее руки для Ивара, пусть он и не прямой наследник, а лишь мой племянник. Однако у Волка — два сына. И ему этот союз тоже нужен. Поэтому выбирай, Лестана, и помни: я доверяю твоему выбору, но домой ты должна вернуться с обручальным браслетом и договором о союзнчестве.

— А вы — Ивар, я полагаю? — обратился Брангард к ее двоюродному брату, безошибочно выбрав его

из десятка Рысей-мужчин. — Рад знакомству. Надеюсь, вам у нас понравится.

Пока Ивар отзывался положенными словами учтивости, Брангард одним легким движением взлетел в седло подведенного ему гнедого жеребца и словно слился с ним, явно красуясь и искоса поглядывая на Лестану. От столба снова донеслось фыркание, на этот раз раздраженное.

«Да здесь и думать не о чем, — убежденно сказала себе Лестана. — И выбора-то нет никакого. Не Хольм же! Только не Хольм! Значит Брангард... А вдруг я ему не понравлюсь? Может быть, уже не понравилась. Или у него кто-то есть...»

Она посмотрела на молодого, всего года на два старше нее самой, Волка. Такого красивого, нарядного, любезного... И он может стать ее парой? Неужели Ингевальд согласится на подобный союз? Ведь волчий вождь наверняка знает, что Лестана... дочь вождя Рысей, урожденная рысь по обеим линиям... что она — неполноценный оборотень, за свои девятнадцать лет ни разу не перекинувшийся в звериную форму! Мать-Рысь прогневалась на нее за что-то!

Если до достижения двадцати лет у Лестаны не получится обернуться, клеймо неполноценной ляжет на нее окончательно. Тогда ей не то что за сына вождя не выйти — даже не всякий оборотень из простых согласится взять ее в жены, рискуя будущим потомством...

«Я не буду думать об этом сейчас, — оборвала себя Лестана, беспомощно и противно холодея изнутри. — Все обойдется! У меня еще больше месяца до двадцатого дня рождения. Я смогу, я справлюсь! И никто не будет фыркать мне вслед, как этот его наглый братец, упаси Мать-Рысь от таких родственников!»

— Надо же, какие разные, — шепнула Кайса, когда Брангард проехал вперед, показывая дорогу. — Леста, а нельзя обоих взять? Одного будешь наряжать и косы ему плести, а на втором — на охоту ездить. Верхом. А что, такой лосище запросто под седло сгодится.

— Кайса! — прошипел Ивар, а Лестана с трудом удержалась, чтоб не рассмеяться, и на сердце у нее — спасибо умнице-подруге — немного полегчало.

Поселение Черных Волков ей не понравилось. Настоящим большим городом, как у Медведей, Лис или Волков Серых, его назвать было нельзя, но дело даже не в размере. Арзин, город Рысей, прославился не величиной, а красотой и умелым сочетанием удобства с тщательно сбереженными и прирученными лесами вокруг. Здесь же все было как-то... дико!

Улицы — кривые, пыльные и шумные. Дома стоят вразброс, без всякого плана, зато заборы высокие и крепкие, так что из-за них видны только верхушки крыш да кудрявая тугая зелень деревьев. Некоторые калитки были распахнуты, и Лестана, стараясь вертеть головой как можно незаметнее, видела, что почти в каждом дворе играют дети. Полно их было и на улицах, визжа и азартно щелкая зубами, Волчата гонялись друг за другом, иногда меняя обличье прямо на бегу, дрались, играли в какие-то непонятные игры, стреляли из луков и фехтовали палками... Бешеная стая!

Нет, Рысята тоже не самые кроткие в мире создания, все-таки охота у них в крови, но... Обычай рысей, в человеческом облике или зверином, учит тихо выследить добычу, а потом бесшумной смертью метнуться на нее сверху или из засады. Лестана только вздохнула, когда очередной вопящий клубок выкатился почти под копыта ее кобылки, так что пришлось натянуть повод и сдержать перепуганную лошадь.

Едущий рядом Брангард и ухом не повел, только бросил пару слов — и разновозрастные Волчата приснули во все стороны, освобождая всадникам улицу и провожая их любопытными взглядами.

Да, здесь все было не таким, как дома... И дворец вождя оказался гораздо меньше, коридоры и комнаты — темнее и теснее, а отделка — гораздо проще. На полу звериные шкуры вместо ковров, узкие окна похожи на бойницы, а грубая каменная кладка не везде прикрыта хотя бы побелкой, не говоря уж о гобеленах и деревянной обшивке.

— Наш город родился совсем недавно, — сказал сопровождающий их Брангард, видимо, заметив ее взгляды вокруг. — Дворец еще не так богат и красив, как жилища вождей в старых поселениях, но мы верим, что все впереди.

Лестана покраснела: неужели она была настолько невежлива, что позволила заметить пренебрежение?

Как нехорошо вышло.

— Он и сейчас чудесен! — поторопилась она исправить впечатление. — Здесь очень уютно! Столько охотничьих трофеев... А вы любите охоту, господин Брангард?

И снова глупость! Разве может Волк не любить охоту, если это его сущность? Или нет? Ну почему

она такая неловкая, а горячая кровь из щек бросилась уже в уши, и они тоже наверняка покраснели! Хорошо, что коридор такой темный...

— Я чаще остаюсь дома, чтобы помочь отцу, — ответил на ее мысли Брангард. — Славный охотник у нас Хольм. Вы его уже видели там, у ворот.

О да, еще как... видела. И предпочла бы на этом знакомство со старшим наследником Волков закончить.

— Вот ваши покои, госпожа, — указал Брангард на грубо отполированную деревянную дверь. — Ваша спутница останется с вами или найти ей другую комнату?

— Нет-нет, Кайса будет жить со мной, — торопливо откликнулась Лестана и шмыгнула в дверь, чувствуя, что если немедленно не снимет опостылевшую дорожную одежду и не вымоется, то взвоят не хуже любой волчицы. — Благодарю, господин Брангард...

— Зовите меня просто по имени, — донеслось из-за двери. — Торжественный ужин в честь вашего прибытия начнется на закате, а пока отдыхайте, госпожа Лестана, я сейчас пришлю служанок. Господин Ивар, прошу следовать за мной...

Шаги Брангарда и остальных Рысей раздались дальше по коридору, а Лестана со стоном опустилась на широкую низкую кровать, застеленную цветным покрывалом, и огляделась. На полу лежит все тот же вездесущий мех, на этот раз медвежий. Обычного зверя, разумеется, не оборотня. На стенах — ковры из заячьих шкур, подобранных по цвету в нехитрый узор. Сундук в углу, умывальник... Мать-Рысь, какое же здесь все... дикое!

— Хм, а ничего так, уютненько, — тоже оглядевшись, протянула Кайса, стаскивая сапоги и снимая куртку. — Не замерзнем, пожалуй. Даже зимой.

— Какая зима?! — все-таки взвыла Лестана. — Я уже хочу домой! Кайса, они же варвары! Целый город невоспитанных, диких, нахальных Волков...

Опомнившись, она снизила на последних словах голос, не столько из опаски, что будет услышана, сколько из вежливости. Дочь вождя должна быть учтива всегда и со всеми. Но...

— Это ты про красавчика Брангарда? — лукаво уточнила Кайса, опускаясь на колено и помогая Лестане снять узкие сапожки. — Не такой уж он и дикий! А вот насколько ручной — надо еще посмотреть. Зато брат у него так и напрашивается на строгий ошейник, верно? И поводок покороче?

— Даже не говори мне о его брате, — мрачно отозвалась Лестана. — Я лучше за медведя-шатуна выйду, чем за этого!

Откинувшись на кучу подушек, она позволила себе полежать, пока более крепкая Кайса распахивала по сундукам содержимое их сумок и отправляла появившихся служанок за горячей водой. Через некоторое время в комнате как по волшебству оказалась деревянная бадья, а в ней — несколько ведер воды, исходящей душистым паром.

— О, можжевелевую хвою заварили, — приняв хвостом, одобрила Кайса. — Давай, Леста, полезай скорее. Нам еще волосы тебе сушить и укладывать.

Упрашивать Лестану не пришлось. Скинув все, она опустилась в ароматную воду и блаженно зажмурилась. Это, конечно, не мраморная купальня у них дома, куда горячая и холодная вода течет по трубам, но все равно счастье! Еще бы ноги вытянуть, но не в бадье, увы.

Мгновенно договорившись со служанками, Кайса достала мешочек с ее любимым земляничным мылом и прочими снадобьями, вооружилась шерстяной мочалкой и ковшом... Через час Лестана, оттертая до скрипа, сидела на кровати, вытирая волосы, служанки меняли воду в бадье, а Кайса деловито перебирала привезенные с собой наряды.

— Зеленое или синее, как думаешь? Для красного вроде рановато, слишком уж оно... торжественное, — рассуждала она вслух. — Пир будет вечером, а при свечах синее слишком темное. Леста?

— А? — опомнилась Лестана. — Зеленое, наверное. Или синее...

— Все с тобой ясно, — подытожила Кайса. — Значит, зеленое. Иди сюда, пушистая моя! Хватит мечтать о Брангарде, будем его очаровывать.

— Кайса! — возмутилась Лестана, снова отчаянно покраснев и глянув на служанку, высокую крепкую девушку, что как раз вытирала разлитую вокруг бадьи воду.

Девушка, обычный человек, не оборотень, опустила голову, безуспешно стараясь скрыть улыбку.

— А что, не о Брангарде? — изумилась насмешница Кайса, подступая к Лестане с платьем. — Ну и правильно! Очаруем всех, а потом выберем, кто приглянется. Руки подними!

Еще примерно через час Лестана придирчиво разглядывала себя в небольшом зеркале, которое двигала перед ней Кайса. Она и без того прекрасно знала, как выглядит в этом платье, как и в любом другом из своих нарядов, но сегодня... Сегодня ей нужно быть безупречной! На ужине в честь посольства наверняка будут самые знатные Волки и Волчицы, не дай Мать-Рысь опозориться!

Она провела ладонями по талии и бедрам. Бархат цвета летней травы послушно облегал каждый изгиб тела, квадратный вырез, отделанный серебряной тесьмой, подчеркивал небольшую высокую грудь, а шнурованный корсаж делал Лестану стройнее. Широкая юбка в пол, носки парчовых, тоже серебряных туфель с высокими каблучками чуть выглядывают наружу из-под подола. Рукава расширяются от локтя и фигурно вырезаны, а изнутри подбиты серебряным же кружевом...

Высохшие и тщательно расчесанные волосы Кайса заплела ей в толстую косу и уложила на затылке в красивый высокий узел, выпустив несколько прядок на виски, чтобы обрамляли лицо. В полумраке комнаты, освещенной парой масляных ламп, лицо Лестаны в зеркале светилось, как жемчуг, и только упрямо сжатый рот портил впечатление нежности. Но все остальное — хорошо. Неужели ему не понравится? Ему?

Лестана подошла к оставшемуся ведру и решительно плеснула в лицо чистой холодной водой. Хватит уже краснеть! Не лицо, а спелая земляника...

— С ума сошла! — возмутилась Кайса. — Платье забрызгаешь.

Сама она быстро ополоснулась и переделалась так стремительно, что Лестана невольно позавидовала проворству. Кайса-Молния, так ее звали дома молодые Коты, желая угодить. Кайса на столь грубую лесту неизменно отвечала язвительными насмешками. Как хорошо, что она рядом! Будет не так страшно на ужине.

В дверь постучали. Служанки уже ушли, в комнате остались только Лестана с Кайсой, и обе вскинулись, переглянувшись. До заката еще час, не меньше.

«А Брангард просил звать себя только по имени, — некстати подумалось Лестане, и она с трудом отогнала от себя образ красавца-Волка. — Да кто же там?»

За дверью обнаружилась очередная служанка. Поклонившись, она бойко глянула на девушек и повернулась к Лестане.

— Светлая госпожа Рысь, велено вас проводить. Госпожа Сигрун беседовать с вами желает.

Сигрун? Жена вождя? Сердце в груди Лестаны на миг притихло, а потом стукнуло громче, еще и еще, заколотилось пойманной птицей. Началось! Вот оно, настоящее испытание! Старшая Волчица хочет поговорить с ней до ужина, на котором, конечно, будут ее сын и пасынок. Желает присмотреться к возможной невестке? Не обязательно — будущей, а только возможной. Что бы ни говорил отец, Рысям этот союз нужен больше, и сами Волки это прекрасно понимают.

Лестана беспомощно оглянулась на Кайсу, замершую с зеркалом в руках. Нет, брать с собой подругу нельзя. Она не маленькая девочка, боящаяся оказаться с незнакомцами один на один, а дочь вождя! Истинная Рысь, что бы ни говорили злые языки! Подруг, даже самых близких, на такие переговоры не берут. Но, возможно...

— А мой брат? — спросила она служанку, цепляясь за последнюю призрачную надежду на помощь в переговорах.

Ивар — племянник вождя и второй в посольстве после нее. Ему-то — можно, наверное?

— Велено только вас привести, госпожа, — покачала головой служанка. — Вы готовы или мне обождать?

— Я готова, — благосклонно улыбнулась Лестана одними губами. — Идем. Кайса, встретимся или здесь, или на ужине, — метнула она на подругу быстрый взгляд.

Та молча кивнула, тоже все понимая, конечно.

Дверь за вышедшей из комнаты Лестаной закрылась, и, несмотря на лампу в руках служанки, коридор Волчьего дворца показался темным и страшным, словно в сказках, которые Лестана слышала в детстве. Как же здесь... неприветливо. Но ей нечего бояться, верно? Она наследница Рысей. Самая завидная невеста могущественного клана, и еще несколько недель даже за спиной никто не имеет права назвать ее неполноценной! Ее ждет супружество с достойным женихом, конечно же, это будет Брангард! И дальше — счастье! Обязательно...

Лестана почти уговорила себя, и этого спокойствия хватило на всю дорогу по извилистым темным коридорам до комнаты старшей Волчицы, оказавшейся чуть ли не на другом конце дворца. Служанка вела ее какими-то тихими переходами, только иногда они проходили мимо ярко освещенных залов, откуда слышались голоса.

И все было хорошо, пока они не свернули в очередной коридор, в конце которого, залитая светом из висящей на стене лампы, показалась дверь. Почему-то Лестана сразу поняла, что именно сюда они и пришли. Страх отступил куда-то в глубину души, свернулся там маленьким когтистым зверьком, изредка легонько царапаясь... Лестана глубоко вздохнула — и чуть не отпрыгнула, когда из темной ниши рядом с дверью к ним шагнул высокий силуэт. Недобро блеснули темным янтарем глаза, и Лестана несколько мгновений не могла узнать их обладателя, а потом невольно поразились — куда исчезла так запомнившаяся ей синева? И почему?

— Доброго вечера, госпожа Лестана, дочь Рассимора, — ухмыльнулся Хольм такой же незнакомой улыбкой, уже не нахально-оценивающей, а откровенно злой. — Увидимся на ужине.

И ушел, бесшумно скользнув в темноту коридора. А Лестана, растерянно и испуганно проводив его взглядом, повернулась к двери и беззвучно взмолилась Матери-Рыси, прося у нее смелости.

Глава 2

Два брата

— Проходи, милая, — позвала немолодая, но статная и все еще красивая женщина в темно-красном парчовом платье, и Лестана, которая замерла на пороге, сделала шаг вперед.

Голос у старшей Волчицы тоже был хорош: низкий, грудной, мягкий... Почти сладкий. Да только Лестана, как всякая Рысь, отлично знала, что от ласкового мурлыканья до выпущенных когтей — миг.

— Здравствуйте, госпожа, — поклонилась она почтительно, но не слишком низко, остановившись на той едва уловимой границе, где уважение к старшей и хозяйке дома превращается в унижительное смирение.

Нет, этого не будет. Она хоть и молода, но равна Сигрун по положению. Да, Сигрун — жена вождя и мать возможного наследника, зато Лестана — сама наследница своего клана! Только лучше бы дело не дошло до выяснения, у кого зубы острее и когти длиннее, если уж им предстоит породниться.

— Ближе, девочка, — так же мягко сказала Сигрун, и в ее голосе проскользнули вкрадчиво-довольные нотки. — Дай на тебя взглянуть. Служанки мне все уши прожужжали, какая красавица пожаловала в наш скромный дом.

В уши и щеке Лестане бросилась краска. То-то местные девицы, таскавшие воду, так беззастенчиво ее разглядывали, пока Лестана плескалась в бадье. Наверное, все успели рассмотреть и доложить. Ну и пусть, ей нечего скрывать. Никаких тайных пороков и недостатков... Правда, и редкостной красавицей она себя никогда не считала. Слишком бледная, даже блеклая по сравнению с большинством рыжих и золотисто-русых Рысей. Глаза почти бесцветные... А на черноволосых и яркоглазых Волков тем более ни капли не похожа.

Она вдруг словно увидела себя чужим взором, пристальным, холодно и придиричливо оценивающим. Но вместо того, чтобы окончательно смутиться, только выпрямилась еще сильнее, вытянувшись в струнку и ответив Волчице прямым взглядом. А потом, заметив насмешливую искру в золотистых глазах, уронила:

— Вам виднее, госпожа, не мне судить о собственной красоте. Притом, отец и мать учили меня, что есть вещи гораздо важнее.

Волчица немного наклонилась вперед, и отблески очага, горящего в углу, несмотря на теплый вечер, легли золотистой вуалью на ее смуглое лицо.

— И то верно, — согласилась она с той же мягкой усмешкой. — Твои родители мудры... Но все же подойди.

Лестана, словно замороженная, сделала шаг вперед, еще один. Небольшая комната, обставленная слишком просто для жены вождя, вдруг показалась тесной, жаркой и душной. Наверное, это огонь виноват. Здесь даже топят как-то иначе, пламя не ласковое и уютное, как дома, а похожее на жадные взгляды Волков — того и гляди, обожжет.

Она остановилась в трех шагах от Сигрун, твердо решив, что ближе не подойдет. Но Волчица благосклонно кивнула, глядя в ее лицо, а потом негромко сказала:

— Я слышала о тебе много хорошего, дочь Рассимора. Нечасто наследницей такого древнего клана становится дева.

— Мать-Рысь не одарила моих родителей сыновьями, — сдержанно ответила Лестана, прекрасно понимая, что собеседнице это известно.

Но таковы уж игры вождей: иной раз то, как говорят, гораздо важнее того, о чем говорят. Вот и Волчица снова легонько кивнула, соглашаясь, а потом заметила:

— Но у старшей сестры твоего отца есть сын, продолжатель вашего рода. Очень достойный юноша, как мне сказали. Не правильнее ли было отдать медальон наследника ему?

— Я не указываю своему отцу, что ему делать, — холодно ответила Лестана. — Если он сочтет нужным отдать клан Ивару, так тому и быть. Но до тех пор я его правая рука, и клан с этим согласен.

«А чужим в наши дела мешаться незначем», — добавила она про себя, и хоть вслух это не прозвучало, но глаза Волчицы понимающе сузились.

— Хорошо сказано, — отозвалась Сигрун и указала на широкую низкую скамью, стоящую у стены. — Присядь, милая, разговор будет непростой.

Лестана послушно опустилась на скамью, застеленную толстым меховым одеялом: все те же заячьи шкурки, из которых чья-то умелая рука нарезала ровные квадратики, а потом сшила их между собой, подобрав рыжеватые и белые вперемешку. Одеяло спадало со скамьи до самого пола, обычного, деревянного, но каждая дощечка была тщательно отшлифована и натерта воском, так что пол получился гладким, как зеркало. Волчица села в низкое уютное кресло у стола, бережно расправила платье, опять посмотрела на Лестану, вдруг весело сморщив нос и улыбнувшись.

— Ну, не шипи, не шипи... Надо же, с характером. Это хорошо.

И продолжила доверительно, словно давней знакомой, а то и подруге:

— Знаешь, почему я с тобой решила поскорее поговорить? Эти мужчины ничего не понимают. Что твой отец, что мой муженек, дай ему Мать-Волчица хорошей охоты... То ли дело мы, женщины. Скажи, девочка, ты ведь уже видела тех, ради кого приехала?

— Я приехала ради договора о помощи, — осторожно ответила Лестана, старательно не отводя взгляд. — Но... ваших... — Она в последний миг запнулась, вспомнив, что сидящая напротив женщина — мать только одного из сыновей вождя, и исправилась: — Вашего сына я видела. И его брата тоже. Они оба встретили нас у ворот. Кажется, господин Хольм возвращался с охоты.

— Ну конечно, — вздохнула Сигрун, принимая обманчиво заботливый и почти трогательный вид. — Ох уж этот Хольм, наказание мне с ним. Представляю, что ты подумала о нашей семье, милая, глянув на этого дикаря. И можешь не стараться быть вежливой, у тебя на мордашке все написано.

Лестана возмущенно вздохнула, но промолчала. О чем теперь следовало подумать, так это о том, кто действительно будет решать судьбу ее замужества, вождь Волков или его жена. А еще — как ей жить с такой свекровью? «Впрочем, — с недостойной злорадной радостью решила Лестана, — жить рядом нам как раз и не придется. Брангард уедет со мной. Ведь уедет же? А что мать хочет узнать, с кем свяжет судьбу ее единственный сын, это вполне можно понять. Лишь бы в гости приезжала не слишком часто».

— Как скажете, госпожа Сигрун, — склонила она голову, стараясь быть вежливой. — Но разве я могла подумать о вас плохо? Просто господа Брангард и Хольм... Они действительно очень... разные.

— О да, — откликнулась Сигрун. — Разные, как лесной пожар и вот этот очаг, милая. Вроде бы и там, и там огонь, но один согреет, защитит от зимней стужи и голода, а второй может лишь губить все на своем пути. Ты умная девочка, Лестана, дочь Рассимора, и потому я больше не буду путать следы, а скажу все прямо.

Она помолчала, глянула мимо насторожившейся Лестаны в тот самый очаг, а потом продолжила, роняя каждое слово тяжело и увесисто, словно золотую монету:

— Ты, конечно, знаешь, что Хольм мне не родной. Но он старший, и многие желают видеть наследником именно его. Твой отец мудр, если не испугался, что ты девушка, а выбрал наследника по уму и старанию. Увы, мой муж, благослови его Мать-Волчица, не видит в своем первенце ничего дурного. Хольм зол и дерзок, он дикарь, не признающий обычаев и власти старших. Его истинный зверь не поддается обузданию, и моему пасынку приходится прятать его в лесах, утоляя жажду крови охотой. Спросишь, почему же Волки желают его в будущие вожаки?

— Думаю, вы сами мне об этом скажете, госпожа, — еще осторожнее отозвалась Лестана, сцепив на коленях похолодевшие пальцы.

О нет, Сигрун не стала ей нравиться больше, и в ее искренность Лестана не особо верила, слишком уж черными красками Волчица рисовала нелюбимого пасынка. Но на пустом месте такое не сочинишь, да и Хольм, как показалось Лестане, был именно таким, как говорила его мачеха. И это... пугало.

— Мы, Волки, ценим силу, — откровенно сказала Сигрун. — У нас до сих пор любой воин может бросить вызов вождю, и если тот проиграет поединок, в круг должен выйти его наследник. Если потерпит поражение и он, власть над кланом перейдет к победителю. Мой муж уже немолод. Волки чтут его, но рано или поздно найдется дерзкий юнец, что решит стать вожаком по праву меча. И многие думают, что случись такое — он споткнется о Хольма, который удержит клан от раздоров. Увы, эти многие путают силу и дикость. Брангард — славный воин и охотник, его жене не придется стыдиться слабости мужа, но он старается побеждать не мечом и клыками, а словом. Заботой о делах клана, мудрыми решениями...

— Это достойно вождя, — согласилась Лестана.

«Нелегко, наверное, Брангарду смирять нрав бешеного брата? Тем больше следует его за это уважать», — подумала она.

— Я рада, что ты так умна, девочка, — улыбнулась Сигрун с неожиданной теплотой. — Скажи, мой сын пришелся тебе по сердцу? Я знаю, что вы лишь несколькими словами перемолвились, но мы, Волки, выбираем с первого взгляда. От тебя я этого не жду, Рыси славятся осторожностью и рассудительностью, но... он тебе приглянулся?

— Господин Брангард очень... хорош собой, — с трудом вымолвила Лестана, чувствуя, что щеки все-таки запылали. — Он учтив и любезен...

— Вот и славно, — продолжила улыбаться Волчица. — Я надеюсь, ты полюбишь и его, и наш клан.

— Клан? — в недоумении вскинулась Лестана. — Конечно, я буду очень любить и чтить своих будущих родичей...

— Это хорошо. Потому что наследником моего мужа будет Брангард. — Улыбка Волчицы стала самую малость шире, но зубы вдруг оказались заметнее и блеснули ослепительно-белым. — А будущий предводитель клана не может покинуть его и уехать в дом своей жены.

— Да, но... — с ужасом выдохнула Лестана, понимая, какая ловушка вдруг разверзлась перед нею. — Мы думали, что он младший, и отец...

— Вождь Рассимор позволил выбирать тебе, милая, не так ли? Я видела его письма к моему мужу. Он верит в твой выбор, и ты вольна его сделать. Твой брак — дело решенное, а вот имя жениха — нет. Хочешь остаться наследницей и будущим вождем Рысей — дело твое. Хольм не ослушается отца, он поведет тебя в храм Луны-прародительницы, а потом уедет с тобой. Уверена, дети у вас будут здоровые и крепкие, а какая еще от него может быть польза, мне и придумать трудно. Но договор о поддержке твой отец получит.

Продолжая улыбаться, Сигрун встала из кресла, подошла к Лестане и села рядом, взяв ее за руку. Лестану пронзил мгновенный страх, и только с детства впитанные правила приличия не дали выдернуть ладонь из цепких горячих пальцев, однако она вздрогнула.

— Успокойся, милая, — хмыкнула Сигрун и по-хозяйски погладила ее по волосам. — Это твоя Рысь пугается моей Волчицы. Ничего, они подружатся. Я буду тебе хорошей свекровью, девочка. Дочери у меня нет, и ты ее заменишь. Никому в клане глянуть на тебя косо не позволю, не то что обидеть. Брангард умный и ласковый, он станет чудесным мужем. Поверь, я правильно воспитала сына, он осчастливит любую девушку, если она окажется достойна этого. А власть... Что ж, Рассимор отдаст наследство твоему брату, а ты когда-нибудь станешь старшей среди Волков, женой вождя и матерью наследников. Это хорошая судьба, девочка. Мы, Волчицы, знаем, как стоять за плечом своего мужа, быть его опорой и голосом мудрости, править его руками и руками наших сыновей и братьев.

— Я... мне надо еще подумать, госпожа, — выдохнула Лестана, сжав пальцы свободной руки так, что ногти вонзились в ладонь. — Я не могу дать ответ сразу! Отец не говорил мне... и...

— Конечно, девочка, подумай.

Сигрун отпустила ее руку и встала, отойдя на шаг — Лестане сразу стало легче дышать.

— Послезавтра начнется большая ярмарка, — сказала она спокойно и благожелательно. — Будут гулянья, охота, развлечения. Ты сможешь увидеть обоих: и Брангарда, и Хольма. Присмотреться, принюхаться, оценить... И выбрать. Я уверена, ты обязательно выберешь верно. А сейчас иди, милая, тебя ждут к ужину, да и меня тоже.

Кивнув, Лестана тоже встала и, едва удержавшись, чтоб не подобрать подол и не кинуться из комнаты опрометью, заставила себя выйти из комнаты чинно и плавно, как подобает наследнице и невесте. Насмерть перепуганной, растерянной и ничего не понимающей невесте.

Хольму очень хотелось кого-нибудь загрызть. Сомкнуть клыки на мягком податливом горле, стиснуть медленно, услышав жалобный хруст, и держать, чувствуя, как горячая соленая кровь течет прямо в рот... Он помотал головой, сбрасывая наваждение, потер ладонями виски. А хорошо бы, да. Бросить все и уйти на пару недель в лес! Бегать в истинном облике, спать на хвойных постелях под елками, ловить, дурачась, толстых вкусных зайцев, а то и посерьезнее кого завалить... У Глубокого Лога кабанье семейство видели. Сейчас бы схлестнуться с матерым секачом в самый раз! Может, хоть это поможет?

— Ты чего?

Брангард как всегда был наблюдателен. И переживал о нем искренне, от этого на душе было еще паршивее — аж выть хотелось. Тоскливо, зло и пронзительно, чтобы всякий услышавший

постарался убратся с дороги.

— Понятно, — вздохнул брат, кладя ему руку на плечо. — С матушкой говорил? Ну прости.

— Тебя-то за что? — хмуро спросил Хольм, давя рвущийся рык и желание сбросить непрошеную участливую ладонь.

— Да за все, — снова вздохнул Брангард.

Большой зал постепенно наполнялся Волками, мелькали и многочисленные гости: к Большой осенней ярмарке в город кто только ни приехал. Медведи, Росوماхи, Серые братья-Волки и Лисы всех мастей, даже пару Барсуков удалось разглядеть. Но Хольм себя не обманывал, в толпе он искал одну-единственную тонкую фигурку — и не видел. Наверное, до сих пор с госпожой Сигрун беседует. Называть жену отца матушкой у него за все эти годы так и не повернулся язык. У него, Хольма, мать была одна, и уж она-то не стала бы пристраивать его в чужие руки, словно ненужного щенка.

— Пойдем-ка! — Брат решительно потянул его к их любимому месту, укромной нише между окнами в стороне от стола. — Потолковать надо.

Разговаривать не хотелось. А вот посидеть вдали от остальных и успокоиться — это, пожалуй, хорошая мысль. Брангард прав, как и всегда, осознание этого тоже добавляет горечи. Из брата выйдет отличный вождь! Умный, заботливый к своим людям... Неважно, что Хольма здесь уже не будет, ему есть на кого оставить Волков.

Они нырнули в нишу, полностью прикрытую с боков тяжелыми занавесями, только посередине осталась щель. В детстве, когда им, мелким, еще не положено было есть за взрослым столом, Хольм и Бран частенько здесь прятались и сидели тихо, глядя и слушая. Это было похоже на засаду... Хольму, правда, быстро надоедало, а вот Бран превращался в сплошные глаза и уши и как-то обронил, что из разговоров за медовухой и олениной о делах клана узнаешь больше, чем на любом совете. На советы он, впрочем, тоже пробирался. Истинный вожак с детства. И, значит, все справедливо...

— Думаешь, она выберет меня? — в лоб спросил Брангард.

— А кого еще? — невольно скривил губы в злой улыбке Хольм. — Тут и к ведьме не ходи. Она так на тебя смотрела...

Завороженно, сияющими глазами серебряного цвета, как вода в ручье в жаркий день. Любовалась его, Хольма, младшим братом и разве что не облизывалась, но слишком хорошо для этого воспитана. Не могла позволить себе провести по нежным розовым губам острым влажным язычком... Хольм едва не застонал от разом вспыхнувшего и опалившего изнутри желания. Да что же с ним такое творится! Ему ведь нравятся совсем другие девушки! Горячие, насмешливые, бойкие... И желающих разделить с ним постель хватает, не сказать, чтобы оголодал. Никак не сказать... Но один взгляд в сторону надменной чужачки выбросил из головы все планы на сегодняшнюю ночь. Кроме одного — сойти с ума!

— Ну, погоди еще, — рассудительно отозвался брат, приглядываясь к тому, что происходит в зале. — Она наследница. Может и не захотеть остаться у нас. Ее готовили управлять Рысями, у Рассимора других детей нет. Разве что племянник... Ивар этот.

— А что Ивар? — мрачно спросил Хольм, пытаясь отвлечься.

— Да странно как-то готовить в наследницы девушку, если есть парень. Он вроде бы не дурак. Почему Рассимор не назначил наследником его?

— Не знаю и знать не хочу, — беспомощно огрызнулся Хольм. — Как ты не понимаешь?! Уехать с нею... Кем я там буду? Приблудным волком среди котов? Ты их видел, посольство это? Любого посади на весы, на другую чашу не знаешь, сколько золота насыпать, так они себя ценят. Древний род, гордость предками... Мы для них грязь под лапами — того и гляди, запачкаются.

— Зря ты так, — в который уже раз вздохнул Брангард, вытащил из кармана сухарь и сломал пополам. — На вот, погрызи, а то пока еще на стол накроют. С голодухи на всех кидаешься.

И сам захрустел подрумяненным в печи ржаным ломтем так смачно, что у Хольма заурчало в животе, а рот наполнился слюной. И вправду ведь с утра не жрал! Пока олениа волокли до города, пока здесь... А Брангард как таскал с детства в карманах вкусняшки для старшего, вечно забывающего поесть брата, так и продолжает это делать до сих пор.

В полном молчании они съели каждый свою половину сухаря, и у Хольма немного, самую малость перестали выть на сердце бешеные волки. Не из-за утоленного голода, конечно, а просто накатила

тихая и слегка виноватая благодарность к Брангарду. Ну не виноват младший, что госпожа Сигрун без ума от единственного сына настолько, что готова горы свернуть — и выстелить ими дорогу своему дитятку. Чего уж говорить о нелюбимом пасынке! А ведь он бы никогда не предал Брангарда, всю жизнь прикрывал бы ему спину и слушался, как положено слушаться вожака. Пусть он и сильнее...

Это уже были нехорошие мысли, и Хольм их торопливо отбросил. Дратся с братом за первенство в роду? Нет, никогда! Что бы ни говорили молодые дерзкие Волки, которых он, Хольм, водит на охоту...

— Не обижайся на мать, — попросил вдруг Брангард, словно угадав, как и всегда, его мысли. — У нее никого нет, кроме меня и нашего отца. Но его, сам понимаешь, воспитывать и беречь уже поздно, остаюсь я. Что поделать, если она такая? Я ее люблю, но брат у меня тоже один. И я не хочу, чтобы ты наделал глупостей, дуралей мохнатый.

— Не дожدهшься, — усмехнулся Хольм, чувствуя себя неловко от такой откровенности. — Лучше скажи, Лестана, она... тебе нравится?

— Хорошая девочка, — со слишком, пожалуй, старательным безразличием отозвался Брангард. — Красивая, умненькая, учтивая. Славной женой будет, наверное. Хольм, ты чего?

Он внимательно глянул в глаза невольно повернувшемуся к нему Хольму, укоризненно покачал головой.

— Клыки спрячь, дурень. Вон, уже отрастать начали.

— Непр-р-авда, — тихо проговорил Хольм, пытаясь не сорваться на рычание. — Я себя дер-р-ржу! А ты... как ты не видишь?

Он безнадежно махнул рукой, действительно не понимая, почему Брангард так слеп. И глух. И внезапно лишился нюха. Ведь не может он всерьез не замечать, что наследнице Рысей достаточно просто рядом пройти — и кровь в жилах закипает, изнутри поднимается томительный сладкий жар, а в голове такие мысли... Не может ведь Брангард этого не чувствовать?! А если так... значит, брат ему впервые в жизни лжет? Ох, как не хочется даже думать об этом, но наследница Рысей — прекрасный выбор для будущего вождя Черных Волков. Слишком правильный, чтобы умница Брангард ее упустил.

— Идем, — вскочил он, словно кто-то отпустил туго натянутую тетиву, и стрела сорвалась в короткий страшный полет. — И пусть она сама выбирает.

— Прямо сейчас? — насмешливо уточнил Брангард, вмиг став чужим и высокомерным. — Дай девушке хоть по сторонам оглядеться. Поесть с дороги, нарядами покрасоваться... Дикий ты, братец. И дурной, как лось в гоне. Не толкай ее на то, о чем сам потом пожалеешь.

— А ты меня не учи! — не выдержал все-таки, сорвался Хольм. — Если она тебе и в самом деле безразлична, уйди с дороги!

— Дурак! — тоже повысил голос Брангард, не забывая, впрочем, поглядывать, чтоб никто не подошел к их убежищу слишком близко. — Ты хоть сам сначала разберись, чего ты хочешь! К Рысям ты ехать не желаешь! Но здесь остаться все равно не выйдет. Да, я люблю мать. Но она тебя со свету живет, и я это понимаю. Я тебе, дурень, добра желаю. Не хочешь к Рысям, смотри, придется к Медведям ехать. Или вовсе к Барсукам. А дочка у Рассимора слишком хороша, чтобы дураку отдать. И хватит на меня зубы скалить — совсем в своих лесах одичал! Тоже мне, вожак...

На Хольма словно плеснули ледяной водой — с размаху целую бадью.

Он оскалился на брата? Словно... настоящий неразумный зверь? Он, сын вождя, истинный оборотень, владеющий своим Волком легко и привычно, как частью себя?

Хольм затряс головой, растер ладонями ноющие виски. Что-то и вправду день не задался. Стыдно-то как! Тогда, после встречи с Сигрун, было не стыдно, а сейчас... Брангард ему не враг. Они братья. Любящие друг друга братья, как бы ни пыталась их разделить Сигрун.

— Лучше бы помылся да одежду сменил, — безжалостно добил его Брангард. — За девушкой он ухаживать собрался. Нет, если ты хочешь сбить ее с ног запахом три дня не мытого самца, то все правильно. Она сомлеет, ты ее на плечо — и в логово. Лишь бы девицу не стошнило, она Кошка все-таки, а не Кабаниха.

— Заткнись... — простонал Хольм, изнемогая от стыда. — Я сейчас... вернусь... А если ты... Брангард... Если ты, пока меня не будет...

— Место рядом придержу, тарелку покараулю, девушку — тоже, — насмешливо пообещал скотина-братец. — Отцу скажу, что скоро будешь. И давай уже, начинай думать головой, а не тем, что у тебя под хвостом. Ты ведь умеешь, когда нужно, я знаю.

Он осмотрелся сквозь щель в занавесях и придержал их для Хольма. Тот вышмыгнул из убежища и пробрался к выходу из зала, коротко взмолившись Матери-Волчице, чтобы не встретить ни Лестану, ни еще кого-нибудь из Рысей. До них ему дела не было, но не хотелось увидеть в надменных взглядах кошек свое отражение, встрепанное, злое, растерянное.

Волкам, попадавшимся навстречу, он коротко кивал, незнакомцам сдержанно кланялся, сын вождя должен быть учтив. Где-то поблизости мелькнула статная фигура Сигрун в расшитом золотом темном платье — Хольм отвернулся, стиснув зубы, и пообещал себе, что будет с мачехой приветлив ради брата и отца. А Лестану он так и не встретил, и это точно оказалось к лучшему. Хватит того, что она уже видела его перекошенную после разговора с Сигрун рожу. Еще и напугал, наверное, девчонку. Нехорошо, совсем плохо. Прав Брангард — как есть дурак! Но теперь все изменится. Главное — постараться забыть, что Сигрун собирается отправить его к Рысям. Надо поговорить с отцом. Он поймет, что Хольму необходимо остаться дома, просто не может не понять. Ведь так?

Глава 3

Гости и хозяева

Стоило Лестане покинуть комнату госпожи Сигрун, как в коридоре к ней кинулись две девушки, одна — явная Волчица, про вторую Лестана ничего не поняла, ей было не до того, чтобы разбирать, кто из местных настоящий оборотень, а кто обычный человек под покровительством клана.

— Скорее, госпожа, скорее, — наперебой заговорили девицы. — В большом зале все уже собрались, ждут только вас и госпожу Сигрун!

— А она... — Лестана неуверенно оглянулась на закрытую дверь.

— У нее из комнаты другой ход есть. Только он через кухню, а вас, госпожа, нельзя так вести, — пояснила Волчица.

Лестана понимающе кивнула. Конечно, Сигрун наверняка захочет дать кухаркам и прислуге последние указания... Гостя ей в таком деле помешает, да и неприлично это.

Она шла с девушками по петляющим сумрачным коридорам, слушая веселую, но почтительную болтовню. Девицы рассказывали, как в клане ждали приезда юной госпожи. Ой, а молодой господин в сером плаще — это брат госпожи Рыси? Какой красивый... И обручального браслета нет, значит, никому еще не дал обещание? И остальные мужчины тоже хороши! Высокие, статные, волосы такие...

Тут Волчица умудрилась на ходу мечтательно закатить глаза, а ее подруга прыснула. Ну да, Волки, как заметила Лестана, предпочитали стричься коротко, самое длинное — по плечи. У Рысей же мужчины отращивали волосы до пояса. Обычай времен древней клановой вражды, когда коса побежденного воина была лучшим трофеем. Сразу видно, что Черные Волки — молодой клан.

Она улыбнулась, отвечая на вопросы. Да, Ивар ее брат, но не родной, а двоюродный. И невесты у него пока нет, он всего год назад призвал внутреннего зверя. Девушки понимающе кивнули: кто же пойдет замуж за оборотня, не доказавшего свою истинность? А Лестану кольнуло привычное уже томительное беспокойство, потянуло где-то внутри гадким страхом — что, если... Отбросив дрянную мысль усилием воли, она продолжила улыбаться и говорить — дочь вождя не должна показывать беспокойство.

— Леста, вот ты где! — выскочила из-за очередного поворота обеспокоенная Кайса. — Твои украшения!

Ох, и правда! Лестана пощупала пустую мочку уха. Серьги, с которыми она никогда не расставалась, подарок Ивара на девятнадцатилетие! Брат ездил за ними к мастерам клана Барсука, и отец отпустил его с неохотой, потому что не имеющий зверя Ивар считался еще подростком. Но все обошлось, брат привез ей чудесный подарок, а вскоре и Мать-Рысь одарила его своей милостью.

— Совсем забыла, — смущенно отозвалась Лестана. — Сняла, когда мылась, вот и...

Она взяла тяжелые серьги с ладони Кайсы, наощупь вдела в ухо одну, потом другую. Серебряные кошачьи мордочки, усыпанные крошечными бриллиантами, привычно закачались в ушах. В глаза мастер вставил яркие изумруды, которыми кошки-сережки хищно смотрели на мир вокруг. Лестане сразу стало спокойнее, словно знакомая и любимая вещь оградила ее, как щит или родное плечо.

Кайса в это время накинула на нее и застегнула сзади цепь с массивным медальоном — знаком наследницы клана.

— Вот теперь совсем другое дело, — сказала удовлетворенно и повернулась к терпеливо ожидающим служанкам. — Ну что, пойдём посмотрим, чем здесь накормят наших маленьких голодных котят? Ух, как мне надоело готовить им в дороге! Вроде бы Рыси, а лопают, как стадо кабанов осенью! Будто им тоже надо в зиму жир нагуливать.

Девчонки хихикнули и согласились, что все мужчины такие, хоть Рыси, хоть Волки — им лишь бы повкуснее и побольше!

Лестана тоже рассеянно улыбнулась, но ее мысли были далеко. Нужно поговорить с Иваром! Лучше бы, конечно, с отцом, но пока гонец домчится до Арзина, пока вернется с ответом... Слишком долго! Решать нужно быстрее. А может, потянуть время? Никто не требует от нее ответа прямо сейчас. Отец думал, что она пробудет здесь не одну неделю, пока окончательно выберет из двух претендентов. Но ему в голову не пришло, что Волки добавят свое условие к договору.

Она встрепенулась и отвлеклась от раздумий, лишь когда впереди показались высокие, распахнутые настежь двухстворчатые двери, за которыми виднелся действительно большой зал. Замедлила шаг,

собираясь с духом, глубоко вздохнула. Служанки сказали правду, за длинным столом, протянувшимся от огромного очага к самой двери, уже все расселись, и теперь множество глаз было устремлено на нее и ее спутниц.

Впрочем, служанки и Кайса здесь никому не интересны.

Приветливая улыбка далась ей так же легко, как спокойная ровная походка. В который раз Лестана поблагодарила матушку, учившую единственную дочь-наследницу вести себя с достоинством где и когда угодно. И неважно, что сердце внутри трепыхается, как заячий хвост, а в глазах темнеет от напряжения. Лестана шла, слыша едва уловимый стук своих каблучков в разлившейся по залу тишине, и смотрела, как учили, высоко, поверх голов, чтобы любой по ее осанке видел — вот идет дочь великого клана.

— Приветствую драгоценную гостью, — поднялся навстречу ей сидевший во главе стола немолодой Волк. — Прошу разделить с нами пищу и тепло.

Высокий и широкоплечий, он уже поседел и слегка оплыл в поясе, но Лестана теперь видела, в кого пошли статью оба брата. Старший так и вовсе был копией отца, но у Брангарда черты лица смягчились материнской тонкостью.

— Приветствую славного Ингевальда, могучего вождя Черных Волков, — громко отозвалась она, поймав доброжелательный взгляд темно-карих глаз Волка. — Мой отец Рассимор посылает вашему клану пожелания добра и заверения в дружбе.

Сигрун, сидящая рядом с мужем, улыбнулась Лестане, снова блеснув ярко-белыми крепкими зубами. Улыбка у Волчицы была на диво ласковая, только Лестана едва не запнулась под внимательным взором, следящим за каждым ее движением. Ивара, как и положено, усадили по левую руку от Сигрун, и Лестана впервые пожалела, что у Волков, оказывается, тоже знают этикет. Лучше бы сидеть рядом с братом. Ей, как самой знатной гостье, предназначалось пустовавшее место рядом с хозяином, а дальше...

Щеки Лестаны предательски загорелись — у Брангарда были такие же золотисто-карие глаза, как у его матери, только теплые и ясные. Он встал и вышел из-за короткой скамьи, чтобы пропустить Лестану, и, когда она под взглядами полусотни Волков и их гостей протискивалась между скамьей и столом, чувствуя себя ужасно неуклюжей, Брангард оказался совсем близко.

Их рукава соприкоснулись, когда он сел и повернулся к ней, негромко пожелав доброго вечера. Предательские щеки загорелись еще сильнее, и Лестана только взмолилась про себя Матери-Рыси, чтоб это не оказалось слишком явным. Набрав побольше воздуха, она ответила что-то вежливое, едва слыша себя, и с невероятным облегчением увидела, что все, кто наблюдал за ней, вернулись к своим делам, обратив внимание на тарелки и кубки.

Кайсу тем временем усадили по другую руку Брангарда, а последнее место на этом конце стола занял тот, от близости кого Лестане захотелось передернуться и отодвинуться подальше.

Хольм. Такой же мрачный, как недавно в коридоре, но сменивший одежду и пригладивший растрепанные влажные волосы. Сейчас на старшем из братьев была темно-синяя рубашка из тонкого сукна, по воротнику и манжетам расшитая золотом, а смоляные пряди длинных для Волка волос он скрепил золотым узорным кольцом и выглядел вполне прилично. «Для Черного Волка — прилично, — уточнила про себя Лестана, но тут же исправилась, глянув искоса на нарядного Брангарда в светло-голубом шелке, которого не постыдился бы даже щеголь Ивар. — Какие они все-таки разные...»

— Что позволите вам предложить, прекрасная?

Брангард, улыбаясь, слегка склонился к ней и заговорщицким тоном посоветовал:

— Вот этих перепелок с орехами мать готовила сама, попробуйте — не пожалеете. Оленину томили в брусничном соке, а вон те пирожки — с малиной в меду...

Только сейчас Лестана поняла, как она голодна! Кажется, утро с легким завтраком было целую вечность назад, и... ох, нет... желудок подтвердил это недовольным бурчанием. Брангард, ничем не выдав, что услышал такое неприличие, решительно сообщил:

— Пожалуй, лучше всего понемножку.

И принялся наполнять ее тарелку нежно-золотыми перепелками, кусочками румяной оленины в темно-красном соусе, тушеными овощами и еще чем-то упоительно пахнущим! Лестана, глотая слюну, только радовалась, что никто не обращает на нее внимания. Справа вождь Ингевальд расспрашивал Ивара, чем Рыси торгуют с Северными Лисами, слева, где за Брангардом сидели Кайса и Хольм, было подозрительно тихо. Ну, за любимую подружку можно не бояться, голодной

она не останется, даже если дикарь Хольм не умеет ухаживать. Интересно, а олень не тот ли самый? Неужели успели так быстро приготовить? Но спрашивать она точно не станет, не хватало еще, чтобы Брангард решил, будто она интересуется его братом.

Вокруг становилось все шумнее. Гости и хозяева выходили из-за стола и снова возвращались, кто-то подходил к вождю, служанки о чем-то спрашивали Сигрун, и только слева Лестана почти кожей ощущала мрачную вязкую тишину...

— Я слышал, что вы еще не призвали зверя, прекрасная? — спокойно спросил Брангард, умело разделив крупную жареную рыбину так, что все кости остались на блюде.

— Да, это верно, — настороженно ответила Лестана.

— Тогда вам следует сходить к нашему священному источнику. Вода в нем целебная, а если принести дары, Луна-Прародительница непременно одарит вас милостью.

Брангард мягко улыбнулся Лестане.

— Обязательно схожу, — ответила она, вдруг почувствовав, что совершенно сыта.

Вот ни кусочка больше съесть не сможет. И настроение испортилось, хотя еще минуту назад она была счастлива сидеть рядом с красивым любезным Волком, слушать, как он рассказывает про здешний лес... И нужно бы...

Она замялась, не зная, как попросить выпустить ее из-за стола. Потом, тихо уронив извинение, окликнула Кайсу и указала взглядом на выход из зала. Та мгновенно поняла, ловко выбралась сама и помогла выйти Лестане.

— Ну что, младший Волчок тебе милее? — поинтересовалась подруга, стоило им оказаться в коридоре.

После зала, жаркого от множества тел и горячих блюд, здесь царила приятная прохлада, и Лестана вздохнула свободнее.

— Перестань, — попросила она смущенно, прикладывая ладони к пылающим щекам. — Он такой...

— О, еще какой! — подхватила Кайса. — Но знаешь, мне своего соседа стало даже жалко. Он, бедняга, к концу вечера косоглазым станет — так в твою сторону взглядом тянется.

— Соседа? — не сразу поняла Лестана. — Ах, этого?

Она фыркнула, сообразив, что Кайса говорит о Хольме, и решительно заявила: — Ну, это его дело. Пусть хоть наизнанку вывернется! Кайса, а ты знаешь, где здесь...

— Уборная? Знаю, конечно.

Подруга свернула в какой-то узкий проход, и Лестана последовала за ней. Они прошли пару комнат и вдруг вышли в маленький дворик, окруженный стенами, но под открытым небом.

— Снаружи? — ужаснулась Лестана. — Как же они зимой?

— Ну... — протянула Кайса и хихикнула: — Наверное, шерсти много, отморозить ничего не боятся.

— Кайса! — Лестана тоже прыснула.

Ветерок принес ароматы цветов, Лестана различила ночную фиалку, наверное, ее нарочно здесь посадили, чтобы отбить запах. Она нашла взглядом маленькое строение и мужественно зашагала туда, уговаривая себя, что не может все быть совсем плохо. Госпожа Сигрун наверняка строгая хозяйка и грязи не потерпит.

В самом деле, внутри было чисто, и Лестана, быстро сделав дела и поправив платье, выскочила наружу, махнув Кайсе. Та скрылась в уборной, а Лестана отошла подальше, потому что фиалки фиалками, но лето же, тепло...

Ближнюю стену закрывал ветвями огромный старый вяз, и Лестана мечтательно подумала, как было бы славно не возвращаться в шумный жаркий зал, а залезть повыше и, устроившись на удобной широкой ветке, посидеть, полюбоваться звездами... Как дома! Но здесь все чужое, и нужно вести себя, как подобает наследнице клана...

— Так-так, а вот и наша милая кошечка! — раздался вдруг голос, и из высоких кустов вышел, на ходу подтягивая штаны, незнакомый оборотень.

Резкий запах разгоряченного и явно давно не мытого тела заставил Лестану скривиться. Она чуть не зажала брезгливо нос, возмущившись всем сразу: и обращением, и непристойностью того, что чужак делал в кустах. Уборная же рядом! Но оборотень шагнул вперед, к ней, и Лестана вдруг поняла, что брезгливость — еще не самое плохое чувство. Потому что ей стало страшно. Незнакомец оказался Медведем.

Повидать отца до ужина Хольм не успел. У вождя дел больше, чем на бродячем псе блох, а в последнее время забот еще добавилось. Город растет, каждый год строятся новые кварталы, мастерские, купеческие лавки и склады. То тут, то там вспыхивают ссоры из-за земли и торговли, а для Волков настоящий закон один — слово вождя. Вот и приходится Ингольву успевать повсюду. Снова кольнуло знакомой досадой: рядом с отцом в повседневных делах всегда оказывается Бран. Умный, веселый, умеющий парой слов остудить слишком горячие головы, а где надо — и клыки показать. Это правильно, что отец им гордится, однако для Хольма у него все реже находится доброе слово, зато спрос с него, старшего сына, но не наследника, — с каждым днем строже.

Но разве Хольм виноват, что Мать-Волчица не наделила его таким умом, как Брангарда? На своем месте он хорош! Кто месяц назад с дюжиной дружинников разгромил разбойничью шайку в три раза больше? Душегубы пискнуть не успели, как Хольм и его Волки разнесли их логово! И леса к закату от города теперь тихи и безопасны...

А кто в прошлом году дал укорот обнаглевшим Медведям? Пусть это и не была настоящая война, но не Брангард, а Хольм повел за собой сотню старшей дружины и отстоял земли Волков, захваченные жадными соседями, а потом еще и прихватил спорную полосу, передвинув границы в пользу своего клана. Даже отец тогда признал, что это был на редкость удачный поход!

Но теперь Волки все чаще договариваются в спорах, пока мечи тоскуют в ножнах, а клыки оскаливаются только в улыбках да на пирах. Отец говорит, что на век Хольма драк еще хватит, на то Мать-Волчица и наделила его горячим нравом, но в мирное время Бран вождю куда полезнее, а Сигрун еще ни разу не упустила случая это подчеркнуть. Ее послушать, так Брангард — воплощение всех добродетелей, а Хольм — бешеный зверь... И ведь слушают! И не объяснишь, что ему самому медальон вожака нужен, как прошлогодний снег! Пусть Брангард будет наследником, но это ведь не значит, что младшему брату нужно отдать все?

Хольм ожесточенно воткнул нож в кусок оленины, так что лезвие царапнуло по блюду, и снова покосился в ту сторону, откуда звучал раздражающе самодовольный голос брата. Гостья говорила совсем редко, а вот пройдоха Бран мурлыкал непрестанно, словно был с ней одного кошачьего племени. Зар-раза сладкоречивая...

Зато вторую девушку из посольства, то ли подругу, то ли служанку, посадили рядом с ним, снова ткнув Хольма носом, что его место — далеко за братцевым хвостом. Рыженькая Рысь оказалась маленькой, едва ли ему по плечо, но бойкой и с насмешливыми карими глазами. По правилам вежливости Хольм должен был за ней ухаживать, и он честно пытался: положил ей на тарелку всего, до чего дотянулся, благо руки длинные, налил светлого сладкого вина, старательно выслушал, как у них здесь интересно... Только вот болтать с девчонкой у него язык не поворачивался, и она, стрельнув на него острым понимающим взглядом, замолчала, уплетая угощение с отменным аппетитом.

А Хольм заставлял себя смотреть куда угодно, только не влево! Но толку от этого не было никакого. Лестана, дочь Рассимора, стояла у него перед внутренним взором так явственно, словно наяву — вот только руку протяни. И даже глаза не надо закрывать, чтобы вспомнить каждую мелочь, врезающуюся в память! Хольм глотнул вина. Не легкого, что налил соседке, а темного крепкого пойла, что по обычаю Волков на пиру подавали только мужчинам. Густая терпкая влага в горло пошла мягко, но в желудке разлилась жидким огнем, и Хольм поспешно закинул следом кусок оленины. Не хватало еще опьянеть... Но как отвлечься? Как выкинуть из головы, что стоит повернуться, и поверх головы сидящей рядом Рыси видно крепкое плечо и улыбающееся лицо Брангарда, а дальше, сразу за ним...

У нее, единственной в зале, светлые волосы. Не белые, как отцовская седина, а именно светлые. Так чистейшая вода в ручье серебрится на солнце ясным днем, снова пришло ему на ум. И опять, как при первой встрече, Хольму немедленно захотелось расплести толстую косу, освободить пряди-струйки, запустить в них руки, глядя и протягивая между пальцами...

Он еще раз глотнул вина, почти не чувствуя жгучего вкуса, и отставил кубок. Голову хотелось держать ясной, чтобы даже тень опьянения не стерла из памяти, как он впервые увидел Лестану, дочь вождя Рысей. Всего-то утром, а будто полжизни прошло!

Там, у ворот, по спутникам девчонки он только мазнул взглядом: в них ничего особенного не было. Волосы мужчин и невысокой скуластой девицы горели обычной рысьей рыжиной. Или рысиной? Может, даже, рысячьей — Хольм никогда не задумывался, как оно будет правильно. Рыси и Рыси, обычные чужаки, приехавшие к отцу за помощью, покровительством или союзом. Но девушка,

ехавшая впереди маленького отряда, была чем-то особенным.

С первого взгляда Хольм загляделся на стройную, но не хрупкую фигурку. Невысокая и ладная, светловолосая Рысь держалась в седле как влитая. А как возмущенно смотрела на Хольма! Глаза у нее тоже, как и волосы, светились речным серебром, Хольму даже показалось на миг, что он чувствует вкус холодной свежей воды. А потом ветер донес до него запах юной Рыси, надменно проезжающей через ворота совсем рядом! «Мать-Волчица! — растерянно успел подумать Хольм, прежде чем захлебнуться дивным ароматом. — Так же просто не бывает...»

Она пахла той самой чистой водой, утоляющей жажду не только тела, но и чего-то более глубокого, скрытого внутри каждого мужчины. А еще — зеленым лесным мхом, таким же мягким, как должны быть мягки ее волосы. И ягодами... Словно ела их совсем недавно, и не от этого ли четко очерченные пухлые губки такие розовые? «Земляника, — с удивившим его самого шальным восторгом подумал Хольм. — Она пахнет земляникой, или я не Волк, а мышь лесная. И еще чем-то...»

Сквозь чистые запахи леса, воды и ягод пробивался тончайший сладковатый аромат, коснувшийся чуткого нюха Хольма и вмиг заполнивший для него весь мир. Волк внутри него потянул носом и замер, не в силах оторвать взгляд от посланницы Рысего вождя, потому что понял — это ее собственный запах. И тут же увидел, как светловолосая и светлоглазая Рысь надменно и сердито сморщила носик, а ее ближайший спутник, рыжий и кареглазый, посмотрел на Хольма с плохо скрываемой неприязнью. Интересно, почему?

Впрочем, до чувств незнакомого Кота Хольму не было никакого дела, он так и продолжал бы жадно впитывать глазами и нюхом облик светленькой Рыси, но появился Брангард — и все испортил!

Для встречи гостей братец постарался! Шелк, золото, замша... Прямо не Волк, а ярмарочный леденец, блестящий и сладкий. Брангард всегда любил принарядиться, и обычно Хольму было все равно. Однако тогда, у клятых ворот, почему-то представилось, как славно было бы извалья младшего в ближайшей луже — вот прямо таким нарядным... И непременно на глазах у хорошенькой Рыси! Чтобы не смотрела на Брангарда, как ребенок на конфету.

Глупость какая... Непонятное раздражение на брата исчезло, смытое мгновенной виной — подобной пакостливости Хольм раньше за собой не замечал. Нет, Брангарда он бы по земле повалял с удовольствием, но как обычно, в честной братской потасовке, ради игры и удовольствия. А сейчас... будь он в волчьем облике — и шерсть бы поднялась на загривке!

Вот тогда Хольм и понял, почему отец велел ему не отлучаться из города надолго. Девушка из небольшого, но старинного и гордого клана, единственная дочь и наследница — даже самому дурному ежику ясно, что в гости к вождю Волков, у которого два сына, она приехала не просто так. Но этот восхищенный взгляд, которым она одарила Брангарда! Ну и зачем им Хольм тогда? Чтобы братец рядом с ним казался еще ярче, словно распустивший хвост фазан?

Стиснув зубы и отбросив занозой засевший в памяти образ, он не выдержал, все-таки посмотрел налево! Лестану от него полностью закрывал Брангард, но зрение сейчас ничего не значило. Хольму не нужно было их видеть, чтобы представить, как смешиваются два запаха: знакомый до последних ноток — Брангарда и то дивное благоухание, свежее, сладкое, дурманное, которым его на миг овевала светлоглазая Рысь — и забрала с собой. Внутренний волк Хольма не только шерсть вздыбил, но и клыки оскалил, пока еще только предупреждающе, но низкий рык уже рвался из самого нутра, предупреждая, что будет с тем, кто зашел в чужие владения.

«Ну что со мной творится, а? — безнадежно подумал Хольм — Не может ведь... Да нет, глупости какие! Она — Рысь. Высокомерная, брезгливая и надменная, как все Кошки. И, пожалуй, хорошо, что нежные взгляды она бросает на Брангарда — младший куда больше ей подходит, он тоже умеет пройти по грязи, не запачкав лап. Он умный, красивый, рожденный править... И воин отличный, мне ли не знать, если я сам его учил. Отличная пара для любой девушки. Только не для этой! Никто не имеет права смешивать с ней запах, глядеть так дерзко, прикасаться, быть рядом и звать ее зверя... Никто!»

Есть расхотелось окончательно. Хольм склонил голову над тарелкой, не замечая ничего вокруг, и вскинулся только, когда рыженькая Рысь, сидящая рядом, ловко выскользнула из-за стола. За Брангардом мелькнула зелень платья — Лестана тоже выходила. Чуткий слух Волка уловил девичье шушуканье. Ну, понятно, дело житейское...

Теперь, когда их не разделяла подруга Лестаны, Брангард кинул на Хольма испытующий взгляд. Наткнулся на его — мрачно-предупреждающий — и досадливо поморщился.

— Не вздумай ничего устроить, — сказал ему почти беззвучно одними губами и так же быстрым взглядом указал на полный зал гостей.

Само собой, перед чужаками нельзя показать даже тени сомнения, что семья вождя не едина! Мог

бы и не напоминать... наследничек...

Хольм в ответ раздраженно повел плечом, но больше ничего себе не позволил — и вправду не время. Однако это он понимал рассудком, а внутренний волк бесновался, просясь на волю и требуя догнать Лестану. Он ничего не сделает плохого, просто принюхается поближе! Лизнет нежную белую кожу запястья, почувствовав не только запах, но и вкус, ткнется носом в обтянутые замшевыми штанами колени... Впрочем, нет, сейчас она в платье! И это еще хуже, потому что мягкий бархат облегает ее так, что скулы сводит от желания провести по нему ладонями, чувствуя каждый изгиб стройного тела...

«Хватит! — прикрикнул сам на себя Хольм. — Ты ничего о ней не знаешь! Да, она красotka. И пахнет так, что голову сносит с плеч. И... И она не для тебя. Ее встречал Брангард! И она, только увидев его, расцвела, как весеннее дерево, а на тебя и тогда смотрела, и сейчас продолжает глядеть, как на дохлую жабу. Так что забудь и порадуйся за брата, слышишь?»

Но радоваться его волк не хотел. Он упрямо хотел только одного: прямо сейчас пойти по следу, такому явному и четкому следу дивного аромата. А найдя его источник, собирался пометить и присвоить, чтоб никто другой даже след лапы рядом оставить не посмел. Хоть в человеческом облике, хоть в зверином. Никто другой? Хольм вдруг заметил, что за столом не хватает еще нескольких гостей. Нахмурился, вспоминая, кто где сидел... Тренированная память услужливо подсунула образы, и его волк предупреждающе зарычал.

— Пойду прогуляюсь, — тихо сказал Хольм, вставая из-за стола. — Нет, Бран, я сам. Да успокойся ты, — добавил он, стараясь выглядеть не более мрачным, чем обычно — а то ведь его хорошее настроение насторожит братца еще быстрее, чем злость. — Просто воздухом подышу.

Он спокойно вышел из зала, но, оказавшись в коридоре, добавил шагу, ловя едва уловимую тень запаха Лестаны среди сотен других: знакомых и незнакомых оборотней, слуг-людей, вина и еды, горячего масла от светильников... Может быть, он ошибается и готов обляять ветер, словно глупый щенок, но лучше он побудет дураком, чем позволит случиться какой-нибудь гадости!

Глава 4

Между Волком и Медведем

— Простите, мы не знакомы, — сказала Лестана как можно спокойнее, но едва сдерживаясь, чтобы не кинуться наутек.

Бесполезно — догонит. Будь она в мягких охотничьих ботинках, можно было бы попробовать, но каблуки, длинное платье... А еще — Кайса, что вот-вот выйдет из уборной. Да и вообще, с какой стати убежать от незнакомца, пусть даже и Медведя? Ну и что, если у Рысей с ними давняя вражда, они ведь здесь тоже в гостях, не будет Медведь позориться на чужих землях неподобающим поведением, верно? Или... будет?

Он шагнул к ней еще раз, и Лестана поняла, что парень пьян. Не до такой степени, чтобы плохо стоять на ногах, но в самую опасную меру: когда тело еще слушается, горячая кровь требует охоты или драки, а вот разум... разум уже спит, он ведь у пьяных всегда засыпает первым — так учил ее отец.

— Значит, познакомимся, киска, — белозубо усмехнулся Медведь, медленно, напоказ протягивая к ней огромную ручищу.

Какой же он был здоровенный! Массивный, но не толстый, а весь бугрящийся мускулами. Светлая шелковая рубашка, залитая на груди вином, не скрывала их, а только сильнее подчеркивала, и Лестана показала себе крошечной рядом с этим гигантом. Он же выше головы на две! И плечи — как у... у медведя, вот именно! У Лестаны перехватило горло от ужаса, и теперь она даже на помощь не смогла бы позвать! Огромное тело Медведя заслонило спасительный вход во дворец, и теперь уже точно не выйдет ни увернуться, ни убежать...

— Я тебя не обижу, — насмешливо сказал он, жадно шаря по ней наглым взглядом, так что Лестана почти чувствовала мерзкие липкие прикосновения. — Все вы, Кошки, гордые, носы задираете... А прижмешь тебя крепче, так ласковая станешь, а? Ну, помурлыкай мне, лапочка! Ух, какая ты светленькая, мягонькая...

— Не смей... — все-таки выдавила Лестана, не веря, что это происходит именно с ней. — Я... я дочь Рассимора, наследница Рысей. Тронешь меня...

— И что? — расхохотался вдруг Медведь. — Кошка дурная, ты же сюда приехала замуж выходить, верно? Или ты женихам расскажешь, как в первый же день кинулась на заднем дворе с кем попало зажиматься? Кто тебе поверит, что ты не сама меня сюда позвала? Ну давай, не упрямясь! Расцелуй меня хорошенько, обними, а я никому не скажу...

— Отстань от нее! — послышался возмущенный голос Кайсы, и подружка оказалась рядом с Лестаной, пытаясь прикрыть ее собой. — Мы — гости Волков. Да они с тебя шкуру спустят, если в их доме...

Огромная рука Медведя с обманчивой легкостью поднялась лишь раз — и Кайса, вскрикнув, отлетела на траву.

— Кайса! — закричала Лестана вдруг пробившимся голосом и кинулась к подруге, но Медведь перехватил ее, прижал к себе, подняв, словно куклу, и прижался мерзким слюнявым ртом к ее щеке рядом с губами.

Кайса, перевернувшись, вскочила на ноги, одной рукой подбирая подол, а второй сжимая толстый короткий сук.

— Нет! — отчаянно крикнула Лестана, понимая, что храброй, но маленькой и тонкой подружке хватит еще одного удара, чтобы... — Беги! Позови...

Вонючая лапища зажала ей рот, Лестана яростно ее укусила, забыв про брезгливость и иступленно молясь, чтобы вот сейчас, прямо в этот миг суметь призвать зверя. Рысь ее спасла бы! Крепкие клыки, страшные когти — она бы вонзила их все в ненавистного врага, рвала его, кусала, и плевать на брезгливость! Вторая рука мяла ей грудь — Лестану никто никогда там не трогал! Стоило подумать, что она останется с Медведем наедине еще хоть несколько мгновений, пока Кайса не вернется с помощью... Ее чуть не вырвало, желудок сжался и подскочил к самому горлу...

Медведь, что-то рывкнув, убрал руку с ее лица, и Лестана почувствовала во рту соленый вкус чужой крови.

— Вот паскуда... — протянул он нехорошим голосом, не отпуская ее второй рукой, но тут Лестане показалось, что на нее сверху рухнул вихрь.

Тяжелый, плотный, мощный порыв ветра, что вырвал ее из мерзкого подобия объятий, но не отбросил, а мягко толкнул в сторону, позволив удержаться на ногах. Подскачившая Кайса оттащила ее еще на несколько шагов, обняла... А в нескольких шагах перед ними на траве катался огромный ком, в котором с трудом угадывались очертания двух тел! Вот он распался — противники оказались на ногах.

Один — огромный, страшный, с яростно раскрытым ртом. Он был так жуток, что у Лестаны снова перехватило дыхание, голос пропал, и она стиснула руку Кайсы, не в силах ни бежать, ни кричать.

Второй... Он был немного ниже Медведя и уже в плечах. Зато гораздо быстрее, потому что удары, которыми Медведь осыпал воздух, ни разу не достигли соперника. Тот словно танцевал перед верзилой, легко уклоняясь, а потом ринулся вперед — и оказался прямо перед ним. От удара в челюсть Медведь покачулся и тут же получил второй — ногой в живот. Согнулся, коротко и хрипло рыкнув, а противник беспощадно добавил ему кулаком по лицу — уже с другой стороны. Снова рыкнув, почти захрипев, Медведь повалился на землю, встал на четвереньки... Лестана услышала хруст, когда тот, второй, пнул Медведя по ребрам. И еще...

— Хватит... — всхлипнула она, испугавшись, что вот сейчас на ее глазах пьяного дурака и мерзавца просто забьют до смерти.

И пусть он заслужил наказание, но не такое же?!

— Пор-рву... — рыкнул ее спаситель жутким голосом, в котором ничего человеческого не было. — Гор-рло выр-рву... Тварр-р-рь...

— Хватит! — крикнула рядом с ней Кайса, но ее тоже не услышали.

Маленький двор вдруг заполнился шумом голосов, кто-то подскочил, принялся оттаскивать победителя от жертвы, и лишь тогда жуткое чудовище, что избивало поверженного Медведя, остановилось.

— Ну хватит, хватит... — спокойно повторял Брангард, придерживая его за плечи.

Оборотень раздраженно сбросил его руки и сделал шаг в сторону от скорчившегося на траве тела. На миг он замер, не оборачиваясь к ним, но похолодевшая от ужаса Лестана уже знала, чье лицо вот-вот увидит. Черные волосы, связанные в хвост, но растрепавшиеся в драке, синяя рубашка, рост...

Хольм все-таки повернулся к ним одним плавным звериным движением, и Лестана съежилась, так был страшен старший сын вождя Черных Волков. Горящие жутким желтым огнем глаза, в которых ничего не осталось от прежней синевы, искаженное оскаленными зубами лицо... Не лицо — почти морда... Лестана никогда не боялась зверей, ни диких, ни своих братьев в истинном облике, но этот полузвериный-получеловеческий вид испугал ее до темноты в глазах.

Он был страшнее Медведя! Тот — пьяный, наглый, мерзкий, но при взгляде на него Лестане не хотелось взлететь одним прыжком на вершину вяза и замереть там, вцепившись в ветку. Сердце ее стучало, вырываясь из груди, руки свело странной судорогой, она замотала головой в ответ на недоуменный взгляд Брангарда и бешеный, все еще звериный — Хольма.

— Госпожа Лестана, с вами все хорошо? — тихонько и очень ласково окликнул ее Брангард.

Несколько подоспевших Волков утащили безжизненно обмякшее тело Медведя, а Лестана, не в силах ни отвернуться, ни продолжать смотреть, пролепетала:

— Д-да... Я только... пусть он не подходит! — прорвались у нее все-таки рыдания. — Пожа-а-алуйста... пусть он...

— Он к вам больше не притронется, не бойтесь, — недоуменно сказал Брангард, но Лестана, помотав головой, кивком указала на Хольма, сгорбившегося, напряженного, хищно блестящего янтарными зрачками.

— Нет! Он... Пусть он уйдет...

Она подняла руку к уху, вдруг почувствовав резкую боль, — сережки не было. Это оказалось последней каплей. Долгий тяжелый день, разговор с Волчицей, потом пир, где все на нее смотрели, потом это... оказаться между Медведем и Волком, стать причиной драки... Они ведь за нее схлестнулись, как дикие звери за добычу! И еще подарок брата...

— Сережку потеряла... — расплакалась Лестана, и тут ее, наконец, обнял подбежавший Ивар, что-то гневно выговаривая Волкам.

Ему рассудительно и деловито отвечал Брангард, Кайса требовала поскорее увести Лестану в комнату, а ей было все равно, только очень холодно и страшно. Страшно, как никогда в жизни. А память жег бешеный волчий оскал на человеческом лице и такой же жуткий взгляд...

— Хольм!

Стук в дверь. И снова, уже с раздражением:

— Дапусти меня, дурень!

Судя по голосу, Брангард терял терпение, и Хольм, поморщившись, заставил себя сползти с постели, подойти и откинуть засов на двери. Если младшему брату что-то понадобилось, точно не уйдет, пока не получит желаемое.

— Ну? Чего тебе? — спросил он Брангарда, встав на пороге так, чтобы сразу стало ясно: дальше пройти не получится.

— Дура-а-ак... — приглядевшись к нему, протянул Брангард и вздохнул: — Впрочем, это не новость. Вот скажи, ты зачем этому Медведю челюсть свернул?

— Мало свернул, — буркнул Хольм. — Надо было сломать. И лапы заодно — чтоб не распускал.

— И шею, — подхватил Брангард, — чтоб не крутил головой, высматривая чужих девиц. Хольм, ты совсем сдурел? Он чужак. Если уж тебе так приперло его носом в землю натывать, надо было или на поединок звать, или бить по-тихому. Не у всех на глазах.

— Я же еще и виноват?! — возмутился Хольм. — Он ее напугал! Схватил...

Стоило только вспомнить — и кроваво-алая ярость снова застелила глаза, туманя рассудок. Чужак посмел посягнуть на Лестану! Его, Хольма, избранницу! Неважно, что думают об этом отец, Брангард, Сигрун и все остальные. Лестана будет принадлежать ему. И уж точно никто не посмеет не то что лапы к ней протянуть, а даже словом или взглядом оскорбить...

Он облизнул вмиг пересохшие губы, с пугающей ясностью вдруг поняв — хорошо, что Брангард оказался в том дворике. Иначе Медведь точно не ушел бы оттуда на своих ногах. В лучшем случае — его бы унесли всерьез покалеченным, как, впрочем, и случилось, а в худшем...

— Он ее напугал, — упрямо повторил Хольм, пытаясь скинуть злое наваждение, требующее вонзить клыки в горло обидчика, сломать толстую короткую шею, а потом швырнуть его тушу к ногам той, на которую мерзавец поднял руку. — И чуть не обесчестил! Я видел, как она отбивалась!

Брангард безнадежно махнул рукой.

— А ты напугал еще сильнее, — произнес он с бесконечным терпением. — Хольм, она не Волчица. Она к такому не привыкла, как ты не понимаешь? Вы ее оба напугали, только Медведя этого она больше не увидит, а ты останешься здесь, рядом.

— Я? — изумился Хольм, искренне не понимая, почему в голосе и взгляде брата такое осуждение. — Я ее защитил! А она...

Ярость ушла, схлынула, как волна, сменившись горькой обидой, что комом встала в горле. Он ведь избил Медведя, потому что тот обидел Лестану. Как она могла этого не понять? Любая Волчица на ее месте была бы счастлива, что стала причиной поединка! И гордилась, что обидчик наказан, а победитель ждет ее одобрения и благодарности. Хотя бы ласкового словечка, взгляда...

— Кстати, а где этот? — мрачно спросил он Брангарда, и брат как всегда понял с полуслова.

— Домой уедет. У него вдобавок к челюсти еще и ребра переломаны... Ты же пинаешься, как лось! Несколько дней отлежится, а как на ноги встанет — уберется подальше. Его спутники уже извинились перед отцом, у дочери Рассимора попросят прощения завтра. Нехорошо вышло, Хольм, отец долго ждал разговора с Медведями.

Да, ждал. И Брангард — Хольм знал — тоже много сделал для этого. С Медведями у Черных Волков зыбкий мир, настороженное уважение недавних врагов, которые пощелкали зубами, выдрали друг у друга по клоку шерсти и решили, что драка не принесет выгоды. А вот торговля — вполне. И выходит, что поступок Хольма склонил чашу весов в сторону Рысей, зато Медведям очень не понравится.

— Мне жаль, — еще мрачнее буркнул Хольм и тут же упрямо добавил: — Но этот пень мохнатый сам виноват.

Потому что случись то же самое с другой девушкой — не гостьей, не наследницей вождя, не...

Лестаной — и Хольм поступил бы точно так же. Нельзя обижать женщин, а вот набить наглую пьяную морду, распутившую лапы, это святой долг любого мужчины. Ну и удовольствие, чего уж отпираться. Хотя будь Медведь потрезвее и половчее, драка понравилась бы Хольму гораздо больше. Но все равно он был прав!

— Ладно, забудь, — хмыкнул Брангард. — Если все правильно обернуть, Медведи нам еще должны останутся. Девушку ему трогать не стоило. Я с них под это дело еще пару уступок стрясу. На вот, бери!

На ладони, протянутой Брангардом, блеснула искристая звезда. Бело-голубая, рассыпающая крошечные колкие лучики в свете лампы, висящей у двери Хольмовой комнаты. Сережка, мордочка рыси... Та самая, потерянная Лестаной. Хольм про нее забыл, а Брангард — он никогда ничего не забывает!

— Зачем? — зло спросил Хольм, вот теперь чувствуя себя дураком, ведь мог же поискать по запаху. Хотя тот и плохо держится на металле, но аромат Лестаны он бы уловил на чем угодно! — Ты нашел — ты и возвращай.

Брангард закатил глаза, сдавленно помянул Мать-Волчицу и тупой комок шерсти, доставшийся ему в братья неизвестно за что, снова заглянул Хольму в глаза.

— Она еще не спит, — сказал, старательно выговаривая слова, словно и правда разговаривал с полным болваном. — Придешь прямо сейчас, отдашь побрякушку, сделаешь глазки, как у щеночка, мол, не хотел вас испугать, прекрасная! Хольм, не будь бревном неотесанным! Рыси совсем не такие, как наши девушки, с ними ласково надо, мягкой лапой по шерсти...

— А еще хвостом повилать и пузо подставить? — понизив голос, прорычал Хольм. — Не много ли чести? Я ни в чем не виноват! Ну, разве в том, что хотел защитить одну красивую высокомерную дуру! Хочешь — сам к ней иди! Только не вздумай меня в это впутать, — поспешно добавил он, зная, что с многоумного Брангарда станет выступить чужим посланником. — Все, отстань, я спать хочу!

Толкнув брата в грудь, так что тот невольно сделал шаг назад, Хольм исхитрился захлопнуть дверь прямо перед его носом. Прислушался, готовый услышать в очередной раз, что он дурак, но в коридоре было тихо. Наверное, Брангард разозлился и ушел. Вот и хорошо! Вот и славно...

Вернувшись к постели, Хольм сел на нее и уставился куда-то ничего не видящими глазами. Перед его внутренним взором стояло искаженное испугом лицо девушки. Светлые глаза, растрепавшиеся прядки серебряных волос... Такая нежная, незащищенная... Как он мог ее напугать? Ведь не хотел же! Почему она не поняла? Почему испугалась его, защитника, больше, чем Медведя? Неужели она действительно такова, как он в сердцах бросил Брангарду? Нет, не может быть. И завтра он снова попытается с ней поговорить, только не присваивая чужих заслуг, вроде предложенной братом сережки, а честно, от души. Она должна понять, что Хольм чувствует. И если их звери потянутся друг к другу, даже гордая Рысь не сможет не признать, что это знак. Обещание того, что им суждено быть вместе.

Первую чашку горячего травяного отвара с медом Кайса влила в нее почти силой, поднеся к губам и то ласково уговаривая, то сердито называя дурочкой. Лестана выпила, стуча зубами о край, закуталась в теплое одеяло, сдернутое с кровати, и лишь тогда смогла удержать в руках вторую порцию. Пить уже не хотелось, но ледяной озноб не уходил, то и дело прокатываясь по телу мерзкой дрожью. Да что же это с ней такое!

— Ну что ты, солнышко?

Кайса тревожно заглянула ей в лицо, села рядом, обняла за плечи и тихонько спросила:

— Может, все-таки целителя позвать? Раз не помогает...

— П-помогает... — упрямо ответила Лестана, сжимая в ладонях горячую кружку. — Не надо целителя... Слухи пойдут!

И еще какие! Одно дело, когда все видели, что платье на ней не порвано, синяков нет, и вообще она всего лишь испугалась. И совсем другое, если позвать лекаря. Тут все мигом задумаются, что ей такого сделал Медведь. И напридумывают столько, что оправдываться потом будет бесполезно. Не поможет даже то, что Лестана все время была с подругой, ведь понятно, что та всеми силами будет ее выгораживать.

— Это да, — вздохнула Кайса, тоже наверняка подумав о том же самом. — Ничего, сейчас еще попьешь и согреешься. А нашим драгоценным хозяевам-Волкам я завтра много чего интересного скажу!

Глаза у Кайсы сердито сверкали, и будь подруга в истинном облике, сейчас топорщила бы каждую шерстинку, а кисточки на ушах распушились бы. Лестана невольно улыбнулась, представив, как маленькая Кайса, задрав голову, отчитывает здоровенных Волков, и поверила, что тем в самом деле достанется. Кайса, она такая, умеет насыпать колючек под хвост.

— Не надо, — тихо попросила она. — Они не виноваты. Везде может найтись мерзавец.

— Следить надо за такими чудищами, — хмуро сказала Кайса, — Ладно, что все обошлось. Если бы не твой Волчок...

— Он не мой! — вскинулась Лестана, едва сообразив, о ком говорит подруга. — С чего ты взяла?

— Ну не твой, так не твой, — погладила ее Кайса по голове, как ребенка. — Леста, милая, а если бы он хоть на несколько минут опоздал? Другие-то прибежали уже на шум. И если бы отбивать тебя не кинулся...

— Не напоминай, — поежилась Лестана.

Да, нехорошо вышло. Хольма она обидела зря. И с чего так испугалась? Ну, оборотень. Ну, увидела она его на половине превращения. Дома сколько раз это видела — и даже не думала пугаться. Правда, только у отца, матушки и Ивара. Да еще у Кайсы, но это не в счет: Кайса в зверином облике невозможно хорошенькая, ее не бояться хочется, а затискать. Может, все дело в том, что к Волкам она просто не привыкла? Или в ярости, что звучала в голосе Хольма? Она ведь и правда поверила, что Волк убьет ее обидчика. Загрызет прямо там. И загрыз бы, не вмешайся Брангард!

О, теперь она понимала Сигрун, которая называла пасынка чудовищем. Еще немного — и Хольм точно превратился бы окончательно, а это значит, что не он владеет истинным обликом своего зверя, а зверь — им. Как только у Брангарда хватило храбрости его оттащить! Ведь зверь забывает почти все, что связывает его с человеческим миром, только опытные и хорошо владеющие собой оборотни по ту сторону превращения помнят, кто они, узнают родных и друзей. А уж в ярости...

Она опять поежилась, отпила уже остывающего отвара, и тут в дверь постучали.

— Надеюсь, это кто-то из хозяев, — хищно прищурилась Кайса. — У меня как раз подходящее настроение!

Но в дверь заглянул Ивар, а потом и вошел, тревожно глядя на Лестану.

— Как ты, сестренка?

Он присел на край кровати с другой стороны, погладил Лестану по плечу, и она почувствовала, что окружена теплом со всех сторон.

— Я говорил с вождем, — сказал Ивар. — Он принес извинения. И Медведи тоже просили передать, что сожалеют. Это младший племянник их вождя, он впервые выехал за пределы земель клана. Выпил лишнего, потерял голову от твоей красоты...

— Лучше бы он кое-что другое потерял, — сердито вставила Кайса, забирая у Лестаны опустевшую чашку. — Или вообще дома оставил. Может, тогда головой думал бы, а не этим кое-чем. Надеюсь, он уедет, как только сможет?

— Уедет, — кивнул Ивар и добавил чуть изменившимся тоном: — Леста, но тебе тоже нужно быть осторожнее. По твоему поведению судят обо всех Рысях.

— Что?

Сначала она не поверила своим ушам: как Ивар вообще мог сказать подобное? Потом едва не разозлилась, но на злость сил уже не было, да и две чашки успокаивающего отвара сделали свое дело, Лестана смогла только изумленно выдохнуть:

— Это я, по-твоему, виновата?

— Ивар, да ты рехнулся! — рывкнула Кайса, уперев руки в бока и зло на него уставившись. — С дуба головой недавно не падал? А похоже! Нам что, до уборной надо было идти с охраной? Мы в гостях или где? Как у тебя язык поворачивается упрекать Лестану? Она этого Медведя в глаза не видела, пока он откуда-то не вылез! Думай, что говоришь! А то получается, что это не он виноват, а мы?

— Тихо-тихо... — Ивар примиряюще поднял ладонь. — Кайса, не кричи! Ничего такого я сказать не хотел. Леста, прости. Я ведь тоже за тебя испугался. Ну прости, сестренка...

Он погладил ее по голове, заправил прядь расплетенных волос за ухо и растерянно спросил:

— А где сережки? Они тебе разонравились?

— Потеряла одну, — буркнула Кайса, ставя чашку на стол. — Ты же там был, не слышал?

— Я велю поискать, — нахмурился Ивар.

Лестана высвободила руку из одеяла, щелкнула застежкой оставшейся серьги и с грустью посмотрела на кошачью мордочку.

— Потом надену, — сказала она виновато. — Не носить же без пары. А если вторая не найдется, велю из этой кулон сделать. Кайса, возьми.

И пока подруга бережно убирала драгоценную сережку в шкатулку на столе, повернулась к Ивару.

— Поговорить надо, братец.

— Сейчас? — Ивар удивленно приподнял брови и вдруг насторожился: — Леста... что-то случилось? Этот Медведь...

— Дурак! — обиделась Лестана. — Ивар, ты точно с дуба упал и не на лапы приземлился, а головой. Нет, это другое. Кайса, не уходи! — окликнула она собравшуюся оставить их вдвоем подругу. — Мне совет нужен. Очень...

Рассказывать о предложении Сигрун оказалось неожиданно сложно. Лестана даже зажмурилась в самом неприятном месте, когда объясняла, что выбора Волчица ей на самом деле не дала. Не может она всерьез предложить Лестане выйти за Хольма! Но и остаться у Волков женой Брангарда — это тоже не выход.

— Вот сука хитрая! — со злым одобрением отозвалась Кайса. — Все продумала! Леста, милая, успокойся. Вывернемся как-нибудь!

Ивар молчал, и, глядя на его хмурое озабоченное лицо, Лестана покачала головой.

— Что тут придумаешь, Кайса? — с тихим отчаянием спросила она. — Лучше в омут с камнем на шее, чем замуж за Хольма. Он... я его боюсь, понимаешь? Он только глянет — у меня мурашки бегут и уши прижимаются! Он... зверь!

— Так мы все звери, — рассудительно сказала Кайса. — Подумаешь! Ну ладно-ладно, успокойся, лапочка. За Хольма ты не хочешь, я поняла. А за Брангарда?

Лестана сцепила перед собой согревшиеся наконец-то ладони и кивнула.

— За него — да! — выдохнула она, умоляюще посмотрев на Кайсу, но подруга, уяснив, что дело серьезно, даже не думала насмешничать.

— Но не оставаться же тебе здесь, — протянула она задумчиво. — Слишком жирно этим Волкам будет. Ивар, а ты что молчишь? Кто у нас тут советник Лестаны?!

— Я думаю, — огрызнулся Ивар и устало потер пальцами виски. — Леста, как полагаешь, она не изменит своего мнения?

Лестана обреченно покачала головой.

— Может, посватать Волкам другую невесту? — неуверенно предложил он. — Дочь кого-нибудь из советников отца... Да нет, теперь это покажется оскорблением. Раньше надо было, но кто знал?

— Раньше условия были другие, — измученно сказала Лестана, в самом деле не видя никакого выхода. — Волки обещали отдать сына вождя нам. Только я видела те письма, там так все составлено, что не подкопаться. Это Сигрун, поклясться могу! А если отказаться, они... просто не подпишут договор. Я не могу вернуться без договора! Этот союз нам гораздо нужнее, чем им!

— Придумаем что-нибудь!

Ивар поднялся с постели, взглянул на Лестану с жалостью и уронил:

— Спи, сестренка, все будет хорошо. Да поможет Мать-Рысь нам с верным решением.

Когда он вышел, Лестана обняла колени, укрытые покрывалом, опустила на них подбородок. Весь этот бесконечный день навалился на нее свинцовой тяжестью. Утренние встречи, разговор с Сигрун, пир и все, что было потом... словно утром в ворота Волчьего городища въехала совсем другая Лестана! Гордая и смелая наследница вождя, знающая, что ее дорога прямо и честно ведет к выполнению долга. А теперь все так сложно!

— Я не справлюсь, — всхлипнула она, пряча лицо. — Я подведу отца, Кайса! Меня послали, чтобы спасти Рысей, а я их уже опозорила! Нельзя было доводить с Медведем до драки... Ивар прав, это из-за меня! Я должна была подумать, что нельзя ходить по незнакомому месту только вдвоем. И Сигрун... Почему я не смогла ее осадить? Почему не нашла нужные слова? Отец бы смог! Даже Ивар бы смог, наверное, он умный и осторожный. А я... я не справилась...

Она рыдала взахлеб, выплакивая запоздалый страх и унижительную слабость. Что толку с детства учиться править, если при первом столкновении с грубой силой все твоё умение договариваться ничего не значит? Если в этом диком мире по-прежнему решают не слова, а крепкие кулаки, зубы и сталь? Если нечем ответить на чужую хитрость, а дома ждут, что ты оправдаешь возложенные на тебя надежды и вернешься с помощью...

Хольм или Брангард? К Брангарду тянулись и разум ее, и душа. Он умный, красивый, храбрый... Он будет отличным consortом, когда она станет правительницей клана! Но остаться ради него в этом жутком Волчьем городе? Где она чужая и никогда не станет своей, что бы ни говорила Сигрун? А подумать о браке с Хольмом вовсе невозможно! Синеглазый Волк пугает ее до дрожи и отвращения. Будь она настоящей рысью, шипела бы и скалилась при одном воспоминании, не говоря уж о взгляде на него. И позволить ему хотя бы прикоснуться?!

— Ложись-ка ты спать, пушистая моя, — решительно сказала Кайса, поправляя ее покрывало. — Давай-давай. Помнишь, как матушка говорила? «Ночь заботы разгоняет, силы щедро прибавляет. Утром прочь она уйдет и дурное заберет...» Спи, завтра будем думать!

Лестана послушно опустилась на подушку, закрыла глаза, повторяя нехитрую колыбельную, которой матушка баюкала и ее, и осиротевшую Кайсу, ставшую Лестане лучшей подругой. Сон навалился теплой душной пеленой, как меховое одеяло. Или как что-то живое тепло, укрывшее ее с головы до ног. Мягкое, с густым коротким мехом, пахнущее знакомо и восхитительно... Но что это за запах, она так и не смогла понять, хотя ей хватило одного вдоха, чтобы успокоиться и почувствовать себя совершенно защищенной и любимой.

Глава 5

Чужие разговоры

Утро для Хольма началось с драки. Правда, чужой. Не успел он выйти во внутренний двор, чтобы размяться перед завтраком, как едва не споткнулся о двух катающихся по утопанной земле Волков. Пригляделся, хмыкнул. Волки оказались из младшей дружины, новички, Хольм взял их только этой весной. Крепкие парни, и с оружием хороши, но головы горячие. Куда горячее, чем у него самого, а это о чем-то говорит.

Подойдя к бочке с водой, предусмотрительно поставленной у стены, он набрал ведро, вернулся к драчунам и выплеснул его разом на обоих. Ухмыльнулся, слушая брань, а потом Волки встали с земли, мокрые, взъерошенные и зло смотрящие исподлобья. Теперь уже на него, а не один на другого. Это хорошо... Значит, не всерьез дрались.

— За что грызетесь? — поинтересовался Хольм, будто не замечая сжавшихся кулаков и сузившихся глаз. — Повод хоть достойный?

— Наше дело, — буркнул мрачный, как грозовая туча, Рогволд, утирая кровь из разбитого носа.

— Сами разберемся, — поддержал его Лейв, у которого на скуле стремительно набухал кровоподтек.

— Ваши личные дела кончились там, где началась дружина! — рыкнул Хольм. — Вам, щенкам дурным, в бой вместе ходить. Останется такое вот дело не решенным, а потом друг другу спину доверить не сможете. Последний раз спрашиваю, за что грызня? Если причина стоящая, зовите один другого в круг, но как положено. А если просто лапы чешутся и морда кулака просит, я вам это и так устрою. Ну?

Еще несколько мгновений они продержались, потом отвели взгляд, не решаясь бросить вызов. Рогволд осторожно потрогал распухший нос, наливающийся синевой, Лейв чуть виновато покосился в ту сторону.

— Да не бери в голову, вожак, — неловко сказал он. — Ничего такого... Из-за девчонки сцепились. Этой... Рыси...

— Из-за кого?! — услышал Хольм собственный голос будто со стороны.

Что-то такое, видно, проступило у него на лице, потому что оба Волка глянули недоуменно и опасно.

— Из-за Рыси, — подтвердил Рогволд. — Ну, той, что с наследницей приехала. Подружка ее, маленькая такая! Ры-ы-жая...

И мечтательно расплылся в улыбке, шмыгая окровавленным сизым носом.

Подружка? Так они не о Лестане?! Он совсем забыл, что в посольстве она не единственная девушка. Точнее, даже не подумал, что можно заметить кого-то другого! Хольм глубоко вдохнул прохладный утренний воздух и выдохнул, успокаиваясь. А еще парней дураками про себя назвал. Стоило сообразить, что вряд ли они посмеют даже носом повести в сторону наследницы клана. Что ж, если эти двое решили приударить за рыженькой Рысью, Мать-Волчица им в помощь! Но надо присмотреть, чтобы осторожнее ухаживали. После вчерашнего.

— Лапы при себе держите, — хмуро предупредил он. — А то пообрываю. Рыси и так думают, что мы тут все дикие, не знаем, какой стороной шкуру на себя надеть. Так что не позорьтесь, вежливо ухаживайте.

— Да куда вежливее! — хмыкнул Лейв, на глазах веселея. — Вон, как раз решали, кто ее на ярмарку пригласит со всем почтением. Почти решили...

— Дорешались? — ехидно спросил Хольм. — Теперь к девчонке с битыми мордами пойдете? Даже не знаю, захочет ли она рядом с такими горе-бойцами позориться?

Судя по вытянувшимся физиономиям, подобная простая мысль этим двоим в голову не пришла. Иначе, наверное, заранее договорились бы по роже не бить... Окинув их снисходительным взглядом, Хольм пошел к стойке с оружием, закрепленной под навесом, но передумал. Помахать мечом он всегда успеет, а сегодня нужно обязательно поймать отца и поговорить с ним о Лестане. Да и за вчерашнее хорошо бы извиниться. Если бы он умел в подобные минуты думать расчетливо и хладнокровно как Брангард! Или работать языком хотя бы вполтину так же быстро, как мечом и кулаками.

При мысли о Брангарде на сердце снова стало тяжело. Хольм привык верить брату во всем, даже когда Сигрун изо всех сил пыталась их посорить. Брану это самому было не по душе, он мрачнел и пытался остановить мать, но та не желала ничего слышать, почему-то раз и навсегда решив, что Хольм мечтает стать вождем. Может, он и дурень, но не настолько! Его место — во главе дружины, там он знает, что делать, и даже старшие воины, признавшие Хольма предводителем, его слушаются. А Сигрун и в этом видит подтверждение, что Хольм рвется к власти!

Теперь она замыслила прибрать к рукам Лестану, выдав ее за Брангарда. Для Черных Волков это прямая выгода, породниться с Рысями — честь для молодого клана. И Рысям хорошо, волчи мечи надежно прикроют их от Медведей. А главное, Лестане Брангард по сердцу, видно же! Рядом с ним она так и светится...

Хольм стиснул зубы, уговаривая себя не злиться на брата. Брангард играет честно, он вчера принес ему сережку Лестаны, хотя мог отдать сам. Да и должен был, вообще-то! Если бы у Хольма появилась такая возможность сделать девушке приятное, он бы в нее вцепился всей пастью. А Брангард... Неужели ему и правда не нужна Лестана? Или он просто хочет, чтобы Хольм уехал к Рысям и вечные раздоры в доме прекратились?

Мать-Волчица, как же все это сложно! Мерзко думать, что твоя семья решила от тебя избавиться, потому что ты не нужен. Слишком дикий, как говорит Сигрун. Слишком опасный — а ведь он всегда считал, что это похвала. Слишком страшный — и вчера Хольм увидел подтверждение этого в испуганных глазах Лестаны.

Прежде чем вернуться в свою комнату, он заглянул в купальню и с удовольствием облился прохладной водой. Зря Брангард над ним вчера посмеялся, мыться Хольм любил. В походе это роскошь, да и в лесу не всегда можно отыскать подходящий ручей. Но если уж он добирался до реки, то мог плавать часами. Волки — чистоплотные звери, хоть и совсем иначе, чем Рыси.

Одежду он тоже сменил, хоть и понимал, что с нарядами Брангарда тягаться бесполезно. Младший одевается на зависть любой девице, а на Хольме только доспех сидит как влитой. Но Волчицы никогда не ставили ему это в укор!

В дверь постучали, когда Хольм пытался прикинуть, какой пояс подойдет к новой черной рубашке и очень ли заметно, что она несколько месяцев пролежала в сундуке сложенной. И как он вообще должен подходить?! Ясно только, что любимый кожаный ремень слишком потертый, краска с него давно слезла от дождей и солнца. Покопавшись в том же сундуке, где умещалась вся его одежда, Хольм отыскал второй пояс, подаренный Брангардом и ни разу не надетый. Но на красивом ремешке с чеканными серебряными бляшками не нашлось крючков для ножен. Ну кто делает мужской пояс без крепления для оружия?! И кто такое носит? Правильно, только его дорогой братец...

В дверь опять настойчиво забарабанили.

— Чего надо? — мрачно спросил Хольм.

— Господин Брангард велел передать, что гости едут к Лунному источнику, — послышалось из-за двери. — Если вы с ними, так поторопитесь!

К источнику! Без него! Помянув сквозь зубы Мать-Волчицу и ее хвост, Хольм захлестнул на себе привычный ремень, щелкнув пряжкой и уже не думая, подходит он к чему-то или нет. Быстро, как по тревоге, натянул сапоги, благо носил походные, скроенные без различия правой и левой ноги. И вылетел из комнаты, на ходу цепляя к поясу меч. Не то чтобы он кого-то опасался во владениях Черных Волков, а Лунный источник от города всего в часе езды, но без оружия чувствовал себя хуже, чем голым.

Гости уже садились на лошадей... Лестана со своей рыжей подругой, ее брат и пара Котов. А еще Брангард и два Волка из его охраны, приставленной Сигрун. В седле были все, кроме Брангарда, тот гладил по морде свою кобылу и что-то оживленно объяснял брату Лестане, то и дело указывая на дворец. Красовался, как фазан!

Но уже в следующее мгновение Хольм устыдился, потому что при виде него в глазах Брангарда появилось явное облегчение, и братец быстро завершил рассказ. Время тянул! Ну точно, вон как нахмурилась госпожа Сигрун, вышедшая проводить сына и Рысей. Мачеха сладко улыбалась с крыльца, причем вполне искренне — ровно до того момента, как увидела Хольма. Как только Бран умудрился при ней кого-то послать с известием?

— А вот и мой дорогой брат! — провозгласил Брангард и кивнул Хольму на последнюю оседланную лошадь рядом с собой. — Ты ведь с нами?

В глазах Сигрун, поджавшей губы и еще сильнее выпрямившейся, вспыхнула злость. На Хольма она метнула один-единственный взгляд, но можно не сомневаться: после возвращения домой Брангарда

ожидает нешуточная гроза. И снова Хольм задумался, что же творит хитроумный младший?

Он молча вскочил в седло, всей своей волчьей сутью ощущая, что Лестана совсем рядом. Правда, между нею и Хольмом — Брангард. Но все равно это так близко, что сердце замирает, а чутье напрягается, стараясь уловить нежный запах ее волос. Можжевельная хвоя и земляника. И неуловимо тонкий сладкий аромат самой Лестаны... Хольму нестерпимо захотелось облизнуться, но он сдержался, конечно, только покосился туда, где за крепкими плечами Брангарда мелькала серебристая головка с уложенной венцом косой. Может, в дороге будет случай поговорить?

Когда служанка принесла завтрак в комнату и передала, что младший сын вождя зовет госпожу со спутниками на прогулку, Лестана готова была прыгать от счастья, как играющий котенок! Кайса только головой покачала и достала одежду для верховой езды.

Потом, глядя на Лестану, торопливо жующую творожную лепешку, подруга не удержалась и все-таки спросила:

— Ну и что будешь делать, если матушка твое сокровище от юбки не отпустит?

Мягкая и теплая, только из печи, лепешка едва не встала у Лестаны в горле. Она глотнула молока из глиняного стакана — у них в Арзине из таких пили разве что крестьяне — и с трудом проглотила показавшееся безвкусным тесто.

— Не знаю, — сказала тихо, сразу потеряв желание есть. — Кайса, я не знаю, что мне делать... Он ведь тоже не может бросить клан. Как я могу потребовать, чтобы он нарушил родительскую волю? Да и... не сумасшедший же он. Оставить родной город, где он сын вождя и наследник, ради... Ради чего?

— Ради тебя? — подсказала Кайса, глядя на нее с откровенной жалостью. — Леста, ну ты же видишь, какие они разные. Твой Брангард с Рысями точно уживется, он сам словно кот холеный. Лапы мягкие, шерсть бархатная, а уж мурчит! И не скажешь, что Волк. А Хольм — он другой. В Арзине ему такой воли не будет, разве что на границу от тебя сбежит. Не той он породы, чтобы на цепи сидеть...

— А что Хольм? — вспыхнула Лестана, вскакивая из-за стола и ожесточенно стаскивая платье, чтобы переодеться в замшевую курточку и штаны. — Он дикарь! Я и не собираюсь его никуда забирать! Меня послали за супругом, а не за... зверем!

— Этот зверь вчера бросился на твою защиту, — упрямо продолжала Кайса, тоже принявшись переодеваться. — Леста, ну ты же не дура, а творишь глупости. Хоть бы его поблагодарила!

— За что? — с тихой злостью отозвалась Лестана, понимая, что не права, но тоже заупрямившись. — Мы гости Волков, он обязан был нас защищать. Думаешь, если бы Брангард появился первым, то остался бы в стороне? Слышать ничего не хочу о Хольме! Он... страшный!

Кайса снова покачала головой, глядя на нее с выражением, о котором Лестана предпочла не думать, чтобы не обидеться на подругу. Конечно, та желает лишь добра, но как она не поймет? Нельзя даже думать о браке с тем, кого боишься! Да, разумеется, она поблагодарит Хольма. И постарается держаться от него как можно дальше!

Натянув сапожки для верховой езды, Лестана закрутила косу вокруг головы и закрепила ее шпильками. Глянула в зеркало, поставленное домовитой Кайсой на сундук у стены. Вчерашняя бледность прошла, сегодня Лестана чувствовала себя здоровой и готовой к любым испытаниям. Интересно, Брангарду нравятся девушки в штанах?

В щеки бросилась кровь при мысли, что вчера он мог не рассмотреть ее фигуру, да и одежда была пыльная. А сегодня... Она крутнулась, пытаясь разглядеть в небольшом зеркале, как облегает ее вычищенная прислугой Волков золотистая замша.

— Да хороша, хороша, — ворчливо отозвалась Кайса, тоже обуваясь. — Пойдем уж!

Ивар уже ждал их во дворе вместе с Альмом и Ронаном, парой воинов из отряда. А рядом... Сердце Лестаны сладко заныло, когда Брангард шагнул к ним навстречу и учтиво поклонился. Вспыхнув, она улыбнулась в ответ. Ивар же слегка нахмурился.

— Сережка так и не нашлась?

— Новые на двадцать лет сестре подаришь, — задорно отозвалась Кайса, а Лестана чуть качнула головой.

Любимых кошек-сережек действительно было жаль до слез, она не носила в ушах ничего, кроме них.

— Кстати, о сережках! Нам очень жаль, что в нашем доме с госпожой Лестаной случилась такая неприятность, — сказал Брангард. — Если прекрасная Лестана позволит сделать ей небольшой подарок... в знак уважения!

Он протянул небольшую коробочку из полированного дерева, и Ивар снова нахмурился.

— Не знаю, удобно ли... — протянул он.

Рассудком Лестана понимала, что двоюродный братец прав. Пока договор не заключен, принимать подарки не стоит. Вот если бы Брангард уже был ее женихом!

— Пустое, дорогой Ивар, — слышалось с высокого крыльца, и Лестана увидела на нем статную фигуру госпожи Волчицы. — Нам тоже неловко, что милую гостью обидели. Брангард сам выбирал ей подарок, но если так будет приличнее, сделаем вид, что он от меня.

И она со значением улыбнулась еще сильнее покрасневшей Лестане, у которой теперь не было никакой возможности отказаться. Взяв коробочку, Лестана открыла ее и тихонько ахнула от восхищения. Два серебряных цветка, усыпанных бриллиантами, сверкнули на утреннем солнце разноцветной россыпью искр. В середине каждого нежно белела крупная жемчужина, и Лестана сразу узнала работу Барсуков. Может быть, это тот самый мастер, у которого Ивар заказывал ей подарок? Неважно! Серьги чудесны. И если Брангард в самом деле выбирал их сам... Хотя от него она взяла бы любую дешевую безделушку! С радостью!

— Принимаю с благодарностью, — тихо сказала она.

Приличия требовали забрать подарок в комнату и надеть его потом, но Лестана чуть ли не впервые в жизни решила пренебречь этикетом. Под неодобрительным взглядом Ивара она взяла из коробочки сияющее чудо, и серьги прильнули к мочкам ушей так, словно были там всегда.

— Госпожа Лестана, вы прекрасны, — поклонился Брангард.

Под его восхищенным, но учтивым взглядом Лестане показалось, что она тает. Она всегда думала, что это девичьи выдумки! Ну разве можно так забыть гордость, чтобы греться в мужском внимании, словно кошка на солнце? А оказалось — бывает!

И все было бы хорошо, не появись Хольм! Ну зачем только Брангард задержался, рассказывая Ивару, как именно перестраивали дворец после пожара несколько лет назад?!

Лестана тяжело вздохнула, смиряясь с тем, что Брангард, похоже, очень любит своего брата...

Дорога к Лунному источнику оказалась чудесна. Она вилась по склону невысокой горы, широкая как раз настолько, чтобы две лошади спокойно шли рядом, но для третьей места уже не было. И конечно, Лестана с Брангардом ехали впереди. Второй парой оказались Хольм и Ивар, но если братец рассчитывал на интересный разговор с Волком, то просчитался. Всю дорогу Хольм молчал, и Лестана спиной чувствовала его напряженный взгляд, от которого между лопатками чесалось и невыносимо хотелось передернуться. Брангард опять был любезен за обоих, рассказывая о местном храме Луны, который возвели на самой вершине горы у священного источника.

Лестана слушала, но не столько плавно льющееся повествование, сколько голос Волка, мягкий, действительно мурлыкающий, как сказала Кайса. Даже в этом он полностью подходит ей, прирожденной Рыси! А Хольм молчал, и это казалось угрозой большей, чем любой гнев, выраженный словами.

Вершина горы открылась перед ними неожиданно. Только что перед глазами еще мелькал склон — и вот он резко оборвался, а из-за деревьев проступило что-то серое, гладкое... Лестана привыкла к ажурным нарядным храмам Арзина, словно выточенным из мраморного кружева, и не сразу поняла, что серая громада и есть святилище. Что ж, иного в этом диком краю было бы странно ожидать. Волки-воины спешили первыми и приняли поводья гостей. Брангард подал руку Лестане, немного опередив Ивара, и их ладони соприкоснулись — Лестану снова бросило в жар, но не болезненный, а приятный, сладкий.

Она улыбнулась Брангарду... И тут же словно ударил порыв холодного ветра — Лестана встретила взгляд Хольма. Синеглазый Волк стоял, уронив руку на меч, будто ждал нападения, всем видом источая холодную злость. И слова благодарности, приготовленные для него, замерли у Лестаны на губах, захотелось поежиться, отступить, укрыться за Брангардом, а для верности еще и остальных спутников оставить между собой и... этим. Да что же с нею такое! Ну почему она боится того, кто ничего плохого ей пока не сделал?! И как это отвратительно — бояться!

Поспешно отвернувшись, Лестана подошла к источнику, бьющему из расщелины небольшой скалы. Поляна была почти полностью окружена деревьями, а вода источника по выложенному камнями руслу огибала храм и ручьем спускалась куда-то вниз по другому склону.

Последовав за ней, Лестана тоже обошла храм и замерла. Немного ниже склон горы переходил в плато, на котором раскинулась чаша небольшого, но чистейшего озера. К нему вела лестница из широких каменных ступеней, а рядом с нею тек ручей, как раз наполнявший озерную чашу.

— Слезы Луны, так мы его зовем, — негромко сказал Брангард, останавливаясь рядом с ней в начале лестницы. — Если у вас есть заветное желание, госпожа Лестана, прошепчите его этой воде, зачерпните ладонями, выпейте и оставьте подарок. Наши девушки дарят Луне прядь своих волос... Вон, видите?

Между вершиной горы и озером росло несколько пышных кустов, и, приглядевшись, Лестана увидела, что на их ветвях развевается от ветра то, что ей показалось диковинным мхом. Длинные пряди, чаще всего черные, но были среди них и светлые, и рыжие...

— Хочу! — сказала она решительно. — Кайса, ты пойдешь?

Она вытащила шпильки, и освобожденная коса тяжело упала на плечи, а Лестана принялась ее расплетать.

— Да кто же так режет? — взвыла Кайса, когда Лестана отхватила с виска толстенькую прядь взятым у Ивара ножом. — Как я тебя заплетать буду? У-у-у-у...

Пока она примерялась к своим волосам, Лестана сбегала по ступеням, остановившись у самой воды. Зеркальная гладь отражала часть солнечных лучей, но глубина озера казалась бездонной, а еще здесь было гораздо холоднее, словно Лестана спустилась в подвал-ледник.

Озеро словно ждало чего-то, и Лестана встала на колени прямо на последнюю каменную плиту. Что же просить? В растерянности она поняла, что еще недавно у нее было только одно самое важное и заветное желание — призвать зверя и стать наконец полноценной Рысью! А теперь... Она едва не оглянулась туда, где наверху остались стоять ее спутники, но сдержалась. Долг или любовь? Ее внутренний зверь или Брангард?

«Луна-прародительница! — отчаянно взмолилась Лестана. — Ты ведь понимаешь, это я не от жадности! Пожалуйста, если можно, исполни оба моих желания! Я хочу стать настоящей Рысью, как все мои предки! И хочу любви и быть любимой в ответ! Прошу тебя... Но если... Если желание должно быть только одно, пусть я никогда не стану Рысью, только бы мой будущий муж любил меня и такой».

Ей показалось, что поверхность озера дрогнула, но это просто прошла рябь от ветерка. Лестана зачерпнула сложенными ладонями воду и чуть не вскрикнула — такой ледяной она была. Торопливо отпила, глотая обжигающую холодом влагу, на миг зажмурилась... А потом, вскочив, так же быстро побежала вверх, по пути остановившись и привязав длинную светлую прядь волос на свободную ветку куста.

Пока к озеру спускалась Кайса, Лестана снова заплела косу, стараясь ни на кого не глядеть. Щеки пылали, но внутри крепла странная уверенность, что она все сделала верно. Правда... наверное, стоило просить в мужа именно Брангарда, но Луна ведь и так видит, кого Лестана любит? Да, уже любит! Всем сердцем!

В город они вернулись только к обеду. Хольм, оставшийся без завтрака, уже готов был прямо в лесу перекинуться и поймать какую-нибудь мелочь, чтобы перекусить, но остановило, что Лестана и так считает его слишком зверем. Странно, она ведь сама — Рысь, воплощение хищности! Неужели не любит охоту? Жаркое упоительное чувство, когда мчишься по лесу, упруго отталкиваясь лапами и наслаждаясь послушным сильным телом... Это почти так же прекрасно, как быть с женщиной!

Он сильнее сжал в ладони поводья, вдруг поймав себя на простой мысли, которая на миг выбила дыхание, оглушила и заставила забыть все остальное. А был ли у Лестаны когда-нибудь возлюбленный?!

Светловолосая Рысь держалась так скромно и гордо, что ему в голову как-то не пришло... А ведь если она выбирает жениха, значит, еще свободна? Ни одна Волчица не согласилась бы выйти за нелюбимого, если уже отдала кому-то сердце. Это противно самой женской природе! Всякий знает, что лишь в любви рождаются сильные здоровые дети, наделенные даром двойного облика... Нет, если бы у Лестаны кто-то был дома, вождь Рассимор не стал бы принуждать ее к браку. Или... Мог ли он решить, что союз с Черными Волками важнее счастья дочери?

Хольм оглянулся на Лестану, снова едущую рядом с Брангардом, и разозлился на себя за глупые сомнения. Какая разница, что было раньше, если сейчас она выбрала его брата?! Ему, Хольму, она после вчерашнего слова сказать не хочет, а стоит глянуть в ее сторону — разве что не шарахается, как пугливый зайчонок. Все ее улыбки и взгляды — для Брангарда! И румянец на щеках, и короткая прядь обрезанных волос, которую Лестана, словно забывшись, потрогала рукой, когда младший придержал слишком сильно наклонившуюся над тропой ветку, чтобы Рысь могла под ней

проехать...

Значит... Все потеряно? Как бы ни пытался младший уравнивать их возможности, но если девушка уже решила, кто ей нужен, хоть наизнанку вывернись — не поможет! И стоит ли унижаться, прося любви той, кто тебя так старательно не замечает? Осознание этого накатило такой болью, словно Хольма саданули под дых сапогом, но он стиснул зубы и послал лошадь вперед, оторвавшись от отряда и спиной чувствуя взгляды.

Его никто не окликнул, и это окончательно убедило Хольма, что он прав. Наверное, Лестана еще и вздохнула с облегчением, когда рядом остался только Брангард!

Узкая горная тропа сама стелилась под копыта лошади. Хольм доехал до незаметной развилки, которую мог разглядеть только тот, кто о ней знал, и свернул, сократив путь до подножья горы во много раз. Пришлось, правда, ехать по лесу, кое-где пробираясь между зарослями боярышника, вставшего густой стеной. Зато он остановился у ручья, вдоволь напился и долго бросал ледяную воду, едва заметно пахнущую земляникой, в пылающее лицо. Помогло не слишком, но хотя бы расхотелось остаток дня провести в волчьем облике. Хватит уже веселиться, дома забот полно!

Завтра начинается Большая Летняя Ярмарка, и хотя все торговые дела на Брангарде, у дружины, за которую отвечает Хольм, тоже горячие дни. Нужно следить за порядком, не допуская, чтобы гости передрались друг с другом или с хозяевами. Разнимать захмелевших спорщиков и умирять слишком буйных...

А еще нужно прикупить топоров для младших дружинников, если Барсуки привезут по сходной цене. У Волков, конечно, есть кузнецы, но с толстопятами крепышами в ремесленном деле никто не сравнится. И неплохо бы заказать им десятка три-четыре луков, так, на будущее... Да мало ли хлопот у предводителя дружины или, как его исстари зовут Волки, Клыка? Пусть Хольм стал Клыком только два года назад, но он уж постарается, чтобы отец им гордился хотя бы в этом!

До города он добрался гораздо раньше, чем гости в сопровождении Брангарда. Завернул на кухню, не дожидаясь обеда, быстро сжевал половину жареной курицы и пару пирожков со свежей черникой — она только-только начала появляться в лесу. Ягодный запах и вкус некстати напомнили о земляничном аромате, преследующем Хольма повсюду. Но он упрямо отбросил эти мысли, а чернику заел третьим пирожком — с печенкой, и жить стало не то чтобы веселее, но как-то проще, не так тоскливо. Правда, захотелось поваляться где-нибудь в тенишке...

Отогнав некстати проснувшуюся лень, Хольм дошел до отцовских покоев, но оказалось, что отец с помощниками уехал на пристань, там что-то случилось с кораблем Рыжих Лис. Вот ведь! Это означало, что отец вряд ли вернется к обеду, значит, за столом будет единовластно править Сигрун, и Хольм мрачно подумал, что в общий зал уже не пойдет. Вот и славно, у Лестаны наверняка найдется, о чем поговорить с матерью будущего мужа, а уж Брангард найдет тему для беседы, даже разбуди его ночью и подвесь вниз головой, как летучую мышь!

Видеть ему никого не хотелось, и Хольм дошел до оружейной, на всякий случай еще прикинув, что покупать на ярмарке для дружинных нужд. Потом не торопясь обошел конюшни, заглянул в кузню... и понял, что откровенно мается дурью. А еще — боится оказаться рядом с обеденным залом, словно напракаивший мальчишка, что прячется от взрослых. Чувство было почти забытым, но таким неприятным, что Хольм назло себе решил пойти на обед и испортить настроение хотя бы Сигрун.

Он уже прошел длинным коридором, ведущим в ту часть дворца, где были покои вождя и гостей, уже свернул к обеденному залу... Как вдруг неясное чувство опасности велело замереть на месте, а чутья Хольм привык слушаться. В следующий миг он неслышно отступил в темную нишу, оставшуюся в коридоре от последней переделки комнат. Стена здесь была не глухой, в ней осталась изрядная щель со стороны коридора. И в этой щели Хольм застыл, превратившись в слух и напряженно вдыхая воздух.

Почти сразу он понял, что заставило его притаиться в засаде. Запах! Даже в человеческом облике остатки волчьего обоняния различили густой медвежий дух приближающегося человека. Прятаться от гостей в собственном дворце было бы глупо! Если бы не вчерашняя драка. И не тихий разговор, который явно не предназначался для посторонних ушей.

— Добавить надо бы, — сказал хриловатый низкий голос, и если бы у Хольма сейчас была шерсть, она встала бы дыбом.

Обладатель голоса был опасен — чутье прямо кричало об этом! А еще от него пахло не Медведем, а как-то иначе, более резко.

— Куда добавлять? — произнес недовольно второй, в котором Хольм без труда опознал старшего из Медведей — вон он как раз пах правильно, собой самим. — Я за такие деньги троих нанять мог бы!

— Трех разом в круг не выставишь, — усмехнулся, судя по голосу, первый. — А ты ведь не просто в грязи парня повалить хочешь. За кровь платят подороже синяков. А уж за то, чтобы у вождя всего один сын остался...

— Язык придержи! — рыкнул Медведь. — Уши везде.

Он даже не подозревал, насколько прав, и Хольм возблагодарил Мать-Волчицу, что весь дворец и так пропах Волками, потому его собственный запах рядом с говорящими не заметен. Попробуй определи, прошел он здесь утром или стоит рядышком, затаив дыхание.

— Или добавляй, или разговора не будет, — равнодушно бросил тот, первый. — Мне потом бежать придется со всех лап. И больше на земли Волков не показываться. А хочешь деньги поберечь, могу парня только подрезать. Провалается долго.

— Нет, — тяжело уронил Медведь. — Из круга он выйти не должен. За это и плачу. Ладно, добавлю. Но только после дела.

— Тогда вдвое, — так же равнодушно сообщил резко пахнущий, и Хольм наконец опознал эту острую вонь.

Росомаха! Вот, значит, кого Медведи нанимают, оставшись в стороне! И даже не нужно быть умником Брангардом, чтобы сообразить, чья смерть им нужна. Конечно, того, кто искалечил племянника вождя!

Хольм вспомнил скорчившееся на земле огромное тело и злорадно понадеялся, что лечиться мерзавцу придется долго, а ломаные кости будут напоминать о себе всю жизнь. Ну, гости дорогие! Хотите продолжить развлечение — ваше право!

Медведь и Росомаха ушли дальше по коридору, а Хольм, подождав немного и выбравшись из убежища, вдруг понял, что просто вышвырнуть этих ублюдков с волчьих земель не выйдет. Его слово против слова чужаков для Волков, конечно, потяжелее будет, но еще одной ссоры с Медведями, да еще такой грязной, отец ему точно не простит! Значит — что?

Значит, нужно делать вид, что ничего такого он не слышал! А когда его вызовут на поединок под каким-то предлогом — обязательно вызовут, раз уж Росомаха говорил про круг — то самому прирезать наемника Медведей. Кто пошел на охоту, не рассчитав силы, может оказаться дичью!

На миг мелькнула мысль, не посоветоваться ли с Брангардом, но... Брат наверняка запретит драться! Придумает что-нибудь и запретит! А подлость надо наказывать, да и прятаться за хитрость младшего противно до тошноты! Только не сейчас, когда и без того все паршиво! Не хватает еще, чтобы Брангард его вытаскивал из неприятностей.

Глава 6

Ночь перед грозой

Днем и вечером Хольм три раза отправлял слугу узнать, дома ли отец, и каждый раз посыльный отвечал, что вождь еще в городе. Брангард после утренней поездки тоже куда-то запропал, но это как раз было неудивительно, у младшего всегда хватало дел. Или удивительно? Разве не полагалось брату сейчас каждую свободную минуту проводить с Лестаной, очаровывая Рысь и убеждая ее, что в жизни у Волков нет ничего страшного?

Стоило Хольму подумать об этом, и на душе становилось муторно. Он ведь принял решение! А если не обманывать самого себя, решение приняли за него, и поделаться с этим ничего нельзя. Желанную девушку не победить, словно врага, в поединке, не взять охотничьей добычей, не принудить полюбить того, кто ей не мил. Это у людей женщин часто превращают в рабынь, и все принимают это как должное, но в сердце тех, кто поет с луной, живет дикий зверь, который в неволе или умрет от тоски, или обезумеет и вцепится в горло тому, кто лишил его свободы.

Хольм оперся ладонями о подоконник открытого окна, вдохнул ночную дурманную свежесть. Восходящая луна, почти полная, круглобокая и желтая, манила перемахнуть подоконник одним прыжком, оказавшись во внутреннем дворе, а потом скинуть опостылевшую одежду — слуги утром подберут, им не впервой — принять рвущегося изнутри зверя, став им не только душой, но и телом... И долгий бег сначала по спящему городу, потом за ворота — и в лес!

Он даже глаза прикрыл, представляя, как мягкая влажная земля, покрытая листьями, ляжет под мощные лапы, как десятки и сотни запахов наполнят ноздри, а уши настороженно будут ловить малейшую тень звука... Свобода! Счастье! Звериная мощь, не знающая преград, не помнящая глупых человеческих ограничений вроде долга...

Едва не застонав от разочарования, Хольм вынырнул из сладкого предвкушения и заставил себя успокоиться. Бешено стучащее сердце, готовое перекачивать кровь для обращения, неохотно замедлило ритм, напряженные мышцы расслабились. Нельзя! Не сейчас. Во дворце слишком много чужаков, и в любую минуту отцу может потребоваться помощь старшего сына, а дружине — команды Клыка.

Но как же мучительно сознавать, что не ему бежать под полной луной, следя, как мчится впереди серебряная тень, словно летя по воздуху и маня: догони, поймай, овладей! Сделай своей и сам стань — ее! Любовная игра, старая, как мир, неведомая людям, что утратили своего зверя и с тех пор безуспешно пытаются заменить зов страсти деньгами, властью или насилием. О, как бы он догонял Лестану...

Скрипнув зубами, Хольм отошел от окна, сел на кровать. Стоило бы захлопнуть ставни, чтоб ночь не так сильно манила, но тогда в комнате станет душно. Сейчас бы дождя... Проливного, с грозой, чтобы молнии рвали небо в клочья, а гром рушился сверху тяжелыми ударами! Отец говорил, что Хольм родился в грозовую ночь, наверное, поэтому так любит бурю. А еще он всегда мрачнел, говоря о той ночи, и обрывал рассказ на полуслове.

И Хольм, конечно, знал, отчего в глазах отца мечется мучительное бессилие, стоит ему вспомнить рождение первенца. В ту ночь с грозовыми ударами и первым криком родившегося Волчонка его мать ушла небесными дорогами в Край Доброй Охоты. Оставила и мужа, и сына, едва успев приложить его к груди. Этого отец не рассказывал, Хольм сам узнал у старых Волчиц, которые воспитывали его малышом.

Они глядели сочувственно, а потом шептались между собой, что брачный союз, не подтвержденный в храме Луны и Матери-Прародительницы, счастья не приносит. И надо было вождю, если уж он полюбил деву из чужого клана, принести, как положено, жертвы и просить благословения на продолжение рода Волков чужой кровью. Истинно ведь, что если двое желают этого по-настоящему и союз добровольен, то различие их истинных зверей помехой не будет. И дети тогда рождаются здоровыми, а мать легко оправляется от родов.

Хольм не знал, что случилось тогда, что пошло не так... Не мог ведь отец пожалеть даров для храма или не любить мать своего будущего сына. И она его тоже любила, если ради Черного Волка, тогда еще простого воина, бродяги и охотника, покинула могущественный клан Медведей. А отец молчал. И на осторожные намеки, и на прямые вопросы. Пока не сказал однажды, чтобы Хольм не лез не в свое дело и всю жизнь старался держать своего зверя в крепких оковах рассудка. Потому что кровь у него порченная, дикая.

«Порченная кровь, — шипела вслед ему Сигрун, когда отца не было рядом. — Звереныш, дикое нутро, до рождения проклятый...» Но Хольм привык думать, что это из-за его непослушного нрава, да и не за что мачехе любить пасынка, напоминающего родному отцу о потерянной жене. Слова отца стали ударом, выбивающим дыхание, у Хольма даже в глазах потемнело. И вопросов он больше задавать

не стал. Зверь так зверь. Это была его шестнадцатая весна, и Хольм угрюмо подумал, что быть зверем для оборотня куда естественнее, чем человеком. А вот сейчас...

В дверь постучали, и слуга, которому Хольм велел доложить, как только отец вернется, осторожно заглянул в дверь.

— Вождь приехал, — сказал он почтительно. — Сходил в купальню, а сейчас у себя.

— Ясно, — бросил Хольм, — благодарю.

Желание грозы или хотя бы дождя стало почти невыносимым. Пойти, что ли, в воду окунуться? Можно взять коня и съездить на реку, а можно просто поплавать в маленьком озерце возле города... Отогнав тоскливую жажду прохлады, он мрачно глянул в закрывшуюся за слугой дверь, встал и, поправив пояс с привычной тяжестью меча, вышел из комнаты.

«Полночь прошла уже пару часов назад. Лестана, наверное, давно спит, — думал Хольм, проходя притихшими коридорами дворца. — Интересно, что ей снится? Мать-Волчица, пошли ей светлые сладкие сны, а если милость твоя будет велика, позволю мне мелькнуть в них тенью, что станет беречь ее покой...»

Из-под двери отцовских покоев пробивалась полоска теплого желтого света, слишком яркая для ночной свечи, и Хольм постучал. Отец еще не спит, значит, можно попросить о разговоре.

— Входи, кого принесло! — раздалось из комнаты, и Хольм, толкнув тяжелую дверь, переступил порог.

И едва удержался, чтобы не поморщиться: отец был не один. К счастью, это оказалась не Сигрун, но и Брангарда сейчас видеть не хотелось. Брат расстелил на широком столе у окна листы тонко выделанного пергамента, придавив его парой подсвечников, полных горящих свечей — они-то и озарили комнату, бросая резкие тени.

— А, Хольм! — сказал отец, поднимаясь навстречу ему с кровати. — Как поохотился? Что в дружине нового?

Охота? Дружина? Все это показалось таким далеким... Хольм даже не сразу вспомнил, что в самом деле вчера утром вернулся из леса. И надо было зайти к отцу сразу, но вчера они так и не успели поговорить до ужина, потом случилась драка с Медведем, и уже было не до бесед, а сегодня... «Живем, считай, в одном доме, — устало подумал Хольм, — а видимся как дальние соседи, разговариваем и того реже. И как отделаться от мысли, что отцу даже эти редкие разговоры в тягость? Раньше так не было? Или я просто не замечал? Или не хотел замечать?»

— В дружине все хорошо, — сказал он спокойно. — И охота была неплохой. А как прошел твой день, отец?

—хлопотно, — хмыкнул тот, проходя мимо Хольма к возящемуся с чертежами Брангарду. — Думаем вот пристань расширять. Будь у причалов больше места, такого конфуза, как сегодня с Лисами, не вышло бы. Не разошлись кораблем с Барсуками, будто им река узкая!

— Река не узкая, — отозвался Брангард, увлеченно что-то намечая на карте. — А вот пристань — да. Я давно говорю, что новый причал строить надо. И не здесь, а ниже по течению. Здесь русло сужается, будто бутылочное горлышко.

— Зато отмелей нет, — возразил отец, склоняясь над столом. — Даже в самое сухое лето никто на мель не сядет...

Про Хольма они словно забыли. Он стоял и слушал, как отец и брат спорят, закладывать ли новую пристань или расширять старую, и в горле комом стояла обида. Ладно, пусть он в этом деле не мастер, так ведь и Брангарда не учили строить и торговать, брат до всего доходил своим умом. Хольм не собирался лезть неуклюжими лапами туда, где ничего не смыслил, но это и его город тоже. Ему потом эту пристань охранять, а то и отправлять воинов на кораблях. Его же... просто отодвинули. Так, словно Хольма уже нет в городе. Словно его нет в этой семье.

Брангард, будто почувствовав неладное, обернулся, махнул рукой.

— Иди сюда, глянь. Что скажешь?

Хольм очень хотел огрызнуться, с чего это им понадобился его совет, но загнал обиду поглубже. Ладно, чего уж, сам виноват. Меньше пропадал бы на охоте, глядишь, и отец бы чаще звал его поговорить о делах.

Он подошел и глянул на подробную карту, где черными чернилами была обозначена старая

пристань, а красными — явно рукой Брангарда — новая, ниже по течению и дальше от города.

— Оба правы, — сказал он мрачно, еще злясь то ли на родичей, то ли на самого себя. — Старая пристань уже не годится, но здесь и правда мелко. Вот! — Он указал на линию, обозначающую старую протоку, пересохшую много лет назад, от русла реки остались лишь мелкие озера и болотца. — Надо делать запруду выше по течению и пускать сюда воду, а выводить ее в основное русло. Тогда и в сухой год отмелей не будет.

— С ума сошел? — возмутился отец. — Мы тебе что, Бобры, запруды делать? С чего ты вообще взял, что вода сюда пойдет? Это же сколько копать и строить — где людей взять? А если вода снова уйдет?!

Он фыркнул, и Хольм молча пожал плечами. Ну да, сил пришлось бы вложить немерено! Это не то же самое, что просто выстроить новый причал. Нужно чистить старое русло, убирая все, что вода может вынести и коварно подкинуть под днища кораблей. Нужно строить даже не запруду, а целую плотину. И Волки — точно не Бобры, значит, придется звать это умелое, но жадное племя, чтобы помогли хотя бы с разметкой, а то и всю плотину отдавать им для строительства. Сложно. Дорого. Окупится не скоро, а люди нужны в других местах. Опять он глупость придумал, иначе Брангард бы давно предложил это сам.

— Отец, а ведь Хольм прав... — с обидным удивлением сказал Брангард, что-то с лихорадочной быстротой пометая на карте. — Денег уйдет, конечно! И Бобров надо звать, без них никак. Но если получится... Ты только посмотри, если получится, мы поднимем уровень воды, и здесь даже тяжелые корабли Кабанов проходить смогут! Мы же у Медведей тогда торговый путь отобьем, по нашей реке до побережья в полтора раза ближе!

— Глупости говорите, — недоверчиво проговорил отец. — Откуда вода лишняя возьмется? Хоть на два русла дели, хоть одним пускай — больше ее не станет.

— Станет, — заверил его Брангард, улыбаясь до ушей и выглядя довольным, словно кот, запустивший лапу в крынку сметаны. — И как я сам не подумал?! Забыл совсем про эту излучину!

Хольм промолчал, хотя мог бы сказать, что Брангард забыл протоку, потому что вряд ли видел ее вживую. Дел у младшего поблизости не было, а охотиться на птицу, которая там гнездовалась, Брангард не любил, предпочитая встречаться с утками и гусями, когда их уже подали на стол. Вот и не помнил о старом русле, которое Хольм излазил вдоль и поперек еще в детстве.

— И где ты раньше был, а? — прочувствованно возмутился брат. — Кстати, а правда — где? Какая муха тебя укусила, что ты от источника сам домой уехал?

Будто не понимает! Хольм стиснул зубы, пережидая накатившую злость, и вдруг поймал тревожный взгляд младшего. Ну нет, никаких оскаленных клыков и потери человеческого облика. Он не только зверь, что бы там кто ни говорил!

И вдруг остро кольнула мысль, неужели хитроумный и всезнающий Брангард не разнюхал давным-давно историю с появлением Хольма на свет? Почему они никогда не говорили об этом?

Мысль была такой болезненной и не ко времени, что Хольм пока отложил ее подальше и, решившись, глянул на отца.

— Нам бы поговорить, — уронил он просительно. — Если ты не очень устал.

— А я пойду, пожалуй! — торопливо заявил брат. — Доброй ночи, отец, еще завтра подумаем. Хольм, и тебе добрых снов.

Бережно взяв со стола драгоценные чертежи, он свернул их, у самой двери оглянулся на Хольма и, кажется, хотел что-то сказать, но промолчал и торопливо вышел, а Хольм, оставшись с отцом наедине, вдруг почувствовал себя одиноким, как воин, чью спину в бою никто не прикрывает. С чего эти глупости? Причем тут бой, ведь он пришел поговорить с родным отцом! Но чувство не проходило, становясь только сильнее, и Хольм глубоко вдохнул все ту же ночную духоту, мимолетно пожалев, что не облился водой по пути сюда. А потом обернулся и снова поймал тяжелый отцовский взгляд.

Лестана спала и знала, что спит. Это был очень странный сон, она словно качалась на волнах сладкой дремы, не отдаваясь ей полностью, но и не просыпаясь. Волны уносили ее все дальше, они пахли солнечным светом, горячим пушистым мехом, прелой листвой, грибами и земляникой. Словно она оказалась в родном лесу возле Арзина!

Подчиняясь этим волнам, Лестана повернулась на живот, будто собираясь плыть, и вдруг поняла, что вместо рук у нее — лапы. Толстые мягкие лапки, покрытые светло-серебристым мехом. Она подняла их к лицу, удивленно разглядывая розовые подушечки, такие нежные, словно никогда не

ходили по земле. Напрягла пальцы — и над подушечками блеснули полупрозрачные лезвия когтей...

Ничему не удивляясь, но с восторженным чувством правильности происходящего, Лестана потянулась, выгнула спину... Мир вокруг плыл красками и запахами, непривычный, полный непонятных ощущений! И стояла она в какой-то необычной позе, вроде бы на четвереньках, но это было так удобно... Естественно!

«Так вот как это бывает? — с тем же тихим сладким восторгом подумала Лестана. — Я Рысь? Настоящая Рысь!»

Чувство легкости и правильности захватило ее полностью, Лестана снова томно потянулась... Вокруг был лес, но, пожалуй, не лес Арзина. Здесь пахло как-то иначе. Более резко, более опасно? Ее уши встрепнулись, поворачиваясь, и Лестана поняла, что слышит вой. Холодный жуткий вой, почему-то наводивший на мысли о лунном свете, будто был пропитан им. Лестана прислушалась — и ей стало жутко. Разнеженное удовольствие, только что наполнявшее ее тело, вмиг исчезло, смывое тревогой. Она попыталась вскочить на ноги, но тело не слушалось. Оно не желало вести себя ни по-человечески, ни по-звериному.

«Я Рысь! — с нарастающим ужасом подумала Лестана. — Я могу взобраться на дерево! Никакие волки там меня не достанут! Я могу...»

Но лапы, такие стройные, сильные и упругие, эти лапы беспомощно путались, не подчиняясь, а вой все приближался — и она закричала, зовя на помощь, но из горла вырвалось лишь жалобное мяуканье.

Вой послышался совсем рядом, и вот между деревьями, окружая Лестану, замелькали тени. Серые, черные, белые... Она припала к земле, не в силах сделать ни шага, в нос бил резкий отвратительный запах, и с каждым мгновением ужас нарастал, пока она не закрыла глаза, спрятав нос в лапах и умирая от страха...

И тут все прекратилось. То есть вой смолк, но Лестана все равно чувствовала чужое присутствие — и совсем близко! Решившись, она открыла глаза и увидела, что перед ней, мордой к теням, застыл черный силуэт огромного волка. Мощного, напряженного, со вздыбленной шерстью. Волк тихо, но грозно зарычал, прикрывая ее собой, — и Лестана вынырнула из сна, едва удержав вскрик. С бешено колотящимся сердцем села на постели. В окно, раскрытое ради ночной прохлады, заглядывала почти полная луна, и Лестане показалось, что лик ее смотрит неодобрительно. Рысь — трусиха, где же это видано? Позор всему кошачьему роду!

«Я буду стараться, — проговорила она про себя виновато. — Обязательно буду... И стану настоящей Рысью! Только я не знала, что это так страшно».

Она снова легла, старательно отведя взгляд от луны и сама не зная, хочет ли возвращения этого сна? Там было так жутко! Но этот волк, что явился ей на защиту... Если бы он повернулся, она бы смогла узнать его, правда? Хотя разве могут быть сомнения, кто это? Конечно, тот, кого она любит и чью любовь просила у священного озера. Ведь сама Луна связала их судьбы...

— Ну, говори, — глухо уронил отец, снова отходя от стола и возвращаясь к еще не разобранным постели.

Пока он садился и стаскивал замшевые домашние сапоги, Хольм подбирал слова. Точнее, пытался подобрать, но в голову не пришло ничего, кроме откровенного:

— Отец, почему ты позволил Сигрун изменить условия? Мы же обещали Рысям совсем другое!

— Мы обещали им брачный и союзный договор, — хмуро огрызнулся отец. — И обещания не нарушаем. Их наследница даже может выбрать, разве это не великодушие с нашей стороны?

— Выбрать, поплатившись за это своим наследством? — едко спросил Хольм, старательно сдерживая злость. — Ты же понимаешь, кого бы она ни выбрала, Рыси останутся недовольны. Это плохой союз, если он начинается с обмана. Я думал, мы ищем с ними верной и долгой дружбы, а с ножом у горла дружбу не заводят.

— Что ты понимаешь, мальчишка? — еще сильнее нахмурился отец, и его мохнатые брови, тяжело нависшие над глазами, почти сошлись над переносицей. — Твое дело — водить дружину, куда я укажу. А договоры оставь тем, кто поумнее.

— Сигрун то есть? — зло ухмыльнулся Хольм. — Это ведь не ты придумал! И не Брангард. Ладно, пусть я дурак, хотя тогда странно, почему ты доверил мне воинов. Но я Волк и такой же твой сын, как Бран...

— Вот и не забывай об этом, щенок дур-рной! — раздался рык, и отец оперся ладонями о колени, словно собираясь встать. — Я твой отец и вождь, мне решать, с кем и как заключать союзы. Рысей он пожалел! Ты что, не понимаешь, что они гладят мягкой лапой, но думают о своей пользе, а не о нашей? Хочешь отдать им Брангарда? Чтоб он всю жизнь сидел в золотом ошейнике у ног этой кошечки? Рысям не нужен вождь, им нужен супруг для их наследницы! Я не отдам своего сына Котам в домашние зверушки!

— Своего сына, значит? — очень тихо переспросил Хольм, чувствуя, как сознание застилает алый туман ярости. — А я — кто? Меня можно им отдать?

«Только бы не сорваться, — тревожно стучало в висках. — Только бы не выпустить на волю то, с чем сам не смогу совладать. Иначе я докажу правоту Сигрун, что не могу управлять своим зверем!»

— Ты... — начал было отец, осекся и махнул рукой. — Хольм, ты...

Он немного подождал, но Хольм упрямо молчал, глядя в упор, и вождь Волков заговорил снова:

— Ты тоже мой сын. Хольм, не думай, что ты не дорог мне. Ты кровь от крови и плоть от плоти моей любимой Махавиши... Она... была моим сердцем и душой. Сигрун — совсем другая. Но она стала мне верной женой и родила сына, я не могу не прислушиваться к ней. Да и советы ее всегда мудры. Хольм, ты же сам знаешь, что не годишься в вожди. Клык из тебя отменный, но управлять кланом — это не то, что водить дружину в походы. Брангард...

— Я все это знаю, отец, — прервал его Хольм так же негромко. — Скажи мне что-нибудь новое. Брангард — будущий вождь Волков, разве я когда-нибудь спорил с этим? Ты думаешь, я подниму меч против брата? Он мне дороже самого себя! Я и не хотел никогда иного удела, кроме звания Клыка. Но ты даже этого хочешь меня лишить? Брангарду, значит, не место у ног Рыси, а мне?

— Ты... знаешь закон, — с трудом проговорил отец. — Вождь передает клан самому достойному из сыновей, но как выбрать между тобой и Браном? Кого бы я ни назвал, будут недовольные. На Брангарда разве что не молятся купцы и ремесленники, но назови я своим преемником его — и дружина возмутится. Они хотят видеть меч вождя в твоих руках. И все права по-своему. Я верю, что ты не встанешь против брата, но пойми, Хольм! Найдутся такие, кто решит за тебя! Ты угоден воинам. Кто-то может подумать, что если Брангарда не станет, выбор случится сам собой.

— Я не позволю! — яростно выдохнул Хольм, бросая ладонь на рукоять меча. — Никто из моих людей не ослушается!

— У тебя на глазах — да, — тяжело уронил вождь. — А если это будет стрела в спину или волчмор в кубке вина? А если кто-то, кому мил Брангард, решит, что лучше убрать тебя?

Он замолчал, отведя взгляд, и Хольм с пугающей ясностью понял, кто это может быть, хотя отец скорее проглотит язык, чем назовет имя. Но сообразить легко...

— Тебе же она по сердцу, — мягко и очень виновато проговорил отец. — Куда сильнее, чем Брану, я ведь тоже не слепой. Ну хочешь, я сам с ней поговорю? Постараюсь убедить, что ты будешь славным мужем наследнице и будущей хозяйке клана. Щитом и мечом, верной и надежной опорой. Хольм, видит Мать-Волчица, не стоит тебе здесь оставаться... Клан расколется пополам, и будет кровавая свара, пока не останется только один из вас. А можете и оба полечь... У Рысей тебе придется несладко, но я верю, что ты займешь достойное место — и по праву.

— Сигрун этого не позволит, — с той же холодной ясностью отозвался Хольм, скрестив руки на груди и привалившись к стене. — Она прочит Лестану в жены Брангарду. И добьется своего, вот увидишь. Лестана согласится остаться здесь. И кому тогда ты меня подаришь, отец? С кем заключишь еще один договор? Может, мне этого не дожидаться? Возьму десятка два дружинников из тех, кто сам захочет, — все равно Сигрун моим ближним жизни не даст — и махну в Дикие Земли. Или уйду в наемники — все лучше, чем в домашние зверушки, как ты говоришь...

— Прекрати... Хольмгар-р-рд...

Хольм по памяти мог пересчитать, когда отец называл его полным именем, и это испугало сильнее, чем рвущийся из горла вождя хриплый рык. Опустив руки на покрывало, отец комкал и мял его в пальцах, и Хольм волчьим чутьем понял, что еще немного — и зверь отца вырвется на волю.

— Почему у меня порченная кровь? — спросил он, зная, что на волос от смертельной опасности, если не самой смерти. Оборотни, призвавшие зверя в момент гнева, обычно собой не владеют и делают это, чтобы напасть. — Что со мной не так? Даже Сигрун знает, а от меня ты это скрываешь?! Я хочу знать правду, отец! И я хочу, чтобы Лестана выбирала между мной и Брангардом, а не между любовью и долгом. Пусть тот, кого она выберет, едет к Рысям, а оставшийся примет клан Волков, когда придет твое время. Будь справедлив, отец! Мы с Брангардом оба это заслужили.

— Вон! — закричал отец, поднимаясь на постели, и его черты исказились. — Хочешь знать про свою кровь? Она проклята! Проклята зверем! И не старайся копать дальше, побойся гнева Матери-Прародительницы. Вон, говорю тебе! Дурной щенок...

Он упал на кровать, терзая скрюченными пальцами покрывало, и Хольм понял, что больше ничего не узнает, разве что станет причиной мучительного обращения отца и мишенью его гнева. Повернувшись, он молча вышел, от души хлопнув дверью.

Ночь уже приближалась к рассвету. Еще пара часов — и заря разольется по небу, Хольм чувствовал это всей своей сутью. Устало подумалось, что нужно вернуться к себе и поспать хоть немного...

Он свернул в коридор, ведущий к его комнате, и тут наперерез ему метнулась темная тень, а мигом раньше чутье донесло знакомый запах, горячий и терпкий. Вытянув руки, Хольм едва успел поймать кинувшуюся в его объятия девушку.

— Ингрид? — спросил он удивленно. — Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду!

Волчица откровенно прижалась к нему, пытаясь закинуть руки ему за голову, и Хольм нахмурился. Проклятье, этого еще не хватало! Он совсем забыл... Да ему и нечего было особо помнить! Ингрид пришла к нему сама год назад, и они иногда встречались, проводя жаркие ночи, но Хольм никогда ничего ей не обещал, да и она ничего не требовала. Принимала подарки, смеялась, говорила, что делит с ним постель ради удовольствия. Последние пару недель они не виделись, и Хольм даже не вспомнил об Ингрид, вернувшись в город. Если совсем честно, он ни разу не вспомнил о ней с тех пор, как увидел Лестану...

— Ингрид, перестань, сейчас не время, — сказал он, пытаясь отстранить девушку.

Ее длинные тяжелые косы легли на его руки толстыми черными змеями, гибкое тело упорно пыталось прижаться, и Хольм чувствовал сладкий запах благовоний, мешающийся с ароматом самой Волчицы.

— Не время? — подняла она к нему красивое смуглое лицо. — А когда оно будет, время? Я видела, как ты смотрел на эту белесую кошку! Думаешь, ты ей нужен? Она с Брангарда глаз не сводит, еще чуть — и спину начнет выгибать, мерзавка драная...

— Ингрид!

Хольм встряхнул девицу, но тут же опомнился и отпустил ее плечи, сделав шаг назад. Что она себе вообразила?! С чего вообще взяла, будто Хольм ей что-то должен?

— Что — Ингрид? — негромко прорычала Волчица. — Я тебя люблю, Хольм! Я буду твоей парой! Рожу тебе детей, настоящих Волков! А она? Не позорься, Хольм, не стелись у ног этой девки! Разве нам было плохо вместе, мой вождь?

Она снова попыталась прильнуть к нему, и на мгновение Хольм вспомнил, как им и в самом деле было хорошо. Как Ингрид ласкала его, оставляя на коже отметины зубов и ногтей, как вскрикивала под ним от удовольствия, обвивая его руками и ногами, как сладко целовала и шептала горячие томные слова...

И тут же вдруг понял, что все прошло. Да, Ингрид по-прежнему была красива и желанна, Хольм видел это, как увидел бы любой мужчина. Но... желанна не для него. Девушка, стоящая перед ним, смотрящая на него со смесью злости и мольбы, была чужой. Совершенно чужой, словно они и не были никогда вместе.

— Прости, — сказал Хольм, мягко отстраняя ее. Сил на объяснения не было, да и что тут можно объяснить? Что он почему-то больше не может представить себя ни с одной женщиной, кроме одной-единственной? Глупо. Как такое можно сказать другой? — Прости, Ингрид, — повторил он. — Пусть Мать-Волчица даст тебе настоящее счастье.

Он сделал шаг назад, и лицо девушки застыло каменной маской.

— Ненавижу, — прошипела она. — И тебя, и эту кошку. Будьте вы прокляты!

И так же быстро она кинулась прочь, только туфельки простучали гулко по пустому коридору.

«Безумный день, — измученно подумал Хольм. — А завтра — ярмарка. То есть уже сегодня и совсем скоро...»

Глава 7

Большая ярмарка

— Сколько раз в году здесь бывают ярмарки? — рассеянно спросила Лестана.

Кайса колдовала над ее волосами, пытаясь спрятать слишком высоко обрезанную прядь, и вполголоса шипела про некоторых пушистых, которые совсем не думают, что и где кромсать. Мол, не обиделась бы великая богиня, если бы получила волосы не с виска, а откуда-нибудь на затылке. Все равно там косу заплетать. А тут попробуй теперь, уложи...

— Каждый месяц, прекрасная, — учтиво отозвался Брангард.

Они с Иваром сидели за маленьким столиком у окна и ждали, пока девушки окончательно соберутся. Конечно, оделись и Лестана, и Кайса уже давно, так что ничего неприличного в этом не было. Лестана даже подкрасила глаза, тщательно следя, чтобы получилось естественно и скромно. А вот с прической немного опоздала, и не держать же было мужчин в коридоре? Ивар, во всяком случае, ничего нового не увидит, он и дома часто забегал к ней в комнату на правах родича, а Брангард...

Перед самой собой Лестана могла не притворяться, ей просто очень хотелось показаться перед Волком с распущенными волосами. Дома все говорили, что у нее не только редкий для Рысей цвет, но и красивый, похожий на расплавленное серебро, льющееся гладким и блестящим потоком. «Сама Луна тебя благословила, драгоценная моя», — говорила матушка, ласково глядя ее по голове, и Лестана привыкла гордиться этим. Хотя нередко думала, что лучше бы великая богиня благословила ее тем же, чем всех оборотней, позволив призвать своего зверя. Это был бы куда больший знак милости, чем волосы.

Зато сейчас она то и дело чувствовала быстрые взгляды, которые молодой Волк бросал на нее, отвернувшись к зеркалу. Лестана же делала вид, что выбирает украшения, хотя давным-давно решила, что наденет подарок Брангарда. Ну и цепь с медальоном наследницы, куда же без нее.

Она вдела сережки в уши, стараясь не мешать Кайсе, и полюбовалась, как серебро и жемчуг оттеняют светлую кожу... Ловко доплетя толстую косу, Кайса закрутила ее Лестане вокруг головы, закрепив шпильками так, что неудачно остриженный висок совершенно скрылся под прической. Лестана снова взглянула в зеркало, и ей показалось, что коса венчает ее, словно серебряная корона, а темно-синий шелк платья делает лицо нежнее и ярче. Дома для прогулки она выбрала бы наряд гораздо проще, а то и вовсе надела мужскую одежду, не сковывающую движения, но здесь со всех сторон устремлены десятки взглядов, и далеко не все из них добрые. Прав был Ивар, по ее виду и манерам судят не только ее саму, но и весь клан Рысей.

— Ну вот, мы почти готовы, — весело сказала Кайса, надевая золотую цепочку, празднично блеснувшую на ее платье, тоже шелковым, но потемнее, цвета осенних дубовых листьев.

Рыжие волосы подруга собрала на затылке в два длинных хвоста, падающих на спину. Золотистокarie глаза с длинными и тоже рыжими ресницами, россыпь веснушек — если Лестану благословила Мать-Луна, то Кайсу при рождении поцеловал Отец-Солнце, как смеялись в Арзине. И нрав ей тоже достался веселый, солнечный... Вот бы подруга тоже нашла здесь кого-нибудь по сердцу, чтобы не пришлось расставаться!

Лестана поймала эту мысль и растерянно подумала, неужели она в глубине души уже смирилась? Неужели готова отказаться от семьи и положения наследницы ради замужества с Брангардом? А ведь он еще не сказал ей ни слова о любви. Конечно, у мужчин чувства не вспыхивают, как пожар от искры, уроненной в сухую траву, боги создали их сердце не таким чутким и отзывчивым, как у женщин. Но ведь должен он был уже понять, что нравится Лестане?

— А почему так редко? — рассеянно спросила она, чтобы хоть как-то нарушить молчание. — Ведь некоторые товары быстро портятся. Да и людям нужно делать покупки гораздо чаще.

— Леста, не будь глупенькой, — покровительственно улыбнулся Ивар. — Конечно, торговля идет постоянно, как в любом городе. Раз в месяц наши почтенные друзья Волки устраивают большую двухдневную ярмарку для купцов из дальних кланов.

Краска бросилась Лестане в щеки, и она прикусила губу изнутри, чтобы не одернуть Ивара, выставившего ее душой. Разве она всего этого не понимает? Ее воспитывали как будущую правительницу города, а не как повариху или служанку! И спрашивала она совсем не об этом! Вот зачем Ивар вечно врывается в чужой разговор, когда его не просят?

— Я думаю, госпожа Лестана спрашивала не о повседневной торговле, — негромко и с едва заметной укоризной ответил Брангард, снова кидая быстрый взгляд в их с Кайсой сторону. — У нас

молодой город, вокруг не так уж много деревень, и многие Волки подолгу охотятся в лесах, а в город приходят только на ярмарку, чтобы продать добычу и пополнить припасы. Купцам тоже удобно приезжать не слишком часто и в определенный день, тогда выбор товара больше. То, что быстро портится, у нас и вправду продают на рынках в любое время, а ярмарка — это случай купить и продать что-то дорогое или редкое.

Лестана ответила ему молчаливым благодарным взглядом, чувствуя, как щеки предательски горят. А Ивару она еще припомнит! Родич и советник должен подчеркивать перед Волками ее ум, а не вести себя так, словно Лестана — несмышленый котенок!

Рядом фыркнула Кайса, словно прочитав ее мысли, и уже открыла было рот, как в дверь постучали. Громко и очень настойчиво. Брангард и Ивар, переглянувшись, вскинули брови, показавшись вдруг удивительно похожими, но не внешностью, а неуловимым выражением лица. Встав, молодой Волк подошел к двери, открыл ее и слегка растерянно поинтересовался:

— А вы что здесь забыли?

Любопытная Кайса немедленно высунула нос из-за спины Лестаны, которой тоже очень хотелось посмотреть, кто пришел, но она не решалась. Воспитанная девица не проявляет нетерпения!

— Ой... — с каким-то подозрительным восхищением протянула Кайса, уже подобравшись к двери. — Вот это красавцы!

— Госпожа Кайса! — взмолился кто-то невидимый. — Окажите любезность пойти со мной на ярмарку?

— Да-да, окажите, — поддержал его второй, чуть басовитее. — Только не с ним, а со мной.

У двери явно происходило что-то невероятное, и Лестана решительно подошла, а Брангард, напротив, отступил в комнату, что-то фыркнув, словно был не Волком, а самым настоящим Котом. Кайса подбоченилась, задрал голову, и посмотрела на пришельцев снизу вверх, но так важно, что Лестана едва не прыснула — она наконец разглядела, кто стоял с той стороны порога.

Двое здоровенных Волков, похожих друг на друга, как родные братья... Впрочем, братья как раз бывают очень разными, уж теперь это ей хорошо известно! Долговязые парни, черноволосые, желтоглазые и одетые в кожаные куртки и штаны, укрепленные костяными пластинами. На поясе у обоих красовались нарядными ножнами мечи-близнецы с простой деревянной рукоятью, а за спиной на ремнях висели маленькие щиты, краем выглядывая из-за плеча. Похоже, парни из младшей дружины, если даже в праздничный день носят доспех, а само оружие недорогое и одинаковое, только ножны разные.

Господин Арлис, Коготь дружины Рысей и давний друг отца, как-то уронил при Лестане, что хороший воин будет ходить в домотканой одежде, но меч закажет по своей руке у лучшего кузнеца. Дружинные обычаи Лестану никогда не интересовали, но эти слова она запомнила...

Однако самым заметным у Волков было не снаряжение, а их лица со следами недавней драки. У левого, что чуть ниже, нос распух и превратился в сизую грушу, а правый, повыше, щеголял подбитым глазом, щелочку которого окружала багровая опухоль. Лестана сразу поняла, почему ехидная Кайса назвала парней красавцами, и старательно сдержала улыбку.

— Доброго утра, госпожа Рысь, — благонаравно поздоровались с нею оба Волка и тут же снова с восторгом уставились на Кайсу, словно Лестаны рядом и не было.

Это что же, они пришли звать Кайсу? На ярмарку? Лестана удивленно глянула на Брангарда, тот невозмутимо пожал плечами, и легкая улыбка снова скользнула по его красивым губам.

— Даже и не знаю... — задумчиво протянула любимая подруга, придирчиво разглядывая явно смутившихся под ее взглядом претендентов. — Парни вы, конечно, видные... — Оба Волка гордо приосанились и расправили плечи. — Воины, наверное? Из дружины? — Волки кивнули так слаженно, словно долго тренировались. — Но как выбрать-то? — почти жалобно закончила Кайса, и Лестана посочувствовала Волкам, еще не знающим, с кем связались.

— А ты обоих бери, — тихонько подсказала она, мстительно вспомнив совет Кайсы. — Оба ведь хороши...

— И возьму! — невозмутимо заявила Кайса, снова окидывая Волков оценивающим взглядом, словно рачительная хозяйка — купленные на рынке окорока. — Нас, таких красивых, охранять надо! Один зорко видит, второй зато слavno чует... Хорошо, что лапы у обоих целые. Целые ведь? — прищурилась она, придирчиво разглядывая обескураженных ухажеров, а потом махнула рукой, заявив: — Ну, идем, а то на ярмарке все без нас купят. Это ж теперь можно четыре корзины всякого вкусного набрать! — добавила она мечтательно. — Раз уж вас целых двое, таких больших и

сильных...

Лестана не выдержала и хихикнула, тут же снова приняв серьезный вид и подумав, что довольно заулыбавшиеся Волки, если Кайсе понадобится, еще и по третьей корзине потащат — в зубах! Ивар неодобрительно нахмурился — он вообще шутки Кайсы не любил. А Брангард усмехнулся и заявил, поправляя манжеты щегольской коричневой рубашки, шитой золотом, словно они с Кайсой сговорились одеться одинаково:

— Госпожа Кайса, не стоит беспокоиться. Вряд ли найдется еще один безумец, чтобы обидеть вас и госпожу Лестану. Второй раз мы с Хольмом такого не допустим.

С Хольмом? На Лестану словно подудло студеным ветром, она зябко повела плечами. Действительно, не стоило и ожидать, что ее с Брангардом оставят наедине, но неужели так необходимо везде таскать за собой мрачного старшего Волка, из глаз которого даже в человеческом облике глядит хищный зверь...

Ярмарка оказалась недалеко, даже не пришлось брать лошадей. Длинная прямая улица, окаймленная по обе стороны пышными липами, вывела к огромной площади, издалека бурлящей многоголосьем звуков, от которых Лестана слегка поморщилась, а Кайса и вовсе потеряла уши ладонями.

— Вот, большой торговый день! — с гордостью сказал один из Волков, словно ярмарка принадлежала лично ему, а Брангард с улыбкой кивнул.

— С непривычки здесь шумно, — добавил он мягким извиняющимся тоном. — Но скоро станет потише. В первый день торговля не такая уж большая, все только прицениваются. Встречают старых друзей, обмениваются новостями... В какие ряды угодно пойти прекрасным девам?

— Что за вопрос? — усмехнулся Ивар. — Это же девы! Леста, хоть наши хозяева и были так любезны, что возместили тебе потерю, но я тоже хочу порадовать свою сестрицу. С чего начнем, с украшений или тканей? А может быть, с благовоний?

И снова горячий неприятный комок злости поднялся откуда-то изнутри Лестаны, мешая обрадоваться. Ивар, конечно, просто хотел сделать ей приятное, но как у него снова получилось, что Лестана — легкомысленная девица, думающая только о нарядах и побрякушках? А скажи, что ей досадно, двояродный братец поднимет узкие рыжеватые брови, глянет удивленно и сам еще расстроится — он ведь желал как лучше! Какую девушку не порадует узорчатый шелк, мягкий бархат или драгоценное ожерелье? Да Лестана бы тоже обрадовалась, но...

— Господин Брангард, — попросила она, старательно не замечая обиженно поджатых губ Ивара. — Покажите нам, чем торгуют Волки? Я хотела бы увидеть то, что можно купить именно здесь.

— С радостью, прекрасная, — легко поклонился Брангард и снова улыбнулся. — Правда, ваш любезный брат вряд ли найдет в этих рядах достойный вас подарок. Дорогих тканей и украшений мы не делаем. Но отчего бы не посмотреть?

Он первым прошел под грубо сложенной каменной аркой, отмечающей границы площади, и Лестана с Кайсой пошли следом, крепко взявшись под руки. Новоявленные ухажеры Кайсы на несколько мгновений замялись, каждому хотелось идти рядом с ней, но сразу у обоих это не получалось, и Волки, незаметно, как они думали, пихнув друг друга плечами, наконец зашагали сбоку от Кайсы. Один — немного впереди, второй — чуть позади. Кайса шла молча и с невозмутимым лицом, только в глазах у нее плясали смешливые янтарные искры.

А Брангард... Он оказался рядом с Лестаной, так близко, что она почувствовала тонкий запах благовоний. «Наверное, это от рубашки, шелк хорошо держит ароматы, — в сладкой растерянности подумала Лестана, надеясь, что хоть сейчас не покраснеет. — И как же приятно, что он любит чистоту, как и Рыси. Никакой тени собственного запаха, ничего резкого и острого, даже волосы словно сами собой уложены мягкими гладкими волнами. Не то что...»

Она одернула себя, ведь решила даже в мысли не пускать Хольма, чтобы не портить себе настроение. Не думать о старшем сыне вождя, словно его вовсе нет!

— Прекрасная, вас что-то беспокоит? — негромко и участливо спросил Брангард, пока они шли между длинными рядами, где торговали едой.

Копченые и вяленые туши, связки птицы и рыбы, глиняные и деревянные бочонки с колбасами, залитыми жиром. Здесь пахло так вкусно, что у Лестаны голова закружилась, а рот наполнился слюной. Зря она утром съела один только пирожок, торопливо запив его молоком. Сейчас бы во-о-он той грудинки... Запустить в нее зубы и жадно жевать, урча от наслаждения... И никаких драгоценностей с шелками не надо! А соблазнительные ряды все никак не кончались, и Лестана испугалась, что вот сейчас у нее неприлично забурчит в животе, а у Волков слух не намного хуже,

чем у Рысей. Позору-то будет!

— Нет, ничего, — торопливо ответила она, пытаясь отвлечься от умопомрачительных запахов со всех сторон. — Я... плохо спала сегодня ночью.

И поняла, что сказала правду. Тяжелые страшные грезы, забывшиеся после пробуждения, вдруг всплыли в памяти так резко, что Лестана даже забыла про голод. Жуткий волчий вой, мелькающие между деревьев силуэты...

— Вас кто-то побеспокоил? — нахмурился Брангард.

— Нет-нет!

Лестана отчаянно искала слова, чтобы он понял: ничего особенного не случилось, но ей приятно его забота.

— Мне снились волки, — сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. — Ничего удивительного, правда? А я во сне была рысью и хотела залезть на дерево, но, как назло, не могла...

— Вы были рысью? — просиял Брангард, словно она сказала что-то очень приятное. — Это же прекрасно! Значит, ваш зверь зовет вас! Он ищет вас и вот-вот придет. Это чудесная новость, госпожа Лестана! Я думаю, у священного озера Мать-Луна услышала ваши просьбы.

— Ой, Леста, правда? — повернулась к ней Кайса, тоже радостно расширив глаза. — Отличный знак! Я слышала, зверь всегда приходит сначала во сне. Я-то сама не помню...

Действительно, Кайса, как знала Лестана, впервые превратилась еще совсем крохой и в такую страшную минуту, что Лестана поспешно сжала ее ладонь, отвлекая подругу от воспоминаний.

— Хорошо бы! — выдохнула она.

Теперь жуткий сон уже не казался таким мрачным! Если и правда это ее зверь зовет человеческую суть...

— Братец! — обернулась она к Ивару, идущему рядом и чуть позади. — Ты ведь тоже долго не мог призвать зверя. Он тебе снился? — И смутилась, добавив: — Прости, что напоминаю.

— Ничего, — ровно откликнулся Ивар. — Да, я тоже сначала увидел Рысь во сне. Точнее, себя — Рысью. Хороший знак, сестрица, да благословит тебя Луна.

Он ободряюще улыбнулся, и Лестане стало стыдно, что она так часто обижается на Ивара. Он ведь и правда ее любит. А что иногда относится снисходительно, ну так это потому, что считает ее младшей сестрицей. И он действительно старается заменить ей брата, хотя... Нет, конечно, Эрлиса никто не заменит! Но об этом тоже не стоит думать, а то она снова расплачется... Ивар — тоже ее брат! Пусть и не родной, но так ли это важно, если он заботливый и любящий? Вот Кайса ей по крови вообще не родная, ни на капельку — и что? Лестана не пожелала бы себе никакой другой сестры, кроме нее.

— А вот и наши ряды!

Брангард взмахнул рукой, обводя длинные, уходящие на другой конец площади прилавки, заваленные связками меха... Лестана видела заячьи, лисьи, медвежьи и барсучьи шкуры. Не было только волчьих — но это и понятно, никто не станет в здравом уме охотиться на ближайшую родню. Иногда богиня посылает оборотню поединок с его родовым зверем, но не ради еды или наживы, а только священным ритуалом.

Здесь тоже заманчиво пахло, и Лестана смутно поразились, как у нее почему-то поменялись вкусы. Никогда запах дубленой кожи или выделанного меха не казался ей таким уж приятным. Но сейчас... Рот почему-то снова наполнился слюной, стоило разглядеть на ближайшем прилавке связку белоснежных заячьих шкур... Да что же это такое? Ведь не мясо!

Ее будто погладили мягкой пушистой лапой по спине, игриво и легко. И Лестану осенило! Рысь! И вправду ее Рысь рядом, она торопится к своей человеческой половинке...

Словно замороженная, Лестана двинулась к прилавку, не обращая внимания на торговца, запустила пальцы в нежный белый мех. Наверное, ей должно было стать стыдно, но человеческие чувства вдруг отступили далеко-далеко, а пальцы напряглись, и на миг Лестана увидела, как они удлиняются изогнутыми острыми когтями...

Она встряхнула головой — наваждение спало — и смущенно улыбнулась немолодому седовласому Волку, стоящему за прилавком.

— Ах, какая красавица! — расплылся тот в улыбке. — Ты же кошечка, верно? Мой старый нос меня не обманывает? Какая светленькая Рысь, просто снежинка! Что, зайчатинки захотелось? Для такой красавицы лучшие шкуры! Сошьешь себе шубку, будешь еще краше! А может, ну их, этих зайцев? Меха зимний, но ведь бросовый. Смотри, что у меня есть! Для девушки с такими глазами только самое лучшее!

На прилавок легли мягкие темные шкурки, в солнечных лучах заиграли золотистыми бликами. Соболь! Редкого окраса, дорогой! Торговец гордо улыбался, пока Брангард и Ивар со знанием дела мяли шкурки, оценивая выделку, а парни из Волчьей дружины насупились, даже не подходя к прилавку. Похоже, их жалованья на шубку из темного соболя не хватило бы.

Лестана растерянно улыбнулась. Соболь был прекрасен, но заячью шкурку из рук выпускать не хотелось. Просто не хотелось — и все! Кайса, сообразив, что с ней творится что-то неладное, мягко забрала несчастный меховой лоскут из ее пальцев, шепнула на ухо:

— Леста, все хорошо? У тебя вид, будто ты сейчас этого зайца зубами...

Лестана почти с ужасом помотала головой. Нет! Она, конечно, ждала свою Рысь с нетерпением, но представить, только представить, что она, высокородная девушка, наследница клана и образец для подражания, поведет себя как дикий зверь? Что сказала бы матушка?!

— Так! — неожиданно решила Кайса. — Срочно кормить! И чтоб ни слова о приличиях, понятно? Эй, господа Волки!

Она обернулась к восторженным дружинникам и приказала:

— Спасите двух голодных девиц кусочком мяса! А еще хлебушка свежего... ну и чего сами придумаете. А то вас покусает. Р-р-р-р!

Парни ошалело уставились на грозно рычащую Кайсу и так же слаженно расплылись в умиленной улыбке, а потом вдруг исчезли в толпе. Лестана подняла ладони к щекам, мечтая провалиться сквозь землю, потому что Ивар с Брангардом, бросив мех, обеспокоенно повернулись к ней.

— Ничего... — проговорила она. — Это так...

Снова закружилась голова, и Лестана вцепилась в локоть Кайсы, а потом рядом вдруг оказалась высокая деревянная скамейка, на которую ее чуть ли не силой усадил Брангард. Седовласый Волк вытащил из-под прилавка какой-то сверток, развернул, и Лестана чуть не заплакала — от куска мяса, зажатого между двух тонких лепешек, поплыл сводящий с ума запах.

— Ешь, кисонька, — протянул ей торговец еду. — Совсем бледненькая, разве так можно? Зверя нужно хорошо кормить, иначе он тебя изнутри грызть начнет. Ешь скорее!

Не в силах отказаться, Лестана дрожащими пальцами приняла угощение и вцепилась в него зубами. Это оказалось самое вкусное мясо в ее жизни! Полусырое, лишь слегка прокопченное в каких-то душистых травах, жирное и мягкое... Никогда ей нравилась такая еда! А сейчас Лестана едва сдерживалась, чтобы не урчать и не выть над ней, как дикая кошка. Мое-у-у-у... мяусо-оу... мау-у-уло...

Опомнилась она только, когда последний кусочек стремительно провалился в желудок. Вытерла блестящие пальцы поданным Кайсой платком и жалобно обвела взглядом своих спутников. Кайса широко и радостно улыбалась, Брангард... на его губах тоже была улыбка, сдержанная, но теплая. Глаза Ивара блестели ярко, как два янтаря...

— Ну наконец-то! — выдохнула Кайса и погладила ее по голове, словно ребенка. — Спорим, и пары дней не пройдет, как ты обернешься?

— Это же... все Рысь, да? — прошептала Лестана, сгорая от стыда, и Кайса кивнула.

Пока Лестана, спохватившись, вытирала губы уже собственным платочком из поясной сумочки, примчались Волки. Заглядывая Кайсе в глаза и разве что хвостом не виляя, да и то лишь потому, что в этом облике его не было, они гордо предъявили корзину снеди, которой хватило бы на дюжину голодных оборотней. Лестана только вздохнула, глядя, как подруга деловито копается в копченой грудинке, кусках окорока и самых разных колбасках... Вот кому бы управлять кланом! И как только Кайсе удастся командовать окружающими так, что они готовы наизнанку вывернуться, лишь бы ей угодить? И, главное, с удовольствием!

От принесенного Лестана, конечно, отказалась. Взяла только большое спелое яблоко, чтобы не обижать старавшихся парней, но и его украдкой сунула в сумочку-кошель. Кайса же, одоббив принесенное, мгновенно нашла какого-то парнишку и велела отнести корзину во дворец, пояснив:

— Вечером съедем! — И милостиво добавила своим поклонникам: — Вы тоже приходите.

За всей этой суматохой Лестана едва заметила, как Брангард о чем-то переговорил с торговцем, спасшим ее от голодного обморока, а потом поймала обеспокоенный взгляд Ивара.

— Может, вернемся? — тихо спросил братец, но Лестана упрямо покачала головой.

— Хочу увидеть ярмарку, — сказала она с неизвестно откуда взявшимся упрямством. — Все хорошо, Ивар!

Поблагодарив улыбкой и доброго Волка, и молодых дружинников, она встала и с удивлением поняла, что чувствует себя великолепно! Какая там слабость? Ей бы сейчас попрыгать, побегать, поваляться по травке... Кажется, нужно быть очень осторожной, чтобы отделять свои желания от стремлений зверя!

Они прошли до самого конца длинного ряда, и Лестана с восторгом разглядывала все вокруг, наслаждаясь обострившимися чувствами. Звуки, краски и запахи сливались воедино, и казалось, что если она закроет глаза — и тогда все останется ясным... За рядами мехов пошли прилавки с уже готовыми изделиями. Пояса и ножны, кошельки, шкатулки, обувь... Лестана просто любовалась, а Кайса вцепилась сначала в сундучок из тисненой кожи, а потом замерла возле костяной мозаики с играющими на дереве белками. Но когда она потянулась за кошельком, Брангард возмущенно возразил:

— Госпожа Кайса! Как можно? Вы наша гостья, и я счастлив, если вам что-то приглянулось!

Однако свой кошелек он достать тоже не успел. Два Волка, что так и таскались за Кайсой, блестя голодными влюбленными глазами, чуть не устроили драку за право купить ей картину. И устроили бы, если б Кайса, зашипев на обоих, не ткнула пальцем сначала в мозаику, потом в приглянувшийся сундучок. Волки понятливо кивнули и попытались вручить ей мгновенно купленные подарки, но Кайса изумилась:

— Я что, сама это понесу? Когда рядом большие сильные мужчины?

Лестана снова сдержала хихиканье и подумала, что страшнее Кайсы зверя в лесу все-таки нет! И в лесу, и дома, а уж на рынке!

Хорошее настроение вернулось окончательно, и, когда они вышли на большую площадь, в одном конце которой столпились оборотни и люди вперемешку, Лестана первая спросила:

— А там что?

— Там стреляют из лука, — отозвался Брангард. — Хотите посмотреть?

Лестана хотела. Дома она ходила на воинские состязания, потому что наследница клана должна знать своих защитников, но нравилось ей не все. Поединки на мечах, даже учебные, казались опасными до дрожи, сердце замирало от сверкания стали, зато стрельба из лука — это красиво!

Толпа послушно расступилась, повинуясь негромкому приказу Брангарда, и Лестану с Кайсой и Иваром пропустили к самому краю ристалища. В одном его конце стояли самые разные мишени, в другом — стрелки, среди которых она увидела Рысей, приехавших в ее охрану. Гваэлис как раз натягивал лук, и, когда его стрела вонзилась в мишень, толпа одобрительно зашумела. Однако высокий Волк, стоящий рядом с ним спиной к Лестане, поднял лук и небрежно, почти не целясь, выстрелил, попав ближе к середине. Зрители снова загомонили, а у Лестаны екнуло сердце — этого Волка она узнала бы и со спины, и в темноте и даже, наверное, с закрытыми глазами. Просто чтобы держаться подальше!

— У вас хорошие стрелки, — учтиво сказал Брангард, когда Гваэлис, оставив лук на подставке, отошел в сторону.

— Недостаточно хорошие, — хмуро отозвался Ивар. — Похоже, придется мне попробовать.

— Перестрелять Хольма? — удивился Волк с разбитым носом. — Наш Клык родился с оружием в руках!

Но Ивар уже решительно пошел в сторону стрелков. Спohватившись, Лестана последовала за ним, потому что толпа явно была на стороне хозяев — пусть Ивар чувствует хотя бы ее поддержку. А если ему удастся поставить на место надменного Волчару... Мать-Рысь, пусть так и будет!

Брангард, Кайса и ее два сегодняшних хвоста-ухажера подошли, когда мрачный Хольм слушал негромко говорящего Ивара. Коротко кивнув, Волк махнул рукой, и два паренька бегом унесли старые мишени, поставив новые. Ивар подошел к подставкам с разными луками, взял один,

попробовал натянуть, но вернул его на место и снял другой. Наконец, выбрав, он вернулся на линию выстрела.

Зрители с интересом притихли, а Лестана сцепила перед собой ладони, горячо желая победы брату. Ивар поднял лук, наложил стрелу... Свистнула тетива, и стрела задрожала оперением в темном «яблочке» мишени. Еще одна — и снова в «яблочко». Кивнув, Ивар что-то сказал, и мишень опять поспешно заменили, поставив ее несколькими шагами дальше. Лестана хотела бы спросить, почему Хольм не стрелял, но вовремя сообразила, что брат просто пробовал незнакомый лук, а состязание начнется только теперь.

Оба стрелка стояли к ней спиной, но даже так было понятно, насколько они разные. Волк в кожаных штанах и той же самой синей рубашке, в которой был на пиру, широкоплечий и рослый, с небрежно завязанными в хвост черными лохмами. И тонкий изящный Ивар, затянутый в темно-зеленый шелк и золотистую замшу, сияющий на солнце гладкими светло-рыжими волосами, заплетенными в длинную мужскую косу. Кажется, Лестана еще никогда и никому так не желала победы, как сейчас — брату!

Впрочем, первые выстрелы показали, что Волк и Рысь равны. Ивар целился чуть дольше, красиво вскидывая лук, Хольм стрелял быстро, словно торопился. И после каждого выстрела мишень отодвигали, а толпа гомонила громче, мгновенно затихая, когда соперники накладывали стрелу на тетиву. Еще выстрел! И еще на несколько шагов мишень дальше. Лестана, будто завороченная, следила за движениями стрелков.

— А Кот хорош, — одобрительно сказал один из дружинников. — По виду и не скажешь, что воин. Только Хольм все равно победит, недельное жалованье ставлю!

«Можно подумать, воин должен быть страшным и мрачным, как ваш предводитель», — сердито подумала Лестана и покосилась на Брангарда.

— Ага, поищи дурака — против нашего Клыка ставить, — отозвался второй.

Мишень уже отодвинули до возможного предела, и Лестана увидела, как Ивар что-то говорит сопернику, а тот отрицательно качает головой. Неужели сдается?!

Томимая любопытством, она принялась пробираться поближе по краю толпы и, наконец, остановившись в нескольких шагах от стрелков, расслышала:

— Последний раз! — горячо упрашивал всегда спокойный Ивар. — И не по этой мишени, а по яблоку! Ставлю... да хоть бы свой кинжал!

Он тронул рукоять дорогого охотничьего кинжала, с которым никогда расставался. Позолоченная рукоять, лезвие работы лучшего кузнеца Арзина... Ивару не особенно хорошо давался бой на мече, но в стрельбе из лука и метании ножа равных ему не было даже в старшей дружине, а этот кинжал был его любимой игрушкой.

— Зачем? — хмуро поинтересовался Хольм. — Это достойная ничья. — И добавил так равнодушно, что Лестана не поняла, издевка это или Волк просто чудовищно уверен в себе: — Да и ножей у меня хватает.

— Струсил? — азартно спросил Ивар, и старший наследник волчьего вождя поморщился в ответ на гул вокруг — не только Лестана слышала этот разговор. — Мой кинжал против... чего угодно. Да хоть бы твоего пояса! Если проиграешь, одолжу свой, чтобы штаны не упали!

В толпе послышались смешки. Лестана только сейчас заметила, что пояс на Волке действительно нарядный, из чеканных серебряных бляшек. А вот кожаные ножны, потертые и будто пожеванные, к нему никак не подходят. Интересно, какой у предводителя Волчьей дружины меч? Клык — это ведь то же самое, что у Рысей Коготь? И не слишком ли молод Хольм для такой важной должности?

Рядом возмущенно засопели дружинники, а тот, что с подбитым глазом, не выдержал и крикнул:

— Хольм! Надери Коту хвост!

И тут же виновато покосился на Кайсу, но та, будто не услышав, грызла яблоко, запасливо утянутое из корзины, и разглядывала стрелков.

— Хольм! Хольм! — послышалось из толпы, и Волк передернул плечами, еще сильнее помрачнев.

— Как знаешь, — бросил он Ивару. — Пошлешь за своим луком или будешь из этого стрелять?

«Великодушное предложение, — с удивлением подумала Лестана. — Конечно, с привычным оружием Ивару было бы гораздо легче. Наверное, Хольм просто боится, что его победу сочтут

нечестной?»

— Из этого, — согласился Ивар. — Ну так что, на заклад?

— Как знаешь, — хмуро повторил Хольм и отвернулся к мишеням.

Те же парнишки убрали их и вынесли два шеста, которые воткнули в песок, а на свободные концы насадили два яблока. В точности такие, как сейчас упоенно грызла Кайса, и вроде бы одинаковые. У Лестаны пересохло во рту, и она тоже съела бы сейчас что-нибудь сочное, но боялась отвлечься. Толпа шумела, там бились об заклад на Хольма и Ивара, причем почти все — на Волка. Хольм что-то сказал парню, который ставил ему яблоко, но что именно — Лестана не расслышала. Вроде бы: «Как обычно»...

— Не расстраивайтесь, прекрасная, — прошелестел над ее ухом голос Брангарда. — Мой брат — отменный стрелок, такому проиграть не стыдно.

— Ивар — тоже, — обиженно сказала Лестана. — С чего вы взяли, что он проиграет?

— Я знаю Хольма, — вздохнул Брангард. — Ваш родич хорош с луком, но его жизнь вряд ли когда-нибудь зависела от удачного выстрела. Он не воин. А Хольм — да.

Лестана закусила губу, чтобы не начать спорить. Не хочется, да и неучтиво. Ну же, Ивар, пожалуйста! Прошу тебя!

Ивар медленно и плавно поднял лук с наложенной стрелой. Яблоко казалось таким маленьким! Но Лестана видела, как на соревнованиях братец сбивал и меньшие мишени. Только бы ветер был благоприятен! Только бы... Она затаила дыхание. Звон тетивы! И верхушка шеста лишилась яблока!

Лестана чуть не взвизгнула от восторга! Ивар — лучший!

Толпа то ли разочарованно, то ли восторженно загудела, а Хольм вытащил из колчана, вкопанного в песок, сразу две стрелы. Одну наложил на тетиву, вторую взял поперек зубами. Что он делает? Не надеется на один выстрел? Но так же нечестно!

Зрители замерли, как один. И тут Лестана увидела, как парнишка-помощник взмахнул рукой, и в воздух по широкой дуге взлетело яркое красное яблоко! И тут же Хольм вскинул лук. Звон! Яблоко, пронзенное в полете стрелой, разлетелось в клочья, но не успели они упасть на песок, как второй звук спущенной тетивы почти слился с первым, и второе яблоко слетело с верхушки шеста.

Мгновение тишины... А потом толпа заорала так, что Лестане захотелось прикрыть уши!

— Ничего себе, — восхищенно сказала Кайса. — Вот это Волчок...

Дружинники-Волки хлопали друг друга по плечам от избытка чувств, а у Лестаны на глаза навернулись слезы. Не отводя взгляда, она смотрела, как Ивар снимает с пояса кинжал и отдает его Хольму, как Волк качает головой, отказываясь, но потом все-таки берет выигрыш... И как он поворачивается к зрителям, явно выискивая кого-то взглядом в толпе, а глаза у него синие, словно небо, в которое улетело злополучное яблоко, и совершенно несчастные, без всякой радости от победы.

Глава 8

Кровь на песке

Вокруг шумели, поздравляя Хольма, Волки и гости города, молодой Кот старательно улыбался, делая вид, что ему совершенно не обидно, а выигранный кинжал почему-то неприятно холодил руку. Баланс у него, правда, был отличный, да и сталь отменно хороша, но очень уж нарядная и не к месту блестящая рукоять. Упадет на такую в ночной засаде луч луны — и роскошный ножик запросто выдаст владельца. Впрочем, для пиров — самое то, наверное. Пирог там разрезать, перед соседом похвастаться...

Хольм повертел выигрыш в руках и небрежно сунул за пояс, хотя с удовольствием вернул бы его родичу Лестаны. Нехорошо вышло, он в самом деле не собирался обыгрывать Ивара. А, ладно, будет Коту хороший урок, что на любое мастерство найдется свой соперник. А нож ему Хольм другой подарит, нужно только выбрать в клановой оружейной что-нибудь красивое и яркое, как детская игрушка. И позолоты побольше!

Он огляделся и успел увидеть расстроенное лицо Лестаны, возле которой, конечно же, стоял Брангард. На душе и вовсе кошки заскребли, наверняка Рысь обиделась из-за родича. Но с этим уже ничего не поделать. Если бы Ивар честно выиграл, Хольм первый поздравил бы его с победой, но поддаваться на виду у всего города не собирался. Он сын вождя и Клык волчьей дружины, за ним следят сотни глаз, и далеко не все из них добрые.

Кстати, Росомаха наверняка ведь где-то рядом. Но пока не показывается, ждет удобного момента. Хольм досадливо подумал, что надо было отправить кое-кого из дружины на поиски. Кого-нибудь матерого и молчаливого, кто потом не станет болтать, что Клык ждал вызова на поединок, раз искал Росомаху сам. Но на глаза, как назло, попадался молодняк, вроде Лейва и Рогволда, которые с гордым видом увивались вокруг рыженькой Рыси, подруги Лестаны.

Маленькая стайка из парочки девушек-Рысей, Брангарда и двух дружинников отошла от ристалища, и Хольм, увернувшись от желающих непременно поднести ему кубок вина за победу, последовал за ними, держась немного поодаль, но так, чтобы все видеть. Брангард смотрел на Лестану, но в его взгляде, движениях и манерах у Хольма никак не получалось, как он ни пытался, прочитать хоть что-то, кроме вежливой заботы о госте. Брат не старался как бы ненароком оказаться поближе к светловолосой Рыси, не касался невзначай ее рукава... А вот Лестана все время поглядывала на него украдкой, и с нежно-розовых губ девушки не сходила улыбка.

Хольм раздраженно повел плечами, пытаясь унять невольно поднимающуюся злость. А Брангард незаметно уводил Лестану все дальше от ристалища, показывая ей то торговые ряды, то резные деревянные карусели, с вечера поставленные на площади. Возле них толпилась детвора, не только волчата, но и дети гостей. Мелькнуло несколько рыжих лисьих голов, светлые макушки русских братцев-волков из других кланов, темные вихры плотных крепышей-медвежат... Хольм снова про себя поморщился, вспомнив о драке и подслушанном разговоре. Если бы там точно не говорилось о поединке, сейчас плюнул бы на слухи и поднял всю дружину, разыскивая Росомаху. Не хватало еще, чтобы родной город топтал грязными лапами наемный убийца.

Ивар между тем догнал свою двоюродную сестру, с притворным безразличием пожал плечами, а Лестана быстрым ласковым движением коснулась его рыжих волос, заплетенных в длинную косу. У Хольма что-то сладко и томительно потянуло внутри. Если бы она так же утешала его... Да за такой сочувствующий взгляд он бы с радостью проиграл на глазах у всех!

«Ивар ей брат, хоть и не родной, — мрачно возразил внутренний голос. — Ты же не родичем стать ей хочешь, верно?»

Молодой Кот, не цenia своего счастья, досадливо откинул косу за спину, что-то буркнул... Ему ответила рыженькая подруга Лестаны, возмущенно вскинув огненные брови на круглом веснушчатом личике с узким подбородком. Обе девушки остановились возле прилавка, где торговали ярмарочной забавой, метанием яблок в цель. За прилавком на некотором расстоянии стоял еще один, где были выложены призы: сладкие булочки, резные деревянные фигурки, глиняные кружки и прочие безделицы. Забава для детворы, но Рогволд и Лейв тут же повелись. Насыпав подскочившему торговцу медной мелочи, набрали яблок и принялись азартно швырять их в мишени, красуясь перед девушками.

Ну-ну... Хольм тоже встал шагах в десяти, спрятавшись в тень от высокой полотняной палатки, и присмотрелся. Чтобы выиграть приз, мало было просто попасть в него, следовало ухитриться, чтобы выигрыш упал в корзину, закрепленную позади прилавка, а для этого бросок требовался точный и очень сильный. Вот Лейв сбил фигурку вставшего на дыбы коня, но она, упав, осталась на прилавке, не долетев до корзины. А слишком сильным броскам не хватало точности, и Волки все чаще промахивались, теряя верный прицел еще и от досады.

Лестана тронула брата за рукав, указывая взглядом на забаву, но Ивар нахмурился и покачал головой. Ну и дурень! Что так расстраиваться из-за проигрыша? Сам ведь напросился... Вот Брангард яблоки взял, и раздосадованные Волки уступили ему место, но младшему тоже не повезло. Попадал-то он метко, а вот рассчитать силу удара никак не мог. Сияющий торговец, то и дело ловя монетки, бегал от прилавка к прилавку, подавая щедрым гостям яблоки и заново расставляя фигурки, и Хольм заколебался. Он как раз мог бы сбить любой из призов, но... только не теперь, когда Ивар этого точно не простит.

И тут из-за пары степенных Барсуков, беседующих рядом о делах, вывернулся Лисенок лет двенадцати с хитрой озорной мордочкой и стремительным ловким движением сорвал ленту, которой рыжая Рысь перевязала на затылке хвост. Хвостов, пышных, заботливо расчесанных, было два, и левый разлетелся блестящими густыми прядями, а Рысь, как же ее, Кайса вроде, возмущенно обернулась.

— Выкуп! Выкуп! — закривлялся Лисенок, размахивая перед собой шитой бисером тяжелой лентой. — Кому ленту за выкуп?

Хольм едва не рассмеялся, видя, как озадаченное выражение на физиономиях Лейва и Рогволда сменяется яростью, а потом, как по волшебству, радостным азартом. Тоже старая ярмарочная забава! Ленту, сдернутую с головы незамужней девы, отнимать силой нельзя. Но если кто-то ее выкупит у наглого прохвоста, то за возвращение владелице не грех попросить поцелуй, а деве не зазорно его дать. Хитрый Лисенок отлично все рассчитал, подыскивая добычу. У Лестаны лента плотно вплетена в косу, так просто не выдернуть. Ее подружка была неосторожнее... А три Волка и Кот, сопровождающие девиц, уж точно не ударят мордой в грязь, кто-то да заплатит.

Брангард, улыбнувшись, потянулся к кошельку, Лейв с Рогволдом зашарили по карманам, бросив на сына вождя то ли умоляющий, то ли предупреждающий взгляд. Лестана глядела на все с веселым удивлением, Ивар хмурился...

Хольм ни за что не стал бы вмешиваться. Гостью никто не обидел всерьез, а девица она бойкая, уж как-нибудь с одним из его парней договорится. Но тут Кайса, фыркнув, протянула громко и возмущенно:

— Ах, вы-ы-ы-куп тебе!

И решительно подобрала с прилавка оставшиеся на нем яблоки.

Лисенок смотрел с любопытством, уверенный в своей безопасности, ну не будут взрослые дружинники позориться, гоняясь за мальчишкой, да и не по обычаям это. Однако Кайса повернулась к вождельным и таким недоступным призам.

— Обидеть маленькую...

Хлоп! От броска яблока большая плюшка с маком слетела точно в корзину.

— Скромную...

Хлоп! Туда же упала фигурка коня.

— Бе...

Она запнулась, словно проглотив слово, но тут же уверенно продолжила:

— Беззащитную... Рысь...

Хлоп! Хлоп! Волки, не исключая Брангарда, смотрели потрясенно, как еще две фигурки, самые сложные в добывании, слетели с прилавка.

— Всякий может! — зловеще закончила Кайса и, обернувшись к Лисенку, с очень выразительным лицом подбросила на ладошке последнее яблоко.

Крупное. И твердое, судя по виду.

«А вот убежать после этого редко у кого получается, — закончил про себя Хольм, уже не сдерживая ухмылку. — Хороша беззащитная...»

Видимо, то же самое понял и нахальный Лисенок, потому как расплылся в восхищенно-извиняющейся улыбке и с поклоном протянул сдернутую ленту. Умница, лоб целее будет.

— Вот это меткость, прекрасная! — заметил Брангард. — Не знаю, как нашим доблестным дружинникам, а мне стыдно. Вам и охрана не нужна, разве что корзинку следом носить.

— Как это не нужна? — сладким голосом пропела Кайса, снова собирая рассыпавшиеся огненно-рыжие пряди и связывая их на затылке в пушистый хвост. — Вместе по рынку всегда веселее ходить. А издалека с косой Ивара да вашей, господин Брангард, рубашкой, мы вообще как четыре подружки смотримся. И мы с Лестаной даже не самые нарядные из всех.

— Кайса! — воскликнула дочь вождя, на глазах заливаясь краской. — Ты что говоришь?!

Но Брангард, и вправду разодевшийся сегодня в коричневый, густо затканый золотом шелк, вместо обиды только рассмеялся и поднял перед собой руки.

— Сдаюсь! — воскликнул он под ухмылки Волков и неодобрительное фырканье брата Лестаны. — Ох, и зубки у вас, госпожа Кайса. Пощадите... ну хотите, сам корзинку понесу!

— Уже нашлось, кому нести, — невозмутимо ответила рыжая Рысь, одарив младшего братца Хольма насмешливым взглядом. — Такие молодцы, как у вас в дружине, хоть корзинку дотащат, хоть оленя. Верно, господа Волки?

— Как пожелает госпожа Рысь, — восхищенно отозвался Лейв. — Можем и оленя, запросто! Прямо из леса!

— Хм... — задумалась Кайса. — Что скажешь, Лестана? Нужен нам целый олень?

— Кайса... — проговорила наследница клана, едва сдерживая смех. — Ты невежлива! Кто же выпрашивает подарки? Следует радоваться всему, что тебе принесут с охоты! Хоть оленю, хоть зайчику...

И лукаво посмотрела на Брангарда, словно ожидая его одобрения. Хольм стиснул зубы — ему показалось, что взгляд серебристо-серых глаз Рыси погладил младшего, словно мягкая кошачья лапа.

— Еще чего! — возмутилась рыжая Кайса. — А если мне заяц не нужен? Да и олень еще нужен не всякий, а, например, я хочу важенку двух-трех лет на зимние сапожки? А мне как начнут таскать все, что попадется! Нет уж, я лучше сразу объясню. И мне проще, и охотникам за лишними зайчиками бегать не придется.

— Очень разумно, — согласился Брангард и глянул на подругу Лестаны с веселым, но искренним уважением.

«А я бы принес тебе хоть сотню оленей, — подумал Хольм с той же сладкой тоской, что пробирала его насквозь при одном взгляде на тонкую гибкую фигурку, затянутую в темно-синее платье и увенчанную короной из белокурых волос. — И выбирай сама, что пожелаешь... А потом уткнулся бы мордой в колени и долго не перекидывался в человека, дыша твоим запахом и ожидая прикосновения руки... Бран, глупец, как ты можешь смотреть на кого-то еще, когда она рядом?!»

Его вдруг словно укололо между лопаток ощущение чужого взгляда. Насторожившись, Хольм постарался незаметно оглядеться, но вокруг то и дело мелькали гости клана. Вот прошла пара тонких изящных Лисиц, красуясь рыжими шевелюрами и богатыми нарядами, вот кивнул Хольму знакомый Волк из Серых... А на душе становилось все тревожнее. Где же Росомаха?

Хольм снова посмотрел на девушек-Рысей. Лестана что-то сказала, и Лейв, расплывшись в улыбке, размашистыми шагами пошел к палатке, где продавали горячий медовый сбитень. Рогволд, ревниво проводив его взглядом, заторопился следом. Наверное, рассудил, что больше двух кружек приятель не принесет, а учтивость следует оказать и гостю-Коту, и сыну своего вождя. Правильно решил, в общем-то.

Брангард, разговаривая с Иваром, мельком оглядел палатки, дальние ряды и карусели, наткнулся взглядом на Хольма и недоуменно поднял бровь. Мол, ну и чего ты там стоишь, иди к нам? Хольм в ответ слегка мотнул головой, про себя подосадовав. Он бы с радостью! Оказаться рядом с Лестаной, поговорить с ней так же беззаботно, как младший... Может, он смог бы сказать, как прекрасна сегодня светловолосая Рысь!

Но пока что придется держаться подальше. Росомаха может появиться в любой момент, и лучше, чтобы Хольм встретил его один на один, не вмешивая в это дело брата и гостей. Вдруг его внимание привлеч шум у палатки со сбитнем. Насторожившись, Хольм посмотрел туда, недобро прищурился и пошел к своим Волкам, которых теснили три Медведя.

— Что за шум, господа хорошие? — хмуро поинтересовался он, почти желая, чтобы Медведи дали повод наломать свои толстые шеи.

Им бы вести себя тише воды и ниже травы после того, что устроил племянник их вождя! А они — смотри-ка! — еще смеют пыхиться!

— А нечего не в свой черед за питьем лезть! — рявкнул старший из Медведей, крупный парень ростом с Хольма, но сутуловатый и с круглым сердитым лицом. — Мы раньше подошли!

— Ты еще скажи, что эту палатку при вас поставили, — огрызнулся задиристый Лейв. — И мед, наверное, пчелы вам носили? Клык! — заторопился он, увидев Хольма. — Я первый подошел! Рогволд и правда пришел после них, но я уже стоял!

— Это верно, — подтвердил сбитенщик, ловко разливая по кружкам пряный душистый напиток. — Сначала Волк, потом господ Медведи, потом второй Волк... Не нужно ссориться, на всех хватит! Сейчас каждому налью по кружечке...

Он заулыбался, стараясь прекратить ссору, но Медведи, неприязненно глянув на Хольма, пробурчали что-то нелестное о сбитне, который здесь варят, один вроде бы пошел от палатки, но так неуклюже, что задел Рогволда плечом. Второй оказался между возмущенным Лейвом и Хольмом, третий...

Что-то здесь было не так. Медведи, конечно, великие любители меда, за хороший сбитень они собственный куций хвост отдадут, но чтобы так наглеть, открыто нарываясь на ссору? Только не сейчас! Хольма вдруг молнией прошила тревога. Он упруго шагнул назад, отступая от своих дружинников и гостей, и резко обернулся. Зар-раза! Его надурили, как несмышленого волчонка! Выманили подальше от брата и Рысей! Клятые Медведи, подлое племя! Надо было вовремя подумать, что они будут играть на стороне его врага, если сами наняли убийцу!

Тонкий девичий вскрик резанул уши, но Хольм уже летел обратно, на бегу вглядываясь в то, что творилось у прилавка с яблоками для метания. Лестана! Неужели Бран позволит ее обидеть?!

Тоненький силуэт Рыси, облитый темно-синим шелком, бросился ему в глаза первым. Лестана стояла позади своего двоюродного брата, и Кот прикрывал ее плечом, рядом с ним и немного впереди замер напряженный, как тетива, Брангард. А перед ними — невысокий жилистый оборотень с черно-белой копной длинных тонких косичек, падающих ему на спину. Кожаная одежда, широкие для такого роста плечи, длинные руки... Росомаха! Но почему там?!

— Сколько твои девки берут за ночь, Кот? — проговорил он глумливо, обращаясь к Ивару. — Плачу золотой за эту темненькую.

И небрежно кивнул в сторону Брангарда, разом побледневшего так, что его карие глаза показались огромными и темными.

Хольм не успел на пару мгновений, иначе вбил бы оскорбление обратно в наглую рожу Росомахи, не ожидая, что именно тот скажет. А вышло так, что это услышали все вокруг, и от прилавка с яблоками по ярмарочному полю поползла жуткая тишина, словно круги от брошенного в воду камня.

Но Брангард не был бы Брангардом, не попытайся он выпутаться и обойтись без драки.

— Забавно сказано, — растянул младший губы в холодном подобии улыбки. — Солнце у нас жаркое, сбитень и вино крепкие, наверное, хмель ударил тебе в голову и затуманил глаза. Бывает, за себя я не в обиде, извинись только перед нашими прекрасными гостями.

Все еще можно было исправить, сведя к шутке. Глупой и отвратительной, но шутке. И мало кто осудил бы Брангарда, решившего прилюдно проявить снисходительность к перебравшему гостю. Но Росомаха оскорбил еще и Рысей, а вот этого Бран не имел права спустить ему по тем же самым законам гостеприимства.

— О, да ты и вправду не девка? — Росомаха говорил громко, издевательски, и у него отменно получалось привлечь внимание. Даже те, кто не расслышал первые слова, стягивались в большое плотное кольцо, окружая и его, и Брангарда с Хольмом, и Рысей. — Надо же, а как похож! Немудрено, что я перепутал. Хотя вот сейчас разглядел поближе и думаю: девка ты или нет, но платить золотой все равно не за что.

Для вызова на бой хватило бы сказанного раньше, но сейчас Росомаха отрезал Брангарду все пути к отступлению. Понимал это он сам, понимали Волки и гости, смешавшиеся в плотной стене вокруг. И Брангард, разумеется, тоже. Отказаться от поединка после подобного — немыслимо. Позор ляжет на весь клан, Волки потребуют изгнания Брангарда, будь он хоть наследником, хоть самым вождем.

«Какой же я дурак! — отчаянно подумал Хольм. — Не я был нужен Медведям! Росомаху натравили на Брана! Сейчас наемник его убьет, и клан будет обезглавлен. Да не в клане дело! Он мой брат! Мой младший брат, которого сейчас на моих глазах прирежут, как барана, потому что я — дурак!»

Он шагнул вперед, с ледяной смертельной ясностью понимая, что из этой ловушки выхода просто нет. Либо Бран примет бой и погибнет, либо будет опозорен. Причем в любом случае, потому что

молодой здоровый Волк, позволяющий кому-то другому выйти за себя в круг, не заслуживает уважения.

Может, Бран справится с Росوماхой?! Хольм сам его учил...

Да, но именно поэтому он хорошо знал пределы мастерства брата. Брангард мог победить обычного Волка из младшей дружины, но и там не всякого. Схлестнись братец с Лейвом или Рогволдом, Хольм поставил бы на его соперника. Ну не дала мать-Волчица Брану воинского таланта! Ума отсыпала щедро, только сейчас от этого толку... Умом клинок не перешибить, а на поясе у Росوماхи висели в потертых кожаных ножнах два одинаковых меча. Обоерукий! Боец на парных мечах — жуткий противник!

Да и вся фигура Росوماхи, даже сейчас, когда он стоял без движения, дышала опасностью. Хольм нутром чувал, что наемник быстр, ловок и умел, как любой, чья жизнь зависит от воинского мастерства. Брану и нескольких мгновений не продержаться! Если только Росумаха не пожелает, выполняя заказ, еще и развлечься...

«Бран меня возненавидит, — с той же холодной четкостью мыслей понял Хольм, делая последний шаг и оказываясь между братом и наемником. — Я сейчас унижу его так, как еще никто и никогда этого не делал, да и сделать бы не посмел. После такого дружина станет смеяться ему даже не в спину, а прямо в лицо. Конечно, когда меня не будет рядом. Но все-таки станет... Зато он выживет. Это единственное, что по-настоящему важно».

— Брангард не даст тебе поединка, — бросил он в ухмыляющееся смуглое лицо Росوماхи, исчерченное множеством шрамов. — Я запрещаю. Вместо него выйду я.

— А, так миленький Волчок все-таки девочка, что слушается мужского слова? — нараспев протянул Росумаха, насмешливо смерив их обоих взглядом.

Тишина вокруг разразилась возмущенными воплями. Орала все! И гости, и Волки, причем каждый — свое. Обострившимся слухом Хольм различал крики Медведей, те голосили, что мужчина должен стоять за свою честь непременно сам...

«Если выживу, — отрешенно подумал Хольм, — найду их и вызову каждого по очереди. И посмотрим, долго ли они простоят перед тем, как лягут...»

Волки гомонили мрачно и зло, они как раз понимали Хольма, но позор клану простить не могли...

— Хольм, не надо! — раздался рядом очень спокойный, но неуловимо напряженный голос брата. — Я выйду в круг.

— Не выйдешь! — отрезал Хольм, не поворачиваясь, чтобы не встретиться с Браном взглядом, так ему было стыдно. — Я твой старший брат. А еще — я Клык твоего клана. И приказывать мне может только вождь, а не его наследник.

Разговоры вокруг плеснули новой волной, но Хольму было все равно. Он сделал все, что мог, перед кланом и гостями признав Брана прямым наследником вождя в обход себя. Одно дело — когда старший брат заступает за младшего, это понятно, однако обоим не приносит чести. И совсем другое — когда на бой идет Клык, чей воинский долг напрямую заставляет беречь вождя и его кровь. Неважно, что эта кровь у них общая.

— Хольм...

В голосе Брангарда было столько отчаянной злости, сколько Хольм никогда у него не слышал. Младший все понимал еще лучше! Выбор у него был прост: умереть под мечами Росوماхи или признать, что брат спасает тебя от смерти, прикрыв собой.

И все это на глазах будущей невесты!

— Ты хотел поединка с сыном Вождя, — мягко, почти ласково сказал Хольм Росумахе, выбросив из головы все, что не касалось будущего боя. — Ты его получишь. Или проси прощения за каждое сказанное слово. На коленях.

— За хвост себя укуси, Волчок, — оскалился Росумаха, в глазах которого плескалось лютое разочарование. — А лучше сразу за яйца. Откуси и оставь их в наследство своему младшему, ему нужнее.

— Я ему твои подарю, — пообещал Хольм, которому было не до ритуальной перебранки, но что поделать, толпа жадно ловит каждое слово, каждый взгляд и жест. — Если найду их, конечно. Он на рыбалку с ними сходит, авось какой глупый карась и клюнет...

В толпе слышались смешки и улюлюканье, пара доброхотов торопливо чертила вокруг них с Росوماхой круг шагов на десять в поперечнике. Злое полуденное солнце пекло так, что Хольм в своей рубашке из тонкой шерсти давно вспотел, на замшевой одежде Росумахи тоже были потеки пота, однако наемник и не думал снять куртку. Он потянул мечи одновременно обеими руками, вытаскивая из ножен, и Хольму показалось, что в нос бросился запах свежей крови. Словно она уже пролилась на траву, накануне щедро присыпанную песком для чистоты.

— Лейв! — окликнул Хольм. — Щит мне дай.

Оба дружинника стояли рядом с Рысями, вид имея самый виноватый. Не уберегли от оскорбления, не оказались рядом, когда это было нужно! Лейв сорвался с места под ревнивым взглядом Рогволда, сорвал из-за спины небольшой кулачный щит и бегом его принес. Он уродился рослым, и на учебных поединках именно его щит Хольм часто одалживал, так что ремень перетягивать не придется.

— Удачи, вожак! — выдохнул дружинник тихо. — А если что... мы с ним все по очереди выходить будем! Пока не завалим!

— Заботливые вы у меня, — ухмыльнулся напоказ Хольм. — Молись лучше Матери-Волчице, чтоб он меня пришиб. Вернусь живой, будете с Рогволдом казармы месяц драить. Чтоб не подпускали близко всяких вонючек!

— Да хоть год! — истово поклялся Лейв и нырнул обратно в толпу.

Хольм взвесил привычную тяжесть, затянул ремень, которым щит крепился на руке, и медленно потянул из ножен меч. Глянул на Росумаху, с лица которого так и не сходила глумливая улыбка. И все, оставшееся за глубокой чертой, проведенной в песке ярмарочного поля, стало неважно. Есть он и враг, из круга выйдет лишь один. Правило простое, страшное и старое, как мир. «А все, что будет потом, оно только для того, кто из круга выйдет. Вот тогда об этом и подумаю», — спокойно сказал себе Хольм.

У Брангарда было мертвенно-бледное и застывшее лицо, просто каменное. Лестана то вглядывалась в младшего Волка, то переводила взгляд на его брата, хищно подобравшегося напротив соперника. А Брангард смотрел только на Хольма, и в его карих глазах Лестана видела отчаяние. Злость. И страх.

Неужели он не верит в победу своего брата? Сам ведь говорил, что Хольм — опытный воин, да и разве кого-то другого поставят старшим над войском?

Лестана представила, что перед Росумахой стоит Ивар, и содрогнулась. Да она бы умерла от ужаса! Хоть за родича, хоть за любого близкого или просто знакомого... Но почему ей не страшно за Хольма?! Неужели она не желает Волку победы? Глупости, желает, конечно.

Просто ей не верилось, что Хольму что-то угрожает. Она все еще помнила, каким увидела его в драке с Медведем. Быстрым, сильным, яростно жестоким. А Росумаха не выглядит настолько уж опасным. Он ниже Волка и уже в плечах, да еще будто нарочно горбится, кругля спину, обтянутую замшевой курткой...

Чутья Лестаны коснулся острый резкий запах дикого зверя, словно Росумаха или недавно оборачивался, или вот-вот должен был. Ее руку вдруг сильно сжали чьи-то пальцы, Лестана вздрогнула, но сразу увидела, что это Кайса, которую толпа прижала к Лестане совсем близко. С другой стороны встал Ивар, за ним и Кайсой — дружинники-Волки. Но Брангард стоял словно отдельно, и Лестане показалось, что вокруг младшего сына вождя незримая стена.

— Он ведь победит, Ивар? — тихонько сказала Кайса. — Как ты думаешь?

— Не знаю, — уронил двоюродный братец, и дружинник, что стоял рядом, метнул на него короткий неприязненный взгляд. — Соперник опасный...

«Неужели Ивар не уверен в победе Хольма? — изумилась Лестана. — Он ведь тоже видел, как Волк дерется!»

Больше всего она сейчас мучилась невозможностью подойти к Брангарду и коснуться его плеча, молчаливо напомнив о своем присутствии. Хоть как-то убедить его, что она все понимает и не считает младшего Волка трусом. Воины должны драться за своего вождя, это их обязанность, а Хольм — воин.

Но вряд ли сейчас Брангарду до нее. Или нет? Росумаха говорил такие мерзости, Брангард может решить, что для нее это что-то значит! Или... нет? «Я ничего не понимаю в том, что происходит, — с отчаянием подумала Лестана. — Нужно было больше узнавать о воинских обычаях! А я решила, что это дело моего будущего супруга-консорта! Мать-Рысь, прошу тебя, пусть все обойдется!»

Она почти упустила миг начала поединка. Просто двое шагнули друг другу навстречу, и толпа молча выдохнула. Росомаха длинным скользящим движением уклонился от Хольма, прыгнул в сторону, и два меча в его руках засверкали длинными, смертельно опасными бликами.

Лестана не раз видела таких бойцов, очень многие Рысы предпочитают именно парные мечи, потому что это оружие скорости и точности, а не силы. Но то были дружеские поединки ради красоты боя — кто бы стал всерьез драться в присутствии наследницы клана? Росомаха был так же быстр, как и ее соплеменники, но ничуть не заботился о красоте.

Раскрутив мечи одновременно так, что они мелькали вокруг него жутким облаком, он шагнул к Хольму, но Волк выставил вперед щит — и облако сверкающей стали распалось, обрушившись на деревянный круг, обитый железом. В правой руке у Хольма был меч тяжелее и длиннее клинков Росомахи, и Лестана поняла, что Волк рассчитывает не на скорость, а на силу. Он подставлял щит под яростные атаки противника, и смертельно красивый рисунок движений Росомахи постоянно ломался, распадаясь на отдельные удары.

— Давай, Волчок! — то ли шептала, то ли стонала Кайса. — Помоги тебе Луна!

Лестана с кольнувшей сердце ревностью увидела, как Брангард бросил на подругу короткий благодарный взгляд, но тут же снова отвернулся, следя за братом. А как же она?! Она ведь тоже переживает! И желает Хольму победы! Просто не приучена выказывать при всех свои чувства, для наследницы это неприлично.

«А когда ты испугалась Хольма, то еще как это показала, — сердито и виновато сказала она сама себе. — И благодарить его потом стоило старательнее... Между прочим, сейчас он сражается не только за Брангарда, которого ты любишь, но и за твою честь».

И все-таки бояться не выходило. Вокруг была та самая ярмарка, где они полчаса назад веселились, Волки и Кайса кидали яблоки, а Брангард улыбался Лестане... И она никак не могла поверить, что в таком солнечном, жарком, вкусно пахнущем и радостном месте может прямо сейчас кто-то умереть. Сталь мечей сверкает празднично и ярко, соперники двигаются, словно танцуют...

И тут толпа слитно ахнула. Лестана увидела, что на предплечье правой руки Хольма проступает темное пятно, и догадалась, что это кровь. Но она даже не заметила удара! А Волк их отражает, от деревянного щита летят щепки, и если он ослабеет от потери крови и пропустит еще один... Если в горло или грудь... Да все равно куда!

Кайса крепче сжала ее руку, и Лестане наконец-то стало страшно. Потому что Хольм не нападал, он лишь прикрывался щитом с выпуклой бляхой, и бока у этого щита были уже изрядно посечены. Почему он не атакует в ответ? Чего ждет?! Неужели Росомаха настолько сильнее?

Лестана закусила губу, чувствуя, как быстрее бьется сердце. Вокруг стило тяжелое молчание, толпа затаила дыхание, как единый человек. Она посмотрела на Брангарда и разглядела, как по щеке молодого Волка от виска ползет прозрачная капля пота... Напряженный, как струна, Брангард не отрывал взгляда от боя. И когда его лицо исказилось, Лестана не сразу поняла — почему, а потом толпа вокруг снова ахнула единым голосом:

— Хо-о-ольм...

Краешком глаза Лестана только успела увидеть, что один из клинков Росомахи взлетает вверх по какой-то странной неправильной дуге. И как в эту прореху стальной паутины, что ткали оба клинка одновременно, врывается меч Хольма, страшным коротким ударом опускаясь на открывшийся бок противника. Невозможно быстро, словно не Волк до этого все время пытался и прикрывался.

«Один удар... — через накатившую дурноту подумала Лестана, не в силах отвести взгляд от кровавого пятна на песке. И от того, как медленно разворачивается и падает поверх этого пятна соперник Хольма, не переставая истекать кровью из жуткой раны. — Он выдержал десятки ударов, если не сотни. И сам ударил в ответ всего один раз... Так вот как это бывает. Один миг — и все!»

— Хольм! Хольм! Хо-о-о-ольм! — орали вокруг, срываясь на вой, визг и рычание.

Лестану замутило. Она стояла так близко от круга, что горячий запах крови достиг ее и словно опустился на кожу, липкий и мерзкий.

Хольм оглядел вопящую толпу с тем же точно выражением лица, с которым пустил свою победную стрелу. Холодным, сосредоточенным, усталым, как после тяжелой неприятной работы... Словно не победил, а проиграл, только все вокруг до сих пор этого так и не поняли.

На Росомаху он даже не посмотрел. Только перешагнул один из мечей, лежащих на песке, чуть более длинным, чем другие, шагом. Так же спокойно покинул круг и пошел к Брангарду. Лестана видела и слышала, как с каждым его шагом толпа затихала, будто насторожившись, и когда до нее,

Лестаны оставалось три-четыре шага, а до Брангарда — всего один, Хольм остановился. Посмотрел в бледное лицо брата так, что Лестану пронзила непонятная жалость к ним обоим, и тихо уронил:

— Прости. Нехорошо вышло. Поговорить нужно прямо сейчас.

— Живой... дурень! — выдохнул Брангард и перепрыгнул этот разделяющий их шаг, стиснув Хольма в объятиях.

Рядом прыгала и визжала от радости Кайса, дружинники-Волки обнимались, стуча друг друга по спине кулачищами. Даже Ивар оттаял лицом и смотрел на Хольма... странно смотрел. То ли с уважением, то ли удивленно. А Лестану словно погладила по спине огромная мягкая лапа, тяжелая, пушистая, когда Хольм поверх плеча Брангарда посмотрел прямо ей в лицо. Виновато и тревожно. Будто она, Лестана, была для него страшнее Росомахи!

«Он спас моего Брангарда, — с отчаянием подумала Лестана, уговаривая себя улыбнуться и ответить благодарностью. — Да, он страшный, но любит брата! Если бы... если бы не Хольм...»

На нее вдруг накатило осознание, что без этого жуткого полузверя в круг пришлось бы выйти Брангарду. Умному, красивому, но мягкому — против стального вихря в руках врага. И вот тут ей стало страшно по-настоящему. Глупо, запоздало, но невыносимо.

Она все-таки попыталась улыбнуться Хольму, но застывшие как на холоде губы не слушались, и Волк усмехнулся в ответ с неожиданно понимающей горечью. А потом отвел взгляд невозможно синих глаз, которые каждый раз удивляли Лестану, и ей стало легче дышать. Только очень тоскливо почему-то.

Глава 9

Между лисой и совой

— Пенек, мышами помеченный! Чучело облезлое! Ты чем думал, а?!

Хольм застыл у стены, молча глядя на мрачного и тоже ничего не говорящего отца. Впрочем, нужды в этом и не было, брат старался за всех. С того момента, как они переступили порог отцовской спальни, Бран и минуты не помолчал. Давно он так не орал...

— И что я должен был сделать, по-твоему? — хмуро спросил Хольм, дождавшись, когда младший смолкнет, чтобы перевести дух. — Дать ему тебя убить?

— Тупица! — завопил снова набравший воздуха в легкие Бран. — Рассказать ты должен был! Мне! Вчера! Сразу, как услышал! Неужели непонятно?

— Понятно, — ровно согласился Хольм. — Я бы тебе рассказал, а ты бы все решил, да? Ну и что именно? Взял бы Росомаху заранее? Так его слово против слова Медведей! Они просто от всего откажутся! А если признаются — начнется война!

— Нет, братец, ты все-таки пенек, — устало и на диво спокойно сказал Бран, останавливаясь и глядя на него золотисто-кариыми отцовскими глазами. — И еще какой... Мы бы время выиграли, понимаешь? Вот этого всего точно бы сегодня не случилось! Да, мы бы взяли Росомаху по-тихому. Или ночью, или прямо на ярмарке. Им пришлось бы искать нового наемника, а за день такие дела не делаются. Через три дня ярмарка бы кончилась, Медведи уехали домой не солоно хлебавши, а у нас было бы время подготовиться к... да к чему угодно! А теперь что? Ты хоть понимаешь, как на меня дружина смотрит, а? Твоя дружина, Хольм! Они и так на всех углах орут, что вождем ты должен быть, а не я! А теперь вовсе...

— Дружина без моего слова ничего не сделает, — процедил Хольм, изнывая от бессильной вины и злости на самого себя.

Пока Бран просто кричал, а отец молчаливо осуждал, терпеть это было легче. Теперь же Хольм ясно понимал, в какую ловчую яму спихнул клан своей гордыней и желанием решить все самому. Вчера это казалось безупречно верно! А ведь если подумать, Бран во всем прав...

— Уверен? — усмехнулся Брангард, скрестив руки на груди и глядя на него с холодной злостью. — Вот прямо за каждого из них поручишься головой? И за родичей их? И за каждого дурня в клане?! А был бы я Медведем, я бы теперь на руках тебя носил за такой подарок! Им всего-то осталось тебя пришибить, а на меня все свалить! И твои дружинники меня голыми руками на куски разорвут за своего Клыка! Потому что все поверят! Ой, Хольм...

Он стиснул виски ладонями и покачал головой. Потом убрал руки и посмотрел с такой обидной жалостью, что у Хольма что-то гадко потянуло внутри. Ну да, не силен он в хитрых тропях клановых дел. Не его это! Но ведь за это Бран его всегда и любил, неизменно повторяя, что доверяет, что Хольм — единственный, кто не предаст, не ударит в спину...

— Хватит, — уронил тяжело и мрачно отец, отходя от стены и садясь на кровать. — Что теперь толку кричать? Бран, Медведями сам займешься. Чтоб дорогие гости без охраны даже в уборную нос высунуть не могли. А как только ярмарка кончится — духу их в городе остаться не должно! Войны все равно не избежать, мы Рысям помощь обещали, но нужно потянуть, сколько получится. У нас теперь новое русло — главная забота. Чтобы корабли как можно скорее пошли напрямую...

Он поморщился и тоже потер виски ладонями, а глаза сурово блеснули из-под широких густых бровей. Хольм опять отчетливо почувствовал себя лишним. Нашкодившим щенком, который своей дуростью поломал важные взрослые планы. Ну да, сейчас река важнее всего! Тяжелые торговые суда Кабанов пока что идут мимо земель Черных Волков по землям Медведей, но если Кабаны смогут по новому руслу сократить путь до большой воды в полтора раза, как говорил Бран, им будет выгоднее заключить новый союз уже не с Медведями, а с Волками...

— Войны не избежать, — эхом откликнулся Брангард, словно читая его мысли. — Нам бы сейчас договор с Кабанами ох как пригодился! Но сначала нужно решить, что с Рысями делать.

Он отошел с середины комнаты, где стоял, словно прикрывая Хольма от отца, и упал в низкое мягкое кресло возле пустого очага. Летом огонь в открытом устье печи не горел, но Хольму ярко вспомнилось, как в детстве он любил сидеть там вместе с Браном у отцовских ног...

Рыси? Хольм стиснул зубы, уговаривая себя, что стоит помолчать. Он и так вчера наговорил отцу лишнего. Но как сдержаться, если речь идет о Лестане? Ну почему за эти дни он так и не поговорил с девушкой?! Откуда эта странная трусость? Никогда Хольм не робел с девицами, но под мягко

сияющим взглядом серебристых глаз юной Рыси ему даже рот открывать не хотелось. Разве могут слова передать, что он чувствует к ней?!

— Сигрун говорит, что дочь Рассимора уже выбрала Брана, — так же мрачно сказал отец. — Видит Мать-Волчица, я надеялся на иное. Помолчи! — предостерегающе бросил он вскинувшемуся Хольму. — Сам видишь после сегодняшнего — клан ты не удержишь! Это тебе не мечом махать, здесь думать надо! Наперед и обо всем сразу! С тебя, дурня, шкуру снимут — а ты и не заметишь. Только удивишься, что хвоста нет — махать нечем. Если Рысь останется у нас, так тому и быть. Но тянуть больше нельзя. До конца ярмарки она должна дать ответ, кого выбирает.

— И как ты меня с ней отправишь, если я не поеду? — глухо спросил Хольм, ненавидя в этот момент и себя, и отца, и даже Брана. — На цепи потащите?

— Да хоть в клетке повезут, если придется! — рявкнул отец, вскакивая с кровати. — Совсем ополоумел, щенок драный? Хочешь дожидаться, пока тебе голову брата принесут? Если ты немедленно из клана не уберешься, так и будет! Я не для того город строил, чтобы все прахом из-за одного дурня пошло! Тебе что важнее, власть или семья? Угровишь ведь клан, пар-р-ршивец...

Хольм промолчал. Злая горькая обида стиснула горло, комом встала в груди, пеленой застелила взгляд. Комната, освещенная парой подсвечников, и фигуры отца с братом поплыли перед глазами... Как же противно! Неужели отец действительно думает, что Хольм рвется к власти? И для этого готов переступить через Брана? Да он всего лишь хочет, чтобы на него не смотрели, как на выродка!

— Не надо так, отец, — тихо сказал из кресла Брангард. — Я Хольму верю. А ты слишком часто слушаешь мою мать. Сам знаешь, она в нем ничего достойного не видит. Хольм — хороший вожак и Клык отменный. Суди Мать-Волчица немного иначе, я бы сам сказал, что он должен быть главой клана, а я при нем советником. Только не получится...

В его голосе звучало такое искреннее сожаление, что Хольму стало немного легче. Совсем не отлегло, но перестали рвать изнутри острые когти обиды хотя бы на брата. Ведь и правда Брангард не виноват, что родился умным и хитрым, как лис. А еще красивым и сладким на язык, что так нравится девушкам. И лучше не думать, как смотрит на младшего Лестана, иначе... Хольм с ужасом вдруг понял: он может смириться и отдать брату место наследника. Но не Лестану!

Ком в горле уже рвался наружу рычанием, и Бран бросил в сторону Хольма острый предупреждающий взгляд, словно хотел что-то сказать, но при отце не мог. «Если бы Сигрун все эти годы не настраивала отца против меня, — с глухой ненавистью подумал о мачехе Хольм. — Если бы не ссорила нас с Браном, не пела в уши всем, кто готов был ее слушать. И Лестану наверняка она напугала тем, что я чудовище и не могу управлять своим зверем. Давно ведь разговоры такие идут! Если бы не Сигрун, все могло быть иначе! Отцу не пришлось бы выбирать между мной и Брангардом! И Лестана досталась бы мне как старшему и наследнику! И клан — тоже... А я бы всю жизнь любил Брангарда, как положено брату, и слушал его советы. Сам же знаю, что послушать их стоит. Но теперь все неправильно... Будто в мутной реке плывешь под водой!»

— Что и говорить тогда об этом? — раздраженно отозвался отец. — Не получится у вас править кланом вдвоем... — Он осекся, и Хольм будто услышал отцом не сказанное: «Сигрун не даст». — Так что пусть дочь Рассимора решает сама. Пойдете сегодня вечером на праздник, будете пить, танцевать, веселиться. Покажете всем, что семья вождя крепка и нерушима, ясно?! Что вы, братья, друг за друга горой! И не вздумайте подраться за девчонку!

Он наклонился и принялся расшнуровывать короткие полусапожки, явно намекая, что разговор закончен.

— Как скажешь, — ровно сказал Брангард и встал из кресла, снова бросив на Хольма многозначительный взгляд. — Тогда мы свободны? До вечера?

Отец кивнул, и Брангард, крепко взяв Хольма за плечо, почти силой увел его, молчащего, из комнаты. Выволок в коридор, плотно закрыл за ними обоими дверь, протащил Хольма несколько шагов и стиснул его плечи уже двумя руками, выдохнув:

— Ну и натворил ты дел, братец! Сам себе нагадил так, что ни одному Медведю не под силу!

— Отстань, — бросил Хольм, старательно отводя взгляд. — Без тебя тошно.

— Сейчас еще тошнее будет, — пообещал Брангард. — Если Лестана выберет не тебя... А ты сам понимаешь, кого она уже выбрала... Хольм, тупая башка, не рычи! Еще раз на меня оскалишься — по зубам получишь! Держи зверя, коврик ты блохастый!

— Прости, — выдавил Хольм, действительно устыдившись.

Что это с ним? Почему последние дни волк рвется наружу так, что в глазах темнеет от старания удержать свою звериную часть на привязи воли? Раньше управлять зверем было куда проще, что бы ни говорила Сигрун!

— Так вот, — тихо и быстро продолжил Брангард, сжимая его плечи крепкими пальцами почти до боли. — Если дочь Рассимора останется здесь, отец тебя все равно отошлет. Только не к Рысям, а к Лисам или Серым Волкам. Понимаешь?

— Ну и какая мне разница? — старательно растянул губы в усмешке Хольм. — Да хоть к тем же Кабанам! Все равно!

— А, ну тогда конечно! — язвительно сказал Брангард. — И чего я тогда беспокоюсь? Раз ты уже решил, что Лестана тебе не нужна. Тогда я сам на ней женюсь, причем с удовольствием. Девушка красивая, дети славные будут... Хольм...

Голос брата слабо пробивался сквозь алое марево. Хольм вдохнул теплый воздух, пахнувший ламповым маслом и, почему-то, страхом. Ну, лампа горит на стене в конце коридора, а страх... Он опомнился, вдруг поняв, что притиснул Брангарда к стене. Что брат стоит на цыпочках и пытается отвести руки Хольма, что сжимают его горло.

— Бран... я...

Хольм торопливо отпустил его, ожидая, что вот-вот карие глаза брата вспыхнут злостью, но Бран потер горло и выдохнул:

— Тупица ты! Ладно, матушка про это молчит, ей выгодно, чтобы тебя диким считали. Но неужели ты сам до сих пор не понял?

— Чего не понял? — тихо спросил Хольм, на всякий случай отступая на шаг и ужасаясь тому, что едва не натворил. — Бран, прости! Я не хотел... Я будто с ума сошел... Не понимаю...

— И клыки сами по себе отрастают! — подхватил Брангард, глядя на него с какой-то странной жалостью. — Стоит хоть слово сказать про твою Лестану, у тебя зверь изнутри лезет. Хольм, да что же ты болван такой? Ты же с первого взгляда на нее с ума сошел! Если, конечно, он у тебя был, ум этот... Ты ее запах чувствуешь? Издалека?

— Да, — растерянно подтвердил Хольм. — Но я всегда запахи хорошо...

— И чем она пахнет?

— Земляничкой! — выпалил Хольм и зажмурился. — Родниковой водой! Солнечным светом, летним лесом...

— Счастьем? — подсказал Брангард очень тихо и добавил, пока Хольм осознавал сказанное и услышанное: — Братец, она твоя истинная пара. Самой Луной тебе, дурню мохнатому, предназначенная.

Хольм еще раз шагнул назад, словно от удара, недоуменно и испуганно воззрился на Брангарда. Истинная пара? Половинка души, разделенной на двоих? Живая сказка, что встречается все реже и реже? Но...

— Быть не может, — прошептал он непослушными почему-то губами. — Бран, она бы меня тоже узнала! А она... Она меня боится! Она в тебя влюбилась!

Младший смотрел на него все с той же непонятной жалостью, словно на смертельно больного или раненого. А у Хольма всплывало в памяти все, что он чувствовал при взгляде на Лестану. Сумасшедшая нежность, благоговение, желание быть рядом, прикасаться, заглядывать в глаза и дышать ее запахом, гладить серебристые волосы девушки и ее тонкие пальчики, любоваться, защищать, носить на руках, пробовать на вкус ее гладкую светлую кожу языком...

И запах! Как он не понимал этого раньше? Все оборотни пахнут своим зверем. Волком, барсуком, лисой... По аромату тела можно узнать возраст и здоровье, силу и настроение. И только избранная Луной пара пахнет своей второй половине чем-то особенным! Не зверем или человеком, не живой плотью, шерстью, кожей, а счастьем, как и сказал Брангард. Сводящий с ума запах, единственный на земле!

— Почему она меня не узнала? — снова спросил он растерянно, пытаясь понять и вместить это невероятное знание, которое меняет все.

— Потому что Лестана еще не призвала своего зверя, — терпеливо объяснил Брангард. — Ты чем вообще слушал, когда шла речь о договоре? Ей двадцать лет без одного месяца, а она еще ни разу

не перекинулась. Ну как она почует свою истинную пару, если она человек? Хольм, ты меня слышишь? Она может остаться всего лишь человеком, понимаешь? Тогда она потеряет место наследницы клана. И дети у нее, скорее всего, родятся обычными людьми. И она никогда не почувствует к тебе того же, что ты к ней...

— Я люблю ее, — тихо сказал Хольм, не понимая, какое значение имеет вот это вот все, о чем говорит Брангард, явно считая свои слова очень важными. — Мне все равно, кто она. Человек или оборотень, правительница клана или... Я ее никому не отдам. Даже тебе.

— Ты ее совсем не знаешь, — вздохнул Брангард. — Не рычи, я же не говорю о ней плохо. Просто ты не понимаешь, какая она... Хольм, ты твердо все решил? Ну, истинная пара, бывает. На словах это все красиво, а вот как в жизни окажется? Но никто вас двоих на одну цепь не сажает. Она может выйти за другого, ты — найти себе невесту по вкусу. Оба будете счастливы, главное — не встречаться. Но это как раз легко... Да не сверкай ты глазами. Не буду я у собственного брата истинную пару отбивать. Но она-то этого не понимает! И не поймет, пока зверь не проснется, а тогда может уже поздно быть. Твой волк потому и рвется наружу, чтобы добраться до ее рыси. И рысь идет к нему навстречу. Но времени мало! Чует мое сердце, Лестана сама своего зверя боится, вот и не выпускает ее. А отец нам дал три дня, пока не кончится ярмарка. И я очень боюсь, что матушка даст еще меньше.

Хольм постарался думать спокойно и хладнокровно. Если Лестана его истинная пара, они должны обручиться, а потом у нее будет время успокоиться, призвать рысь и понять, что Хольм предназначен ей самой судьбой. Если никто не вмешается. И... это получается, что Хольму придется уехать к Рысям?!

— Сам решай, братец, — тихо сказал Брангард, опять читая его мысли, зараза премудрая. — Если ты выбираешь Лестану, я сделаю так, что она согласится выйти за тебя. Но тогда тебе одна дорога — в Арзин, к Рысям. Или делай, что хочешь, ищи себе другую судьбу, но подальше от клана, пока у нас тут кровавая свара не началась.

— Я согласен, — кивнул Хольм, чувствуя, как по спине словно ледяной ветер подул. — Пусть будут Рыси, лишь бы с ней! Но как? Она же видеть меня не хочет!

— А вот это уже моя забота, — усмехнулся Брангард, ярко блеснув глазами в полумраке коридора. — Только делай все, что я скажу. Иди переоденься, да смотри — понаряднее. Кровью от тебя пахнет... — Он слегка поморщился, но тут же вздохнул: — Не обижайся. Я тебе и правда очень благодарен, старший. Понимаю, что ты меня спас. Ну уж как вышло. Хотя ты и пенек мохнатый, а я тебя тоже люблю. Но на вечере тебе придется потерпеть. Я буду ухаживать за Лестаной, а ты ей на глаза особо не лезь. Не вздумай ревновать, слышишь? Если сорвешься, потеряешь ее точно! Много не пей, держись рядом, поглядывай по сторонам за нас обоих и жди. В полночь я к тебе подойду и скажу, что делать дальше. Ты мне веришь, Хольм?

Он пытливо заглянул в глаза, и Хольм кивнул, решившись. А кому еще верить, если не Брангарду? Младший хитер как лис, но Хольму никогда не врал напрямую. Да и разлучить избранную пару, встав между ними, дело опасное. Не знаешь, чем обернется! Нет, если Брангард говорит, что поможет, ему следует верить. И терпеть... Как бы тошно ни было!

— Я тебе верю, — проговорил Хольм с трудом. — Мы же братья.

— Мы братья, — подтвердил Брангард, и его взгляд снова блеснул в свете горящей лампы опасно хищным золотом.

К вечеру Лестана совсем успокоилась. Ярмарка гудела, словно растревоженный улей, все обсуждали поединок, но Брангард почти сразу ушел, не забыв, правда, извиниться, что оставляет гостей. Но дела клана! Госпожа Лестана ведь понимает?

Еще бы она не понимала! Было очень похоже, что через Росомаху на Брангарда покушался кто-то другой, сильный и коварный, а это значит, что молодой Волк в опасности. Улыбнувшись, она подала на прощание руку, которую Брангард учтиво поднес к губам, коснулся ими самых кончиков пальцев и пообещал, что обязательно будет сопровождать ее вечером на празднике. Ведь прекрасная госпожа Лестана и ее спутница окажут честь хозяевам? И исчез в толпе.

Лестана чуть закусила губу, растерянно глядя ему вслед, потом повернулась к Ивару, напряженному и хмурому. Но спрашивать ни о чем не стала, потому что вернулись два сияющих, как начищенная медь, Волка-дружинника. Глаза горят, лица покраснелись, только что зубы не щелкают! И с языка не сходит Хольм! Какой он отважный, как владеет оружием, какой умелый да удачливый, а уж дружинникам — прямо старший брат и отец родной! А еще в том году Медведям дал укорот, но они, видно, уже забыли, если снова обнаглели...

— Так это господин Хольм в том году командовал в стычке у Серого Ручья? — спросил Ивар, и Волки разом закивали.

— Он самый! Эх, нас тогда еще в дружине не было! — с сожалением отозвался Лейв. — Но, говорят, еще большая драка готовится. Вы ведь за этим приехали?

И он с восторженным ожиданием посмотрел на Ивара.

— Мы приехали в гости, — улыбнулся одними губами двоюродный братец, но глаза у него так и остались пасмурными. — Ради дружбы и знакомства. Об остальном будут говорить вожди.

Волки понятливо кивнули и выпрашивать больше ничего не стали. Помогли донести покупки, поклонились Лестане, а Кайсу облизали взглядами так, что подруга фыркнула и обещала каждому по танцу. Вечером! А потом решительно отправила прочь и Волков, и даже Ивара, заявив, что разговоры подождут, а им, девушкам, нужно заняться действительно важными делами. Волосы переплести, платье подготовить... Пообедать без лишних глаз!

— Ивара-то зачем выгнала? — вздохнула Лестана, когда они с Кайсой остались одни. — Мне с ним поговорить надо.

— Надо, — кивнула подруга и рассудительно добавила: — Но сначала пусть он успокоится хорошенько. А то ведь думает только о том, как бы Хольму хвост надрать. Ох и не любит наш Ивар проигрывать!

— А кто любит? — пожала плечами Лестана.

Утреннее странное возбуждение прошло, ей стало тоскливо и почему-то холодно. Захотелось устроиться перед открытым огнем, завернуться в меховое одеяло... И поесть! В желудке сосал голод, будто она дня три крошки в рот не брала! Мясо с хлебом на ярмарке? Не было этого, а если и было, то как-то давно и мало.

Кайса перехватила ее жадный взгляд на корзину, стоящую возле стола, понимающе улыбнулась и пообещала:

— Сейчас! А то видела бы ты себя в зеркале! Всех женихов распугаешь, они подумают, что ты их съесть хочешь, а не... О, колбаска!

Она торжествующе вытащила из корзины тугое кольцо копченой колбасы, умопомрачительно пахнущей приправами, разломилась. Лестана схватила протянутый кусок, успела подумать, что нельзя же так! Надо порезать, красиво уложить на тарелку, добавить хлеба... И опомнилась, когда уже впиалась в сочное мягкое мясо зубами, а по пальцам потек золотистый жир.

— Это Рысь, — успокоила ее Кайса, доставая все-таки плоскую лепешку. — Ничего, потом полегче будет. Как первый раз обернешься!

Она подвинула столик прямо к кровати, села рядом и ласково погладила смущенную Лестану по плечу. А потом, разом сменив тон с шутливого на серьезный, сказала:

— Леста, милая, с Иваром ты, конечно, поговори, но уже потом, когда сама для себя все решишь. А то ведь он за тебя это сделает с радостью! Опомнись не успеешь, окажешься замужем за Брангардом! А наш умный котик с мягкими лапками — на месте наследника вместо тебя.

— Он не такой! — воспротивилась Лестана, торопливо проглотив то, что откусила. — Ивар верен нашей семье. Он поехал с посольством, чтобы помочь мне!

Кайса посмотрела на нее с обидной жалостью, как на котенка-несмышлениша, и Лестану кольнуло в сердце ядовитое сомнение. Она доверяла Ивару! Конечно, доверяла! Он ее родич, почти брат... Но почему Ивар в гостях у Волков постоянно выставляет ее глупышкой, думающей только о нарядах? Почему не скажет откровенно, что думает о предложении Сигрун, а юлит и не дает никаких советов? Зачем он вообще затеял сегодня этот поединок лучников? Просто хотел повеселиться и защитить честь Рысей? А если бы Хольм проиграл и обиделся? Рысям сейчас никак нельзя ссориться с сыном вождя, у которого они ищут помощи.

Лестана чуть было не обняла себя руками за плечи, но вовремя вспомнила, что пальцы жирные. Да и колбасы еще хотелось так, что в глазах темнело. Она взяла с блюда еще один кусочек и заставила себя жевать медленнее. Что ж, и правда хватит быть глупышкой, заглядевшейся на красивого Волка. Наследница должна думать о пользе для клана, а не о собственных чувствах. Что будет, если вернуться домой с Хольмом?

«Ничего особенно хорошего, — мрачно признала Лестана. — Отцу и матушке он вряд ли понравится. Но нам нужен договор с Волками! Я останусь наследницей, потом когда-нибудь стану правительницей, а Хольм будет моим consortом. Править Рысями ему никто не позволит, но... в дружине его примут. Может быть, он станет следующим Когтем... тоже когда-нибудь! Но если я

выйду за Брангарда и останусь у Волков, единственный наследник отца — Ивар. Братец никогда не говорил, что хочет править кланом... Угу, было бы странно, если бы он сказал это мне! Так что же, Кайса права?! А я все-таки дурочка, не видящая того, что творится под самым моим носом? Как же не хочется в это верить... И отец ему доверяет, иначе не послал бы сопровождать меня!»

Она протянула руку и поразилась, когда пальцы наткнулись на пустую тарелку. Что, колбаса кончилась?!

— Я порежу, — невозмутимо пообещала Кайса. — Ты ешь давай, а то еще в обморок на танцах упадешь! Волки скажут, что мы им полудохлую невесту привезли.

Она скоро покромсала и подложила на блюдо несколько ломтей копченого мяса, лепешку с сыром и другую, с жареной печенкой... Сама цапнула что-то, и тут в дверь постучали. Кайса удивленно вскинула брови и пошла открывать, а Лестана сглотнула слюну, алчно глядя на еду.

— Подарок от господина Брангарда для прекрасных Рысей! — звонко проговорил парнишка-Волчонок и внес в комнату охапку шкур, гордо улыбаясь поверх них.

Сложил на постель, поклонился и исчез, не забыв прикрыть за собой дверь. Кайса подошла к кровати и поворошила груды переливчатого меха.

— Соболя, — сказала она задумчиво. — Темные, те самые. А еще, смотри-ка, золотистая куница! И как много... На две шубы, что ли?

— Конечно, на две, — счастливо улыбнулась Лестана, торопливо вытирая руки и подбегая к кровати. — Кайса, он такой учтивый и внимательный! О тебе тоже подумал!

Она запустила пальцы в мягкие теплые шкурки, не разбирая, где какие, подняла и прижалась к ним щекой. Как приятно... И во много раз приятнее, что это подарок Брангарда! Милого умного Брангарда, одарившего не только ее, но и Кайсу!

— Ты какую хочешь? — предложила она, закрыв глаза от удовольствия. — Выбирай первая!

— А что тут выбирать? — удивилась Кайса. — Ты еще на ярмарке на этих соболей глаз положила. Да и темный мех тебе больше пойдет. Или ты куницу хочешь? — И добавила странно неодобрительным тоном: — Надо же, первый раз вижу, чтобы парень так умело ухаживал. До родителей твоих не добраться, Ивар и так за него, теперь мне угодить решил? Ну, хитрец...

— Тебе не угодишь! — фыркнула Лестана. — Кайса, он просто хотел нас порадовать! А куница тебе пойдет. Смотри, как на солнышке играет. От тебя в куньей шубке глаз будет не отвести!

— Глаз не отвести, лап не оторвать... — проворчала Кайса. — Не люблю слишком хитрохвостых. То ли дело его братец. Леста, ты ведь уже все решила, да? Не передумаешь?

Лестана замерла, пряча лицо в нежной роскоши соболей, словно оттягивая момент, когда нужно будет вынырнуть — и дать ответ. Но нельзя же прятаться вечно! Ни от все понимающей Кайсы, ни от себя самой, ни от всех, кто ее ответа ждет.

Она со вздохом опустила мех обратно на кровать и, не поднимая взгляда, сказала:

— Кайса, я люблю его. Понимаешь? Долг перед кланом — это важно, я знаю! Но у меня сердце разрывается, как представляю...

Хотелось опять закрыть глаза, спрятаться от первого в ее жизни тяжелого решения. самого важного! Любовь или долг, разве можно выбрать и потом не жалеть о выборе, каким бы он ни был?! Брангард именно такой, каким она представляла своего будущего мужа! То есть она никогда не думала, конечно, что выйдет именно за Волка, но мечтала о любви... настоящей любви! Чтобы муж понимал ее, как никто, берег, заботился, был верным и надежным помощником в делах клана... В истории Арзина уже были великие правительницы. Женщины мудры и осторожны, они умеют правильно направить хищную ярость мужчин и их жажду соперничества. А Брангард был бы самым лучшим консортом-соправителем!

Но получить разом и его, и место наследницы она не может. А править кланом с разбитым сердцем, ложиться в постель с нелюбимым и рожать в этой нелюбви детей — разве такой судьбы хотели для нее отец и матушка? Да ей подумать жутко о старшем из братьев-Волков на брачном ложе!

— Я должна поговорить с ним, — тихо сказала Лестана, упорно пряча взгляд от подруги и названной сестры. — Если это все не обычная учтивость, если я ему нравлюсь, как и он мне... И если я вдруг не смогу обернуться, а он все равно будет любить и уважать меня... Кайса, Ивар станет хорошим правителем! Может быть, куда лучше меня! Он умный, уж он точно знает, как исполнять свой долг перед кланом. А отец и матушка поймут... Они не отдали бы меня Хольму против моей воли!

Ничего, как-нибудь приживусь у Волков...

Она старательно улыbnулась, чувствуя, как вся радость куда-то подевалась, ушла, словно вода в песок. И подарок уже не греет сердце, как недавно грел ей ладони, и мучительно стыдно перед собой, хотя приказ отца она ведь выполнит, добудет нужный клану договор! К тому же, если женой Брангарда, будущего вождя Волков, станет Рысь, это укрепит союз двух кланов не хуже, чем возвращение Лестаны в Арзин с Хольмом. Все равно два рода обмениваются кровью, а уж Лестана, став супругой наследника, постарается, чтобы Волки с Рысями верно и крепко подружились!

— Выбирал как-то зайчик между лисой и совой, — мрачно буркнула Кайса. — Обе в гости приглашали, хоть разорвись, чтобы успеть. Ладно, давай собираться, что ли...

Она резко встала из-за стола и одернула платье, неприязненно глянув на подарок Брангарда. Темное и светлое золото мехов переливалось на солнце, словно сказочное сокровище. Лестана сделала шаг назад и с тяжелым сердцем пообещала самой себе, что решит сегодня же. Если Брангарду она мила, то с договором в Арзин вернется Ивар. А если нет... Ну что ж, тогда долг победит. А ее счастье не такая уж большая цена за процветание и безопасность Рысей.

Глава 10

Песнь Луне

К вечеру на главной ярмарочной площади разожгли три огромных костра, и языки пламени взметнулись высоко, словно пытаясь достать звезды. Их бесчисленные светляки уже давно рассыпались по темно-синему небу, зато луна восходила медленно, круглобокая и ясно-серебряная, неторопливая, словно первая красавица клана, знающая себе цену. Когда она поднимется в самую высокую точку своего пути, заливая прозрачным льдистым светом землю внизу, Волчий город ненадолго замрет и ответит песней, что полется из сердца каждого, кто уже успел призвать своего зверя. Но пока еще время есть, пить и шумно веселиться.

Хольм вернулся на площадь, когда там уже вовсю гуляли. Он успел вымыться, тщательно оттерев тело и волосы от запаха крови и пота, надел все новое. Только сапоги оставил старые, зная, что от пары-тройки танцев никак не отговориться, да пояс все тот же, удобный для меча. Поколебавшись, прицепил и выигранный днем нож, в свете костров тот блестел ярко и нарядно. В ночь Большой Луны можно и даже нужно показать себя перед другими, а это была честная победа. И, главное, без крови, как та, вторая.

Кроме трех костров, заливающих площадь светом, ушлые торговцы развели еще с дюжину маленьких костерков, обложенных камнями. На каждом из них жарили, варили и пекли что-то вкусное, пахнущее так, что рот сам наполнялся слюной. Грели вино и медовуху, снимали с вертелов шипящее мясо и колбаски, сразу нанизывая еще... Город гулял! Сытость и веселье приманивают удачу, а она лишней никогда не бывает. Однако Хольм понимал, что где-то совсем рядом ходит и смерть, которая сегодня улыбнулась ему ледяным оскалом, но пока что прошла мимо. Медведи вряд ли отказались от задуманного, так что уши нужно держать настороже, а нос — по ветру.

Он поискал глазами Брангарда и без труда его нашел. Братец рассказывал что-то паре осанистых матерых Кабанов, которые слушали его внимательно, время от времени прихлебывая из огромных кружек. Брангард, как обычно, времени не теряет... Хорошо бы и Хольму не забывать о делах. Он подозвал первого попавшегося дружинника, велел найти и позвать Рудольва. Следовало сделать это раньше, но что уж теперь, глупо бегать за собственным хвостом. А Рудольв — опытный и матерый Волк, его правая рука в дружине, и плохого он не посоветует.

Подойдя к ближайшему костерку, Хольм цапнул со стойки над углями вертел с едва обжарившимся мясом. Впился зубами в нежную мякоть, рот мгновенно наполнился мясным соком и слюной. Принял торопливо поданную кружку с темным крепким пивом, отхлебнул, запив проглоченный кусок, и едва не застонал от удовольствия. По жилам словно покатился ласковый огонь — предвкушение праздника. Доев мясо и сделав еще пару глотков, он не без сожаления глянул на кружку, которая опустела едва ли на треть. Но сегодня не следовало увлекаться хмельным даже без предупреждения Брангарда.

— Доброго вечера, Клык! — поприветствовал его подошедший Рудольв. — Славной охоты, высокой луны!

Высокий и широкоплечий Волк для праздника тоже приоделся, но не в шелк или сукно, а в тонкую посеребренную кольчугу, а темные волосы с изрядной проседью собрал на затылке в хвост и перехватил серебряным же кольцом. По нарядной голубой рубашке Хольма он скользнул сдержанно-неодобрительным взглядом, но в этом ничего нового не было. На памяти Хольма Рунольв считал неподходящей любую одежду, которую можно проткнуть хотя бы ножом.

— И тебе, Руд, — кивнул Хольм. — Пойдем, что ли, на костры поглядим?

Рудольв прихватил себе мяса с пивом и вместе с Хольмом отошел подальше от чужих ушей.

— Что в дружине говорят? — уронил Хольм, отпивая пиво совсем маленькими глотками, только губы смочить.

— О сегодняшнем? — понимающе уточнил Рудольв. — Гордятся, чего же еще. Тобой, конечно, не Брангардом.

— Руд... — поморщился Хольм. — Ну ты-то понимаешь... Ты же сам все видел!

— Видел, — согласился матерый Волк, у которого на одной только физиономии было больше шрамов, чем у Хольма на всем теле. — Уделал бы Росомаха твоего братца, как сеголетка, на клочки порвал бы. Наш Брангард не мечом силен, а головой, только попробуй это молодым дурням объяснить. Им самим-то голова нужна, чтобы шлем на ней таскать да жрать в нее. Ну и с девками еще целоваться. Работать головой они не приучены. Вся младшая дружина ходит на ушах и скулит от счастья, что теперь-то наследником точно ты станешь.

— А старшая? — еще сильнее помрачнел Хольм, от расстройства делая глоток побольше.

— А старшая пока молчит, — вздохнул Рудольв и снял зубами с вертела кусок мяса. Прожевал его, сглотнул, запил пивом и добавил с мягкой осторожностью, от которой у Хольма нехорошо потянуло внутри: — Может, оно и к лучшему все? А, Клык? Дружина тебя на руках носить готова, а вождю нашему все равно на покой через несколько лет. Не сегодня, так завтра найдется кто-то из молодых дурней, бросит ему вызов... Брангарда за его спиной уж точно теперь никто не испугается. А в поединке за место вождя, ты сам знаешь, даже Клык не может выйти на замену. Только сам вождь и его наследник... Ну сам подумай, зачем твоему отцу зря гибнуть на старости лет и еще младшего сына за собой тащить? Убьют его и Брана — какая клану от этого польза? А на тебя даже зуб никто оскалить не посмеет, я тебе точно говорю...

— Рудольв, не смей, — проговорил Хольм очень тихо, но от этого получилось еще страшнее, так что матерый Волк, идущий с ним рядом, подобрался и замедлил шаг. — Если ты все это скажешь еще кому-то... Тебя послушают, я знаю. Но если я к тому времени буду еще жив, я за отца и Брангарда глотку перегрызу. В любом обличье. Кто бы ни бросил им вызов, он долго не проживет.

— Вот потому и молчу, — буркнул Рудольв и переложил пустой вертел в ту же руку, которой держал кружку, тоже опустевшую. — Нашел дурака, трепаться о таком. А вот Сигрун не молчит. Ее послушать, так тебя только полный безумец может выбрать вождем. А, да что там, сам все знаешь!

Он махнул свободной рукой, и у Хольма немного отлегло от сердца. Самую чуточку... Прямо сейчас новой драки не случится, даже самые горячие головы в дружине слушают Рудольва, и хорошо, что старый Волк понимает — клану не до свары.

— Нужно за Медведями хорошо приглядывать, — уронил Хольм, и Рудольв согласно кивнул. — И не только за ними, пожалуй. Сегодня они Росомаху выставили на бой, завтра еще кого-то найти могут. И вот что я тебе скажу, Руд...

Он остановился и посмотрел на луну, прошедшую уже половину пути к вершине небесного купола. Помолчал, собираясь с мыслями и словами, потом снова негромко и тяжело заговорил:

— Как я дружину вожу, ты сам видел. Многие орали, что не дело юнцу Клыком быть. И я помню, кто меня тогда поддержал. У тебя, Руд, уж точно голова не только для шлема и еды предназначена. Так что подумай хорошенько, и сам все поймешь. Чтобы сделать меня вождем, нужно переступить через кровь моего отца и Брангарда. Пусть даже одного Брангарда, когда отец уйдет к предкам. Так вот, я на такую цену никогда не соглашусь. А если кто-то решит за меня, скорее уйду из клана совсем.

— Не уйдешь, — с ровным ледяным спокойствием уронил Рудольв. — Осиротевший клан ты не бросишь, нас ведь тогда сразу падальщики растащат, Медведи да Росомахи те же. Не уйдешь ты, Хольм. Разве что убьешь виноватого, так это твое право, никто и спорить не будет.

— Значит, уйду раньше, — с трудом проговорил Хольм непослушными губами, понимая, что Брангард и отец опять были правы.

Никто просто не позволит ему выбирать самому. Голосом Рудольва сейчас говорит вся старшая дружина, а это грозная сила, и последнее слово в том, кто сядет на место вождя, принадлежит ей. Хорошо уже то, что Рудольв его знает и потому уговаривает, убеждает, а не ставит перед уже случившимся наяву кошмаром.

— Я не буду вождем такой ценой, — повторил он, вкладывая в голос всю убежденность, какую мог, чтобы Рудольв поверил. — И даже не потому, что я такой честный, а потому что это глупо. Я, может быть, хороший Клык. Это дружине виднее, и с этим спорить не стану. Но вождь из меня, как из рыбьей чешуи — меч. Блестит одинаково с железом, а ковать — пойдя попробуй. Ты сам сказал, что Брангард силен головой. Они с отцом замыслили старое русло Серебрянки по-новому пустить, через излучину. И углубить, чтобы по нему тяжелые корабли Кабанов могли пойти мимо Медведей. Через нас, понимаешь? Я бы такого в жизни не придумал!

О том, что про излучину подсказал именно он, Хольм умолчал. Да и не было в этом такой уж заслуги. Да, вспомнил вовремя. А вот все остальное, про Кабанов и Медведей, это точно Брангард! И Рудольв должен понять, кто из них с братом лучший вождь! Можно уметь махать мечом лучше всех в клане, но править должен тот, кто понимает, когда и на кого этот меч повернуть.

— Мимо Медведей, говоришь? — прищурился Рудольв, и Хольм понял, что верно попал в цель: старый воин мгновенно просчитал все, что за этим стоит. — И Рыси, опять же, от них защиты просят... Хм... Большая свара будет!

Хольм молча кивнул, чувствуя, как между лопаток бежит холодная струйка пота, хотя ночь на исходе лета теплая, да и от костров жара достаточно. Ну не для него эти разговоры, где каждое слово может стоить головы. И ладно бы его головы, так ведь опять приходится прикрывать Брангарда! Теперь уже не от чужака, а от собственных р-р-родичей, р-р-репей им под хвост! От

Волков, которым только покажи слабинку, тут же вцепятся в горло. И не объяснить им, что настоящая сила не в оружии, а в хитрости!

— Я поговорю со старшей дружиной, — уронил Рудольф и круто свернул к ближайшему костру, давая понять, что разговор пока закончен. — И за Медведями приглядим, не сомневайся. А ты ходи с опаской, Клык. Это я понимаю, что раз ты уперся, то воротом не сдвинешь. А Сигрун думает, что ты спишь и видишь, как ее сыночка подвинуть. Если она с тобой что-то сотворит, я Волков не удержу. И вместо двух наследников у нас ни одного не станет. Поэтому за спину поглядывай и к еде принимайся. Девчонка еще эта... Из-за нее все только сложнее.

Он досадливо поморщился, и Хольм напрягся. Они уже подошли к огромному костру посередине площади, здесь несколько юных Волков играли на свирелях, а один отбивал такт на большом барабане, и парочки кружились под музыку.

— Лестана здесь вообще ни при чем, — сказал Хольм, стараясь не сорваться на рычание, и матерый Волк пожал плечами, глянув на него, как на щенка, снисходительно.

— Ни при чем, так ни при чем, — с ленцой согласился он. — Отдыхай, Клык, высокой тебе луны.

И исчез в толпе мгновенно, словно прыгнул в глубокий темный омут.

Хольм остался с пустой кружкой и вертелом посреди шумно веселящихся Волков и гостей. Кто-то забрал у него уже не нужную посудину, кто-то хлопнул по плечу и тут же поднес полную, требуя выпить за сегодняшнюю победу, честь и славу клана, будущих Волчат славного воина... Хольм сразу понял, что еще чуть — и его точно напоят, как бы он ни отказывался. Даже если за каждую здравицу выпивать только по глотку... Но кто ему это позволит?! И единственное спасение — танцы. С кружкой в руках даже Волки танцевать не умеют, а отец и Брангард велели веселиться...

Он решительно сунул кому-то выпивку и протолкнулся поближе к танцующим. И действительно думал, что это отличная идея, пока не разглядел главную пару, вокруг которой собрались все остальные. Самую красивую пару этого вечера... Брангарда, обнимающего за талию изящную, словно вылитую из лунного света фигуру.

На Лестане было светлое платье из блестящей тонкой ткани, чуть приподнятый подол открывал туфельки на невысоком каблучке и сами ноги чуть выше щиколоток. Толстые светлые косы, уложенные вокруг головы, подчеркивали стройную шею и делали нежное лицо похожим на венчик странного цветка. Лестана кружилась в объятиях Брангарда, слегка путая фигуры незнакомого танца, но покорно следуя за каждым движением Волка, и ее смущенная улыбка сияла куда ярче любых украшений, нарядов и даже самой луны, почти поднявшейся над площадью. «Куда там луне сравниться с влюбленной девушкой, — застывая на месте, подумал Хольм. — И даже ненавидеть Брангарда не получается. Только очень больно...»

Ей казалось, что неведомая сила несет ее над площадью в огромных бережных ладонях, как ветер — снежинку или сухой листок. Руки Брангарда на ее поясе были крепкими и горячими, ничуть не наглыми, но такими надежными и ласковыми, что сердце замирало, когда он крутил ее или поддерживал, а потом снова стучало в висках, в губах, в каждой частичке тела... Так вот оно какое — счастье? Видеть совсем рядом теплые золотисто-карие глаза, в которых пляшут искры, будто Брангард выпил пламя костра. Ловить улыбку на его красиво очерченных губах, чуть изогнутых, с крошечной капризной ямочкой внизу. Раньше Лестана эту ямочку не замечала, но раньше она и не видела Брангарда настолько близко. Кажется — еще чуть, и губы их встретятся, дыхание смешается, но странные волчьи свирели смеются и плачут, управляя танцем, и следующий поворот опять разводит их с Брангардом на полвдоха дальше — и Лестана едва не плачет от разочарования. А потом напоминает себе, что они не вдвоем на этой огромной площади! Здесь полно оборотней и людей, не будет ведь Брангард целовать ее при всех!

Но какой же он все-таки невозможно красивый, чуткий, бережный...

Лестана снова сбилась с шага, но не вспыхнула от смущения, как это было бы раньше, а только улыбнулась чуть лукаво. Ну он ведь понимает, правда? Она никогда не танцевала эти танцы, у Рысей и праздники совсем другие! Чинные, торжественные, красивые, но даже вполнину не настолько веселые. Или, может быть, она сама виновата, что была только на праздниках во дворце? Откуда ей знать, как веселятся сородичи попроще, если ее на гулянье за пределами дворца никогда не отпускали? Наследница клана должна вести себя сообразно высокому положению! А вот она вернется домой и...

«Домой», — слово резануло по сердцу неожиданной болью. У Лестаны перехватило дыхание, и она сбилась уже всерьез, потеряв ритм, но Брангард поддержал ее, приобняв за плечи, и тепло его руки растопило острую льдинку, кольнувшую Лестану изнутри. «Домой...» Но как она уедет домой без него?! Никак!

Нет, сегодня она не будет об этом думать. Завтра и в любое время, только не сегодня! Может ведь

она единственный раз в жизни почувствовать себя не наследницей клана, а обычной девушкой, влюбленной... Да, теперь уже хватит прятать от себя собственный хвост, как говорит Кайса. Она влюблена! И будет бороться за собственное счастье! Поговорит с Иваром, а потом с вождем Волков еще раз. Вдруг удастся убедить его изменить решение? Ну неужели он не хочет счастья собственному сыну? Брангарда едва не убили сегодня лишь потому, что он не такой сильный, как его старший брат. Волкам нужен могучий воин в предводители? Вот и пусть оставляют себе Хольма! А Брангард уедет с ней к Рысям, там его уж точно сумеют оценить по достоинству.

Свирели плакали и пели, Лестана снова горела изнутри и плавилась в почти-объятиях Брангарда, и ей было все равно, кто это видит. Пусть хоть вся площадь залюбуется, какая они пара! И нужные слова, чтобы убедить вождя, так и просились на язык, Лестана даже подумала шало, не поискать ли его сейчас? Пока музыка и восхищение в глазах Брангарда несут ее над площадью, словно два огромных крыла, поднимают над пламенем костра, которое ластится, не обжигая, и кажется, что нет ничего невозможного!

Но в следующий миг музыка смолкла, и Лестана, задыхаясь то ли от непривычно быстрого танца, то ли от переполняющего ее счастья, замерла напротив Брангарда, улыбнувшегося ей так искренне!

— Вы прекрасны! — шепнул он ей, наклоняясь чуть ближе. — Самый чудесный танец в моей жизни.

«И в моей», — хотела сказать Лестана, но смогла только улыбнуться в ответ.

— Простите, я отойду на несколько минут, — продолжил Волк, бросив быстрый взгляд куда-то себе за плечо. — Но обещайте, что следующий танец, когда я вернусь, тоже мой. Обещаете? А потом я попрошу у вас разговор. Очень важный.

Лестана молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. А Брангард, заглянув ей в глаза, медленно поднял руку и заправил прядь волос, выбившуюся из косы, Лестане за ухо. Едва заметное прикосновение обожгло ее, словно искра из костра. Лестана чуть не дернулась проверить — вдруг и правда уголек стрельнул? Но это было бы совсем глупо! Что она, маленькая девочка, что ли? Это просто танцы... такие быстрые и откровенные!

«А если останешься, сможешь танцевать с ним хоть каждое полнолуние», — шепнул вкрадчивый голос где-то внутри нее.

Брангард, поклонившись, отступил в толпу. Лестана проводила его растерянным взглядом и вдруг поняла, что осталась без партнера, а свирели снова запели, и парочки образуют новый круг. Она поспешно отошла от костра на несколько шагов, ища глазами Кайсу, которую потеряла перед началом танца, но подруга тут же вынырнула рядом с ней. И два ее Волка, разумеется, тоже! Вот они, в отличие от своего вожака Хольма, были совсем не страшные! Обычные парни, чуть диковатые на вид, но улыбчивые, любезные, а уж как восхищенно глазели на Кайсу!

— Пи-и-и-ить... — умоляюще протянула Кайса, окинув обоих Волков выразительным взглядом. — Холодненького... И поесть чего-нибудь!

Словно они с Лестаной и не сгрызли по изрядному куску колбасы совсем недавно! Такой мягкой, душистой, жирненькой колбаски... Лестана поймала себя на том, что снова хочет есть! Ну надо же! Один из Волков, тот, что с подбитым глазом, понятиливо кивнул и припустил к ближайшему костерку, где наливали клюквенный морс, а второй ухмыльнулся и сказал:

— Ну нет, госпожа Кайса, больше мы вас одних не оставим. Если что нужно — только скажите, мы сбегает, но по очереди.

— Нужно, — согласилась тут же коварная Кайса. — Погуляй чуточку подальше, Волчок, милый. Нам, девочкам, посекретничать надо.

И сделала такие глазки, что Волк рассмеялся и послушно отошел на несколько шагов, не сводя, впрочем, с них внимательных глаз.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Кайса, едва они остались одни, насколько это возможно было здесь, на площади, полной народа. — Он тебе что-нибудь сказал?

— Нет... — протянула Лестана. — Но обещал поговорить. Потом, когда вернется. Мы еще потанцуем, а потом. Кайса! — выдохнула она. — Посмотри, я хорошо выгляжу?

— Отлично! — успокоила ее бесцеремонная любимая подруга. — Глаза горят, зубы щелкают, и даже щеки порозовели — давно бы так. Хоть на живую девицу похожа, а не на мраморную статую, как дома. Традиции, этикет... А оказывается, надо было тебя накормить хорошенько да оттанцевать.

— Кайса! — чуть не взвизгнула Лестана, но подруга тут же шикнула на нее, остро глянув куда-то за Лестанино плечо.

— Смотри-ка, — прошептала она, и Лестана повернулась к танцующим.

Высокая девушка с длинными черными волосами, волной спадающими до талии, пританцовывала перед Хольмом, зазывая его в круг. Пышная белая блузка с корсажем подчеркивала высокую грудь незнакомки, алая юбка туго облегла тонкую талию и стройные бедра, а потом распускалась широким шелковым цветком, заканчиваясь на коленях, так что длинные ноги были видны наполовину! Волчица... И какая красивая!

Лестана отметила это со странным внутренним раздражением, для которого не было ни одной причины! Какая ей разница, с кем веселится старший из братьев? Главное, что подальше от нее! Вот если бы эта красотка так извивалась перед Брангардом, Лестана бы ей... Волосы повыдергивала, вот! И расцарапала холеную физиономию, чтобы не улыбалась так полными чувственными губами ее Волку... Ее? Которому?!

Лестана даже головой потрясла, отгоняя непонятное наваждение. Что ей за дело до этой Волчицы и Хольма? Да никакого же!

— Хороша-а, — протянула Кайса. — А Волчок и не смотрит.

Как раз в этот миг Хольм посмотрел на девицу и что-то ей тихо сказал, а потом сделал шаг в сторону, словно красотка закрывала ему вид на танцующих. Лестана ясно увидела, как надменное красивое лицо Волчицы исказилось, и она отпрыгнула в сторону, что-то прошипев. Мотнула головой, так что волосы хлестнули воздух, и убежала.

А Хольм продолжил стоять, будто ища в толпе кого-то взглядом, но когда нечаянно встретился им с Лестаной, то мгновенно отвел. Она даже не успела испугаться, что вот сейчас он подойдет — и придется вежливо отказываться. Но старший Волк, похоже, танцевать не собирался. Еще одной девушке, молоденькой и миленькой, что подошла к нему в явном смущении, он ответил рассеянной улыбкой и тоже что-то сказал, но явно не такое резкое, потому что девчонка отошла расстроенная, но не обиженная.

— Спорим, это его бывшая? — с мрачным удовлетворением сказала Кайса, принимая у подошедшего Волка две кружки, от которых пахло ягодами. — Ну та, первая.

— Может, нынешняя, — из чистого упрямства сказала Лестана, с наслаждением отпивая холодный кисло-сладкий морс. — Вот и пусть бы с ней танцевал...

Хольм снова посмотрел на нее, и теперь уже Лестана отвела взгляд, но запахи, звуки и краски вдруг обрушились на нее чудовищным многоголосьем. Она словно разом почуяла каждого оборотня рядом, дым и жар костра, ночную свежесть, жареное мясо и еще теплую выпечку... Это было прекрасно и страшно одновременно. Лестана захлебнулась глотком морса, откашлялась, быстро вытерла мокрый рот, радуясь, что рядом нет Брангарда! Еще не хватало, чтобы он увидел ее такой! Хорошо хоть на платье не попало ни капельки! Шелк светлый, любое пятнышко бросится в глаза.

— Прекрасная? — негромко позвал ее Брангард, и Лестана обернулась, сияя улыбкой.

Кайса потянула своих Волков танцевать, ничуть не смущаясь тем, что их двое. Брангард проводил их быстрым взглядом и почему-то нахмурился, но почти сразу снова улыбнулся.

— Сейчас будет песнь Луне, — сказал он, вглядываясь в лицо Лестаны. — Давайте отойдем под деревья. Я надеялся, что мы еще потанцуем, но нужно поговорить.

— Конечно, — прошептала Лестана, и ее сердце опять сладко замерло, как тогда, когда он впервые обнял ее в танце.

Волки на площади оставляли свои дела. Тот, кто пил и ел, поставил кружку на утопанную землю, воткнул в нее вертел. Разговоры стихли, и Лестане показалось, что она очутилась в храме. Вся площадь стала им! Оборотни других зверей почтительно замолчали, и в то же мгновение мир дрогнул. Из груди Брангарда, стоящего рядом с Лестаной под вязом на краю площади, вырвался глубокий выдох. Но он, словно борясь с собой, сжал руку Лестаны почти до боли, опомнился, поднес ее к губам, глядя не на девушку, а куда-то вверх. Его губы беззвучно шевелились, и Лестана попыталась услышать хоть слово из этой непонятной, но истовой молитвы, но не смогла. О чем бы наследник Волков ни просил Луну, это осталось между ним и матерью всех оборотней.

А площадь пела. Единый тягучий звук рождался в груди Волков и несся ввысь. Переливистый, торжественный и вместе с тем нежный, ласковый... Лестана молчала, замороженная, различая сотни голосов, сливающихся в единой песни, как струйки воды собираются в огромную полноводную реку. Волки пели, это было клятвой в верности, призывом к любви, угрозой и обещанием. И ее сердце стучало в странном ритме, быстрым и глубоким, отзываясь этой песни. Лестана повернулась к Брангарду, ясно понимая, что вот сейчас он ее поцелует — и не будет во всем мире клятвы надежнее, потому что перед лицом богини не лгут...

Но в этот миг песня смолкла на высшей, самой пронзительной ноте, и по площади разлилась хрустальная тишина, Брангард склонился к Лестане так низко, что их губы едва не коснулись друг друга, а потом негромко сказал:

— Милая Лестана, если вы мне верите, если хотите быть счастливой, то доверьтесь еще в одном.

Лестана замерла, разочарованная и онемевшая, но еще не лишившаяся надежды. И правильно, что не лишилась! Потому что Брангард продолжил, тихо и ясно роняя каждое слово:

— После сегодняшнего наш клан неминуемо расколется. Скорее всего, мне не позволят стать наследником, дружина хочет видеть на этом месте Хольма...

— Мне все равно! — выдохнула Лестана. — Вам и не нужно, Брангард! Если я... если ваше сердце отзывается моему...

— Уехать с вами, да? — мягко подсказал ей Брангард и легким прикосновением погладил Лестану по волосам. — Вы чудесная девушка, госпожа Лестана. И достойны самой лучшей, самой преданной любви! Скажите, вы готовы рискнуть? Моя мать против того, чтобы я уехал. Отец тоже этого не желает. Но я не хочу свары между Волками, потому что у нас место вожака покупается кровью. Лестана, вы спасете мой клан от раздора?

— Я... Но что я могу... — выдавила она, вглядываясь в его умоляющее лицо.

— Храм Луны на вершине горы, — сказал Брангард, не отводя взгляда от нее. — Клятвы, принесенные там в ночь полнолуния, неразрывны и святы. Если вы дадите брачную клятву в этом храме, ее признают все Волки. И тот, кому вы ее дадите, сможет уехать с вами, никто не посмеет ему препятствовать. Вы понимаете?

— Брачный союз? — пораженно выдохнула Лестана. — Прямо сегодня? То есть... сейчас?

— Ночь полнолуния сегодня, — подтвердил Брангард и так очевидное. — Если упустим время, упустим и свое счастье. Только не говорите ничего господину Ивару, прошу вас. Я уверен, он хочет вам счастья. Но, боюсь, представляет его по-своему. Вот если бы вы собирались остаться здесь, ваш родич стал бы в этом надежным союзником. Вы понимаете?

Он мягко и спокойно говорил то, о чем уже твердила подруга, о чем сама Лестана раздумывала, не желая верить. Но если и Брангард это видит, как усомниться?

— Вот и Кайса об этом... — почти всхлипнула Лестана. — А как тогда? Тайный брак — разве это не нарушение договора?!

— В чем? — удивился Брангард. — Вы прибыли, чтобы выйти замуж за сына вождя, вы за него и выйдете. Какая разница, днем или ночью?

Он улыбнулся ей нежно и терпеливо, и Лестана почувствовала себя глупым маленьким котенком. Так надежно и хорошо было рядом с Брангардом, он чудесно пах теплым чистым зверем, а еще — клюквенным морсом, как будто не Лестана его только что пила, а Брангард. Или это не он? Десятки и сотни запахов мешались вокруг, слышались голоса и смех, какой-то шелест. Оборотни снова праздновали, а ей нужно было решиться, как она и собиралась это сделать.

Но в самых смелых мечтах ей не приходило, что Брангард сам предложит выход! И какой правильный! Нужно только сейчас не струсить, не поддаться привычке сверять каждое движение и слово со строгим этикетом. Она все сделает верно — и получит в награду счастье! Разве не об этом она просила мать-Луну возле озера? Любимого мужа и выполненный долг перед кланом! А теперь этот же храм над озером указывает ей путь, как получить и то, и другое. Ну разве это не знак?

— Я не смогу взять никого из Рысей, — сказала Лестана так же негромко.

Все равно в гомоне вокруг их голоса были почти не слышны.

— Моя охрана подчиняется Ивару, — поторопилась она объяснить. — Боюсь, они не поймут, что я собираюсь делать. Или поймут, но...

— Вы правы, — серьезно кивнул Брангард и с сожалением добавил: — Но я вас отвезти тоже не смогу. Ваш родич отнюдь не дурень. Если мы исчезнем вдвоем, он заподозрит неладное. Стоит ему шепнуть слово моей матери, и в храм нас отведут с радостью. А вот уехать вам уже не выйдет.

— Значит, я доберусь до храма сама раньше вас, — решительно сказала Лестана. — А вы приедете следом. Я подожду. Ничего страшного, это ведь святое место, что мне может в нем угрожать?

— Вы... чудесная...

В глазах Брангарда снова блеснуло восхищение, ради которого Лестана пошла бы на край света, не то что в ночной лес.

— Но одной вам ехать не следует, — сказал он спокойно. — Это невозможно, даже не думайте об этом. Боюсь, и госпожа Кайса вам не поможет, — добавил он, глядя, что Лестана смотрит на круг танцующих, ярко освещенный пламенем костра.

— Кайса — нет! — с торжеством сказала Лестана, гордясь, что так быстро нашла решение. — Но я точно знаю, что если она попросит этих двоих Волков, они сделают все, что угодно. Хотя... они ведь дружинники вашего брата...

— Это даже к лучшему, — успокоил ее Брангард. — Прекрасная мысль! Парни они сильные и верные, в обиду вас не дадут. И уж точно никому не придет в голову, что они стараются ради меня. Если даже вас кто-то увидит вместе, подумают, что Хольм где-то рядом. А для него любой из клана сегодня наизнанку вывернется, — закончил Брангард с едва уловимой горечью.

Если бы Лестана не вслушивалась в каждое его слово, забыв о происходящем вокруг, ни за что бы не расслышала. Но теперь она поднялась на цыпочки и, замирая от собственной смелости, тронула губы Волка кончиками пальцев, сказав:

— Рыси примут вас, господин... милый Брангард. Рыси — и я. Поверьте, там все будет иначе! Но... мне пора, да?

Она старательно улыбнулась, и Брангард, перехватив ее руку мягким движением, поцеловал пальцы, тихо сказав:

— Клянусь, я сделаю все, что могу, ради вашего счастья.

Он так и остался стоять под деревьями, глядя ей вслед, а Лестана торопливо вернулась к костру. Хольма там уже не было. Зато была раскрасневшаяся хохочущая Кайса, которую два Волка качали на сплетенных руках, словно на качелях.

Увидев Лестану, Кайса спрыгнула у них с рук, подбежала, жадно вглядываясь ей в лицо. Лестана только собралась отозвать подругу для разговора, шагнула... и столкнулась с кем-то. Миг — и ей стало мокро и холодно. Возмущенно вскрикнули что-то Волки, а черноволосая девица в алой юбке презрительно прошипела, отскакивая от Лестаны:

— Смотреть надо, куда идешь, кисонька. Или лапы от танцев заплетаются?

— Язык придержи, Ингр-рид! — рявкнул один из Волков, мигом оказываясь рядом. — Это госпожа Рысь, наша гостья.

— Ах вот оно что? — издевательски пропела Ингрид, пока Лестана, чуть не плача, пыталась брезгливо стряхнуть с себя ягоды. Светлое шелковое платье было залито клюквенным морсом безнадежно: от ворота до подола. — Тогда прошу прощения! Очень-очень прошу. Вы ведь не сердитесь, госпожа Рысь?

Лестана не сердилась. Она онемела от бешенства, понимая, что ничуть эта мерзавка не сожалеет! Нарочно ведь облила! Дура! Неужели к Хольму ревнует? Да пусть бы забирала его себе! Хотя вот теперь, если бы у Лестаны было чуточку свободного времени, она бы нарочно пригласила старшего Волка на танец! Просто чтобы поставить паршивку на место!

Но... времени у нее нет. И не зря ее учили, что отвечать грубостью на наглость недостойно высокородной девушки. Истинное благородство, это когда ты очень хочешь расплакаться или оторвать кое-кому кривые лапы, но вместо этого проявляешь любезность.

— Ничего страшного... — холодно процедила она, надеясь, что по ее взгляду Волчица все поймет, но та лишь ухмыльнулась.

— Как это ничего страшного?! — громко возмутилась Кайса, оказываясь рядом. — Леста, ты что! Это же страшно!

Она выдержала тщательно рассчитанную паузу, обвела взглядом всех, кто таращился на Лестану, прислушиваясь к разговору, и медовым голосом сообщила:

— Это очень, очень страшно, когда все четыре лапы растут из-под хвоста! Не представляю, как ты с этим живешь, бедненькая?

И с таким сочувствием глянула на опешившую Волчицу, что та открыла рот... и даже что-то сказала, но слова потонули в дружном ржании окружающих, словно там собрались не Волки, а кони.

Лестана представила несчастную зверюгу с четырьмя лапами, пучком растущими из-под хвоста, и тоже фыркнула. Ну платье, ну подумаешь! Да, отвратительно стоять перед всеми, залитой алой жижей, словно она кого-то разодрала и съела, зато у нее теперь отличный повод уйти с площади! Переодеться же!

— Кайса, идем, — потянула она подругу за руку, а потом, вспомнив, обернулась к Волкам и попросила: — Вы ведь нас проводите, правда?

Песнь Луне закончилась, и веселье на площади снова вспыхнуло с новой силой. Хольм честно пытался исполнять приказ отца, но смотреть на Брангарда и Лестану сил не было. Он боялся сорваться, боялся натворить что-то страшное, дикое, оправдав лживые опасения Сигрун. Да еще Ингрид липла к нему, словно кошка... Хольм хмуро усмехнулся дурацкому сравнению. Кошка из бывшей подружки порой получалась отменная, особенно после любви, когда она млела в его объятиях или раскидывалась на постели, томно выгибаясь и блестя глазами в темноте. Но сейчас даже вспоминать не хотелось! Ну он же сказал ей, что все кончено! Пусть найдет себе другого, за первой красавицей клана всегда стояла толпа поклонников бегают — выбирай!

А Хольм ушел с площади на самый дальний и пустой ее конец, где почти никого не было. Только четверка Серых Волков у почти прогоревшего костерка что-то негромко обсуждала, потягивая горячее вино, на этом же костерке и разогретое. Хольма они встретили приветливо, махнули ему, подзывая, и один из Серых поделился кружкой, из которой Хольм честно отхлебнул.

— Видели тебя сегодня, родич, — одобрительно сказал старший из Волков. — Хорош. Посиди с нами, у нас тихо, не то что там.

И кивнул на три пылающих костра, возле которых метались фигурки.

Хольм сел на свободный пенек, протянул к тлеющим углям руки. Серые продолжили разговор, со спокойной вежливостью не втягивая в него Хольма, а давая ему самому решать, присоединиться ли. Словно чувяли, что на душе у него мутно. Фляжка с горячим вином кончилась, по кругу пустили еще одну, но все так же неторопливо. Время тянулось, и Хольм следил за ним только по луне. Она уже перевалила на другую половину неба и прошла изрядно, когда к их маленькой компании подошел хмурый Брангард. Поклонился Волкам, ответившим вежливыми кивками, поманил Хольма за собой.

Они отошли еще дальше, к деревьям, за которыми начиналась улица, ведущая к площади с другого конца, не дворцового.

— Ну что, братец, — как-то очень невесело усмехнулся Брангард. — Я свои обещания держу. Седлай коня и езжай в Храм Луны. Лестана ждет.

— Ты... рехнулся? — выдавил Хольм, чувствуя, словно летит в пропасть. — Лестана ждет в храме? Кого?!

— А вот это хороший вопрос, — тем же отвратительно чужим голосом сообщил Брангард и посмотрел Хольму в глаза. — Ждет она меня, конечно. А дожидаться должна тебя. И если ты, братец, и здесь не сумеешь все обернуть как надо... Ну, тогда ты и правда дурак, а я — дурак вдвойне. Что ждешь?

— Бран... — медленно сказал Хольм, закипая, но пока еще держа лицо и голос спокойными. — Ты что сделал? Толком объясни!

— Объясняю, — сквозь зубы отозвался Брангард. — А то и правда не поймешь. Я предложил Лестане выйти за меня. То есть это она думает, что я предложил. Уж как я изворачивался, чтобы впрямую не солгать, ты не представляешь. Но по сути — предложил. Она поверила. И что я женюсь на ней, и что уеду с ней в Арзин. Самому противно! Бедная девочка... Ну если она после этого меня не возненавидит... Да нет, быть этого не может. Никакая любовь такого не выдержит. Лестана — девушка гордая. Как полюбила, так и разлюбит, когда все поймет. А ты как раз рядом! Проси прощения, клянись, что ничего не знал. Ты же и правда не знал — в этом никакого обмана, хоть Луну бери в свидетельницы. Ну и про любовь клянись тоже. Только не дури, не говори ей, что она твоя избранная. Она пока не поймет, а вот испугаться может.

Он замолчал, и онемевший Хольм на миг поверил, что это не его брат, а перевертень из детских страшных сказок, натянувший лицо и голос Брангарда. Не мог его братец, хоть и хитроумный, быть настолько жестокой и лживой сволочью. А потом Брангард продолжил так обыденно, что Хольм понял — может. И от этого стало еще страшнее и омерзительнее.

— Она хорошая девочка, — сказал он спокойно и как-то устало. — Я бы сам женился. Но понял вдруг, что мне нужна совсем другая... жена. Но это ладно, к делу не относится. Мне ее очень жалко, правда. Но Лестана мне чужая, а брат у меня один. И я хочу, чтобы у тебя, дурня, был хотя бы шанс. Она на меня очень обидится, просто смертельно, ну и пусть. Договор и муж-Волк ей все

равно нужны, верно? Ее воспитывали как наследницу, вот как только эта дурацкая влюбленность пройдет и выгорит, девочка сразу обо всем вспомнит. Ну а дальше все от тебя зависит, Хольм. Не будешь совсем уж дурнем, Лестана поймет, кто ее честь спас. В храм-то она по своей воле пошла как ни крути. Только смотри, если она в подарок на свадьбу попросит мою шкуру, ты сразу не соглашайся, хоть поторгуйся для приличия. Скажи, что за третьего сына подаришь! А там, глядишь, она и смилуется, еще спасибо мне скажет.

И он улыбнулся совсем как прежний Брангард. Хольм наконец-то переплавил то, что кипело у него внутри, в слова. Даже в приличные! И выдавил, хотя больше всего ему хотелось взять брата за грудки и приложить обо что-то твердое:

— Ты... И ты меня пеньком называл?! Ты отправил ее в храм? Дождаться тебя? Она же... она же тебя любит! Бран, ты... ну ты и сволочь... Как я ей в глаза посмотрю?! Что скажу?!

— Вот это и скажешь, — неожиданно ледяным голосом отозвался Брангард, предусмотрительно отступая на шаг и следя за его руками. — Что я сволочь. И что ты не знал, а если бы знал — прибил бы. Это же правда? Ну вот. Не ври, говори как есть. Все равно врать не умеешь, но тебе и не надо. Ты ее любишь? Любишь. Хочешь на ней жениться? Хочешь! Согласен с ней уехать? Да! Ну вот, ни слова вранья! А если ты, пенек мохнатый, будешь и дальше тут порядочного корчить, пока девушка ждет... Я сам тогда туда поеду, ясно? И женюсь на ней, что поделать. Будем друг друга всю жизнь мучить на радость маменьке.

— Вернусь — убью! — выдохнул Хольм, соображая, как быстрее добраться до храма.

Что он сделает, когда доберется, придумать не получалось. А вот Брангарду надо хотя бы морду набить от души, но некогда!

— Она с твоими Волками поехала! — крикнул ему вслед Брангард, когда Хольм помчался в сторону площади. — Их не прибей!

Хольм его услышал и даже сделал отметину в памяти, но мысли были о другом. Он летел через площадь, едва удерживаясь, чтобы не перекинуться. Кто-то уворачивался с его дороги, кто-то отпрыгивал, вслед неслась ругань, мельком взгляд Хольма выхватил Рудольва, говорящего с отцом, потом Ингрид, замершую под деревом в объятиях Ивара. Зелено-золотая одежда Кота и его длинная рыжая коса сверкали в отблесках костра.

Равнодушно скользнув по ним взглядом, Хольм прикинул дорогу до дворца, там еще до конюшен, потом выводить лошадь... Волком он доберется куда быстрее. Проклятье, но ведь и голым появиться перед Лестаной нельзя! А тащить в зубах одежду, сапоги и оружие — глупо и неудобно!

Выбежав с площади, он свернул в ближайший переулок, быстро разделся. Когда Брангард отправил Лестану в храм? И куда смотрит ее братец-Кот?! Из горла рвалось рычание. Хольм быстро свернул одежду и сапоги в узел, перехватил их поясом, не снимая с него кинжал, только тяжелый меч пришлось оставить, спрятав его под бревном, лежащим у забора вместо лавочки.

Оставшись обнаженным, Хольм глянул на луну — и зверь радостно рванулся на волю. Огромный черный волк встал на землю всеми четырьмя лапами, потянул воздух, лова неисчислимое множество запахов. Человеческое сознание плавно сливалось с сущностью зверя. Хольм помнил, куда ему нужно и зачем. Волк видел Храм Луны иначе, но соглашался, что самое время наведаться туда. Там их с Хольмом женщина! Будущая женщина, но это дело времени. Сегодня ночь Луны, время волков. Она учует его и ни за что не устоит.

Глава 11

Луна и кровь

В храме было темно и прохладно, словно летняя ночь побоялась войти вместе с Лестаной под низкие каменные своды и осталась снаружи. Лестана зябко поежилась и решительно сказала себе, что опасаться нечего. Ни один оборотень или человек не посмеет осквернить святое место злым делом, диких зверей поблизости нет, а бояться самой богини Луны... Разве она, Лестана, не дочь ее? А дочь должна доверять матери.

Но смутная тревога не проходила. Лестана любила нарядные светлые храмы Арзина, словно сотканные из беломраморного кружева, а этот храм был таким же хмурым и неприветливым, как старший сын вождя Волков. Ну нет, о Хольме она сейчас думать не станет! Ее судьба — Брангард, осени его Луна своей милостью... Она вспомнила теплые карие глаза младшего Волка, его улыбку — и на сердце потеплело.

— Ну вот, госпожа Рысь, — бодро сказал Волк по имени Лейв, и его голос окончательно рассеял сгустившуюся в храме тревогу, а зажженный факел разогнал по углам клочья тьмы. — Ждите здесь, а мы снаружи покараулим. Остались бы с вами, но по обычаю нельзя. Только сама Луна-Прародительница услышит, что вы друг другу скажете. Вы не беспокойтесь, мы рядышком будем, если что — только кликните!

И, поклонившись, оба Волка вышли в ночь, оставив горящий факел в держателе у алтаря. Лестана глубоко вдохнула и подавила желание обхватить себя за плечи. Она не боится, не боится... Она сама приняла это решение и собирается победить! И собственные глупые страхи, и и саму судьбу, свернувшую с нужного пути из-за коварства Сигрун. Они с Брангардом дадут клятву перед алтарем Луны, и больше никто не сможет их разлучить! А потом они уедут в Арзин... И уж там Лестана поговорит с отцом о своих подозрениях насчет Ивара. Матушка-Рысь, как же зябко... И как хорошо, что рядом горит хоть такой небольшой огонь, а рядом с храмом два замечательных парня-Волка! стыдно, правда, что пришлось их обмануть...

Нет, напрямую они с Кайсой дружинникам не соврали! Как только те услышали, что Лестане нужно в храм на вершине горы, так сами решили, с кем именно она собирается там встретиться. Ну еще бы, разве может быть на белом свете кто-то достойнее их драгоценного Хольма? Лестана просто не стала их разубеждать... Кайса осталась в комнате, заперлась изнутри, и если кто-то придет, подруга отошлет их, соврав, что у Лестаны разболелась голова после танцев и горячего вина, и она спит. Кайса найдет, что сказать, уж в этом можно не сомневаться!

И все-таки сомнения не уходили. Нет, не в том, придет ли Брангард! Не может не прийти... Но клятва перед алтарем Луны — это лишь полдела! Потом надо будет незаметно ускользнуть из города Волков, прихватив Кайсу!

Лестана поежилась от холода, с которым факел ничего не мог поделать, и впервые задумалась, что будет, если Волки вышлют погоню? А ведь это наверняка случится! Да и Ивар в стороне не останется. Что ж, если их догонят, с двоюродным братом Лестана уж как-нибудь справится... Заключать договор послали ее, Ивар всего лишь охранник и советник, не ему отвечать за решения Лестаны. Однако в погоне наверняка будет Хольм! И что сделает он, страшно даже подумать!

Но даже если старший из братьев не сотворит никакой беды, если удастся мирно уехать домой вместе с Брангардом... Лестана вдруг задала себе вопрос, который должен был прийти ей в голову с самого начала. Что скажет отец, узнав, что она поставила под угрозу мирный договор с Волками? Да, брак будет заключен! Однако Волки могут решить, что им нанесли обиду таким поспешным тайным союзом, больше того — бегством! Разве так поступают честные гости? Тем более послы, приехавшие заключать долгий надежный мир?!

Вот теперь ей стало по-настоящему холодно. Лестана все-таки обхватила себя за плечи, радуясь, что сменила легкое нарядное платье на любимый замшевый костюм для верховой езды. В куртке и штанах все-таки теплее. Только ноющая совесть подсказывала, что мурашки по спине у нее бегут не только от холода, но и от внезапно нахлынувшего дурного предчувствия.

В окна храма холодно лился лунный свет, озаряя каменный пол и стены, громаду алтаря и саму Лестану. Ей вдруг показалось, что это прозрачное ледяное сияние заполняет ее изнутри, вымывая горячее нетерпение, с которым она ждала Брангарда. И в душу ядовитой змеей закрался еще один вопрос.

Если она не подумала об этом, ослепленная любовью и надеждой на скорое счастье, то неужели Брангард... умный и предусмотрительный Брангард... неужели он тоже не подумал о том, что случится после их клятвы? Он так уверен, что их отпустят добром? Что вождь Ингевальд, его отец, не оскорбится? У него ведь увезут любимого сына! И признанного наследника! Это... даже хуже, чем воровство, это измена! И Брангард об этом не подумал?!

Ухнула какая-то лесная птица, и Лестана вздрогнула, боязливо глянув в окно. Сова, наверное? Или что здесь летает по ночам? Да какая разница! Перед тем, как войти, Волки осмотрели окрестности храма и подтвердили, что никого чужого нет... Что же Брангард медлит?! Когда она уезжала из дворца, было уже за полночь, слишком много времени ушло на то, чтобы вернуться, переодеться, тихо выскользнуть и доехать сюда... Еще немного — и рассвет!

А ей теперь нужно поговорить с Брангардом! Очень нужно! Нет, она не передумала, она все равно хочет обменяться с ним клятвами у алтаря и стать его судьбой, но... Пусть он скажет, что она тревожится напрасно. Что на самом деле нет никакой опасности, что она все себе придумала, что мирный договор между Рысями и Волками точно будет заключен. Ведь он же просто не мог не рассудить об этом заранее, когда звал ее сюда! А значит... значит, это она не видит чего-то простого и очевидного, понятного Брангарду и неизвестного ей... Да где же он?

Лестана едва не всхлипнула, чувствуя, что напряжена до предела. Еще немного — и расплачется! Вот будет позор... А если он не приедет? Если сейчас он думает о том же самом и понимает, что это предложение было ошибкой?! Но не может ведь он просто бросить ее здесь?! Нет-нет-нет, не может! Наверное, его задержали... Какие-то дела или приказ вождя. Лишь бы ничего не случилось по дороге, ничего опасного...

Снова крикнула ночная птица, и мигом позже Лестана услышала шаги. Стремительно обернувшись от алтаря, с которого не сводила глаз, она вгляделась в полутьму возле храмовой двери. Сердце заколотилось отчаянно, во рту пересохло, и в первое мгновение она не поняла, почему глаза ее обманывают. Брангард... нет, он не так огромен! У него широкие плечи и фигура статная, но тот, кто к ней шел... выше ростом и шире в плечах... и глаза... Если бы даже Лестана не видела его одежду, если бы попыталась обмануть себя семейным сходством, то этот холодный блеск синих глаз в лунном свете она бы ни с чем не перепутала! Глаза Хольма зловеще сверкали, даже не синие, а голубые, словно лунное сияние разбавило густоту их цвета, растворило своим серебром.

— Лестана... — тихо сказал он, останавливаясь в пяти-шести шагах.

Ее шагах, а ему шагнуть осталось раза три, не больше.

Лестана вдруг спиной почувствовала, что алтарь совсем близко, отпрыгни — и упрешься в предательский холод камня. А в храме все-таки темно, луна разом скрылась за тучей, вот и глаза Хольма потемнели, больше не отблескивают. Только бы не пожелтели, как тогда, во время драки с Медведем... О, Мать-Рысь, помоги и защити! Почему он здесь?! Почему не Брангард?! Неужели...

Страх вцепился в нее изнутри когтистыми лапами и принялся рвать душу в клочья. Если братья встретились у храма, если Холм понял, зачем Брангард приехал сюда... Он же зверь, не зря Сигрун предупреждала!

«Он сегодня рисковал за брата жизнью, — слабо возразил рассудок. — Он любит Брангарда...»

— Не подходи! — сказала Лестана вслух, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало не испуганно, а твердо.

И страх, и рассудок в один голос твердили об одном: зверю нельзя показывать, что ты боишься!

И Хольм, что приготовился сделать еще один шаг, остановился, даже качнулся назад, глядя на нее с удивлением. А потом сказал осторожно и медленно, словно пытаясь успокоить:

— Госпожа Лестана, я ничего вам не сделаю. Ничего плохого. Никогда...

— Где он? — спросила Лестана. — Где Брангард? Где... ваш брат?

Страх все-таки прорвался, ее голос вздрогнул — и Хольм нахмурился. Лестана глянула поверх его плеча на темнеющий провал двери и попыталась угадать, придут ли ей на помощь Лейв с Рогволдом, если закричать. Это ведь их вожак! Их драгоценный Клык, о котором оба Волка говорят с восхищением и любовью... а она... Она чужачка! И вообще они думают, что она сама его сюда позвала! Ну кто знал, что их с Кайсой придумка может обернуться бедой? Что Хольм и в самом деле явится?!

— Брангард? — эхом отозвался Хольм и как-то криво то ли усмехнулся, то ли просто растянул рот в гримасе. — Он не придет.

— Что? — выдохнула Лестана и, забыв о страхе, сделала шаг навстречу. — Он... Что ты с ним сделал?!

— Я? — поразился Хольм, и лишь удивление в его голосе спасло Лестану от следующей огромной глупости.

Еще миг — и она бы кинулась на Волка! Она бы постаралась вцепиться ему в горло, как настоящая Рысь, чтобы... Откуда-то изнутри рвалось шипение и горловое рычание, Лестана с трудом его сдерживала, пальцы вдруг смело болезненной судорогой. Но Хольм смотрел с таким искренним изумлением. А потом оно сменилось виной, настолько болезненной и явной, что Лестане тоже стало больно. Она испугалась услышать то, что сейчас неминуемо должна была услышать. С Брангардом что-то случилось?!

— Он не придет, — тихо и тяжело сказал Хольм, роняя каждое слово. — Брангард обманул вас, госпожа... Лестана. Он и не собирался сюда идти.

Лестана помотала головой, не понимая. Каждое слово по отдельности было знакомо и вроде бы ясно, а вот вместе они никак не складывались. Брангард. Обманул. Не собирался. Брангард ее обманул... Как?!

Наверное, она сказала это вслух. Губы точно шевельнулись, но Лестана себя не услышала. Только Хольм посмотрел на нее с пронзительной жалостью, словно понимал, что она сейчас чувствует. И повторил медленно и старательно, словно объяснял ребенку:

— Он обманул вас, госпожа Лестана. Простите... Клянусь, я сам об этом только что узнал. И приехал так быстро, как только смог. Прошу... Простите...

— Простить? — отозвалась эхом теперь уже сама Лестана. — Его? Или вас? Но... зачем? Зачем он...

Губы не слушались, как будто она замерзла по-настоящему. Ночная прохлада, раньше досаждавшая Лестане, казалась пустяком по сравнению с комком льда, в который она превратилась внутри. Брангард ее обманул... Сам позвал сюда — и даже не думал прийти! Разве так бывает?

— Он хотел, чтобы вместо него пришел я, — с чудовищной убийственной честностью сказал Хольм. — Чтобы я смог сказать вам то, что должен был он. Госпожа Лестана, дочь Рассимора... — Его голос тоже прервался, словно Волку не хватило воздуха, а потом он рывком вдохнул и упрямо продолжил: — Я люблю вас. Люблю всем сердцем, всей сутью... Прошу... Позвольте мне дать вам брачную клятву вместо него? Я никогда... никогда не предаю вас...

«Вот оно, это слово, — поняла Лестана. — То самое, которое вертелось на языке, никак не желая быть произнесенным. То, о чем думалось недавно, только тогда я еще не понимала, как близко стою от него на самом деле. Предательство. Фальшивая любовь, ложные клятвы...»

— Замолчите... — прошептала она и вцепилась в воротник замшевой рубашки, словно тот сдавил шею. — Не смейте...

— Я не знал! — крикнул Хольм, делая шаг ей навстречу, и Лестана снова напряглась. — Я никогда не позволил бы ему! Клянусь! Я клянусь Луной, что люблю вас!

— Так вот почему он об этом не думал, — тускло сказала Лестана, едва понимая, что проговаривает свои мысли вслух. — О том, что будет после... После побега, после нарушенного договора... Он... Ему просто не нужно было об этом думать. Он знал, что ничего этого не будет. А я... я... дура...

Она все-таки всхлипнула. И увидела, как исказилось лицо Хольма, как Волк потянулся к ней, не сходя с места, поднял руку... Что он там сказал, что любит ее? Ложь! Еще одна ложь! Любви не бывает! Есть только предательство ради выгоды! Брангард предал ее! Отдал своему брату! Уступил, как пойманную беспомощную добычу! Как игрушку!

— Я уеду с вами, если пожелаете, — торопливо проговорил Хольм, следя за ней блестящими алчными глазами. — Вам ведь нужен этот договор! А мне... мне нужна только ты, слышишь?!

Его голос тоже сорвался, но Лестана уже не боялась. Страх исчез, его смысла волна злости, поднимавшаяся в ней. Они все решили! За нее! Сами решили, кто придет сюда, чтобы дать ей клятву! А клятвы, данные в ночь полнолуния в Лунном храме разорвать нельзя! И дело вовсе не в том, что Сигрун не отпустит сына. Это Волки не отпустят Хольма! Потому что хотят вождем его, а не Брангарда! Непонятно, зачем это Хольму, но даже если он и правда любит ее...

«Любви не бывает! — крикнула боль внутри нее. — Теперь ты сама это поняла! Просто Хольм решил стать консортом у Рысей, чтобы оставить место вождя брату. Сигрун все равно погубила бы его... А так оба брата при власти! И ты, дура, решила, что нужна кому-то сама по себе?!»

— Никогда! — крикнула она. — Никогда! Ни за что! Ненавижу вас обоих! Клянусь Луной!

И, увернувшись от неловкого движения Хольма, выскочила мимо него в открытую дверь храма.

Остатки рассудка кричали, что ее быстро поймут. Что она, дура наивная, доверилась врагам! Что теперь за ней в погоню кинутся трое Волков. Матерых опытных охотников, знающих здесь каждый

камешек и ветку!

А страх гнал дальше, не разбирая дороги. И лишь когда Лестана едва не упала, потому что нога провалилась в рытвину, она поняла, что ошиблась. И бежит не обратно к дороге, ведущей в город, а вниз, к озеру! Как ее сюда вообще развернуло! Ведь так хорошо все было видно! И почему эти несколько шагов показались бесконечно длинными?! Ведь до озера недалеко... Вот и лестница...

Она вдруг споткнулась, потому что ноги налились тяжестью. В груди стало невыносимо горячо и тоже тяжело, в глазах потемнело. Ступенька, такая близкая, отдалилась и расплылась в тумане, Лестана поняла, что видит ее прямо перед собой, а не внизу, под ногами. А лунное серебро, заливающее все вокруг, налилось алым. Деревья, кусты, ударивший в нос резкий запах земли, травы и еще чего-то... «Так пахнет кровь, — успела подумать Лестана. — Я точно знаю, что так пахнет кровь. То есть это знаю не я, а она, моя Рысь... мы... вместе...» И тут наконец стало темно.

Она его ненавидела. То есть их обоих, но до Брангарда Хольму сейчас дела не было. Пусть хитроумный братец сам разбирается с тем, что наворотил. А его, Хольма, Лестана ненавидит, она так и сказала! И не просто сказала, это читалось в ее голосе и запахе! Запах никогда не врет, а от Лестаны пахло болью, обидой... ненавистью... Острый кисло-горький аромат, от которого у Хольма на коже топорщились волоски, словно от холода. Этот запах требовал броситься на того, кто обидел Лестану, и вырвать ему горло, утолив злость кровью.

Но что делать, если она ненавидит самого Хольма, злость не подсказывала. Она просто ударила его в самое сердце, заставив захлебнуться чужой болью. Нет, не чужой! Оказывается, боль твоей избранной хуже собственной! А страшнее всего, когда ты не знаешь, как ей помочь. Как вымолить прощение за то, в чем не виноват, но боль не делит вину на твою и чужую. И ненависть — тоже.

И он потерял несколько драгоценных мгновений, растерянно глядя Лестане вслед, а потом, опомнившись, кинулся прочь из храма. Застыл на каменной площадке у входа, пытаясь понять, куда убежала девушка. Ей следовало бежать вправо, туда, где Лейв с Рогволдом держали коней. А она... Хольм еще раз втянул носом воздух: тонкий, но сильный аромат Лестаны звал влево, к озеру!

Какой же он дурак! Почему не нашел нужных слов?! Сначала она его испугалась, это и понятно, ведь ждала другого... Бран — с-с-скотина! Заигрался в свои продуманные и просчитанные игры, а Лестана не кукла! Она живая, ей больно! Конечно, братец на это и надеялся, но вытравить любовь обидой? Как бы не вышло хуже!

Да где же она?

Хольм пробежал до самого начала лестницы, но там никого не было. И все-таки аромат Лестаны остался здесь на траве и земле, мешаясь с другим запахом, от которого Хольм даже в человеческом облике глухо зарычал. Кровь! Ею веяло в холодном ночном воздухе отчетливо и свежо!

Он заставил себя остаться человеком, хотя зверь внутри выл и ревел, требуя немедленно обернуться и пойти по следу Рыси, которой тоже пахло сильно. Нельзя! Если Лестана рядом, она испугается его волка!

Пригнувшись, он осторожно двинулся от уходящей к озеру лестницы, подходя к деревьям. Здесь было темно, луна как раз нырнула в плотное облачко, и густые ветви старых вязов плотно закрыли небо. А кровью пахло все сильнее. И Лестаной — тоже, причем сразу в двух обликах, человеческом и зверином. Мелькнула мысль позвать Лейва с Рогволдом, но пока им объяснишь... Да и Лестане увидеть сразу трех Волков не лучше, чем одного.

Сочетание запахов дурманило рассудок, Хольм с трудом давил страх, что случилось что-то непоправимое. Ведь могла она просто сильно поцарапаться веткой?! А теперь притаилась в кустах, прячется от него, не понимая, что он скорее себе горло перегрызет, чем причинит боль своей паре.

— Лестана! — позвал он, вглядываясь в ночные тени, густо лежащие на кустах. — Пожалуйста... Не бойся! Я ничего тебе не сделаю, клянусь! Матерью-Волчицей клянусь, ты слышишь? И Великой Луной! Лестана, выходи! Мы уедем в город... Все будет, как ты захочешь! Никто тебя не станет ни к чему принуждать! Я не позволю... Лестана, прошу! Поверь мне! Я же не только зверь!

Поляна молчала. Хольму показалось, что запах Рыси стал сильнее, и он двинулся туда, прикидывая, что девушке и бежать-то некуда. С той стороны холма — густой лес, никаких троп, только непроходимые заросли. Вот если бы она перекинулась, то... Рысь там, пожалуй, проскользнет без труда, но не человек. А Лестана не умеет перекидываться!

И тут запах крови ударил ему в нос, окончательно победив остальные запахи. Хольм остановился как вкопанный. Чутье нарисовало ему все раньше глаз, но разум кричал, что этого быть не может! Кровь... она пахла сильно до иступления. Та сама кровь, за одну каплю которой он бы убил!

Словно издеваясь, луна краешком показалась из-за тучи, и Хольм, бросившись к высокому вязу,

легко разглядел скорчившуюся под ним фигурку. Споткнулась? Упала и потеряла сознание?

Лежащая ничком Лестана не шевельнулась, когда Хольм ее приподнял, и вялая тяжесть послушного тела заставила его содрогнуться. Кровь на пальцах показалась чернилами. Мокрая замша липла к его рукам, и Хольм наклонился к девушке, пытаясь понять, как она могла так упасть, что поранила спину?

— Лестана...

Он заставил себя шептать, а не кричать, чтобы не напугать еще больше. Вот сейчас очнется — и все будет хорошо! Он отнесет ее домой на руках! А там целители... Да что же это такое!

Сосредоточившись, Хольм присмотрелся внимательно.

Лицо чистое, только очень бледное, волосы тоже в порядке. Разлохматились немного, но ни следа крови. Значит, рана лишь на спине? Придется снять рубашку... Нет, лучше аккуратно разрезать.

— Прости, — шепнул он. — Я только посмотрю, что там, хорошо?

Уложив Лестану себе на колени, он повернул девушку так, чтобы добраться до мокрой от крови спины. Потянул из ножен на поясе кинжал. Тот самый, выигранный сегодня утром, а кажется — что вечность назад. Осторожно поддел острым кончиком черную от крови замшу ее рубашки. Если рана серьезная, придется послать Лейва с Рогволдом за носилками...

Замша поддавалась лезвию легко, словно гнилая. Хорошая сталь... Но что же крови так много? Ведь порез между лопаток совсем маленький! Узкий такой...

«И глубокий, — со смертельной ясностью понял Хольм, чувствуя, как холодна кожа Лестаны там, где не испачкана еще теплой кровью. — Это не от падения. Это нож. Примерно такой же, как вот этот, у меня в руке. Узкий кинжал...»

Что-то шевельнулось в ветвях вяза совсем рядом. Неправильный шелест! Хольм вскинулся, удивляясь, что чутье его не предупредило. Никаких чужих запахов не было! И опоздал. Тьма рухнула мгновенно.

... — Хольм... Хольм! Да очнись же ты!

Знакомый голос безжалостно выдирает из вязкой душной темноты. Хольм смутно чувствовал, что его бьют по щекам, ругают, зовут... Потом стало холодно и мокро — кто-то плеснул ему в лицо водой. Очень болела голова, а еще почему-то руки не шевелились.

— Ну и зачем вы его связали?!

— А что было делать? — оправдывался кто-то другой, тоже знакомый, испуганный и виноватый. — Мы подскочили, а он над ней! Над Рысью! Она вся в крови! А у него кинжал в руке! И никого рядом! Мы подумали, что он с ума сошел...

— Как это никого?! — заорал первый, самый знакомый. — Не он же ее ударил! Вы, тупицы мохнатые! Вас послали ее охранять! А вы?! Вы чем воздух нюхали, задницами?! Почему вас рядом не было?! Вы что, не понимаете, что теперь Хольма обвинят!

— А это... разве не он?

Глухое рычание было ответом, и Хольм вяло удивился. Он никогда не слышал, как Брангард рычит, но почему-то узнал его сразу. Не по голосу, хоть тот и казался знакомым, а именно по рычанию. Брангард... Он здесь, хотя говорил, что не приедет... Он много чего говорил, его умный братец... А Лестана?! Где она?! Что с ней?

— Бран... — просипел Хольм, пытаясь открыть глаза, но дикая боль тут же обхватила его голову, стиснув, словно обручем. — Лестана...

— Очнулся! — тяжело вздохнул Брангард. — Хольм, что ты помнишь? Кто здесь еще был? Кем пахло, ну?! Говори же, пока не забыл! Хольм?

— Кровью... — прошептал Хольм, снова неумолимо сползая в темноту забытия, но изо всех сил сопротивляясь. — Кровью и Лестаной. И Рысью... Я пошел на запах, а она... здесь... Бран... что с ней?

— Вот! — возликовал то ли Лейв, то ли Рогволд, головная боль не дала вспомнить точно. — Я же говорил! Да я всю поляну обнюхал! Не было здесь никого! Да если бы хоть тень чужого запаха... Брангард, мы что, не понимаем? Рысью здесь пахло! Молодой самкой-рысью! И никаких других Рысей...

Голоса уплывали, Хольм качался на черных волнах, злясь, что ему так и не ответили на самый важный, на единственно важный вопрос. Что с Лестаной?! А потом луна обрушила на него потоки света, но он почернел, налился кровью, и Хольм снова захлебнулся в нем.

Глава 12

Темные волны

Марево, в котором она плавала, отпускало Лестану медленно, словно неохотно. Веки не поднимались, и открыть глаза казалось так трудно, что она даже пытаться не стала, просто прислушалась к себе и тому, что ее окружало. Боли не было. Только тяжелая горячая слабость, которая не позволяла даже пальцем шевельнуть. И еще странный зуд. У нее зудела спина, очень хотелось почесать это место...

Потом пришли звуки. Лестана услышала собственное дыхание, ровное, но тоже очень медленное. Шум листьев где-то неподалеку... Или это льется вода? Или чьи-то голоса звучат?

Она напряглась, прислушиваясь.

— А я говорю, что везти ее сейчас опасно! — утверждал смутно знакомый женский голос. — Погубишь ты свою сестру, Кот! Вот откроется рана в лесу — и что делать будешь? А она точно откроется. Там, знаешь ли, дороги не пухом выстелены! Попадет камень под колесо, телегу и тряхнет!

— Предлагаешь оставить ее здесь? — А вот этот мужской голос был ей точно знаком! Только память никак не хотела подсказать нужное имя. — Ее чуть не убили! Я не доверю ее жизнь вашим обещаниям!

— Ну, знаешь! — Возмущенный голос осекся, а потом немного тише продолжил: — Обещаю, здесь она будет в безопасности, пока не выздоровеет. Я сама к ней такую охрану приставлю — муха не пролетит. Но везти ее пять дней по лесу — ты с ума сошел! К тому же пять дней — это верхом, а с повозкой вся дюжина выйдет...

Голоса таяли и уплывали, но Лестана старательно вслушивалась, откуда-то зная, что это очень важно. Молодой мужчина — память по-прежнему скрывала имя, но уже показала его лицо, золотисто-зеленые глаза и длинную рыжую косу — настаивал, женщина с ним спорила. А говорили они явно о Лестане! Куда ее собираются везти? И почему в повозке?! Она отлично сидит на лошади, всю дорогу от Арзина до волчьего города не уступала воинам...

Арзин! Волчий город! Память о поездке вспыхнула первой, а следом воспоминания хлынули волной. Брангард и Хольм! Первые встречи, разговоры... Бесконечный первый день ярмарки, поединки Хольма с Росомахой, а потом, вечером, танцы... И храм, куда ее позвал Брангард!

Запертая в ловушке собственного тела Лестана металась, пытаясь открыть глаза, сказать хоть что-нибудь! Отчаянно вспоминала, что случилось потом, когда она выскочила из храма, но вспомнить никак не могла. Зато теперь она знала, чьи голоса звучат над ней. Это Сигрун спорит с Иваром! Ивар хочет забрать ее домой, а старшая Волчица его уговаривает, напирая на то, что везти раненую слишком опасно. Лестана ранена?! Когда...

— Ох, наша девочка очнулась! — голос Волчицы приблизился и стал таким заботливо-ласковым, что Лестана бы поморщилась, если бы смогла. — Открой глаза, милая... Все хорошо, ты в безопасности. Он тебя больше не тронет!

«Кто?» — хотела спросить Лестана и тут окончательно вспомнила все.

Веки казались тяжелыми, словно каменные, и все-таки она подняла их, перетерпев ударивший в глаза свет. Лицо склонившейся над ней Сигрун расплывалось, Ивар и вовсе выглядел размытым пятном, будто Лестана плыла под водой, а они были где-то наверху... Но она теперь помнила!

Брангард позвал ее в храм, но не пришел. Вместо него туда явился Хольм и... убил ее? Попытался убить? Но она не видела лица! Она ничего не видела, только лестницу к озеру, до которой почти добежала, оставалась пара шагов...

— Ее никто больше не тронет! — резко сказал Ивар. — Я об этом позабочусь. Моя бедная сестра слишком доверчива! Ей нужно вернуться домой, а договор с Волками...

Он запнулся, и Лестана обрадовалась этой подсказке. Договор! Она должна заключить договор, с которым приехала! Но... как теперь его заключать? Брангард ее обманул и предал, он послал к ней убийцу! А Хольм... За что они оба с ней так поступили?!

— Лестана...

Ивар тоже подошел ближе, и его лицо с голосом слились в единое целое. Он склонился к ней с другой стороны, осторожно погладил по щеке... Лестана не видела его вторую руку, но у нее вдруг возникло странное ощущение, что Ивар делает что-то очень знакомое. То, что она должна

почувствовать, но почему-то не может. Собственное тело казалось чужим, словно Лестана очутилась внутри огромного кома теста и не может ни двинуться, ни разорвать эти вязкие мягкие путы, ни даже позвать на помощь.

— Все хорошо, Леста, — мягко и тоже очень убедительно сказал Ивар. — Ты помнишь, что случилось?

Она хотела сказать, что помнит, но язык не слушался, Лестана смогла только опустить ресницы и снова поднять их.

— Ты была в храме Луны, помнишь? — продолжил Ивар, вглядываясь в ее лицо. — Лестана, как ты могла пойти туда тайком? Без меня! Что ты натворила...

Он вздохнул, и Лестана почувствовала себя безнадежно виноватой. Наивной и глупой. Да что там, просто дурой! Отец ей доверял, они с матушкой были уверены, что Лестана рассудительна, как положено наследнице клана. А она! Она все испортила!

— Ничего, сестричка, все будет хорошо, — улыбнулся ей Ивар, но Лестана видела, что в его глазах плещется беспокойство. — Я заберу тебя домой.

Лестана перевела взгляд на лицо Сигрун, стоявшей с другой стороны кровати. Волчица недовольно поджала губы, но возражать перестала, только смотрела укоризненно. Ее карие глаза были так похожи на глаза Брангарда, что Лестане снова стало больно где-то внутри. Брангард улыбался ей, смотрел восхищенно и нежно, обещал... А потом предал! И вот с ними отец хотел заключить союз? Отдать единственную дочь клану предателей и убийц?!

— Ну что ж, если тебе единственная сестра не дорога... — уронила Сигрун, едва разжав губы. — Силой держать не станем. Но Рыси узнают, что от нас ты ее забрал еще живую. И что лекари запретили ее увозить. Сам будешь отвечать перед своим вождем.

— Отвечу, — холодно уронил Ивар. Сейчас Лестана хорошо видела, как осунулось и побледнело его лицо. И взгляд напряженный... Ивар за нее беспокоится! А она подозревала его во всяких гадостях! Дура! Лестана попыталась открыть рот и сказать, как ей стыдно, но губы не шевелились. А братец Ивар продолжил, и его взгляд встретился со взглядом Сигрун, как встречаются два клинка: — Но сначала должен ответить убийца! Иначе позор ляжет на всех Волков. А у него, между прочим, был еще и соучастник.

— Брангард ни в чем не виноват! — Сигрун скрестила руки на груди, выпрямившись и надменно вскинув голову. — Его там не было! Мало ли что сказал этот выродок? Он оговорил Брангарда!

— Да? — усмехнулся Ивар так же высокомерно. — А он утверждает иное. Вашего сына позвали Волки из дружины, когда Лестана уже была ранена, это правда. Но господин Брангард не отрицает, что сам пригласил мою сестру в храм. Вы же понимаете, как только Лестана сможет говорить, она это подтвердит. Уж не потому ли вы хотите оставить ее здесь? Надеетесь, что она простит Брангарда? Того, кто отправил ее на смерть?

Лестана снова прикрыла глаза, чувствуя, как гневный голос Ивара отдаляется, а сама она тонет в горячем красном мареве. Боли так и не было, но слабость не давала произнести ни слова. Да и что она хотела сказать? Только то, что отчаянно хочет домой. Пусть это опасно, пусть рана может открыться по дороге, но находиться среди Волков она больше не могла. Простить Брангарда? Ни за что! Она скорее Хольма простит! Старший из братьев пытался ее убить, но не унизил, как младший. И не предал. Враги не предают, если даже бьют в спину, от них и так не ждешь верности. Предают те, кому доверяешь. Родичи, друзья, любимые... Больше она никогда не сделает подобной ошибки...

Мысли путались. Она хотела сказать, что согласна с Иваром, лучше любой риск в дороге, чем остаться здесь. Но снова уплыла в тягучих волнах забытья.

Когда она проснулась снова, был поздний вечер. В окно незнакомой комнаты светила луна, пробиваясь через ветви деревьев. В ее рассеянном свете очертания кровати расплывались, перетекали во что-то иное, стен не было видно, и Лестане показалось, что она плывет в лодке по ночной реке.

Она покосилась по сторонам и увидела в паре шагов от изголовья глубокое кресло, а в нем — спящую Кайсу. Подруга подложила под щеку сложенные ладони, подтянула к себе колени, свернувшись клубочком, и ее рыжая коса казалась темной, хотя рядом на столике горела свеча.

Лестана облизала сухие губы. Очень хотелось пить, но она никак не могла решиться и позвать Кайсу. Что, если голос опять не послушается? Странно... Если рана серьезная, почему у нее ничего не болит? А если нет, откуда такая слабость? И вообще, почему Хольм ее не добил? Он же опытный воин, должен был видеть, что она не умерла. И зачем он вообще убивал ее?!

Память упорно подсовывала те минуты, что они провели в храме наедине. Хольм клялся ей в любви. Он клялся Луной, что ничего не знал о замысле Брангарда. Хотел дать ей супружескую клятву... А потом убил. Только за то, что она отказала и убежала из храма! За отказ... Все-таки Сигрун была права, он зверь. Безжалостный дикий зверь, не умеющий владеть собой, запертый в человеческом обличье, но яростный и всегда готовый убивать. И Брангард хотел отдать ее этому чудовищу!

Она снова облизнула губы, но это не помогло, рот совсем пересох. Лестана осторожно вздохнула и прошептала:

— Кай...са...

— Ой!

Подруга вскинула голову так быстро, словно совсем не спала. Стремительно выскочив из кресла, опустилась на колени возле постели, заглянула Лестане в лицо и заговорила, то ли плача, то ли сердясь:

— Леста, паршивка! Ты с ума сошла! Дура! Да если бы ты мне только сказала, что решила не просто замуж выйти, но и уехать тайком! Я бы сразу поняла, что дело неладно! Ду-у-у-ура... Какая же ты дура! И я тоже! Я думала, ты умрешь! Лекари тебя вчера весь день выхаживали! Никого и близко не подпустили, ни меня, ни Ивара. Только Сигрун впускали, но у нее разве правду узнаешь?! А потом сказали, что все будет хорошо, только тебе нужен покой. И что двигаться нельзя...

Взгляд Кайсы как-то быстро метнулся в сторону и тут же вернулся. Если бы Лестана знала ее хуже, то и не заподозрила бы неладного, но подруга явно что-то скрывала. Вот и заговорила снова слишком быстро:

— Ты, наверное, пить хочешь? Я сейчас! Вот! Брусничный отвар, кисленький... Лекари сказали, пить можно вволю! А вот есть пока нельзя. Твердое то есть нельзя. Бульончик можно... Хочешь бульончика?

Не переставая тараторить, она вскочила, налила из кувшина, стоящего на том же столике, темный отвар и осторожно поднесла прохладный стакан к губам Лестаны. Придержала ей голову, терпеливо ожидая, пока Лестана напьется, а потом вытерла губы. Вернула стакан на столик и опять присела у кровати прямо на пол, предупредив:

— Говорить тебе тоже нельзя. Так что я сама все расскажу, а ты только слушай. Слушать можешь?

Лестана опустила и снова подняла ресницы, чувствуя, что даже одно-единственное слово, разбужившее Кайсу, далось немислимым усилием.

— Когда ты уехала, — деловито начала Кайса, поглядывая на дверь, — я заперлась и ждала, как договорились. Леста, мне даже в голову прийти не могло! Ну, поехала ты в храм... но я же думала, ты у Волков решила остаться... Вот только выздоровей! Я... я тебя выдеру, слышишь? И не посмотрю, что ты дочь вождя! Розгой, как дурную козу!

Она всхлипнула, смахнула слезинки с уголков глаз, и Лестане стало неимоверно стыдно. Да, Кайсу она обманула. Не лгала, но и правды не сказала. Побоялась, что рассудительная подруга найдет слова, которые заставят отказаться от поездки. А надо было довериться и послушать Кайсу! И не было бы всей этой беды...

«Только я все равно бы ей не поверила, — устало подумала Лестана. — Мне надо было самой убедиться в предательстве Брангарда, иначе я так и любила бы его».

— Никто не приходил, — продолжала Кайса, обняв колени руками и подтянув их к груди. — Ни Волки, ни Ивар, ни наши Коты... Ну, я подумала, что все на празднике загуляли, еще порадовалась, дура! А потом началась такая суматоха! Ивар вломился, чуть дверь не вынес! Я и сказать ничего не успела, он завопил, что тебя раненую привезли. Следом — Брангард! Ивар ему чуть в горло не вцепился, их Гваэлис растаскивал и те Волки, что с тобой ездили. У-у-у-у... пришибла бы поганцев! Только они бояться на глаза мне показаться — и правильно делают! Тебя к лекарям сразу отнесли, а Хольма под стражей держат. Говорят, он головой о стену бьется и кричит, что ничего не делал. Брангард признался, что это он тебя уговорил в храм приехать. Хоть в этом не солгал... — Губы Кайсы презрительно искривились, она зло фыркнула, снова покосившись на дверь, будто младший Волк был где-то неподалеку. Потом глубоко вздохнула и продолжила, заглядывая в лицо Лестане: — Леста, неужели это он? Неужели... Хольм? Ивар говорит, что больше никому, а я не верю. Он же на тебя так смотрел... Я ничего не понимаю, Леста! Вождь Ингевальд поклялся, что ничего не знал. И Сигрун — тоже. Ингевальд и Лейва, и Рогволда допросил, они никого не видели на горе, кроме тебя и Хольма. И не чуяли, вот что странно! Луной клянутся, что там было только два запаха, кроме их собственных, твой и Хольма. Ну и твоей Рыси... Леста, ты что, оборачивалась?!

Лестана попыталась качнуть головой, но тело не слушалось. Кайса все-таки поняла и опять

всполошилась:

— Лежи тихо! Не шевелись, поняла?! Значит, не оборачивалась... Ничего тогда не понимаю. Кто же тебя ударил ножом? Неужели все-таки Хольм? — Ее лицо омрачилось, и подруга тихо, словно нехотя, добавила: — Нож нашли рядом с ним. Тот самый, что он у Ивара выиграл. Ну, позолоченный такой, узкий, помнишь? И весь в твоей крови. А сам Хольм, говорят, лежал рядом с тобой без памяти. Головой как-то ударился... Ну не знаю, такой головой так удариться... Лекари и его осмотрели, у него шишка на затылке, будто стукнул кто-то. Но под головой и правда камень был. И нож этот... Леста, миленькая, ты сама-то помнишь, как все было? Помнишь, как он тебя ударил?

Лестана зажмурилась, а потом выдохнула, вкладывая в каждое слово всю свою волю, иначе язык и губы просто не послушались бы:

— Он пришел... Клялся... что любит... Я убежала... к озеру... И темнота... Я не видела... кто... но были только... мы...

— То есть ты его не видела, да? — уточнила Кайса, опять шмыгнув носом и глядя на Лестану все с тем же подозрительным страхом. — Ну, ничего... Главное, ты жива. Сигрун хочет, чтобы ты здесь осталась, пока не выздоровеешь. Говорит, что лекари запрещают тебя везти. А Ивар говорит, что не доверяет ни Волкам, ни их лекарям. Чем быстрее тебя отвезем домой, тем быстрее попадешь к нашим целителям... Я не знаю, кто прав, Леста...

— Домой... — прошептала Лестана, с удовлетворением чувствуя, что язык слушается лучше. — Хочу домой... И договор. Волки нам... должны...

Теперь и речи не может быть ни о каком замужестве! Но если у Волков найдется хотя бы капля чести, они расплатятся за то, что совершили наследники их вождя. Наследник и Клык, если точнее. Ценой за договор должно было стать замужество Лестаны, а стала ее кровь, пролитая в священном месте. Пусть так! Если Волки посмеют отказать в союзе, все кланы узнают об их позоре.

Они нарушили законы гостеприимства, осквернили храм Луны, всеобщей прародительницы и матери всех оборотней. Никто не захочет родниться с подобными тварями, никто не подаст им руку помощи, не увидит в них ни верных друзей, ни достойных врагов... О, если только вождь Ингевальд не захочет подобной судьбы для своего клана, он заключит союз и будет свято исполнять договор. Видит Луна, Лестана заплатила за это немалую цену и кровью, и разбитым сердцем.

— Договор уже подписан, — снова шмыгнула носом Кайса. — Ингевальд его подписал, как только узнал обо всем... От нас поставил подпись Ивар... Лестана, это нечестно! Теперь он вернется домой, и все будет выглядеть так, будто он сладил с Волками и заключил союз! Он, а не ты, понимаешь?

— Зато клан... получит... помощь... — проговорила Лестана, уже едва дыша от усталости. — Неважно... кто...

— Еще как важно, — мрачно ответила Кайса. — Вот увидишь... Ладно, Леста, ты поспи, а? Может, завтра тебе лучше станет. Ивар, конечно, прав, что у нас лекари лучше, но и Сигрун дело говорит. Тебе бы отлежаться хоть немного. Хоть недельку... А потом можно и домой.

— Завтра... — прошептала Лестана. — Завтра домой... Скажи всем, я здесь... не останусь.

— А дорога?

Кайса нахмурилась с искренней тревогой, а Лестане вдруг стало легко, будто она сбросила тело, как надоевшую постылую тяжесть. Как хорошо ничего не чувствовать. Ни боли, ни слабости. Только смутное ощущение какой-то неправильности, словно так быть не должно.

— Река... — прошептала она, едва шевеля губами. — Скажи Ивару... корабли не трясет... Если договор подписан... завтра же в дорогу.

Она вернется домой, и отец узнает, что ее дочь оказалась не совсем уж никчемной. Пусть договор подписан Иваром, но Кайса и остальные Волки расскажут, как все было. Рыси получают помощь в войне, а Хольм... Его судьбу станут решать оба вождя, Ингевальд и ее отец. Главное, что Лестана больше никогда не увидит это чудовище.

— Ивар требовал, чтобы Хольма казнили, — мрачно сказала Кайса, словно прочитав ее мысли. — Но Ингевальд сказал, что его вина не доказана. Волки не верят, что это Хольм, понимаешь? Брангард предложил поехать в Арзин вместе с нами, чтобы защищать брата, но Сигрун сказала, что этого не будет. У клана остался один наследник, один будущий вождь, и бросить клан в такое время он не может. В общем... Хольм поедет один.

«Куда поедет? — удивилась Лестана, снова проваливаясь уже не в беспамятство, а в обычный, хоть и липко-тяжелый сон. — С нами?»

Она не слышала себя, но то ли сказала это вслух, то ли Кайса прочитала движение губ, потому что вздохнула и сказала, поднимаясь с колен:

— Я же говорю, Волки в его вину не верят. Наверняка дружина взбунтуется, если Хольма казнить здесь. Поэтому Волки выдают его нам. Ивар поклялся Луной и честью Рысей, что довезет его в Арзин живым и невредимым. На справедливый суд к твоему отцу! А вождь Ингевальд тоже поклялся, что союз будет нерушимым, как бы Рыси ни поступили с Хольмом. Сигрун своего добила...

«Я подумаю об этом завтра», — решила Лестана.

Ей казалось, что она уже плывет по реке, а кровать — та самая лодка, что привезет ее то ли домой, то ли в Леса Вечной Охоты, куда уходят все оборотни после смерти. Жрицы говорят, что путь туда лежит через великую реку, раскинувшуюся по небу полосой звезд... Что ж, ей нечего бояться. Там ее встретит старший брат Эрлис, а потом и отец с матерью найдут их в свое время. Только до слез жаль, что рядом с Лестаной не побежит по Млечному пути ее Рысь, так и не успевшая прийти к ней во время земной жизни. Значит, надо жить... Жить наперекор всему!

— Спи, кисонька, — тихо сказала Кайса и взяла ее за руку.

Лестана видела свою ладонь в пальцах подруги, но ничего не чувствовала, и это было той самой неправильностью, которую она никак не могла понять. Почему у нее ничего не болит? И почему все тело словно налито горячей тяжестью, вязкой и плотной... Пальцем не шевельнуть, не то что рукой...

— Спи, — повторила Кайса, когда глаза Лестаны уже закрылись, но она все еще слышала голос подруги, в котором звучал такой же неправильный страх. — Завтра станет лучше, обязательно станет. Ничего, это только у Волков лекари не умеют... А наши обязательно тебе помогут, слышишь? Иначе... я сама Хольма загрызу! Вместе с его братцем-сволочью! А с тобой все будет хорошо...

Глава 13

Луна всегда на небе

Ночь Хольм провел почти без сна. Долго ждал Брангарда, хоть и понимал, что брату сейчас не до пустых разговоров. Ждал и отца, хотя в глубине души не верил в его приход и оказался прав. Вечером принесли еду, к которой Хольм не притронулся, а потом вывели в уборную, и Рыси, сменившиеся на посту, не сводили с него глаз по дороге туда и обратно. Пленник в собственном доме... Нет, преступник под стражей!

Вернувшись в комнату, он снова упал на кровать и замер, уставившись в потолок. В окно, забранное толстой решеткой, светила луна, такая же круглая и яркая, как вчера. Лишь когда она ушла дальше, скрывшись за краем окна, Хольм смог отвести взгляд от разом помрачневшего неба, но уснуть не получилось и тогда, хотя привязывать его не стали.

Мешало все, и собственное тело, уставшее от вынужденного безделья, и тяжелые мысли, и Рыси, упрямо торчащие в комнате, хотя могли бы караулить в коридоре. Ну что им тут делать, этим Котам?! Решетка в палец толщиной, оружия у него нет... Боятся, что сам себя загрызет? Если бы он только мог! Впрочем, все равно не стал бы. Пока он жив, есть надежда найти настоящего преступника.

Хольм шевельнулся на постели, и один из Котов бдительно вскинулся, а второй только сверкнул в полумраке комнаты светло-золотистыми глазами, показывая, что не спит, следит за каждым движением. Как будто Хольм не справился бы с обоими, приди ему в голову такая дурная мысль. Даже голыми руками смог бы. Нет, понятно, что в охрану наследницы aby кого не выделяют, воины матерые, но узкие короткие мечи у Рысей в ножнах, и чтобы их вытащить, придется потратить пару мгновений. Ему бы хватило. Только вот собственная вина держит сильнее страха.

Прикрыв глаза, Хольм снова принялся вспоминать каждую минуту проклятого похода в храм, ища хоть какую-то зацепку, тень следа, по которому можно пойти.

...Он обернулся человеком, едва выскочив на площадку перед храмом. Лейв и Рогволд стояли в нескольких шагах от входа, держали коней и негромко разговаривали... Увидели его и, разумеется, узнали. Заухмылялись одобрительно, удачи в спину пожелали... Хорошо, что он не верит в глупые приметы, а то решил бы, что сглазили. Воин берет удачу с бою. Но речь не о том. Кто-то из них — мог?

Если забыть о том, что он знает обоих с детства, что поручился бы за них своей шкурой, что у дружинников не было никакой причины убивать наследницу Рысей, и думать только о том, возможно это или невозможно, то... Нет, не могли. Они были от храма в другой стороне, не в той, куда побежала Лестана. Им пришлось бы догнать ее, проскочив перед Хольмом, успеть ударить возле лестницы, оттащить к деревьям и спрятаться самим. Причем надежно спрятаться, умудрившись скрыть свой запах, потому что возле деревьев никем из парней не пахло. И делать это вдвоем. Невозможно! Они бы никак не успели!

Дальше... Хольм зажмурился плотнее, стараясь сосредоточиться, как на охоте. Так, он почти сразу выскочил вслед за Рысью... У неизвестного убийцы было всего несколько мгновений, чтобы догнать Лестану и ударить кинжалом. Но с чего все решили, что он ее догнал?! Да, возле Хольма нашли нож в крови, но этот кинжал убийца просто испачкал! А свой клинок он мог просто метнуть!

Перед внутренним взором Хольма вспыхнула картина. Легкая фигурка Лестаны мчится к лестнице по залитой лунным светом поляне, а в спину ей летит серебряный росчерк лезвия... Он стиснул зубы, едва не зарывав. Тварь! Только бы узнать, кто это!

Так... Думать дальше... Девушка упала, он подбежал и оттащил ее к деревьям. Лестана тонкая и стройная, как молодое деревце, Хольм мог бы пронести ее на руках через весь город. А убийце пришлось это сделать всего несколько шагов — любой бы справился. Он, конечно, перепачкался кровью, но умудрился спрятать одежду, раз ее не нашли. Или... вовсе был без нее? Мог раздеться заранее, а потом надеть чистое. Брангард наверняка велел перевернуть вверх дном и дворец, и окрестности, окровавленные вещи Волки нашли бы. Значит, об этом и думать нечего. И еще это значит, что убийца был возле храма раньше всех! Раньше Хольма и раньше Лестаны с Волками... Откуда он узнал, где и когда ждать?! Может, оказался там случайно? А Лестану зачем попытался убить?

Голова снова разболелась, но Хольм стиснул зубы, переждал приступ ломоты в затылке и висках и упрямо продолжил думать. Что, если Лестана случайно стала свидетелем чего-то, и ее попытались убить, скрывая тайну? Но что это было? Какая-то встреча? Ритуал? И почему именно девушку, а не двух здоровенных воинов, способных тоже увидеть и почуять что-то лишнее? Хм... Нет, не сходится. Тогда ее просто убили бы, зачем оттащить к деревьям? И, главное, зачем устраивать ловушку на Хольма... Медведи!

Мать-Волчица, все так просто! Они как-то прознали о замысле Брангарда и решили одним прыжком схватить двух зайцев! Отомстить Хольму и разрушить союз между Волками и Рысями! Если бы Лестана умерла, никакого договора уже не могло быть! Проклятье, как же болит голова... Все сходится, кроме одного. Нет, кроме двух очень важных вещей. Почему возле храма не было запаха убийцы? Даже если натереться травой, отбивающей естественный аромат тела, сам запах никуда не денется, просто тело станет пахнуть этой самой травой. А там ничего подобного не чувлось.

И второе... Брангард предупредил Хольма уже после полуночи. Никто не успел бы подслушать этот разговор и опередить его по дороге в храм. Значит... Значит, кто-то подслушал разговор Брангарда с Лестаной, который случился раньше. А иначе даже думать не хочется о том подозрении, что упрямо лезет в мысли, воняя, как самая омерзительная падаль.

Если только на миг допустить, что никто Брангарда не подслушивал... Тогда получается, что брат сам послал туда убийцу. И не за Хольмом, а именно за Лестаной. Погибни Хольм, и дружина первым заподозрит кого? Да Брангарда же! Может, он и отмылся бы от подозрения, а может — и нет. Но вот если погибнет или будет покалечена гостя Волков, а преступником окажется Хольм, вождем ему точно не быть. Рыси либо убьют его на месте, либо потребуют выдачи. Как же все складно получается... И как отвратительно!

Хольм сглотнул вязкую слюну и пожалел, что никак не окунуться в холодную воду. И голова, может, перестала бы болеть, и в мыслях посветлело. Нет, нельзя так думать! Иначе придется признать, что столько лет рядом жила ядовитая гадина! Может... может, это Сигрун?!

Она точно могла бы! Если Брангард поделился замыслом с матерью, тут и гадать не стоит, ее лап дело! Только вот с запахом так и непонятно.

Что ж, появится ведь младший рано или поздно? И это само по себе станет ответом на самый жуткий вопрос, который Хольм не мог не задавать себе снова и снова, будто саднящую корку сдирает с раны. Если Брангард не придет, если Хольма просто отдадут Рысям как выданного головой преступника, значит... Даже в мыслях это проговорить не получается!

А вот если братец ни в чем не виноват, он и сам должен сообразить, откуда у храма взялся убийца. И тогда... Тогда Брангарду придется выбирать между Хольмом и матерью. Никому не пожелаешь такого выбора. И уж точно не угадаешь, кем пожертвует Бран.

Ему казалось, что боль обострила все чувства до предела. Хольм слышал дыхание Рысей, чувал их запах — запах двух здоровых чистых тел, кожаной одежды, можжевельного настоя, который добавляют в воду для купанья. Коты следят за собой, как... Коты! Мог ли кто-то из них оказаться там? Нет, пожалуй. Или мог...

Затылок ныл все сильнее, мешая думать. Хольм даже подумал, не попросить ли позвать лекаря, а то уже затошнило. Но упрямо снова и снова переживал приступы боли, не желая унижаться и словно наказывая себя за что-то. Впрочем, понятно — за что. За то, что опоздал на драгоценные мгновения, глупо подставился под удар, не смог уберечь Лестану, догнать убийцу... Да ничего он не смог! И теперь любое наказание будет поделом, но только за то, в чем он действительно виновен! Если же Хольма осудят за покушение на Рысь, его смерть будет означать, что убийца останется на свободе. И, может быть, опять окажется рядом с Лестаной!

Хотя нет. Если Сигрун или... кому-то еще нужно было убрать Хольма, наследницу Рысей нет нужды убивать. Второй раз ее никто не тронет. А дома, в Арзине, тем более не достанут. Но что, если целью все-таки была она?

Окончательно запутавшись в предположениях, как едва научившийся ходить щенок путается в собственных лапах, он решил дожидаться утра. Все равно уже небо светлеет... Надо же, как ночь пролетела, а ведь казалась бесконечной! Утром все станет ясно.

Хольм прикрыл глаза и заставил себя погрузиться в чуткую дремоту, не засыпая полностью, но дав немного отдыха измученному разуму. Что толку доводить себя до иступления, если не знаешь, куда бежать и кого рвать? Только бы с Лестаной все было хорошо... Он повторял это, как молитву Луне-прародительнице, которой учил его в детстве отец.

Однажды Хольм, совсем еще волчонок, спросил, зачем клясться Луной днем, ведь ее нет на небе. И отец ему сказал: «Необязательно видеть Луну, чтобы знать о ней. Ведь когда я в походе, я все равно остаюсь твоим отцом, правда? Днем Луна уходит на покой, но она всегда следит за тобой. И ты должен жить по законам чести и нашим обычаям, потому что отражение Луны всегда в твоём сердце и в твоих глазах. Пока ты достоин имени Волка, Луна с тобой».

«Пока мы с Лестаной живы, не все потеряно, — устало подумал Хольм. — Это как Луна. Ты ей веришь, и не обязательно ее видеть».

Он все-таки задремал и проспал целый час. А на рассвете явился Брангард. Мрачный и еще сильнее

осунувшийся, будто не спал вторую ночь. И явно пахнувший тревогой и страхом даже для человеческого чутья Хольма.

Брат глянул на Рысей, бросил на кровать сверток с чистой одеждой и велел:

— Оставьте нас. В коридоре подождите.

И добавил, поморщившись, когда Рыси недоверчиво замерли в дверях:

— Не сбежит, головой отвечаю.

Оба Кота нахмурились, но вышли, Брангард закрыл за ними дверь и торопливо заговорил:

— Вы уезжаете прямо сейчас. Так хочет сама Лестана. Чтобы в дороге ее рана не открылась, поплывете в Арзин по реке. Мы наняли торговую ладью Барсуков, у них целый караван с надежной охраной. Но на вашей ладье не будет никого, кроме самих Барсуков, посольства Рысей и тебя — таково условие Ивара. Понимаешь?

— Думаешь, он попробует снова? — медленно спросил Хольм, внимательно вглядываясь в лицо брата. — Опять подберется к Лестане?

Брангард не прятал глаза, но толку! Никогда Хольму не удавалось узнать от брата то, что Бран сам не хотел рассказать.

— Что? Да нет же! Хольм, не думай о Лестане! За ней найдется, кому присмотреть! Подумай о себе!

Брангард устало потер виски и глаза, заговорил снова:

— Здесь Рыси ведут себя прилично, а вот когда останешься с ними один, без целого города за спиной... Ивар поклялся, что до самого Арзина никакого вреда тебе не будет. Луной поклялся! Но он боится, что ты сбежишь. Или перебежешь всех на судне. Или еще какую дурость выкинешь. Потому он потребовал...

Брат замялся, и Хольм нутром почуял, что у Брангарда язык не поворачивается что-то сказать.

— Ну? — поторопил он. — Цепи, что ли, надеть на меня хочет.

— Почти. — Брат отвел взгляд, потом снова глянул Хольму в лицо и обреченно выдохнул: — Клетка. Он требует, чтобы ты всю дорогу был в клетке. У него всего шесть воинов, понимаешь? И он даже не врет, что боится... Ну, почти не врет... Хольм!

— Ничего, — процедил Хольм сквозь зубы, смиряя беснующегося внутри зверя. Что-то часто ему приходится это делать. И придется еще чаще, тут и к ведьме за предсказанием не ходи. — В клетке, значит? И моему слову он не поверит?

— А ты бы поверил? — беспомощно огрызнулся Брангард и опять потер виски. — На их-то месте? Это же ты у нас чудище страшное, злой черный волк! Зар-раза... Я отцу сказал, что ты не согласишься!

— А что, меня кто-то спрашивать будет? — усмехнулся Хольм, неожиданно успокаиваясь. — Очень сомневаюсь. Ну и ладно. Клетка так клетка. Ошейник не надену. А клетка лучше, чем цепи. Просторнее. Опять же, если решат утопить по дороге, то никакой разницы, в чем тонуть.

— Хольм? — Брангард тревожно вгляделся в него. — Ты не заболел? Сам на себя не похож.

— Ага, не рычу, на стены не кидаюсь, даже зубы не скалю.

Зверь внутри Хольма успокоился, но теперь из него так и перло холодное злое веселье, с которым выходят на смертельный бой, когда не надеются победить. Рыси его боятся? Плевать! Пусть сажают в клетку! Лишь бы довезли до Арзина живым, не прибили по дороге. Лишь бы там, в Арзине, его выслушали, а не казнили сразу. Ведь должен отец Лестаны хотя бы суд устроить? Пусть даже под пытками и перед казнью, но Хольм расскажет все, как было. И, может быть, к нему прислушаются.

— Вот это и странно, — настороженно отозвался Брангард. — Ладно, с Иваром и его Котами я уже поговорил. И тоже им поклялся, что если с тобой в дороге что-то случится, я лично позабочусь, чтобы отец разорвал договор. И даже Медведей ради такого дела поддержу. Хольм? Что?

— Ничего, — снова растянул губы в невеселой усмешке Хольм. А потом спросил, поймав напряженный взгляд Брангарда: — Бран, скажи честно, ты Сигрун об этой затее с храмом говорил? Я уже ничего ей не сделаю, не успею просто. Но мне... знать надо.

— Дурак ты... — снова с безнадежной и беспомощной усталостью выдохнул Брангард, не отводя

глаз. — Я сам всю ночь думал... И нет, матери я не говорил. Вообще никому не говорил, кроме Лестаны. Хочешь — верь, хочешь — нет. Кайса клянется, что и Лестана никому не сказала. Так что не знаю я, кто и когда мог что-то услышать. Но я тебе, братец мой Хольм, даже клясться не буду, ясно? Потому что если я такая мразь, чтобы собственного брата и невинную девушку на смерть отправить, кто мне и в этом соврать помешает? Уж ложной клятвы я бы тем более не побоялся!

— Ну да, — кивнул Хольм и улыбнулся. — Это я понимаю. Под хвост себе клятвы засунь. Сказал, что это не ты, значит — не ты.

Встав, он быстро переоделся в чистые вещи. Нарядные, достойные не преступника, которого везут на казнь, а гостя или посла. Только оружия нет, даже плохонького ножа, и Хольм почувствовал себя хуже, чем голым. Без оружия он не выходил из дома лет с пяти. Ну, ничего, привыкнет. Если успеет. А если нет, то и привыкать не придется.

Брангард опять покосился на дверь, поморщился. Хольм тоже понимал, что Коты далеко не ушли, а слух у них не хуже, чем у него самого чутье, так что лишнего брат не скажет. И правда, Брангард лишь миг помедлил, а потом обнял Хольма, стиснув так, что пальцы впились в плечи, и еле слышно шепнул в самое ухо:

— Я тебя вытащу, слышишь? Потерпи, Хольм. Что бы ни говорили, что бы ни делали — терпи. Я приду.

— Нет! — выдохнул Хольм в ответ, но Брангард уже отпустил его и стремительно отпрянул, а потом и вовсе вышел из комнаты.

Оба Кота тут же вернулись, и старший из них кивком указал на дверь.

Пожав плечами, Хольм пошел впереди, чувствуя, как спину сверлят неприязненные взгляды воинов-Рысей. Дворец выглядел странно пустым и тихим, хотя обычно на рассвете жизнь уже кипит. И это, пожалуй, было хорошо, Хольм на такое даже не надеялся. Ему сейчас никого не хотелось видеть. Брангард и так все сказал, а отец... Он не пришел. Разве что сейчас ждет во дворе, но там придется попрощаться наспех и тоже без лишних слов. Да и что им сказать друг другу? Как бы ни повернулось дело, вряд ли Хольм вернется домой, а значит, для семьи и клана он отрезанный ломоть. Может, оно и к лучшему? Нет изгоя — нет пятна, марающего честь Волков.

Первым, что бросилось ему в глаза во дворе, были носилки. Добротные, застеленные несколькими меховыми и шерстяными одеялами. Лестана лежала на них, укрытая тонким покрывалом, и ее фигурка тонула в мягкой постели, так что лица не было видно, только серебро волос блестело в лучах едва вставшего солнца. Она не повернулась к нему, а когда Хольм сам подался в ту сторону, ему в спину уперся кончик меча в ножнах и подошедший Ивар процедил:

— Даже не думай. Клетка ждет на корабле, до реки поедешь верхом, но к сестре приблизиться я тебе не дам. Ни сейчас, ни потом. Даже не смотри в ее сторону, ублюдок.

Хольм стиснул зубы и промолчал. Глубоко вдохнул, старательно сдерживая ярость... Дождался, когда рассеется алый туман, затянувший все перед глазами. И посмотрел на крыльцо, куда только что вышли отец и Сигрун.

Мачеха так и осталась у двери, а отец сбежал во двор, широкими шагами подошел к Хольму, едва не спихнув с дороги Ивара, и обнял его, как перед этим Брангард. Стиснул в железных объятиях до боли и тут же отстранился. Вгляделся в лицо, шевельнул губами, словно хотел сказать что-то, но лишь беспомощно махнул рукой.

— Это не я, — уронил Хольм, хотя только что клялся про себя, что не заговорит первым.

— Сбереги тебя Луна, — выдохнул отец и посмотрел снова долгим взглядом, будто видел Хольма в первый раз.

Или в последний, что вернее.

— Луна всегда на небе, — ответил Хольм старой поговоркой и усмехнулся под направленными на него со всего двора взглядами.

Неважно, помнит ли отец. Главное, что сам Хольм знает и помнит: если живешь по чести и обычаям, богам это ведомо. Люди могут солгать, даже сам ты можешь не знать о себе всего. Но луна всегда на небе, видишь ты ее или нет, и правда всегда остается правдой.

— Мы тебе верим! — крикнул кто-то, и Хольм увидел высыпавших со стороны запасных ворот дружинников. — Удачи! Возвращайся, Клык!

Лейв и Рогволд, мрачный, как зимнее небо, Рудольв, остальные... Они не двигались с места, но стояли, прижав правый кулак к сердцу, отдавая ему древнее воинское приветствие. И смотрели на Рысей так, что те заторопились, молча ставя носилки на огромную телегу и привязывая их к бортам. Хольму подвели уже оседланного коня, он прыгнул в седло и снова обернулся, жадно запоминая все, что видит. Отца, выпрямившегося посреди двора, скрестившего руки на груди Брангарда, свою дружину — каждого из них! Ненавистную мачеху... Мелькнула вовсе уж глупая мысль, что Ингрид не пришла, хотя когда-то клялась в вечной любви. Ну и правильно, зачем ей это?

Солнце поднималось над дворцом и городом, и Хольм точно знал, что больше сюда не вернется. Только непонятно — совсем не вернется или просто не вернется таким, каким уезжает.

А потом Ивар поднял руку, махнул — и колеса телеги застучали сначала по камням двора, потом, выехав за ворота, по дороге. Всадники тряхнули поводьями — и отряд тронулся в путь.

— Не о чем тебе с нею разговаривать! — шипела Кайса, ухитряясь говорить тихо, но яростно. — Хватит, постарался уже! Век вашего гостеприимства не забудем!

Лестана открыла глаза, проморгалась и увидела подругу, замершую у двери. Рыжая коса ярко блестела на солнце, плечи напряглись, и больше всего сейчас Кайса напоминала кошку, выгнувшуюся дыбом перед здоровенным псом. Хотя нет, перед Волком, конечно.

В дверях стоял Брангард. Осунувшийся, растрепанный, но все такой же красивый, как помнилось Лестане. Даже красивее, пожалуй, словно с младшего сына вождя стерлась гладкая, но фальшивая позолота, и под ней неожиданно обнаружилась чеканная сталь.

Лестана прислушалась к себе, ища сожаление, обиду, ненависть, ну хоть что-то! Однако душа молчала, не откликаясь ни болью, ни радостью. Ну да, он все-таки пришел, пусть и опоздал то ли на сутки, то ли на целую жизнь, которая пролегла между ночью полнолуния и этим ясным утром. Красивый, виноватый, чужой... Совершенно не нужный ей, Лестане, незнакомец.

— Пусти его, Кайса! — негромко сказала Лестана, и подруга, не оборачиваясь, тихо и зло зашипела, но все-таки шагнула в сторону.

— Госпожа Рысь...

Брангард сделал шаг, еще один... И остановился у ее постели. А потом одним точным и медленным движением, словно боялся испугать Лестану, опустился у кровати на колени и склонил голову. Замер на несколько мгновений, не говоря ничего, и Лестана тоже молчала. Как странно! В храме, когда она только узнала, что Брангард не придет, злость и обида переполняли ее, она была бы рада бросить ему в лицо любое оскорбление. Ей было так больно! А сейчас что-то умерло в душе, и Лестана была даже рада этому.

Не дождавшись ни единого слова, Брангард поднял голову и в упор посмотрел на Лестану. Глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду и заговорил:

— Я не буду просить прощения — это подло и бесполезно. Я не буду говорить, что я ваш должник — это и так понятно. А Волки теперь должники Рысей, но сейчас и это неважно. Да, мне жаль. До смерти жаль. К сожалению, не до своей смерти, а до чужой, потому что за мою дурость расплатится мой брат. Но я уверен, что Хольм не виноват. Я знаю своего брата. И если бы я мог, то поехал бы в Арзин вместо него, потому что это я во всем виноват. Но я не могу.

— Вы наследник, — так же спокойно и бесстрастно уронила Лестана. — Да, вы не можете. Но это и не вы ударили меня ножом, господин Брангард.

— И не Хольм! — выдохнул младший Волк. — Умоляю, Лестана, будьте справедливы. Разве вы видели, кто это сделал?

— Я видела, что там больше никого не было, — так же ровно сказала Лестана. — А ваши Волки это чуяли. Господин Брангард, я понимаю, что вам жаль брата, но ваш брат — чудовище и убийца. Подлый убийца. Радуйтесь, что избавились от него такой ценой. И оставьте меня. Волки должны моему клану, это правда, но от вас я не приму никакого долга. Собственная совесть вам судья.

— Да будет так, — отозвался Брангард и поднялся так же легко и гибко, как опускался на колени. — Госпожа Кайса, вы позволите сказать вам несколько слов?

Лестана ожидала, что Кайса откажется наотрез, но, к удивлению, подруга зло фыркнула и вышла вслед за Волком в коридор. Каблучки ее туфель процокали вдаль, и как бы Лестана ни напрягала слух, она не могла слышать, о чем говорят эти двое. Пожалуй, следовало обидеться. Какие у Кайсы могут быть дела с этим мерзавцем, какие разговоры?

Но даже сейчас обидеться никак не получалось. Лестана только попыталась пошевелиться, чтобы

лечь удобнее. Все ее тело заливала странная неприятная тяжесть, будто оно затекло. Хотела опереться рукой о постель — и не смогла. Руки не шевелились, ни одна, ни другая.

Она пробовала снова и снова, это было как в дурном сне, когда пытаешься убежать от опасности, а тело наливается свинцом и не слушается. Кисти, плечи, ноги... Тело не слушалось, и Лестана ощущала его совершенно чужим, как вязкую тугую массу, облепившую ее настоящую и сковавшую движения.

Каблучки Кайсы процокали назад, и подруга, словно рассыпая вокруг искры злости, появилась на пороге.

— Прощения просил... — буркнула Кайса, хотя Лестана ее ни о чем не спрашивала. — Только что нам теперь от этого? И сказал, чтобы я за тобой приглядывала получше, настоящий убийца, мол, где-то рядом. И как это я столько лет жила без его ценных советов и указаний, прямо представить не могу! Вот если бы он не попросил, я бы сроду не догадалась о тебе заботиться. А тут надо же — какая удача!

То шипя, то рыча сквозь зубы, Кайса металась по комнате, перекладывала с место на место уже собранные вещи, хватала то глиняный стакан с водой, то полотенце, то снова стакан...

— Кайса! — позвала Лестана и, дождавшись, пока подруга обернется, тихо сказала, едва шевеля губами: — Ты знаешь, я совсем не могу двигаться. Совсем-совсем, понимаешь? Разве так должно быть? Кайса...

Стакан выскользнул у Кайсы из рук и разлетелся вдребезги на полу. Подруга замерла, глядя куда-то мимо, потупилась, потом подняла взгляд... Бросилась к Лестане, села рядом на постели, схватила ее руку в свои ладони и затараторила:

— Леста, миленькая, ты только не плачь. Тебе нельзя плакать! И не говори ничего. Это... это пройдет! У них тут лекари такие... Ну сама посуди, какие лекари могут быть у Волков? Вот наши целительницы — это да! Они тебе обязательно помогут! Нам, главное, до Арзина добраться, там тебя быстренько вылечат! А так это даже хорошо, что ты ничего пока не чувствуешь. Значит, и болеть ничего не будет, правда? Ты... ты просто ударилась, наверное, когда падала. Мне сказали, так бывает! Но это обязательно пройдет! Просто... просто ушиб...

— Кайса... — выдохнула Лестана. — Не ври... ты же врать не умеешь!

— Неправда, — обиженно отозвалась Кайса. — Еще как умею! Только не тебе. И вовсе я не вру. У нас в Арзине самые лучшие целительницы! Ну это же правда?

— И зубы заговаривать ты тоже не умеешь, — прошелестела Лестана. — Я... сломала спину?

— Нет, что ты! — вскрикнула Кайса, и Лестана увидела, как подруга стиснула ее ладонь.

Увидела, но ничего не почувствовала. А Кайса продолжала тараторить, заглядывая ей в глаза со страхом, которого Лестана никогда не видела на ее лице. Даже не знала, что подруга умеет бояться.

— Это все нож. Он куда-то неудачно попал и что-то у тебя в спине повредил. Понятное дело, острый! Но ты ведь жива! И спину ты вовсе не сломала! Вот если бы позвоночник был поврежден, тогда да, надо бояться... А рана заживет! Леста, глупая, ну что ты себе придумала?! Все будет хорошо, слышишь?!

В дверь постучали. Кайса метнулась туда, что-то прошипела, но Кинар и Гленн, самые крепкие и рослые из приехавших с ними Рысей, уже входили в комнату с носилками. Лестана увидела, как Кайса, пряча от нее взгляд, старательно укладывает в них приготовленные заранее меховые покрывала. Сначала медвежьи, толстые, упругие, потом мягкие заячьи...

Некстати вспомнились шкурки, подаренные Брангардом. Лестана подумала о них с ледяным отстраненным любопытством, надеясь, что Кайсе хватило ума не взять эту пакость с собой. Он ведь уже тогда все знал. Приманивал ее подарками, словно глупого котенка — привязанным на нитку заячьим хвостом.

— Вот! — выдохнула Кайса, расправляя последний слой меха. — А потом я тебя сверху укрою. Леста, миленькая...

Она низко опустила голову, и Лестана поняла, что подруга едва сдерживает слезы. Это Кайса-то!

— Госпожа?

Гленн просительно взглянул, не смея прикоснуться к ней без позволения, и Лестана старательно

ему улыбнулась.

Наследница клана не показывает слабость никому, даже собственной охране. Наследница клана не совершает ошибок, а если уж так случилось, она отвечает за них сама, ни на кого не перекладывая вину. Наследница клана обязана быть смелой, когда остальные в растерянности или тревоге. Она всегда знает, что делать, и ободряет тех, кто на нее полагается. Наследница клана должна... должна... Лестана всего один позволила себе забыть об этом — и вот, чем все обернулось.

— Помогите мне, Гленн, — продолжая улыбаться, попросила она, как положено воспитанной высокородной Рыси. — Не беспокойтесь, нарушением этикета это не будет.

Она закрыла глаза, когда он бережно подхватил ее на руки, на миг прижав к себе, и тут же переложил в мягкую теплоту носилок. Чуда не случилось. Она заперта в своем теле, как в темнице, и может лишь молиться, чтобы Кайса оказалась права. Если целительницы Арзина ей не помогут... Она ведь даже умереть по собственной воле не сможет.

«Разве этого я ждала и просила у священного озера? — подумала она, не открывая глаз. — Земля Волков обманула меня во всем! Даже Луна здесь несправедливая и жестокая! Предательство вместо любви, сбывшийся кошмар вместо счастья... И я сама виновата в этом. Смогу ли хоть что-нибудь исправить? Даже просить об этом теперь страшно...»

— Через неделю мы будем в Арзине, — наклонившись и укрывая Лестану покрывалом, пообещала Кайса фальшиво веселым голосом. — И все будет хорошо!

Ладья Барсуков только на первый взгляд казалась неказистой и грубоватой, словно крестьянская лошадь рядом с чистокровным скакуном. Приглядишься поближе — и оценишь добротню слаженное судно, крутобокое и просторное, по-своему даже уютное. Для тех, кто может пройтись от носа к самой корме, разминая ноги, перекинуться парой слов с улыбочивыми Барсуками или завалиться под навес на палубе и растянуться там на лежанке. В общем, для тех, кто свободен.

Хольм лениво повернулся на другой бок, привалившись теперь к правой стене клетки, установленной на корме. На гладко струганную палубу он насмотрелся еще в первые дни плавания до тошноты, а текущая вода никогда не надоедает. Волны серебрятся на солнце, идут мелкой рябью, ладья едва заметно покачивается... Никогда в жизни он столько не спал, как в эту неделю. Никогда не проводил столько времени в тоскливой неподвижности, раз за разом упрямо гася в себе гнев, который просыпался по любому поводу.

А поводов ему давали предостаточно.

Так, например, в клетке, где до этого возили домашний скот, нельзя было встать во весь рост, получалось только сесть или лечь, но утром, в полдень и вечером Хольма ненадолго выпускали, чтобы справить нужду. Это было понятно и справедливо. Однако на второй день он попросил разрешения вымыться, хотя бы окатиться водой на палубе.

Чутье оборотней куда тоньше человеческого, клетка стояла на солнце, которое грело все еще полетнему, и вскоре от Хольма стало бы разить, как от дохлятины. И вот в этом Ивар ему отказал, даже не объяснив причину. Только бросил, что до Арзина Волк может и потерпеть.

Хольм скрипнул зубами и промолчал, зато возмутилась Кайса.

— Дорогой Ивар, — проговорила она сладко и вместе с тем громко, так что наострили уши и Рыси, и Барсуки. — Я так понимаю, ты соскучился по охоте? Но сколько Волка на солнышке ни держи, в козла он, даже завоняв, не превратится, а это единственная дичь, с которой тебе везет. Наверное, потому, что козлы еще не научились отстреливаться.

Из-под полотняного навеса послышался гогот Барсуков, которые устроились там на обед. Пара Котов, оказавшихся рядом, поспешно отвернулись с каменными мордами, сделав вид, что их очень интересуют волны за бортом — прямо ничего любопытнее в жизни своей не видели. А Ивар побелел, как молоко, оказавшись вдруг веснушчатый — сплошная рыжая крапинка. Раньше этого не было видно.

— А хочешь, — доверительно продолжила подружка Лестаны, — я тебе от вечернего улова наших хозяев-Барсуков рыбку отложу? Через день она запахнет — хоть унюхайся, раз у тебя такие странные вкусы. Только от нас подальше! А то лично мне нравится чистый речной воздух, не разбавленный истинными мужскими запахами вроде нестираных штанов и немытого тела.

Барсуки уже хрюкали, как стадо кабанов, мелкая Рысь наивно хлопала ресницами, нежно глядя на Ивара, и Хольм в этот момент простил бы ей что угодно. Даже если она попросит его шкуру после казни — на здоровье!

— Как скажешь... — выдавил Ивар, глядя на девчонку с чистой незамутненной ненавистью. — Эй,

Гленн! Выведи Волка помыться! И правда, нам с ним рядом плыть!

Плечистый крепыш Гленн, подозрительно подрагивая уголками губ, отомкнул замок клетки, зачерпнул из-за борта воды ведром на веревке, и Хольм, выйдя на палубу, с невероятным удовольствием скинул одежду. Поливая на себя прямо из ведра, промыл, как смог, волосы и ополоснул тело.

Рубашка и штаны еще не пахли потом, и Хольм даже подумал, не стать ли волком? В клетке звериный облик был бы гораздо удобнее, а обернуться человеком можно перед самым Арзином. Но подумал — и не стал. От волчьих глаз очень многое ускользает в поведении людей, а он хотел присмотреться к Ивару и его охране.

И все шесть дней, пока ладья ходко мерил реку до Арзина, Хольм смотрел и слушал. Все равно делать ему было нечего. Гленн и Кинар, Майред и Рисал... Воины-Рыси ему не представлялись, но друг друга окликали, и постепенно Хольм выучил всех. Неудачливый стрелок Гваэлис, удивительно похожий на самого Ивара и явно подражающий ему в манерах и даже одежде... Вечно хмурый молчун Ортон и улыбчивый Даррас... Близнецы Лейран и Кейран, похожие и в то же время неуловимо разные. И, конечно, сам Ивар. Совсем еще щенок, назначенный старшим над матерыми воинами. Хотя Рыси, наверное, говорят «котенок»?

Младше самого Ивара среди Котов был только Гваэлис, его оруженосец и мальчик на побегушках. Ивар гонял парня за всякой мелочью, которую любой Волк постыдился бы требовать от слуги. Нет, слуги во дворце были, но одно дело — таскать воду или кормить скотину, а другое — подавать чашку с горячим вином, которую Ивар оставил у другого борта ладьи, разговаривая с капитаном-Барсуком. Такое и приказывать неохота, проще самому пойти да взять.

Хольм впервые задумался, что у Рысей, наверное, все не так. Никто из Котов явно не считал поведение Ивара странным. Но никто из них и не приказывал Гваэлису, кроме родича Лестаны да еще Кайсы. Впрочем, Кайса приказывала всем Рысям, и даже Ивар безропотно слушался ее в том, что касалось удобства или пожеланий Лестаны. Если бы еще Лестана почаще что-то желала!

Хольм слышал, как Ивар предлагал вынести ее на палубу и устроить под полотняным навесом, как Барсуки спрашивали, что приготовить на ужин, а то «бедная кошечка» снова ничего не ест. Видел, как с тревогой переглядываются Коты, и даже не обижался, когда миску с едой после этого ему совали в клетку грубее обычного. О да, Ивар мог сколько угодно считать Хольма тупым зверем! Но тупица не смог бы управляться с дружиной, где у каждого полная пасть клыков, а головы разные, от совсем дурных до слишком умных.

Разве трудно понять, что Гленн, Ортон и Кинар хоть и смотрят на него, как на кучу навоза, в которую случайно наступили, однако в свой черед кашеварить приносят полную миску, честно зачерпнув гущи со дна котла. А улыбчивый Даррас едва доносит половину, причем и ту старается расплескать, но непременно на глазах у Ивара.

Близнецам до пленника дела нет, и до мелких пакостей они не опускаются, но и лишней минуты на палубе от них не увидишь. Майред спокойно ждет, пока Хольм поест или вымоется, а Рисал, когда ему выпало готовить, принес миску, где явно виднелся плевок. Это был единственный раз, когда Хольм лег спать голодным, потому что суп он, конечно, выплеснул за борт на глазах ухмыльнувшегося Кота.

Ну и что сложного понять характер каждого?

И только Ивар оставался для него загадкой. Родич Лестаны ненавидел Хольма искренне и отчаянно, это читалось в каждом взгляде, который Хольм успевал перехватить, и в том, как пакостили Рисал и Даррас, ожидая одобрения Ивара. Ненависть была понятна. Но чем больше Хольм думал о том, что случилось возле храма, тем меньше он понимал другое.

Почему Лестана предпочла поехать в храм с чужими ей Волками, а не с собственной охраной? Получается, она настолько не доверяла своему родичу и своим же соплеменникам? Почему Ивар не приставил к ней телохранителей после встречи с Росомахой? Да, тот охотился на Брангарда, но ведь на ярмарке полно самого разного народа, а Ивар положился на хозяев, хотя у него имелись опытные воины, наверняка отвечающие за наследницу головой.

И где, наконец, был Ивар, когда Лестану убивали?

Впрочем, на этот вопрос ответить проще всего. С Ингрид обнимался. Когда Хольм убежал с площади, то разглядел эту парочку под деревом. Ивар, правда, стоял спиной, но рыжую косу и нарядную одежду отлично было видно. А теперь Коту придется объяснять это вождю Рысей... Отцу, чью единственную дочь-наследницу он не уберег. Мало того, получается, что теперь наследником стал сам Ивар, так? И вряд ли Рассимор будет очень этому рад.

— Па-адплыва-а-аем... — протяжно предупредил один из Барсуков, и Хольм встрепенулся.

Ладья плавно сменила ход, как обученный конь, что слушается каждого движения седока. Барсуки забегали по палубе, без лишней спешки, но быстро и деловито выполняя каждый свою работу. Хольм в судоходном деле мало что смыслил, но даже ему было понятно, что к берегу сейчас сворачивает лишь их ладья. Те, что идут впереди и позади, даже хода не замедлили. Но где же пристань?

Хольм попытался разглядеть ее, но клетка стояла у другого борта, и навес над палубой мешал смотреть. Ладья принялась покачиваться на мелких волнах, которые возле берега были сильнее, а потом и вовсе остановилась.

— Ближе не подойдем, — пояснил старший из Барсуков нахмурившемуся Ивару. — Осадка не позволит. Ничего, на этот случай у нас лодки есть. А все-таки лучше бы вы до Арзина потерпели. Уж там такой порт, загляденье!

— Нам и здесь подходит, — бросил родич Лестаны и повернулся к вышедшей на палубу Кайсе. — Как моя сестра?

— Как обычно, — буркнула Кайса. — Ничего не изменилось. И мне тоже очень интересно, почему это мы не могли спокойно доплыть до самого Арзина? Это ведь Лесная пристань, да? Отсюда до города еще день пути!

— Потому что я так решил! — отрубил Ивар и отвернулся.

— Так спокойнее, Кайса, — негромко и примирительно сказал Гленн, трогая девушку за плечо. — Ни к чему всем знать. А от главной пристани слухи разлетаются мигом. Переночуем здесь, а завтра приедем в Арзин глубокой ночью, чтобы лишних глаз и ушей поменьше было.

— Вот за что ты мне нравишься, Гленн, — с чувством сказала Кайса, выразительно покосившись на Ивара, — так это за ум и хорошую память! А то некоторые здесь позабыли, что мне еще ужин и завтрак на всех готовить. А когда я злая, то всякое может случиться!

Фыркнула в напряженную спину Ивара и снова спустилась в трюм, где устроили Лестану.

В этот раз, выпустив Хольма из клетки, ему сразу связали руки за спиной и лишь затем кивнули в сторону лодки. Та качалась у борта ладьи, но гораздо ниже него, конечно, и близнецы Лейран с Кейраном спустились по веревке... Но связанными позади руками за веревку не ухватишься.

— Шагай давай, — улыбнулся Ивар, и Даррас рядом с ним тоже расплылся в улыбке. — Или помочь?

— Обойдусь, — усмехнулся в ответ Хольм, чувствуя, что усмешка больше напоминает оскал — да и плевать!

Свалиться с высокого борта на дно вертлявой деревянной лодчонки — удовольствие то еще. А обнаглевший Кот ожидает от него именно этого. Вот и Гленн с Кинаром нахмурились.

— Может, я помогу... — осторожно начал Кинар, но Ивар мотнул головой и уронил:

— Нет.

— Не надо, — ровно подтвердил Хольм, а потом добавил, коротко глянув Кинару в лицо: — Но благодарю.

Подошел к борту и без разбега одним легким прыжком взлетел на толстый брус, который корабельщики так называют, но у них для каждой доски и веревки свое имя, и если ты не из их стаи, то ни о чем все не вспомнишь. Ладья, как нарочно, приподнялась на очередной волне, но плавно, и Хольм, дождавшись, когда лодка тоже поднимется, перепрыгнул в нее, мягко спружинив ногами. Едва не упал, но удержался и выпрямился.

Один из близнецов, вроде бы Лейран, одобрительно хмыкнул, второй просто отвернулся и взялся за весла. Следом за Хольмом по веревке спустился мрачный, как туча, Кинар. Похоже, за эти несколько мгновений на палубе ему досталось от Ивара. Но с этим Хольм ничего сделать не мог, хотя от души посочувствовал Рысям. Быстро у них новый наследник начал когти показывать.

Во вторую лодку, большую и гораздо устойчивее, со всеми предосторожностями спустили Лестану, завернутую в меховое одеяло, хотя день выдался теплый. Хольму отчаянно хотелось оказаться рядом, коснуться, хотя бы увидеть! Но он лишь стиснул до боли зубы, понимая, как Лестана его ненавидит. Кайса спустилась сама, ловко и быстро перебирая руками по веревке, словно всю жизнь этим занималась. Плеснули весла, и обе лодки пошли к берегу.

Им пришлось плавать еще дважды, пока Рыси забрали с ладьи все нужное. Вещи, носилки Лестаны и... клетку. Ее погрузили на большую лодку последней, и Ивар, едва ступив на берег, велел

Гваэлису и Майреду:

— Идите в деревню, найдите две повозки с лошадьми. Нужно поставить носилки и вот это...

Он кивнул на клетку, и Хольм про себя взмолился Матери-Волчице о терпении. Ну немного ведь осталось, да? В Арзине его отдадут страже, зато Ивар вряд ли останется с ним рядом, а на незнакомых стражников тем более плевать. Он отвернулся, но все равно услышал за спиной тихий голос Майреда:

— Может, не стоит? С одной-то повозкой намучаемся. Да и лошади остались у Волков, придется местных брать, а в Лесной пристани их немного. Пусть едет связанный, куда он денется?

— Зверь должен сидеть в клетке! — выдохнул Ивар так яростно, что Хольм только огромным усилием поборол желание развернуться и дать родичу Лестаны по морде.

Неважно, что потом ему самому намяли бы бока, оно того стоило. Но в последнее мгновение он подумал, что этим как раз подтвердит слова Ивара. А он, Хольм, не зверь! И единственный способ это доказать — вести себя по-человечески.

За повозками Майред и Гваэлис все-таки ушли, а остальные Рыси принялись на скорую руку обустраивать лагерь. Нарубив лапника, застелили его одеялами для девушек, развели костер, и Кайса сварила похлебку из остатков копченой вепрятины. Взяла две миски и отошла к Лестане, а Рисал принялся разливать варево остальным. Последнюю миску налил себе и напоказ поскреб черпаком по пустому котелку, ухмыльнувшись:

— А на твою долю, Волк, не осталось. Ничего, потерпи, в Арзине тебя наш вождь угостит по заслугам. Хотя жир к зиме тебе все равно набирать незачем. Вряд ли ты до нее доживешь.

Хольм промолчал, даже не шевельнувшись на полу клетки. Да, он Волк, а не дворовая шавка, что бросается на забор в глупой бессильной злости. Только снова заметил, как хмурятся Коты. Не все, но двое-трое из сидящих у костра — точно. И еще увидел, что между воинами Рысей словно пролегла невидимая черта, причем не одна. Ивар с Даррасом сидят рядом, и возле них пустое место, с которого встал Рисал. Близнецы держатся наособицу и поодаль от всех, а Гленн, Ортон и Кинар сели подальше от Ивара и поближе к лежанке девушек.

Вот оттуда и прозвучал тихий голос, от которого замерли все, а у Хольма сладко и болезненно потянуло внутри:

— Ты забываешься, Рисал, — сказала Лестана негромко, но ясно и холодно. — Вину и наказание этого Волка определит суд моего отца. До тех пор с ним следует обращаться достойно. И позволь напомнить, что я еще жива и не лишена титула. Это земли Рысей, даже преступник на них не должен остаться голодным, подобное оскорбляет мою честь и честь моей семьи. Если ему не хватило еды, отдай мою долю.

На несколько мгновений стало так тихо, что был слышен лишь треск веток в костре. А потом Рисал буркнул:

— Прошу прощения, госпожа.

Нерешительно глянул на свою миску, словно хотел сунуть ее Хольму, но теперь уже вмешалась Кайса.

— Так, ну-ка все быстро прижали уши и слушаем меня! Никто без еды не останется. Леста, тебя это тоже касается. Только попробуй мне все не съесть! А уж одного-единственного Волка я как-нибудь накормлю.

Покопавшись в сумке, она выудила оттуда кольцо копченой колбасы, добавила кусок хлеба и протянула это Хольму через прутья решетки. Он молча взял, ругая себя за то, что не может ничего сказать, даже поблагодарить. И ведь понимал, что надо! Но в горле стоял тяжелый горький ком.

Лестана за него заступилась! Пусть даже не именно за него, а просто за справедливость, но все равно...

Он сжал еду в руках так, что будь это чье-то горло — удавил бы. Рыси молча, без обычных разговоров, выхлебали суп, и Кайса собрала миски. А Хольм все никак не мог заставить себя съесть колбасу, хотя понимал, что это не подачка. Не мог — и все тут.

— Гленн, ты на страже до полуночи, — спокойно уронил Ивар, словно ничего не случилось. — Потом разбудишь Рисала. Давайте ложиться, завтра нужно ехать, как только лошади с повозками будут. Лестана, как ты?

— Хорошо, братец, — слышался такой же тихий, но какой-то бесцветный голос Рыси. — Нет, Кайса, извини, я не хочу. Совсем не хочу. Я завтра утром поем, обещаю.

Хольм закрыл глаза, еще сильнее стиснув ладонь, и крошки хлеба посыпались на деревянный пол клетки. Нельзя рычать и бросаться и прутья. Нельзя... Надо думать, что целительницы Рысей славятся своим искусством. Лестану вылечат. Обязательно вылечат!

Он не помнил, сколько так пролежал, но Рисал уже сменил Гленна, значит, ночь перевалила за половину. Потрескивали сучья в костре, Рыси крепко спали... Как-то даже слишком крепко! Хольм рывком сел в клетке, сообразив, что от костра тянет знакомым сладким духом: кто-то щедро сыпанул в него жабьего дурманника. Вот уже слышится сопенье и даже храп... А Рисал, сидящий спиной к огню, чтобы не слепило глаза, обмяк и вот-вот завалится набок. Твою м-м-мать-Волчицу, Брангард!

— Тс-с-с... — прошипел брат, выныривая из кустов. — Это я. А то еще дашь по голове, не разобравшись.

— Если это ты, тем более дам, — еле слышно пообещал Хольм, слушая, как Бран возится с замком. — Зачем явился?

— Да так, — огрызнулся брат. — Мимо проходил. Дай, думаю, зайду, сопру у Рысей один тупой мохнатый коврик. Зар-раза...

— Зря стараешься, — предупредил Хольм. — Я никуда не пойду.

— Кто тебя спрашивает? — выдохнул Брангард. — Вот только не надо про честь и все такое! Они тебя казнят, это ты понимаешь? Найдем убийцу, сдадим его Рысям — и вернешься к своей Лестане героем... Ей станет стыдно, и она тебя полюбит...

— Бран, заткнись, — попросил Хольм, слушая, как брат скрипит в замке какой-то железкой. — Если сбегу — значит, я виноват. А это не так. И я не брошу Лестану. Убийца где-то рядом. Или может оказаться рядом. Я должен...

— Для начала ты должен не сдохнуть! — прошипел Брангард, поднимая голову.

Замок щелкнул, и дверь клетки распахнулась наружу.

— Закричу, — спокойно предупредил Хольм. — Так заору, что и дурманник не поможет. И будет резня. А потом я все равно отправлюсь в Арзин, даже если силой утащишь. Всю жизнь караулить не будешь. Бран, я никуда не побегу. — И добавил, смягчив голос, насколько мог: — Спасибо, брат. Я... все понимаю, правда. Но клан позорить не стану.

— Хо-о-ольм...

Брангард сел на землю возле клетки и уткнулся лицом в ладони, раскачиваясь, как от боли. Потом поднял голову, и его глаза в отблесках костра блеснули янтарным огнем.

— Хольм... — безнадежно попросил брат. — Пожалуйста... Это же на время. Я всем скажу, что утащил тебя силой. Одурманил и утащил.

— Вместе с клеткой, — вздохнул Хольм. — Потому что я из нее не выйду. Бран, даже не думай... Сказал же, перебуду Котов. Уходи, а то и правда проснется кто. Вы часового не убили?

Бран помотал головой. Хольм слышал тяжелое дыхание брата, и ему было смертельно жаль Брангарда. Этот умник снова перехитрил сам себя. С корабля, конечно, пленника без шума не украдешь, и Брангард наверняка следовал за ладьей берегом. И явно не один, вон, в кустах мелькает знакомая рожа Лейва... Брат хотел его спасти, и у него получилось бы, только он никак не может понять, что нельзя менять жизнь на честь. Хольма это, может, и спасет, а вот клан погубит. Все будут считать Волков предателями и клятвопреступниками, а это хуже, чем убийцы!

— Уходи, Бран, — мягко попросил Хольм. — Ты ни в чем не виноват. Просто так получилось. Я поеду с Рысями и постараюсь убедить Рассимора. А если не получится, не вздумай мстить, слышишь? Будь им другом. Ради меня.

— Дурак... — еле слышно всхлипнул Брангард, рывком поднялся и ушел в ночной лес.

Дверь клетки так и осталась открыта, Хольм еще долго смотрел в эту дыру. На душе было тяжело, но как-то... правильно. Вот прогорел порошок жабьего дурманника, и кто-то из Рысей простонал во сне. Скоро очнутся. Не повезло Брангарду, если бы Хольма дурманник застал спящим, так и вытащили бы сонного. Значит, не судьба.

Он закрыл глаза и чуть ли не впервые за все время пути уснул крепко и спокойно. То ли от

дурманника, то ли еще от чего-то.

А утром его разбудил вопль.

— Что это такое, я спрашиваю? — орал Ивар, указывая на распахнутую дверь. — Ты как караулил?! Что тут вообще ночью было?

Бледный, как снег, Рисал стоял, опустив голову. И Хольм его жалеть не собирался. Вместо этого он сладко потянулся на глазах у собравшихся возле клетки Рысей. Ага, Гваэлис и Майред вернулись и явно ничего не понимают. Как и остальные, впрочем. А на лице Кайсы такое изумленно-недоверчивое выражение, аж смеяться охота.

— Ну как, повозку нашли? — лениво поинтересовался Хольм, закидывая руки за голову. — Вы же меня в клетке везти собрались, да? Чтобы не выскочил и никого не покусал? Ну, везите. Только дверь закройте. — И закончил, наслаждаясь каждым обращенным на него взглядом: — Очень уж дует!

Глава 14

Арзин и его вождь

Как и задумал Ивар, до Арзина они добрались глубокой ночью. Прикрыв глаза, Лестана дремала на носилках, качаясь между сном и явью. Сквозь дремоту она смутно слышала, как брат разговаривает с охраной на воротах, как цокают копыта и стучат колеса повозки по мостовой родного города — совсем иначе, чем по дороге от Лесной пристани. Как Ивар что-то объясняет уже дворцовой страже.

Потом она ощутила, как носилки осторожно сняли с повозки, вокруг замелькали огни, голосов стало больше, в них слышались возмущение, жалость, тревога и еще много-много таких ненужных и неприятных сейчас для Лестаны чувств. А потом голоса стихли, Лестана с трудом открыла глаза, принуждая себя проснуться, и встретилась взглядом с отцом, стоящим возле нее. Попыталась улыбнуться, но губы словно замерзли, и больше всего на свете она сейчас боялась расплакаться.

Не справилась, подвела. Да, договор заключен, однако какой ценой! Наследники — главная ценность клана, а если целительницы не справятся, Лестана станет бесполезной обузой!

— Девочка моя... — тихо сказал отец, наклоняясь к ней. — Все будет хорошо, родная. Ивар мне все рассказал. Ты вернулась живой, это главное. Остальное мы исправим.

— Договор... — прошептала Лестана непослушными губами. — У Ивара. Я... мы его заключили...

— Я знаю, — кивнул отец. — Ивар тоже молодец, не стал делать глупостей и привез Волка живым. Но это подождет. И договор подождет тоже. Сейчас тебе нужно к целителям. Арenea уже здесь, она готова тебя осмотреть.

Тетушка Арenea, мамина сестра, жрица Луны и главная целительница Арзина? Лестана почувствовала, как просыпается робкая надежда, которую она всю дорогу скрывала даже от самой себя. Жрицы Луны спасают смертельно раненых и тех, от кого отказываются другие лекари. Арenea даже среди них славится искусством. Она обязательно поможет. И все будет... нет, не как раньше, потому что как раньше уже не будет никогда. Но все-таки способность двигаться вернется. Иначе... А вот об этом она даже думать пока не станет!

— Рассимор, как ты мог ничего мне не сказать! Моя милая девочка попала в такую беду, а я узнаю от чужих людей! Лестана, котенок, посмотри на меня!

Тетушка Мирана склонилась над Лестаной с другой стороны, решительно завладев ее рукой. Лестана это видела, но совсем не чувствовала пальцы Мираны на своей коже. И она тоже здесь! Верховная жрица Луны, мать Ивара! Рысь-прародительница, как же стыдно. С тетушкой Мираной они никогда не были особо близки, а теперь в ее голосе столько участия, столько тревоги во взгляде.

Носилки, оказывается, внесли в ее комнату и положили прямо поверх кровати. От огней, заливающих все вокруг, и множества голосов у Лестаны заболела голова, глаза наполнились слезами. Но тетушка, конечно, поняла это по-своему. Она решительно выгнала всех, заявив, что нечего толпиться возле бедной девочки, а мужчинам и вовсе пора заниматься своими мужскими делами. Что у них там? Договор с Волками? Пленный мерзавец? Вот и пусть разбираются с этим, а она посидит с племянницей, пока не придет Арenea.

Сестра отца, сестра матушки... А где же матушка сама? Лестана, едва ворочая языком, выдавила это, и Мирана снова погладила ее руку.

— Она немного приболела. Ничего страшного, Леста, милая, но сейчас ей лучше полежать в постели. Как только вам обоим станет лучше, обязательно увидите!

Приболела? Неужели... снова? Никто не говорил этого Лестане нарочно, однако разве во дворце можно что-то утаить? И Лестана знала, конечно, что матушка пытается зачать еще одного ребенка. Уже много лет пытается, но с тех пор, как погиб Эрлис, особенно старательно. И каждый раз Луна гневается, отнимая плод на первом, втором, самое большее — третьем месяце. Тайная скрытая боль матушки, которую она таит от всех, даже от родной дочери. И думает, что никто не знает, кроме тетушки Аренеи, которая ее лечит.

Глаза Лестаны все-таки наполнились слезами уже по-настоящему. Мирана, заметив это, охнула, зашептала что-то утешительное, и Лестана преисполнилась благодарности. Ведь ради того, чтобы побыть с ней, госпожа Мирана не спешит встречать Ивара! А ей, наверное, так хочется обнять сына.

— Это что еще за глупости? — раздался от двери привычно суровый голос, и Лестана вздрогнула, как в детстве, только что уши не прижала.

Да и то лишь потому, что не умела!

— О чем слезы льешь, глупая девчонка? — строго поинтересовалась тетушка Арения, подходя к носилкам. — Жива осталась — уже хорошо. Высечь бы тебя, да сейчас ты ничего и не почувствуешь, так что толку никакого.

— Арения! — возмутилась старшая жрица. — Думай, что говоришь! Бедная кисонька и так еле жива! Ты на нее посмотри! Побледнела, исхудала, одни глаза остались!

— И что? — язвительно спросила Арения. — Если я сяду рядом и начну тоже слезы лить, у нее новые ноги отрастут? А может, еще и голова вторая? Поумнее?! Кстати, Мирана, там под дверью твой собственный котенок мается. Наверное, соскучился. А может, боится к вождю идти. Ты бы его проводила, а? Все равно здесь от тебя толку никакого, ты уж извини. И пришли Кайсу, как только Рассимор с нею поговорит. Надеюсь, хоть у нее хватило соображения запомнить, что лекари Волков говорили и чем лечили.

Тетушка Мирана фыркнула и выплыла из комнаты, а Лестана в который раз подумала, до чего же они разные, сестры ее матери. Хотя обе служат Луне, да и внешне похожи, но это все равно, что в одинаковые кубки налить душистое сладкое вино и ядовито резкий уксус.

— Ну-ка, посмотри на меня, — решительно сказала Арения, оставшись с Лестаной наедине. — И говори честно, девочка, не виляй хвостом. Ты действительно не знаешь, кто тебя ножом ударил?

— Не знаю, — прошептала Лестана. — Но это Хольм, сын Ингевальда. Больше никому.

— Ясно, — уронила целительница и деловито продолжила: — И еще один вопрос. Не вздумай врать, в таких делах ложь дорого обходится. Ты вернулась невинной?

Что? Да как она может! Подозревать Лестану в таком?! До брака?! Хотя это ведь тетушка Арения, она всегда такая. Лестана опустила ресницы, но, видя, как хмурятся брови над пронзительно холодными серыми глазами, выдохнула:

— Да!

— А жаль! — бросила тетушка и, посмотрев Лестане в глаза, хмыкнула: — Что, удивляешься? Напрасно. Обычай, конечно, велит беречь девственность до свадьбы, но иногда... В общем, вот именно сейчас было бы лучше... Ладно, что уж теперь. Будем варить зелье из того, что есть.

Подошла к двери, открыла ее и позвала кого-то. Через несколько мгновений Лестане показалось, что комната наполнилась людьми, хотя вошли только две немолодые целительницы в белоснежных жреческих туниках, да еще следом за ними проскользнула Кайса и скромно встала в уголке, ободряюще посмотрев на Лестану.

— Переворачиваем! — приказала Арения своим помощникам. — Тиллия, бери за ноги, а мы плечи возьмем. Р-раз!

Лестана почему-то зажмурилась, хотя знала, что боли не будет. Ее ловко перевернули, уложив на живот, и сняли длинную теплую рубашку, одну из тех, что дали в дорогу лекари Волков. Лестана понимала, что с ней делают, но по-прежнему не чувствовала ровно ничего. Словно ниже шеи тела у нее вовсе не было. Уткнувшись лицом в подушку, она ждала, пока целительницы осматривали рану, перебрасываясь непонятными словами, и напряженно вслушивалась в тон, пытаясь хотя бы по нему что-то понять.

— Кайса, иди сюда! — велела, наконец, жрица.

Больше всего это было похоже на допрос. Арения вытягивала из Кайсы даже то, что сама Лестана ни за что бы не вспомнила и не смогла рассказать. Сколько лекарей-Волков осматривало раненую Лестану, какие инструменты они использовали, когда разрешили напоить и чем. Когда Лестана пришла в себя, стонала ли в бесспамятстве, сколько раз и как справляла нужду во время дороги...

Слушая все это, Лестана изнывала от стыда, не понимая, зачем целительницам знать, когда у нее были последние лунные крови. И про ту вспышку голода на ярмарке. И про Хольма, о котором Арения тоже выпросила все, что Кайса могла сказать. И даже про священное озеро, у которого Лестана с Кайсой просили милости Луны!

— Умница, — неожиданно милостиво уронила Арения, закончив эту словесную пытку. — Хоть у кого-то в этом посольстве голова была не только для того, чтобы косу заплетать. А теперь пойдем-ка, шепну тебе несколько слов, передашь их Рассимору. И побыстрее, слышишь?

Она отвела Кайсу к двери и что-то сказала ей так тихо, что Лестана, изо всех сил напрягая слух, не смогла разобрать. Это было мучительно обидно! Да, она повела себя глупо, но уже наказана за это!

А теперь от нее скрывают что-то важное, что наверняка касается именно самой Лестаны. И кто? Родная тетя и лучшая подруга! Но Кайса ведь ей потом все расскажет?!

— А теперь послушай меня внимательно, девочка, — очень мягко сказала Аренея, присаживаясь рядом и ласково касаясь кончиками пальцев щеки Лестаны. — Я не стану тебе врать, все очень плохо. Нож, которым тебя ударили, прошел так неудачно, что нарочно захочешь — и не попадешь. Очень, очень неудачно. На несколько волосков ближе к позвоночнику — и надежды не было бы никакой. Сейчас она есть, но слабая, и нам придется очень постараться, чтобы поставить тебя на ноги. Как бы объяснить... Ты ведь знаешь, что в человеческом теле множество нитей, по которым от головы к остальным частям тела идут приказы, верно?

— Да... — прошептала Лестана в подушку, радуясь, что ее лица сейчас никто не видит.

Она никогда не интересовалась целительством, но все благородные Рыси проходят учебу в Храме луны, а там рассказывают и об устройстве тела тоже.

— Так вот, часть этих нитей нож и перерезал, — спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, сказала Аренея. — Малую часть, но очень важную. Лечить такие раны умеем только мы, это тайное знание жриц Луны. И Волки совершенно правильно сделали, что как только поняли это, постарались не трогать лишнего, а остановили кровь, закрыли рану и отправили тебя сюда. Все, что могли для тебя сделать, они сделали честно и старательно, ты должна это знать. Остальное — наша забота.

— Я... буду ходить? — спросила Лестана, чувствуя, как сердце замерло в ожидании ответа.

— Не знаю, — помолчав немного, призналась Аренея. — Но надежда есть. Поверь мне, девочка, не будь ее, я бы не стала морочить тебе голову сладкой ложью. Дело в другом. Лечение, которое тебе предстоит, не просто сложное. Оно долгое и очень болезненное. Сейчас ты никакой боли чувствуешь, но это не благо, а беда. Если мы сможем срастить эти тончайшие нити в твоём теле, то единственное, что их сможет оживить, это боль. Очень много боли. Понимаешь меня?

— Да! — выдохнула Лестана. — Я... буду терпеть! Буду...

— Придется, — вздохнула Аренея и снова погладила Лестану по щеке. — То, что мы сделаем, это больше магический ритуал, чем исцеление. И твою боль мог бы разделить кто-то, родной тебе по крови. Еще и силами поделиться. Но только очень-очень близкий. Даже мы с Мираной не годимся. И я, и она с Иваром — всего лишь вторая степень родства. Брат и сестра подошли бы, но ты сама понимаешь... — Она немного помолчала и сказала совсем расстроенным тоном: — А с твоим отцом и матерью все сложно. Эльдана еще долго не встанет с постели, последний выкидыш едва не закончился совсем плохо. Говорила я ей, не гневи Луну! Не с ее телом вынашивать детей, вы с Эрлисом и так чудом получились. Да что уж теперь... Главное, что твоя мать помочь не сможет, это ее просто убьет. А у Рассимора сердце уже не то, что в молодости. Он-то за тебя хоть под жертвенный нож ляжет, но что, если сердце не выдержит?

— Нет! — отчаянно выдохнула Лестана. — Я сама! Тетя Аренея, не позволяйте им! Никому, прошу вас!

— Ивара я бы все-таки попробовала, — задумчиво призналась целительница. — Сама не смогу, мне ведь этот ритуал как раз и проводить. Мирана со своей силой тоже понадобится. А Ивар — котяра молодой, здоровый. Потерпел бы. Да ему после этой поездки еще и не такое причитается! Не углядел за тобой — пусть расплачивается. Есть и еще одна мысль, но... это вряд ли. Будем надеяться, до такой необходимости не дойдет.

Она встала и вместе с остальными жрицами снова перевернула Лестану на спину. Достав откуда-то из широких складок длинной белой мантии платок, вытерла Лестане глаза.

— Ты справишься, — сказала спокойно, убирая платок. — Помни, другого выхода у тебя просто нет. Я приду вечером, отдохни и обязательно хорошо поешь — сил понадобится много. А мы с вами за работу, девочки, за работу! — окинула она взглядом «девочек», каждая из которых, как и сама Аренея, годилась Лестане в матери.

Оставшись одна, Лестана прикрыла глаза, чувствуя, что чудовищно устала даже от этого недолгого разговора и осмотра. А ведь с отцом так и не удалось поговорить. Ивар, конечно, ему все рассказал, да и Кайса — тоже. Но ей нужно самой услышать, что ничего непоправимого не произошло. Да, отец не сможет ею гордиться, как гордился бы Эрлисом. Эрлис не делал глупостей, ни в чем и никогда...

«Но его больше нет, — напредила себе Лестана. — И если я не справлюсь, то... наследником станет Ивар. Может быть, так для всех будет лучше? Неважно. Я должна выздороветь если не для клана, то хотя бы для себя самой. Для отца, матушки, Кайсы. Или выздороветь, или найти способ умереть. Но не гнить годами в параличе, не владея собственным телом».

Она снова перебрала в памяти все, что сказала Ареня, изо всех сил цепляясь за надежду, которую оставила старшая целительница. Кстати, а зачем она спрашивала о невинности? Это какое значение имеет? Лестана очень хотела по привычке пожать плечами, но даже в подобной малости тело ей отказало.

«Спрошу вечером, — решила она. — И об этом, и о том, что отец решил сделать с Волком. Наверное, это все травяные отвары, сил не хватает даже на ненависть. Но тот, кто сделал со мной такое, не должен остаться безнаказанным».

Оставшийся путь до Арзина Хольм проделал верхом, и даже руки ему связывать не стали. Проклятую клетку Рыси бросили на берегу неподалеку от пристани — даже Ивар понял, что глупо везти со всеми предосторожностями пленника, который ночью не воспользовался полной свободой. А может, родич Лестаны втайне надеялся, что Хольм попытается бежать по дороге, и тогда можно будет со спокойной совестью остановить его стрелой.

Как бы то ни было, вторая телега оказалась без надобности, и остальные Рыси вздохнули с облегчением. Им и с повозкой для Лестаны хватило мороки. Хольм ехал между двумя Котами, которых Ивар к нему все-таки приставил, и тихо завидовал дорогам в землях Рысей. Ровные, мощенные камнями, они были куда старше Волчьего города и казались безупречно надежными. Да и земли здесь выглядели богатыми. До наступления темноты отряд проехал небольшое селение с нарядными белеными домиками, и Хольм наметанным глазом оценил небольшую высоту частокола и спокойные повадки жителей, завидевших всадников. Чужаков здесь не опасались.

В селении Ивар останавливаться не стал, только послал Гваэлиса за свежим молоком и хлебом с мясом, а пообедали прямо на дороге. К вечеру начались предместья Арзина, становясь все многолюднее, и Хольм каждый раз думал, что это и есть сам город. Хорошо, что молчал, а то бы опозорился.

Арзин вырос перед ними после полуночи, и в свете факелов крепостная стена показалась нелепо высоко. Ивар обменялся несколькими словами со стражей, и тяжелую створку ворот, заложенных на ночь, открыли, чтобы отряд смог проехать.

Хольм старался не крутить головой, бросая по сторонам только взгляды, но даже так у него дух захватило, настолько огромным и красивым представился город даже при свете луны. Здесь не было видно ни деревянных заборов, ни маленьких домов, да и улица, по которой они ехали, поражала шириной. А мостовая не просто из камня — из больших гладких плит! И дома облицованы мрамором, а может, выстроены из него. Кое-где, правда, виднелись кирпичные, но тоже нарядные, в два этажа, с высокими крышами и мощными старыми деревьями возле каждого дома, так что ветви заглядывали в окна сверху донизу. Для Рысей — самое то!

Колеса повозки мерно постукивали позади, луна озаряла торжественную красоту Арзина, не зря прозванного Белым городом. Мрамор был здесь повсюду, сияя в лунном свете, как шелковая ткань, и придавая Арзину сказочную таинственную прелесть.

Хольм вдруг почувствовал себя маленьким и незначительным. Арзин выстроили несколько веков назад, когда клана Черных Волков еще не было в помине. И если Волки завтра будут рассеяны жадными соседями, от них не останется ничего, подобного этому прекрасному городу.

Как ему вообще пришло в голову думать о браке с Лестаной, рожденной здесь?! Ему, грубому и неотесанному дикарю... Хольм потряс головой, сбрасывая непонятное наваждение. Ну и глупости чудятся! Отец Лестаны сам прислал дочь для заключения этого брака. Может, когда-то Рыси и были самым древним и могущественным кланом, но сейчас их сила в упадке, иначе не искали бы помощи вчерашних дикарей.

А город красивый — этого не отнять. Похожий на саму Лестану, такой же строгий и изящный. Брангарду бы здесь понравилось! И сам Брангард подходил Арзину, словно был вылит по здешней мерке. Вот бы кому Котом родиться!

Они подъехали к дворцу, и Хольм не удержался, задрал голову, разглядывая шпили, уходящие высоко в ночное небо. Их четкие силуэты в лунном сиянии блеснули золотом. Вот бы посмотреть днем! Ладно, не казнят же его прямо сейчас? Вдруг еще и выйдет полюбоваться?

— Что, Волк, нравится? — насмешливо спросил Даррас, ехавший слева. — Это не ваши дома, то ли логова, то ли пещеры.

Можно было и не отвечать, все равно сказано не для разговора, а ради желания поглумиться. Но Хольм, уже не скрывая интереса, окинул громаду дворца взглядом и невозмутимо ответил:

— Красивый город. Одна беда — хозяевам не хватает сил его защитить. Приходится в чужие логова за помощью ездить.

— Даррас, язык придержи! — резко велел Ивар, и тут их наконец-то пропустили в дворцовые ворота.

В нос и уши Хольму ударило больше, чем в глаза. Сотни незнакомых запахов, множество звуков, слепящая роскошь, заметная даже при свете ламп... Дворец мгновенно наполнился шумом, вопросами, приказами, чужой злостью, обращенной на Хольма, и, будь он сейчас зверем, шерсть давно встала бы дыбом. Да ему и в человеческом-то облике нестерпимо хотелось прижаться к стене, чтобы прикрыть спину, стиснуть кулаки и зарычать, раз оружия нету.

— Даррас, Рисал, следите за Волком, — приказал Ивар, и Хольм отметил, что его охрану оставили на самых доверенных лизоблюдов, хотя Гленн и Ортон явно были бойцами получше.

Потом носилки с Лестаной унесли, и Хольму стало совсем паршиво. Он сам не подозревал, как сильно его греет близость к девушке, пусть и нежеланная для нее. Лестана была рядом, и у Хольма теплилась надежда, что когда-нибудь она подумает о нем иначе, чем сейчас. Неужели ее душа совсем не откликается? Не чувствует, как Хольм тревожится и переживает?!

По длинным широким коридорам его провели в небольшую комнату с решетками на окнах. Красивыми решетками, кованными в виде изогнутых лоз, усыпанных листьями и цветами. Но все-таки это были решетки и явно очень прочные. Хольм только усмехнулся про себя: разве железо той клетки могло его удерживать надежнее, чем собственное слово? Осталось лишь надеяться, что об этом расскажут вождю Рысей и Рассимор задумается.

Он подошел к окну и вгляделся в ночной сад, который за ним раскинулся. Все те же огромные деревья со светлой, почти серебристой корой, густые кусты, стрекотанье сверчков. Вот бы погулять по этому саду с Лестаной! И лучше всего — в облике зверя. Чтобы ласково боднуть носом пушистый бок, а потом отпрыгнуть в сторону, приглашая поиграть... И чтобы луна указывала им путь!

Дверь скрипнула, и Хольм напрягся, не оборачиваясь. Он вдруг отчетливо понял, чего добивался Ивар, не позволяя ему мыться и сажая в клетку. Брангард и отец постарались, чтобы Хольм уехал на суд Рысей достойно одетый, даже нарядный по меркам Волков. Чтобы в нем увидели сына вождя немалого клана и вожака дружины. А Ивар хотел, чтобы за время пути Хольм и в собственных глазах, и для всех остальных окончательно стал зверем.

Именно для этого нужны были и пропахшая потом, несмотря на его старания, одежда, и отросшая черная щетина, и разлохматившиеся волосы. И клетка, которую пришлось оставить, но если бы Хольма привезли в ней, все увидели бы то, что должны были увидеть — бешеного зверя, не умеющего владеть собой. Грязного свирепого дикаря. И даже постоянные мелкие унижения — для того же! Как уколы, которыми горячат бойцового пса, чтобы кинулся в драку!

Он закусил губу, медленно вдохнув воздух, и тут послышался невыносимо презрительный голос Ивара.

— Руки ему свяжите, а то еще бросится.

Хольм молча повернулся и посмотрел на него в упор. Ивар еще не успел переодеться, но влажное полотенце ему наверняка подали, потому что на лице племянника Рассимора больше не было дорожной пыли, да и верхнюю куртку он снял. В зеленых глазах ему почудилось скрытое торжество, но тут же Ивар отвел взгляд и нахмурился.

Рисал дернул Хольма за плечо, заставляя сделать шаг от окна, а скользнувший за спину Даррас туго и надежно стянул запястья ремнем. Пожалуй, даже слишком туго. Через несколько минут руки того и гляди начнут неметь. И ему придется просить, чтобы ремень ослабили. Наверняка на это и расчет. Хольм стиснул зубы, понимая, что выхода ему просто не оставили.

— Когда я увижу вождя Рассимора? — спросил он, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно.

— Когда он того пожелает, — надменно процедил Ивар. — Сейчас у вождя важные дела.

— Более важные, чем поиск настоящего убийцы? — уточнил Хольм.

— Убийца — ты!

Ивар шагнул к нему навстречу, и напряжение, разлившееся между ними, едва не зазвенело, как натянутая тетива.

— Нет, — бросил Хольм. — Это не так. И если ты в самом деле любишь сестру, тебе бы...

— Выродок, — тихо проговорил Ивар, и в его расширившихся светлых глазах заплескали отблески пламени от светильника на стене. — Дикий зверь. Я сниму с тебя шкуру и постелю ее возле кровати.

— А я думал — сапоги мне пометишь, котик, — усмехнулся Хольм, чувствуя, как стянутые запястья начинают зудеть. — На это у тебя храбрости должно хватить.

Рассудком он понимал, что стоит помолчать, прикинуться смирным и учтивым, но за дни пути накопело, и тяжелая злость рвалась наружу. Неважно, верит ли Ивар в его вину! Хольм не просил у него милосердия! Но справедливости вправе ожидать все, а наказание определяется после разбирательства и суда. И позор тому, кто глумится над беспомощным пленником.

Щеку обожгло хлесткой болью. Хольм качнулся вбок, не столько уходя от пощечины, сколько изумленно выдыхая. И увидел в глазах Ивара такое наслаждение, что его самого передернуло, будто наступил в какую-то мерзость. Даррас и Рисал тут же повисли на его плечах...

— Ну ты и дрянь! — выдохнул Хольм. — Развязать боишься, да?

Губы Ивара дрогнули в улыбке. И Хольм прочитал в его взгляде, что слов он не боится. Даже оскорблением их не считает! Напротив — признанием слабости. Тому, кто может ударить, незачем говорить о чести. А раз Хольм отвечает словами, значит, понимает свою беспомощность...

Ивар был прав — и все-таки ошибся. Это Хольму нужно было, чтобы Ивар и его Коты думали именно так. Чтобы на его руках хватка ослабла всего на пару мгновений. Чтобы Ивар не сделал шаг назад, ударив его, а остался рядом, как можно ближе.

Договаривая последнее слово, Хольм глянул за левое плечо Ивара. Удивленно глянул, едва приподняв бровь, и тот, заподозрив неладное, перестал улыбаться и повернулся туда. Совсем немного телом, но главное — лицом. Ловушка на дурака! Но из десяти разве что один удержится и не поддастся. Хольм был выше как раз настолько, чтобы его плечо разворотом врезалось в лицо Ивара, сворачивая Коту нос набок.

Нос еле слышно хрустнул — и кровь хлынула, заливая лицо и рубашку.

«Может, и не сломал, — с сожалением подумал Хольм. — Но все равно приложил неплохо...»

Хватаясь за лицо, Ивар пытался остановить кровь. Рычали ругательства Коты, запоздало оттаскивая Хольма обратно к стене, и Хольм даже не пытался их стряхнуть, хотя прекрасно понимал, что сейчас его будут бить. Грязно и тупо бить, уже не прикрываясь никакими поводами. Но ни на мгновение не пожалел о том, что сделал. Раньше надо было!

— Прекратить! — холодно и ясно прозвучало от двери, и в комнате мгновенно стало тихо.

Даже Ивар засопел тише, но рук от лица все еще не убирал.

А невысокий Кот, худощавый и подтянутый, с длинными, совершенно седыми волосами, заплетенными в косу, и чеканным тонким лицом, одетый в простую темную одежду, но с драгоценной золотой цепью на груди, сделал несколько шагов от двери и встал так, чтобы видеть всех.

— Рисал, что тут произошло? — спросил он, мельком глянув на Ивара и уставившись на Хольма пронзительным взглядом серебристо-серых глаз.

Их одних бы хватило, чтобы Хольм понял, кто это.

«Ну, прекрасно, — с горькой усмешкой подумал Хольм. — Вот теперь я точно докажу всем Рысям, что отлично владею собой и не дикарь. Наброситься на племянника вождя почти у самого вождя на глазах! Да еще при таких свидетелях, как эта парочка».

— Волк ударил господина Ивара! — с должным возмущением отозвался Рисал.

— А до этого?

— Мы привели его сюда, чтобы подождать вас!

Голос Рисала был тверд и очень убедителен, однако глаза вождя опасно сузились, и Рассимор уронил:

— У него свежая царапина на щеке. Чья это была рука?

Только сейчас Хольм почувствовал, что лицо и вправду немного саднит.

— Моя...

Ивар вытер лицо рукавом, опустил руку и с вызовом добавил:

— Он оскорблял Арзин и нашу семью! Всех Рысей!

— И поэтому ты ударил связанного? — бесстрастно уточнил отец Лестаны, не переставая разглядывать Хольма. — А ты что скажешь, Волк?

— Ничего, — очень ровно ответил Хольм, спокойно выдерживая его взгляд. — Глупо оправдываться в том, о чем я не жалею.

Рисал с Даррасом по-прежнему крепко держали его, вывернув руки назад, и Хольм с трудом стоял прямо. Рассимор нахмурился и вдруг велел:

— Развяжите его.

— Дядя! — вскинулся Ивар. — Он опасен!

— Что ж, три таких доблестных воина, к тому же вооруженных до зубов, как-нибудь защитят меня от одного-единственного Волка.

В голосе Рассимора слышалась такая насмешка, что Ивар плотно сжал губы, а потом опять промокнул кровь, идущую из носа.

Кто-то из Котов молча сдернул с рук Хольма ремень, и Хольм с наслаждением растер запястья, которые загорелись болью.

— Мой племянник Ивар и госпожа Кайса рассказали мне то, что знали, — бесстрастно сообщил Рассимор. — Письмо, что они привезли, тоже прочитано со всем вниманием. Теперь я хочу услышать тебя, Хольмгард, сын вождя Ингевальда. Это ты пытался убить мою дочь?

— Нет! — выдохнул Хольм, не отводя взгляда. — Клянусь Луной-прародительницей! Я не пытался ее убить. Я не причинил ей никакого вреда ни в ту ночь, ни до этого. И кто пытался ее убить, я тоже не знаю, клянусь Луной и Волчицей! Да если бы только знал!

Его снова скрутила мучительная тоска и вина. Не уберег! Оpozдал на несколько мгновений! И если Рассимор осудит его на смерть, можно ли считать вождя Рысей совсем уж неправым? Он доверил Волкам самое драгоценное, что у него было — дочь! А Волки не смогли оградить ее от беды.

— Госпожа Кайса говорит, что в этом деле много непонятного, — медленно, словно в раздумии, произнес Рассимор. — Очень много... Это правда, что ты мог сбежать по дороге, но добровольно остался пленником?

Хольм кивнул.

— Почему?

— Я надеялся на справедливый суд, — сказал он. — И не хотел позорить клан своим побегом. Если бы сбежал, все бы убедились, что я виноват. А это неправда!

— Вот как? — Рассимор вдруг усмехнулся. — А если наоборот? Это ведь Ивар обещал тебя довести до Арзина живым и невредимым. Если бы ты сбежал и скрылся, как бы мы доказывали, что не убили тебя по дороге? Об этом ты не подумал?

Хольм почувствовал, что лицо у него вытягивается от изумления. Совсем ненадолго, но Рассимор это наверняка заметил.

— Не подумал, да? — сказал он чуть мягче. — А вот кое-кто другой подумать должен был. Ты ведь не сам открыл дверцу своей клетки, а, Волк?

— Ветром ее распахнуло, — буркнул Хольм, решив, что Брангарда выдавать не станет, хотя братец, хитроумная скотина, точно рассчитывал именно на то, что сказал Рассимор.

— Ветром так ветром, — согласился Рассимор. — Главное, что ты здесь. И что, по-твоему, я должен с тобой сделать? Прямого доказательства твоей вины нет, но подозрений более чем достаточно. Вы, Волки, сами признаете, что никого чужого там не было, ни телом, ни запахом. И кто-то едва не убил мою дочь. Лекари говорят, что она может никогда не встать на ноги, ты это понимаешь, Волк?

Он говорил все еще негромко, но с нарастающим напряжением, и каждое слово сочилось все большей злостью. Хольм замер, опасаясь шевельнуться, потому что лицо вождя Рысей застыло в ледяном спокойствии, однако из узких черных зрачков, по-звериному сузившихся от бешенства, сейчас глядела смерть. Слишком часто Хольм видел ее оскал близости, чтобы не узнать сейчас.

— Если бы она умерла, я бы вырвал тебе горло, — сказал вдруг Рассимор так бесстрастно, что Хольм ему мгновенно поверил. — А теперь и не знаю... Мне все еще нужна помощь твоего отца. Даже

больше, чем раньше. И начинать наш с ним союз твоей смертью — сам понимаешь, не лучшая мысль. Ивар утверждает, что ты ранил Лестану в припадке ярости. Что ты не владеешь своим зверем и можешь даже не помнить, что натворил.

— Неправда, — тихо сказал Хольм. — Зверем я владею. И если бы я причинил вред госпоже Лестане, я бы принял смерть как милость. Прошу вас об одном: подумайте, вдруг это не я? Тогда это значит, что ей до сих пор может угрожать опасность от настоящего убийцы. От настоящего, понимаете?

Они замерли, глядя друг в друга глаза, и Хольм увидел, как в глубине зрачков Рассимора что-то дрогнуло, а потом они изменились, вернувшись к человеческой форме. Вождь Рысей глубоко вздохнул и провел по лицу ладонями, словно стирая что-то. Глянул на Ивара, стоящего с запрокинутой головой, чтобы остановить кровь, опять перевел взгляд на Хольма.

— Сегодня вечером жрицы Луны проведут исцеляющий ритуал для Лестаны, — сказал он, и Хольм понял, что в комнате гораздо светлее — это из окна за его спиной лился рассвет. — Молись, чтобы он помог. Ивар! — окликнул он племянника. — Сходи к целителям, а потом готовься отвечать на вопросы Великого Собрания. И ты, Волк, тоже. Твою судьбу стану решать я, но главы родов захотят узнать, что у вас там произошло.

Он бросил взгляд за спину Хольма и поморщился, а потом велел:

— Отведите Волка в малые покои для гостей и скажите Арлису, что я велел приставить к нему стражу и никого не пускать, кроме прислуги. Великое Собрание состоится в полдень, и если хочешь сохранить шкуру, тебе стоит быть очень убедительным, Волк.

— Убедительность — это к другим, — буркнул Хольм. — А я могу обещать только честность. Господин Рассимор, можно мне перед вашим Собранием вымыться и сменить одежду? Снимут с меня шкуру или нет, но пусть она будет чистая.

— Само собой, — кивнул Рассимор и взмахом руки велел вывести его из комнаты.

Ненавидящий взгляд Ивара и вид распухшей физиономии со свернутым набок носом слегка утешил Хольма, пока его вели по огромному дворцу Рысей в новую тюрьму, хоть и названную со всей учтивостью покоем для гостей. Впрочем, утешение вышло слабое. Пусть Ивара хоть шакалы сожрут, все мысли Хольма были о вечере, когда решится судьба Лестаны.

Глава 15

Совет Арзина

Гостевые покои, к его удивлению, и вправду оказались гостевыми. Ну, или у Рысей даже тюрьма была роскошнее, чем лучшие комнаты в родном дворце.

Хольм дождался, пока за спиной щелкнет замок, и лишь тогда обошел просторную спальню, осторожно трогая то стены, обшитые резными деревянными панелями, то столик, у которого вместо столешницы была мраморная плита, а медные ножки искусный кузнец выковал в виде львиных лап. На столике стояла лампа, заправленная маслом, и оно просвечивало через граненый хрустальный сосуд, как настоящее золото. Оправой лампе служили виноградные лозы, тоже медные, с искусно выкованными листочками и тугими гроздьями. «Как живые, — восхищенно удивился Хольм. — И светит, наверное, куда там нашим! Но поставить такую красоту пленнику?»

Он не удержался, осторожно взял лампу и взвесил на руке. Тяжеленная... Череп такой раскроить — легче легкого. А если примериться, чтобы выпуклая гроздь или острый листик попали в висок, то даже слабый удар будет смертельным. Похоже, Рассимор то ли не поверил, что Хольм — злобный дикарь, то ли проверяет его.

Поставив лампу на место, Хольм уже равнодушным взглядом окинул широкую лавку, застеленную льняным голубым покрывалом. Перед ней лежал шерстяной коврик в сине-бело-голубую полоску, а на единственном окне трепетали от ветерка такие же голубые занавеси. Все нежное, мягкое, чистое — ни единого пятнышка. Хольм невольно поморщился, заметив, что уже оставил на плитах мраморного пола грязные отпечатки сапог. На лавку и вовсе в грязной и пропахшей потом одежде ни присесть, ни лечь...

Словно отвечая на его мысли, в дверь тихонько постучали, щелкнул замок, и в комнату проскользнула незнакомая рыжая Рысь, одетая в простое платье чуть ниже коленей. В руках у девчонки была стопка аккуратно сложенной одежды и всякие принадлежности для мытья. Следом вошел Кот, но не один из охраны Ивара, а незнакомый. На вид немного старше самого Хольма, высокий и крепкий, с уверенной повадкой опытного бойца и узким коротким клинком на поясе. Он молча встал к стене у двери, и Хольм про себя усмехнулся: нет, не проверяют. Боятся, что страшный Волк слопают прислугу!

Девчонка, не поднимая глаз, прошелестела:

— Господин позволит ему помочь? Купальня вон там!

И кивком указала на левую из двух дверей в дальней стене.

— Помоги, красавица, — учтиво согласился Хольм и бросил насмешливый взгляд на Кота-охранника.

«Ну и что ты делать будешь, а? С нами пойдешь? Ну, давай! Попрошу тебя спину потереть, чтобы без дела не стоял, хоть какое-то развлечение».

Кот все так же смотрел мимо Хольма, и на его физиономии не отразилось ровным счетом ничего. А жаль. Накопившаяся усталость пополам со злостью просто требовали устроить хоть небольшую потасовку. С Иваром-то и разогреться по-настоящему не дали!

Но Хольм снова вздохнул, нехотя признавая, что вот именно этот Кот ничего плохого ему не сделал и пока что даже не глянул косо, а значит, макать его мордой в ведро с водой, да еще при хорошенькой девице, совершенно не за что. Или не в ведро, а из чего тут у них моются?

Он последовал за служанкой, старательно обойдя ковер. Наступишь разок — а девчонке его стирать потом, и попробуй ототри такую светлую нарядность. Это не то, что быстренько почистить и выбить шкуры, которыми застелены полы у него дома! Девушка распахнула перед ним дверь, присела в странном поклоне, склонив голову, и Хольм понял, что она пропускает его первым.

Еще мгновение понадобилось, чтобы сообразить — такие здесь правила вежливости. Дома-то вперед всегда проходили слуги или младшие по рангу. Их дело — первыми принять удар, если в комнате вдруг затаился враг, или предупредить об опасности. А здесь... Все иное!

Подумав, он наклонился, стянул сапоги, оставив их на и так испачканном полу, а потом шагнул в соседнюю комнату и не смог сдержать восхищенного вздоха. Мозаичные полы, два высоких узких окна и посередине комнаты огромная мраморная бадья, невысокая, но длинная и широкая. Купальня! Самая настоящая, но получается, что, кроме как из этой спальни, в нее никак иначе не попасть! Купальня только для того, кто живет в этих покоях! Вот это роскошь...

Девчонка тем временем деловито сложила принесенное на высокую скамью и наклонилась над бадьей, к которой шли две толстые трубы со странными загосулинами на концах. Что-то покрутила, и из труб полилась чистая вода! Хольм потрясенно смотрел, как наполняется бадья, в которой он запросто поместится, если лечь. Ну, разве что голова торчать будет! А служанка плеснула туда из кувшина, стоящего на бортике бадьи, и по комнате поплыл приятный можжевелевый запах...

— Господин?

Молоденькая Рысь оглянулась, и Хольм прочитал в ее серо-зеленых глазах недоумение.

— Вы не раздеваетесь?

И тут уже удивился он сам. Раздеться? Пусть она служанка, но все-таки девушка! У Волков при купании тоже иногда помогали слуги, но мужчин мыли только мужчины. И что делать? Брангард бы точно знал! Его на дерево за хвост подвесь, он и там будет вести себя, как положено вождю!

— Вот что, — сказал он, преодолевая неловкость. — Ты мне покажи, чем тут мыться и как воду остановить. А дальше я уж как-нибудь разберусь.

«И спину сам себе потру, — добавил он. — Лапы не отвалятся. Нет, девица прехорошенькая! Но... ни к чему это!»

Служанка глянула удивленно, однако перечить не стала. Очень почтительно показала, как открывать и закрывать загосулины, которые назвала «кранами», и пообещала, что вода не кончится. Нет-нет, даже если господин спустит ее два или три раза!

Хольм удержался и не стал спрашивать, во всем ли дворце такие купальни. Выяснил только про мыло, которого оказалось три разных куса! Одно с таким же можжевелевым запахом, как вылитый в воду отвар, второе — сладкое цветочное, от которого потянуло чихать, и только третье, к счастью, пахло самым мылом и больше ничем.

Снова поклонившись, Рысь вышла, а Хольм торопливо содрал одежду и плюхнулся в наполовину полную бадью, растянувшись в ней во весь рост. Вода! Чистая! И теплая! Голову он подставил под горячую струю, льющуюся из крана, и блаженно замер...

Как и предсказывала служанка, воду пришлось поменять. Сначала он хорошенько отмок, потом оттерся мочалкой, жалея, что она недостаточно жесткая, потом сполоснулся и уже чистым позволил себе поваляться во вновь наполнившейся ванне. Это же сколько воды каждый день уходит во дворце! А ее ведь еще нагреть надо! И вся эта роскошь вокруг, которую Рыси и за роскошь, кажется, не считают. Кованные из меди решетки и всякая утварь, шлифованный мрамор, драгоценное стекло и крашенные ткани. Даже коврик на полу в три цвета!

А Хольм всю жизнь гордился, как удобно и красиво живет его клан, как чисто убраны комнаты, как уютно застелены кровати и полы меховыми покрывалами. Конечно, и у Волков многие носили шелк и бархат, особенно по праздникам, но... Он вдруг на самом деле почувствовал себя дикарем. Каково было Лестане у них дома после этого огромного светлого дворца, наверняка полного прекрасных диковинных вещей! Неудивительно, что она не хотела остаться...

«Может, и осталась бы, — безжалостно напомнил он себе. — Ты ведь так и не поговорил с ней за все это время, не спросил, чего хочет она сама. Брангарда — это понятно! А вот согласилась бы Лестана остаться у Волков ради него или нет — этого ты уже никогда не узнаешь. Одно ясно: сам ты ей не нужен нигде...»

Мысль резанула внутри уже привычной болью, и так же привычно Хольм ее вышвырнул из разума. Сейчас нужно думать о другом. Совет. Чем бы он ни закончился, оправданием или смертным приговором, Хольм истово понадеялся, что доживет хотя бы до вечера и узнает, помогает ли ритуал.

Из купальни он вылезал с неохотой. Вытерся мягким полотенцем, провел ладонью по отросшей щетине и подумал, что надо бы побриться. Но это подождет, а вот волосы лезут в глаза, да и вообще надо причесаться, пока не успел высохнуть.

Шлепая босыми ногами по приятно прохладному полу, он выглянул в соседнюю комнату, но та оказалась пустой. И охранник, и служанка ушли, зато на столике исходил восхитительными запахами целый поднос еды, на лавке лежала чистая одежда, а его сапоги оказались вычищены. И даже следы от них на полу исчезли. Хмыкнув, Хольм прошел к лавке. Новехонькое льняное исподнее, нарядная рубашка, белая с серебряной вышивкой, штаны из тонкого черного сукна и пояс из тисненой кожи. А вот крючка для оружия нет, ну прямо как у Брангарда.

Вздохнув, он перевязал еще влажные волосы кожаным шнурком и оделся — вещи сидели ладно, словно кто-то снял с него мерку. Но пояс и сапоги все-таки надел свои, привычные. И снова остро почувствовал, как не хватает оружия. Хотя бы нож плохонький!

Ел он быстро, почти не чувствуя вкуса еды, и успел вовремя — дверь отворилась, и тот же самый Кот равнодушно бросил:

— Выходи! Светлейший Рассимор велел отвести тебя на Совет!

Светлейший? Это у них так о вожде положено говорить? Что ж, в каждом логове по-своему воют. Светлейший так светлейший.

Хольм молча встал из-за стола. Не без сожаления подумал, что так и не посмотрел — что там за третьей дверью? А его, может, казнят сразу после Совета! Ну что ж, вымыться и поесть дали, чистые вещи принесли, уже за это стоит поблагодарить Рассимора. От Ивара он бы такой милости и близко не дождался.

Следуя за Котом по просторным коридорам, Хольм ловил на себе любопытные взгляды проходящих мимо. Дворец уже давно проснулся, и туда-сюда сновали слуги, важно шествовали Рыси побогаче и познатнее, попадались и оборотни других кланов, и просто люди. Множество ярких и приглушенных запахов сливались воедино, как огромная река, поглотившая сотни ручейков, и Хольму пришлось усилием воли приглушить чутье, не внюхиваться в то, что творилось вокруг. А иначе и захлебнуться запахами можно, тогда нос надолго откажет.

Свернув в очередной проход, его провожатый остановился перед огромной дверью высотой в полтора Хольмовых роста, не меньше. Темное дерево было покрыто резьбой, изображавшей битву, и в другое время Хольм постоял бы здесь подольше. Мастерство резчика поражало: сотни воинов сплетались в яростном противостоянии, и у каждого не только лицо разное, не похожее на других, но даже одежда с оружием не повторялись. Хольм присмотрелся — одна из сторон явно побеждала, загоняя противника в какую-то волнистую гладь, то ли воду, то ли глубокий снег.

— Что это за битва? — спросил он, не удержавшись.

Кот уже взялся за ручку двери, но оглянулся, удивленно посмотрел и ответил:

— Великое сражение при Серебряном озере. Рыси, Черные Медведи и Барсуки против Рыжих Лис и Кабанов.

— Никогда не слышал, — признался Хольм. — А победили ваши, верно?

— Ну да, — настороженно ответил Кот. — А ты откуда знаешь, если не слышал?

— Иначе эту битву рисовали бы Лисы с Кабанами, а не вы, — усмехнулся Хольм и прошел в открывшуюся перед ним дверь, оставив охранника позади.

Совет Рысей встретил его настороженным молчанием. Хольм остановился почти на пороге, привыкая к яркому свету после полутемного коридора, окинул взглядом на удивление небольшой зал. Все те же узкие высокие окна с острым верхом и свинцовыми переплетами, сводчатый потолок... Посередине зала длинный стол, вокруг которого стоят не лавки, как дома, а отдельные кресла, низкие и глубокие. Всего десятка два, но заняты не больше дюжины.

Сам Рассимор сидел во главе стола так, чтобы видеть остальных. Место по левую руку от него пустовало, а справа... Хольм с трудом отвел взгляд от бледного и словно истончившегося лица Лестаны. Девушка утонула в складках огромного мягкого покрывала, полностью закрывшего ее кресло, только руки лежали поверх темной ткани, словно странные белые птицы, сложившие крылья. И снова Хольма резануло виноватой жалостью и стыдом. Она не заслужила этого! И что будет, если ритуал не поможет?

— Входи, Волк! — ровно приказал Рассимор, жестом указав ему встать перед собравшимся.

Хольм прошел под множеством взглядов и застыл на указанном месте, чувствуя, как эти взгляды пронизывают его насквозь.

Вот Ивар — нос распух, под глазами наливаются синие круги, а во взгляде такая чистая ненависть, что у Хольма даже на душе немного полегчало. Нос, конечно, не голова, свернешь — можно и поправить. А все равно приятно!

Высокая красивая женщина в бело-золотом платье сидела рядом с Иваром и смотрела неприязненно, поджав тонкие губы. Семейное сходство читалось ясно, как следы на снегу, и Хольм про себя лишь вздохнул. Да уж, только с жрицами Луны ему еще не хватало поссориться. Но съеденного зайца, как известно, обратно в шкуру не запихнешь.

Еще одна женщина, почти седая, несмотря на молоджавое лицо, и одетая не так роскошно, сидела напротив сестры вождя, а рядом с ней в соседнем кресле примостилась Кайса. Вот уж кого Хольм не ожидал здесь увидеть! Хотя... Ее наверняка позвали как свидетельницу.

Дальше к концу стола сидели несколько мужчин, неуловимо похожих друг на друга, как всегда бывает у оборотней одного клана. Этих выделял разрез глаз, особая форма скул, волосы всех оттенков рыжего и русого. Хольм скользнул по ним взглядом, отметив только одного. Последним в правом ряду в глубоком кресле развалился матерый темно-рыжий Кот лет сорока пяти. Узкое хищное лицо, внимательный прищур светло-зеленых глаз, на щеке — полосы давно зажившего шрама. Повезло, еще бы чуть — и глаза лишился, а то и половины лица. Поверх рубашки этот Кот, единственный в зале, носил кожаный нагрудник с вышитым отпечатком рысиной лапы, чьи когти блестели серебром. Похоже, вожак местной дружины? У Рысей-то он как раз не Клык, а Коготь.

Они с Когтем несколько мгновений меряли друг друга взглядами, пока Кот, насмешливо фыркнув, не отвел его первым.

— Мой племянник Ивар уже рассказал нам все, что знает, — сказал Рассимор так же ровно. — Теперь послушаем Волка. Говори, Хольмгард, сын вождя Ингевальда. Что случилось в ту ночь?

— Я не знаю, — ответил Хольм.

Чьи-то брови удивленно поползли вверх, кто-то презрительно фыркнул, Коготь подался вперед, пристально разглядывая Хольма, а Ивар скрестил руки на груди, и его губы дрогнули в самодовольной улыбке.

— Я не знаю, что там случилось, — уточнил Хольм, — потому что видел и слышал не все. Но что смогу — расскажу. Луна мне свидетельница, что не солгу.

Он глубоко вдохнул и длинно выдохнул, подбирая первые слова, самые сложные и важные. Ивар, конечно, попытался представить все по-своему, а Хольм теперь даже не сможет ответить на его обвинения, потому что не слышал рассказа молодого Кота. Значит, нужно просто говорить, как было.

Рыси слушали. В зале стояла мертвая тишина, только за окнами шелестел сад, и жужжала заблудившаяся под потолком муха. Хольм говорил, с горечью понимая, что ему не верят. Он бы и сам не слишком поверил в такой рассказ. Слишком много непонятого для тех, кто не был рядом.

— И дальше я ничего не помню, — закончил он, почувствовав, что горло пересохло от волнения. — Пришел в себя уже во дворце. Наши лекари сказали, что головой ударился.

— Или тебя ударили? — негромко спросил Рассимор. — Могло такое быть?

— Разве что издалека, — подумав, отозвался Хольм. — Близко никто не подходил, уж с пары шагов я бы точно успел почуять.

— Да что ты его слушаешь, светлейший?! — возмутился седой крепкий Кот в бархатной, несмотря на жару, одежде. — Он что угодно скажет, лишь бы себя выгородить!

— Если бы я говорил что угодно, — парировал Хольм, — то соврал бы, что кого-то почуял! Сказал бы, что там был чужак с незнакомым запахом. Хоть Росомаха, хоть Медведь — уж нашел бы, на кого свалить! И с теми, и с другими накануне крепко поссорился.

— Это верно, — так же бесстрастно подтвердил Рассимор. — Волки из дружины собрата моего Ингевальда подтверждают, что никаких чужих запахов на поляне не было. Пахло Лестаной и ее Рысью, пахло старшим сыном их вождя — и больше никем.

Хольм увидел, как женщина, сидящая напротив Ивара и его матери, нахмурилась, будто хотела что-то сказать. Он и сам чувствовал, будто какая-то важная мысль ускользает, но в зале поднялся нешуточный гвалт. Главы знатнейших рысских родов спорили, перебивая друг друга, и шуму от пяти-шести Котов было, как от пары дюжин.

А вот обе женщины молчали, как и Кайса с Иваром. Молчал Рассимор, глядя на своих подданных. И молчал Коготь Арзина, пристально разглядывая Хольма. А потом вождь Рысей нахмурился и уронил:

— Хватит.

И голоса стихли. Не сразу, но все-таки было понятно, что слово Рассимора здесь непреложный закон.

— Кайса, говори! — бросил вождь. — Ты тоже была там.

Рыжая Рысь поймала кончик одного из двух пышных хвостов, собранных на висках, накрутила его на палец и сладким голосом отозвалась:

— А что я, светлейший Рассимор? Вот Ивар так замечательно все рассказал! Куда уж мне добавить

что-то умное!

Сердце Хольма екнуло. Он помнил, как Кайса заступилась за него на ладье, да и до этого подруга Лестаны вроде о нем так плохо не думала. Рассимор сказал, что она видит в этом деле много странного. И вот на тебе! Ну что ж... Можно понять...

— Конечно, это Хольм на Лесту и покушался! — уверенно заявила Кайса, дергая себя за пушистую рыжую прядь. — Всем же известно: если убивать, так только в храме! Пусть Луна видит, кто виноват!

Вождь Рассимор не улыбнулся, только глаза у него заметно потеплели, а вот советники и жрицы зашептались. А Кайса продолжала все тем же сладко-ехидным голосом, и на лица Рысей постепенно наползало недоумение. Хольм и сам растерялся, не зная, чему верить: своим ушам или тому, что подсказывал рассудок.

— Ну так вот! — продолжила она, встряхнув головой. — Заманил, значит, он Лестану в Храм! И вот ведь каков мерзавец — вместо того, чтобы прямо там ножом и ударить, или, скажем, шею свернуть — начал ей предложение делать. И кому?! Девушке, которая именно для брачного союза к Волкам приехала! Лестана испугалась... Понятное дело, не каждый день замуж зовут! Нет бы тащил в кустах покувыркаться, как все обычные парни, а он сразу клятву перед алтарем собрался давать! Как есть подлый негодяй!

В зале послышались смешки, Коготь так и вовсе в открытую ухмыльнулся, а Кайса с упоением продолжала, невинно поглядывая то на Ивара, то на его мать, то на вождя:

— Вот Лестана и кинулась бежать, а Волк из храма выскочил — и следом. А потом взял — и нож бросил! Тоже понятное дело, если кто зверем не владеет, то ни за что не перекинется и зубами рвать не станет, это всякий знает!

Один из Котов закивал, завороченный ее страстной убедительной речью, потом опомнился и смущенно фыркнул. Действительно, даже просто предположить, что сорвавшийся оборотень, не владеющий зверем, вместо клыков и когтей использует нож?

— Так он не только зверем не владеет! — радостно подтвердила Кайса. — У него и с человеческим разумом не очень! Подошел забрать нож, увидел, что только ранил, и так расстроился... Что вместо того, чтоб добить, начал сам головой о камни биться. Бился-бился, пока сознание не потерял!

— Головой о камни? — ровно переспросил Рассимор, и Кайса закивала так, что рыжие хвосты заплясали на ее плечах.

— А отчего же еще у него на затылке такая шишка и кожа содрана? Волчьи лекари еще заметили! Нет, конечно, может, он с детства на голову ушибленный! Очень на это похоже, между прочим! Умный бы наврал чего-нибудь. Умный бы сбежал по дороге! А этот ночь в открытой клетке просидел, а утром заявил, что справедливого суда хочет. Точно ушибленный!

На короткий, но страшный миг Хольму показалось, что он слышит голос Брангарда. Вот именно так любимый братец, язва злобная, обо всем этом и говорил бы. Вроде и защищает, и ни слова лжи, а чувствуешь себя таким пеньком! Ну как обычно, ничего нового...

— Довольно, — проговорил Рассимор, едва сдерживая улыбку. — Мы поняли.

Кайса села, снова сложив руки перед собой и приняв вид примерного котеночка, только что хвостом не обернулась. А вождь Рысей обратился к остальным:

— Клыки и Когти Арзина, вы услышали сказанное. Мой племянник утверждает, что в беде моей дочери виноват Хольмгард из клана Волков. Да, его нашли рядом с Лестаной, и в руке у него был нож, испачканный в ее крови. За его вину говорит и то, что больше там никого не было, кроме случайных свидетелей, которые вне подозрений. Но Хольма и самого ударили, причем сзади. И вождь Ингевальд поступил по чести, выдав нам старшего сына для справедливого суда. Он надеялся, что мы разберемся в этом деле, как велит разум. Ивар говорит, что Хольм не владеет зверем. Но почему он тогда использовал нож, а не клыки? Почему он, сильный воин, просто не догнал Лестану? Вопросов больше, чем ответов на них, и я надеюсь на вашу мудрость. Что скажете?

Хольм стоял, чувствуя, как горло сжимает невидимая тяжелая лапа. Ему хотелось повернуться и посмотреть Лестане в глаза. Опуститься перед ней на колени, заглянуть в лицо и поклясться чем угодно, что это не он! Но разве она поверит?!

— Волк, может, и не врет, — подал голос все тот же пожилой Кот в бархате. — Но это значит, что он покрывает кого-то. Ножи сами не летают, у них крыльев нет. Не он этот нож бросил, значит, кто-то еще из Волков там был. Может, как раз младший, что это все и устроил!

В зале снова поднялись шепотки, и Хольм похолодел. Они обвиняют Брангарда?! И самое страшное, что если хорошо подумать... Да, так могло быть! Если убийца — наследник, понятно, почему волчьи лекари и дружинники это скрыли. Понятно даже то, почему Хольм расплачивается за чужую вину. Наследник — будущее клана, а Клыка всегда можно найти нового.

— Эй, Волк! — окликнул его вдруг Коготь и махнул рукой. — Лови!

Хольм увидел движение краем глаза, но тренированное тело само развернулось в нужную сторону, а рука выхватила из воздуха летящий к нему нож. Слишком медленно летящий — Хольм понял это чуть раньше, чем увидел одобрительную ухмылку Кота. Нож тот бросил именно так, чтобы его поймали за рукоять. Обычная дружинная забава.

— Арлис! — негромко окликнул его Рассимор, но Коготь только отмахнулся и поинтересовался у Хольма:

— Со сколько шагов яблоко собьешь?

— Тут столько нету, — огрызнулся Хольм и приврал самую чуточку.

Встань он в одном конце зала, нож бы докинул до другого конца легко. Вот попасть по мишени незнакомым ножом уже сложнее. Но Коготь сидел гораздо ближе, и когда в руке арзинца появилось небольшое красное яблоко, Хольм только удивился: зачем ему эти игры? Но когда яблоко взвилось в воздух, успел даже пожать плечами. Жалко, что ли?

Сочная спелая мякоть разлетелась с легким треском. Куски яблока упали на стол, кто-то из Котов брезгливо стряхнул их с волос и плеч, буркнул что-то неласковое Когтю, который вмиг посерьезнел. Нет, глумливая улыбка так и осталась на физиономии, а вот глаза превратились в два осколка зеленого льда.

— Сколько шагов от храма до того места, где упала Лестана? — резко спросил он Ивара.

Молодой Кот на мгновение растерялся, но почти сразу ответил:

— Шагов сорок...

— Пятьдесят два, — буркнул Хольм и не сдержался, добавил: — А еще стрелок! — И повернулся уже к Когтю, пояснив: — От храма до лестницы ровно пятьдесят пять шагов. Моих. А госпожа Лестана немного не добежала до начала лестницы, но я ее нашел не там, а еще шагов на двадцать дальше и вбок.

— Ясно... — протянул Кот. В наступившей снова тишине он дотянулся до ножа, упавшего на стол, сунул его в ножны на поясе и веско уронил: — Это не он. Если и Волк, то другой, не этот.

— И с чего вы это заключили, господин Коготь? — впервые прозвучал холодный женский голос.

Все глаза, как по команде, обратились к матери Ивара, надменно прямой и горделивой, рядом с которой ее сын смотрелся лишь бледным подобием.

— Волк отменно бросает ножи, — спокойно продолжила женщина. — Это лишь доказывает, что он даже в темноте и с большого расстояния мог попасть в нашу бедную девочку. И попал, как мы видим.

— Это доказывает, госпожа Мирана, — усмехнулся Коготь, — что тот, кто бросил нож, хотел убить светлейшую Лестану. Перед вами Клык волчьей дружины. Он уж точно не новичок с оружием. Но на полусотне шагов он бы легко догнал девушку, незачем бросать нож. Ножом не останавливают, ножом убивают.

— Ну так он и хотел ее убить! — возразила жрица.

Хольм только стиснул зубы, понимая, что вмешиваться нельзя. А Коготь пожал плечами и спросил:

— Зачем? Он звал ее в жены. Прямо перед этим звал, и светлейшая Лестана это подтверждает. Девушку, которая отказала, не убивают. Ее догоняют и... уговаривают. Если он не удержал своего зверя, то почему не обернулся? А если соображал как человек, а не по-волчьи, то зачем убивать? Да еще потом на камни падать затылком, — хмыкнул он и покосился на Кайсу.

— Значит, это был не он, а другой Волк, — упорствовала жрица.

— А шкуру мы сдерем с этого? — ехидно поинтересовался Коготь. — Или нам все равно, какой Волк виноват? Подумаешь, все они черные, никакой разницы, да?

Жрица поджала губы, и Хольм про себя вознес краткую, но горячую благодарственную молитву

Луне. Советники Рассимора сомневались. Насмешливые речи Кайсы заставили их задуматься, а слова Когтя только подтвердили, что доказательства вины Хольма весьма зыбки. Еще чуть... Он видел, как ммурится и кусает губы Ивар, как в глазах Лестаны наконец-то вспыхивает живое чувство, пока еще непонятное, но уже не та глухая ненависть... И тут один из советников, до сих пор не проронивший ни слова худощавый Кот, одетый очень просто и без оружия, тихо сказал:

— Допустим, о Клыки и Когти Арзина, этот Волк и вправду не виноват. Но все мы ясно видим, что Луна отвернулась от правящего рода светлейшего Рассимора. Несколько лет назад он потерял сына. Все мы до сих пор скорбим об этой потере — молодой Эрлис воистину был украшением и гордостью клана. Мы приняли как наследницу его сестру — а теперь и она по воле богини едва жива и неизвестно, встанет ли на ноги. Да и если встанет... Я прошу прощения у светлейшего, но все мы знаем: госпоже Лестане почти двадцать, а она ни разу не призвала зверя...

— Довольно, — повторил Рассимор, но в этот раз его голос дрогнул, выдавая смятение. — Мы пришли говорить не об этом.

— Почему же? — с едва уловимой насмешкой возразил все тот же Кот. — Виноват сын Ингевальда или нет, казним мы его или нет, это не вернет нам наследницу клана и не сделает ее полноценной. Я первый поблагодарю Луну, если светлейшая Лестана, — он поклонился в сторону девушки, закутанной в покрывало, — сможет ходить. Но мы все знаем закон. Та, кто не призвала Рысь до двадцати лет, не может править кланом. А до этого дня... сколько недель? Две?

— Три, — уронил Рассимор, и Хольм чутьем ощутил бурлящую в нем ярость. — Три недели, — повторил вождь Рысей. — И вы забыли, господин Авилар, что моя дочь призвала зверя. Там на поляне пахло не только ею в облике человека, но и ее рысью! Лестана?

Он наклонился к девушке, мягко тронув ее за плечо, но Лестана едва слышно промолвила в тяжелой грозовой тишине:

— Я... не помню, отец. Я знаю, что моя рысь шла ко мне. Я... это чувствовала! Она мне снилась. И... другие приметы были. Но я не помню, чтобы успела призвать ее.

— Девочка моя, — старательно улыбнулся Рассимор, и Хольма резануло по сердцу жалостью. — Ты многого не помнишь, это понятно в твоём положении. Но ведь Рысь была! Дружинники Волков чуяли ее запах.

— Дружинники чуяли то, дружинники не чуяли этого... — презрительно сказал пожилой Кот в бархате. — Не много ли веры этим Волчатам, которых здесь даже нет? И нельзя взваливать бремя наследницы на больную девушку, которая то ли сможет выздороветь и призвать зверя, то ли не сумеет. Был бы жив Эрлис — дело другое! Такого лихого Кота я даже среди своих сверстников не припомню. А вот удержит ли клан его сестра?

— Не рано ли ты хоронишь мой род, Кердан? — с тихой угрозой поинтересовался Рассимор, и будь у Хольма сейчас шерсть, она встала бы дыбом, а так только мурашки по спине пробежали.

Пожилой Кот примирительно поднял руки, показав ладони, и вздохнул:

— Ну что ты, светлейший, говоришь? Мы друг друга сколько лет знаем! Лестана — хорошая девочка. Может, она бы и доросла до хозяйки Арзина, но ей сейчас поправиться надо. А роду твоему я верен! Чем тебе Ивар не наследник, а? И умен, и к старшим почтителен, и воин славный, и с молочных зубов при тебе. Мужчине с кланом управляться легче, а женское дело — семью хранить да обряды творить. Разве не так?

— Кердан прав, светлейший, — мягко сказал Авилар, что начал этот разговор, и Хольм постарался хорошенько запомнить вид и запах того, кто пытается отнять место наследницы у Лестаны. — Ивар — твоя кровь, причем благословленная богами. Его почтенная матушка — жрица в храме Луны, ни у кого язык не повернется сказать дурное про такое родство. А наследник — это еще не вождь. Просто... так всем будет спокойнее. И светлейшей госпоже Лестане в том числе.

Он улыбнулся так ласково и благостно, что Хольм пообещал себе, если останется жив, при случае непременно оторвет мерзавцу его короткий рысий хвост. И подарит Лестане, когда та обернется. У госпожи Сигрун любимая кошка вечно заячьими хвостами развлекается, гоняет пушистые комки по полу, а у Лестаны будет рысиний! Большой кошке — достойные забавы. И полезно — остальные подданные призадумаются!

Хольм покосился туда, где сидел Ивар. Морда битая, зато кровь — богами благословленная. Ну-ну... Что-то прогнило в прекрасном беломраморном городе, если ближайшие советники, благородные Клыки и Когти Арзина, позволяют себе указывать вождю, кого ему назначить наследником. И ладно бы наедине, в откровенном и нужном разговоре! Но нет, при всех! И, главное, при Лестане, а каково ей слушать это сейчас?!

— Ты прав, Авилар, — холодно ответил Рассимор. — Наследник — еще не вождь. И если Луна послала моему роду испытание, это еще не означает, что она гневается. Госпожа Арения сказала, что Лестана ранена тяжело, но не безнадежно. И это она, моя дочь, привезла нам договор с Волками, доставшийся такой дорогой ценой. Ивар же не справился с порученным ему делом — охраной наследницы.

— Как я мог?! — вскинулся тот, услышав свое имя. — Светлейший, она сама решила отправиться в храм, ничего мне не сказав!

Хольм снова посмотрел в сторону Лестаны, плотно сжавшей губы. Оправдываться девушка явно не собиралась. Ну да, в чем-то Ивара можно понять — трудно уследить за своенравной сестрой, сбежавшей из-под опеки! Но вот того, что Ивар открыл рот лишь сейчас, а не раньше, когда его открыто стали прочить на место Лестаны, Хольм спустить уже не мог.

В памяти ярко вспыхнула картинка — бывшая возлюбленная в объятиях Ивара. Рыжая коса Кота вьется по нарядной зеленой рубашке, Ингрид запрокинула лицо, подставляя губы...

— Может, надо было меньше с нашими Волчицами на празднике обниматься? — спросил он. — Ингрид, конечно, хороша, спору нет. И целуется сладко. Но тебя послали охранять сестру, вот и держался бы к ней поближе.

Ивар вздрогнул и повернулся к Хольму. Его опухшее лицо было похоже на маску, смешную и уродливую одновременно.

— Не твое дело, Волк, — прошипел он. — Осмелел? Думаешь, уже все в твою пользу решилось...

— Молчать, — холодно бросил Рассимор, и Ивар прикусил губу, так мучительно ему хотелось продолжить — по лицу было видно, однако Кот не посмел послушаться.

— Сегодня вечером госпожа Арения проведет ритуал исцеления для Лестаны, — тяжело сказал вождь и обвел всех ледяным пронзительным взглядом, Хольму даже поежиться захотелось. — Если ритуал увенчается успехом, это будет лучшим доказательством, что Луна не лишила мой род своей милости. Вы согласны с этим, Клыки и Когти Арзина?

— Невозможно спорить, светлейший, — отозвался Авилар, и остальные закивали, только Коготь не поднял головы, занятый очень важным делом — он пробовал остроту лезвия ножа на ногте большого пальца. — Если госпожа Лестана встанет на ноги и призовет зверя к своему двадцатилетию, кто же усомнится, что она избрана богиней для правления? Но пока она не может выполнять обязанности наследника.

— Это верно, — неожиданно согласился Рассимор, и его глаза очень мрачно сверкнули. — Что ж, если почтенный Совет хочет видеть моим наследником Ивара, я не буду противиться. Подойди, сын сестры!

Он достал из кошель на поясе медальон на длинной цепочке, а Хольм опять посмотрел на Лестану. Девушка сидела неподвижная, с безучастным застывшим лицом, на котором жили только глаза, устремленные куда-то вдаль. Хольм стиснул зубы. Если бы на месте Лестаны был Брангард, а на месте Ивара он сам... Он бы вызвал на поединок любого, кто посмел бы так оскорбить его брата! Пусть Лестана сейчас не может быть полноценной наследницей, но отнимать у нее это право — все равно что забрать оружие у воина, идущего на смертельный бой!

Ивар подошел и низко склонился перед вождем, встав на одно колено, а Рассимор накинул ему на шею золотую цепь с массивным медальоном и произнес:

— Носи с честью.

«Напрасное пожелание, — подумал Хольм. — Чести тут и не ночевало».

— А что с Волком-то решим? — равнодушно, почти лениво поинтересовался со своего места Коготь, и все взгляды снова обратились на Хольма. — Может, господа Авилар и Кердан и в этом нам подскажут?

— Не смеем прекословить воле вождя! — с усмешкой отозвался Авилар. — Светлейшему Рассимору виднее, как поступить с тем, кто замешан в беде его дочери.

— Мне виднее, — кивнул Рассимор, вдруг показавшись уставшим, словно пережил тяжелый бой. — Черные Волки отныне наши союзники. А вина Хольмгарда, сына Ингевальда, не доказана. Посему он останется моим гостем, пока не выяснятся все обстоятельства этого дела.

— Выяснятся ли... — пробормотал Кердан. — Хотя гость — это очень правильно... Светлейший как всегда мудр. Гость — это отличный гарант верной дружбы Волков.

«Гарант, — повторил Хольм новое для себя слово, чтобы лучше запомнить. — Гар-рант... А у нас это заложником называется. Но что-то легко Рассимор сдался. Эх, поговорить бы с ним по душам! Да хоть с кем-нибудь поговорить бы, спросить, что у них тут творится!»

Рассимор встал, показывая, что Совет закончен. Один за другим Рыси принялись кланяться вождю и покидать зал. Женщина с сединой, похоже, та самая целительница Ареня, подошла к Лестане и заглянула ей в лицо, а потом подняла с покрывала безвольно лежащую руку. Хольм поспешно отвел взгляд — никому не нравится, когда его видят слабым и беспомощным. Одернул себя: подойти к Лестане сейчас — еще больше унижить ее...

— Тебя отведут в комнату, — повернувшись к нему, с чудовищной усталостью сказал Рассимор. — Будешь моим гостем — сам слышал.

— Очень ценным гостем, — добавил подошедший Коготь. — А ценности надо хорошо охранять. Верно, Рас?

Вождь улыбнулся, и Хольм понял, что эти двое — старые друзья. Коготь махнул рукой, и в дверях показался тот же Кот, что привел Хольма на Совет. Поклонился вождю и своему вожжаку, вопросительно указал взглядом на Хольма.

— Стражу возле его комнаты не снимать, — распорядился Коготь. — Нашего... гостя — выделил он голосом с явной насмешкой — гулять одного не отпускать. А то еще заблудится. Или снова нос кому-то свернет. Дальше дворца и дворцового сада не уходить. Слышал, Волк?

— Не глухой, — отозвался Хольм. — А оружие гостю не положено?

— А зачем тебе оружие? — радостно удивился Коготь. — Разбойников у нас во дворце не водится, диких зверей — тоже. И даже мясо к столу подают мягкое, без ножа можно есть. Нет уж, Волк, погуляй пока так. А то мало ли, найдут еще кого-нибудь с твоим ножом в спине...

Хольм посмотрел вслед Лестане, которую два дюжих Кота вынесли из зала вместе с креслом, вздохнул и попросил:

— Скажите мне вечером, получилось или нет?

— Вот в этом можешь не сомневаться, — откликнулся Рассимор, устало потирая виски.

Глава 16

Воля Луны

Как же она ненавидела свое тело, ставшее беспощадным палачом и тюрьмой одновременно! Как мучительно хотелось встать, расправить плечи, потянуться... Сделать один-два шага и почувствовать жар, холод, боль в усталых мышцах — ну хоть что-нибудь!

Лестана изо всех сил боролась с невыносимым желанием закрыть глаза, спрятаться от мира хотя бы так и подождать, пока все снова станет хорошо. Или поплакать, купаясь в бессмысленной сладкой жалости к себе, или накричать на кого-нибудь... В общем, сделать что угодно, лишь бы не признаваться самой себе, что она тоже виновата в случившемся. И если ритуал не подействует, винить ей, кроме неизвестного убийцы, придется еще и себя!

Ну почему она не посоветовалась с Кайсой? Почему не взяла с собой больше охраны, не призналась Ивару... Да, у нее были причины для всего этого! Разумные причины, основанные на осторожности и размышлениях, которые тогда казались безупречно правильными. Но сейчас Лестана не могла не думать, что все должно было пойти иначе. И в то же время понимала всю бессмысленность этого. Что случилось, того не изменить.

А вокруг кипел Совет, и главы родов Арзина обсуждали ее глупость и легкомыслие. Пусть это и не звучало вслух, но Лестана понимала, что иначе они думать просто не могут. Они взрослые, умные, знающие и опытные... Они, наверное, никогда бы не оказались на ее месте, не растерялись от происходящего, не уступили безрассудной надежде на счастье. И даже случись подобное, они точно знали бы, что делать! Это только она оказалась ни на что не способной дурехой, как бы ни выгораживал ее отец, напоминая о привезенном договоре.

Вот Эрлис — прав советник Кердан! — выполнил бы любое важное поручение с честью и блеском! Эрлис никогда не ошибался, и то, что его больше нет, величайшее несчастье для Арзина. Все годы, прошедшие со дня смерти брата, Лестане никогда не давали забыть об этом, пусть даже взглядами, недомолвками и сожалениями. Она — неудачная замена! Как стекляшки, которыми вышивают праздничное платье. И всем ясно, что это не самоцветы и не жемчуг, но вежливость есть вежливость, да и платье все-таки выглядит с фальшивыми драгоценностями наряднее, чем совсем без них.

Она едва сдержалась, чтобы не заплакать, когда медальон с головой Рыси — ее медальон! — лег на грудь Ивара, блеснув на темно-зеленой шелковой рубаше. Это было справедливо и все-таки до боли обидно. Тело ничего не чувствовало, зато внутренняя боль души переполняла Лестану. И сквозь пелену на глазах, так и не пролившуюся слезами — единственная победа, которая ей удалась — Лестана не сразу поняла, что главы родов расходятся, а тетюшка Арения заглядывает ей в лицо и что-то говорит.

Она проморгалась и виновато улыбнулась целительнице. Рядом отец и господин Арлис разговаривали с Волком, и голоса всех троих звучали удивительно мирно, даже дружелюбно. На миг Лестана почувствовала себя преданной! Но в памяти всплыло то, что говорила Кайса... Да и сам Хольм сегодня показался ей на удивление рассудительным и спокойным, словно кипящая в нем ярость, которую Лестана чувствовала в Волчьем городе, притихла, спряталась. Хольм клялся, что не виноват! И Лестана впервые засомневалась. Что, если все они ошиблись? Вдруг это был не он?

Память тут же подсунула картину того, как Хольм делал ей предложение перед алтарем. И снова Лестану опалил изнутри страх пополам с обидой, но теперь она не могла бы точно сказать, чего в ее чувствах было больше. Обида? О, конечно! Злая, жгучая, до сих пор не прошедшая окончательно. И все-таки обижалась она на Брангарда, а боялась Хольма.

Почему?

Старший из Волков не причинил ей никакого вреда, это Лестана заставила себя признать. Он спас ее от Медведя! И в храме не позволил себе ничего неподобающего, не считать же, в самом деле, преступлением предложение брака?! Кайса — злюка рыжая! Ну почему она всегда оказывается права?!

Двое воинов из охраны дворца подняли ее кресло, и Лестана все-таки прикрыла глаза, чувствуя себя маленькой и беспомощной. Всего один день в родном доме, а она уже ненавидела жалостливые взгляды и шепот, в котором сочувствие мешалось с ужасом. Неподвижность — что может быть страшнее? А если ритуал не поможет? Она так и останется на всю жизнь пленницей собственного тела?!

— Не раскисай, девочка! — строго сказала Арения, когда воины внесли Лестану в покои целительницы и опустили кресло на пол. — Сегодня тебе понадобится и сила, и решимость.

— Особенно сила, — попыталась улыбнуться Лестана.

— А ты думаешь, сила — это крепость одного только тела? — удивилась Аренея, взмахом руки отпустив охранников. — Глупый котенок! Тело следует за разумом и духом, запомни это. Во всяком случае, должно за ними следовать по завету богини. Если тело берет верх над разумом, жди беды. А если дух слабее тела — тем более. Что, расстроилась из-за медальона?

— Нет, — дрогнувшим голосом упрямо ответила Лестана.

— Глупый котенок, — повторила Аренея. — Рассимор поступил как вождь и как любящий отец. Как вождь он не имеет права оставлять клан без наследника, живого и здорового. А как отец... Как отец он тебя, может быть, спас.

— От чего?

Лестана снова моргнула, пытаясь смахнуть ресницами непрошеную каплю слез. Аренея вздохнула и погладила ее по голове, словно ребенка.

— Глупый-глупый котенок, — повторила она снова. — Просто подумай, что, если Волки и правда не виноваты? Что, если след твоего убийцы ведет сюда, в клан? Ты об этом никогда не задумывалась? А вот Рассимор наверняка подумал. Да и Арлис не дурак, с чутьем у него все в порядке. А от этого всего так пахнет тухлятиной, что на весь Арзин разносится. Гнойные раны так пахнут, девочка моя... Если виноват кто-то из наших, он сейчас трижды подумает, продолжать ли на тебя охоту? Одно дело — наследница, и совсем другое — парализованная девочка, которая то ли встанет на ноги, то ли нет. А если даже встанешь, за три недели можешь не успеть призвать Рысь, и тогда убивать тебя вовсе никакого проку. Все равно что на весенних зайцев охотиться: ни меха, ни мяса. Понимаешь?

— Так отец... нарочно это сделал? — с трудом промолвила Лестана, не зная, чему ужасаться больше.

То ли тому, что Аренея так просто и обыденно говорит о страшном предательстве, возможном в их родном клане. То ли тому, что отец может быть с ней согласен. Но... кому тогда вообще верить можно?!

— А никому, — хмыкнула Аренея, и Лестана поняла, что спросила вслух. — Хотя... Отцу своему верить можешь. Матушке. Кайсе, пожалуй. Она девица хитрая, но честная, уродилась же такой по воле Матери Луны! И тебя как сестру любит. А больше — никому.

— И вам? — попыталась улыбнуться Лестана.

— И мне тоже, — очень серьезно ответила Аренея, глядя на нее испытующе. — Это я знаю, что ты можешь мне доверять, а тебе это знать неоткуда. Потому лучше не верь ни мне, ни остальным родичам. Я-то переживу, Луна мне свидетель, и даже не обижусь. А у тебя, глядишь, целее шкурка будет. Ну, хватит болтовни! Ритуал начнется на закате, у нас времени всего ничего. Тебе поесть надо! И не спорь! Телу нужна сила, но с полным желудком ни в битву, ни в постель, ни на лечение идти не стоит. Поэтому ешь сейчас, чтобы сытость к вечеру прошла.

И она снова погладила ее по голове, как несмышлениша.

Лестана хотела спросить, где будет сам ритуал, неужели ее так и понесут в кресле в главный храм Арзина, но не успела. Аренея стремительно вышла, и через пару мгновений ее требовательный голос командовал целительницами в другой комнате. Не прошло и нескольких минут, как Лестану накормили тушеным мясом, протертым, словно для беззубой старушки или ребенка, потом дали теплого травяного отвара, и пожилая помощница Аренеи проследила, чтобы все было съедено и выпито до капли.

Потом ее снова раздели и вытерли влажными полотенцами, а волосы осторожно промыли над принесенным в комнату тазом, подсушили и заплели в простую косу. Лестана уже привычно стиснула зубы от стыда, когда умелые руки целительниц помогли ее телу избавиться от лишнего, а потом осторожно одели ее в просторную рубашку из тонкой шерсти. Как ни странно, ей в самом деле было постоянно холодно! А ведь за окном только конец лета...

За хлопотами прошло несколько часов, она даже смогла немного поспать, не потому, что хотела этого, просто постоянная усталость снова взяла верх. Теперь Лестана уставала от всего: от разговоров, мыслей и даже, кажется, от дыхания.

«Я не хочу так жить, — мелькнула у нее мысль. — Если ритуал не поможет, умолю тетюшку Аренею дать мне что-нибудь... И буду надеяться, что она это сделает. Мать-Рысь, как же страшно во всем зависеть от других! Даже в том, жить мне или умереть...»

Когда солнце уже почти село, и его багровый шар скрылся за деревьями дворцового сада, в комнату вернулась Аренея, а следом за ней вошли Мирана и еще две немолодые жрицы.

— А отец? — дрогнувшим голосом спросила Лестана, которую снова усадили в кресло. — Матушка?

Тут же осеклась, понимая, что если бы матушка могла встать, они бы давно увиделись. Тревога за нее противно заворачивалась где-то внутри. Но отец? Неужели у него есть более важные дела?

— Рассимор сейчас придет, — сухо сказала Мирана. — Хотя вот ему здесь делать нечего. Не мужское это дело — вызывать к богине.

И она покосилась на Лестану так неодобрительно, что сразу стало ясно: главная жрица Луны чем-то очень рассержена.

«Может быть, это из-за Ивара? — подумала Лестана растерянно. — В зале Совета у него было что-то странное с лицом... Он ударился? Или подрался с кем-то? Но кто посмел бы причинить вред племяннику вождя?!»

— Зато быть рядом со своей дочерью, когда ей страшно и больно, очень даже мужское, — невозмутимо парировала Аренея, и взгляды двух жриц встретились, словно два клинка, только что не лязгнули.

Мирана первой фыркнула и отвела взгляд, а потом принялась доставать из наплечной сумки какие-то флаконы и расставлять их на столе. Следом за флаконами появились чаша, неприятного вида кривой нож, очень похожий на молодой лунный серпик, толстая книга в старом кожаном переплете.

С другой стороны стола Аренея сноровисто готовила принадлежности своего ремесла: бинты, банки с лекарствами и небольшую жаровню, которую тут же разожгла. У Лестаны сбилось дыхание от страха, и она огромным усилием воли смогла не зажмуриться. Хватит! Оттого, что не видишь опасности, та не исчезнет. К тому же здесь и сейчас ей пытаются помочь, а не навредить.

Но все равно смотреть, как Аренея прокаливает на жаровне нож, а потом протирает его резко пахнущей жидкостью, было жутко.

Приготовив все необходимое, жрицы переглянулись, и тут дверь открылась. Отец вошел в комнату и молча подошел к Лестане. Взял ее за руку, и хотя Лестана не почувствовала этого, ей все-таки стало легче.

— Во имя Луны да станут хранить молчание все, кроме избранных! — торжественно предупредила Мирана, и отец так же молча кивнул, но второй рукой погладил Лестану по голове.

Аренея же подошла к ней, присела на корточки и заглянула в лицо.

— Это будет больно, — предупредила она. — Лестана, милая... — Голос целительницы на памяти Лестаны еще никогда не был таким мягким, и от одного этого стало гораздо страшнее, чем от вида ножа. — Тебе еще никогда не было так больно, как будет сейчас. Поверь, если бы я могла взять эту боль на себя...

И она метнула быстрый, прямо молниеносный взгляд в сторону Мираны, которая сделала вид, что ничего не заметила.

— Я все еще прошу позволить мне... — тихо уронил отец, и Аренея нахмурилась.

— Нет, — отрубил она. — Об этом не может быть и речи. У твоей дочери молодое здоровое сердце, она выдержит. А тебе я запрещаю как целительница.

И снова почему-то глянула на Мирану, поджавшую губы.

— Отец, а как здоровье матушки? — поспешно спросила Лестана.

— Ей лучше, — шепнул Рассимор. — Она желает тебе...

И осекся под гневными взглядами обеих жриц.

Мирана открыла книгу и принялась нараспев читать литанию Луне. Новую, никогда не слышанную Лестаной ранее. Торжественный речитатив словно заполнил комнату, и у Лестаны закружилась голова. Аренея взяла ее свободную правую руку и быстро чиркнула ножом по запястью. Лестана ждала, что придет обещанная боль, ожидая ее почти с нетерпением, лишь бы почувствовать хоть что-нибудь, но тело так и не отозвалось. Лишь тонкая струйка крови, в закатных лучах темная, как спелая вишня, потекла из разреза в подставленную Аренеей чашу.

Две жрицы, пришедшие с Мираной, тоже запели, и Лестана очень быстро перестала различать их

голоса, сливающиеся в единый странный мотив. Голова кружилась все сильнее, как в раннем детстве, когда она слишком высоко раскачала веревочные качели в саду... Арения поставила чашу на жаровню, и в комнате отвратительно запахло паленой кровью, впрочем, почти сразу целительница убрала чашу с огня и бросила в него сухие травы. Потом подошла к Лестане и склонилась над ее головой. Лестана не видела, что делает Арения, но та пошевелила ей волосы на макушке и тихо сказала:

— Будет совсем невтерпеж — кричи. Кричи, плачь, ничего постыдного в этом нет. Все равно шевельнуться не сможешь. А ты... — Она явно глянула на Рассимора. — Не смей мне мешать. Если не уверен, что выдержишь, лучше уйди.

— Нет, — уронил отец, и Лестане на миг показалось, что она все-таки чувствует его руку на своей.

Но только на миг.

— Помоги нам Луна! — выдохнула Арения.

Три голоса, Мираны и ее спутниц, взмыли к потолку, из пения превращаясь в жуткие завывания, Лестана снова почувствовала прикосновение к волосам, а потом в нее ударила молния, пронзив насквозь. Дыхание перехватило, и непереносимо долго Лестана корчилась внутри тела, которое не могло двинуться, но пылало и плавилось каждой частицей. А потом дыхание вернулось, она закричала и кричала до тех пор, пока не захлебнулась в рыданиях. А боль все длилась и длилась, так что когда с очередной ее вспышкой тьма обрушилась на Лестану и поглотила, это стало самым лучшим, что могло случиться с ее измученным телом и таким же измученным разумом.

...Сознание возвращалось медленно. Лестана глотала воздух, еще боясь поверить, что боль закончилась. Попыталась двинуть рукой — и заплакала бы, но слезы словно выжгло, или они кончились. Ничего! Такая мука — и ровно ничего не изменилось!

Она прислушалась, вдруг поняв, что странные звуки, лезущие в уши, это голоса.

... — Она не выдержит! Вы с ума сошли, если собираетесь делать это каждый день! Сколько раз? Десять? Дюжину? У нее же сердце разорвется!

Это отец... Лестана попыталась приподнять налитые свинцом веки и сказать, чтобы отец не волновался. Она будет терпеть, сколько нужно. «Каждый день? — повторила она про себя. — Дюжину раз? Это... можно пережить?»

— А ты знаешь другой выход? — с бесконечной усталостью в голосе отозвалась Арения. — Хотя мы все его знаем. Да, Мирана?

— Выход? — переспросила главная жрица с ледяной тихой яростью. — О да! Ну конечно! Заставить Ивара платить за то, что натворила эта безрассудная девчонка?! Перебросить ее боль на него?! Я не для того рожала сына, подаренного мне Луной! Ивар не виноват в том, что случилось с Лестаной! И отдавать свою жизнь за нее он не будет! Или вы хотите лишить клан еще и этого наследника?

— Да-да, он ни в чем не виноват, — с ядовитой ласковостью процедила Арения. — Сначала он из шкуры выпрыгивал, чтобы отправиться с посольством — ну как же, уже совсем взрослый! Потом загулял с волчицами и проморгал наследницу. А теперь он ни в чем не виноват! И вообще сам наследник, так что его теперь и за хвостик дернуть нельзя — вдруг оторвется...

— Арения! — взвизгнула верховная жрица.

— Хватит, — измученно уронил отец. — Она просыпается. Лестана, девочка моя, как ты?

Лестана все-таки приоткрыла глаза и хотела сказать, что все хорошо... Ведь хорошо, да? Ничего не болит... Оказывается, когда у тебя ничего не болит — это почти счастье! Но только жалко и беспомощно улыбнулась.

— Не помогло, — прошептала она. — Почему не помогло? Вы же обещали...

— Лестана, послушай... — Арения села перед ней прямо на пол, тяжело опустившись и сплетя пальцы перед собой на коленях. — Ты помнишь тот день, когда вы с Кайсой были в храме первый раз? Когда просили милости Луны?

Говорить было слишком тяжело, и Лестана просто опустила ресницы, а потом снова подняла их. Обвела взглядом комнату и заметила, что жрицы, пришедшие с Мираной, ушли. Сейчас в комнате были только она сама, лежащая в кресле, отец и обе тетушки.

— Что ты тогда попросила, девочка? — мягко спросила Арения. — Вспомни слово в слово. Это очень важно. Давай, милая, никто тебя не осудит!

— Я...

Лестана всхлипнула, вспомнив тот проклятый день так ясно, словно все случилось только что. Дура! Какая же она была дура, прося о невозможном!

— Я... просила... стать Рысью, — выдавила она под взглядами Аренеи и Мираны, вставшей за плечами целительницы. — И любви...

— Любви? — ровным голосом уточнила жрица. — Как именно ты ее просила? Лестана, скажи слово в слово.

— Любви... и быть любимой... — прошептала Лестана. — Чтобы... мой муж... любил меня... Даже если я никогда не стану Рысью. Чтобы он... любил меня. Не моего зверя. Не мой титул... Меня...

— Мать Луна! — выдохнула Аренея, и Лестана увидела, как светло-желтые глаза целительницы расширяются, становясь круглыми, будто она собирается призвать зверя. — И мы еще удивляемся, что не помогло! Лестана, глупый ты котенок!

Она встала и подошла к столу. Налила из глиняной бутылки в стакан какой-то жидкости и одним махом выпила ее, а потом повернулась к остальным.

— Я не понимаю, — уронил отец. — Аренея, объясни.

— Нет уж, — мрачно сказала целительница, и у Лестаны отвратительно потянуло внутри предчувствием беды. — Это дело жрицы — толковать волю матери нашей Луны. Вот пусть Мирана тебе и объясняет.

А потом прошептала несколько слов, которые Лестана краем уха слышала от воинов, но ей самой их даже знать не полагалось.

— Мирана?

По голосу было слышно, что отец теряет терпение.

Жрица скрестила руки на груди и все тем же ровным тоном, который Лестана уже успела у нее возненавидеть, произнесла:

— Светлейший брат мой, дай себе труд подумать — и ты сам все поймешь. Что просила Лестана — то она и получила. Она пожелала мужа, который будет любить ее. Но когда Мать наша Луна привела к ней мужчину, готового любить ее, желающего поклясться ей в верности, что сделала твоя дочь? Она его отвергла! Отказала ему перед алтарем Луны, оскорбив богиню, которая исполнила ее просьбу.

— Я просила любви! — хотела крикнуть Лестана, а получился шепот. — Любви взаимной... настоящей... чтобы... любить... и самой... Я хотела... не его...

— А вот это нужно было говорить иначе! — сверкнула на нее глазами Мирана. — Ты просила любви, ты ее получила. Иначе этот дикарь не предложил бы тебе свою клятву. Нужно было головой думать, а не хвостом! Ты ведь не назвала имя того, кого выбрала в мужа?

Лестана онемела, не зная, что ответить. Она... Она действительно не упомянула в своей молитве Брангарда! Была так полна глупой влюбленностью в него, что даже не подумала назвать имя. Всем известно, что богиня читает в душах! Так разве Луна могла подарить ей чью-то другую любовь?!

— И теперь Луна не исцеляет мою дочь, потому что... оскорблена? — тяжелым бесцветным голосом спросил отец.

— Луна не обидчивая девица! — фыркнула Мирана. — И не карает глупых девчонок, не знающих, чего они хотят. Но слово было сказано. У священного озера, хоть и в землях дикарей, еще и с даром, наверное? Что ты пожертвовала?

Она глянула на Лестану.

— Прядь волос...

— Молитва и жертва свершились, — холодно подытожила Мирана. — Не знаю, почему выбор матери нашей и покровительницы пал на этого дикаря. Возможно, это должно было стать уроком? Во всяком случае, нельзя просить богиню о втором даре, отвергнув первый. Светлейший брат мой, твоя дочь не исцелится, потому что сила Луны не проходит через ее тело должным образом. А этого не случится, пока она не смирится перед волей богини и не примет все, что было ей послано по ее же молитве.

— Ты хочешь сказать... — медленно начал отец. — А если бы мы его казнили?

— Ну не казнили же, — возразила Аренея, наливая в стакан еще порцию питья. — Честно говоря, я тоже не понимаю — почему он? Только выбора у нас особого нет. Зато появляется очень интересная возможность...

— Не выйдет! — бросила Мирана. — Даже если его заставить. Он не родич по крови!

Ее взгляд опять скрестился с взглядом Аренеи. Лестана смотрела то на одну, то на другую женщину, ничего не понимая и, главное, отчаянно боясь понять. Обе жрицы, хотя одна служит богине в Храме, а вторая — в лазарете. Обе ее, Лестаны, тетки, хоть и с разной стороны... И наверняка обе желают ей добра! Но эти намеки... Не могут ведь они вести к тому, о чем Лестана даже думать не хочет?

— А если выйдет? — спокойно спросила Аренея. — Родич по браку — почти родич по крови. И если уж сама Луна предназначила его нашей девочке, эта связь будет попрочнее иных-прочих. Опять же, крепкий здоровый лось... то есть волк. Что скажешь, Рассимор?

— Я бы шкуру сам с себя содрал, если бы... — Голос отца прервался, а потом он с ожесточением добавил: — Он согласится. Или эту шкуру я сниму с него.

— Согласится на что? — спросила Лестана чистым и сильным от испуга голосом. — А я? Я на это соглашусь?!

Отец и обе тетушки посмотрели на нее, и под этими взглядами Лестана закаменела. Только в сознании билась, как залетевшая в дом птица, одна-единственная мысль: если бы тогда у озера знать, чем обернется ее просьба... Никогда бы Лестана не просила милости у той, кто умеет читать человеческое сердце, но отвечает на его мольбы языком равнодушной и непостижимой божественности.

А в третьей комнате оказалась спальня! Только увидев здоровенную кровать, на которой можно было круг для поединков начертить, Хольм понял, что ошибался, и та скамья в первой комнате не для сна. И сама комната для еды или чтобы гостей принять, а спать нужно здесь, на огромном ложе, застеленном тонким льняным бельем, с несколькими подушками, двумя одеялами — тонким и толстым, — да еще и красивым покрывалом, темным, в тон меховому ковру.

«Ну, хоть что-то привычное, — вздохнул Хольм, рассмотрев роскошную медвежью шкуру возле кровати. — И у нас, между прочим, ничуть меха не хуже. А за три... нет, за целых четыре подушки меня бы собственные дружинники на смех подняли! Еще и одеяла эти... Ну что уж теперь, не на полу же спать!»

Он последний раз окинул взглядом уютную спальню с плотными занавесями на окнах и вышел в первую комнату. Пока длился Совет, кто-то забрал грязные вещи Хольма и посуду со стола, зато появился другой поднос, а на нем тарелки с ломтиками копченого мяса и сыра, хлеб и печенье, маленькие пышные пирожки и два кувшина, один — с молоком, второй — с горячим травяным отваром. На одного, пусть даже голодного, здесь было многовато, а Хольм и голоден-то не был, успел поесть перед Советом.

Задумчиво почесав нос, он прошел к двери и выглянул в коридор. Тот же самый Кот, что водил его на Совет и обратно, встрепнулся у противоположной стены, где стоял на карауле. Давно уже стоял, между прочим. И что-то Хольм не слышал, чтобы кто-то еще к нему подходил.

— Зайди, — мотнул он головой на вопросительный взгляд Кота.

Дождался, когда тот войдет в комнату и пояснил, кивком указав на накрытый стол:

— Скучно одному. Будешь?

— На посту не положено, — сдержанно отозвался Кот, но взглядом на еду вильнул, правда, тут же отвел глаза.

— На посту хмельное не положено, — возразил Хольм. — Так я тебе и не предлагаю, у самого выпить нечего. А перекусить — в том никакого греха нет. Тебя когда на пост определили? Утром, как только меня привели? А сейчас уже закат. Если не успел пожрать, пока я на Совете был, так и ходишь голодным. А от голодного сторожа толку никакого!

И добавил, видя, что Кот явно колеблется:

— Ты же меня охраняешь? Ну и какая разница, с какой стороны двери это делать? Изнутри даже удобнее — меня здесь лучше видно.

— С этим не поспорить, — усмехнулся Кот. — Ну, если так... А ты и правда у Волков Когтем был?

— Клык, — поправил его Хольм, садясь на лавку так, чтобы оставить достаточно места и Коту. — У нас это называется Клык. Был. Что, не похож?

— Молод... — уронил Кот, тоже присаживаясь и уже без лишних заминок цепляя с блюда пирожок. — Постарше никого не нашлось?

— Да сколько угодно, — ответил усмешкой Хольм. — Только ты видел пасть, в которой всего один клык, пусть даже крепкий и длинный? Или лапу с одним когтем? Толку от такой пасти или такой лапы. У нас в старшей дружине в кого ни ткни — хоть завтра может меня заменить. Только им лениво. Матерые все, умные, зад лишний раз от лавки не оторвут, а Клыку на месте не посидеть.

— Это да, — согласился Кот. — И сын вождя, опять же! Кстати, прошу прощения у светлейшего за дерзость. Ну, насчет молодости!

И он, не вставая, изобразил поклон, ухитрившись сделать его одновременно почтительным и глумливым.

Хольм взял пирожок, уложил на него ломоть мяса побольше, накрыл сыром и так сунул в рот. Раскусил, прожевал и зажмурился от удовольствия: пирожок оказался с кисленькой вишней, и вкус мяса это ничуть не испортило, совсем наоборот.

— Дать бы тебе в глаз, — вздохнул он мечтательно и тут же с сожалением признался: — Но нельзя. Если назвался гостем, надо вести себя прилично. Да и тебе ваш Коготь не спустит, если подеремся.

— Арлис-то? Ни за что не спустит, — подтвердил Кот, закидывая в рот остаток пирога. Проглотил его и вкрадчиво сказал: — А вот если светлейший гость вдруг пожелает завтра по дворцу прогуляться, я могу сводить на учебную площадку. Посмотрим на других, а то и сами разомнемся.

— Вот это вам тут скучно, — оценил Хольм. — А своди! Рысей в драке я еще не видал, занятно будет...

На звук открывшейся двери они обернулись оба. Кот вскочил на ноги, и Хольм успел подумать, что если тому и правда влетит, надо бы взять вину на себя, но не успел. Вошедший Рассимор мазнул по соплеменнику мрачным взглядом и кивком указал на дверь. Кот, чье имя Хольм так и не узнал, поклонился и выскочил в коридор, а Рассимор опустился на лавку там, где только что сидел охранник.

Плеснул из кувшина травяного отвара в стакан, отхлебнул, поморщился, и было видно, что вождю Рысей до смерти хочется выпить чего-нибудь покрепче.

— Лестана? — выдохнул напряженный, как тетива, Хольм.

— Жива, — бросил Рассимор и глянул на него исподлобья. — Но лечение не помогает.

Помолчал и добавил, уставившись на стол, но вряд ли замечая на нем что-нибудь:

— Не думал, что скажу это вслух, но Луна и вправду разгневалась на мой род. Единственный сын погиб, родной племянник... ну ты сам его видел... А теперь и Лестана... Помолчи, — оборвал он уже открывшего было рот Хольма. — Не о том сейчас речь. Или не только о том.

Он снова глотнул травяного отвара, в котором Хольм явно слышал запах шиповника и мяты, а потом жадно допил остальное. Похоже, изрядно во рту пересохло.

— Кайса говорит, что ты считаешь себя истинной парой Лестаны, — сказал Рассимор наконец. — Ей твой брат об этом сказал. Правда?

— Не знаю, — отозвался Хольм. — Откуда мне понять, так это или нет? Я только знаю, что люблю ее. Это правда.

— Честный... — проговорил Рассимор, как ругательство. — И молчал! А ведь я тебя мог и казнить. Вот истинную пару своей дочери — ни за что! А просто Волка — мог бы. Не веришь?

— Почему же, верю, — пожал плечами Хольм. — Ну и что это меняет? Лестана меня своей парой все равно не признает. И для нее, казни вы меня, ничего бы не изменилось. Она же не понимает, каково это, слышать своего зверя. Может быть, и никогда не поймет. Но это ведь тоже ничего не меняет.

— У вас там все такие? — мрачно поинтересовался Рассимор. — Вроде бы братец у тебя совсем иной... А ты всегда говоришь, что думаешь?

— Нет, — хмыкнул Хольм. — Я чаще молчу, что думаю. Но иногда говорю. Вот как сейчас. Господин Рассимор, вы ведь зачем-то пришли. Вам от меня что-то нужно, да?

— Нужно, — обреченно согласился вождь Рысей. — Я пришел сделать ужасную глупость. Как ни посмотри, ничего хорошего. А другого выхода нет. Ни у меня, ни у Лестаны. Значит, и у тебя не будет, Волк. Ты это учти, если решишь мне отказать.

— Вы мне еще ничего не предложили, а уже пугаете, — усмехнулся Хольм и тоже плеснул себе кислого отвара. — Может, я не откажусь.

Рассимор снова на него странно покосился, а потом уронил, стискивая пустой стакан в побелевших от напряжения пальцах:

— Я хочу, чтобы ты женился на Лестане. Немедленно, сегодня же ночью.

Хольму показалось, что он ослышался. Или спит. Или бредит. Но вождь Рысей, сидящий рядом, вроде был настоящим, и Хольм, переведя дух, осторожно уточнил:

— Зачем? То есть вам это зачем?

И тут же понял, что каким бы ни был ответ, искать его истоки нужно в простых и омерзительно безнадежных словах «лечение не помогает».

— Мне — не нужно! — отрезал Рассимор. — Я все еще не знаю, кто виноват в беде моей дочери. И если пойму, что это ты... Но жрицы говорят, что тебя и Лестану связала сама Луна. А еще... — Он опять помолчал, потом пошевелил губами, подбирая слова, и наконец выдавил: — Ритуал. Тот, который может помочь. Он сводит с ума от боли. Я слышал, как она кричала... Лестана... Видел, сколько боли в ее глазах. Моей девочки... И я не мог забрать ее боль. А ты — сможешь. Если войдешь в мой род ее супругом, брачная клятва свяжет вас. И ты сможешь отдать Лестане свои силы для исцеления и забрать ее боль. Понимаешь?

— Так... — Хольм попытался сосредоточиться, но мысли расплывались, будто вместо травяного отвара он хватил на пустой желудок бутылку крепчайшего вина. — Я могу помочь Лестане?

— Да, — угрюмо бросил Рассимор.

— А в чем тогда подвох? Почему вы думаете, что я не соглашусь?!

— Лестана тебя не любит, — бесстрастно сказал Рассимор и впервые развернулся к Хольму, глянув ему прямо в глаза. — И я не буду принуждать мою дочь к браку с тем, кого она...

— Ненавидит? — ровно подсказал Хольм.

— Не хочет видеть своим мужем, — угрюмо поправил Рассимор. — Я мог бы тебе солгать. Пообещать с три короба... Но во всем случившемся и так слишком много внимания богини, чтобы навлекать ее гнев ложными клятвами. Ты женишься на Лестане, хочешь ты этого или нет. И ты сможешь ей пережить лечение. Клянусь самым дорогим, что у меня есть, самой Лестаной! — Он поднял руку, заставляя Хольма молчать. — Если спасешь мою дочь, я отпущу тебя. И пока жив — буду самым надежным союзником Волкам, а тебя... награжу по заслугам. Но по-настоящему мужем моей дочери ты не станешь. Прикоснешься к ней против ее воли — убью. Напугаешь ее или причинишь вред — и клянусь, тебе Ивар с его выходками мягче заячьего хвоста покажется. Ты это понимаешь, Волк?!

— Понимаю, — уронил Хольм. — Я на ней женюсь. И заберу ее боль при лечении. Она выздоровеет. Сможет призвать свою Рысь, и те, кто хотел в наследники Ивара, утратят собственными причиндалами. А после этого я вам буду уже не нужен. Если мы с Лестаной не станем парой по-настоящему, она потом сможет выйти за кого-то другого, так? Ну, а если я попытаюсь ее принудить, вы мне голову оторвете...

— Да.

— Под хвост себе свои угрозы засуньте, — посоветовал Хольм. — Вместе с наградой. Может, у вас тут принято домогаться беспомощных девушек, но я себя не в выгребной яме нашел. По мне, так все эти разговоры про истинную пару выеденного яйца не стоят. Лестана должна встать на ноги, и если для этого нам с ней надо пожениться, то... какого собачьего огрызка мы ждем?

Глава 17

Полуночная свадьба

Не такой Лестана представляла свою свадьбу. Какая девушка, пусть даже самая скромная, не думает об этом хоть иногда?! Она с детства знала, что ее судьба — выйти замуж ради клана, и ей очень повезет, если муж окажется достоин не только уважения, но и любви. И счастья в семейной жизни ей никто не может обещать. Но свадьба! В этот день хоть наследница вождя, хоть дочь простого охотника или крестьянина чувствует себя луной среди звезд — ослепительно красивой, купающейся в чужом восхищении и внимании, неповторимой и бесценной...

Так получилось, что у нее почти не было подруг. Разве что Кайса — но она не в счет. Кайса не столько подруга, сколько сестра, причем старшая, хотя родилась всего на несколько месяцев раньше и в другой семье. А вот с остальными девушками Лестане было сложно. О, конечно, все они были очень милы с ней, звали на праздники, предлагали дружбу, щебетали о секретах и новостях... Но Лестана никогда не могла никому довериться полностью, потому что дочь вождя принадлежит в первую очередь клану и только потом — самой себе.

С самого детства ее учили: все, что говорится и делается дома, должно здесь и оставаться. Нельзя обсуждать с подругами, о чем беседовали взрослые, на кого злится отец или почему грустит матушка, кто заглянул к ним в гости поздно вечером, скрываясь от чужих глаз и ушей, и какие поручения выполняет уже подросток Эрлис. Лестана привыкла быть скрытной со всеми, кто не принадлежал к их тесному мирку, да и в нем следовало всегда помнить, что нельзя отвечать на вопросы тетушки Мираны о тетушке Аренее — и наоборот. Почему — она сначала не думала, а потом матушка объяснила, что сплетничать о других — гадко и недостойно.

А подруги... Они ждали, что Лестана будет с ними так же откровенна, как они с ней, и, не дождавшись, считали ее заносчивой гордячкой. Она же просто не могла и не умела раскрыть душу еще кому-то, кроме Кайсы. Притом, дочь вождя всегда должна быть примером и образцом благородного поведения. Ей нельзя шалить и болтаться без дела, сбегать из дома, чтобы погулять по улицам Арзина, заглянуть на рынок и полюбоваться на новое представление уличного театра.

Нет, конечно, погулять она могла! И даже вместе с подругами, это как раз было обязательным. Только для этого следовало одеться, как подобает, чтобы издалека было видно знатную девицу, и обязательно взять с собой охрану. А какое веселье и болтовня под бдительным присмотром пары дружинников?!

А потом погиб Эрлис, и на заплаканную Лестану, для которой в одночасье рухнул мир, обернувшись темной жуткой стороной, надели медальон наследницы и сказали, что теперь она должна исполнять свой долг перед кланом. Было много уроков и наставлений, Лестана отчаянно старалась, но все равно чувствовала, что на нее смотрят с обидной снисходительностью.

Она могла днями помогать отцу с торговыми делами Арзина, с улыбкой выстаивать долгие часы на храмовых праздниках и приемах гостей из других кланов, помнить наизусть налоговые отчеты за последние десять лет, но все это меркло перед тем, что Лестана никак не могла сделать. Она не была Эрлисом. Умным, сильным, блистательным Эрлисом, гордостью клана, предметом обожания всех, кто его знал! Она была всего лишь собой, и этого всегда оказывалось мало.

А подруги у нее после этого и вовсе исчезли. Лестана не обижалась — она сама была в этом виновата. Девушки доверяли ей то, что их волновало, говорили о новых нарядах и драгоценностях, о пылких взглядах молодых Котов и о том, кому отвечает их собственное сердце... А Лестана слушала, кивала, но думала при этом, что завтра нужно прочитает отчеты торговой гильдии и обсудить их с отцом. А отчетов — огромная кipa! И лучше бы она прямо сейчас начала заниматься ими, а не пыталась понять, на кого из трех молодых дружинников ей вздохлеб жалуются, если разница между ними, судя по рассказу, только в цвете глаз.

И, конечно, было чуточку больно сознавать, что она сама не имеет права даже на эти милые глупости вроде встреч в саду или на охоте, переглядываний, улыбок, подаренных тайком ленточек и полученных сережек... Вот Кайса могла встречаться, с кем захочет! Понятное дело, воспитанница вождя не выйдет замуж за первого попавшегося оборотня, одобрение семьи ей все равно потребуется, но никто не заставил бы ее отдать руку и сердце только потому, что это нужно для клана.

А Лестана знала, что отец любит ее и никогда не заключит брак только из выгоды, но... Да, ей позволили выбирать из двух сыновей Ингевальда, но каким же бедным оказался этот выбор. Хитроумный расчетливый Брангард или угрюмый звероподобный Хольм...

И даже этого выбора судьба и собственная глупость ее лишили. Так стоит ли плакаться из-за того, что и свадьба оказалась совсем не такой, как представляла Лестана? Самая мелкая и незначительная из ее потерь! А что на глаза наворачиваются слезы, так это из-за запаха свечей, в

которые переложили ароматического масла.

Она на миг зажмурила глаза, сморгнула радужную пелену и снова посмотрела на прямой и тонкий силуэт Аренеи. Прекрасная осанка целительницы скрывала и возраст, и усталость после проведенного этим вечером ритуала исцеления, хотя Лестана видела, что далось ей это нелегко. Аренея стояла возле алтаря, одетая в длинный белый балахон с золотым поясом — единственная дань торжественности происходящего. Мнимой торжественности, конечно.

Ну какая красота и великолепие могли быть сейчас, ночью, в маленьком храме, затерявшемся среди огромного дворцового сада?! На тайной свадьбе, где почти нет гостей, только необходимое число свидетелей, да и те мрачны, словно на похоронах, невеста едва сдерживает слезы, а жених похож на статую, грубо высеченную из дикого камня, так темно и неподвижно его лицо...

Да, не так Лестана себе это представляла. В девчоночьих мечтах ей когда-то виделась настоящая свадьба, как у любой знатной девушки. Радостные гости с поздравлениями и подарками, залитый солнечным светом огромный храм, цветы и венки повсюду, хор жриц, чьи ликующие голоса взывают к самому небу... Платье! Самое красивое на свете платье! Не ради гордости самой Лестаны, а чтобы быть прекрасной в глазах жениха! Белое, расшитое серебром, чтобы в цвет ее волос и глаз... А еще — радостное волнение, тайный трепет, жаркий сладкий стыд при мысли о том, что будет брачной ночью... И много-много счастья хотя бы ненадолго, пока не началась семейная жизнь, в которой бывает всякое!

Какой же наивной маленькой дурочкой она была... Лестана снова сморгнула слезы.

Что ж, хотя бы этот храм она любит гораздо больше, чем главный храм Арзина, где непременно проходила бы ее настоящая свадьба. Там просторно, стены расписаны чудесными фресками, колонны украшены резьбой, а гостей можно вместить столько, что хоть пол-Арзина приглашай. Но... Лестане почему-то всегда было тепло и спокойно именно здесь, хотя крошечный храм, больше похожий на придорожную часовню, был давно заброшен и в детстве служил ей с Кайсой для игр.

Отец говорил, что службы в нем велись очень давно, когда дворец только строился, и богатых больших храмов в Арзине еще не было. Он даже по виду был совсем простым: четыре огромные каменные колонны, облицованные кое-где отвалившимися мраморными плитами, а вместо стен — каменная решетка, увитая диким виноградом. И никакой крыши, чтобы лунный свет беспрепятственно падал на алтарь, тоже простой и древний, всего лишь каменный куб, грубо обтесанный и украшенный знаком Луны — два полумесяца спинками к полнолунному кругу.

Сейчас в храме горела дюжина свечей в принесенном подсвечнике, но их сияния едва хватало, чтобы рассеять полумрак. Лестане было бы легче, озари происходящее хотя бы лунный свет, но лик Прародительницы спрятался за тучами, словно она не хотела смотреть на то, что здесь творится. Может быть, это плохое предзнаменование?

Мирана сказала, что ритуал не помогает, потому что Лестана пренебрегла милостью Луны, но что, если она ошиблась, хоть и главная жрица? Вдруг Луне вовсе не угоден этот брак?! Может быть, в этом истинная причина того, что ритуал проводит Аренея, жрица-целительница, а Мирана с Иваром даже не должны о нем знать, как строго-настроено велел отец. Или... он настолько не доверяет собственной сестре и племяннику? Непонятно даже, что страшнее — гнев богини или такой разлад в их семье...

Тихий голос Аренеи зазвучал от алтаря, и рука отца легла Лестане на плечо. Прикосновение, конечно, не удалось почувствовать, но Лестана видела ее, и на душе стало самую капельку легче. Отец ведь не может ошибаться, правда? А он согласился на этот брак и даже как-то уговорил Хольма.

Лестана едва сдержала позорный всхлип. Ей придется выйти за мужчину, который берет ее в жены по принуждению! Что бы ни говорил отец, уверявший ее, что Волк пошел на это добровольно, вот в этом Лестана ему верить не собиралась. Хольм добровольно женится на девушке, которая его отвергла, предпочтя его брата?! На девушке, из-за которой его едва не казнили, а теперь держат пленником в чужом городе?! На калеке, в конце концов! Да, он говорил, что любит... И даже просил у нее брачную клятву. Но если у Волка к ней и были чувства, разве они выдержат такое?!

«А еще он пытался тебя убить, — безжалостно напомнила себе Лестана. — Хотя...»

Она невольно вызвала в памяти Совет и насмешливую речь Кайсы. Любимая подруга явно не верила в вину Хольма, да и выглядело все в ее изложении так, что Лестана сама усомнилась бы, если бы услышала эту историю из чужих уст. И отец... Он держится с Хольмом настороже, но все-таки совсем не как с убийцей. Так кому же верить?! Самым родным и близким или собственному страху перед огромным мрачным Волком, который все равно как-то связан с ее несчастьем?!

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, она отвела взгляд от правой стороны, где рядом с ее креслом высилась фигура Хольма, и посмотрела на отца. Он тоже переоделся для ритуала, на его бархатной

рубашке поблескивала широкая золотая цепь с медальоном, почти таким же, как у Лестаны, только больше и массивнее — знаком вождя. Волосы он гладко зачесал и заплел в простую косу, лицо казалось еще строже и резче обычного, словно Лестана смотрела не на живого человека, а на мраморную статую. Раскрашенную, но все равно неживую. Сердце защемило от боли и вины... Что с ним и матушкой было бы, погибни Лестана в Волчьем городе?! И каково им сейчас переживать все это?

А матушка прийти не смогла, и Лестана твердо пообещала себе, что завтра же попросит отнести себя к ней. И будет умолять о прощении...

Рядом с отцом стояла Кайса — одна из двух положенных по закону свидетелей. Подруга сменила обычное платье на дорогой наряд из темно-зеленого бархата, расшитого золотом, словно эта свадьба была настоящей, и на укоризненный взгляд Лестаны только фыркнула, заявив, что не собирается выглядеть оборванкой, когда ее названная сестра выходит замуж, — еще чего! Ну и что, если храм маленький и гостей нет? Так даже лучше, никто на подол не наступит и не будет спину глазами сверлить!

И вообще, ей, Кайсе, такая свадьба очень даже по душе. Все, кто нужен, здесь, а приглашать и кормить толпу дармоедов, которые явятся перемыть кости хозяевам и набраться сплетен, вовсе не обязательно. «Кайса... такая Кайса! — вздохнула про себя Лестана. — Но в одном она права, видеть сотни жалостливых взглядов, из которых изрядная часть — лицемерные, сейчас и вправду было бы непереносимо».

Она снова заставила себя глянуть направо — на Хольма. Последний раз она слышала Волка на Совете, когда он оправдывался перед главами родов. Впрочем, нет, не оправдывался, уж это Лестана могла понять. Просто рассказывал то, что считал нужным, не особо заботясь, поверит ли ему кто-нибудь. Сильный, дерзкий, источающий внутреннюю мощь, он пугал, но вместе с тем странно завораживал, и иногда Лестане хотелось посмотреть на него, как она смотрела бы на истинно дикого зверя, пожар или бурную реку. То, над чем не имеешь никакой власти...

И это — ее супруг? Рысь-прародительница, хоть бы отец не сошел с ума, устраивая этот брак! Пусть и ненадолго, пусть ненастоящий, но сердце замирало, стоило представить, что они с Хольмом останутся наедине хотя бы в брачную ночь.

Рядом с Хольмом стоял Арлис, второй из необходимых двух свидетелей, и Лестана впервые увидела, чтобы кто-то пришел в храм с оружием. Нет, прямого запрета на это не было, но ни один разумный оборотень не оскорбил бы Луну таким непочтением и недоверием к святости ее храма. Известно ведь, в храме запрещены поединки, а драки или убийства караются с особой строгостью, не только как преступление, но еще и как святотатство. И все-таки Арлис вооружен. Чего он боится? Или правильное спросить — за кого?

Она вздрогнула, поняв, что чтение брачной литургии подходит к концу, и Арenea вот-вот обратится к ним с Хольмом. Показалось, что в храме очень холодно, хотя тело ничего не чувствовало, но Лестана будто заледенела изнутри. Ничего, это ведь ненадолго? Всего в нескольких минутах пути отсюда — вход во дворец, а там и до покоев рукой подать, где можно велеть наполнить горячую ванну...

— И ныне пред ликом Луны, — мерно читала Арenea, нимало не беспокоясь, что этого самого лика на небе как раз и не видно, — мы соединяем эту женщину с этим мужчиной ради продолжения их рода. Хольмгард, сын Ингевальда и Махавиши, рожденный Черный Волком, берешь ли ты Лестану в законные супруги? Клянешься ли быть ей верным мужем, беречь и защищать ее, кормить ее и детей, которых она тебе принесет, чтить в ней суть Луны-прародительницы и уважать ее зверя?

— Клянусь! — тяжело уронил Хольм.

Лестане вдруг показалось, что она провалилась в дурной сон. Какие клятвы могут быть между ними?! Зачем говорить о детях?! О звере?! Зачем вся эта ложь, словно перед алтарем не чужие друг другу существа, а те, чьи души действительно могут найти путь одна к другой?

— Лестана, дочь Рассимора и Эльданы, рожденная Рысью, берешь ли ты Хольмгарда в законные супруги? Клянешься ли быть ему верной женой, помогать в любых делах, растить детей, которых он тебе подарит, чтить в нем суть Луны-прародительницы и уважать его зверя?

— Клянусь... выдавила Лестана, едва сдержав всхлип.

Ей показалось, что Хольм вздрогнул, словно от удара, и потянуло опять посмотреть в его сторону, но она не решилась. Чудовищный стыд за происходящее, вина и душевная боль навалились с новой силой, так что Лестана была даже рада заплакать, однако слезы, недавно рвавшиеся наружу, словно высохли, оставив только свою горечь вместо облегчения.

— Властью, данной мне Луной, объявляю вас мужем и женой! — четко и громко произнесла Арenea,

но ее голос, который раскатился бы под сводами большого храма, плетеные стены поймали и спрятали в своей пышной лиственной толщине. — И да не разлучит никто на земле того, что соединилось волей небес!

Лестана бросила быстрый взгляд на отца и увидела, что он поморщился. Ну да, это ведь временный брак, хотя клятвы самые настоящие. Но свидетелей, кроме отца, только двое, да еще Аренея — и все они будут молчать, когда брак окажется разорванным. И если все пройдет как надо, никто даже не узнает, что Лестана была замужем! Фальшивая невеста, ставшая фальшивой женой ради исцеления... Как же стыдно!

— Браслеты... — сказала Аренея с явной растерянностью. — Рассимор, мы не подумали о браслетах. Их же все увидят.

Ну да, брачные браслеты положено носить на правом запястье, и Лестана не раз представляла, какой будет эта драгоценность, которая на всю жизнь обозначит ее принадлежность мужчине, как и его браслет — ей. Отец не мог не позаботиться об этом! Но браслет заметят — Аренея права.

Отец тоже заколебался, и тут Хольм спокойно сказал в тишине, которую нарушал только треск свечей:

— Госпожа Лестана носит длинные рукава, на ней браслет никто не заметит. А мне достаточно ленты с ее волос — у нас это считается равноценной заменой брачному браслету. Спрячу под рубашку, а если кто-то увидит — найду, что соврать.

— Лента вместо браслета? — удивленно уточнил отец. — Но почему?

— У нас не всегда женятся по воле родителей, — отозвался Хольм. — Бывает, что ни браслета, ни свидетелей, ни храма — только двое и луна. Но если клятва дана от души, какая разница, браслетом ее закрепить или лентой? Это же не кандалы, прочность не главное.

— Волк правду говорит, — неожиданно поддержал его господин Арлис. — Если нет меча, дерешься тем, что под рукой, а то и голыми руками. Разве у Рыси-прародительницы был браслет, когда она взяла в мужа своего возлюбленного?

— Ты еще сказки вспомни, — буркнул отец. — Аренея?

— Не попробуем — не узнаем, — пожал плечами целительница, делая шаг от алтаря, на котором стояла одна-единственная тонкая свеча, еще не зажженная. — Но я не думаю, что Луне важно, что там у них на запястьях. Волк прав, Луна смотрит в души, а не на руки. Это для людей, а им как раз ни к чему много знать.

Она подошла к Лестане, распустила конец ее косы и вытащила из него шелковую светлую ленту, от которой отрезала небольшой кусок. Покосилась на Арлиса, который должен был держать браслеты, как положено свидетелю жениха, потом задумчиво глянула на Хольма и велела:

— А ну-ка, давай сюда шнурок с волос. Если уж соединять, так одинаковое.

Волк протянул ей руку, Аренея ловко поймала его запястье и обернула куском ленты, завязав некрасивый, но явно прочный узел. Хольм несколько мгновений смотрел на серебряную полосу, перечеркнувшую его смуглую кожу, потом неожиданно осторожным движением спрятал ленту под манжету рубашки.

А Аренея склонилась над Лестаной, взяла ее безвольно тяжелую кисть... Лестана судорожно вздохнула — ну неужели она даже этого не почувствует?! Но ленточка из светло-золотистой замши легла на запястье совершенно невесомо, только на миг что-то дрогнуло у Лестаны внутри, и она почему-то перестала слышать навязчивый запах благовонных свечей. Вместо этого ощутимо повеяло опавшими листьями и еще чем-то, острым и одновременно пряным — наверное, ветер подул от заплетенных виноградником стен.

— Леста, все хорошо? — наклонился к ней отец.

— Да... — отозвалась Лестана, глядя на запястье со странным чувством.

Ну, вот и случилось? Но этот узкий замшевый шнурок — это же не настоящий брачный браслет? А такой, как вся эта свадьба? Поспешная, скрытая даже от самых близких родичей, непристойно торопливая и фальшивая?!

Аренея тем временем вернулась к алтарю, взяла горящую свечу из подсвечника рядом с ним, прошептала что-то и коснулась ее пламенем фитиля свечи, стоящей на алтаре. Лестана затаила дыхание. Вот... вот сейчас свеча не загорится — и все поймут, что на самом деле этот брак — кощунство, неуютное Луне! Она сама слышала о таких случаях!

Что она будет делать, если так и произойдет? Если окажется, что некому встать между ней и болью ритуала, зато сама Лестана совершенно свободна? Она не знала и боялась об этом думать, но ожидание не затянулось. Фитилек брачной свечи вспыхнул невысоким, но ровным и ясным пламенем, и Лестана услышала, как все разом облегченно выдохнули.

— Ну, вот и все, — устало и совсем не торжественно сказала Арenea. — Помоги нам Луна... Рассимор, Арлис, отнесите девочку во дворец.

— Нет, — снова тяжело уронил Хольм. — Я сам.

— Слушай, Волк... — хмуро начал отец, но Хольм прервал его с неожиданной властью:

— Вы сказали, что это — ради воли Луны. Если настоящей брачной ночи у нас не будет, как доказать, что это свадьба, а не подделка?

«Он... думает о том же, что и я?!» — поразилась Лестана.

— По нашему обычаю муж вносит жену в дом на руках, — уверенно продолжил Волк. — И я этот закон нарушать не собираюсь. Или думаете, что не удержу? — в его голосе прозвучала насмешка.

Он немного развернулся, склонился над Лестаной и тихо попросил:

— Не бойся, пожалуйста. Я только хочу, чтобы все было правильно.

А потом легко подхватил ее из кресла вместе с пледом, в который Лестана была укутана, и взял на руки. На миг она задохнулась от ужаса, но Волк даже не покачнулся, держа ее так, словно Лестана ничего не весила. Отец немного подался к ней, открыл рот, собираясь что-то сказать, но промолчал, только нехотя кивнул, и Лестана закусила губу. Нет, она не будет визжать, как глупая служанка, которую щупают в темном углу. Если это обычай Волков, то... она потерпит. И не так уж страшно. Кажется, ее и правда не уронят... Ой!

Волк развернулся одним плавным движением и пошел к выходу из храма, ничуть не смущаясь, что подсвечник остался возле алтаря, а за стенами — непроглядная темнота ночного сада. Лестана зажмурилась, пытаясь представить, что ее, как в детстве, несет отец. Но это не получалось! От Хольма пахло совершенно иначе! Хвойной горечью, палой листвой и чистым сильным телом. Это не виноградник, что заплел стены, принес ей запах, когда на запястье Лестаны лег шнурок, это был аромат Хольма, его кожи и волос. «Наверное, так чувствуют запахи звери, — в растерянности подумала Лестана. — И совсем не противно...»

Лестана была такой маленькой и почти невесомой в его объятиях, что у Хольма внутри засадило от жалости. Мягкое покрывало скрывало изгибы тела девушки, и Хольму казалось, что он несет большого пушистого зверя, свернувшегося клубком. Если бы только она прижалась к нему, если бы обвила его шею руками, заглянула ему в лицо с улыбкой, как истинно счастливая невеста, ставшая счастливой женой... Если бы все было иначе!

Он легко перешагнул высокий порог храма и вышел в глухой сад. В этой его части деревья росли тесно, и трудно было поверить, что неподалеку раскинулся огромный город, а это всего лишь кусочек прирученного леса, где Рыси, живущие во дворце, могут выпустить на волю своего зверя, если очень хочется. Побегать по траве, понежиться на солнышке, залезть на дерево, выглядывая сверху если не настоящую добычу, то хоть мышку какую-нибудь. Звериная суть каждого оборотня хиреет и чахнет, если хоть иногда не баловать ее свободой.

Но сейчас в саду никого не было, об этом позаботились Рассимор и Арлис, велел страже никого не пускать до самого рассвета. Маленький храм в глубине сада считался родовым святилищем рода Рассимора, и хотя он был давно заброшен, никто не удивился, что именно там вождь собрался молиться о даровании здоровья Лестане. Тот, кто в отчаянии, хватается за любую помощь, а что может быть надежнее силы собственных родовых истоков и милости предков?

Хольм осторожно ступал по мягкой высокой траве, чутко ловя каждый звук и запах из кустов. Луна так и не показалась, упорно прячась в тучах, но он чувствовал ее, как любой оборотень, и с трудом отгонял желание поднять лицо к небу, вдохнуть полной грудью свежий душистый воздух, полный дикой силы, и позволить своему Волку взять верх над человеческой сутью. Только не в эту ночь!

Лестана молчала, и он не обманывался: девушка согласилась на этот брак только ради надежды встать на ноги. Он видел ее смятение в храме, слышал подступающие слезы в ее голосе, когда Лестана давала клятву, и от этого на душе было паршиво. Неужели она до сих пор верит, что это он виноват в ее беде?!

Да, не такой он представлял лучшую ночь в своей жизни. Среди Волчиц ему бы мало кто отказал, но Хольм никого из них не мог представить своей парой. А ведь Ингрид упорно на это намекала... Но в ней не было чего-то очень важного, глубинно необходимого Хольму, и он всегда это знал, хотя

с радостью поводит с красивой и страстной Ингрид ночи. Отчего нет, если девушка приходит сама? Волчицы свободны до брака, это потом закон и собственная звериная суть требуют от них полной верности. А как с этим у Рысей, Хольм не задумывался, но какая разница?

Рассимор объяснил ему, что свадьба будет тайной. Оба свидетеля поклянутся молчать, как и Аренея, имеющая право провести свадебный обряд, хоть она из целительниц, а не храмовая жрица. Мирана и Ивар о проведенном обряде ничего знать не должны — и это Хольм одобрил всей душой. Пусть думают, что Лестана слаба и беспомощна, в этой игре важен каждый шаг и каждый спокойный день.

Аренея сказала, что сможет проводить обряды исцеления сама, а это значило, что Лестана ничем не будет обязана Миране, которой Хольм совершенно не доверял. С каждым словом, жестом и взглядом эта женщина все больше напоминала ему Сигрун, у них даже запах был похожий — аромат сильной и уверенной в себе самки, готовой на все ради собственного потомства, жестокой и расчетливой. Хоть человеческий нос Хольма немисливо уступал волчьему чутью, но внутренний зверь улавливал многое, чем делился с людской сущью, и Хольм знал, что его Волк считает Мирану сильным опасным противником.

Темная стена дворца выросла перед ним ожидаемо быстро. Лестана вздохнула, и Хольм невольно прижал ее чуть крепче, но тут же опомнился. Нельзя показывать, как сильно он жаждет касаться ее. Как мечтает обнимать хрупкие плечи и гибкое нежное тело, гладить волосы, целовать нежные губы... Лестана его боится, ее женская сущь еще не пробудилась, и даже Рысь не может ей помочь, призвав мудрое звериное начало на помощь робкой человеческой душе. Ничего, Хольм подождет. Ему хватит терпения добиваться ее доверия постепенно, по одному шагу, не пугая и не отталкивая. Только бы и ей хватило силы понять и принять его защиту...

Он прошел в дверь, которую распахнул Арлис, и в темноте коридора не удержался — приблизил лицо к макушке Лестаны, украдкой вдохнув сводящий с ума запах. Все та же земляника и родниковая вода, только сейчас к ним примешивался аромат самой девушки, и Волк внутри Хольма бесился, требуя немедленно пометить свою избранницу. Невероятным усилием воли Хольм его осадил и с трудом поднял голову, скрывая от идущих рядом Рысей свой порыв. Лестана по-прежнему казалась легкой, однако ноги Хольма вдруг потяжелели, словно не желая нести его в покои девушки. Что ему делать, оставшись с ней наедине?! В брачную ночь, которая вовсе и не брачная?!

Очередная дверь раскрылась, и Хольм понял, что они пришли. Здесь все пахло Лестаной и неуловимо отражало ее сущь. Просторная комната с любимыми в Арзине высокими окнами и мраморными полами, но не полупустая, как отведенные ему покои, а обжитая, уютная. Низкие широкие лавки, застеленные мягкими покрывалами и усыпанные подушками, ковер на полу, всякие безделушки и раскрытая книга на столе... Наверное, Лестана читала ее перед тем, как ехать в Волчий город, да так и оставила на половине. Легкие зеленые занавеси колыхались на окнах от ночного ветерка, и Хольм подумал, что здесь ему нравится куда больше, чем в гостевых покоях. Нет, синий цвет тоже красивый, но Лестане, похоже, нравится лесная зелень, темный мох и чистый золотистый песок — все в ее комнате было подобрано именно так.

Он прошел в дверь спальни, безошибочно найдя ее среди других, и перенес девушку через порог. Опустил на огромную кровать, которую кто-то уже расстелил, выпрямился и замер, не понимая, что делать дальше. Будь это настоящая свадьба, сейчас их оставили бы наедине, но Лестана даже не сможет сама раздеться, чтобы лечь спать, а он... он не имеет права ей помочь.

— В гостиной подожди, — велела Кайса, выступая из-за спин обоих Котов. — Ну там! — махнула она рукой на первую комнату. — Мы позовем.

И они с Аренеей склонились над Лестаной, а Хольм и Рассимор с Арлисом вышли из спальни.

В гостиной — это, значит, верно Хольм понял, что здесь положено принимать гостей — Рассимор подошел к окну и плотнее задернул и так прикрывающие окно занавеси. Постоял у стола, рассеянно погладил страницы книги, повел плечами... Хольм понимал, как вождю Рысей неприятно то, что происходит, но ему самому было не легче.

— Слушай, Волк... — начал Рассимор, но Арлис тихо его прервал, уронив:

— Да хватит уже, все он и так понимает. Не дурак, да и совестью, вроде, не обделен. Лучше подумай, как другим это объясним. Вчера еще Волка обвиняли в убийстве, а теперь он рядом с наследницей ночует? Все равно скрыть не получится, это же дворец, здесь и у стен есть уши.

«А у нас бы сказали, что у стен есть носы, — отметил Хольм. — Но это же Рыси, они больше на слух полагаются. Какие же мы все-таки разные...»

— Его вина не доказана, — хмуро отозвался Рассимор, поворачиваясь и окидывая Хольма внимательным взглядом. — Может, я не отказался от мысли выдать Лестану за сына Ингевальда!

Договор договором, но чем союз крепче, тем лучше. Сегодня о том, что он проведет с ней ночь, никто не узнает, а завтра я объявлю, что разрешаю ему ухаживать за Лестаной, чтобы смягчить ее сердце и склонить к браку. Главное, чужих сюда не подпускать! Чтобы ни одна служанка даже носа не сунула до завтрашнего ритуала.

— Поучи меня мышей ловить, — хмыкнул Арлис и уронил Рассимору руку на плечо, подтверждая догадку Хольма, что эти двое не просто Вождь и его Коготь, но давние друзья. А потом обратился к Хольму: — Кайса ляжет в этой комнате, если Лестане что-то понадобится, позовешь. Из покоев не выходи, а утром Арenea вас разбудит.

Хольм молча кивнул, и тут из комнаты Лестаны вышли целительница с Кайсой. Под глазами Арenea залегли темные тени, и даже обычная легкая полуулыбка рыженькой Рыси слегка поблекла.

— Уложили, — вздохнула Кайса, подходя к самой широкой лавке и задумчиво оглядывая ворох покрывал и подушек. — Ну и ночь, вроде ничего не делала, а устала, словно на мне воду возили. Сладких снов!

И она выразительно указала взглядом на дверь в коридор.

— Девочка дело говорит, — поддержала Арenea. — Брысь отсюда оба! Что могли — мы сделали, остальное в воле Луны. А ты, Волк... — Она повернулась к Хольму, окинула его взглядом, в точности как до этого Рассимор, и вздохнула: — Удачи тебе. И терпения. Лестане плохо и страшно, не забывай об этом и не очень-то слушай, что она может наговорить. Я ей успокаивающее дала, скоро уснет. Может, тебе здесь подождать, а?

Хольм помотал головой и, пройдя мимо целительницы, вошел в спальню Лестаны. Дверь закрылась у него за спиной, и в глазах девушки, лежащей на кровати, мелькнуло что-то, до отвращения похожее на страх.

— Доброй ночи, — сказал Хольм насколько мог мягко. — Ты прости... Знаю, что я здесь нежеланный гость, но так уж получилось.

— Получилось... Все-таки добился своего, да? — в голосе Лестаны звенело так долго сдерживаемое напряжение, и на миг Хольм подумал, что, возможно, и правда стоило подождать, пока девушка уснет.

Но нельзя же все время бегать от правды, какой бы горькой она ни была?

— Я хотел не этого, — возразил он, делая шаг от двери и останавливаясь, потому что страха в глазах Лестаны прибавилось. — Разве я просил о чем-то бесчестном? Ты приехала, чтобы дать клятву одному из нас, почему это не мог быть я?

Глухое раздражение поднималось из глубины души, смешанное с обидой. Сколько можно уверять в своей любви ту, кто даже слышать этого не желает? И даже не в любви дело, но почему Лестана по-прежнему смотрит на него как на врага, ведь он согласился делом доказать свою невиновность и заботу о ней! Хоть бы задумалась...

— Какая теперь разница?! — отчаянно всхлипнула девушка. — Я тебя ненавижу, слышишь? И тебя, и твоего брата! Не подходи! Я не верю... никому больше не верю! Видеть никого не хочу! И не нужно мне от тебя ничего! Ни помощи, ни... ни... ничего, слышишь?!

Слезы текли по ее лицу, и обида Хольма мгновенно исчезла, смытая жалостью. Луна-прародительница, она же еще совсем девчонка. Испуганная, измученная болезнью и беспомощностью, сорвавшаяся, наконец, после долгой дороги, тяжелой встречи с родными, этого проклятого совета и паршивой — чего уж скрывать! — свадьбы. А он ничего не может сделать прямо сейчас! Даже обнять ее, чтобы постучала кулачками ему по груди и прорыдалась вволю. И разговаривать с ней сейчас бесполезно...

— Я хотела... как лучше... — плакала Лестана, выговаривая слова невнятно и тихо. — Я... старалась... а теперь... теперь... все плохо и всегда будет плохо...

— Не будет! — сказал Хольм со всей уверенностью, которую смог вложить в голос. — Это просто темные дни! Они пройдут, слышишь? И я тебе в этом помогу.

— Как? — Девушка хотела крикнуть, но голос ее сорвался на хрип. Она кашлянула и продолжила: — Я тебя боюсь, ты это понимаешь? Я... спать с тобой не смогу... то есть рядом...

Хольм едва не взвыл. Ну вот только этого ему еще не хватает! Конечно, он прямо сейчас на нее накинется и...

— Боишься, что съем? — спросил он язвительно от все-таки прорвавшейся в голос обиды и тут же

устыдился, потому что Лестана разом покраснела, щеки залил прямо-таки малиновый румянец, отлично заметный даже в темноте спальни, освещенной одним лишь подсвечником.

— Ты... мужчина! — выпалила девушка дрожащими губами, и Хольм почувствовал себя дураком.

Пеньком мохнатым, как говорит Брангард, не вовремя помянут. Что бы сделал сейчас хитроумный братец? Хольм не мог даже представить этого. На его памяти ни одна девушка в здравом уме не боялась Брангарда. Да и самого Хольма никто из них не боялся — Лестана оказалась первой. Да как ей вообще могло прийти в голову, то... в общем, что ей там пришло!

Он поднял руки к воротнику рубашки и расстегнул его. Пробежал пальцами по пуговицам, повел плечами, скидывая с них мягкую ткань. Глянул на запястье, где серебрилась шелковая лента в пару пальцев толщиной. Снять? Или не стоит?

— Ты... что делаешь? — прошептала Лестана уже с настоящим ужасом.

— Спать собираюсь, — устало огрызнулся Хольм. — И тебе советую.

Быстро скинул штаны, старательно не обращая внимания на Лестану, оглядел спальню. Возле кровати лежал мягкий ковер цвета зеленого мха и длиной в пару шагов. Хольм подхватил его за край и оттащил к самой двери, где пол был голым.

— Х-хольм?

Хвала Матери-Волчице, страх в голосе Лестаны разбавило удивление.

— А зачем ты?..

— Спать, — повторил он уже спокойно. — Ты же меня боишься? Как мужчину? Ну вот...

И, больше не тратя слов, выгнулся всем телом, с наслаждением сбрасывая человеческий облик. Лестана задущено взвизгнула, и Хольм раздраженно поразился: что ей теперь-то не так? Ну не боится же она всерьез, что он ее и правда съест?!

На шум в комнату заглянула Кайса. Замерла в дверях, разглядывая Хольма, запустила пальцы в расплетенную наполовину косу и покачала головой. Буркнула:

— Ну ничего себе...

И снова скрылась за дверью.

Хольм немного постоял посреди спальни, наслаждаясь лавиной запахов и ощущений, что обрушилась на него со сменой облика, потом, цокая когтями, прошел к двери и улегся на предусмотрительно постеленный коврик. Стража стражей, но любому, кто попытается пройти к Лестане, придется переступить через него.

Приподняв голову, он посмотрел на кровать и встретился взглядом с Лестаной. Волчьи глаза смотрят иначе, лицо девушки утратило выражение, которое он мог бы распознать, но запахом страха от нее больше не веяло. Лестана не сводила с него глаз, и Хольм, чтобы ее успокоить, постучал по полу хвостом, словно собака, а потом напоказ свернулся, уткнувшись носом в хвост, и замер. От ленты Лестаны, что теперь свободно болталась у него на лапе, но все-таки не соскользнула, пахло ею, и этот дивный аромат ласкал чутье Волка во много раз сильнее, чем обоняние человека. Хольм прикрыл глаза, млея.

— Спо... спокойной ночи... — услышал он через несколько вдохов все еще срывающийся голос Лестаны. — Пожалуйста... прости меня...

Не поднимая головы, Хольм снова стукнул хвостом, показывая, что слышит. Волки, конечно, этого не делают, но вряд ли ни разу не обернувшаяся Рысь понимает звериный язык тела, да еще и чужой. Ничего, лишь бы успокоилась. И действительно, постепенно запах страха в комнате развеялся, и уши оповестили Хольма, что Лестана задышала ровнее. Он дождался, пока девушка окончательно соскользнет в сон, и лишь тогда позволил себе тоже задремать, зная, что чуткий зверь не пропустит в комнату никого чужого, и Лестана хотя бы сейчас в полной безопасности. Сквозь сон ему показалось, что луна наконец вышла из-за туч, и ее свет полился в комнату, легко проникая через плотные занавеси.

Спящий Хольм точно знал, что это благое предзнаменование, его Волк бежал по стране снов, приминая лапами мягкую траву, и рядом с ним бежала огромная белая рысь, с интересом поглядывая на спутника. От нее не пахло ни страхом, ни злостью, и у Хольма сердце замирало, так прекрасен был этот бег под светом вечно полной луны, с одинаковой щедростью любящей всех своих детей, какую бы шкуру они ни носили.

Глава 18

Недоброе утро

Утро началось для Лестаны с тихого голоса отца и звяканья ложечки о стенки чашки — Аренея размешивала очередное лекарство. Но, чуть приоткрыв глаза, Лестана сделала вид, что еще спит — разговаривать ей ни с кем не хотелось, и она тянула последние сладкие мгновения сна, понимая, что день опять будет не из легких. А... где же Хольм?

В лицо бросилась краска, стоило вспомнить вчерашнее. Волк был здесь! Он провел в ее комнате всю ночь до утра, видел ее спящей, и кто знает... «Глупости какие! — оборвала она сама себя. — Ну, видел — и что? Лучше бы подумала, какой истеричной душой ты себя вчера перед ним выставила!»

Она посмотрела на свою руку, лежащую поверх одеяла. Кожанный шнурок желтел на запястье, такой простой и невзрачный, но обещающий ей надежду.

— Леста, милая, ты проснулась?

Голос отца зазвучал так мягко, словно он разговаривал с маленьким ребенком, и Лестана тихонько вздохнула. Насколько ей было бы легче, если бы отец гневался! А ведь он лучше всех понимает, что именно натворила его глупая дочь. Но ни слова упрека, и от этого стыд жег душу еще невыносимей.

— Да, отец.

Она открыла глаза и постаралась улыбнуться. Уже обычное беспокойство на лице отца, которое он тщательно скрывает, но Лестана все видит. Привычная легкая хмурость тетушки Аренеи... Целительница мешала зелье в чашке так старательно, словно в мире ничего не было важнее аккуратных движений серебряной ложечкой. И... Хольм. Хольм уже в человеческом облике сидел на небольшом ложе, которое Лестана видела впервые. Наверное, эту узкую кровать принесли, пока она спала? Зачем? Для... Хольма?

Щеки загорелись еще сильнее. Неужели отец думает, что Волк будет и дальше спать рядом с ней?!

«А где еще ему спать? — беспомощно и зло огрызнулась она. — Он твой супруг, вы заключили брак в храме пред ликом Луны! Скажи спасибо, что он не ложится с тобой в твою собственную постель! А ведь имеет право! Не на коврик ведь ему жить, в самом-то деле! Хватит сегодняшней ночи...»

Воспоминания об огромном черном звере, что лег у двери, охраняя ее покой, отозвались в душе странной теплотой, смешанной с чувством вины. Волк повел себя достойно, и даже сейчас он ни словом ее не упрекает...

— Как здоровье матушки? — спросила она, чувствуя, как грызет совесть еще и за это. — Ей лучше? Может быть, я сегодня ее навещу?

— Аренея говорит, что завтра она сможет встать с постели, — улыбнулся отец, и Лестана с тревогой увидела, что между бровей у него залегла глубокая морщинка, которой раньше не было. — Думаю, первым делом она сама тебя навестит, а пока передает привет и желает тебе быть сильной. Ты готова, милая?

Он наклонился к Лестане, внимательно взглядевшись в ее лицо, и она попыталась по привычке кивнуть, но, конечно, не смогла.

— Мы... сделаем это сейчас? — Голос не дрогнул, и Лестана смогла покоситься на Хольма, радуясь, что он смотрит в окно и не видит ее лица. — Ритуал...

— Да, милая, — кивнул отец. — Ты сейчас выпьешь лекарство, а потом проведем ритуал. Зачем тянуть? А потом будет вкусный завтрак и отдых... Там твои любимые блинчики испекли, они даже остынуть не успеют!

Он уговаривал ее, словно ребенка, и Лестана изо всех сил попыталась потянуться навстречу, но снова не смогла даже шевельнуться. И все-таки отец что-то понял по ее лицу, потому что замолчал, а лицо у него у него стало виновато-растерянное.

— А как же... тетушка Мирана? — прошептала Лестана. — И... жрицы?

— Без них обойдемся, — буркнула Аренея. Посмотрела на Лестану и добавила, явно желая ее успокоить: — Большой ритуал нужен был только в первый раз, а теперь я сама справлюсь, это как по утоптанной тропинке идти. Все равно главная сила не в песнях, а вот в этом.

Она подняла перед собой толстую серебряную иглу, и Лестане подурнело. Так вот что вонзалось в ее тело прошлый раз?! Эта немыслимая боль, когда казалось, что в нее ударила молния... От

простого укола иголкой такого быть не может! А теперь... это все вместо нее будет переживать Волк?! И не один раз, а столько, сколько понадобится?! А вдруг он откажется?! Вот испытает это разок и скажет, что лучше пусть его казнят — это хотя бы быстро...

Глупый страх ворочался внутри, и Лестане было смертельно стыдно, что она думает о подобных гадостях. А должна быть благодарной!

Хольм повернулся и посмотрел на нее долгим внимательным взглядом, от которого Лестане захотелось спрятаться под одеяло.

— Доброе утро, — уронил он и отвел взгляд.

Лестана сразу задышала свободнее.

— И тебе... — пискнула она, с отвращением услышав, как дрогнул голос. — Ты... правда согласен?

— Конечно! — Волк снова глянул на нее с явным удивлением. — Как иначе?

«Как угодно, — могла бы сказать Лестана, если бы слова пробились через поднявшуюся откуда-то изнутри горечь. — Как Ивар, например. Он взял и отказался. И правильно сделал, потому что я сама должна была ответить за свой проступок. Нечестно перекидывать это на другого! И ладно бы Волк был виноват, но... я ведь сама все больше в этом сомневаюсь. Жестокий и подлый убийца не может вести себя так... как он ведет! Ох, я уже ничего не понимаю! Пожалуйста, пусть это все поскорее закончится? Я смогу ходить, а он... уедет домой и перестанет смотреть на меня вот так! Словно я — это прежняя я, красивая, гордая, отважная... Настоящая наследница клана, а не дурная девчонка, еще и бесполезная теперь! Семье от меня одни неприятности...»

— Ну, хватит разговоров, — прервала ее размышления Аренея. — Хольмгард! Ложись вот сюда и держись руками за края кровати. Рассимор, может, его все-таки привязать? — обратилась она к отцу Лестаны. — Вдруг дернется?

— Не дернусь, — буркнул Волк и покосился на иглу, которую целительница так и держала в руках. — Подумаешь — иголка!

«Ты не представляешь, какая это боль, — мысленно ответила ему Лестана. — Просто не представляешь... Если после ритуала ты откажешься от следующего, я... сама попрошу отца, чтобы он тебя отпустил. Никто не должен терпеть такое против воли!»

— Ну, поглядим, — хмыкнула Аренея и подала Рассимору чашку, которую держала в другой руке, кивнув на Лестану. — Станет совсем худо — ори, это можно. Только перекинуться не вздумай, что я с тобой, мохнатым, делать буду?

— Понял, — кивнул Хольм и откинулся на высокое изголовье кровати.

Повернул голову и посмотрел на Лестану, которая послушно пила горькое снадобье из рук отца. Как хорошо, что можно спрятаться за чашкой и не встречаться взглядом с этими внимательными синими глазами, такими неправильными и странными... Но тут Лестана допила зелье, выругала себя за трусость и покосилась в сторону Волка. Хотя бы взгляд она ему должна!

— Все будет хорошо, — негромко сказал ей Хольм, и синий лед его глаз неувовимо потеплел. — Не бойся...

«И он еще сам ее ободряет?» Вина пронзила Лестану болезненной тоской, на миг напомнившей другие глаза, золотисто-карие. Только то золото оказалось фальшивкой... А Волк не сводил с нее взгляда все время, пока Аренея пела уже знакомое Лестане заклятие. И лишь когда длинная игла вонзилась прямо в его темя, заскрипел зубами и отвел глаза. Выгнулся, вцепился руками в края кровати, как и было велено...

Лестана ждала крика и никогда, ни за что не осудила бы Хольма за него! С такой-то болью... Но Волк молча выгнулся, а потом рухнул на постель и бессильно обмяк, быстро и глубоко задышав. А по телу Лестаны прокатилась дрожь — чувство, которое она уже успела забыть. Прокатилась — и тут же исчезла, но Лестана, затаив дыхание, думала не о том, что чувствует сама. Он не закричал. Даже сознание не потерял, вон — глаза под веками шевелятся... Насколько же он сильнее и терпеливее!

И тут она поняла, что ощущает что-то странное, почти забытое. Она чувствовала ветерок из окна, но не только лицом — кожа рук тоже его ощущала. Лестана попыталась пошевелить хотя бы пальцем, но не смогла. И все-таки холодный ветер — он точно был! Она не могла обмануться! И это сделал он, синеглазый Волк, наглый и упрямый, все еще пугающий ее до глубины души, но вставший на ее защиту перед разгневанной богиней с тем же самым твердолобым упрямством, как и все, что он делал.

Боль утихала медленно, и вместе с нею отступала неподвижность, откатывалась, будто ленивая речная волна, только гораздо неспешнее: сначала Хольм ощутил собственные лицо и шею, потом свинцовая тяжесть неохотно ушла из рук, затем вернулась чувствительность ниже, и, наконец, он смог шевельнуть пальцами на ногах. Беспомощность была даже хуже боли, и он содрогнулся, представив, каково Лестане, заточенной в собственном теле, если он, крепкий молодой воин, едва не воет от ужаса и омерзения, оказавшись парализованным на несколько кратких минут.

— Ну вот, я же говорила, — послышался над его головой усталый голос Аренеи. — Крепкий парень, даже сознание не потерял. Так, на несколько мгновений поплыл, пустяки. Верно, Волк? Э-э-й, как ты? Слышишь меня?

И его бесцеремонно похлопали по щеке.

— Слышу... — едва ворочая языком, отозвался Хольм. А потом отдышался и добавил, радуясь, что накатившая злость смыла остатки паралича: — Вы что, всерьез думали мучить этим Лестану?! Такой... мерзостью?

— Будто у нас выбор есть! — огрызнулась целительница. Помолчала и добавила: — Ну, теперь-то есть, конечно. Только учти, Рассимор, — обратилась она уже к вождю, который стоял где-то в комнате, но лежащий Хольм его не видел: — Волк тоже не железный. Хотя иногда передышку давать придется, иначе до конца лечения можем ему сердце надорвать.

Хольм хотел упрямо сказать, что его сердце всяко выдержит гораздо больше, чем сердце Лестаны, но в глазах опять потемнело, а завтрак попросился наружу, так что пришлось стиснуть зубы и переждать приступ дурноты.

— Дадим, если нужно, — сказал невидимый Рассимор. — Леста, милая, как ты? Что-нибудь чувствуешь?

Лестана, точно! Она где-то рядом, а Хольм валяется, как меховой коврик, еще и в самом неприглядном виде... И неважно, что это он делает ради нее, все равно отвратно сознавать, что любимая девушка... что его жена видит его таким.

Он попытался привстать, и дурнота нехотя отступила.

— Вот упертый Волчара, — хмыкнула Аренея. — Ну, если тебе так уж не терпится, садись и пей вот это.

Целительница сунула ему под спину подушку, на которую Хольм с превеликой благодарностью облокотился, дала в руки отвратительно тяжелый глиняный стакан и отошла к Лестане.

Хольм послушно отхлебнул, заставил себя проглотить травяную гадость с резким вкусом и запахом, а потом скосил глаза в сторону девушки.

Его Рысь глядела на целительницу, и светлые глаза, окаймленные пушистыми темными ресницами, были наполнены слезами. Ей больно?! Неужели она все-таки чувствовала то же, что и Хольм?!

— Я ничего... не... Не могу пошевелиться! — еле слышно всхлипнула Рысь. — Ничего не изменилось...

— А ну не реветь! — цыкнула на нее Аренея. — Изменилось или нет — это я буду решать! Вот прямо сейчас и посмотрим. Рассимор, помоги мне ее перевернуть.

Вождь Рысей подошел и бережно взял дочь за плечо, а Хольм поспешно отвел глаза, потому что помнил: там, под одеялом, Лестана в тонкой рубашке, которая обрисовывает ее всю... Перед отцом и теткой-целительницей стыдиться нечего, а вот он ей все-таки чужой. Не стоит мучить бедняжку еще и стыдом в придачу к остальному.

Аренея достала откуда-то длинные толстые иглы жутковатого вида и склонилась над спиной Лестаны. Хольму смертельно хотелось глянуть хоть искоса, хоть вполглаза, что там происходит, но он терпел, заставляя себя глотать травяное зелье. Что толку, если он все равно ничего в этом не смыслит?!

Целительница возилась долго, Хольму показалось, что час — не меньше. Рассудком он понимал, что это глупость, просто так тянется время, но и Рассимор, сделавший пару шагов от ложа и замерший у окна, маялся не меньше. Хольм видел застывшее лицо вождя и пристальный взгляд, устремленный на Лестану.

— Здесь больно? — спрашивала Аренея. — А здесь?

Но на каждый ее вопрос Лестана едва слышно отвечала «нет», и у Хольма болезненно потянуло

внутри дурным предчувствием. Что, если и сейчас ничего не выйдет?! Если Луна не вернет Лестане свою милость, то... об этом даже думать было жутко.

«Тогда я попрошу, чтобы мне разрешили остаться с ней, — подумал он с пронзительной тоской. — Ей ведь понадобится кто-то... кто будет ее ногами и руками. Кто-то, кому нужна она сама, а не ее положение наследницы...»

— Ай! — вскрикнула Лестана, и Хольм увидел, как разом просветлело лицо Рассимора. — Больно!

— Хвала Луне... — выдохнула Аренея и вдруг тяжело села на край постели, словно ноги перестали держать целительницу. — Наконец-то!

И только теперь Хольм не выдержал. Он обернулся, сжимая в руках уже почти пустой стакан, и встретился взглядом с Лестаной. Девушка глядела на него из-за плеча Аренеи, и несколько мгновений Хольм видел в ее глазах ужас и отражение той безнадежности, с которой сам только что думал о будущем. Он хотел потянуться, погладить ее по волосам, коснуться хотя бы выбившейся светлой прядки на виске, утешая и ободряя, но тут во взгляде Лестаны что-то дрогнуло... И слезы, которые она до этого сдерживала, полились по щекам. А Рысь глядела на Хольма, и обреченность в ее глазах таяла, сменяясь робкой надеждой.

— Лестана, девочка моя!

Рассимор стремительно подошел к кровати, тоже сел рядом с Аренеей, окончательно загородив Лестану от Хольма, обнял, подняв и прижав к себе.

— Это... ведь хорошо? — услышал Хольм тихий и словно испуганный голос своей жены. — Что больно?

— Конечно, хорошо, глупый ты котенок! — возмутилась Аренея, вскакивая. — Это просто чудесно! С первого же раза! Нет, Рассимор, ты слышал, она еще и сомневается?! Ты что, думала, завтра же встанешь и отправишься на охоту?! Да это просто прекрасно, что выздоровление началось... Рассимор, хватит ее убаюкивать, положи обратно и укрой одеялом. Я сейчас вызову своих девочек, и мы тебя разомнем, как тесто на лапшу. Пока жизненная сила течет по телу, нужно ловить это время!

Она метнулась из комнаты, а вождь бережно опустил Лестану обратно на постель и укрыл теплым покрывалом.

— Вот видишь, — ласково шепнул он. — Помогает... Леста, милая, ты будешь ходить, обязательно будешь...

«И как только она выздоровеет, тебе больше нечего будет рядом с ней делать, — безжалостно сказала Хольму та часть его разума, что обычно говорила голосом Брангарда. — Ты ей нужен, как лечебное зелье, а когда больной здоров, то и лекарства ему ни к чему. Ну что, ты все еще хочешь, чтобы она поправилась окончательно?»

«Пасть прикрой», — посоветовал Хольм слишком умному голосу и неуклюже приподнялся со своей части ложа.

— Пойду прогуляюсь, — сказал он вслух обернувшемуся к нему Рассимору. — Если ее сейчас растирать будут, мне здесь делать нечего.

— Погоди, Волк, — быстро сказал вождь, склонился и погладил Лестану по волосам в точности, как это мечтал сделать Хольм, а потом коснулся губами ее лба и выпрямился: — Леста, милая, отдыхай. Мы... Твой супруг вернется позже, и вы сможете поговорить.

— Хольм? — Лестана посмотрела на него, едва стоящего на ногах, и виновато отвела взгляд, прошептав: — Спасибо тебе. Я знаю... это очень больно...

— Лишь бы на пользу, — со старательной небрежностью бросил Хольм и понял, что насчет прогулки он поторопился, тут бы на ногах устоять.

Но уже из чистого злого упрямства дотопался до соседней комнаты, выпил там остаток лечебного зелья и присел на широкую скамью.

— Ты героя-то не разыгрывай, — остановившись рядом, негромко посоветовал Рассимор. — На тебе лица нет. Аренея не зря мне самому запретила этот ритуал, он из тела всю силу выжимает.

— Ничего, переживу, — мрачно сообщил Хольм. — Вот чего-чего, а силы да дури нам, Черным, не занимать. Можно и выжать немного, вдруг на свободное место соображения прибавится?

Он поймал себя на том, что так в прежней жизни мог бы пошутить Брангард, а сам Хольм

наверняка подумал бы, но, по обыкновению, не сказал, не желая выглядеть дурнем рядом с остроумным братом. Он вообще слишком часто молчал там, где говорил Брангард, и, наверное, не всегда это было хорошо. Люди любят тех, кто умеет посмеяться над самим собой.

Вот и Рассимор сейчас не без облегчения хохотнул, глянув на Хольма уже веселее. Забрал у него пустой стакан, понюхал его, скривился и сочувственно вздохнул:

— Ничего, Аренея зря снадобьями поить не будет. Терпи, Волк. — А потом добавил, быстро и словно смущаясь: — И спасибо тебе.

— Пойду я и вправду прогуляюсь, — ответил слабой усмешкой Хольм, которому вдруг полегчало настолько, что он почувствовал себя почти прежним. — И я помню, что об этой ночи болтать не стоит.

Он тронул манжету рубашки, под которой серебристую ленту не было видно, однако Хольм ни на миг не забывал, что она там есть. Не думал о ней — и все равно чувствовал, как люди не думают о горящем в комнате очаге, просто наслаждаясь его теплом.

— Правильно, — кивнул Рассимор. — Делай вид, что все по-прежнему. Слухи, конечно, пойдут, но это уже моя забота. Кому нужно — я все сам объясню. А если тебя спросят, почему ты у нее так часто бываешь...

— Кого? Меня? — с каменным лицом уточнил Хольм. — Может, мне еще всему дворцу докладывать, сколько раз я за день в уборную хожу?

Рассимор глянул на него как-то странно, но Хольму показалось, что с долей уважения, и снова кивнул.

— Вот так и отвечай, — рассеянно сказал он. — Будут очень настойчиво расспрашивать, посылай ко мне.

— Зачем? — удивился Хольм. — Лучше я пошлю так, чтобы больше не спрашивали. Уж придумаю — куда, подходящих мест много.

Он встал, чувствуя, что силы и правда вернулись. Как же хорошо снова твердо стоять на ногах. То ли госпожа Аренея и в самом деле целительница по милости Луны, то ли этот их ритуал не так уж и страшен. Больно, конечно, но уж к боли ему не привыкать. На тренировках и похлеще доставалось, а уж с боевыми ранами и вовсе не сравнить. Было их не так много, но достаточно, чтобы понимать разницу, так что ритуал, которого так боялись Рыси, проигрывал кое-каким воспоминаниям Хольма, словно тренировочный бой — настоящему поединку.

Он поклонился все так же странно смотрящему на него Рассимору и вышел за дверь, в последний момент вспомнив, что Арлис велел не ходить без охраны. Но ждать или искать таковую не понадобилось, уже знакомый Кот, подпирающий стену в коридоре, при появлении Хольма встрепетул и всем видом изобразил, что даже не думал дремать. Вот нисколько!

— Опять ты? — весело удивился Хольм. — Это что такое надо было натворить, чтобы тебя ко мне безотлучно приставили? На хвост кому-то наступил? Или сапоги... хм... погрыз? — в последний момент поменял он оскорбительное предположение о привычках Котов на чуть менее гадкое.

Но Кот понимающе возвел глаза к потолку и высокомерно фыркнул:

— Очень смешно. Сапоги грызть — это больше по вашей части. Как и лапу задирать на всякий столб.

— Уел, — согласился Хольм. — Ну ладно, извини. Я и правда удивился. Что, у вас больше охранников нету?

— Есть, — пожал плечами Кот. — Но Когтю видней. Чем могу служить благородному гостю?

— Скучно, — доверительно признался Хольм. — Обедать вроде бы рано, покажи дворец, а? Что у вас тут посмотреть стоит? А потом и на учебные площадки заглянуть можно, как собирались.

— Посмотреть у нас все стоит, — отозвался Кот все еще обиженно. — Но весь дворец обойти — дня не хватит. Или даже нескольких. Так что...

Он подумал, почему-то смерил Хольма взглядом и неуверенно предположил:

— Может, в Оружейный зал? Там трофеи и подарки от других кланов хранятся. Красиво...

— Оружейный? — переспросил Хольм. — Это по мне! Слушай, а как тебя зовут? А то меня ты наверняка знаешь, за одним столом сидели, да так и не познакомились. Нехорошо получилось.

— Тайвор, — улыбнулся Кот уже без обиды. — Тайвор из рода Керхана. А ты Хольмгард, верно?

— Можно просто Хольм. Я привык.

Вдруг подумалось, что здесь его за пару дней называли полным именем чаще, чем дома за пару-тройку лет. Нет, в коротком имени не было неуважения, кто бы посмел проявить его к сыну вождя и, главное, Клыку, просто как-то так получилось, что его вечно окликали в спешке. Дружинные дела, походы... а вот с именем Брангарда никто не торопился, и Хольм сам привык, что Брангард — всегда Брангард, особенно на людях. Наедине он еще мог назвать младшего братишку Браном, как в детстве, зато если полное имя Хольма звучало из уст отца, это всегда означало серьезную немилость. Забавно...

А ведь в Арзине это от Рассимора пошло, вождь Рысей упорно звал его со всем уважением, возможным к настоящему гостю, а не пленнику. И остальные следовали за ним. Вот и Тайвор покосился с удивлением, но так, что Хольм сразу понял — звать его будут, как положено, а не как позволил сам Хольм. Потому что это дома он был свой от ушей до кончика хвоста, а здесь — непонятная птица, то ли пленник, то ли гость, то ли заложник.

— Ладно, пойдем смотреть ваш Оружейный зал, — предложил он, стирая вдруг возникшую неловкость, и Тайвор поспешно кивнул.

Они прошли длинными коридорами, где по-прежнему было многолюдно, и Хольм поймал себя на том, что уже стал привыкать к особому запаху Арзина. Странно, конечно, что здесь так сильно пахнет Рысями, а не Волками, но приспособиться можно. Эх, ему бы побегать по этому дворцу на четырех лапах да приняться по-настоящему — быстро выучил бы, что здесь и как происходит. И с обитателями познакомился бы получше, все-таки глаза и слух не заменят волчье чутье.

— Скажи, Тайвор, — окликнул он идущего рядом Кота, — а почему у вас во дворце оружия не носят? Ну вот у тебя короткий клинок на поясе — это понятно. И у стражников, что во-он там на карауле стоят. А у тех, кто навстречу попадает, я ни одного ножичка не заметил.

— А зачем? — глянул на него Кот с искренним недоумением. — Они же не воины. Чиновники, писцы, просто слуги — им оружие носить и не положено. Беречь дворец и город — это дело воинов.

— Воинов? — растерянно переспросил Хольм. — Так у вас что, с оружием только дружинники ходят?!

— Ну да, — еще удивленнее отозвался Тайвор. — Дружинники и еще мужчины из знатных родов, но эти только если сами хотят. А у вас что, не так?

— А у нас даже мальчишки-конюха без длинного ножа не увидишь, — задумчиво сказал Хольм. — Как иначе-то? Женщины тоже клинки носят, любая хоть немного да умеет владеть.

— Женщины?!

Кот остановился поперек коридора, преградив дорогу Хольму, и воззрился на него так, словно услышал, что в землях Волков луна катается по земле вместо неба.

— Зачем женщинам оружие?! И зачем оружие слугам?! Они же им владеть не умеют!

— Почему не умеют? — воззрился на него Хольм, которому все больше казалось, что они с Тайвором разговаривают на разных языках. — Все умеют! Ну не как дружина, конечно, но что это за Волк, если он не сможет оленя добыть или в круг выйти за девушку? А для этого, хочешь не хочешь, надо и луком, и мечом владеть. О ножах я уже не говорю, это... да как мужчине без ножа?! Его мальчикам еще в колыбель кладут, чтобы будущий воин на железе спал. А потом как мальчишка ходить научился, так непременно первым делом нож цапнет, иной раз быстрее ложки. А девочек братья и отцы учат, чтобы могла себя защитить, если что.

— Если — что? — переспросил Тайвор, глядя на Хольма с недоверчивым изумлением. — Что может случиться с благородной девой? Или ваши Волчицы от женихов оружием отбиваются?

— Зачем от женихов? У нас на город только на моей памяти дважды нападали, — помрачнел Хольм. — Один раз — шальной отряд наемников по окраинам решил пробежаться и уйти в леса с добычей. А второй раз — Медведи пожаловали. Ну, правда, я тогда еще ребенком был, почти ничего не помню. Отец их тогда с дружиной почти всех положил, после этого мы с Медведями лет на десять замирились. Но это город, а ведь еще деревни есть. И охотничьи заимки в лесу, там женщины подолгу одни живут, пока мужчины охотятся или рыбу ловят. Как без оружия? Любая Волчица зайца ножом собьет, а если надо — и лихого гостя приласкает.

— Чудеса... — завороченно протянул Тайвор. — Нет, конечно, знал я, что у вас там места дикие... Эй, да я не в обиду! — Он торопливо поднял руки пустыми ладонями перед собой, видя, что Хольм

нахмурился. — Понятно, что город у вас еще молодой, земли вокруг не поделенные... Может, это и правильно, что все с оружием ходят! Я просто... ну, не представляю такого.

— А ты представь, — посоветовал Хольм. — И подумай, как так получилось, что это вы у нас военной помощи просите, а не наоборот. Если бы у вас любой ремесленник хотя бы топором владел, зачем бы вам чужие войска понадобились? Своих бы хватило.

— Ну да, — помрачнел теперь уже Кот. — Скажешь тоже... А когда ремесленнику учиться топором махать, если ему семью кормить надо и налоги платить? Вождю заплати, храму заплати...

— А храму зачем? — Хольм сдвинулся, наконец, с места, и они с Тайвором пошли уже рядом, время от времени поглядывая друг на друга. — Жрицам, конечно, жертвы несут, но это ж не так часто! Четыре великих праздника в год, ну и от себя по мелочи, если просишь чего-то. Разве это большая обуза?

— А постоянных налогов для храма у вас нет?! У нас Луне платят дюжинную часть от прибыли, как и в казну вождя...

— Две дюжинных части? — ужаснулся Хольм. — Это что же, ваши ремесленники почти четверть дохода податями отдают?

— Ну да, — недоуменно подтвердил Тайвор. — А как иначе? Дружину кормить надо? Надо. Дороги чинить, колодцы содержать в порядке, водяные трубы вовремя менять... А жрицы новые храмы строят, в них книги переписывают, чтобы народ учить, и бедных бесплатно лечат. Ну, не то чтобы совсем бесплатно, потом отработать приходится, но помереть на дороге никому не дадут.

— У нас и так помереть не дадут, — уязвленно буркнул Хольм, который вспомнил чудесные арзинские дороги и горячую воду в купальнях. — До ближайшего целителя доволокут точно. А там либо род заплатит, если кто совсем уж неимущий, либо сам расплатится, как на ноги встанет.

— А за чужестранца? Или за нищего? — продолжал допытываться Тайвор.

— За чужестранца, если он один приехал, заплатит вождь — этого гостеприимство требует. А нищие... Да нету у нас их. Если совсем уж лапы из-под хвоста растут, тебя родичи к делу приставят и прокормиться помогут. А если лентяй или дурная кровь — так зачем ты в городе нужен? Иди куда хочешь, не позорь славный волчий род.

— Да... — протянул Тайвор. — Хотел бы я посмотреть на ваш город. Но жить в нем... даже не знаю. Вроде и много у вас хорошего, но у нас как-то привычнее.

Хольм согласно кивнул, ему вдруг представилась детская игрушка, которую Брангарду как-то принес с ярмарки отец. Деревянные весы, искусно выточенные и совсем как настоящие, даже с набором гирек. Хольм тогда не понял, зачем брату такая купеческая или ремесленная вещь, он ведь будущий воин и правитель.

А Брангарда весы будто заворожили. Он часами мог взвешивать какую-нибудь ерунду вроде камешков, кусочков металла и всего, что под руку попадется. Любимой игрой брата было уравновесить чаши весов, накидав на них разной всячины, а потом добавить на одну сторону что-то совсем легкое, вроде перышка или сосновых иголок, и смотреть, как одна чаша медленно идет вниз.

Только сейчас Хольм понял, что смысла в этой игре было куда больше, чем ему казалось. В жизни очень многое уравнивается. Вот Волчий город, где каждый умеет постоять за себя, а податей и налогов платится куда меньше, чем в богатом Арзине. Казалось бы, у народа и прибыли должно оставаться больше? Но Арзин, который дерет с ремесленников целую четверть дохода, может строить отличные дороги и бесплатно лечить бедняков при храмах.

С другой стороны, у Волков, пожалуй, и нет таких бедняков, за которых совсем уж некому заплатить. Либо родня раскошелится, либо соседи сжалятся, либо и вовсе заплатит вождь, потому что он отец для любых своих подданных, даже непутевых. Да и колодец выкопают, когда он понадобится. Но вот арзинские дороги и вода... И книги в храмах... И при всем при этом Арзин слабеет, раз ему приходится искать помощи у других кланов. Потому что ремесленники и земледельцы, обложенные высоким налогом, перестали быть воинами, даже среди знати Арзина не все носят оружие. Мужчины без оружия! Это ж надо... И власть храмов, которая если не превзошла власть вождя, то опасно к ней приблизилась — это Хольм отлично запомнил по Совету, на котором решалась его судьба.

Да, есть о чем подумать. Сюда бы Брангарда с его умением уравновесить чаши весов, а потом одним касанием изменить ход событий в свою пользу. Но Брангарда нет и не будет, придется справляться самому.

«Я был его мечом и щитом, а он — моим разумом, — тоскливо подумал Хольм. — Но Луна рассудила

так, что теперь нам обоим придется учиться жить друг без друга. Брангарду — ладить с дружиной и завоевывать их уважение, мне — думать и за себя, и за ту, которой нужна моя защита. Что-то кончилось в нашей с ним жизни, словно Луна прошла полный месячный круг и вот-вот переродится снова, но прямо сейчас — темное время, когда тьма правит на небесах и в душах. И нет иного огня, кроме того, что мы зажигаем и бережем сами».

— Тайвор, а ты...

Хольм осекся, ругнув себя. Следовало помнить, что в незнакомом месте, полном чужих запахов, он еще наполовину слеп и почти лишен способности верно оценивать, что происходит вокруг. Следовало подумать, что он безоружен, а всего один охранник — это, скорее, проводник и дань вежливости со стороны хозяев Арзина. Да мало ли что ему следовало прикинуть заранее. Ну, может, еще обойдется, а? Вдруг случайная встреча?

— Доброго дня, Тайвор! — широко улыбаясь по своему обыкновению, поприветствовал их Даррас, как только Хольм с Котом вывернули из очередного коридора в небольшой зал. — Не подскажешь, а что это у нас во дворце собачьим дерьмом запахло?

Неслучайная. Надеяться на это было бы глупо, но Хольм и не надеялся, ему хватило одного взгляда на пятерых Котов, стоявших так, что выход из зала оказался перекрыт. Все молодые, холеные, богато одетые и с оружием. Мечей ни у кого нет, но на поясах — длинные охотничьи ножи, которыми Коты, можно не сомневаться, владеют отменно. Двое были ему отлично знакомы: Даррас, с лица которого так и не сходила ухмылка, и Рисал, глядящий исподлобья. Прихвостни Ивара, как и ожидалось... Еще трое стояли за этими двумя, и Хольм оценил выправку — младшая дружина, никак не меньше.

— Язык придержи, Даррас, — прошипел Тайвор, делая шаг вперед и словно невзначай прикрывая Хольма плечом. — Он гость вождя.

— А, так ты сразу понял, о ком я говорю, да? — продолжал весело лыбиться Даррас. — Бедный Тай, приставили тебя нянькой к этому...

Он окинул Хольма выразительным взглядом, а один из незнакомых Котов усмехнулся, напоказ уронив ладонь на рукоять ножа. Что-то они грубо... Слишком грубо для простой потасовки. Рассимор вряд ли почешет за ушком тех, кто нарушил его приказ и напал на гостя. Хм, если только они не собираются убить Хольма и представить все так, что он сам начал первым. Никто в это не поверит, но им и не надо, главное — убрать Волка с дороги.

Правда, тогда придется убивать и Тайвора. Нехорошо как получается...

— А что, Волк разговаривать не умеет? — с ленцой протянул тот, что щупал нож. — Совсем дикий? Тайвор, ты за него только говоришь или еще что-нибудь делаешь? Ну, в уборной, например, держишь ему кое-что...

— Не ведись, — тихо сказал Хольм, но было уже поздно, Тайвор коротко прошипел что-то про драные уши и шагнул вперед.

Почти в тот же миг за спиной потянуло чужим запахом. Хольм стремительно скользнул в сторону, краем глаза увидев, что из коридора за их с Тайвором спиной показались еще двое. Рыжие волосы, богатый наряд... На один вдох ему померещилось, что это Ивар, сердце даже успело радостно стукнуть, но нет — рядом с высоким широкоплечим незнакомцем стоял Гваэлис. Не Ивар, а всего лишь его верная тень. Итого семеро. На двоих, если предположить, что Тайвор не будет стоять в стороне. А он явно не будет, вон как напряжена спина и скруглены плечи в боевой стойке... Правда, пока еще Кот держался, помня, что у него за спиной безоружный гость.

— Что, один на один не умеете? — негромко спросил Хольм, ловя взгляд того, что дразнил Тайвора, и пытаясь определить, кто здесь главный.

Первым всегда надо бить вожака — наука нехитрая, если знаешь, кто именно у противника главный. Обычно Хольм видел это сразу, но сейчас почему-то не получалось. Что-то не сходилось... Или вожак у него за спиной, то есть уже сбоку?!

— Ты смотри-ка, он все-таки разговаривает! — восхитился Кот. — Эй, Тайвор, малыш, отошел бы ты в сторону, а то на хвостик наступим — больно будет. А мы ведь наступим... нечаянно...

— Много говорите, — тихо уронил Хольм, пытаясь держать взглядом и тех, что впереди, и две молчаливые тени сбоку. — Я гость вождя, и вы это знаете. Хотите бросить вызов самому Рассимору? Или Арлису, вашему Когтю?

Говорить о чести тем, кто всемером явился бить двоих, — дурная затея, все равно что от медведя на дереве прятаться. Но если сказать о наказании, вдруг задумаются? Только бы Тайвор не наделал

глупостей... Будь Хольм один, развернулся бы, сбил с ног легонького Гваэлиса и смылся в тот коридор, откуда пришел. Бегство — это не трусость, а отступление. Но Тайвор уже слишком близко к этим пяти и слишком далеко от коридора. Может, без Хольма его и не тронут, а может, выместят зло. Не убьют, так покалечат, и как потом глядеть парню в глаза, если Хольм его бросит? Правильный ответ — никак.

— Дайте дор-рогу, — все-таки сорвался Тайвор на легкий рык. — Ну?!

— Иди, — все так же безмятежно улыбнулся Даррас. — А мы с Волком поговорим. Правда, Волк?

И сделал шаг вперед. Легкий скользящий шаг, словно в танце или в самом начале поединка. И, словно его отражения в невидимом зеркале, так же шагнули вперед остальные четверо.

По-хорошему, Тайвору сейчас надо было прорываться через них и бежать за помощью. Причем с воплями на весь дворец, чтобы слышало как можно больше народу. Такие дела лишних ушей и глаз не любят. Но это означало бросить Хольма. Как ни крути — получится плохо.

Вот когда он истово пожалел, что безоружен. Сейчас бы просто достать нож и поиграть им, чтобы тяжелое блестящее лезвие порхало в воздухе, как мотылек. И глядишь — еще бы одна песчинка упала на его чашу весов. Те, что были в Волчьем городе, видели его поединок с Росомахой, они бы сразу призадумались, на что Хольм способен. Но сейчас перевес на их стороне полностью.

— Поговорим, — согласился Хольм. — Что, не нравлюсь я вам, да? Ну, это ничего, вы мне тоже по сердцу не пришлись. Много мяукаете, котики...

Что же они все-таки задумали? Проучить наглого Волка, невозбранно гуляющего по их дворцу? Морду набить, носом в дерьмо натывать? Но среди них Гваэлис, тень и руки Ивара, а тот хорошо знает, насколько живой и здоровый Хольм важен для Лестаны. В драке, еще и такой грязной, слишком легко убить или покалечить, лишив сестру-соперницу последней надежды на выздоровление. Конечно, озверевший Рассимор наверняка тогда потребует исполнения ритуала от самого Ивара, но это уже путь к прямому расколу Рысей... Не может Ивар этого не понимать! Не совсем же он безмозглый?!

И вообще, чего они ждут?!

— Не дурите! — крикнул Тайвор, и Хольм понял, что парень все-таки сорвался.

Наверное, он был хорошим бойцом, но сейчас ничего не понимал, потому что напротив оказались не враги, а вчерашние соратники. Те, с кем он рядом учился владеть оружием, с кем десятки, если не сотни раз выходил на учебные поединки, кому готовился прикрывать спину в бою и уж точно не подозревал, что спину надо побережечь как раз от них. Там, впереди, были свои, и для него оказалась неподъемной мысль, что надо защищать от них чужака. Ненадолго, но этого хватило.

Когда Рисал с Даррасом разом бросились ему навстречу, Тайвор промедлил всего миг, прежде чем выхватить нож. И опоздал. Его сбили с ног настолько умело и слаженно, что было ясно — договаривались, кому что делать. А в следующее мгновение круговерть драки закрутила и Хольма.

Тяжелый кулак просвистел мимо, едва не прилетев ему в челюсть, Хольм отпрыгнул, уклонившись. И пошел качать маятник из стороны в сторону, отступая к стене, чтобы прикрыть спину. Влево-вправо, влево-вправо, отбивая чужие руки и уворачиваясь от ног — пока еще уворачиваясь. Тяжелое злое рычание рвалось из груди, но Хольм его не выпускал — берег силы и дыхание. Обернуться? Не поможет — их слишком много. Как ни краток миг оборота, человек, перетекающий в зверя, слишком уязвим, да и не сделает волк ничего, потому что убивать их нельзя. Пока они первыми не вытащили ножи — нельзя!

А клинки Котов были в ножнах, и это он никак понять не мог. Неужели все это представление только ради возможности набить ему морду?

Хольм бросил быстрый взгляд туда, где его охранник пытался подняться с мраморного пола, забрызганного кровью. Но те же прихвостни Ивара, что его повалили, заметив, добавили парню ногами, снова уложив на пол. Уложив, но не стараясь добить. Значит, убивать ни Хольма, ни свидетеля они не собираются?

— А говорили, ты боец! — выдохнул тот, говорливый. — Дерись уже, что ты бегаешь?! Или сдавайся! Ну?!

— Р-размечтался... — ухмыльнулся Хольм, снова пригибаясь. — Много вам чести...

Пару-тройку тяжелых тычков он все-таки пропустил. Вскользь, однако предплечья уже ныли от чужих кулаков, да гудела голова — один из ударов пришелся по скуле. Но и Котам досталось. Из пяти двое отлетели, словно фигурки в ярмарочной игре. У Дарраса хрустнули ребра, лицо второго,

незнакомого, залила кровь из разбитого носа.

Привалившись к стене, Хольм изо всех сил отмахивался, понимая, что вот-вот упадет — и его попросту забьют ногами. Пока спасало лишь то, что пятерым противникам перед ним было попросту не развернуться. Даже четверым — Гваэлис в драку не лез, мелькал где-то слева, и его напряженное лицо, так похожее на Ивара, злило и отвлекало Хольма. Так и хотелось развернуться и хоть разок достать смазливую физиономию соглядатая. Но тот словно чувствовал, держась так, что не подобраться.

— Прекр-р-ратить! — разнеслось вдруг по залу, и Хольм позволил себе один-единственный короткий облегченный вдох.

И тут же поплатился за это: разгоряченные Рыси сразу остановиться не смогли, продолжая махать кулаками.

Хольму прилетело под дых, он согнулся, ловя ртом воздух и отчетливо понимая, вот еще немного — и спасение бы опоздало. Но тут круговерть вокруг него с одной стороны распалась, там Арлис, ругаясь черными словами, оттаскивал своих мерзавцев, словно нашкодивших кошек — за шиворот. А с другой — случилась глупейшая толчея. Гваэлис, что до этого стоял в сторонке, кинулся на Хольма, ужом проскочив мимо своего же приятеля, вцепился в рубашку на плечах и повис, пригибая его к земле, а второй Кот саданул Хольма в ухо и ведь достал, зараза длиннорукая, так что Хольм поплыл окончательно.

— Шкуры сниму! — орал Арлис, и его разъяренный хриплый голос звучал в ушах Хольма сладчайшей музыкой. — Поганой метлой из дружины! Свинопасами пойдете служить! Ур-роды холощенные! Кто пр-р-риказал? Я вас спр-р-рашиваю, бурдюки с дерьмом, кто вам это велел, а? Стоять! Отвечать! В глаза смотреть!

С трудом вдохнув и разогнувшись, Хольм оглядел развернувшееся представление и с мстительным удовлетворением подумал, что боги иногда еще как не спят. Занесло же сюда вовремя именно Когтя! Или... занесло не случайно?

— Тайвор... — прохрипел он, сглатывая кровь, чтобы не плевать ею. — Ему к целителю... надо.

Про то, что ему и самому лекарь не помешал бы, умолчал, но Арлис не был бы Когтем, если бы не видел такое с полувзгляда, как и сам Хольм.

— Ты! И ты! — рявкнул он, указывая на понурого Рисала и еще одного Кота из тех, кому досталось поменьше. — И ты! — ткнул пальцем в здоровяка, что пришел с Гваэлисом. — Тайвора к целителям, бегом! И не дай вам Луна его по дороге уронить! Я тогда вашими шкурами велю здесь полы от крови отмывать! Бер-режно несите, ур-роды... А ты и ты...

Он перевел взгляд на Хольма, явно прикидывая, кто из оставшихся сможет его поднять.

— Сам дойду, — все-таки сплюнул кровью на пол Хольм и привалился к стене.

— Поговори мне еще! — выверился Арлис уже на него. — Дотащат, не переломятся! А потом чтобы там меня и ждали! — заорал он вслед угрюмым Котам, поднявшим Тайвора на руки, и опять обернулся к Хольму. — Так вот... Эй, Волк! Волк, чтоб тебя! Ты чего?

«Я? Да ничего, — удивился Хольм. — Я в порядке. Даже не болит... почему-то. Только спать охота... и темно... Вот странно, только что был день...»

Он хотел открыть рот, чтобы поделиться этой странностью с Арлисом, но губы онемели, словно на морозе, а во рту появился мерзкий привкус гнили, будто Хольм глотнул болотной воды. И в висках тревожно застучали звонкие молоточки. А потом он успел понять что-то очень важное про эту драку, но тут же забыл, потому что отдаляющийся голос Арлиса что-то орал в самое ухо, но Хольм не мог разобрать ни единого слова. Болотная вода вдруг ударила ему в лицо черной вонючей волной, и Хольм захлебнулся в ней, камнем уйдя на дно, в непроглядную тяжелую жижу.

Глава 19

Дела семейные

— Тебе кто вставать разрешал? — услышала Лестана над головой сердитый голос тетушки Аренеи. — А если кровотечение опять начнется? Что я с вами, дурехами, делать буду? От одной ко второй метаться?

— Не ругайся, Ари, — мягко прозвучал другой голос, и Лестана попыталась радостно вскинуться, но не смогла даже голову приподнять.

Матушка! Она пришла!

Прошелестел тяжелый шелк, и Лестана увидела краем глаза любимое матушкино платье, синее с серебром. Больная или здоровая, матушка никогда не покидала свои покои без тщательно подобранного наряда, прически и украшений. Жена вождя — образец для всех женщин клана...

— Леста, милая, ты не спишь?

Ее ласково погладили по волосам, и Лестана вдохнула знакомый запах притираний для гладкости кожи. Дернула головой, пытаясь повернуться, но шея слушалась плохо, и она лишь придвинула затылок ближе к ласкающей ладони, прошептав:

— Матушка... Как твоё здоровье?

— Обе сумасшедшие, — буркнула Аренея. — Ладно, девочки, — обратилась она к целительницам, которые делали Лестане массаж, — хватит пока. Вечером перед сном еще разомнем. А вы... Не смей мне плакать, ясно? Радоваться надо, что все живы! Эльдана, я кому говорю?! Быстро вытерла слезы, иначе в постель отправлю и неделю на снотворном продержу! Раз ни себя, ни девочку побережь не умеешь!

— Прости, Ари, — вздохнула матушка. — Я больше не буду. Моя девочка... она поправится, правда?

— Пусть только попробует не поправиться, — грозно заявила Аренея и в одиночку, зайдя с другой стороны, ловко перевернула Лестану на спину. — Так, пойду я скажу своим распустехам, что на вечер готовить, а вы здесь не вздумайте слезами друг друга заливать. Я не шучу! Одной снотворное назначу, второй — перцовую мазь под хвост, заодно проверим, вдруг поможет...

Лестана невольно фыркнула, и даже уголки матушкиных губ тронула улыбка. Аренея вышла, прихватив опустевшие бутылочки из-под снадобий, а матушка снова погладила Лестану по голове, прошептав:

— Бедный мой котенок, похудела, бледненькая совсем... Ничего, Ари поставит тебя на ноги.

— Мне уже лучше! — дрогнувшим голосом заверила Лестана, вглядываясь в родное лицо и с болью подмечая, что морщинок в уголках глаз добавилось, кожа под слоем тонкой пудры все равно серая, а губы умело подкрашены, но выглядят уже и тоньше, чем обычно. — А как ты?!

— Ничего страшного, — улыбнулась матушка. — Аренея, как всегда, слишком беспокоится. Сейчас главное, чтобы ты побыстрее поправилась. Твой отец мне все объяснил. И про Совет и про... вчерашнее. Лестана, девочка моя, не бойся, этот... как бы брак... он не продлится долго!

И она тронула длинными холеными пальцами замшевый шнурок на запястье Лестаны, едва уловимо скривившись, будто прикоснулась к чему-то отвратительному.

— Я сама виновата, матушка, — попыталась улыбнуться в ответ Лестана. — Но знаешь... я больше не думаю, что Хольмгард... что он виноват. Конечно, точно я не знаю! Но он...

— Ах, милая, да какая разница?! — воскликнула матушка, с тревогой вглядываясь в ее лицо. — Если он не виноват, это прекрасно! Но какой из него муж? Он же грязный дикарь, свирепый и не владеющий собой! Мне рассказали, что он даже здесь напал на Ивара! Сломал бедному мальчику нос и наверняка убил бы, если б его не оттащили...

— Матушка...

Лестана прикусила губу, вспомнив, с каким лицом Ивар явился на Совет. Значит, это правда? Но почему Хольм на него напал? Что-то здесь не так! И потом, она никогда не разбиралась в мужских делах и воинском искусстве, но то, как Хольм избил Медведя, помнила отлично. Это была не схватка, а именно избиение! Да если бы Хольм сотворил такое с Иваром... Там бы сломанным носом не обошлось!

— Матушка, я не знаю, почему он так поступил, но причины наверняка были, — тихо сказала она, вспомнив еще кое-что. — Ивар, пока мы плыли сюда, не слишком хорошо с ним обращался. Волк на него зол, но это можно понять...

— А как он должен был обращаться с этим зверем? — возмутилась матушка. — С чудовищем, которое на тебя напало! И не спорь, мало ли что ты думаешь. Никто ведь не доказал обратного!

— Его вину тоже не доказали.

Лестана против воли начала злиться, чувствуя себя ужасно виноватой за это. Она дурная дочь, если прекословит больной матери, которая встала с постели, чтобы ее навестить. Конечно, матушка за нее боится! И Хольм в ее глазах настоящее чудовище, а вчерашнюю свадьбу она бы не одобрила уже потому, что это нарушение всех приличий.

— Ну-ну, милая, прости, — снова улыбнулась матушка, взяла ее руку и погладила, старательно не касаясь шнура. — Тебе нельзя волноваться, котенок мой. Все будет хорошо. Ты выздоровеешь, мы расторгнем этот брак и найдем тебе прекрасного мужа! Что ни делается по воле Луны, то к лучшему, поверь мне. Наконец-то ты сможешь быть настоящей женщиной, счастливой в браке и думающей о том, что действительно важно. Я так рада, что с тебя сняли это бремя!

— Ка...кое бремя? — спросила Лестана, запнувшись и тревожно вглядываясь в лицо матушки. — О чем ты?

— О твоём статусе наследницы, детка! Я всегда была против, чтобы твой отец взваливал на тебя эту ношу! Разве это для девушки?! Ты ведь и сама не была этому рада, правда? Все эти бесконечные дела, бумаги, заботы... Леста, милая, ты была такой умницей, я знаю! Но мужчины... они просто лучше к этому приспособлены! Это их предназначение, как наше — хранить семейный очаг, растить малышей, быть опорой и поддержкой супруга...

Лестане словно отвесили пощечину. У нее даже в глазах потемнело, а губы мгновенно пересохли. Матушка думает, что перестать быть наследницей — это благо?! После... после всего, чему Лестана научилась за эти годы?! После всего, что она так старательно делала для клана?!

— Матушка, но я хотела быть наследницей... — прошептала она. — И отец был доволен мною.

— Ну конечно, милая, конечно! — Душистая нежная рука все так же ласково провела по ее волосам. — Когда Эрлис... когда его не стало... Конечно, ты должна была стать наследницей! Кто же еще?! Если бы медальон получил Ивар, все могли бы подумать, что ты... что с тобой что-то не так...

— Что я неполноценная, да?! — выдохнула Лестана.

— Не говори так! — Губы матушки задрожали, но она справилась с собой и убежденно произнесла, вглядываясь Лестане в глаза: — Ты самая лучшая на свете, девочка моя! И настоящая Рысь! Просто твой час еще не пришел! Но ты справишься и обретишь прекрасного зверя, я знаю! Выйдешь замуж... А потом все будет хорошо!

Она повторила это, словно заклятие, с такой истовой верой, что Лестана до боли закусила изнутри щеку, чтобы не разрыдаться. Прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, а потом тихо сказала, изо всех сил стараясь не выдать, что на самом деле чувствует:

— Да, матушка, все будет хорошо. Прости, я так устала... И ты тоже, наверное? Нужно отдохнуть...

— Конечно, милая! — Склонившись, матушка коснулась губами ее лба, на миг задержалась, а потом тихо прошептала почти в самое ухо: — Я люблю тебя, котенок мой родной. И желаю тебе самого лучшего, поверь! Не грусти о том, что потеряла, твоя судьба будет гораздо лучше. Пусть Ивар станет наследником, он твой близкий родич и никогда тебя не обидит. Оставь мужские дела мужчинам и думай о себе, о том, как стать счастливой и принести счастье своей семье. Лучшая доля для женщины — быть женой и матерью, а вовсе не вождем. Если бы я могла родить твоему отцу еще детей... Но ты будешь счастливее меня, котенок! Я день и ночь буду молить Луну об этом. Она забрала у меня сына, так пусть все счастье, что было положено вам на двоих, достанется тебе!

Снова прошуршал тяжелый шелк, и Лестана услышала удаляющиеся шаги. Лишь когда дверь закрылась, она открыла глаза и истово пожалела, что не может стиснуть кулаки и ударить ими обо что-нибудь. Рот наполнял вкус крови — щеку она прикусила слишком сильно.

Все эти годы! Долгие пять лет, когда Лестана из шкуры выворачивалась, пытаясь быть настоящей наследницей отца, матушка считала, что все это напрасно?! Что она, Лестана, должна отдать свое место Ивару лишь потому, что он мужчина?! И что?!

Тетущка Арения — целительница, спасающая сотни жизней! К ней ездят за помощью и советом из

многих кланов, а потом называют новорожденных девочек ее именем, чтобы переняли хотя бы часть мудрости.

Тетушка Мирана — верховная жрица Арзина, у нее в подчинении сотни храмовых служительниц, ученых книжников, целительниц! Храмы — могучая сила, сравнимая с властью вождя и во многом даже превосходящая его!

А матушка считает, что женщины должны быть только женами и матерями, потому что сама всю жизнь хотела именно этой судьбы и никакой иной. Да, она прекрасная супруга вождя и любящая мать, но... Как она не может понять, что Лестана не просто приняла медальон наследницы, потому что так велел отец?! Это было ее гордостью и честью, ее сложным, но достойным путем! Да, Лестана не могла заменить Эрлиса, но зато она точно знала, что делает все, что может! А матушка... все это время хотела, чтобы...

Лестана крепко зажмурилась, запретив себе плакать. Хватит! Аренея права, нечего лить слезы! Если бы отец решил назначить наследником Ивара, Лестана смирилась бы с этим, но ведь он этого не сделал! И все еще увидят... увидят...

— Госпожа Аренея! — ворвался в ее мысли испуганный голос. — Вы здесь?!

Лестана открыла глаза и увидела, что в комнату заглядывает одна из помощниц целительницы. Увидев, что никого, кроме Лестаны, в спальне нет, женщина скрылась за дверью, только прозвучали торопливые шаги, почти бег.

Интересно, зачем ей так понадобилась Аренея?

Лестана покосилась на дверь в гостиную и с тоской подумала, что не может даже позвонить в колокольчик, чтобы позвать служанку. И Кайса куда-то исчезла... Все ее бросили! Нет, она не будет переживать и думать всякие гадости. Если Кайса ушла, значит, у нее дела. Ну не может ведь бедная Кайса сидеть у ее постели неотлучно? Скоро кто-то придет... обязательно придет...

Она прикрыла глаза и задремала, как показалось, на несколько минут. Но стоило двери открыться, как Лестана чутко вскинулась, с трудом повернув туда голову. На пороге стояла Кайса, и лицо у нее было такое, что Лестану словно кошка по сердцу рванула когтистой лапой.

— Что?! — выдохнула она. — Матушка?! Отец?!

Кайса молча помотала головой, прошла и села на постель.

— Ты только не переживай, — сказала она виновато. — Все будет хорошо...

«Ненавижу эти слова!» — зло подумала Лестана, а вслух поторопила подругу: — Ну?

— Твоего Волка чуть не убили, — уронила Кайса и вздохнула, устало потерев лицо ладонями.

— Он не мой... Что?!

— Живой он, живой, — заторопилась Кайса, глянув на ее лицо. — Да успокойся, этого Волчару тараном не перешибешь. Только дело какое-то странное. Понимаешь... его отравили...

— Что? — повторила Лестана в совершенной растерянности. — Как?

— В том-то и дело, что непонятно — как! — огрызнулась Кайса, вытащила из кармана яблоко и захрустела им — вечная ее привычка во время переживаний. — Арлис его к целителям полумертвого притащил. Сначала думали, ему по голове досталось — он с Котами повздорил, ну и... А нет! Аренея сказала, что это яд! И что если бы Арлис немного опоздал... В общем, очень плохо было бы, вот! И яд какой-то хитрый, Аренея никак не может понять, чем именно Волка отравили. Вроде и не ел он ничего такого, не пил... Не волчмор точно, его бы Аренея сразу распознала! А вот что?! И откуда?!

— Бред какой-то, — тихо сказала Лестана. — Кому это нужно? Никто же не знает, что мы...

Она глянула на шнурок, обвивающий запястье так легко, невесомо и безобидно.

— Ну, значит, кому-то он все-таки сильно на хвост наступил, — рассудительно отозвалась Кайса, догрызая яблоко, и спохватилась: — Ой, хочешь яблочка? У меня еще есть, я тебе кусочками порежу!

— Не хочу, — бледно улыбнулась Лестана. — Кайса, ты ведь понимаешь, что это значит?

— Еще бы, — вздохнула подруга. — Вам надо вечером ритуал проводить, а Волк валяется чуть живой. И когда на лапы встанет — неизвестно!

— Кайса, позови Аренею, — попросила Лестана и тут же поправилась: — Не сейчас! Когда она сможет! Скажи, мне очень нужно ее видеть.

— Ладно, — покладисто согласилась Кайса. — Только ты сначала поешь, хорошо? Тебя же со всей этой беготней и не покормили! Давай я...

— Кайса!

— Ладно, ладно, иду! Вот в кого ты такая упрямая, а?

Бурча себе под нос, Кайса вышла, а Лестана снова прикрыла глаза. Раньше она не понимала, как это важно: уметь в любой момент спрятаться в себя, уйти поглубже, чтобы скрыть там боль, пережить ее, набраться сил и выйти снова к миру сильной и обновленной. А всего-то и нужно — опустить веки, словно выстроив стену между собой и миром. Так легко — и так тяжело, если это все, что ты можешь.

Она лежала так несколько минут, чувствуя, как внутри что-то тянет и рвет, как холодная злая боль наполняет ее душу, но не лишает сил, а, напротив, словно прибавляет их. Луна-прародительница, она так хотела вернуться домой! Казалось, что стоит снова оказаться в Арзине, как все беды кончатся, и она вернется в счастливое беззаботное детство, где самой большой бедой был выговор матушки за испачканное платье. Она вернулась — и что?!

Узнала, что самый близкий и родной человек считает ее пригодной только рожать детей и угождать мужу, а все, на что Лестана способна в делах, называет блажью, недостойной настоящей женщины!

Проклятая слабость... Нельзя встать и доказать им всем, что она справится не хуже, чем Ивар! Нельзя найти убийцу, который — теперь понятно! — затаился где-то поблизости и охотится не только на Лестану. Не получается защитить свою семью, стать настоящей Рысью, сделать хоть что-нибудь, чтобы вернуть себе право уважать себя же! Проклятая, проклятая беспомощность!

И тот, кто отравил Волка, безошибочно ударил в спину и Лестану! Если прервать ритуалы, она ни за что не успеет выздороветь до своего двадцатого дня рождения и не призовет Рысь... Медальон наследника станет принадлежать Ивару, но дело даже не в этом. Лестана проиграет! Покажет всем и свою слабость, и слабость своего отца, от которого — как все решат! — отвернулась Луна.

Лестана опять закусила изнутри уже другую щеку, пока солноватый вкус крови ее не отрезвил.

— Ну и что тебе надо, девочка? — сварливо поинтересовалась Аренея, входя в комнату.

Под глазами целительницы залегли темные тени, она устало села на стул возле стола и посмотрела на Лестану.

— Жив твой Волк, — буркнула в ответ на ее немой вопрос. — Всем бы такое здоровье — я бы без работы осталась. Вот счастье было бы! Жив и скоро будет здоров. Но дня два-три повалится, и никаких ритуалов, конечно.

— Ритуалы будут, — тихо и ровно сказала Лестана. — Тетушка Аренея, вы должны их проводить и дальше. Без Волка, конечно! Я... согласна терпеть и так.

Целительница прищурилась, внимательно разглядывая ее, потом хмыкнула:

— Интересно, о чем это ты с Эльданой говорила? Ну, смотри, девочка, ты знаешь, на что идешь.

— Знаю, — коротко согласилась Лестана.

— С Рассимором я поговорю. — Аренея тяжело поднялась, на миг выдав усталость, но тут же снова развернула плечи в привычной гордой осанке.

«Пожалуй, в этом она красивее матушки, — вдруг подумала Лестана. — Да, у матушки чудесное лицо с тонкими чертами, дивные волосы, она такая нежная, холеная, ухоженная... Но вот так вскинуть голову она не умеет. А тетушка Аренея наверняка и в молодости была не очень хороша собой, но какая же она статная, гордая и сильная...»

— Скажите мне, когда он придет в себя, хорошо? — попросила она, отводя взгляд. — И передайте, что... Хотя нет, не надо! Ничего не надо! Я жду вас вечером, да?

— Вечером, — кивнула Аренея. — Раз ты уверена — попробуем. Точно не хочешь, чтобы я притащила сюда Ивара за шиворот?

Она снова прищурилась.

— Нет, — твердо ответила Лестана, все еще чувствуя солоноватый вкус крови в собственном рту. —

Это... семейное дело. Пока Волк не выздоровеет, я справлюсь сама.

Ледяная тьма была вокруг, давила на грудь, сжимала тело... Хольм барахтался в ней, сопротивляясь, не позволяя тугим скользким щупальцам окончательно выжать дыхание из тела, упрямо прорывался куда-то, не видя ни одной искорки света, но точно зная, что где-то он есть.

Потом появился смутно знакомый голос, но слова слышались из бесконечной дали, тихие и неразборчивые. Хольм изо всех сил прислушивался и наконец понял, что женщина ругается, да так, что иной старший дружинник, гоняющий молодняк, позавидовал бы.

И все-таки он уцепился за этот голос, будто за спасительную веревку, и заставил себя слушать каждый звук, чтобы не соскользнуть опять в омерзительное болото небытия.

А потом вернулся свет... Хольм открыл глаза, уставился в окно, из которого лился поток солнечных лучей, прищурился... И, уже успокоенный, заснул по-настоящему.

Снова проснулся он на закате, когда комната окрасилась в тревожные багровые тона, а по углам залегли темные тени. Пошевелился, но тело оказалось налитое свинцом, во рту словно что-то сдохло и уже сгнило, а в висках били кузнечные молоты. Хольм вяло удивился, откуда посреди дворца взялась кузня, и лишь через пару минут сообразил, что это удары его собственного сердца. Обвел комнату взглядом и облизал губы, увидев кувшин, стоящий на столике у кровати. Комната, между прочим, была тоже знакомая, и память услужливо подсунула, что это гостиные покои в арзинском дворце, те самые, куда его поселили.

Попытавшись дотянуться до кувшина, Хольм стиснул зубы, злясь на себя и не понимая, что вообще случилось. Была драка — это он отлично помнил. Потом явился Арлис и разогнал своих драных кошаков, чтоб им крысы хвосты поотгрызали... А потом... Потом в голове мутилось и помнилось только, как он сполз по стене. Да еще — мерзкий привкус во рту, точно такой, как сейчас.

До кувшина он все-таки добрался, но уронил его, залив постель каким-то травяным отваром, и вбежавшая служанка всплеснула руками:

— Ой, господин Волк, что же вы меня не позвали? Ну ничего, я еще принесу! Вы пить хотите, да? Сейчас-сейчас!

Она плеснула остатки питья в стакан и помогла Хольму напиться, сам он даже такую мелочь не удержал бы — руки тряслись, а суставы болезненно ныли. Нет, что же это творится?

Узнать у девчонки, что с ним случилось, Хольм не успел. Стоило дохлебать настой, показавшийся самым вкусным питьем в его жизни, как Хольма повело, и он рухнул на постель, а глаза сами собой закрылись. «Снотворное, — понял Хольм, опять проваливаясь в дремоту. — А женщина — это была Аренея. Значит — что? Я болен? Или это мне по башке так настучали?»

Подумать безусловно нужную мысль не получилось, перед глазами заскакали зайцы — почему-то розовые и подозрительно веселые, так что в здравом уме Хольм дюжину раз подумал бы, зачем ему ловить такое странное зверье. Но у сна свои законы, и лапы сами понеслись за убегающими зайцами, которые вдруг превратились в птиц и взмыли в небеса — Хольм только зубами щелкнул от досады. Он как раз успел подумать, что Лестане пошла бы шубка из розового меха — и тут такое разочарование! А сон все длился и длился, уводя в немыслимые хитросплетения возможного и небывалого, и Хольм смирился, какой-то частью рассудка понимая, что так переждать нездоровье и вправду будет легче.

В третий раз он проснулся около полудня, чувствуя себя живым, но отвратительно слабым. Честно попытался встать — не вышло. Подумал о еде — желудок отозвался судорогой отвращения, а вот пить хотелось, и Хольм снова потянулся к кувшину. На этот раз получилось, но он подозрительно принялся и лишь убедившись, что в кувшине — чистая вода, вдоволь напился. Хватит, никаких больше розовых зайцев, пока кто-нибудь не объяснит, что здесь происходит!

Рядом с кувшином нашелся колокольчик, и на звон из соседней комнаты прибежала та же служанка, что в первый день помогала ему с купанием, а потом поила снотворным. Девчонка распылась в искренней улыбке, словно Хольм был ее родным братом — не меньше, и кинулась поправлять ему подушку, предлагать еду, спрашивать, не надо ли господину Волку чего... Хольму еще как было надо, но не поганое ведро же просить! До этого он еще не дожил...

— Тебя кто ко мне приставил? — спросил он, подумав.

— Господин Арлис! — радостно отозвалась девчонка. — И велел сказать ему, как только вы проснетесь. И госпожа Аренея тоже велела. Ой, это же мне надо к ним сбегать! А вы тут подождете, да?

— Не бойся, — усмехнулся Хольм, — никуда не денусь. И рад бы, да не получится.

Девчонка, смущенно хихикнув, выскочила за дверь, а он с трудом встал с постели и отыскал дверь в уборную. Сделав нужные дела, вернулся в спальню и рухнул в постель. Сердце молотило, словно Хольм пару раз оббежал вокруг родного дворца в полном доспехе, с щитом и мечом — устроил он как-то такое на спор... Зато в сон уже не тянуло, только голова побаливала.

Допив остаток воды прямо из кувшина, он удобнее устроился на подушках и принялся ждать, гадая, что же случилось. Потом пришла нехорошая мысль, сколько же он так провалялся? Не меньше суток, а это значит... Лестана! Она же его ждала для ритуала!

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Арenea, входя в спальню. — Наконец-то проснулся! Благодарю Луну, Волк, и своих родителей, здоровья они тебе отмерили на троих. Другой бы неделю провалялся, а кто-то и вовсе не выжил. Арлиса тоже поблагодарить не забудь — это он сообразил, что тебя надо к целителям бегом тащить. Везучий ты, Волк, наверное, Луна тебе сложную жизнь уготовила.

— Еще сложнее? — поинтересовался Арлис, входя следом за ней. — Так может, сразу его прибьем, чтоб не мучился?

— Добрые все... — мрачно отозвался Хольм. — Сколько я без памяти был? И как Лестана?

— Да всего-то три дня, — «успокоила» его Арenea, присаживаясь на край постели. — Не дергайся! С Лестаной все хорошо, каждый день присылала о твоём здоровье спросить.

«Беспокоилась?! — Хольму словно провели по телу мягкой пушистой лапой, но он тут же себя одернул: — Конечно, беспокоилась, ритуал ведь! А я здесь три дня лежу!»

— Что случилось? — спросил он, пока целительница щупала ему запястья, слушая пульс, и зачем-то заглядывала в глаза, оттянув веки. — Меня, вроде, по голове не били. Ну, не настолько сильно...

— Да-да, — язвительно согласилась Арenea. — Вот если бы из катапульты зарядили по лбу! А кулаком — это что, тьфу! Настоящий мужчина приходит к целителям, если у него в спине копьё торчит — потому что оно ему спать мешает! А до этого — ни-ни! Рот открой! И язык покажи!

Арлис сидел с каменным лицом, только в зеленых глазах, по-кошачьи раскосых, плясали смешинки. Хольм покосился в его сторону, но язык послушно показал. Еще он с целительницами не спорил! Эти потребуют — еще и не то покажешь...

— Завтра можешь вставать, — удовлетворенно сказала Арenea. — Побольше пей чистой воды, слышишь? Не меньше кувшина в день, а лучше — больше. И лекарства, которые я пришлю. Тебе здоровье на двоих нужно, помнишь об этом?

— Помню, — угрюмо отозвался Хольм. — Так все-таки...

— А про «все-таки» — это тебе Арлис объяснит, — отрубилa Арenea. — Ты у меня не один, дел полно!

И вышла, напоследок обменявшись с Когтем многозначительными взглядами.

— Ты драку хорошо помнишь? — вместо объяснений спросил Арлис.

— Ну, допустим...

— Да расскажу я, расскажу, — поморщился Коготь. — Но сначала, пока ты себе лишнего не надумал, вспомни хорошенько — тебя со спины били?

— Нет, — уверенно отозвался Хольм. — Я почти сразу к стене привалился. По морде съездили — это было. А к спине я никого не подпустил — это ж ума лишиться надо.

— Так... — Помрачневший Коготь заходил по комнате, что-то обдумывая, потом остановился и глянул на Хольма.

— Тебя отравили, — уронил он и сразу добавил: — Не едой и не питьем, за это Арenea ручается. Она говорит, что яд попал в кровь снаружи, через рану или ссадину. Но поди пойми, какая это ссадина была, если тебя разукрасили, как лицедея на ярмарке.

— Им тоже досталось, — процедил Хольм из чистого упрямства, а потом осознал, что сказал Арлис, и поразился: — Яд?! Зачем?! Кому это... — и осекся.

— Вот-вот, — подтвердил Арлис, — кому и зачем? Но если бы я немного позже появился, если бы не заподозрил неладное, когда ты по стеночке сполз и позеленел, как жаба... И если бы Арenea не была так хороша в своем деле... То сегодня, Волк, мы бы тебя поминали.

— Ясно... — протянул Хольм, лихорадочно пытаясь представить злосчастную драку. — Ссадина, значит? Нет, не помню. Ножи никто не доставал — это точно. Если только узкое лезвие в кулак зажать... А причем тут спина?! — вскинулся он.

— Да царапина у тебя там как раз подходящая, — отозвался Арлис, садясь на край кровати. — Остальные — просто ссадины, будто тебя спиной об стенку приложили, а эта узкая, ровная, то ли разрез, то ли укол. Точно ничего не помнишь?

— Вроде нет... — Хольм неуверенно помотал головой, которая тут же отозвалась тупой тянущей болью. — Но драка — дело такое, что за всем не уследишь. Получается, они на это и рассчитывали?!

— Именно, — тяжело уронил Арлис. — Кто-то шел тебя убивать, а остальными прикрылся, пока эти дурни думали, что просто поучат обнаглевшего Волка уму-разуму.

— Поучалки не отвалились? — оскалился Хольм. — Между прочим, а что им за это будет? Или у вас в Арзине приказом вождя и Когтя подтереться можно?

— Языком своим подотришь, — посоветовал Арлис мрачно. — Он у тебя длинный, как раз пригодится! — И добавил, зло дернув уголок рта: — Ничего им не будет, ясно?! Потому что это ты, оказывается, напал на бедненьких безвинных котятков, которые просто мимо шли. Начал оскорблять Арзин и семью вождя, а потом и кулаками размахался. А они пытались от твоих кулаков уворачиваться, чтобы приказ вождя и законы гостеприимства не нарушить, но не всегда получалось. Так что если кого и наказывать — это дикого злобного Волка, ясно?!

— Ух ты! — ошеломленно выдохнул Хольм, не сразу снова обретя дар речи. — То есть — это я их? А не они — меня? Ух ты... Вот это я лихо — в одиночку на семерых! Прямо гордиться можно! Ну а что, и не такими дуростями гордятся! А... как же Тайвор? Он, кстати, как?

— Ничего, отлежался, — буркнул Коготь. — Помяли его, но несильно, им ты нужен был. А что Тайвор? Кто его слушать станет, если всем понятно, что он на твоей стороне? Ваших два слова против их семи! К тому же ты — чужак, Тайвор — простой дружинник, а там четверо из семерых — сыновья знатных родов! Ну и кому Совет поверит?

— Красиво! — зло восхитился Хольм. — Это ж одним ударом даже не двух зайцев, а больше!

И он принялся загибать пальцы.

— Если б я сдох, договор с Волками, может, и не пошел бы сразу ежу под хвост, но... Отец бы не простил. А это значит — что? Рассимор бы разом потерял и союзников, и лицо перед вашим Советом. Так? Так! — ответил он сам себе. — А еще всему городу показали, что приказы вождя — это так, тьфу, как заяц чихнул! Это — два! Заодно и дружине досталось. Если Клык... ну то есть Коготь что-то приказывает, а сопляки, у которых молочные зубы недавно поменялись, его приказом подтерлись, то кому такой Коготь нужен? Или... — Он пристально посмотрел на стиснувшего зубы Арлиса, у которого желваки на скулах заиграли, и добавил: — Или это хороший такой намек, что Коготь — не жилец и никому ничего сделать не успеет. Не знаю, как у вас, а у нас в дружине было бы именно так. Это — три!

— Все сказал? — с тихой яростью уронил Арлис.

— Неа, — снова мотнул головой Хольм. — Еще я бы подумал, не узнал ли кто о нашей с Лестаной...

Он вдруг испугался, что лента пропала с руки, совсем ведь о ней забыл, и торопливо глянул на запястье. Убедился, что серебряный шелк так и обвивает руку, только в некоторых местах испачкался кровью, и бурые пятна неприятно выделяются на гладкой светлой ленте.

— В общем, если бы меня убили, некому было бы проводить для нее ритуал, — хмуро закончил он и исподлобья посмотрел на Арлиса, который вдруг расслабился. — Кстати, я же и правда не поблагодарил. Вовремя ты там оказался...

— На меня можешь не думать. — Коготь прямо посмотрел ему в глаза. — Я тебя и в самом деле искал, хотел спросить кое-что. Слуги сказали, что вы в эту часть дворца пошли, а здесь и посмотреть не на что, кроме зала трофеев. Вот я и догнал.

— Понятно... — уронил Хольм. — Значит, этим... так и сойдет все с рук?

— Не все, — оскалился в ответ Арлис не хуже его самого. — Из дружины я их вышвырнул с позором. И главам их родов сказал, что виноваты они или нет — это дело второе, а зачем мне в дружине котятки, которые всемером одного заломать не смогли? Вшестером, то есть, Гваэлис-то не дружинник...

— Ну, хоть так, — усмехнулся Хольм.

— Но это ненадолго. — Арлис с досадой передернулся и пояснил: — Зуб ставлю, что и месяца не пройдет, как эти красавцы в храмовой дружине окажутся. А те, кто служит храму, мне не подчиняются. Для остальных это, конечно, урок так себе, но что делать? Не пытаться же их! Про яд я им ничего не говорил, но... второй зуб ставлю — они не знали, что ими прикрылись, как щитом. Очень уж дерзко держатся, спокойно... А дать этой истории ход — шуму будет на весь дворец. Нам этого сейчас никак нельзя. Понимаешь, Волк?

Он посмотрел виновато, и Хольм про себя согласился, что Рассимор с Когтем и вправду попали, как заяц между волком и лисой. С одной стороны — Мирана, а храмы в Арзине — грозная сила, это уже понятно. Подумать только, у них даже дружина своя, и Когтю она не подчиняется! В Волчьем городе в такое не сразу поверят — и хвала Луне. А с другой стороны — Совет глав родов, который только и ждет, пока Рассимор оступится по-крупному. Кто-то там явно копает яму для вождя.

И тут Хольм вспомнил, о чем собирался спросить Тайвора как раз в тот момент, когда они вышли в злосчастный зал.

— Скажи, Коготь, а что случилось с братом Лестаны? Ну тем, Эрлисом?

Кот посмотрел с недоумением, потом нехотя уронил:

— Это здесь ни при чем. История давняя, пять лет прошло. Хотя нехорошая — да...

Он помолчал и принялся так же тяжело и словно сквозь неохоту говорить:

— Эрлис погиб на охоте. Он очень рано призвал Рысь, лес любил и знал, поэтому охотился в одиночку. Мы вообще звери не стайные, сам знаешь, в компании не нуждаемся. А Эрлис... он любил свою лихость показывать. Затравит крупного зверя, медведя или кабана, поставит вешку — и возвращается домой, а за добычей слуг отправляет. Ну вот... А однажды не вернулся. Сначала думали, просто задержался. Потом... Привезли его, в общем, через пару дней, в спине рана от стрелы, а самой стрелы нет. И следы искать уже бесполезно было, после этого дождь прошел, все смыло. Убийцу искали, конечно, но... Не нашли никого. Рассимору тогда нелегко пришлось, а Эльдана, жена его, и вовсе слегла, долго болела, до сих пор оправиться не может. А наследницей назвали Лестану. Ей пятнадцать всего было, но девочка старалась... И я, Волк, тебе так скажу, из них двоих я бы Ивару никогда медальон не отдал. Вот так-то...

— И что, даже не думали ни на кого? — осторожно спросил Хольм, у которого на языке так и крутилось, что кое-кому смерть единственного сына вождя была выгоднее всех.

— Думали, — остро взглянул на него Коготь. — Рассимор об этом даже слышать не хотел, он тогда к Ивару был куда теплее, чем сейчас. Но я сам все проверил. Ивар эти дни болел и из комнаты не выходил, но Мирана подтвердила, что он дома сидел. А главное, его в окно несколько человек в разное время видели. И таких, которым лгать ни к чему.

— Мог послать кого-то, — уронил Хольм. — Стрелок он славный, но если этот ваш Эрлис был охотником, подобраться к нему наверняка было непросто.

— Именно, — кивнул Коготь. — Эрлис бы кого попало к себе не подпустил. Я его сам учил и за это ручаюсь. Не будь он наследником вождя, стал бы Когтем после меня.

— Но Ивар — не кто попало, — продолжал размышлять Хольм. — Хотя, если убийца был не один... Ладно, следов уже не найти, если только кто-то не признается.

— Ты бы признался? — хмыкнул Арлис. — Нет, Волк, этот след надежно оборвали.

— Кстати, а чей он сын? Госпожа Мирана сказала, мол, он ей Луной подарен... Разве у вас жрицы замуж идут? У нас они целомудрие хранят, а если какая родит, из храма она уходит.

Хольм опять задумался, насколько же все-таки разнятся обычаи Рысей и Волков. Никому, конечно, в голову не придет позорить женщину, которая обрела счастье материнства, но служить Луне могут лишь те, кто не думает о семье больше, чем о богине и храмовых нуждах. А Мирана имеет сына, все это знают, и сама жрица говорит об этом с гордостью.

— У нас говорят, что одного ребенка, первого, жрице посылает Луна, — отозвался Арлис. — Если у жрицы были дети до того, как она ушла служить в храм, то должна хранить целомудрие. А вот если пришла в храм девой, Луна позволяет ей познать материнство, чтобы жрица понимала других матерей. Но только раз. Родит второго — и храм должна оставить. Никто не знает, от кого Ивар, но родился он по обычаю, в этом Мирану никто не может упрекнуть. И потом она всю жизнь вела себя безупречно, ни об одном мужчине рядом с нею даже слухов не ходило.

— Семейные дела, — слабо усмехнулся Хольм. — Чем ближе к тебе родич, тем легче ему тебе в спину нож воткнуть. Не верю я вашему Ивару, Коготь. Но опять же, когда мы с Лестаной были в

храме, Ивар на празднике с одной из наших Волчиц обнимался. Я сам это видел, когда убегал с площади в храм. И ему меня никак не обогнать не было, для этого пришлось бы гораздо раньше с площади уйти. Но я ему все равно не верю, хоть бы его сто раз Луна подарила!

— С Ивара теперь глаз не спустят, — сказал Коготь, поднимаясь. — А ты, Волк, за своей спиной следи, как бы в нее тоже что-то острое не прилетело. Тайвор просил его снова к тебе приставить, если, конечно, ты не против. Ну и еще пару дружинников найду из тех, кому верю. На Тайвора-то согласен?

— А чего нет? — пожал плечами Хольм. — Мы, вроде, поладили. Он меня от своих защищать был готов, это кое-чего да стоит. А что нож не успел вытащить, так за это я не в обиде. Другой и вовсе за чужака не стал бы глотку рвать, а Тайвор просто не думал до последнего, что это они всерьез. Может, и неплохо его пока из дружины убрать, меньше будет случаев задраться с кем-то...

Он осекся, а Коготь понимающе ухмыльнулся:

— Ну, ты еще меня поучи, как мне с моей дружиной управляться. Что, зубы чешутся, Волк? От безделья маешься? Потерпи и ни во что не влезай. Чует мое сердце, ты нам с Рассимором еще пригодишься. По-свойски, по-семейному.

Он пошел к двери, а Хольма передернуло от многообещающего тона и взгляда, который Арлис напоследок бросил в его сторону. «Семейные дела, — повторил он, прикрывая глаза и чувствуя, что разговоры вымотали его, словно тяжелый поединок насмерть. — Да лучше бы я еще раз с Росомахой подрался, чем иметь таких вот родичей. Одна радость, это они еще не пронюхали, что я им теперь свой. А то не знал бы, куда деться от родственной любви! Мало мне было Сигрун, госпожа Мирана ее с лихвой заменит, а об Иваре и говорить нечего. Хм, а вот интересно, могу ли я его отловить где-нибудь в темном коридоре и тоже поговорить по-родственному?»

И с этой приятной мыслью Хольм снова уснул.

Глава 20

Стены гордости

Волк появился на пороге ее спальни в полдень четвертого дня. Хмурый и осунувшийся, он глянул исподлобья, досадливо покосился на служанку, которая поила Лестану теплым молоком, и замер у стены, привалившись к ней спиной и заложив руки за пояс, всем видом показывая, что разговор будет не из легких.

— Что-нибудь еще, светлейшая? — спросила служанка, убрав стакан от губ Лестаны и промокнув их платочком.

— Нет, спасибо. Можешь идти, — вздохнула Лестана.

Дождавшись, пока девушка поклонится и выйдет, забрав посуду, она в упор встретила взгляд Волка и негромко сказала:

— Доброго дня, Хольм. Я очень рада, что ты здоров. Мне рассказали, что случилось. Прости, что Арзин встретил тебя такой подлостью.

— Ничего, переживу, — уронил Волк. — Госпожа Ареня мне сегодня сказала, что все эти дни ты проводила ритуал одна. Знал бы — встал бы раньше, хотя бы вчера.

— Чтобы умереть или надорвать себе сердце? — поинтересовалась Лестана. — Если Ареня не велела тебе даже вставать, думаешь, она бы тебе ритуал позволила?

— Думаю, что обошелся бы без ее позволения, — с тихой злостью уронил Хольм. — Мое сердце, мне и решать. Ты три дня мучилась, пока я отсыпался... Что, подождать было нельзя?!

— Нельзя! — так же напряженно отозвалась Лестана, чувствуя, что на глаза снова наворачиваются непрошенные слезы, но усилием воли запирая их и не позволяя пролиться. — По-твоему, я совсем ни на что не пригодна? Только перекладывать на других собственную ношу? Я Рысь! И могу потерпеть, если нужно! У меня, между прочим, руки начали двигаться — вот!

И она изо всех сил напрягла все еще непослушную руку, лежащую поверх одеяла, шевельнув пальцами. Вызывающе посмотрела в яростную синь чужого взгляда и вскинула голову, хотя даже это простое движение далось с немалым трудом. Четыре дня! Даже не три, а четыре, потому что еще был вечер дня, когда отравили Волка, и сегодняшнее утро. Восемь раз она терпела жуткую боль, выматывающую тело и душу! Стонала, не в силах удержаться, стискивала зубы и молча плакала, но каждый раз говорила Аренее, что снова ждет ее на ритуал. И целительница приходила со своими пыточными инструментами, горькими зельями, от которых потом постоянно хотелось спать, и мазями для растирания.

Четыре дня! На второй день к Лестане пришла матушка и умоляла ее подождать, пока Волк придет в себя и сможет забрать ее боль. И чуть ли не впервые в жизни они поссорились, потому что Лестана наотрез отказалась. Она должна была сделать это, потому что иначе потеряла бы всякое уважение к самой себе. И на шестой раз, когда она лежала, обессиленная после очередной лечебной пытки, пальцы зашевелились! А сегодня утром она смогла двинуть кистью, и когда Ареня растирала ей руки до самых плеч, Лестана это чувствовала!

Это была ее победа. Такая же важная, как первый раз выйти вместе с отцом на Совет глав родов или принять послов из другого клана. Выстрадавшая, взятая с бою, заслуженная... А этот Волк смеет говорить, что она должна была лежать и ждать его?!

— Вижу, — сказал он, посмотрев на ее руку, где на запястье чуть ниже края рукава темнел шнурок. — Слава Луне, если так.

От горечи, прозвучавшей в его голосе, Лестана невольно затаила дыхание, не понимая, нежели он не рад ее выздоровлению? Почему?! Ему что, нравится быть тайным мужем беспомощной куклы?! Но он ведь сам согласился на ритуал, значит, хотел помочь. Так что же теперь-то происходит?

— Если ты откажешься... от своего согласия, — сказала она, вдруг смертельно испугавшись, что так и будет, — никто тебя не осудит. Я уж точно пойму! Ты ведь не обязан... Я и сама справляюсь, видишь?

— Вижу, — с каменно застывшим лицом уронил Волк. — Вы прекрасно справляетесь, светлейшая госпожа Лестана. Впору мне просить прощения, что навязывался со своими услугами, верно?

«Он откажется, — поняла Лестана. — Теперь-то уж точно. И никто мне, дуре, не виноват, потому что это справедливо — самой отвечать за свои поступки. А еще... еще он снова обращается ко мне „на вы“ и по титулу. Вот так раз — и опять между нами стена!»

— Вам виднее, — сдержанно проговорила она, отведя взгляд. — Конечно, после того, что случилось... В любом случае, я прошу прощения, что вела себя так несдержанно в нашу прошлую встречу. И... постараюсь, чтобы отец понял все правильно.

«Скажу отцу, что сама решила отказаться от помощи Волка, иначе он будет в бешенстве. И так приходил каждый день. Правда, не упрашивал подождать, как матушка, просто сидел рядом после ритуалов и держал за руку... Нет, Хольму он этого не простит! Но что-то придумать надо. И этот брак... Он ведь теперь не нужен, получается?!»

Она вздрогнула от звука — кулак Волка гулко стукнул по косяку двери, рядом с которой Хольм стоял. Не оборачиваясь к Лестане, Волк замер, упираясь в деревянный косяк рукой, и несколько мгновений так простоял, а потом, так и не повернувшись, вышел. Только тогда Лестана перевела дыхание, ошеломленно глядя ему вслед. Ну вот что опять не так?! На что он разозлился?! Правду матушка говорит — дикарь!

Служанка, что хлопотала в соседней комнате, ойкнула, и там гулко хлопнула дверь в коридор. Почти сразу девчонка заглянула к Лестане, посмотрев на нее расширенными глазами, и испуганно пролепетала:

— Госпожа... С вами все хорошо?

— Конечно! — Лестана слегка приподняла брови, изображая удивление. — Разве что-то случилось?

— Д-да... То есть нет... — Девушка замялась и, наконец, выдавила: — Господин Волк... он так мимо меня пролетел, как будто...

— Как будто его сразу дюжина слепней под хвост укусила, — дополнила входящая Кайса. — Лестана, ты что с Волком сделала? На нем лица не было, мчался по коридору так, что чуть меня не сбил.

Она бесцеремонно забрала у служанки чашку с горячим ягодным отваром, отхлебнула и одобрительно кивнула, не преминув указать:

— Меда можно и побольше класть, я сладкое люблю.

— Из-вините, госпожа Кайса, — растерялась девчонка, которая наверняка налила отвар себе, вовсе не рассчитывая, что он попадет в чужие заgreбушие лапы. — Сделать другой?

— Ладно уж, этот выпью, — смиростивилась Кайса и позволила: — Иди, занимайся делами.

Служанка выскочила, а Лестана устыдилась, что до сих пор не спросила ее имени. Девушка новенькая, но раз ее приставили к покоям самой наследницы, значит, расторопная, честная и умелая. «Бывшей наследницы, — тут же одернула она себя. — Отвыкай на всякий случай... Вот пройдут эти три... а нет, уже две недели! — ты не успеешь призвать Рысь — и все! Конечно, пока отец остается вождем, он не отстранит тебя от дел... наверное. Но женщины, даже знатные, не занимаются ими так, как мужчины, поэтому заботами Арзина постепенно займется Ивар. Обидно...»

— Ну и как ты ему на хвост наступила? — поинтересовалась Кайса, присаживаясь рядом на постели. — Хочешь горяченького? Кисловато, но я меда положу.

— Нет, я молоко пила, — бледно улыbnулась Лестана. — Все хорошо, правда. Мы... немного поговорили. О будущем и вообще.

— И Волк после этого разговора умчался так, словно хвост ему не просто оттоптали, а еще и винтом закрутили, — понимающе кивнула Кайса. — Надеюсь, ты ему не сказала, что собираешься и дальше терпеть ритуалы сама? — Она глянула на Лестану, у которой щеки загорелись, и ахнула: — С ума сошла?! Ты... ты за что парню такую плюху отвесила, а?!

— Ничего я ему не отвечивала, — огрызнулась Лестана. — И если даже сказала, что с того? Мне ведь лучше? Лучше! А он сам наверняка не горит желанием это делать!

Она промолчала о том, что каждый раз ждет очередного ритуала с ужасом, что, когда входит Ареня, ей хочется, как в детстве, спрятаться под одеяло и не вылезать, что даже по ночам снится отвратительная серебряная игла, которая входит ей в темя, но не останавливается, а протыкает Лестану насквозь, как ягоду шиповника, которую нанизывают на нитку для сушки...

— Ох и дура ты... — покачала головой Кайса. — Леста, ну разве так можно? Ты что, не понимаешь?

— Не хочу об этом говорить! — отрубилa Лестана. — Я сама разберусь, ясно?!

— Ясно, — вздохнула Кайса. — И тебя тоже слепни под хвост укусили. Отцу хоть не говори, пока

хорошенько все не обдумаешь.

Она покачала в пальцах опустевшую чашку и снова тяжело вздохнула, глядя на Лестану с обидным сострадательным неодобрением. Потом поставила чашку прямо на пол, чтобы не тянуться к столу, и взяла руку Лестаны в свои ладони, горячие и крепкие. Негромко сказала, заглядывая прямо в лицо:

— Дуришь, сестричка, ой, дуришь... Парень ради тебя наизнанку вывернуться готов, а ты на него зубы скалишь. Ну не Брангард он, красиво говорить не умеет, но ты ведь и сама уже на сладких речах обожглась. Если он тебе совсем не по сердцу, так и скажи, но обижать-то зачем? Спорим, он и тогда помочь не откажется?

— Лучше бы отказался! — вырвалось у Лестаны, и она отвернула лицо от пронзительного взгляда Кайсы. — Что я ему дам взамен? Если и правда любит, ему рядом со мной только хуже! А я... я никого больше не полюблю, ясно? И никогда!

— Ясно, — кивнула Кайса. — Не только слепни, но еще и целая шлея под хвост попала. И удила сами собой закусилась. Леста, ты точно Рысь? Копыта не отросли еще, нет? И уши — длинные такие...

Против воли Лестана обиженно фыркнула, представив себе полу-Рысь, полу-ослицу, на что так настойчиво намекала Кайса. И снова взгляд, как привязанный, потянуло к золотистому шнуру на запястье. Наверное, это все-таки оказалось предзнаменованием, что их брак такой же непрочный и легковесный, как этот шнурок и отданная Волку лента. Разве можно что-то надежно скрепить лоскутком ткани или замши? Вот-вот они перетрутса, не пройдет и этих несчастных недель, которые отделяют Лестану от величайшего позора.

«Никогда больше не выйду замуж, — подумала она с усталым горьким облегчением. — Уйду в жрицы и стану хранить целомудрие, чтобы никто... никогда... ни за что...»

Она усилием воли попыталась отогнать воспоминание, какие глаза были у Волка, когда он услышал, что Лестана справится сама. Словно его ударили, а удара он не ждал и поэтому не успел защититься. Ну что же все так плохо, а? Как он не понимает, что ему не место в Арзине?! Что здесь происходит что-то непонятное, темное и страшное, чему Лестана еще не может дать названия, но уже страшится этой тьмы, которая выползла из всех углов, как это было в ее детских кошмарах. Тьма и неподвижность — вот чего она теперь станет бояться всю жизнь, даже когда выздоровеет! Но вот одиночество — оно должно стать отныне ее другом и помощником. Главное, правильно его назвать, например, свободой.

Уже на пороге своих комнат Хольм со стыдом подумал, что надо бы извиниться перед Кайсой, девчонка едва успела отскочить с его дороги. Но это потом, сейчас никого видеть не хотелось. Из груди сам собою рвался глухой рык, а кулаки чесались, и он остро пожалел, что в Арзине, а не дома. Сейчас бы выйти на тренировочную площадку к молодняку, вызвать сразу двоих-троих — ух, и понеслось бы!

«А ты к Котам сходи, — язвительно посоветовал внутренний голос с интонациями Брангарда. — Они только рады будут! Или нагулялся?»

Хольм так же про себя посоветовал голосу втянуть язык поглубже и, хлопнув дверью, прошел через гостиную в спальню. Стянул сапоги, рухнул на кровать, закинув руки за голову, и устался в потолок.

Он ей не нужен! Она предпочитает мучиться от страшной боли, лишь бы не видеть его рядом! Куда уж понятнее, даже такой пенек меховой, как он, сообразил, к чему все эти вежливые речи. Да, он мог бы подумать, что ее просто подгоняет время, Совет Арзина будет ждать оборота Лестаны только до ее двадцатого дня рождения, но сейчас-то Хольм выздоровел! Почему не принять то, что он предлагает?! Да потому, что Лестана видеть его рядом не хочет. Ну и не смотрела бы! Лежать в полушаге друг от друга можно и с закрытыми глазами! Зато ей не было бы больно!

А так...

Ну вот зачем он теперь ей нужен? Пра-а-авильно — ни за чем! Скоро Рассимор велит ему сдернуть с руки ленту, которая там оказалась просто по недоразумению, и... И все! Оставят его после этого в Арзине заложником или вышвырнут за ненадобностью — какая разница?!

Ох, как же чесались кулаки... И ведь даже волком не побегаешь, Арлис строго-настрого предупредил, чтобы Хольм не ходил по дворцу в одиночку. Даже в этот раз, пока он шел к покоям Лестаны, чувствовал спиной взгляды стражников, которых вдруг на трех сотнях шагов оказалось аж два поста!

Да и леса здесь нет, не по саду же бегать, как собачке!

Он скрипнул зубами и посмотрел на руку, которой саданул о косяк в комнате Лестаны. Не сдержался, снова выставил себя несдержанным дикарем! Хорошо еще, вовремя развернул кулак так, что вlepил по дереву тыльной стороной, не выбив пальцы. А то залил бы там еще кровью все...

Рука все равно ныла, а на душе был не просто один его Волк, а целая стая. Ну вот что теперь делать, а? Может, поговорить с Рассимором? Не может вождь не понимать, что для Лестаны лучше будет избавиться от страданий! Но она упрямая...

Перед глазами вспыхнули светло-серебристые глаза, едва заметно дрожащие губы, насупленные брови... Девочка! Какая же она еще девочка! Храбрая, упорная, гордая... Хольм едва не застонал, понимая, что и сам изрядно виноват. Сколько раз Брангард ему говорил, что мыслей никто не понимает! А вот попробовал бы найти нужные слова — и вдруг она бы его поняла?

Но слова, которые Хольм честно пытался найти хотя бы сейчас, ускользали, путались, а то и вовсе нагло застревали в горле. Вот как объяснить Рыси, что его наизнанку выворачивает при одной мысли о собственной бесполезности?! Никогда в жизни Хольм не чувствовал себя настолько беспомощным, как здесь, где о нем заботились, его охраняли, еще чуть — и в уборную провожать станут, в точности, как глумился тот Кот перед дракой. Ур-р-род... И сам он, и его мышами погрызенный Ивар, наследничек пар-р-ршивый, и вся эта рысья свора, то есть стая, или что там у них!

В дверь стукнули, и Хольм нехотя приподнялся. Кто бы это ни был — не вовремя! Наверное, принесли очередное лекарство от Аренеи или еду?

Он распахнул дверь в коридор, готовясь забрать, что там ему прислали, поблагодарить и снова захлопнуть перед носом. Но вместо служанки или немолодой целительницы, которая приносила ему зелья, перед порогом мялся Тайвор.

С физиономии Кота еще не совсем сошли следы драки, и Хольм невольно потер собственную скулу. Окинул незваного гостя взглядом и посторонился, буркнув:

— Ну, заходи, раз пришел. Извини, угостить нечем.

— Да я со своим как раз, — неловко улыбнулся Кот, вытаскивая из-за ворота куртки глиняную бутылку, а из кармана доставая сверток, замотанный в тонкую кожу.

— О как? — Хольм принялся. Бутылка была запечатана на совесть, горлышко залито воском, зато от свертка шел манящий дух копченого мяса с чесноком. Рот мгновенно наполнился слюной, и Хольм кивком указал на стол, куда Тайвор тут же сгрузил принесенное. — Решил навестить, значит?

— Ну... Вроде как с меня причитается... — осторожно начал Кот, покосившись на него. — Паршиво получилось, ты уж того...

— Не бери в голову, — бросил Хольм. — Кстати, о голове! А целительницы с нас потом ее не снимут? Ваша госпожа Аренея — ух, строга!

— Не снимут, — уже смелее заулыбался Кот, разворачивая сверток и пластая ножом роскошную кабанятину с прожилками нежного сальца. — Я госпожу Арению в коридоре повстречал, пока сюда шел. Вообще-то, у меня две бутылки было! — Он виновато покосился на Хольма и вздохнул: — Да она забрала одну, сказала, что многовато нам будет. Одна, мол, за лекарство сойдет, а вторая уже лишняя.

— Вот это жри-ица... — с уважением протянул Хольм, которого начало слегка отпускать внутреннее напряжение. В самом деле, не рычать же при вовсе постороннем парне? — Сразу видно, давно с дружиной дело имеет! — Он потянул носом, предвкушая удовольствие, и сглотнул: — Добрый свин! На дворцовой кухне раздобыл?

Предупреждения Арлиса не пить и не есть ничего, что не принесли доверенные слуги, само всплыло в памяти, но Тайвор вроде бы как раз к проверенным и относился, иначе Коготь его к Хольму не приставил бы. И все-таки лучше знать, что и из чьих рук ешь.

— Нет... — ответил Кот и странно замялся, но почти сразу продолжил, опять бросив на Хольма взгляд исподлобья: — Это наш, домашний. Отец у меня свиней разводит, сам коптит.

— Хорошее дело, — одобрил Хольм, сворачивая с бутылки восковую пробку. — Никогда голодным не останешься. Что ты так смотришь?

— Да ничего, — улыбнулся одними уголками губ Кот. — Станный ты, Волк. Сын вождя, а ведешь себя, как будто и не светлейший. С сыном свинопаса за один стол садишься...

— А причем тут это?! — искренне поразился Хольм. — Свинопас не вор, не лиходея какой! Честное дело, для всех полезное! Что тут такого? У вас что, в дружине только сыновья знатных родов?

— Не только, — мотнул головой Кот, доставая из другого кармана второй сверток, где оказалось несколько ломтей ржаного хлеба и десяток перьев зеленого лука. — Желудок Хольма взвыл и предупредил, что если немедленно не получит вот это, дурманно пахнущее, то полезет по горлу наверх! — Обычно в дружину у нас сыновья дружинников идут. Ну, или высокородные, да. Младшие, конечно, не наследники. А чтобы из ремесленников или крестьян... Совсем мало таких. Меня вот взяли, потому что отец как-то по молодости самому Арлису услугу оказал. Я и не знаю — какую, мне они не докладывали.

— Дела-а-а... — растерянно проговорил Хольм, осознав, что парень все это время смотрел на него не только, как на чужака и Клыка волчьей дружины, но и как на сына вождя. — Странно это у вас устроено. Можно подумать, у любого дружинника сыновья рождаются крепкими и к воинскому делу способными. А ремесленники — что, мечом не могут научиться владеть? Меня Рудольв, старший наш, гонял, как щенка, а у него отец — гончар, мать — швея... Знаешь, Тайвор, никогда я не пойму ваших порядков! Ух, а вино тоже доброе!

Пряный аромат поплыл по комнате, и Хольм торопливо сполоснул из кувшина с водой два стакана, выплеснул их прямо за окно, и подставил под струю темного крепкого вина. Тайвор, похоже, расстарался, такое вино в Волчьем городе дома подавали на стол вождя, да и то по праздникам. И вправду благодарен, что Хольм не отказался вернуть его в охрану? Что ж, теперь понятно, почему Арлис доверяет ему больше прочих. Если сыну свинопаса в дружину попасть сложно, то удержаться там — еще сложнее. И Тайвор, можно не сомневаться, за своего благодетеля Котя в огонь и в воду!

— Ну, будем жить!

Они стукнулись стаканами, и Хольм опрокинул наполовину полную посудину в рот.

Жидкий огонь опалил небо и язык, скользнул внутрь, и Хольм торопливо закинул следом кусок душистого нежного мяса. На второй кусок уже положил резко пахнущий зеленый стебель, прижал его пальцем и так сунул в рот, замычая от удовольствия. Прожевал, глотнул и выдохнул:

— Поклон отцу передавай! Чудо что за свин!

— Передам, — заулыбался вконец оттаявший Кот. — И колбасы принесу свежей, как делать будем. Колбаса у нас лучшая в городе, сам попробуешь. Ну, по второй?

Он разлил вино, и стаканы снова соприкоснулись со звонким стуком. Хольм уже неторопливо выпил, смакуя терпкий богатый вкус, зажевал мясом.

— Что в дружине об этом всем говорят? — спросил у Тайвора, который расслабился, откинувшись на спинку скамьи. — Они ваши, а я — чужак.

— Разное говорят, — помрачнел Кот. — Наши-то они наши, ну так и я не приبلудыш. А они меня крепко так подставили, врагу не пожелаешь. Если бы Арлис им поверил...

— Что он, совсем безголовый? — хмыкнул Хольм. — С чего ему верить этим поганцам? Кстати, а кто там у них высокородный?

— Рисал с Даррасом, — буркнул Кот. — Ну и Гваэлис, само собой, но он не из наших, птица другого полета.

— Гваэлис?! А я думал, он из прислуги! — поразился Хольм. — Ивар же его гоняет, как мальчишку! Принеси, подай, пошел вон... И он высокородный?!

— Единственный сын господина Авилара, главного казначея Арзина, — подтвердил Тайвор. — Да ты его видел на Совете!

— Ах, этот... — протянул Хольм, действительно вспомнив одного из двух Котов, которые сильнее всего старались отнять у Лестаны медальон наследника. — Как же, конечно!

Авилар, худощавый и совсем просто одетый, ничего общего с нарядным красавчиком Гваэлисом не имел. Сын, похоже, удался не в отца. Лицом — хорош, но нравом не Рысь, а послушный домашний котик, только приученный к службе. Но все-таки порода у них одна, верная не вождю, а его племяннику. Очень интересно! Что-то очень важное крутилось в разуме Хольма при мыслях об Иваре, но что — уловить пока что не удавалось.

— Ну вот, — пожал плечами Кот, разливая по третьей. — Рисала с Даррасом ты знаешь, эти неразлей-вода и вечно за Иваром таскаются, Гваэлис тоже за ним хвостиком бегают. А еще трое — обычные парни из младшей дружины. С Корином я даже дружен был... когда-то... — еще сильнее

помрачнел он.

— Корин — это не тот языкатый? — предположил Хольм, и Кот кивнул. — А еще двое? Ваш Коготь сказал, кстати, что всех из дружины выкинул.

— Так и есть. И Корина, и Мильдина, и Сатора — это те трое, что с ними были. Выгнал с позором, им теперь разве что торговые лавки охранять, да и то не всякий купец возьмет. Ну, или вышибалой в трактир...

— А в храмовую стражу? — спросил Хольм словно невзначай, но Тайвор глянул удивленно, а потом явно задумался.

— В стражу? — переспросил он. — Госпоже Миране, конечно, никто не указ, но чтобы так обидеть своего брата? Эти пятеро на гостя вождя напали! Разве что сам Ивар попросит? Но и то не знаю. Корин неплохим парнем был, пока с этой сворой не связался. У него семья тоже из мастеровых, вот мы и держались вместе, пока он себе в башку не вбил, что рядом с высокородными и сам наверх поднимется. Жалко...

— Ну, пожалей его, — хмыкнул Хольм. — Главное — спину не подставляй, если снова повстречаетесь.

А ведь Арлис говорил как раз о спине... И снова что-то важное зазудело, заныло на краю разума, так что Хольм досадливо потер виски пальцами. Ах да, Коготь думал, что Хольма ударили отравленным лезвием именно в спину! Но как? Он все время стоял у стены!

— В дружине раскол, — все так же хмуро сказал Кот и просто отпил вина. — Одни говорят, что из-за чужака своих выгонять не дело. Мол, ничего такого они не сделали, нечего Волку, который нашу девицу едва не убил, спокойно по Арзину гулять. А другие говорят, что с убийством этим дело темное, и вшестером на двоих — всяко не по воинской чести. Кто за Арлиса, кто против, а втихомолку разговоры идут, мол, потерял наш Коготь былую хватку, если его вчерашние котята ни в заячий хвост не ставят.

«Вот и то, о чем я говорил, — подумал Хольм совершенно трезво, хотя тело уже налилось приятным хмельным теплом. — Кто-то готовит дружину к смене Когтя, как и Арзин — к смене вождя. И чтоб я ни одного зверя больше не догнал, если убийство Эрлиса, покушение на Лестану и вот это все не звенья одной цепи».

— Да чтоб у вас в городе все так потеряли хватку, как Арлис, — усмехнулся он, изображая полную уверенность, которой вовсе не чувствовал. — Вы тогда от Медведей отбились бы легче, чем кошка от мышки. А с этими, кто там был, я бы повстречался! Может, еще и получится, если Луна будет милостива.

Он разлил по стаканам остаток вина, с сожалением потряс пустой бутылкой, из которой вылетела лишь пара капель, и подумал, что госпожа Аренея с изумительной точностью определила насчет второй бутылки. И правда — лишняя была бы. Напиваться не хотелось, но болезненно натянутая внутри струна ослабла, и Хольм был этому рад.

Тайвор, который все правильно понял, молча поднял стакан, и Хольм последний раз стукнулся с ним своим. Ухмыльнулся про себя, подумав, что Арзин и Волчий город совсем разные, но поди ж ты — этот мужской обычай у них общий. Неторопливо выпил, и Кот последовал его примеру, а потом встал.

— Пойду я, — сказал, оправляя выбившуюся из-под пояса рубашку. — Коготь сказал на дежурство завтра приходить, так что ты поменьше в одиночку шастай...

— Еще один заботливый, — фыркнул Хольм. — Не забудь отцу поклон передать. Вот теперь, пока вашей знаменитой колбасы не попробую, точно никому не дам себя пришибить. Не дождутся!

Проводил Кота до двери, вернулся в гостиную, посмотрел на стол, где еще лежала оставшаяся снедь... Прополоскал рот водой, чтобы не выдать себя запахом хотя бы поначалу, и, тяжело вздохнув, вышел из комнат. Это нерешенное дело оставлять за спиной не следовало!

Спасибо Тайвору, что так вовремя дал ему передышку и помог успокоиться — сейчас Хольм знал, что выдержит разговор с Лестаной, не сорвавшись в очередной приступ злости. Оставалось надеяться, что и Рысь пожелает его выслушать, а не замкнется в стенах, выстроенных из вежливости и гордости.

Чем дальше день клонился к закату, тем тяжелее у Лестаны было на душе. Казалось, что минуты длятся часами, тягучие, невыносимо одинокие. Кайса еще немного посидела с ней, потом позвала служанку, а сама отлучилась в купальню, и Лестана лишь молча позавидовала подруге.

Ее саму, конечно, мыли каждый день, а после ритуалов и массажа тщательно протирали влажными полотенцами с ароматическим уксусом. Но это все было не то! Постыдная беспомощность не давала получить никакого удовольствия от чувства свежести, да и разве могло это сравниться с настоящей купальней? Горячая душистая вода, болтовня с Кайсой, радость поплескаться и разнежиться... Лестана уговаривала себя, что все это еще будет, но на самом деле мучилась невозможностью сделать такую простую вещь. Выйти из своей комнаты, погулять по саду, принять ванну... Да хотя бы заняться делами, которых у отца, можно не сомневаться, накопилось с избытком! Но это теперь право и обязанность Ивара.

А еще ее мучила странная вина, которой Лестана не сразу смогла дать объяснение. Перед глазами упорно вставал Хольм с его отчаянным взглядом. Как руку не сломал о дверь?! Дикарь... Ведь ему же больно было, зачем он так?

Она никогда прежде не видела, чтобы мужчина выражал чувства настолько открыто, не заботясь, что о нем подумают. Рыси полагали сдержанность обязательным достоинством благородного оборотня, и злость на кого-то полагалось скрывать, если только речь не шла о поединке. Отец даже голос повышал редко, хотя иногда спорил с Советом Арзина часами. А Хольм если кипел яростью, это видели все, и от злости до чужой крови у него было недалеко.

Но эта злость — вот странно! — уже не пугала ее, как раньше. Она помнила, что взбешенный Волк напал на Медведя, чтобы спасти ее. Она видела, как он убил Росомаху, чтобы сохранить жизнь своему брату. И теперь она знала, что Хольм управляет своим зверем, что бы там ни говорила госпожа Сигрун. Он не обернулся ни в волчьем храме, наверняка разозлившись на отказ, ни на корабле под насмешками Котов, ни во время драки с ними же. И сегодня он тоже сорвал злость на мертвой деревяшке, ни словом, ни жестом не выплеснув ее в сторону Лестаны.

Она вздохнула, подумав, не отвлечься ли чем-нибудь? На столе так и лежат занимательные «Хроники», что она листала перед отъездом в Волчий город. Но ей сейчас даже перелистывание страниц — тяжелый труд, а слушать чужое чтение Лестана не любила. Придется подождать, пока вернется Кайса, и поговорить с ней о том, что вокруг слишком много опасных странностей. Кто мог отравить Волка и зачем? Неужели у них с Хольмом один убийца на двоих?!

И почему ее мысли снова и снова возвращаются к Волку, окрашивая случившийся между ними разговор, виной?

Скрипнула дверь, и служанка, дремлющая в кресле, встрепенулась, посмотрев туда, Лестана же судорожно вздохнула. Казалось, она узнала, чья тень упадет на кровать, мгновением раньше, чем это действительно произошло. Какая-то странная чувствительность ко всему, что касается Волка! Лестана чуть сдвинула руку, заметив, что пальцы касаются шнура на другом запястье, и сказала служанке:

— Оставь нас.

Девушка, поклонившись, вышла, плотно прикрыв за собой дверь, но Хольм не спешил использовать это, пройдя в комнату. Он снова замер у той же самой стены, блестя глазами в полумраке — шторы Лестана как раз недавно велела задернуть. За тонкой тканью, складками скрывающей окно, рдел закат, и в лучах, проникающих комнату, фигура Волка выглядела темной.

— Прости, — вдруг уронил он, и Лестана задыхнулась от неожиданности.

— За что? — осторожно спросила она через несколько мгновений.

— Я не подумал.

Волк осторожно двинулся вперед, он шел беззвучно и плавно, легкие замшевые полусапоги едва касались пола. У Лестаны замерло сердце — она как-то сразу осознала, что наедине с мужчиной, совершенно беспомощна и, главное, сама на это согласилась! «Он мне ничего не сделает! — отчаянно подумала она, борясь с желанием зажмуриться. — И вообще, как говорит тетюшка Ареня, закрыв глаза — летящую стрелу не остановишь! Он пришел не для того, чтобы причинить мне зло, иначе не просил бы прощения!»

Но тело, слишком хорошо помнящее давние страхи, упрямо отказывалось доверять. Лестана увидела, что Волк замер на половине дороги к ее кровати, и заставила себя произнести ровно и тихо, словно успокаивая дикого зверя:

— О чем не подумал?

— О тебе, — уронил Волк, не пытаясь идти дальше. — О том, что для тебя это все иначе, чем для меня. — Он помолчал и продолжил, с явным трудом подбирая слова: — Я всегда был воином. Защитником. Бойцом. Это Бран у нас умный и предусмотрительный, а я... Понимаешь, я не знаю, зачем я нужен, если не могу ни драться, ни защищать. Ничего не могу, — добавил он с глухим

отчаянием, и сердце Лестаны дрогнуло, а вину сменила такая же непонятная жалость. — Если все эти дни ты справлялась сама, значит, от меня никакой пользы. Совсем никакой.

Он смотрел ей прямо в глаза, и Лестана сейчас отдала бы очень многое — да почти что угодно! — лишь бы просто протянуть к нему руку. Ту, на которой был его браслет, пусть и неправильный, без успокоительной тяжести серебра, но все-таки надетый ею по доброй воле.

— Хольм... — Ее голос дрогнул, и Волк виновато улыбнулся, совсем чуть-чуть растянув губы, словно боялся, чтобы улыбка не перешла в оскал. — Это неправда. Я... благодарна тебе. Очень благодарна, правда!

Стоило сказать несколько слов, и дальше стало легче. Лестана отчаянно заговорила, уже не подбирая слов:

— Ты лучше Брана... то есть Брангарда! Ты мне никогда не врал! И я не верю, что это ты... тогда в храме! Но я же не могла... не могла просто лежать, ждать, пока ты придешь в себя, и ничего не делать! Не могла, понимаешь?

— Понимаю, — очень просто согласился Волк, не сводя с нее взгляда. — Ты дочь вождя, ты наследница своего клана. Ты должна была что-то делать. Просто ждать — это слишком тяжело. Я лежал в засадах, я это знаю. Это сложнее, чем драться.

Лестана моргнула — комната расплывалась перед глазами из-за непрошенных предательских слез. Ну когда она уже избавится от этой дурацкой девичьей привычки?! И неужели она правда ее понимает?! Даже не потому, что назвал наследницей, словно медальон не был отдан Ивару, а потому что в его голосе звучит такое... такое...

— Я ужасно боюсь, — прошептала она. — Каждый раз боюсь этого ритуала... Совсем не умею терпеть боль, мне никогда не приходилось... Я очень хотела, чтобы ты пришел, и это все закончилось! Но это же неправильно! Несправедливо...

— Несправедливо — если бы меня заставили это терпеть силой, — очень мягко сказал Хольм и сделал длинный плавный шаг, одновременно опускаясь, так что оказался стоящим на коленях перед постелью Лестаны. У нее снова тревожно и сладко затрепетало сердце от осознания, какая мощь скрывается в этом огромном, но гибком теле. — А этого же не было. Я сам согласился. Я этого хотел. И сейчас хочу. Я что угодно сделаю, чтобы тебе стало легче. Обещаю. Если тебе больно или страшно — просто скажи мне.

Она смотрела в его глаза, темные, чернильно-синие, но с мерцающими искорками, и невольно вдыхала запах, тот же самый, что почувствовала, когда Хольм нес ее из храма. Чистое здоровое тело, хвоя, палые листья... И еще что-то пряное, сладкое, терпкое, так что ей захотелось облизнуться.

Через несколько мгновений Лестана поняла, что от Хольма пахнет вином, но было уже поздно: зверь в его зрачках отозвался ей, и Волк задышал чаще. Волк! Она едва не зажмурилась, но успела остановить себя, напомнив, что так нельзя. Как бы ни было страшно, показывать зверю свою слабость и страх нельзя! Даже если он не желает ей зла, нельзя, чтобы увидел в ней добычу!

— Хольм... — прошептала она, лихорадочно думая, чем отвлечь его и отвлечься самой. Совершенно безумная мысль сама прыгнула на язык, и Лестана выпалила: — А ты покажешь мне своего Волка?

— Что? — спросил он через несколько мгновений уже обычным человеческим голосом и весьма растерянно. — Зачем?

— Я не успела его разглядеть, — сказала Лестана чистую правду и смущенно опустила взгляд. — Никогда не видела никого, кроме Рысей... и Кайсы. Да и то, у нас не оборачиваются при всех, только для охоты. А я...

Она лепетала еще что-то ужасно глупое, злясь на саму себя, но губы Хольма снова тронула улыбка, на этот раз понимающая.

Он легко встал и принялся расстегивать рубашку, не сводя взгляда с Лестаны и склонив голову набок, словно ждал чего-то. Вот рубашка разошлась под его пальцами, вот соскользнула на пол, сброшенная одним движением мощных плеч...

— Не так же! — выдохнула Лестана, едва удержавшись, чтоб не взвизгнуть, когда Волк расстегнул пряжку пояса. — Ты что, здесь будешь раздеваться?

— Ну да! — В его глазах плескалось чистое искреннее недоумение. — А что такого? Мы женаты!

«Это не по-настоящему!» — хотела крикнуть она, но язык не повернулся.

А Хольм спокойно стянул штаны и обувь, потом снял белье, небрежно кинув его на край кровати.

«Хоть бы никто не вошел! — Лестана все-таки облизала губы, уже не думая, как это выглядит, потому что они пересохли. — Хоть бы никто... какой же он огромный! И вот это...там... внизу...»

Она все-таки поспешно зажмурилась, потому что бесстыжий Волк, дикарь и мерзавец, потянулся всем телом, подняв руки вверх, прогнулся вперед, затем плавно опустил руки, перетекая в совершенно иную позу... И все это — ни капельки не смущаясь собственной наготы! Может, он думает, что ей это интересно?! Ну так он неправильно думает! Вот...

Не выдержав, Лестана открыла глаза. Она не глупая девчонка, чтобы смущаться! И вообще, ей собственного зверя призывать, надо же хоть увидеть... Ой!

Великолепный черный зверь стоял перед кроватью и смотрел на Лестану яркими желтыми глазами. То ли янтарь, то ли золото, то ли мед... Совершенно черный, только на морде кое-где мех отливал серебром, словно художник нарисовал волка всеми оттенками черной краски, а потом взял кисточку, окунул в черный цвет и чуть подправил рисунок. А потом Волк встряхнулся и ожил, сойдя с картины!

— Какой ты... красивый... — ошеломленно сказала Лестана пересохшими губами. — Очень красивый, правда! И совсем не страшный.

Зверь, склонив голову набок, совсем, как Хольм до этого, рассматривал ее в ответ, и Лестане показалось, что янтарь его глаз блеснул насмешливо. Ага, не страшный! С такими-то зубищами! То есть их не видно, но ведь понятно, что они есть!

А потом он двинулся вперед и сунул морду Лестане в руки, лежащие поверх одеяла, прямо в раскрытые ладони. И глаза закрыл. И притих.

— Тебя можно погладить, да? — прошептала Лестана. — Ты все понимаешь? Совсем все?

Волк приоткрыл глаза, и ей показалось, что он вот-вот фыркнет. Но вместо этого зверь вдруг лизнул ей руку над запястьем длинным шершавым языком и снова закрыл глаза. Осмелевшая Лестана повернула ладонь и погладила ему нос, а потом дотянулась почесать за ухом. Волк блаженно вздохнул...

— Ничего себе! — выросшая на пороге Кайса разглядывала их обоих так, словно видела в первый раз. — А вы тут это... Молчу-молчу!

Волк повернул к ней голову, грустно вздохнул, и Лестана впервые в жизни поняла, что не очень рада видеть подругу. То есть рада, конечно! Но не прямо сейчас...

— Извините, что помешала, — бодро сказала Кайса, и вины в ее голосе не слышалось ни капли. — Только дело слишком важное. Волк, ты бы обернулся назад, а? Спору нет, в этом облике ты хорош! Но читать звериными глазами неудобно, а тебе здесь письмо принесли.

— Кто принес? — спросила Лестана, стараясь не коситься на невиданное доселе чудо: как огромный черный зверь берет зубами свои вещи и несет их за высокое изголовье кровати.

Кайсу он, значит, стесняется?! А ее, Лестану, нет?! Они ведь не по-настоящему женаты!

— Я принес! — раздался голос, больше похожий на гортанный клекот, и в спальню вошел худой темнолицый мужчина с крючковатым носом и растрепанными волосами. — Оргорон из рода Сокола. Приветствую тебя, благородная Рысь, и тебя... Хольм.

— Доброго дня, — буркнул Волк, уже принявший человеческий облик и торопливо одевающийся за изголовьем, судя по шороху одежды. — От кого письмо, от отца или от Брана?

Сокол? Этот оборотень из рода Сокола?! Лестана жадно воззрилась на такую редкость — Соколы очень редко навещали города и никогда не жили там, где уже поселился кто-то из их клана. Да у них и клана-то настоящего нет! Страшные одиночки, просто лютые! А Хольм его явно знает, как и Сокол — его.

— От Брангарда, — тем же клекочущим голосом сказал Сокол. — Он очень просил доставить как можно быстрее! Надеюсь, это что-то важное, и я не зря бил крылья об ветер.

Оргорон запустил руку за отворот черной куртки, такой же обтрепанной, как он сам, достал оттуда плотный конверт и кинул его Хольму, который ловко поймал послание на лету.

«Интересно, как Соколы берут послание в птичьем облике? — поразила Лестана. — И одежду? И... вообще все! Не могут же они летать с привязанными сапогами?! А если не берут, то прилетают куда-то, получается, голыми?...»

— Я очень тебе признателен, благородный Оргорон, — с неожиданной церемонностью склонил голову Хольм, выходя из-за кровати уже одетым. — Уверен, мой брат не стал бы беспокоить тебя по пустякам. Ты отнесешь ответ?

— Я вам что, почтовый голубь? — возмутился Сокол, надменно вскидывая голову и стряхивая что-то ладонями с куртки, словно чистя перья. — Гонца найди, а я лечу отсюда в земли на юге! И так на целый день отклонился в сторону! Прощайте!

И он, развернувшись, вышел из комнаты.

— Теперь я понимаю, почему они друг с другом не уживаются, — заметила Кайса. — Представляете целый клан вот таких?

— И даже хуже, — рассеянно заметил Волк, быстро вскрыв письмо. — С ним из наших только Бран ладит. Оргорон бы ни с кем другим и разговаривать не стал...

Он смолк, на глазах мрачняя, и принялся читать уже внимательно. Затем явно вернулся взглядом к началу и перечитал. А потом по скулам Волка заходили желваки, он резко и яростно вдохнул, выдохнул и... протянул письмо Лестане.

Глава 21

По следам чужих тайн

— Прочти, — сказал Хольм, присев на подоконник спиной к окну, хотя в комнате было два кресла. И добавил, поморщившись: — Вот и ответ на многие вопросы. Нехороший ответ, но уж какой есть.

Лестана взяла плотный лист бумаги, пропитанный каким-то жиром, наверное, чтобы не размок под дождем. От письма пахло резко и не очень приятно, запах был незнаком, но почему-то наводил на мысли о перьях. Что ж, если Сокол Оргорон несколько дней нес это письмо на себе, понятно, что оно пропиталось птичьим духом. Но Лестана никогда не задумывалась, чем пахнут птицы! Может, это подсказка Рыси?

Она глянула на тонкие строки, написанные черными чернилами, и равнодушно отметила, что почерк у Брангарда такой же изысканный, как манеры и наряды. Пожалуй, не хуже, чем у Ивара, который гордился своим умением красиво писать.

«Надеюсь, ты получишь это письмо вовремя, — так начиналось послание. — Оргорон поклялся, что отдаст его лично тебе в руки, но мы оба понимаем, что бывает всякое, особенно в твоём положении. Если он вернется и сообщит, что ты мертв или сидишь в темнице, мне придется самому навестись в Арзин, однако я молюсь Луне, чтобы это произошло при более благоприятных обстоятельствах».

Лестана тоже нахмурилась. Брангард так легко говорит о возможной смерти брата?! Хотя... Волки ведь выдали Хольма на суд, они должны были понимать, что такой исход возможен. Будь отец менее мудр и справедлив — еще как возможен! И все же какое хладнокровие! Или это равнодушие?

«У нас все идет своим чередом, — продолжила она читать. — Можешь успокоиться, твоя стая меня не съела, а тем, кто пытался щелкать зубами, отец и Рудольв прищемили хвосты. Думаю, если бы я сказал, что собираюсь тебе писать, весь Волчий город передавал бы поклон, но сам понимаешь, пришлось бы посылать с Оргороном не письмо, а целый свиток, так что ты уж сделай милость, сам представь, чего тебе могут пожелать, и порадуйся этому».

Она подняла взгляд от письма и посмотрела на Хольма. Тот сидел на окне мрачный и напряженный, с легким шутливым духом послания это не вязалось никак, и Лестана продолжила.

«Теперь о деле. Я, конечно, могу ошибаться, но уверен: все это затеяли, чтобы сместить нынешнего вождя и его семью, точнее, прямую наследную линию. Суди сам, пять лет назад, как мне рассказали сведущие знакомые, в Арзине убили сына Рассимора. Теперь попытались убрать с дороги и Лестану, к счастью, бестолково и торопливо. Думаю, все дело в том, что в Арзине к наследнице сложнее подобраться, там она всегда на виду, а у нас и охраны рядом было поменьше, и на диких Волков спихнуть можно...»

Лестана закусила губу, но тут же опомнилась — матушка всегда ее ругала за эту привычку. Да... В этом Брангард наверняка прав. Ее всегда тщательно охраняли, а уж после смерти Эрлиса отец и Коготь не спускали с Лестаны глаз! Прислугу подбирал сам господин Арлис, как и охрану, и Лестана не раз слышала краем уха шутки, что дружинники считают пост у ее покоев более важным, чем у сокровищницы. Она снова посмотрела на письмо.

«Но даже если твоя ненаглядная Рысь полностью выздоровеет, заговор против нее почти обречен на успех. До ее совершеннолетия осталось меньше месяца, и если она не успеет призвать зверя, любой противник ее отца имеет право требовать, чтобы наследницу признали неполноценной. С одной стороны, это может спасти девушке жизнь, с другой — сам понимаешь, в таких играх идут до конца. Ее либо выдадут замуж за нового вождя или его сына, либо избавятся окончательно, а заодно — и от одного дурного Волка, всеми лапами угодившего в капкан. Я долго думал об этом, а потом отправился к нашим жрицам и спросил у них, есть ли какие-то способы лишить оборотня его зверя?»

У Лестаны перехватило дыхание. Она смотрела на черные буквы, что бежали по листу, как странные насекомые, линии расплывались перед глазами, и лишь огромным усилием она заставила себя не только читать дальше, но и вникать в смысл прочитанного.

«Не представляешь, братец, чего мне стоило добраться до единственной жрицы, которая в этом разбирается, а потом еще убедить почтенную, но выжившую из ума старушку, что я не хочу разноухать эти тайные знания в подлых целях. Скажу лишь, что знания оказались действительно тайными, мне пришлось принести клятву кровью и своим Волком. Думаю, именно из-за того, что этот способ тщательно охраняется, он остался неизвестен твоей ненаглядной Рыси и ее родичам. Существует заклятие, которое не лишает оборотня зверя, но позволяет его украсть. Правда, для этого нужно несколько трудновыполнимых условий. Во-первых, жертва должна постоянно носить какую-то вещь, которая послужит ключом к заклятию. Если она ее снимет, действие заклятия не исчезнет мгновенно, однако сильно ослабнет. И надеть она ее должна добровольно, без всякого

принуждения. Во-вторых, заклинять этот „ключ“ должна сильная умелая жрица, потому что истоки ритуала лежат в самых тайных обрядах Луны, а вор должен иметь при себе „замок“ — точно такую же вещь, связанную с той, что носит жертва. И, в-третьих, тот, кто заберет зверя, не должен иметь своего собственного. Он должен родиться неполноценным оборотнем, понимаешь? Не человеком, потому что человеку привязать к себе зверя не дано, а именно оборотнем, причем того же клана...»

Лестана бессильно опустила листок, и он едва не выпал у нее из пальцев.

— Не верю, — проговорила она непослушными, как на холоде, губами, и умоляюще посмотрела на Хольма. — Я не могу в это поверить. Не могу и не хочу...

— Леста, что там? — осторожно спросила Кайса, а Хольм тихо и очень напряженно бросил: — Вы дочитали до конца?

— Н-нет... — Лестана снова подняла письмо, разглядывая его с ужасом, как ядовитую тварь.

«Я почти готов поставить собственный хвост, что именно это проделали с твоей Рысью. Посуди сам, она многие годы не могла призвать зверя, но как только приехала к нам, и я, и ее подруга заметили, что в светлейшей Лестане что-то изменилось. Ее Рысь устремилась к ней, я в этом уверен».

Лестана попыталась поднять руку, чтобы тронуть себя за ухо, но не смогла. Уронив ладонь обратно на одеяло, она опять вернулась к строчкам, безжалостно проникающим в ее рассудок.

«Помнишь сережку, которую она потеряла? Ну, ту, что я нашел и предлагал тебе ее вернуть, а ты не захотел? Она так и осталась у меня, а вторую, разумеется, Лестана не стала носить. Если дело в сережках, то стоило ей снять „ключ“, заклятие ослабло... И кое-кто мог это заметить! Вернись она домой полноценной Рысью, и план лишить ее наследства пошел бы ежу под хвост. Им пришлось действовать быстро, да еще на чужой земле, а тут такая удача — Лестана сама отправилась ночью в храм, оказавшись беззащитной. Увы, я не знаю, кому она так неосмотрительно доверилась или кто разнюхал об этом сам...»

Воздух в комнате показался горячим и тяжелым, Лестана облизала губы, заставляя себя дочитать до конца.

«Если сможешь — узнай и напиши мне, кто подарил ей эти проклятые сережки. Но учти, на месте вора лично я попытался бы всучить их чужими руками, так что не кидайся грызть глотку кому попало. Я тем временем попробую пойти по следу с другого конца и узнать у Барсуков, кто сделал такой странный заказ — три одинаковые сережки, если, конечно, это они и есть. Ты же будь осторожен с Иваром. У меня нет ни одного верного свидетельства против него, но этот котик мне не нравится, а он следующий в очереди на место наследника. Чует мой хвост, либо сам Ивар увяз в этом по уши, либо кто-то умело им прикрывается, и неизвестно, что опаснее. Ну и напоследок. Через день после твоего отъезда в саду возле главной площади нашли мертвую Ингрид. Кто-то ударил ее ножом в сердце — и снова никаких следов. То есть Котом от нее пахло, но это как раз понятно, все видели, как она обнималась с Иваром. Может, это был какой-то ревнивец из наших, за ней многие ходили по пятам, но вдруг нет? Поэтому не подставляй никому спину, а я приеду в Арзин, как только смогу добыть хоть какие-то доказательства у Барсуков.

Листок выпал из рук Лестаны на покрывало, и Кайса, подойдя к постели, решительно его взяла. Быстро пробежала глазами и выдохнула:

— Твари!

— Это не Ивар, — слабо возразила Лестана. — Он не мог! Здесь написано, что его могли использовать...

— Но сережки подарил вам именно он? — беспощадно уронил Волк, и Лестана отстраненно заметила, что они снова «на вы», будто волна колышется от берега к берегу, принося то подобие близости, то снова холодную учтивую отстраненность. — Госпожа Лестана, когда ваш... родич призвал зверя?

— Год назад... — прошептала Лестана.

— Ему почти двадцать было, — мрачно уточнила Кайса. — Еще бы несколько месяцев, и носить нашему Ивару самому клеймо неполноценного. Сережки он Лесте подарил на девятнадцатилетие, а через пару недель и сам обернулся. Помню, тогда еще шутили, что ему на пользу поездка к Барсукам пошла, разом повзрослел.

— Так вы ровесники? Я думал, он старше.

— На пять месяцев, — проговорила Лестана, больше всего на свете желая, чтобы этот разговор оказался кошмарным сном. — Как он мог...

«Да вот так, — с холодной злостью сказала она самой себе. — Ивар — гордый, он ни за что не согласился бы жить неполноценным оборотнем, вечным предметом для жалости и скрытых насмешек. И теперь все сходится так ясно и правильно, что страшно становится».

— Мирана — жрица, — задумчиво сказала Кайса, отвечая на ее мысли. — Если кому и знать толк в тайных ритуалах, так именно ей. Допустим, Ивар родился неполноценным... Да она бы весь Арзин на уши поставила и наизнанку вывернула ради любимого сыночка, а уж чужого зверя украсть — это запросто. Сережки он привез как раз перед тем, как обернуться, и Лестана их никогда не снимала, только в купальне. А когда потеряла одну и перестала носить вторую, Рысь тут же устремилась к ней, все приметы на это указывали. Вот Ивар и перепугался...

— Нет! — Лестану затрясло от озноба, прокатившегося по телу. — Он не мог меня убить! Он же был на площади! С этой... как ее... Ингрид!

Красивое лицо черноволосой Волчицы само всплыло перед внутренним взором. Нарядная белая блузка, короткая юбка вызывающего алого цвета — Ингрид легко было разглядеть даже в толпе и запомнить. А еще она залила Лестане платье ягодным морсом! Клюквенным, точно! Матушка-Рысь, какие глупости лезут в голову. Несчастливая девушка мертва, а Лестана помнит это дурацкое платье...

— С Ингрид, верно, — скривился Волк, поводя плечами, словно стряхивая с них что-то. — Может, поэтому ее и убили?

Перед Лестаной же, словно живое, встало воспоминание, как Волчица Ингрид зовет Хольма танцевать, а тот отказывается. И — вспышкой — злое лицо девушки. А сразу после этого и случилась та глупость с платьем!

— Я... мне очень жаль, — сказала Лестана, вдруг чувствуя непонятный укол обиды. — Эта Ингрид, она ведь была вам... близка...

— Была, — уронил Хольм, глядя куда-то поверх головы Лестаны. — Мы расстались как раз перед ярмаркой. Но я бы не дал ее в обиду, и все это знали. Ингрид не заслужила смерти. Но она что-то могла рассказать о том вечере, иначе зачем ее убивать?

— Может, ревность? — предположила Кайса. — Девушка была красивая и с характером, наверняка по ней вздыхал кто-то еще. Пока вы были вместе, на тебя боялся зубы скалить, а когда она с приезжим Котом закрутила у всех на глазах, мог и не выдержать.

— Теперь не узнать, — с досадой отозвался Волк. — Разве что Брангард разнюхает что-нибудь. Госпожа Лестана, так у вас осталась вторая сережка?

— У меня осталась, — сообщила Кайса. — Я ее припрятала, когда Леста первую потеряла. Хм... Ты думаешь... Да нет, неужели он такую улику не выкинул?!

— Вы о чем?! — Голос Лестаны зазвенел обидой на собственную непонятливость и этих двоих, которые разговаривают так, словно читают мысли друг друга. И тут она тоже сообразила: — Вы думаете, у Ивара есть еще одна сережка? Третья? «Замок»?

— Ну да, — кивнула Кайса. — Спорим, Барсукам он сказал, что заказывает третью на всякий случай? Вдруг одна из пары потеряется? Дорого, конечно, но сын главной жрицы может себе позволить. Никто бы плохого не подумал, а Барсукам лишний прибыток. Вот поэтому и сережки, а не колечко или кулон! Пара у Лестаны — «ключ», а у Ивара должен быть остаться «замок»! Вдруг она выздоровеет и сможет призвать зверя? Тогда он его опять перехватит!

— Без «ключа» не перехватит, — возразил Хольм. — Хотя... госпожа Лестана ведь могла тоже не выкинуть сережку, а сделать из нее другое украшение? Раз так их любила...

— Очень любила, — бесцветно подтвердила Лестана, вспомнив очаровательные кошачьи мордочки, серебряные, усыпанные алмазными искорками, с лукавыми изумрудными глазами. — Я бы заказала из нее кулон...

— И твоя Рысь опять вернулась бы к Ивару, — закончила Кайса. — Что делать-то будем?! Вождю и Арлису расскажем?

На некоторое время в комнате застыла тишина. Молчал сидящий на подоконнике Хольм, молчала Кайса. Они ждали ее решения, и Лестана заставила себя подумать как наследница, а не как испуганная обиженная девчонка, которую, может быть, предали самые близкие родичи. Она должна представить, что это все правда! Лучше пусть потом ей будет невыносимо стыдно перед Иваром, чем спрятаться от истины лишь потому, что та слишком горькая и болезненная.

— Нельзя, — сказала она тихо. — Отец и так обижен на Ивара и тетушку Мирану. Он нам поверит,

но что он может сделать? Прямых доказательств нет. Ну, допустим, храмовые жрицы подтвердят, что такой ритуал существует... И что? Без «замка» невозможно доказать, что сережка — это «ключ». А «замок» Ивар может выкинуть в любую минуту, если уже не выкинул, или спрятать. Если отец обвинит главную жрицу и не сможет доказать обвинение, все будет только хуже.

— Это да... — согласилась Кайса. — Ивар просто избавится от улики, да и дело с концом.

— Если еще не избавился, — уронил Хольм и посмотрел на письмо: — Но если «замок» у него, то рядом с «ключом» он должен себя проявить, верно?

— И что ты предлагаешь? — прищурилась Кайса. — Поймать Ивара и совать ему эту сережку во все места? Нет, ну а вдруг он «замок» на себе так и носит?!

— Перестань! — сердито попросила Лестана. — Ивар не дурак, зачем ему носить при себе зачарованную вещь, которая сейчас не работает? Можно предложить ему призвать Рысь! Если он не сумеет, это будет доказательством.

— Откажется. — Хольм привалился спиной к одной стороне оконной рамы и опять посмотрел куда-то в пространство. — А если согласится, то вдруг призовет? Кто знает, как это все получается? Вдруг Рысь еще не ушла от него полностью и откликнется на зов? К Лестане она еще не вернулась, и кто знает, покинула ли совсем Ивара? Вдруг она где-то... — Он помахал перед собой раскрытой ладонью. — Посередине?

— Это может быть, — согласилась Кайса. — Значит, надо подождать, пока Рысь окончательно придет к Лестане, и тогда припереть Ивара к стенке! Даже если мы не докажем, что это все затеяли они с Мираной, Рысь-то он потеряет! И уже его признают неполноценным, так что медальон придется вернуть!

— Это если он действительно виноват, — сказала Лестана, сама уже в это не веря, но все-таки отчаянно цепляясь за остатки надежды. — Вдруг мы ошибаемся? Ну вдруг?

Кайса посмотрела на нее с жалостью, и даже в мрачно горящих глазах Хольма промелькнуло что-то, похожее на сочувствие. Время близилось к закату, лучи солнца уже отливали багрянцем, просачиваясь в спальню и заливая ее тяжелым расплавленным золотом, но в зрачках Волка отражались не они, а огоньки свечей, и синева казалась чернильно-темной.

— Вот это мы и должны узнать, — уронил Волк с полной спокойной убежденностью. — Половина «ключа» у нас есть, можно взять ее с собой и обыскать комнату Ивара. Вряд ли он прячет «замок» где-то еще, слишком это опасно. Вещь дорогая, найдет кто-нибудь и польстится, а это его единственный шанс вернуть Рысь.

— Обыскать комнату? — Кайса воззрилась на него с восхищенным удивлением. — Ну ты и наглец, Волк! А самого Ивара попросим погулять, чтобы под лапами не мешался?

— Ну... можно ему слегка по голове дать и припрятать где-нибудь, — предложил Хольм, и Лестана с ужасом поняла, что он как раз не шутит. — Очнется — вернется домой!

— Нет! — сказала она торопливо. — По голове мы его бить не будем! Вы с ума сошли! У Ивара сейчас наверняка охраны рядом полно! И не смотри так... так мечтательно! — повысила она голос, увидев, как блеснули глаза Волка. — Больше никаких драк!

— А между прочим, сегодня в храме ночная служба... — задумчиво протянула Кайса. — Ивара будут представлять Арзину как наследника. Оттуда он точно потихоньку не сбежит, как и Мирана. Я могу сказать, что остаюсь с Лестаной, а Хольм... Ну, он Волк, ему там быть не обязательно. А если вспомнить, как они с Иваром ладят, то и вовсе не нужно. Да, сегодня как раз можно! Вот если упустим время, потом будет сложно выманить. А я могу показать Волку, как забраться в покои Ивара мимо стражи! Ночью нас там никто не увидит!

— Это сумасшествие, — вздохнула Лестана. — Может, все-таки скажем отцу? Он придумает что-нибудь.

И тут же устыдилась, потому что Волк покачал головой и сказал:

— Если меня поймают в комнате Ивара, я уж как-нибудь отболтаюсь. Скажу, что хотел помириться, поговорить по душам — совру что-нибудь, все равно меня здесь дикарем считают. Но вождя в это впутывать не стоит. Пусть он с чистой душой сможет поклясться, что ничего об этом не знал. Вот если найдем сережку, то придем к Рассимору сразу с нею и с письмом, тогда и вес другой у наших слов будет.

— А как докажем, что она была именно у Ивара?

Лестана никак не могла поверить, что безумный план обретает все более четкие очертания, но азартно горящие глаза Кайсы и хмурая решительность Хольма все больше в этом убеждали.

— А никак, — пожал плечами Волк. — Он всегда сможет сказать, что ее подбросили. Но мы сами будем знать! И когда к Лестане вернется Рысь, останется только заставить Ивара призвать ее, чтобы все убедились: у него нет собственного зверя.

— Сумасшествие... — прошептала Лестана. — Но если поможет...

Она вспомнила сон, который увидела в Волчьем городе. Рысь, которой она была, и Черного Волка, вставшего на ее защиту. Если бы она тогда не проснулась, испугавшись! Если бы досмотрела сон до конца! Вдруг Рысь уже тогда пришла бы к ней?! Но если есть хоть малейшая надежда обрести то, что ее по праву, это нужно сделать! Не ради места наследницы, а ради справедливости!

— Закат... — сказал Хольм так осторожно, словно шел по тонкому льду. — Скоро время ритуала. Ты ведь не откажешься?

«Снова „на ты“?» Сердце Лестаны екнуло, но она просительно посмотрела на Волка.

— Может, завтра? Если тебе в полночь идти за сережкой, вдруг ты не сможешь?

— Позволь мне самому решать, что я могу, — ответил Волк и мягко добавил: — Прошу.

«Не за это ли я рассердилась на собственную мать? — подумала Лестана. — За то, что она решила, будто лучше знает, как мне жить и что для меня хорошо. А теперь, получается, я хотела сама решить за Хольма? Как же стыдно... И мы еще считали его дикарем! А он способен дать урок верности и терпения многим в Арзине».

— Хорошо, — ответила она. — И я... благодарю тебя, Хольм.

— Видишь башню? — Кайса достала из кармана очередное яблоко, которых у нее имелся изрядный запас, и захрустела им. — На первом этаже покои молодых жриц, которые служат Миране, на втором — комнаты Ивара, а на третьем — самой Мираны. Ну и на самой крыше — площадка для наблюдения за луной и звездами, но нам туда не надо.

— Не надо, — согласился Хольм, разглядывая красивую башню, облицованную, как и все здесь, мрамором.

В лунном свете башня казалась жемчужной, но видна была не вся, только нижний этаж, а выше ее скрывали ветви мощного дуба, растущего почти у самой стены.

— Ты про это говорила? — кивнул Хольм в сторону дерева, чувствуя, как по спине ползет нехороший холодок.

— Ну да, — беспечно подтвердила Кайса. — Забраться — делать нечего! И можно до самого окна Ивара по ветке пройти. Там когда-то Эрлис жил...

Она осеклась и кинула быстрый взгляд на Хольма, а потом сделала вид, что очень увлечена яблоком, даже захрустела им с особенной громкостью. Хольм промолчал, но про себя решил, что нужно найти время и расспросить Кайсу о погибшем наследнике. Девушка она приметливая, выросла в этой семье, наверняка много знает и помнит. Хоть Коготь и считает, что смерть Эрлиса — потерянный след, но он Рысь, а в следах Волки разбираются получше. Следы — это вам не деревья! Огромные, высоченные, с ветками, на которые толком лапу не поставишь...

— Ну, пойдем, что ли? — мрачно сказал он. — Раньше начнем, раньше закончим. А то не ровен час, вернется хозяин!

— Да, неудобно получится, — хихикнула Кайса. — Объясняй потом, зачем ты к нему в окно лазил! Ивар все-таки не девушка, хоть у него коса и лучше моей, — и она опять хихикнула.

Они осторожно вышли на полянку, окаймленную широкой полосой кустов и заросшую невысокой мягкой травой. Хольм поморщился: если Ивар заметит пропажу, взять след будет легче легкого. Трава, конечно, к утру выправится, но это если искать глазами, а не носом! Он посмотрел на дуб уже вблизи, и сердце тревожно екнуло, а холодок, бежавший по спине, превратился в настоящий мороз. Высоко! И ветка, что идет к окну Ивара, снизу выглядит такой тонкой! Ох уж эти Рыси! Им-то деревья — дом родной! А он, между прочим, благородный Волк, а не кошка короткохвостый!

Хольм сунул руку в карман штанов, нащупал кусочек серебра, усеянный мелкими камушками, и сжал его в ладони. Перед внутренним взором встало лицо Лестаны, и давний глубинный страх, который он скрывал от всего мира, чуточку отступил. Но совсем не ушел, сел рядом и оскалился, показывая, что с радостью вцепится в горло снова. Хольм крепче стиснул зубы, а вот ладонь

разжал, понимая, что руки ему сейчас понадобятся для другого. Вот она, самая нижняя ветка! Чуть выше его роста, и подпрыгнуть, чтобы зацепиться за нее, будет легко. И за вторую, пожалуй, тоже. Кайса права, ветви здесь удобные, как хорошая лестница, только... растут все выше и выше.

Рысь, будто почувствовав его смятение, удивленно оглянулась на Хольма, а потом, дожевывая яблоко и запустив огрызком в кусты, легко взлетела на дуб — только ноги в облегающих замшевых штанах мелькнули — и оттуда его позвала:

— Ну, давай за мной!

Проверив, достаточно ли глубоко лежит сержка-«ключ», Хольм обреченно подпрыгнул, ухватился за ветку, подтянулся. Сел на нее верхом и глянул на вторую. И совсем невысоко! Да и третья тоже... Но для того, чтобы лезть дальше, придется встать. Он боком придвинулся ближе к стволу и поднялся на ноги.

Сердце так и молотило, словно Хольм не лез на дерево, а бежал в полном доспехе или дрался. Одной рукой он вцепился в ствол, истово пожалев, что у него нет рысских когтей, а второй примерился к следующей ветке. Посмотрел наверх — там болтались ноги Кайсы в легких летних башмачках. В просвет было хорошо видно, что Рысь сидит, ни за что не держась, и еще умудряется крутиться в разные стороны, разглядывая окна. Хольма замутило, и он молча выругал себя последними словами. Клык, называется! Мужчина, воин! А боится сделать то, на что способна хрупкая девчонка! Ради Лестаны!

Стыд помог, и он уже спокойнее забрался повыше, встав почти вровень с Кайсой. Прикинул расстояние до нужного окна... Проклятая ветка росла как раз посередине между этажами, и получалось, что добраться до покоев Ивара можно, если пройти по ней почти до самого конца, а потом спрыгнуть на небольшой уступ возле окна. И сразу схватиться там за что-то!

— Слушай, а может, все-таки я схожу? — беззаботно спросила Кайса. — Ты тяжелый, не дай луна — ветка обломится. Да и комнаты Ивара я лучше знаю, бывала там раньше.

Хольм помотал головой.

— Кто-то должен караулить, — отозвался он. — Если Ивар вернется, вряд ли он пойдет по лестнице в полной темноте, возьмет хотя бы свечу. Ты увидишь на первом этаже отблеск и сможешь меня предупредить.

— Ну, тоже верно, — с сожалением пробормотала Кайса. — Ладно, если что — я совой ухну. Настоящих сов здесь нет, не ошибешься. Услышишь — быстренько прыгай обратно, в листьях тебя никто не разглядит.

Хольм мрачно кивнул. Борясь с желанием закрыть глаза, плюнул на гордость, сел на ветку и принялся продвигаться по ней к самому концу, старательно не глядя вниз. Волк, который боится высоты... Ну да, стыдно! Так стыдно, что внутри словно ледяная скользкая жаба ворочается, но вот так получилось... Об этой его слабости знал только Брангард, Хольм скорее сдох бы, чем показал ее кому-то в дружине — потом насмешек не оберешься, пусть и за спиной. Но слабость слабостью, а делать нечего — надо ползти.

Когда ветка уже опасно закачалась под весом его тела, Хольм пригляделся к окну и едва не зарычал от разочарования и злости. Ну какой дурень запирает окно на исходе лета?! Неужели простыть боится?!

Он пригляделся снова: если не получится сразу открыть раму, можно и сорваться. Карниз узенький, а прыгать придется сверху. Если только... Окно этажом выше как раз открыто! И под ним имеется отличный широкий орнамент из выступающих плит, где хоть ногу ставь, хоть руками хватайся. А добраться до окна Мираны не в пример легче, Хольм почти доставал туда руками!

Сглотнув отвратительно вязкую слюну, он заставил себя сделать шаг, второй... Успел подумать, что при неудаче упадет на мягкую землю и вряд ли что-нибудь сломает, а потом набрал полную грудь воздуха — и прыгнул на выдохе! Зацепился за край подоконника, подтянулся, перевалил тело в комнату...

Множество незнакомых запахов обрушилось на него со всех сторон! Какие-то благовония, женские притирания... ароматические свечи — вот уж мерзость! Хольм огляделся, понимая, что надо выбираться, но не в силах удержаться от любопытства. Он оказался в спальне, на широкую кровать падал свет из окна, обрисовывая груды подушек и смятое покрывало. У стены стоял небольшой столик с высоким зеркалом, оттуда особенно сильно пахло всякими душистыми штучками, так что Хольм едва не чихнул и торопливо потер переносицу.

Вернувшись к окну, он выглянул вниз, осмотрелся по сторонам. В саду было совершенно тихо, только шелестела под легким ветерком листва дуба, скрывая где-то в переплетении ветвей Кайсу.

Подумав, Хольм снял поясной ремень, зацепил его за крепкую оконную ручку, пропустив конец через пряжку, подергал... Держась за ремень больше для спокойствия, чем для настоящей опоры, вылез из окна Мираны. Спустился до карниза и подергал ручку запертого окна Ивара, снова тихо ругнувшись.

Неожиданно та поддалась, и Хольм запрыгнул в комнату, едва не поскользнувшись на гладком мраморном подоконнике.

Здесь пахло совершенно иначе. Самим Иваром, а еще сложной смесью ароматов, которые очень много рассказали бы Волку, прими Хольм облик зверя, но даже сейчас кое о чем поведали.

Как и всякий Кот, Ивар был чистоплотен, и его собственный запах не лез Хольму в ноздри, а тонко обволакивал некоторые вещи и постель. Ароматических снадобий, к счастью, не было, зато приятно пахло выделанной кожей — в углу спальни Хольм разглядел стойку с легким доспехом. Самые обычные восковые свечи, брошенная возле кровати прямо на пол рубашка, стопка книг на столе...

Хольм торопливо оглядывался, понимая, что времени не так уж много, а поиски могут затянуться. Сережка, которую он снова стиснул в ладони, оставалась кусочком мертвого металла, и на миг закралось страшное подозрение, что Брангард мог и ошибиться. Ну, или «ключ», потерявший свою пару, не способен отозваться «замку»...

Кстати, а как он вообще отзывается? Это должно быть что-то хитрое, иначе Лестана заметила бы, что с сережками творится неладное, когда рядом Ивар.

Он медленно обошел комнату по кругу, напряженно прислушиваясь, не прозвучит ли крик совы, и сжимая в ладони сережку. Ничего! Посмотрел на черный проем двери в другую комнату. Может, тайник в гостиной?! Вышел туда, осторожно ступая в полутьме. Гостиная в покоях Ивара была больше, чем у самого Хольма и даже у Лестаны. На стенах висело оружие, и в другой раз Хольм обязательно прикипел бы к нему взглядом, а то и в руки взял, но некогда!

Вот шкаф с полками... Он упрямо заглянул в несколько шкатулок, но там лежали обычные украшения, дорогие письменные принадлежности, игральные кости и точильные камни... Хольма накрыло темное тяжелое отчаяние. Да здесь можно год искать эту проклятую сережку! Она же маленькая, с ноготь на его большом пальце! Глупо было надеяться на удачу!

«Луна-прародительница! — взмолился он. — Матушка-Волчица! И ты, Матушка-Рысь... Кто-нибудь, помогите! Хоть подсказку дайте, хоть кончик следа!»

Ему вдруг необыкновенно ярко вспомнился вчерашний сон, где Волк бежал рядом с Рысью... Рысь! Он ищет не просто сережку, а вещь, которая связана с душой Лестаны, ее зверем!

Хольм изо всех сил попытался представить огромную серебристую кошку, ее легкий грациозный бег на мягких лапах, сияние шерсти и дивный запах чистоты... Он потянул носом, понимая, что это глупо, — «замок» не касался кожи Лестаны и не может пахнуть девушкой — но яростно надеясь на чудо. Требуя его, призывая всем сердцем, всей волей! И на миг уловил из соседней комнаты не сам аромат, но его тень, призрак...

Бросившись в спальню, Хольм замер посередине, закрыв глаза и упорно представляя Рысь. Вот она мчится, едва приминая траву, прекрасная и хищная... Сережка в его ладони вдруг потеплела и будто вздрогнула. Хольм сделал шаг к окну — ощущение ослабло!

Не переставая думать о Рыси, воскрешая в памяти каждое пятно на ее роскошной шкуре, он пошел по кругу, ступая плавно и осторожно, как в поединке. Возле кровати сережка снова задрожала в его ладони. Хольм вытянул руку и повел ею в воздухе. Сделал еще шаг, второй... Встал на колени у кровати... Сунул руку под низкое, до самого пола покрывало, и едва не заорал от нахлынувшего облегчения. На деревянной основе кровати, под самым изголовьем, он нащупал приклеенную воском коробочку. Открыл — и серебряная кошачья мордочка блеснула ему в глаза, поймав крохотными камушками лунный луч, упавший в окно.

— Благодарю! — выдохнул Хольм, обращаясь ко всем божественным силам, сколько их там ни есть.

Он положил обе сережки на ладонь, и они беззвучно, однако явственно задрожали. Вот теперь пора убираться!

Сунув «ключ» и «замок» поглубже в карман, Хольм вылез в окно, встал на карниз и... Ремень, надежно защелкнутый на ручке окна Мираны, закачался у него над головой. Вот ведь зараза! Как его теперь достать?

Ругаясь про себя, Хольм залез по плитам на третий этаж, присел на подоконник... Повозился с пряжкой, но она никак не хотела расстегиваться, немного погнувшись от его веса, а стоять на подоконнике было неудобно. Обозвав себя болваном, Хольм влез в комнату, дотянулся до ручки... И

одновременно услышал три звука: шелканье расстегнувшейся пряжки, отчаянное уханье «совы» и легкие шаги в темной комнате. В тот же миг до его носа донесся аромат притираний, а глаза различили силуэт на пороге спальни.

— Так-так-так... — протянула Мирана совершенно спокойно. — Надо же, у меня незванный гость. Ну что же ты,ходи, раз пришел.

Хольм замер, сжимая в руках злополучный ремень. Мысли метались лихорадочно, и ясно было одно: признаваться ни в чем нельзя!

— Прошу прощения, госпожа! — сказал он, прямо-таки чувствуя спиной спасительный проем окна, но понимая, что выпрыгнуть сейчас — это быть обвиненным Луна знает в чем! — Понимаю, что выглядит это нехорошо, но... позвольте объяснить!

— Позволю, — с усмешкой сказала Мирана, проходя в комнату.

«Сова» за окном ухнула уже совсем безнадежно и смолкла, видимо, увидела два силуэта, обрисованные лунным светом. Жрица стояла в нескольких шагах от Хольма и не торопилась ни звать стражу, ни зажигать свет, ни даже расспрашивать, что это он тут делает. Просто ждала, и от этого спокойного молчаливого ожидания у Хольма опять мороз по коже пробежал. Спокойный противник — самый опасный, уж это он знал!

— Я пришел... поговорить о Лестане! — выпалил Хольм, на ходу пытаясь сообразить, получится ли соврать достаточно убедительно. — Простите, что вот так... непристойно. Побоялся, что видеть меня не захотите. Ну, после Ивара... — удачно подвернулась на язык отличная причина.

— Зря боялся, — мягко сказала Мирана. — Случается, мужчины дерутся, это их путь и обычай, назначенный им Луной. Как мать я зла на тебя за боль моего сына, но как жрица понимаю, что так бывает. Ты мог бы просто прийти ко мне, как любой из паствы моего храма.

«Что? — возмущенно поразился Хольм. — Это она меня, Волка, паствой обозвала?! Стадом то есть?! Я ей что, баран?! Совсем уж они в этом своем Арзине рехнулись!»

Но вслух сказал осторожно, будто шел по тонкому льду:

— Я хотел спросить вас, госпожа жрица, можно ли вернуть здоровье светлейшей Лестане? И... станет ли она полноценной Рысью?

Сказал — и затаил дыхание. Ну неужели Мирана вообще ничем себя не выдаст? Однако жрица ответила ему долгим внимательным взглядом, а потом тихо произнесла:

— Как забавно... Ты так о ней беспокоишься? Хотя она тебя отвергла и обвинила в убийстве? Вы, Волки, все такие?...

— Какие? — настороженно уточнил Хольм.

— Упорные! — в голосе жрицы прозвучала насмешка. — Что тебе за дело до нее... Хольм? — Интонации Мираны поменялись, став мягкими и вкрадчивыми, как мурлыканье огромной кошки. — Думаешь, она способна понять твою верность? Лестана — милая кошечка, но такая молодая и глупая... Да, возможно, она выздоровеет. Но призвать Рысь... Ах, Волк, уж ты-то должен знать, что зверя мы призываем той частью души, которая сама сродни зверю. Страхом, яростью, страстью... Лестана боится собственных чувств, она боится жить. Для нее одинаково невозможно любить или ненавидеть всей душой. Поверь, она еще долго не сможет оценить ни тебя, ни твоего зверя. Если сможет вообще...

Хольм, словно замороженный, не сводил взгляда с Мираны, но так и не понял, как жрица возникла рядом с ним. Просто скользнула по полу, будто огромная змея, и вот уже ее красивое, несмотря на возраст, лицо оказалось напротив его лица. Темнота сгладила приметы прожитых лет вроде мельчайших морщинок в уголках глаз и губ, так что Мирана обрела юность — и у Хольма застучало сердце, как будто он посмотрел с огромной высоты. Жрица была прекрасна... Совсем не так, как Лестана! Ее не хотелось оберегать, носить на руках, нежить в объятиях — нет, эта женщина властно требовала поклонения и подчинения!

— Разве она тебе пара, Волк? — мурлыкнула Мирана низким урчащим голосом. — Сильному мужчине нужна сильная женщина. Та, кто сможет охотиться рядом с ним, не боясь крови. Та, что умножит его силу, а не испугается ее... Ты понимаешь меня, Волк?

Она протянула руку и провела по щеке Хольма кончиками пальцев. Сквозь аромат цветов он почувствовал запах самой женщины, сильный, влекущий, горячий...

— Госпожа Мирана! — выдохнул Хольм. — Вы же... жрица!

— Я женщина, дурачок, — усмехнулась Мирана. — И поверь, такой женщины, как я, у тебя никогда не было и больше не будет. Я — сама Луна, чей зов обратит тебя в зверя и поведет по дороге свободы. Со мной ты узнаешь настоящую страсть...

Хольм посмотрел в ее глаза, потому что больше не мог отводить взгляд, и утонул в янтарной бездне. Глаза Мираны лишали рассудка и гордости, звали покориться нахлынувшему желанию, познать удовольствие, которого — жрица права — у него никогда не было. Ингрид? О ней даже вспоминать глупо! Но ведь был еще кто-то... Хольм изо всех сил попытался вспомнить имя — и не смог! Только запах земляники и студеной родниковой воды... Запах! Цепляясь за это ощущение, он понял, что не так с женщиной, которая вот-вот коснется его губ своими, нежными, манящими... Она не пахла земляникой! Она не была... Лестаной!

Ужаснувшись, будто так и смотрел в пропасть, Хольм извернулся и одним прыжком взлетел на подоконник. А вторым, отчаянным, наудачу — сорвался в ночь за окном. Захлебнулся вдохом, успев едва не умереть от ужаса, но попал на ветку! Не удержавшись на ногах, упал на нее и распластался на животе, обхватив руками и ногами, дрожа всем телом. Страх высоты отпускал медленно, однако даже он потерялся перед чувством, которое Хольм осознал только сейчас. Он чуть не изменил Лестане! С ее теткой... с ее злейшим врагом! Только потому, что засмотрелся в глаза этой женщине!

— Волк? Ты чего?

Кайса спустилась сверху, легко прыгая с ветки на ветку и даже не держась руками. Хольм глянул на это — и его замутило.

— Н-ничего... — выдавил Хольм, жмурясь. — Там... Мирана...

— Ага, — согласилась Кайса. — Я видела. Ты зачем вообще к ней полез, пенек мохнатый?!

Хольм приоткрыл глаза, оглянулся... Нашел взглядом силуэт жрицы возле окна... Покрепче обнял ветку, искренне жалея, что нельзя вцепиться в нее зубами.

— Скотина! — раздался в ночи яростный голос. — Щенок!

И что-то тяжелое пролетело над его головой, ударившись о ствол дерева.

— Чтоб у тебя отсохло то, чем пользоваться не умеешь! — язвительно пожелала жрица и с грохотом захлопнула окно.

Хольм прикрыл глаза, понимая, что такого позора не переживал еще никогда в жизни.

— Хм... задумчиво сказала Кайса, присаживаясь неподалеку от него. — Я поняла, почему ты так спокойно общаешься с Соколом! Ты, наверное, сам наполовину дятел, да? Что сразу «ррры»?! Подумаешь, рычит он! Виси спокойно, жуй дерево!

Потом помолчала и уже деловито поинтересовалась:

— Нашел?

— Д-да... — выдохнул Хольм, заставив себя открыть глаза и пытаясь унять тошноту. — Я сейчас...

— Ты что, высоты боишься? — растерянно спросила Кайса. Немного помолчала, а потом уже примирительно и чуть-чуть виновато сказала: — Ну извини, я не знала. Это ж надо! Чего сам полез тогда?

Хольм очень старательно, медленно и осторожно оторвался от ветки, приподнялся, сел на ней, обхватывая только ногами.

— Понятно, — вздохнула Кайса. — Все-таки дятел. Хочешь яблочко? Пожуй, отвлечешься, а то тебе еще вниз лезть. На, ешь!

Она ловко наклонилась и силой сунула ему в руки яблоко. Хольм покорно откусил кусок, понимая, что отвлечься действительно надо. И подождать, пока руки трястись перестанут. Он снова оглянулся. В окнах Мираны зажегся свет, но самой жрицы не было видно. Теперь из освещенной комнаты их с Кайсой вообще было не разглядеть, и он слегка успокоился.

— Между прочим, — сказала Кайса совершенно обыденным тоном, — все чего-то боятся. Только не признаются! Ты же Волк, тебе бояться высоты простительно! Волки, они ж это... — Она помахала в воздухе рукой. — Не древесные, в общем! Зато ты на земле герой! А бояться одной только высоты — это пустяки!

— Не только, — буркнул Хольм, которого внезапно накрыл приступ необъяснимой откровенности.

Не иначе, как от облегчения. — Я еще белок боюсь.

— Бе... — Кайса подавилась яблоком, прокашлялась и переспросила: — Белок?! Почему?!

— Самый страшный зверь в лесу, — убежденно сказал Хольм.

Продвинувшись к стволу, он привалился к нему боком и вздохнул почти свободно. Посмотрел на Кайсу, у которой, кажется, аж уши встали от любопытства, и усмехнулся:

— Мне тогда лет семь было, наверное, я только-только сам охотиться начинал. Иногда человеком, а иногда и Волком уже бегал. Недалеко, в лесу на окраине города... Ну и нашел однажды выпавшего из дупла бельчонка. Я бы ему ничего не сделал! — возмутился Хольм, увидев нахмурившуюся Кайсу. — Ну что это за добыча? Он же крошечный совсем был! Ни мяса, ни шкуры! Я только посмотреть хотел! Ну и погладить... — Хольм слегка смутился, однако Кайса понимающе фыркнула. — Он смешной такой был, рыженький, хвост пушистый... Я бы его потом отпустил, честное слово! Но не успел... — Хольм поежился от ярких даже спустя столько лет воспоминаний. — Эти белки... Они как налетели! Стаей! И как давай шишками кидаться! Знаешь, как больно смоляной шишкой по носу?! Я оттуда бежал со всех лап, а они следом! Верещат по-своему, швыряют — еще и метко так! Ну что я сделать-то мог?

Он обиженно посмотрел на Кайсу, которая зажала себе рот ладонью и корчилась, неприлично подвывая. Просмеявшись, Рысь посмотрела на него с глубоким сочувствием и всхлипнула:

— Бедненький... Ну да, и правда самый страшный зверь в лесу! Как я тебя понимаю!

— Главное, снизу их, поганок, не достать, — поделился давней обидой Хольм. — А с луком бегать за ними — ну позор же! Они меня до самой опушки гнали своими шишками! А я ведь правда ничего такого не хотел! Вот... не люблю их с той поры! Лучше с медведем повстречаться, чем с беличьей стаей, честно!

— Верю! — с чувством высказалась Кайса. — Тебе — верю! Ладно, пойдем домой? — Она лукаво покосилась на него и посоветовала: — Ты бы Лестане эту историю рассказал...

Легко обогнув Хольма, девушка принялась спускаться вниз спокойно, словно по лестнице. Хольм мрачно позавидовал и пополз следом, утешая себя тем, что дело все-таки сделано! Он добыл необходимую улику, и теперь Лестана просто не сможет и дальше надеяться на порядочность своих родичей. Жаль ее, конечно, однако своего врага нужно знать. Он вспомнил колдовские глаза Мираны и передернулся. От кого у жрицы все-таки сын? Чутье подсказывало, что ответ на этот вопрос тоже очень пригодился бы.

Глава 22

Откуда растут уши

Ей казалось, что время тянется бесконечно, что Кайса с Хольмом выскользнули в сад через окно несколько часов назад, и их вот-вот застанет рассвет, но песочные часы, которые Кайса перевернула перед уходом, показывали, что прошло не так уж много времени. Лестана ждала, изнывая от бессильной тоски и остро жалея, что нельзя позвать хотя бы служанку.

Она сама отпустила всех приставленных к ней девушек в храм на торжественную службу, заявив, что с ней останется Кайса. Пришлось соврать отцу — он предложил, чтобы Лестану отнесли в храм прямо в кресле. Впрочем, предложил не слишком настойчиво и, когда Лестана отговорила слабостью, согласился быстро и с явным облегчением.

А потом пришла матушка и предложила побыть с ней, сменив Кайсу. Лестана замялась, не зная, как отказать, но тут из купальни вышел Хольм. Одетый, но с влажными волосами и расстегнутым воротом рубашки. Метнул быстрый взгляд на Лестану и поклонился матушке сдержанным, но вполне уважительным поклоном, а потом пожелал ей доброго вечера, назвав «светлейшей госпожой Рысью».

И снова Лестана удивилась, поняв, что у Волка прекрасные манеры, когда он дает себе труд их применять. Может, ему и не хватает знания тонкостей этикета, но ведь саму Лестану отец учил, что манеры — это желание быть вежливым и уважение к другим. Хольм очень старался быть учтивым!

Только вот улыбка матушки, которой она ответила на приветствие, была такой напряженной и фальшивой, что у Лестаны на миг неприятно потянуло внутри. А потом вошла Кайса с блюдом фруктов, и матушка сразу согласилась, что Лестане лучше поспать в тишине под присмотром подруги, а ей самой — быть в храме рядом с отцом, чтобы все увидели — слухи о тяжелой болезни жены вождя ложны.

Уходя, матушка прошла мимо Хольма, едва не коснувшись его локтя широким рукавом платья. Вздрогнула и одернула рукав то ли испуганным, то ли брезгливым жестом — и у Лестаны снова потянуло внутри. Еще и потому, что Волк это заметил, складка между его густыми бровями залегла чуть резче, и он отступил к самой стене.

Нехорошо получилось. И ведь попробуй теперь объясни, что матушка совсем не желает ему зла, просто ей успели рассказать разных бредней, да и Ивара она любит...

А потом дворец опустел, и Кайса с Хольмом выбрались в сад через окно, чтобы не ходить мимо стражи, которая только во дворце и осталась. А Лестана осталась ждать, маяться тревогой и острым чувством своего бессилия, вздрагивать при каждом шорохе из сада и думать-думать-думать...

На закате они все-таки провели ритуал, как и настаивал Хольм. Ареня, увидев его, недовольно поджала губы, а потом высказалась насчет бешеных волков, которым целители не указ, и стало понятно, что Хольму и сегодня не очень-то разрешили вставать. Но он огрызнулся, что сам способен решить, когда на лапах не стоит, и Ареня лишь вздохнула. А потом был ритуал — и Лестана замерла от жалости и вины, когда Волка, лежащего рядом с ней, выгнуло судорогой, но он снова не закричал, даже не застонал, только скрипнул зубами и после длинно выдохнул что-то неразборчивое.

— Поговори мне еще, — одернула его Ареня и обратилась к Лестане: — Сегодня обойдемся без массажа, нужно посмотреть, как тело отзывается на чистое воздействие. Полежи, милая, и этот герой мохнатый пусть отлежится, а то неизвестно, дойдет ли до своей комнаты.

Напоив Лестану лекарством, она ушла, а неугомонный Волк провалялся полчаса, не больше, после чего встал, пошатываясь, и снова ушел в купальню. Лестана проводила его взглядом и нечаянно вспомнила огромного черного зверя, подставившего голову под ее ладонь. Интересно, у него теперь тоже мех чистый и пахнет свежестью? Или в зверином облике нужно мыться заново?

Как вообще получилось, что она так мало знает о звериной стороне своей природы? Обратни принимают зверя в разном возрасте, иногда совсем малышами, как Кайса, иногда лет в девяносто, как Эрлис, а бывает — и гораздо позже. До семнадцати-восемнадцати лет считается, что рано беспокоиться, если зверь не пришел — всему свое время. Но все, что с ним связано, в Арзине окружено почтительной таинственностью, потому что Рысь — дар Луны и Матери-Рыси, богини-покровительницы Арзина. Матушка и отец никогда не превращались при Лестане, это не было принято ни в их семье, ни во всем клане. Конечно, Лестана видела их в звериных обликах, но не так уж часто. Один лишь Эрлис оборачивался с удовольствием и чуть ли не каждую неделю — маленькой Лестане казалось, что это очень часто! И он был таким красивым!

Роскошный рыжий мех с серебристым отливом, мощные лапы, золотые глаза с лукавым, совсем не

звериным прищуром. Эрлис позволял гладить себя и чесать за ухом, он даже играл с Лестаной в рысьем облике, толкая ее тяжелой головой в грудь, а потом делая вид, что охотится и вот-вот сцапает. Это была веселая и волнительная игра, от которой сердце сладко замирало, но матушка, если видела, неодобрительно качала головой и говорила о приличиях. О том, что девочке недопустимо бегать по pokojам, заливаясь хохотом. О том, что Лестана снова испачкала или порвала платье. О том, что она — светлейшая госпожа, а не служанка, и должна вести себя подобающе. Всегда, что бы ни случилось!

Когда Эрлиса привезли домой, окровавленного, странно незнакомого, Лестана словно окаменела. Крик рвался из нее, раздирая нутро в кровь, но рядом была застывшая мраморной статуей матушка, и Лестана заперла его внутри, понимая, что должна вести себя как подобает. Ради матушки, которой намного хуже. Ради отца. Ради чести рода. Светлейшие Арзина не рыдают при всех, как бы этого ни хотелось, и не показывают свою слабость...

А перед глазами стоял не тот Эрлис, которого привезли, а настоящий, живой, пахнувший лесом и чистым рысьим мехом, смеющийся и подбрасывающий Лестану к потолку или обещающий принести ей с охоты живого зайца. Правда, он всегда забывал об этом, но Лестана не обижалась. Она ведь еще не Рысь, зачем ей заяц? А обернется — сама поймает, только непонятно, что с ним делать. Не есть же его — сырого и пушистого!

Она сдавленно усмехнулась, вглядываясь в темноту за окном, и на миг закрыла глаза, а когда открыла — темнота качнулась навстречу и распалась на два силуэта.

— Спит, — шепотом сказала темнота голосом Кайсы.

— Не сплю, — возразила Лестана, отчаянно зевая. — Вы... нашли?!

Она проморгалась, негодуя, что глаза слипаются, и умоляюще посмотрела на мрачного Хольма, который сделал пару шагов от окна и сел на пол у кровати Лестаны, прямо на облюбованный коврик.

— Нашли, — уронил Волк и протянул ей сжатую в кулак руку.

Перевернул, медленно раскрыл ладонь... Лестане показалось, что у нее в глазах двоится, все-таки не до конца она сморгнула сладкую дремоту. Но нет, сережек и правда было две. Милые кошачьи мордочки, безобидно нарядные, усыпанные крошечными алмазными искрами, озорно блестящие изумрудами глаз... Совсем как раньше. Их ведь и должно быть две, правда? Только вот одна из кошек осталась на утоптанной земле Волчьего города. Впрочем, нет, ее нашел Брангард. Нашел и не отдал по каким-то очередным хитрым соображениям. И оказалось, что к счастью не отдал. Такая мелочь — и столько потянула за собой, словно маленький камешек — целый камнепад.

— Вот, — негромко сказал Волк и, подняв руку Лестаны, вложил сережки в ее ладонь. — Подумай о Рыси.

О Рыси? Лестана зажмурилась, пытаясь представить чудесную огромную кошку, которой так недолго была во сне. Ее мягкую шерсть, уши с кисточками, розовые подушечки на лапах... Сережки вздрогнули, словно потянувшись друг к другу — и Лестана торопливо уронила их на постель, как пару отвратительных огромных насекомых.

— Они... живые... — пролепетала она, уже стыдясь собственной глупости. — Это и есть колдовство?

— Наверное, — вздохнул Волк, а непривычно молчаливая Кайса села с другой стороны постели и погладила Лестану по голове. — Теперь веришь?

Две кошачьи мордочки поблескивали на нее изумрудными глазками и больше не казались милыми и красивыми. Лестану затошнило при взгляде на них. Вот это и есть причина того, что она не могла призвать зверя? Она несколько лет считала себя неполноценной, плакала втихомолку, мучилась, что опозорит семью... Да весь Арзин знал, что дочь вождя никак не может обернуться! Вот из-за этого?!

Ивар не просто украл у нее зверя, он заставил Лестану чувствовать себя униженной, ущербной, беспомощной и слабой! Он знал — и лицемерно сочувствовал ей! Говорил в лицо, что она вот-вот обернется, а сам смеялся за спиной, зная, что этого не будет!

Какая же она дура... Это... даже хуже того, что сделал Брангард! Сын Ингевальда был и остался ей чужим, а Ивар... он же свой! Родич! Отец его таскал на руках в детстве, матушка старалась приласкать, Эрлис брал с собой на охоту...

Лестана почти справилась с тошнотой, но тут ее осенила новая мысль — и внутренности скрутило ужасом. Может, это Ивар убил Эрлиса?! Или тот, кто уже тогда замыслил сделать его наследником, а после и вождем?! Но это же... У нее голова закружилась, будто не желая пускаться в сознание

неизбежные мысли, отвратительные в своей безжалостной правдивости. Кому еще могло быть выгодно вознесение Ивара, кроме Мираны?!

К тошноте и головокружению добавилась дрожь, а потом страх непонятным образом перетек в злость. Лестана набрала в грудь воздуха и второй раз в жизни ее накрыла ослепительная ярость. Чистая, беспримесная, даже сильнее, чем тогда, в храме.

Ивар и Мирана! Брат, пусть и неродной, и сестра отца! Как они могли так поступить с ней?! С отцом! С матушкой, которая вся извелась из-за слабости дочери! Как они могли?!

Она зажмурилась, не желая видеть ничего! Ни сочувственного взгляда Хольма, который так и держал ладонь на ее покрывале, ни Кайсу... Не надо ей ничьей жалости! П-р-р-рочь! Что-то рвалось из груди, иступленное, горячее, и Лестана поняла, что рычит. Низкий утробный рык сам собой течет из нее, и это так сладко, что сердце стучит куда быстрее обычного, а кровь бежит по телу кипятком.

Она выдохнула это звериное урчание, не стыдясь его, а наслаждаясь каждым миготом, и открыла глаза, с вызовом посмотрев на Волка. Пусть только попробует засмеяться!

Но Хольм глядел на нее с изумлением, которое стремительно перетекало в восторг, а потом медленно, словно с опаской, поднял руку и потянулся к голове Лестаны, прошептал:

— У тебя уши...

— У всех уши, — резонно возразила Кайса и тут же задушенно взвизгнула, потому что зажала себе рот руками. — Аууум! Умх! То есть уши! — вскрикнула она, тут же убрав ладони от губ. — Леста, у тебя уши!

— Ага... — восхищенно протянул Хольм, склонив голову набок и любясь чем-то на голове Лестаны. — У-у-уши... у-у-ушки...

— Вы что, с ума сошли? — обреченно спросила Лестана, переводя взгляд с одного на другую. — Уши первый раз увидели? Ну и что?

— Сейчас!

Вскочив, Кайса умчалась к столу и через несколько мгновений вернулась с небольшим круглым зеркалом, которое торжественно придержала перед Лестаной, а Волк, с явным трудом оторвавшись от созерцания, зажег еще пару свечей и закрепил их в подсвечнике. В спальне разом стало светлей.

Лестана недоуменно взглянула на себя в зеркало и... едва не закричала. Если бы могла — тоже зажала бы рот руками, чтоб не визжать, но только сцепила их перед собой. Уши! Треугольные, мохнатые! Серебристые, точно такого же цвета, как ее волосы, но рысьи! Они начинались меховой полоской с того места, где были до этого человеческие уши, потом полоска скрывалась в волосах, и немного в стороне от самой макушки из растрепанных прядей выныривали уже кошачьи ушки с пушистыми кисточками!

— Ой... — прошептала Лестана. — О-о-о-о-ой...

— А я говорила! — ликующе взмыл голос Кайсы. — Говорила, что ты скоро обернешься! Уши — вот они! Ой, а все остальное где?

— Не знаю... — испуганно прошептала Лестана, больше всего жалея, что не может поднять руку и потрогать их — собственные уши.

Зато Волк еще как мог! И бесцеремонно протянул лапищу, а когда Лестана воззрилась на него с возмущением, этот нахал еще и удивился:

— А что такого? Я только погладить хотел! Ты, между прочим, меня за ухом чесала! — И добавил с глупой нежностью, которой Лестана в нем даже заподозрить не могла: — Они такие пушистые... с кисточками... А хвост есть?

— Какой еще хвост? — простионала Лестана, отчаянно заливаясь краской.

— Рысий! — подсказала Кайса. — Ну такой... короткий, но толстый! И мохнатый!

Свободной от зеркала рукой она что-то изобразила в воздухе, как будто Лестана никогда в жизни не видела рысий хвост и не подозревала, как он выглядит.

— Ага, — согласился Волк, так и таращась на нее влюбленными глазами. — Хвост. Пушистый! И тоже белый!

— Я сейчас с ума сойду, — прошептала Лестана, снова взглянув на себя в зеркало. Уши ей не привиделись, они вызывающе торчали по обе стороны макушки, а левое еще и пошевелилось, вызвав у Лестаны щекотку. Само! — Они теперь что, так и останутся?!

— Ну... — протянула Кайса. — Кто ж знает? Но теперь все увидят, что Рысь у тебя все-таки есть! Первый раз вижу, чтобы зверь пришел не полностью, а вот так. Леста-а-а... а хвоста точно нет?

И она хихикнула, заставив Лестану мучительно запыхаться от смущения.

— Нету! — огрызнулась Лестана. — И я тоже о таком не слышала! Ну как зверь может приходить по частям?!

— Может, — уронил Хольм с неожиданной рассудительностью. — Когда только начинаешь меняться, первыми появляются клыки и когти. Если в этот момент превращение прекратить, они так и останутся. Только этого никто не делает — больно же. И потом все равно нужно измениться в какую-то одну сторону. А так у нас часто ребятишки то шерстью обрастут клочками, то зубы полезут волчьи... Особенно когда в игре сами себя от азарта не помнят.

— Ну вот, — заключила Кайса, — а у тебя уши вылезли. Не болят?

— Н-нет, — признала Лестана, поворачивая голову, чтобы посмотреть на ухо сбоку. — Но больше ничего нет! И хвоста — тоже! Ну... то есть я его не чувствую.

— Будет, — улыбнулся Хольм, и Лестана замерла — даже от ушей отвлеклась.

У него оказалась такая мягкая и открытая улыбка! Раньше он при ней усмехался или скалился, но никогда не улыбался вот так! А теперь лицо будто осветилось изнутри, глаза точно просияли драгоценными камнями, и резкие черты смягчились, так что на какой-то миг Волк оказался гораздо красивее собственного брата. Да что там Брангард! Хольм был красивым, как... Эрлис, вот! Совсем другим, правда, но таким же ярким, сильным и лучащимся уверенностью.

Лестана моргнула, и тут же улыбка с лица Волка исчезла, он обеспокоенно глянул на Кайсу и спросил:

— Вождю с Когтем когда расскажем?

И указал кивком на сережки, так и валяющиеся поверх покрывала.

— Как можно быстрее, — вздохнула Кайса и умоляюще посмотрела на Лестану. — Леста, милая, ты же понимаешь?! Если Рассимор ничего не узнает, он так и будет думать, что Ивар просто паршивец. А здесь пахнет делом посерьезней!

— Ты меня совсем дурой считаешь? — У Лестаны даже голос дрогнул от обиды. — Конечно, нужно им рассказать! Пока кого-нибудь из нас все-таки не убили! Только... когда? Завтра?

— Зачем завтра? — удивился Волк, поднимаясь с коврика одним плавным текучим движением. — Вождь из храма сейчас придет. Слышите, все возвращаются?

Лестана прислушалась — и на нее обрушилось множество далеких голосов, шаги, скрип... Ее новые уши ловили такое огромное количество этих самых звуков, пусть пока и совсем тихих, что разум не успевал их все обрабатывать и понимать. Вот это — чьи шаги?! А это? А это кто-то чем-то стукнул и зашуршал в коридоре, через две комнаты и три закрытые двери! Это и есть рысий слух?! Да как с ним жить?!

Ей мучительно захотелось спрятаться под плотное одеяло, отсекающее от водопада звуков, а непокорные уши дергались во все стороны, ловя все новые и новые оттенки звучаний.

— Это пройдет, — сочувственно сказал Хольм, и Кайса согласно кивнула. — Сначала всегда тяжело привыкнуть! Но она идет к тебе, твоя Рысь. И когда явится, все станет правильно, как и должно быть.

Потрогать ее он больше не пытался, но и не улыбался, хотя Лестана поймала себя на предательской мысли, что если бы одно вело к другому... Ну правда! Если бы матушка хоть раз увидела, как Волк улыбается, она бы... Она бы очень много про него поняла! Совсем как Лестана, а то и больше. И не боялась бы его, и не считала дикарем! И поняла, что не всегда блестящие манеры означают искренность и великодушие. Стоит только сравнить Хольма с Иваром...

— Идите к отцу, — попросила Лестана снова дрогнувшим голосом. — Только сначала... Кайса, уברי эту гадость, — указала она взглядом на серьги. — Видеть их не могу!

— Вот, значит, как...

Рассимор бросил серьги на пол перед собой и отряхнул руки с чисто кошачьей брезгливостью. Арлис, поморщившись, поднял проклятые безделушки и опустил в кошель на пояс. Потом посмотрел на Хольма и ласково поинтересовался:

— Слушай, Волк, а ты без неприятностей жить можешь, а?

— Я-то могу, — буркнул Хольм. — Это они, похоже, без меня никак не могут обойтись. Я, что ли, выращивал у вас в городе такой змеиный клубок?

И осекся, вспомнив, что парочка самых крупных гадюк — ближайшая родня вождя. Но Рассимор лишь передернулся, и на миг на его лице отразилась такая пронзительная тоска, что Хольм искренне пожалел немолодого матерого Кота. Не дай Луна никому узнать, каково это! Рассимору не позавидуешь, Хольм и сам помнил это чувство, он как будто в пропасть сорвался, заподозрив, что Брангард его предал.

Но вождь тут же закаменел лицом, и Хольм отдал должное его выдержке, потому что Рассимор отрывисто сказал:

— Мы ведь не сможем ничего доказать, верно? Кто поверит, что это... что эти серьги были именно у Ивара?

— И так не смогли бы, — уронил Арлис, снова пробегая взглядом по строчкам письма Брана. — Подумаешь, преступление, заказать третью серьгу. Обычная предусмотрительность. Потерялась одна сережка, а любящий братец раз! — и запасную подарил!

— Так не подарил же! — азартно возразила Кайса, сидя на подоконнике и болтая ногой. — Почему?

— Не успел, — парировал Коготь. — Не до сережек всем было! Ну ладно, это пустая болтовня. Мы слышали и поняли тебя, Волк. И про это, — тронул он пальцами кошель, — и про это! — указал взглядом на письмо. — Но вот с Мираной что-то и вправду странное. С чего ей такие глупости творить? Ты, конечно, парень видный... — Он окинул Хольма ехидным взглядом, — но все-таки не настолько, чтоб на тебя кидаться, едва приняв хавшись.

— Арлис... — сквозь зубы проговорил Рассимор, и Коготь виновато покосился в его сторону.

Хольм, который все время рассказа боялся взглянуть на Лестану, про себя признал, что Коготь прав — и не поспоришь. Не выглядела Мирана оголодавшей женщиной, падкой на мужское внимание настолько, чтобы забыть о приличиях. Одно дело — молодые Волчицы у них дома, которым обычай позволял погулять до свадьбы, да и то редко кто заходил так далеко, как Ингрид. И совсем другое — жрица Луны, еще и такого высокого ранга. У подобных женщин разум правит телом, а не наоборот.

— Может, она как раз ничего такого и не хотела? — хмуро спросил он и пояснил: — Ну вот согласился бы я, допустим. А она бы шум подняла! Дикий Волк залез в окно, хотел обесчестить! Кому бы поверили? Уж точно не мне!

— Это мысль, — задумчиво согласился Арлис. — За бесчестие жрицы полагается смертная казнь. Мирана бы разом от тебя избавилась и ослабила вождя. Прости, Рассимор, я помню, что она твоя сестра, да вот только светлейшая Мирана забыла об этом первой.

— Вы думаете, она хотела убить Хольма? — подала голос молчавшая все это время Лестана. — Обвинить в попытке насилия и потребовать его казни? Но зачем?! Она ведь не знает, что мы... Ну, что мы женаты!

Девушка произнесла это с явным усилием, и ее щеки порозовели, так что у Хольма сладко замерло сердце. Еще ушки эти... Они так и не исчезли, и Лестана выглядела непривычно незащищенно, хотя, казалось бы, Рысь — могучий хищный зверь! Но то целая Рысь, а вот пара бархатных серебристых ушек, окаймленных пушистым мехом и с кисточками наверху... Ох, как же хотелось к ним прикоснуться! Погладить, почесать нежное местечко за ними, осторожно провести пальцем по нежному изгибу...

Хольм сглотнул и постарался выкинуть из головы эту заманчивую картину. О другом сейчас думать нужно!

— Не знает, — согласился Рассимор. — Но я уже и сам не рад, что рассказал Эльдане об этом браке. Моя жена слишком доверяет моей сестре, и будь проклят день, когда я начал жалеть об этом. Эльдана поклялась, что никому не откроет эту тайну, но...

Он замолчал и бессильно вздохнул, а Хольм вспомнил прекрасную, но слишком нежную и болезненную женщину, которая так брезгливо посмотрела на него утром, и мысленно согласился с вождем. Мать Лестаны очень любит свою дочь, это видно! Но его, Хольма, она считает опасным и не слишком разумным существом. Таких держат на цепи или отправляют загнать зверя, но не выдают

за них благородных девиц...

— Итак, ни Мирану, ни Ивара нам обвинить не в чем, — подытожил Арлис. — Волк, а ты ничего не вспомнил про ту драку?

— Вспомнил. — Хольм действительно голову себе сломал, не переставая думать об этом каждую свободную минуту, и ответ у него появился только один. — Это Гваэлис, больше никому.

Посмотрел на встрепёнувшегося и напрягшегося Когтя и пояснил:

— Когда вы, господин Арлис, появились и принялись их оттаскивать, Гваэлис кинулся на меня. Ему бы первому отскочить подальше, а он словно заторопился, понимаете? Будто испугался, что теперь не успеет! И схватил меня за плечи, чтобы пригнуть. Ну, чтобы я на кулак его товарища напоролся... Но я вот думаю, что ему просто надо было руки мне за спину запустить. Тонкое лезвие или иглу в пальцах спрятать нетрудно. А в горячке боя я бы не заметил, хоть ножом меня пырни. То есть заметил бы, но не сразу! А если там всего лишь царапина была, то сами понимаете...

Коготь медленно кивнул и севшим от азарта голосом повторил:

— Гваэлис... Ну что ж, все сходится. Отец выступил на Совете против вождя и его дочери, сын сговорился с Иваром. Ну, или с Мираной, раз взялся за яд. Кто-то ведь должен был дать сопляку отраву... И снова ничего не доказать! Вот проклятье!

— Почему не доказать? — не понял Хольм. — За шиворот, в подвал и поспрашивать! Он же от пары оплеух расколется от ушей до хвоста! Один поганец, да еще и под прямым подозрением, это не шестеро! Я Луной поклянусь, что отравить меня мог только Гваэлис, а про яд госпожа Арenea подтвердит. И если Гваэлис признается, что яд ему дал Ивар... или его мать...

— То Совет скажет, что мы пытками заставили бедного котеночка признаться в том, что нам выгодно, — поморщился Рассимор. — Мы не в Волчьем городе, Хольмгард. В Арзине, чтобы применить к кому-то пытки, нужно позволение Совета Клыкков и Когтей. А я не думаю, что нам его дадут. Половина Совета в кармане у Мираны, а вторая половина начнет колебаться и подумает, что сегодня — Гваэлис, а завтра — кто-то из них.

— Да как вы еще не вымерли с такими порядками?! — выдохнул Хольм. — Зачем нужны законы, которые защищают преступника, а не его жертву?!

Он вскочил с коврика, на котором сидел, и подошел к окну, жадно вдохнув свежий воздух, чтобы успокоиться. На небе уже появился светлый отблеск, намекающий, что скоро ночь уступит права дню. Вот-вот рассветет, а они так ни до чего и не договорились! Этого не трогай, на того не гляди... Законы — дело нужное, да только Ивар с матушкой чихать на них хотели! Им эти законы — что хвостом махнуть!

— Погоди, Волк, — попросил Рассимор, и Хольм повернулся к нему, стыдясь несдержанности. — Не считай, что мы совсем уж беззубы и боимся драки. Но нужно хорошо все обдумать, чтобы драться так, как выгодно нам, а не противнику. Понимаешь, пока Лестана не выздоровела и не призвала Рысь, у меня связаны руки. Стоит оступиться — и Совет поднимет крик, что я хочу незаконно лишить Ивара места своего наследника. Я бы сам с Гваэлиса шкуру ленточками снял! Да только все признания, полученные под пытками, тогда будут считаться недействительными. Даже если Гваэлис скажет чистую правду! И ты зря плохо думаешь о наших законах. Представь, что будет, если пытать невиновного? Многие ли устоят и смогут не оговорить себя? Да, против Гваэлиса есть сильное подозрение. Но если пытать по одному лишь подозрению, так тогда начинать надо было с тебя, Волк. Думаешь, в Совете не догадаются предложить именно это? Или сказать, что обвинение против Гваэлиса — месть за то, что его отец выступил против меня? Там было шестеро Котов, но обвинили мы именно того, на которого я имел зуб!

— Понял, — буркнул Хольм, чувствуя себя пеньком, помеченным мышами, как непременно сказал бы Брангард.

А он еще удивлялся, что Совет Арзина оказался довольно милостив к нему, заподозренному в убийстве. У них тут, оказывается, куда легче уклониться от обвинения в убийстве, если тебя не поймали с ножом прямо над телом. Да и тогда еще можно поюлить. Поди пойми, хорошо это или плохо? Для него, невиновного в покушении на Лестану, хорошо! Но для мерзавцев Ивара и Гваэлиса тоже недурно! Вот ведь!

— Сейчас главное — вылечить Лестану, — негромко сказал Рассимор, словно поняв его терзания, потому что поглядел с сочувствием. — До ее дня рождения совсем немного времени, она должна хотя бы встать на ноги, а там я постараюсь выпросить отсрочку от превращения. Ну и вдруг Луна смилостивится над нами? Вот, первый признак этого уже есть.

И он с нежностью посмотрел на смущенную Лестану, которая... прижала уши! Хольм против воли

почувствовал, как губы тянутся в улыбке. Ну какая же она сейчас хорошенькая! Не прекрасно-недоступная, как раньше, а живая, теплая... Ушки эти! А еще и хвост появится наверняка!

При мысли о хвосте и, самое важное, о том, откуда он растет, Хольм торопливо постарался отвлечься на что-нибудь другое. Не такое... жаркое!

— А если уши пропадут? — несчастным голосом спросила Лестана, так что было непонятно, хочет она этого на самом деле или боится.

— Снова вырастут, — убежденно ответил Рассимор и поднялся. Окинул Хольма внимательным взглядом и обыденно, словно ничего не случилось, поинтересовался: — Где ночевать будешь?

— Хорошо бы здесь лечь, — осторожно сказал Хольм, понимая, что ступает на тонкий лед. — Мне бы так спокойнее было...

— А меня, отец, ты не спрашиваешь?! Может, мне вовсе не нужен чужой мужчина в спальне?

В голосе Лестаны послышались капризные нотки, и Хольму пришлось напомнить себе, что вопрос вполне понятный, а девушка устала не меньше него. Да, она не прыгала из окон и не лазила по ветвям, но все ее силы уходят на борьбу со слабостью.

— Леста, милая, — сказал Рассимор очень мягко, — конечно, ты можешь отказаться. Но мне тоже было бы спокойнее, останься Волк здесь на ночь. У дверей, конечно, есть охрана, но ты и сама видишь, наши враги не стыдятся никаких подлостей. Хольмгард — опытный воин, он сможет тебя защитить в случае чего. А главное, он захочет это сделать. И тебе стоило бы его поблагодарить за это.

Лестана опустила глаза, кровь еще сильнее бросилась ей в щеки, так что сердце Хольма дрогнуло от жалости. Рассимор не отчитывал дочь, не приказывал ей, но сумел найти такие слова, что она сама поняла свою неправоту. И незнакомым чувством кольнуло сожаление: а какой была бы его жизнь, если бы его собственный отец почаще находил для него не приказы, а объяснения, не требования, а ласку... Глупо теперь об этом думать, но Рассимор упорно зовет его полным именем и доверяет ему самое ценное — Лестану! А его, Хольма, отец, чуть ли не впервые проявил отцовские чувства, когда сына увозили в Арзин.

— Извините... — прошептала Лестана, не глядя ни на кого, а Хольм торопливо добавил:

— Я обернусь Волком, так всем будет проще. Светлейшей Лестане не придется смущаться, а я издали учую любого, кто попытается подойти. Да нам и спать-то недолго осталось!

— Это верно, — вздохнул Рассимор. — Арлис, идем. А тебя, Хольм, прошу — будь осторожен. Ты в Арзине — как камень, упавший в воду, круги расходятся слишком далеко. Но камень при этом идет на дно, не забывай. И постарайся хоть эту пару недель ни во что больше не влипать.

Они обменялись взглядами, а потом вождь подошел к Лестане и нежно коснулся губами ее лба. Девушка улыбнулась, но в этой улыбке было слишком много усталости и старания, чтобы Хольм ей поверил.

Когда Рассимор с Арлисом вышли, Кайса, непривычно притихшая, обняла себя руками, словно озябнув, и решительно заявила:

— Темнят они! Ой, темнят! Хвост на отсечение даю! Что я, плохо их знаю? Наверняка уже какой-то план придумали, а тут мы с грязными лапами приперлись и все следы запутали! Ничего-о-о-о... Долго темнить не смогут, все равно к дню рождения Лестаны все прояснится. Так, Волк, сходи-ка ты погуляй! Когда будет можно, я тебя позову.

Хольм кивнул и вышел, стараясь не смотреть на Лестану, чтобы еще сильнее не смущать девушку. Что он, не понимает? Ей надо ко сну подготовиться, дела всякие сделать...

Из гостиной он прошел в купальню и сел на бортик мраморной бадьи, которую здесь называли «ванной». Поболтал рукой в остывшей за день воде, и снова вспомнился испуганно-брезгливый взгляд матери Лестаны. Госпожа Эльдана не принимала его, как и весь Арзин, и Хольм не знал, то ли оскорбиться, то ли попросту плюнуть на то, что о нем думают надменные светлейшие мраморного города. Ему здесь не жить, это ясно. Но как оставить Лестану?!

С каждым днем эта девушка сильнее прорастала в него, захватывала мысли, чувства и стремления. Дома он восхищался красотой Рыси, теперь же, узнав ближе, начал ценить ее справедливость и стойкость, ее терпение и ум. Лестана перестала быть недостижимо далекой звездой, но от этого только больнее было думать о расставании.

Он не знал, сколько просидел так в темной комнате, освещенной только лунными лучами из окна,

да и то луна была в последней четверти, совсем старая. Для волчьих глаз ее света было больше, чем достаточно, а вот человеческие сильно им уступали. Получается, день рождения Лестаны будет примерно в полнолуние. Это хорошо, легче обернуться. Но что, если она не сможет?

«Вот тогда и буду об этом думать», — упрямо решил Хольм.

Встал, потянулся и, дождавшись оклика Кайсы, пошел в спальню, мысленно готовясь к обороту. Если его Рыси легче видеть в спальне мохнатого зверя, а не мужчину, что ж — ее право. Хорошо, что она не знает, как восхитительно пахнет для него, когда Хольм в этом облике! И какие ему снятся сны!

Глава 23

Гости и прогулки

— Кайса, ты не знаешь, чем занимается Ивар?

Раз-два-три-четыре... Раз-два-три-четыре... Лестана сжимала в ладони детский мячик из тонкой замши, плотно набитый шерстью. Непослушные руки стискивали безделушку слишком слабо, но она упорно пыталась снова и снова. Арения сказала, что это должно помочь, и притащила целую кучу игрушек. Их следовало крутить в пальцах, сдавливать, перебирать всеми возможными способами...

Руки уставали мгновенно, и тогда Лестана переключала очередную вещицу из ослабевшей руки в отдохнувшую и упрямо продолжала мучить себя, пока мышцы не начинали отзываться острой болью. Кайса растирала ей ладони и запястья мазью с травяным запахом, гладила руки до самого плеча, и Лестана, отдохнув, начинала все сначала.

За сегодняшнее утро, которое началось с уже привычного ритуала, она трижды доводила себя до полного изнеможения и была твердо намерена не потерять ни одной минуты. Арения, правда, предупредила, что телу нужно давать отдых, но разве это работа — тискать мячик?!

— В город уехал, — отозвалась Кайса, тоже занятая делом.

Она расплела Лестане волосы и теперь тщательно расчесывала их, начиная от самых кончиков, чтобы потом заплести какую-то новую хитрую косу, подсмотренную у приезжей Лисицы. Рядом с Кайсой лежали приготовленные для этого важнейшего дела ленточки, гребни и шпильки. Подруга утверждала, что коса должна получиться просто восхитительная, и Лестана заставила себя улыбаться и обсуждать новую прическу, словно все идет своим чередом.

В самом деле, нельзя же постоянно думать о плохом?!

— В город... — повторила Лестана. — На рынок, наверное? Скоро осень, привезут новые товары, нужно проверить цены на зерно и овощи...

Голос предательски дрогнул, но Кайса сделала вид, что ничего не заметила, ее пальцы так же ловко и бережно перебирали волосы Лестаны. Волосы, из которых больше не торчали мохнатые уши с кисточками. Утром Лестана проснулась с обычными человеческими ушами и тут же пожалела об этом — как теперь доказать Совету, что Рысь вот-вот придет к ней? С другой стороны, раз это случилось один раз, может, и еще произойдет? Научиться бы только вызывать зверя по своему желанию!

— А про вчерашнее ничего не слышно? — спросила Лестана и подруга помотала головой, потому что рот у нее был занят шпильками.

— Неа... — промычала она и выплюнула шпильку. — Все молчат. Наверное, Мирана никому ничего не сказала. Ну, это и понятно! Волка она упустила, а теперь если рассказать, что он к ней в окно залез, ничего не докажешь, зато слухи пойдут! Проворонила госпожа верховная жрица свое счастье, надо было крепче за хвост хватать!

Кайса хихикнула, и даже Лестана улыбнулась, представив, как величественная тетушка Мирана ловит за хвост Волка, который удирает от нее в окно, а потом тащит его по коврам в спальню, причем Хольм изо всех сил упирается лапами и прижимает уши, словно нашкодивший пес.

Они с Кайсой переглянулись и, не сговариваясь, посмотрели в сторону купальни, дверь в которую была плотно закрыта. Волк ушел туда почти час назад и до сих пор носа не показал.

— Может, он утонул? — предположила Кайса, начиная заплетать Лестане косу. — Или рыбой обернулся? Говорят, на далеком юге есть такие оборотни, у которых зверь — огромная рыба!

— Как зверь может быть рыбой? — усомнилась Лестана.

— Ну, птицы же могут! — Кайса старательно крутила что-то у нее на макушке, вкалывая гребни. — Те же Соколы, например! Птицы не звери, а кое-кто в них оборачивается! Так и рыбы... Если у тебя рядом не лес, а много-премного воды, поневоле задумаешься, в кого лучше обернуться.

— Это да, — со вздохом признала Лестана. — Везет Соколам, у них крылья... Представляешь, огромное небо — и все твое!

— В лесу тоже неплохо, — буркнула Кайса, и Лестана мигом почувствовала, что настроение у любимой подруги испортилось.

Она переложила мячик из уставшей левой руки в правую и продолжила размеренно его сжимать, по опыту зная, что допрашивать Кайсу бесполезно. Захочет — сама расскажет, а иначе ее хоть пытай. Так и вышло. Кайса еще немного сосредоточенно посопела, потом осторожно начала:

— Леста, а ты его вспоминаешь? Ну... Брангарда...

— Вспоминаю, конечно, — отозвалась Лестана с удивлением. — Он же письмо прислал!

— Да я не об этом! — в голосе Кайсы явно слышалась досада. — По-другому вспоминаешь? Он ведь у Волков крепко тебе в сердце когтями впился... Помню, как ты по нему... ну...

— Страдала? — подсказала Лестана ровно. — Да, было. Только знаешь, есть вещи, которые очень быстро лечат. У меня с Брангардом дороги разные, жаль, что я раньше этого не поняла.

— И совсем-совсем не жаль? — продолжала допытываться Кайса. — А вдруг он и правда приедет в Арзин? А что, жених завидный, ни в чем не замешанный, да и матушке твоей он по сердцу точно придется, не то что старший Волчок... Представь, упадет он тебе в ноги, прощения попросит... Хотя нет, этот не упадет. Но он ведь из тех, что даже сосульку одними речами растопит. А парень красивый, видный, да и... Не такой уж он гад, а? Брата вот любит... Простишь?

В голосе Кайсы слышалось что-то странное, и Лестана задумалась, с чего это подруге на память пришел Брангард, еще и так необычно. Но ответила честно, чувствуя, как тихим сладким сожалением щемит сердце, но больше не болит и не бьется быстрее, стоит представить яркие золотисто-карие глаза и улыбку младшего Волка:

— Не гад, это верно. Просто не повезло нам с ним. Знаешь, Кайса, на Брангарда я больше не обижаюсь. Если бы не это все, кто знает, как бы наша поездка обернулась? Осталась бы я у Волков, а здесь отца бы убили! А матушка... Она хорошая, но постоять за себя не может, и всем понятно, она жена вождя, но сама только собственным домом править способна, никак не Арзином. Ее бы не тронули, конечно... Но ты же понимаешь? А так я словно в осиное гнездо влезла, но ведь ос рано или поздно все равно выкуривать пришлось бы. Как говорит тетушка Ареня, если глаза закрыть, летящая стрела от этого не исчезнет. А Брангард... Пусть он будет счастлив. Луна видит, от всего сердца ему этого желаю.

— То есть... ты выбрала? — еще осторожнее спросила Кайса, ловко вплетая ей в волосы очередную ленту. — Хольма?

— Прямо сейчас я выбрала жить, — еще тише ответила Лестана. — Спасти свою семью, встать на ноги, призвать зверя. И вернуть себе Арзин, если Луна будет милостива. А Хольм... Кайса, я же только недавно поняла, что не так уж много о нем знаю! Думала, что он дикарь, наполовину зверь, а он совсем не такой. Он сильный... Благородный, смелый... Но он другой, понимаешь? Не такой, как я, как мы все в Арзине! И я не знаю, что будет дальше. Он, наверное, домой вернуться хочет, ему же здесь все чужое!

— Да-а-а... протянула Кайса. — Вот все хорошо в зверином облике, и нюх отличный, и слух замечательный, и тело становится ловким, куда там человеческому... Но у человеческого облика есть одно преимущество, за которое ничего не жалко! Люди разговаривать умеют! Словами, представляешь?! И даже понимают друг друга иногда. Ты со своим Волком поговорить не пробовала? Спросить, чего ему самому хочется, что он про все это думает... Раз уж сама поняла, что не совсем он дикий, так ответит, наверное, а?

— Думала... — тихо призналась Лестана. — Только я что ни скажу, все не так выходит. Вчера его обидела, вот. А он всю ночь у двери лежал. На коврике!

Голос опять предательски дрогнул, и Кайса, не переставая плести сложную косу, погладила Лестану по голове.

— На коврике — это не дело, — подтвердила она. — Удобно, конечно, если кто-то войдет — обязательно споткнется, но так вы и правда ни до чего не договоритесь. А ты ему скажи, пусть на кровати спит!

— Кайса!

Лестана почувствовала, что щеки заливают краска, и покосилась вбок, но подругу, конечно, не увидела. Да и в купальне по-прежнему ничего не было слышно.

— Что Кайса?! — возмутилась та. — Он тебе кто, муж или коврик? Если так уж стесняешься, пусть в волчьем облике спит. Хотя лично я бы не советовала! Знаешь, как от меха жарко? Если рядом ляжет, никакого одеяла не надо. Зимой хорошо, а вот летом неудобно. Или он храпит?

— Нет... — выдавила Лестана, не зная, сгореть от стыда или рассмеяться. — Он тихо спит!

— Ну, тогда точно можно в постели, — рассудила Кайса, втыкая шпильку, оказавшуюся последней. — А если начнет во сне лапами дергать...

Обе двери открылись одновременно. Хольм вышел из купальни, одетый, но с влажными волосами, в точности, как вчера. И так же, как вчера, именно в этот момент в спальню вошла матушка, только следом за ней всплыла та, кого Лестана меньше всего хотела бы здесь увидеть. Остановившись на шаг позади замершей матушки, Мирана выгнула изящно очерченную, искусно подведенную бровь и окинула Хольма медленным взглядом с головы до ног. А Лестана впервые в жизни очень зло удивилась, зачем жрицы красятся, если служение Луне требует от них целомудрия или хотя бы очень скромного поведения?

У Мираны же не только глаза подведены, но и губы накрашены, а на лице тончайший слой пудры! Как-то раньше Лестана этого не замечала, или ей было все равно, что тетушка в юности считалась одной из самых красивых женщин Арзина, да и сейчас изумительно хороша. И духи у нее сладкие, тяжелые...

Волк чихнул. А потом еще раз и еще. Звонко прочихался под скрестившимися на нем взглядами, вежливо прикрывая рот рукой, а потом буркнул:

— Прошу прощения, светлейшие.

И выскользнул в гостиную, ухитрившись не коснуться никого из женщин, так неудобно стоящих у него на пути. Из гостиной немедленно снова послышалось чихание, которое затихло уже в коридоре.

На щеках матушки появились некрасивые розовые пятна, заметные даже через пудру, а Мирана, обернувшись, проводила Волка долгим взглядом и снова повернулась к Лестане, спросив у нее мягким участливым тоном:

— Как ты, девочка моя?

— Благодарю, тетушка, мне уже лучше, — ответила Лестана, от души жалея, что вот именно сейчас не накрашена и не одета.

Волосы, правда, убраны, и наверняка очень красиво, потому что вкус у Кайсы отменный, но после долгого лежания в постели она, Лестана, на бледную поганку похожа! И рубашка эта ужасная... Белая, с кружевным воротом, но сшитая просторным балахоном... Хорошо, в общем, что Хольм вряд ли успел к Лестане присмотреться. И плохо, что Мирана видит ее такой!

— Я заметила, — согласилась Мирана и очень многозначительно оглядела россыпь игрушек, лежащих поверх одеяла. — Кажется, подвижность рук уже вернулась?

— Да, тетушка, — снова старательно улыбнулась Лестана, которой очень хотелось прорычать, что нет, это она впала в детство и забавляется погремушками, не видно, что ли?!

Да что это с ней такое творится? Ну да, Мирана ее враг, но вчера Лестана уже знала об этом и все-таки не испытывала подобного желания вцепиться дражайшей тетушке в горло. Ну, или хотя бы взмахнуть когтистой лапой и от ворота до подола располосовать лентами белоснежное платье жрицы с нарядной золотой вышивкой. Пр-р-риталенное на гр-р-рани пр-риличий, между пр-р-рочим!

— Леста, милая, — вмешалась матушка. — Что этот Волк опять здесь делает? Неужели у него в покоях нет купальни?! Это... неприлично, в конце концов!

«Неприлично — пользоваться днем такими сладкими духами, — очень хотела ответить Лестана. — И делать подобные предложения чужим... Волкам — тоже очень неприлично! И вообще без приглашения являться! Не тебе, конечно, а этой... выдре рыжей!»

— Хольм охраняет меня, — сказала она вслух так ровно, как могла. — Отец об этом знает и дал согласие. А тетушка Ареня думает, что мне полезно его присутствие.

«Ну же, вспомни, что должна хранить тайну нашего брака! — мысленно обратилась она к матушке. — Мирана же ничего не знает и узнать не должна!»

И матушка, смущенно улыбнувшись, спохватилась:

— Ах да, твой отец говорил мне об этом. Но я думала, что Волк... что он будет в коридоре... Или хотя бы в гостиной... Но купальня? Леста, он не должен проводить здесь так много времени! И купальня — это совсем неприлично!

«Неприлично? — горько усмехнулась про себя Лестана. — Наверное, нужно позвать тебя хоть раз на

ритуал. Только ты все равно не поймешь, какая это боль, что сильного здорового мужчину выгибает от нее, по лицу катятся капли пота, а рубашка мгновенно идет влажными пятнами. И мне после этого требовать, чтобы Хольм шел мыться к себе? Когда он на ноги еле встает и дышит, словно вокруг всего Арзина оббежал? Но как, ради матери-Рыси, я могу это объяснить тебе?! Да никак...», — признала она все с той же горечью.

— Эльдана, дорогая, — ласково сказала Мирана, беря матушку под руку, — я уверена, что наша милая Леста не позволит себе ничего лишнего. Она прикована к постели, бедняжка, разве можно хотя бы заподозрить ее в чем-то неприличном? И если Арения говорит, что это полезно, нам следует верить опытной целительнице. Видишь, Лесте уже лучше! Сейчас главное, чтобы она выздоровела, а слухи — это всего лишь слухи. В конце концов, юной девушке, сложившей с себя такое тяжелое бремя, позволительно немного больше, чем наследнице. Никто не осудит Лестану, если она приблизит к себе сына вождя, хоть и полудикого клана. Ей ведь еще о замужестве думать надо, верно?

И она пронизывающим взором уставилась на запястье Лестаны, туда, где из-под манжеты длинного рукава предательски выбился замшевый шнурок. Лестана не заметила его, усердно трудясь над мячиком, а теперь прятать ленточку было поздно, это лишь привлекло бы еще больше внимания.

«Она не может ни о чем знать, — тревожно билось в висках. — Не может! Отец, Арлис, Кайса и Хольм... Они все будут хранить тайну, только матушка способна раскрыть сердце этой гадюке... Но матушка ведь не станет, правда?! Она всегда свято слушается приказов отца! А отец велел молчать о моей свадьбе».

— Тетушка Мирана права, — отозвалась она так спокойно, как могла. — Я больше не наследница, и Хольм, если на то пошло, вполне приличная партия для меня. Обвинения против него не подтвердились, его отец обещал помощь Арзину, а сам Хольм — очень достойный оборотень.

— О да! — подхватила тетушка. — Заметь, Эли, его даже не пугает, что Лестана может остаться без зверя! Действительно, это очень достойно! И если он не изменит своего мнения после двадцатилетия Лестаны, отчего бы Рассимору в самом деле не поженить их? Волку незачем возвращаться домой, в Арзине жить гораздо легче и приятнее!

— Мири, что ты говоришь? — Розовые пятна на щеках матушки проступили еще сильнее, расплылись и потемнели. — Разве это жених для моей девочки? Она такая нежная и хрупкая, а он? Мы найдем ей в мужья благородного Кота! Правда, Лестана?

Она обернулась к дочери, ища поддержки, а Лестана почувствовала, что улыбка сползает с губ, и сил, чтобы быть доброй и милой, больше не осталось. Ей найдут мужа! Что, принесут прямо в корзинке, как породистого котенка? Может, еще и с бантиком на шее? Да что же это, откуда эта рвущаяся из глубин души злость?!

— Я думаю, матушка, — едва сдерживая раздражение, проговорила она, — когда настанет время, Луна пошлет мне мою судьбу. Нет необходимости кого-то искать. А у благородных Котов Арзина было достаточно времени, чтобы проявить свои чувства ко мне. Если, конечно, они имелись.

«Да только эти Коты или слишком хорошо помнили, что нельзя приближаться к дочери вождя без приглашения, или ждали, пока она обернется, чтобы не связать себя узами брака с неполноценной!»

— Это очень мудро, милая... — растерянно улыбнулась матушка. — Правда ведь, Мири?

— Конечно. Я так рада, что Лестана вверяет свою судьбу Луне.

Мирана обняла матушку за плечи, и та вдруг показалась в ее объятиях особенно тонкой и хрупкой, болезненной, несмотря на вернувшуюся после болезни красоту. Полупрозрачная кожа, благородное серебро волос, нежный оттенок глаз... Матушка была так хороша, что Лестана иногда вздыхала, понимая, что ей никогда такой не стать. Всегда будет не хватать чего-то неуловимого. Запястья у нее немного толще, чем у матушки, кожа не такая белая и тонкая, фигура крупнее... Обычная Рысь, в общем, хоть и красивая — глупо кокетничать перед самой собой. А матушка — редкий нежный цветок, болотная лилия, которую страшно тронуть, потому что любое касание может ее погубить. Только любоваться!

Но ведь родители отдали ее за отца, не боясь, что дочка слишком хрупкая и нежная!

Подойдя, матушка склонилась и поцеловала Лестану в щеку, окутав ароматом духов, таких же нежных и изысканных, как все у нее. Погладила по руке и тихо сказала голосом, полным вины:

— Ты сегодня такая красивая, девочка моя. Только бледновата немного, но эта прическа тебе очень идет. Это Кайса плела? Кайса, солнышко, — обратилась она к той, — я пришлю к тебе мою служанку, будь добра, научи ее.

— Конечно, — кивнула Кайса.

А матушка, выпрямившись, еще раз погладила Лестану по голове и пообещала:

— Я приду вечером, хорошо? Посижу с тобой... Помнишь, как в детстве, когда ты болела? Все будет хорошо, милая!

— Все будет хорошо, — эхом откликнулась Мирана и посмотрела Лестане прямо в глаза.

Лестана спокойно выдержала этот взгляд, но когда дверь за матушкой и жрицей закрылась, попросила срывающимся голосом:

— Кайса, кинь туда подушку! Я сама не могу, а так хочется!

— Запросто! — оживилась Кайса и, подхватив упругую подушечку, с силой швырнула в дверь.

Потом еще одну, и еще... Потом, разойдясь, не пожалела и яблока, которое вцепилось в доску двери с громким стуком и разлетелось на куски. И только тогда Лестана почувствовала, что ее немного отпустило, и пружина, сжатая внутри, уже не грозит порвать все в клочья, развернувшись.

— Легче?

Кайса присела на кровать и протянула зеркало. Из него на Лестану взглянула почти незнакомая девушка с горящими глазами и упрямо сжатыми губами. Слишком бледная, верно, однако никто не назвал бы ее слабой. И прическа — вот тут матушка права! — шла Лестане изумительно! Две толстые косы сложного фигурного плетения собирали волосы с висков и соединялись на затылке, оставляя макушку свободной. Строго, но изящно!

— Я тебя еще чуточку подкрашу, — ободрительно сказала Кайса, — и пропал твой Волк!

«Он не мой», — хотела по привычке возразить Лестана, но почему-то промолчала.

Ну да, не ее, но вот стоит представить, как эта выдра на него охотится... А она ведь наверняка крашенная! Ну не может женщина в ее возрасте не иметь ни одного седого волоска, а Мирана щеголяет тяжелой гладкой гривой цвета красного золота. Точно крашенная!

От этой мысли Лестане стало немного легче. Но она тут же вспомнила, что у Волка наверняка были и другие женщины. Хотя бы эта Ингрид... Нехорошо плохо думать о покойнице, но непохоже, чтобы они с Хольмом только на зайчиков вместе охотились... Фу, как же некрасиво! Не ее это дело! И Волк не ее!

Но раздражение, опять проснувшееся в душе, странным образом прояснило рассудок. И Лестана вспомнила то, что ее цепляло с момента, как она узнала о смерти Ингрид, будто оставшаяся в коже заноза. Запах! Память вытащила его на поверхность, и обострившееся за эти дни чутье Лестаны наконец-то связало воедино два конца порванной нити.

— Знаешь, — сказала она. — А я, кажется, поняла, кто мог рассказать Ивару о том, что я поехала в храм. Ингрид! Помнишь, она меня на празднике клюквенным морсом облила? Ну вот! А потом мы стояли с Браном рядом с густыми кустами, и там пахло клюквой! Очень сильно пахло! Я только сейчас вспомнила. Может, конечно, это от моего платья пахло, но оно сразу высохло, а вот у Ингрид в руках еще полстакана этой клюквы было... Или я ошибаюсь, как ты думаешь?

— Пахло-то, может, и от твоего платья, — задумчиво согласилась Кайса. — Очень даже запросто! Но если Ингрид что-то услышала, запросто могла Ивару рассказать. Одной стрелой двух зайцев подбила бы! Во-первых, насолила Хольму за то, что он ее бросил. Ведь Ивар должен был кинуться в храм и поднять шум — ну, если бы все было как обычно! А во-вторых, тебя бы грязью измазала! Случилось там что-то или не случилось, все равно слухи пошли бы. Да, если Ингрид что-то узнала, ей прямая дорога была к Ивару. А она ведь с ним обнималась, так?! Вот тогда и рассказала!

— Значит, Ивара в храме не было, — снова безнадежно запутавшись, вздохнула Лестана. — Он бы не успел и с Ингрид пообниматься, и до храма добраться. А чьей же Рысью там тогда пахло? С ума можно сойти, столько следов — и все запутанные!

— Это ты еще на охоте никогда не была! — «утетила» ее Кайса. — Ничего, распутаем! Всех, кого надо, поймает, шкуру снимет и на тапочки пустит. Зимние! Ох, как я хочу из твоего драгоценного Ивара тапочки с помпонами!

— У него же один хвост, — несмело улыбнулась Лестана. — А на тапочки надо два!

— Правильно! Поэтому на них пойдет не хвост, а кое-что другое! Знаю я место, где у Котов есть пара меховых шариков. Так вот Ивар без них точно обойдется!

— Кайса!

— Что Кайса?! Что сразу Кайса?! А Миране, если еще раз явится, я сама объясню, почему здесь Волк и что он тут делает. Так и скажу: госпожа Ареня тебе его назначила и велела принимать дважды в день! Внутрь!

— Кайса... — прорыдала Лестана, одновременно краснея и захлебываясь смехом. — Ты... только ему не вздумай... ляпнуть.

— Думаешь, не потянет? — деловито поинтересовалась Кайса. — Ладно, не будем так уж сразу пугать. Хотя два раза — это не пять или шесть, вовсе нечего тут бояться!

И выскочила за дверь, потому что Лестана швырнула в расшалившуюся подругу тот самый мячик. Не попала, конечно, но удивленно посмотрела на руку и счастливо улыбнулась.

Ну и духи у госпожи верховной жрицы, чтоб ее! И похоже, что она в них искупалась, не меньше! Хольм раздраженно потер нос, тоскливо вспоминая тонкий нежный аромат Лестаны. Иногда от нее тоже пахнет какими-то цветами, но приятно, словно лежишь на весенней поляне, греешься под теплым солнышком, а ветер гладит шкуру. Это совсем другое дело! А Мирана... Тьфу! А-а-апчхи!

Он вздохнул и подумал, что стоит навестить собственные покои. Разговор Лестаны с родней может затянуться, да и не дело — торчать у девушки весь день перед глазами, словно никому не нужный трухлявый гриб. Дома он бы нашел, чем заняться, там дела сами за ним бегали и в очередь выстраивались, а здесь и вправду немудрено от скуки сдохнуть.

Интересно, Тайвор уже пришел на службу? И что подумал об отлучке Хольма, которого не было всю ночь, да и сейчас время уже к обеду. Ничего не поделает, рты слугам и охране ничем не заткнуть, даже самыми строгими приказами. Все равно будут судачить!

Он дошел до своих покоев, где, как и ожидал, увидел скучающего под дверью Кота. Кивнул ему и чуть виновато пояснил:

— Я тут не ночевал. В следующий раз пошлю кого-нибудь, чтобы знал, где меня искать.

— Да я и так знал, — заметил Кот, по обыкновению привалившийся к стене. — Только не всегда надо искать кого-то там, где он есть.

— А ты понятливый, — ухмыльнулся Хольм. — Ну что, еще раз по дворцу погуляем? В прошлый раз весело было!

— Так весело, что Арлис чуть шкуру с меня не снял, — вздохнул Тайвор. — Ну, пошли. Опять в зал трофеев?

Хольм задумался, а потом решительно помотал головой.

— Подождут ваши трофеи, — сказал он. — Столько лет висели без меня — и еще повисят! Пойдем туда, где дружина тренируется!

Тайвор кивнул и отлип от стенки, уже привычно пойдя рядом с Хольмом по коридору.

— А правду говорят, что ты вместо своего брата в круг вышел? — спросил он. — С наемником из Росомах?

— Правду.

— С мечом и щитом на обоерукого? — продолжал допытываться Кот.

— Угу. А что?

— Да так... — засмутился Кот, а потом вздохнул: — Я думал, может, покажешь, как ты его? У нас мало кто так умеет. Если противник с двумя мечами, то на него выходят тоже с парой. Считается, что это лучше, а там чье мастерство верх возьмет. Вот мы и поспорили с парнями, можно ли одним мечом завалить обоерукого? Они говорят, что это случайно только быть может. Ну там солнце в глаза попало или камушек подвернулся... А иначе, мол, мастера двух мечей никак на клинок не возьмешь!

— Так не с одним же мечом, а с мечом и щитом, — заметил Хольм, которого весьма позабавила осторожная манера Кота выяснять обстоятельства того боя. — Это совсем другое дело, знаешь ли. Хотя в чем-то твои парни правы, с обоеруким драться — та еще забава. Ладно, покажу, жалко мне, что ли? А вы тут, значит, на пару мечей упор делаете?

Кот кивнул, и Хольм задумался. Медведи предпочитают тяжелое вооружение, у них не редкость

секиры, а то и вовсе боевые молоты. И копейщиков достаточно. Выставлять против них строй Рысей, вооруженных легкими клинками, близко к самоубийству. Но Арлис не дурак, должен это понимать.

Видимо, потому Рассимор и попытался заключить союз именно с Черными Волками, способными выставить обычных, но хорошо подготовленных мечников и копейщиков, которые и напор Медведей удержат, и в атаку сами перейдут. А за ними, когда оба строя будут смяты, могут пойти Рыси, закончив дело. В поединке один на один легковооруженный быстрый Кот гораздо лучше тяжелого, но медленного Медведя. Да, немало Волков ляжет в этих первых рядах, но такова воинская судьба. Зато, если союзники окажутся надежными, земли вокруг Волчьего города будут надежно прикрыты от Медведей землями Рысей.

— Умен ваш Коготь, — сказал он с уважением. — Все рассчитал.

— Это ты о чем? — недоуменно спросил Тайвор, и Хольм быстро объяснил ему, о чем думал.

— Я и говорю — умен, — закончил он и снова задумался.

Конечно, дружина не кольчуга, на одних плечах не держится, какими бы крепкими они не были. Но если Арлис погибнет в грязной драке, которая вот-вот случится в клане Рысей, то еще неизвестно, найдется ли в Арзине достаточно опытный и любимый воинами оборотень, чтобы взять на себя командование в войне, которой не избежать.

— И это ты сейчас все понял? — недоверчиво уточнил Кот. — По нескольким словам, что у нас дружинники два меча любят?

— Ну да, — удивился в ответ Хольм. — А что непонятного? Вы легкие и быстрые, потому такое оружие и выбираете. А Медведи — тяжелые, мощные, вот они и атакуют строем, чтобы сразу тяжелый строй проломить. Если вам дать время и место, чтобы затянуть их в драку один на один, обычный Кот обычного Медведя на ленточки порежет, пока тот секирой размахнется. Вот Арлис и хочет сделать из Волков щит, вроде того, с которым я на Росомаху вышел. Чтобы мы вас прикрыли, пока до противника не дойдете. Что тут непонятного?

— Теперь — ничего, — вздохнул Тайвор. — Когда ты все объяснил — еще как понятно стало. А еще я понял, почему ты Клык, а он Коготь. Вы думаете одинаково, не как простая дружина.

— Я бы не сказал, — пожал плечами Хольм. — У нас почти любого в старшей дружине можно ставить вместо меня боем командовать. Еще и лучше может получиться — у матерых Волков опыта побольше. Кто всю жизнь в походы ходит, тот такие вещи шкурой и хребтом понимать начинает, не просто головой. А вы давно не воевали ни с кем всерьез, вот и потеряли нюх немного. Но ничего, Медведям мы все равно наломаем, если правильно за дело возьмемся.

Кот хмыкнул, но спорить не стал. За разговором они незаметно вышли из богато украшенной части дворца, свернув в крыло, где не было ни мраморных полов, ни росписей на потолке и стенах, ни стеклянных светильников даже в коридорах. Здесь Хольм почувствовал себя почти как дома. Полы — деревянные, стены — беленый кирпич, а то и просто красный.

Очередной коридор вывел на крыльцо, перед которым раскинулась утоптанная площадка, на другой ее стороне высился длинный дом в два этажа, в котором Хольм наметанным глазом легко опознал казарму.

Ну где еще из окон будут свешиваться постиранные рубахи и штаны, а рядом с домом будут вкопаны в землю бревна, укрепленные на стояках, соломенные чучела для рубки, перекладины для подтягивания и прочие нужнейшие вещи? Вон и ров виднеется! Хороший, свежеекопанный! А через него перекинута узенькая досочка, даже отсюда видно, какая неустойчивая! Навернeshься с такой — и придется вылезать либо по сыпучей земле, либо по скользкой глине, а то и вовсе барахтаться после дождя в грязной жиже. На Хольма окончательно повеяло родным и близким духом.

Мрамор и бронза — это для парадных залов! Когда-нибудь их и у Черных Волков будет в достатке. Но мощь клана держится на добром оружейном металле, на хорошо выделанной коже и запасе сухих стрел, а главное — на тех, кто все это возьмет и подойдет в бой ради жизни клана. Это их кровь и пот — настоящее золото хоть древнего Арзина, хоть молодого Волчьего города.

Они с Тайвором прошли по площади, на которой было пусто, только одинокий молодой Кот с небольшой метелкой старательно убирал самые мелкие камешки и веточки с гладкой, словно окаменевшей земли, утрамбованной бесчисленными пробежками. Очистив очередной кусок, парень выметал его так тщательно, что после него оставалась ровная, как зеркало, земля. Еда упадет — можно поднять и не бояться, что испачкалась.

— Провинился? — понимающе указал Хольм взглядом на парня. — Или просто дежурит?

— Дежурит, — отозвался Тайвор. — Это не дружинник, а Рысенок. Ну, из самых молодых! Зарабатывает право поступить в дружину. Годик послужит при казарме, тогда и в учебу пойдет. У вас разве не так?

— У нас на это времени нет, — вздохнул Хольм. — Целый год, надо же! А кормить его кто в это время будет? Он же не охотится, ремеслом не занимается, пользы от него никакой!

— Ну почему никакой? — удивился Тайвор. — Кто-то должен дрова рубить, воду таскать, обеды готовить...

— Хвост старшим заносить! — подхватил Хольм. — Ну и за пивом бегать, как же без этого. Ладно, вам виднее. Раз Арзин до сих пор стоит с такими порядками, не мне их судить. А старшие где занимаются?

Тайвор провел его за казарму, и на второй площадке, уже поменьше, Хольм увидел такие же знакомые навесы, стойки с оружием, выложенные в земле кирпичами круги, отмечающие площадь для боя. Здесь народу было побольше. Пара немолодых Котов с длинными седыми косами гоняла молодняк, были и дружинники постарше.

На Хольма с любопытством обернулись все, и он услышал пронесшийся по площадке шепот — словно ветерок подул. Спокойно выдержал множество взглядов, а потом кое на кого рыкнули Коты-наставники, кто-то отвернулся сам, и только некоторые, то ли самые любопытные, то ли кому делать нечего было, продолжили сверлить его взглядом.

Хольм подошел к ближайшей стойке с оружием, оглядел, что тут предлагают, будто накрытый для пира стол. Руки так и чесались помахать тяжелым, тело просилось разогреть его, разогнать кровь по жилам...

Выбрать меч получилось быстро, хороших одноручников оказалось не так уж много, а подходящую для себя длину и ширину Хольм увидел сразу. Такой же меч у него остался дома, только чуть понаряднее, а этого рукоять была совсем простая, ничем не украшенная, кроме насечки, чтобы потная ладонь не скользила. Он почти уже потянулся за клинком, но краем глаза увидел, как Тайвор напряженно смотрит ему за спину. Однако вытаскивать нож Кот не торопился, и Хольм, сделав шаг в сторону, плавно развернулся от стойки.

Ну надо же! Знакомая морда! Как там его... Корис? А, нет, Корин! Говорливый Кот, бывший друг Тайвора, один из немногих простолюдинов в дружине. И дружинник тоже — бывший!

Корин смотрел угрюмо, исподлобья, но твердо. И, кажется, нужен ему был не Хольм, потому что глядел Кот на стойку с оружием за его плечом...

— Ну и что тебе тут нужно? — холодно поинтересовался седой Кот, подходя к ним. — Или забыл, что Коготь приказал? Если покажешься на дружинной земле — велено тебе хвост оторвать и все, что рядом с ним. Считаю до пяти, если не уберешься, сам решу, что первым откручивать буду.

На Хольма он при этом не смотрел, и это было понятно. Хольм — чужак, хоть и под покровительством вождя. А это — дела дружинные, причем дружину позорящие. Случись подобное в Волчьем городе, Хольм тоже наказал бы провинившегося, но постарался не выдать его на расправу никому другому.

— За своим пришел, — угрюмо бросил Кот, и к стойке начали медленно подтягиваться любопытные. — Мой меч здесь остался и еще кое-что по мелочи.

Он кивнул на стойку, и Хольм понял, что приглянувшийся ему меч не общее оружие для тренировок, а личное, причем именно этого поганца. Они с Корином были одного роста, оба длиннорукие, и неудивительно, что мечи выбрали похожие. И понятно теперь, почему меч ничем не украшен. Он сам по себе дорог, а парень вряд ли богат, если не из знатного рода. На хорошее оружие денег хватило, а вот на красивое — уже нет. И понятно, почему Корин за ним явился, невзирая на опасность лишиться хвоста и не только. Слишком уж дорогая вещь, даже драгоценная... Хм, неужели Ивар не может подарить своему прихлебателю оружие? Да и в храме для стражи наверняка мечи имеются. Что-то не заладилось у Кота, похоже, с новым наследником.

— Забирай, — с отвращением велел седой наставник. — Нам чужого не надо, еще и такими лапами испачканного. И чтоб духу твоего не было! Гленн, проводи его в казарму и проследи, чтоб еще чего не прихватил!

Подошел хорошо знакомый Хольму Кот, один из тех, что был в свите Лестаны и вполне прилично с ним обращался потом, на обратном пути в Арзин. Бросил быстрый взгляд на него, едва заметно кивнув, а потом шагнул к Корину, всем видом показывая, что готов выполнить приказ.

Лицо Корина закаменело, он судорожно сглотнул, и Хольму на миг стало парня почти жаль. Быть

напоказ заподозренным не только в собственной вине, но и в готовности к воровству, при этом не имея никакой возможности оправдаться, это несладко. Идти под конвоем в казарму забирать свои вещи — еще хуже. Одни взгляды и насмешки стоят сурового наказания. Конечно, Котам виднее, как наказывать, и вина Корина была действительно тяжела. Не выполнил прямой приказ вождя и Когтя, подставил своего собрата-дружинника... В военное время за такое казнили бы, сейчас напоказ изгнали, сделав из Корина урок остальным...

Еще пару мгновений Хольм колебался, а потом Кот перевел на него взгляд, где светилась упрямая тоскливая злость, и это решило дело.

— А ты ведь мне кое-что должен, котенок, — сказал он насмешливо и достаточно громко, чтобы привлечь взгляды всех, кто до этого смотрел в другую сторону. — Хотя... прошу прощения, это я тебе задолжал. Пару оплеух так уж точно. Или в одиночку ты не такой храбрый, как вшестером? Хвостик поджал? Р-р-р, гав!

Послышались смешки, а седой Кот неодобрительно поджал губы, но вмешиваться не стал. Зато Тайвор выдвинулся немного вперед и зло бросил:

— Мне он задолжал не меньше!

— Хороший хозяин лучший кусок уступает гостю, — возразил Хольм. — И в драке тоже не жадничает. Но если Котик боится страшного злого Волка, я его, так и быть, не трону.

И ухмыльнулся самой гнусной улыбкой, какую мог изобразить.

Корин оказался не совсем дураком. Он смерил Хольма тем же тоскливым злым взглядом и негромко ответил:

— А потом ты опять за спину вождя и Арлиса спрячешься?

— Не спрячусь, — истово пообещал Хольм. — Эй, все слышали? Я первый начал и сам его вызываю! И перед вождем, и перед Когтем всю вину и ответственность беру на себя! Вы все свидетели!

— На дворцовой земле поединки запрещены! — предупредил Кот-наставник. — И Коготь не посмотрит, кто первым начал. Запрет для всех! Кто возьмет в руки боевое оружие и поднимет против соперника, будет бит плетью, кто прольет чужую кровь не по законам, будет изгнан из города.

— И как вы здесь живете... — в который уже раз вздохнул Хольм. — А драться тоже нельзя? На кулаках?

— Драться можно, — нехотя признал старый Кот. — Что скажешь, Корин?

— Что у кого-то зубы лишние, — прошипел тот. — Но если опять бегать начнешь, я за тобой гоняться не стану! Без меня найдется, кому наглую псину на цепь посадить.

— Ну еще бы, — расплылся Хольм в улыбке. — Тебе только мышей гонять. Да и то лучше старых, больных или толстых. Остальные между лапками проскользнут! Пойдем в круг, мурлыка? Кис-кис-кис!

Он, конечно, открыто нарывался на недовольство остальных, дразня Кота именно как... Кота! Никто не любит, когда глумятся над его зверем, а дружинники тоже были Рысями. Но пока что они колебались, на чью сторону встать. Корин — поганец, но свой. Хольм — чужак, но ему благоволил Коготь, да и те, кто был в Волчьем городе, порассказали всякого. И Хольм в той драке не бросил Тайвора, на которого напали свои же. Дружина такого не забывает, кто бы в ней ни служил, Коты, Волки или вовсе Бобры какие-нибудь!

Он пошел к ближайшему кругу из кирпичей, чувствуя спиной ненавидящий взгляд Корина — даже между лопатками зачесалось! Но Кот последовал за ним и переступил пыльную красную черту, встав напротив Хольма. Хорошо, кстати, встал, немного скруглив плечи, расставив ноги, и принялся разминать запястья. Взгляд у него тоже был хороший, цепкий, внимательный, но не бегающий.

Хольм повел плечами, сбрасывая напряжение, немного потоптался. Свободная рубашка, заправленная в штаны, движений не стесняла, обувь тоже была удобная. Для драки — самое то. Он обвел взглядом оборотней, собравшихся вокруг — их было столько, что никакого просвета не осталось, сплошная стена. Вперед пробился Тайвор, которому неохотно, но все-таки дали место. А седой Кот-наставник единственный стоял в относительной свободе, и легко было догадаться, что за честностью поединка станет следить именно он.

— Ножи на землю! — громко сказал седой. — Бьетесь, пока кто-то не ляжет так, что не сможет встать. Упавшего ногами не бить, на остальное запретов нет.

«Сурово, — оценил Хольм. — Так и до смерти забить противника можно. Ну что ж, никто не обещал, что будет легко».

Он шагнул вправо, и Кот отзеркалил его шаг, двинувшись в другую сторону. И еще раз. И еще... Они шли по кругу, приглядываясь друг к другу, ловя каждое движение, вдох, взгляд...

— Ну и кто теперь бежит? — улыбнулся Хольм, и Корин не выдержал.

Рванулся к нему, выбросив руку в едином слитном движении вперед.

Хольм уклонился и тут же двинул ему в ответ, но теперь уже Кот отбил летящий ему в лицо кулак, подставив предплечье. И снова они двинулись по кругу, уже не замечая ничего, кроме глаз соперника, по которым опытный боец читает движения наперед.

Шаг, другой, третий... Корин опять ударил первым. Хольм увел его удар, но не жестким блоком, как до этого Кот, а мягко. Подставлять под кулаки руки — их скоро отобьют, потеряешь в скорости и силе. Корин же рвался в атаку, чувствуя, что зрители не на его стороне, из толпы начали сыпаться подбадривания Хольму.

— А ну пасти захлопнули! — прикрикнул седой Кот. — Бой болтовни не любит!

«Это да, — согласился Хольм. — До драки можно сколько угодно чесать языком, выводя противника из себя, но как только началось — береги дыхание и внимание».

Он замер на месте, больше не сдвигаясь ни на шаг, но продолжал слегка переминаться с ноги на ногу, держа тело мягким, расслабленным. И когда Корин пошел в очередную атаку, провалившись вперед, Хольм увернулся и стремительно пробил ему с правой — в грудь, а с левой — по челюсти.

Кот пошатнулся — и поплыл. Глаза помутнели, он судорожно отступил назад, ожидая удара, и Хольм его не разочаровал. Но вместо кулака приложил раскрытой ладонью по уху, так что Корин, споткнувшись, полетел на землю.

Рыси вокруг взорвались возгласами. Седой принялся размеренно считать:

— Один... два... три...

У Волков поверженный противник должен был встать до тринадцатого счета, а как здесь обстояло дело, Хольм не знал, но Корин, втянув воздух, поднялся. Чуть согнулся, прикрывая кулаками лицо, и опять попер вперед. И снова через несколько мгновений полетел на землю.

— Один... три... четыре...

На пятый раз Кот встал. Хольм дал ему ударить, легко поймал руку за запястье и с разворота отправил носом в землю.

— Три... четыре... шесть...

Корин поднялся на седьмой счет. Он вставал еще трижды, и каждый раз Хольм лепил ему тяжелые мощные оплеухи, от которых в глазах у Кота темнело — Хольм это точно знал по собственному дружинному опыту! — в ушах звенело, а ноги предательски подгибались. Вставал и отчаянно бросался в бой, уже понимая, что проиграл, но не желая лечь и тем самым сдаться.

«Упорный, — с удовольствием признал Хольм. — Дурак, но отчаянный и упрямый. Учили его неплохо, но вряд ли кто-то занимался с парнем нарочно. С чего бы? Не светлейший, обычный дружинник. Так что гоняли как всех. И никто не ставил ему удары именно с левой руки, а она у Кота чуть длиннее... Никто не учил его, что делать, если задыхаешься, а рот уже заливают кровью из разбитого носа. Но он держится и пытается бить в ответ. Хорош... Потому и жалко, если насквозь прогнал. А чтобы это понять, надо вывернуть ему душу наизнанку, не просто морду набить...»

Он сбил Кота с ног в очередной раз и подождал. Корин с трудом привстал на колени, замер, не вставая, пытаясь отдышаться. Хольм поймал неодобрительно-брезгливый взгляд седого, тот явно считал, что чужак играет с противником, как кошка с мышью, издевается над побежденным ради глумливого мстительного удовольствия от победы. Но считал, куда ему было деваться?

— Семь... Восемь... Десять...

На десятом счете Корин начал подниматься. И каждому дружиннику, даже сопливному мальчишке, что мел площадку, было понятно, что встает он последний раз.

— Одиннадцать...

Корин оперся на вторую ногу, но его шатало, дыхание со свистом вырывалось из окровавленного

рта.

— Двенадцать...

Кот поднялся и встал напротив Хольма, глядя с безнадежной отчаянной гордостью. Толпа притихла, ожидая конца поединка. Никто больше не шептался, и десятки взглядов пронизывали Хольма насквозь. Осуждающих и жадных, злых и восхищенных. Разве что равнодушных не было, за это он мог бы поручиться.

— Бейтесь! — крикнул седой, дернув углом рта, словно ему свело лицо судорогой.

Корин набрал воздуха и качнулся вперед в очередной атаке. Слишком медленной, слишком неуклюжей, совершенно бессмысленной. Хольм мог бы уложить его на землю десятком способов на свой выбор. Но вместо этого шагнул навстречу, поймал Кота за руку, но не швырнул, как раньше, а оставил на ногах, крепко держа за предплечье. И сказал в самое ухо, не заботясь, услышат ли его остальные:

— Знаешь, почему я тебя не добыю? Тайвор считает тебя неплохим парнем. Забавно, правда? Ты его подставил, а он до сих пор так считает. И жалеет о вашей дружбе. Что-то же в тебе было, раз он так думает? А ты о чем думаешь, Корин? Что встал на сторону тех, кто поможет тебе забраться наверх? Зря думаешь. Ты для них мясо, которое не жалко отправить в расход. Если бы в бой один на один, как сейчас, я бы понял. Но вас было шестеро. Тех, кого ценят, подлостями не пачкают. Если они добьются своего, ты, замаранный в дерьме по уши, им точно не понадобишься. Так что думай, Котик, думай. Лизать сапоги хозяину за кусок мяса или...

Он недоговорил, слегка оттолкнув Корина так, чтобы тот остался на ногах. Отступил от него, шатающегося, на шаг и легко перекрыл поднявшийся гвалт:

— Вещи его пр-р-ринесите! Ты! — Ткнул пальцем в случайно попавшегося на глаза Кота помоложе. — В казарму бегом! И чтобы по дороге ничто не потерялось и в грязь не упало, а то обижусь! Ты! — Палец выхватил из толпы другого Кота. — Меч принеси. И если там еще что-то есть из его оружия — тоже тащи!

Выбранные Коты принялись протискиваться через толпу, причем перед ними расступались, стоило Хольму посмотреть в ту сторону. Он обвел взглядом тех, кого видел, и спокойно поинтересовался:

— А у вас, господа дружина, своих дел нет? Зрелище кончилось, больше ничего интересного не будет.

Толпа качнулась, неохотно расползаясь, и тут Хольма поддержал седой, рявкнув:

— Что непонятно, кошкины дети?! Разошлись по местам и продолжаем! А у кого дела нету — я сейчас найду!

Это было так похоже на Рудольва, да и любого из старшей дружины, что Хольм прямо умилился. Рыси медленно разошлись, оглядываясь на Хольма и переговариваясь. Первый из Котов прибежал с мечом, и Корин пристегнул его к поясу, не сразу попав на крючок непослушными пальцами, а потом опять запрокинул голову, пытаясь остановить кровь.

— Холодное приложи, — посоветовал ему Хольм, проходя мимо. — У вас тут бочка с водой есть? Намочи хотя бы рукав.

Не оглядываясь, подошел к мрачному Тайвору и обыденно сказал:

— Ну что, пойдем обратно? Хорошо погуляли!

— Пойдем, — вздохнул Тайвор и посмотрел поверх плеча Хольма. — А... он?

— А что он? — удивился Хольм. — Я ему что, нянька? Или матушка-Рысь? Если не дурак, то задумается, а иначе кто ему виноват?

С удовольствием снова повел плечами, чувствуя, как бежит кровь по разогревшемуся телу, и пошел к крыльцу.

«Только сегодня ночью обещал Рассимору, что буду вести себя тихо... — промелькнула виноватая мысль, но Хольм тут же утешил себя: — Ладно, никого ведь не убил, не покалечил, даже к целителям не отправил! Ни к кому в окно не залез! Все по их же обычаям! И вообще, что от меня, дикого, еще ждать?! Эх, если бы все сложности решались доброй дракой, насколько бы легче жить стало?!»

Глава 24

Волк идет по следу

— Ну и где тебя завтра встречать? — поинтересовался Тайвор, когда они с Хольмом вернулись в гостевые комнаты. — Здесь? Или у покоев светлейшей?

— Ты же вроде умный, а такие вопросы задаешь, — усмехнулся Хольм. — Здесь, конечно. И если кто будет спрашивать, где я ночую...

— Да понятно, — отозвался Кот. — Ну, если ты пока нагулялся, я схожу пообедать? Время уже к вечеру...

— Так оставайся здесь, — пожал плечами Хольм, открывая дверь и кивком приглашая войти. — Попрошу на двоих принести, не откажут, наверное? У меня, по правде говоря, пара вопросов есть, вот и поговорим за едой.

— Ну, давай, — согласился Тайвор, входя следом за ним.

Сели в гостиной, как уже привык называть ее Хольм. Славная девочка-служанка, озорно стреляя глазками на двух видных парней, принесла полный поднос еды, а потом по просьбе Хольма сходила еще раз за кувшином пива. К пиву здесь полагались тонкие острые колбаски, дурманно пахнущие чесноком, копченая рыбешка и какие-то орехи, увиденные Хольмом впервые в жизни.

— Чтoб меня всю жизнь так кормили! — потянул носом Тайвор и, уже не чинясь, сел за стол.

Обедали молча. У Хольма после драки проснулся волчий жор, и он ел так, что за ушами трещало, Тайвор не отставал. А вот когда тарелки опустели и в высокие стеклянные стаканы полилось темное пиво, Кот заговорил:

— Так что ты там узнать-то хотел?

— У-у-у-у... сколько бы я всего хотел знать! — вздохнул Хольм. — Тай, а ты Эрлиса знал? Сына вождя?

— Кто ж его не знал? — отозвался Кот, сноровисто разделявая копченую рыбу. — Весь Арзин, не то что дворец! Близко к нему не был, конечно, а так иногда встречал в казармах. А что? Он ведь давно уже погиб.

— Хочу понять кое-что, — задумчиво сказал Хольм. — Говорят, лихой был Кот. Охотник, боец. Как же он убийцу близко подпустил? Ну, пусть даже тот издали стрелял, неужели Эрлис ни запаха не чуял, ни шороха не слышал?

— Так он же в человеческом облике был, — ничуть не удивившись, ответил Тайвор. — И ты не забывай, Волк, это уши у нас, Рысей, получше вашего, а нюх, наоборот, похуже. Издалека Эрлис не учуял бы ничего, тем более человеком. Зверем — еще мог бы! А шаги или шорох... Вот тут не знаю, честно. Только если убийца и сам был не промах, то мог подкрасться потихоньку. У нас в дружине такие мастера есть — по лесу пройдут, ни одна мышь их не услышит!

— Ага, вам хорошо ходить, лапы-то мягкие, — с необидной усмешкой фыркнул Хольм. — А как вообще, слухов много было про это?

— Ну а как иначе? — кивнул Тайвор, прихлебывая пиво и заедая его рыбой. — Сам наследник погиб! Если бы убийцу хоть нашли, а то как сквозь землю провалился! Кричали, что Медведи за его шкурой кого-то прислали, мы с ними как раз тогда сцепились всерьез. Говорили, что случайно его убили, мол, стрелок увидел, кого подбил, испугался и сбежал.

— А могло такое быть?

Хольм торопливо запил огненно острую колбаску и откусил еще кусок. Пиво было славное, ничуть не кислое, а мягкое и густое. И колбаса, и рыба, и вываленные в мелкой соли орехи шли к нему чудесно. Откинувшись на мягкую спинку удобной лавки, Хольм пил, шурясь от удовольствия, а осушив стакан, подлил еще и себе, и Тайвору.

— Может, и могло, — пожал плечами Кот. — Теперь-то уже не узнаешь. Коготь там весь лес облазил и в человеческом облике, и в зверином, лучших следопытов пригнал. Но все следы дождем смыло, повезло убийце.

— Повезло, — согласился Хольм. — Значит, или Медведи, или случайный стрелок? Такой хороший, что смог подойти достаточно тихо к отменному охотнику и бойцу? Но такой дурной, что не видел, в кого стреляет?

В голосе невольно прозвучала насмешка, и Тайвор насупился, но почти сразу вздохнул и признал:

— Ну да, глупость получается. Но Медведи-то могли?

— Могли, — снова согласился Хольм, отломив полюбившейся колбасы. — Эти что угодно могут! Но откуда им знать, где и когда Эрлиса ловить? Это ж его либо выследить надо, либо кого-то своего рядом с наследником иметь, либо сидеть в лесу и ждать, а не пройдет ли мимо...

Тайвор сосредоточенно кивнул, а Хольм продолжил, выстраивая цепь мыслей и стараясь не думать, что Рассимор и Арлис, далеко не самые дурные оборотни в Арзине, наверняка прошли этой дорогой гораздо раньше, но так ни до чего и не добрались:

— Может, его кто-то сильно не любил? За девчонку поцапался или как-то иначе хвост оттоптал?

Он прекрасно понимал, что Тайвор, простой дружинник, вряд ли знает такие тонкости, но, с другой стороны, о чем только ни болтают на скучных караулах! А Эрлис часто бывал в казармах. Вот, кстати, интересно, а друзья-то у него остались?

На этот вопрос Кот призадумался, но с сожалением ответил, что друзей у Эрлиса был полный Арзин — и никого достаточно близкого при этом.

— И девушек — тоже, — добавил он, разделявая очередную рыбешку. — Невесту Эрлис не выбрал, а так чтобы встречаться... Да нет, был бы у него кто-то всерьез, дворец гудел бы об этом. Девушек он любил, но так! Поулыбается, лент надарит, на празднике в танце покружит — и к другой!

— Кошак, в общем, — подытожил Хольм. — Ну, если на него не обижались, то дело их. У нас бы не вторая брошенная девица голову ему сама оторвала, так третья или четвертая. А парни?

— А что парни? — не понял вопроса Кот.

— Ну, смотри, — терпеливо принялся объяснять Хольм. — Эрлис был наследник, так? Знатный, богатый! А еще воин отменный, охотник лихой... Девуцы его любили, значит, и собой был недурен, верно? И что, никто ему не завидовал? Так не бывает! Я вот у себя дома точно знаю две-три морды, которые мне бы сунули при случае нож в спину, да страшно им! А ведь есть и такие, кого я не знаю.

— А, вот ты о чем? — Тайвор задумался. — Ну... Да нет, его все любили! Он такой был... как бы тебе рассказать... Вот есть и хорошие бойцы, а подойди и попроси прием какой показать, так пошлют, что уйдешь, будто оплеванный. А Эрлис всегда первый был, в любом состязании, но никто не обижался, все знали, что вот такой он уродился! Будто ему сама Луна лучей в колыбель плеснула! Выйдет против любого, победит, а потом по плечу хлопнет и проигравшего же похвалит, а спросишь — все расскажет, никакого секрета не утаит.

— И что, прямо всегда побеждал? — прищурился Хольм. — В чем угодно?

— Ну, если выходил состязаться, то да, — подтвердил Кот и принялся загибать пальцы. — Первым клинком Арзина его трижды признавали, первым лучником — четыре раза! Среди молодых, конечно, они отдельно состязаются, но Эрлис бы скоро к мастерам перешел. Кулачный бой не любил, правда...

«Еще бы, там красавчикам делать нечего, — само собой почему-то всплыло в голове у Хольма. — Попортить красоту могут!»

— А я думал, у вас Ивар — первый лучник, — удивился он, вспомнив состязание на ярмарке. — Хорошо стреляет ведь!

— Не, — помотал головой Тайвор и заглянул в кувшин, а потом поднял его и поболтал. — Ивар у молодняка всегда после Эрлиса вторым был! На последнем состязании ему чуть-чуть не хватило! Эрлис его на последнем круге обошел! А потом подарил ему выигранный лук — вот какой он был!

«Ага, — снова насмешливо подсказало то ли выпитое пиво, то ли внутренний голос самого Хольма. — Щедрость неописуемая! Хотел бы родичу приятное сделать, не стал бы вовсе с ним состязаться, наверняка ж знал, что выиграет! А если уж победил, отдавать собственный приз — так себе мысль. Ивар — гордец, ему это должно было поперек горла встать, как рыба кость! Мда... что тут сказать... Всем хорош был Эрлис, но дурак. И за гораздо меньшее стрелы в спину пускали. Хм... вот было бы забавно, если б из того самого лука! Но нет, Ивар дома был... Если только послал кого-то... но кого? Кого?»

— Молодец, — согласился он вслух. — Дружили они с Иваром, значит?

— Ну, Эрлис был постарше на несколько лет, так что не очень. А про его друзей тебе бы Гленна с Ортоном расспросить, они в охране Эрлиса были.

— Расспрошу, — согласился Хольм и опрокинул в рот остаток пива. — Хотя ты прав, дело давнее. Пять лет... Если кто-то его и ненавидел, то все быльем поросло.

Он встал, чувствуя во всем теле приятную расслабленность, и подумал, что перед тем, как идти к Лестане, нужно сходить в купальню. Одежда на нем та же самая, в которой дрался с Корином, пропахшая потом, чужой кровью, а теперь еще и пивом с острыми закусками — одна рыба чего стоит! Интересно, а Лестана любит рыбу? Она же Рысь, должна любить как всякая кошка! Вон, Тайвор почти к колбасе не притронулся, на рыбешку налегал. Хотя... колбасу кошки тоже любят...

Вздыхнув, Хольм решил, что нужно побыстрее сунуть хмельную голову под струю холодной воды, пока он в самом деле не учудил какую-нибудь глупость. Например, не явился к Лестане с остатком этих чудных колбасок! Кстати, не прихватить ли их и правда с собой? Ужин ему теперь подают в покоях Лестаны, а оставлять еду — глупо как-то! Но слишком уж сильно это все пахнет, хоть и вкусно. А нюх ему в спальне Лестаны нужен совсем для другого — чтобы быть настороже!

На миг он подумал, не предложить ли Тайвору переночевать здесь. Ну а что, все равно Коту ждать его завтра, так пусть выспится не в казарме, а на хорошей кровати! Но тут же кольнула тревожная мысль: слишком много нехороших случайностей произошло со времени его приезда. Таких... неслучайных. Если кто-то придет за ним и проломит голову ни в чем не повинному Коту, Хольм себе в жизни этого не простит!

— Слушай, заberi с собой, а? — указал он взглядом на стол. — Я сюда вряд ли до завтра вернусь, чего добрую еду обратно на кухню отсылать?

Тайвор с сомнением глянул на стол, где еще осталось от обеда блюдо пирожков с печенкой, пара колец колбасы и горка копченой рыбы, золотисто-ржавой, пахнувшей дымом, сочащейся жирком... Служанка принесла на пятерых, не меньше, а они были всего вдвоем, хоть и голодны.

— Бери, — улыбнулся Хольм, понимая сомнения Кота. — Посидишь вечером с кем-нибудь, выпьешь за мое здоровье. Я бы и сам к вам заглянул, но не сегодня, пожалуй.

— А... через две недели придешь? — оживился Тайвор. — У меня день рождения будет! Отец кабана дает, замочим мясо в вине, а потом на углях зажарим...

— Приду, — пообещал Хольм. — На такого кабана не зайти — да за кого ты меня принимаешь? В казарме отмечать будете?

— Нет, там старшие за порядком следят, — вздохнул Тайвор. — У нас дома погуляем. Тебе нельзя, наверное?

— Почему? — слегка удивился Хольм. — Приду, если еще в Арзине буду.

— Заметано, — повеселел Тайвор, уже по-хозяйски стребая и блюдо с пирожками, и прочую снедь. — Я посуду потом на кухню верну, ты не думай!

— Да я и не думаю, — усмехнулся Хольм и проводил Кота, открыв ему дверь, потому что руки у Тайвора оказались заняты.

Вернувшись в комнату, он прошел в купальню, на ходу раздеваясь. Рассимор не поскупился, и в спальне Хольм еще в прошлый раз нашел несколько смен одежды, а то, что он оставлял в купальне, исчезало и возвращалось в ту же спальню чистым и отглаженным. Слуги во дворце работали на совесть!

Слуги... вот еще кто знает много такого, что ускользает от чужих глаз. Их бы расспросить, но наверняка Арлис и так это сделал. А с Хольмом, чужаком, никто откровенничать не станет. Разве что... Он вспомнил обмолвку Кайсы, что она хорошо знает расположение покоев Ивара, где когда-то жил Эрлис. С чего бы девице бывать у молодого парня? Или он считал ее такой же сестрой, как и Лестану? Все равно странно...

Вымывшись и сменив одежду, он вышел из гостевых комнат и дошел до покоев Лестаны, по дороге кивнув уже примелькавшимся охранникам на посту примерно посередине. Интересно, Арлис велел им молчать? А то ведь ребята каждый день видят, что идет от Лестаны утром, а потом возвращается к ней вечером! Тут и самый дурной ежик в лесу сообразит, чем дело пахнет.

В спальне Лестаны слышались голоса. Точнее, один голос, тихий и мелодичный. Хольм застыл посреди гостиной, прислушиваясь, и понял, что он там наверняка будет лишним. Мать Лестаны читала какую-то книгу, ровно и спокойно, будто засыпающему ребенку. Сама Лестана молчала, и Хольм вздохнул, тихонько отступая к двери. Его Рысь либо дремлет, либо просто слушает, но уж точно не ждет его. Она наверняка соскучилась по матери, пусть побудут вместе. А он сам госпоже Эльдане не нравится, тут и к ведьме-гадалке не ходи! Эти ее взгляды... Она, конечно, терпит ради здоровья дочери, но видно, что иначе и на порог не пустила бы!

Выйдя из гостиной, он задумался, куда податься? Вернуться к себе и побыть там до заката, когда придет время совершать ритуал? Сидеть в комнате не хотелось отчаянно, теплый, но не жаркий летний день так и манил наружу! Прогуляться по дворцу? Тогда придется возвращать Тайвора, а это глупо — сам отпустил. Но ходить в одиночку Хольм, хоть и нехотя, признавал неразумным. Убить, может, и не убьют, но втянуть в какую-то грязную историю могут запросто. Он даже обычаев местных толком не знает!

Неспешно дойдя как раз до того самого караула, встретившего его молчанием, но явно удивленными взглядами, Хольм остановился, решив расспросить, как отсюда выйти в сад, но тут из-за угла вывернула Кайса. Карманы красно-коричневого платья топорщились от яблок, судя по форме их содержимого, два пышных рыжих хвоста, собранных на висках, падали на плечи.

— О, Волк! — обрадовалась она. — Ты-то мне и нужен! Ареня велела тебя привести!

— Если нужен — идем, — согласился Хольм, послушно следуя за подругой Лестаны.

Но стоило им свернуть за угол, скрывшись от глаз караула, и пройти немного дальше по коридору, Кайса распахнула ближнюю дверь, за которой оказался совсем не лазарет. Ни запаха снадобий и болезней, ни самих больных и раненых, ни целительниц... Обычные покои!

— Да заходи ты, — прошипела Кайса, бесцеремонно вытягивая его за рукав внутрь. — Не стой, как пенек! Еще увидит кто, а нам только слухов дурацких не хватает!

«Это верно, — не мог не признать Хольм, оглядываясь посреди гостевой комнаты, пока рыжая Рысь закрывала за ним дверь. — Это она меня к себе, получается, привела? Тогда и вправду нехорошо может выйти...»

— Посидишь у меня до заката, — бесцеремонно распорядилась Кайса. — Есть хочешь?

Хольм почти с ужасом помотал головой, вспомнив сытную трапезу, а потом еще и посиделки с пивом.

— Какой выгодный гость! — восхитилась Кайса, указывая ему на стоящие углом низкие диванчики.

Тут же забралась на один из них с ногами, благо широкий подол платья не сковывал никаких движений, и принялась выгружать яблоки на стол.

— А ты что стоишь? — удивленно покосилась она на Хольма. — Раз не хочешь есть, так посидим. Разговор у меня к тебе!

«Надо же, как удачно, — усмехнулся Хольм про себя. — И у меня к тебе разговор — вот какая штука!»

Присев на второй диванчик, он покосился на яблоки, крупные, спелые, темно-красные в золотистую крапинку. Нет, есть не хотелось, но вспомнилось вдруг, что именно таких яблок в Волчьем городе и окрест него не водится. Есть помельче, тоже вкусные, но твердые. Кайса еще кидалась ими на злополучной ярмарке... Волки, конечно, на крепость зубов не жалуются, и все-таки хорошо бы написать Брангарду, чтобы клан купил у Рысей саженцев и завел на волчьих землях разные диковины повкуснее. Тогда покупать их у приезжих торговцев не придется!

А Кайса вдруг выхватила из-под вазочки какой-то листок бумаги, исписанный тонкой вязью, и молниеносно сунула его в опустевший карман, метнув при этом на Хольма подозрительный взгляд, хотя он вел себя, как положено гостю, и к чужим тайнам лапы не тянул. Понятно же, какие секреты могут быть у пригожей девчонки!

Спрятала и тут же посоветовала:

— Ты все-таки яблочко возьми! Они вкусные, правда!

А сама вскочила, отбежала к столику у окна, и чуткое ухо Хольма поймало едва заметный шелест бумаги. Сунув письмо подальше, Кайса деловито пошарила рукой на полке, уставленной всякими безделушками и шкатулками, и вернулась к столу с мешочком, из которого высыпала рядом с вазой горсть крупных заморских орехов. Взяла пару и стиснула в ладони, сломав скорлупу. Выбрала из нее кусочки, отправила в рот и щедро предложила:

— Угощайся!

Между орехами и яблоками Хольм выбрал второе, но есть не стал, просто покрутил приятно прохладный плод в ладони.

— О чем говорить будем, светлейшая Кайса? — спросил он, откидываясь на мягкую спинку и вытягивая ноги.

— Сам ты светлейший, — буркнула Рысь. — А я просто Кайса. Воспитанница вождя — это не дочь, у нас с Рассимором крови общей нету.

— А с Арлисом? — весело поинтересовался Хольм и вдруг по изменившемуся лицу Кайсы понял, что нечаянно попал в цель. — Э... что, правда?

— Дядька он мне по отцу, — призналась Кайса, неуловимо помрачнев, словно что-то внутри нее потухло, перестав освещать живое и милое лицо изнутри. — Тебе Лестана не рассказывала разве, как я к ним в семью попала?

— Нет... — настороженно отозвался Хольм, чуя, что история не из приятных.

Кайса махнула рукой куда-то в сторону окна и вздохнула. Помолчала, потом вздохнула еще раз и с явной неохотой произнесла:

— Ну, тогда мне придется. Чтобы ты немножко больше понимал в наших семейных сварах... Мой отец — брат Арлиса, мать тоже из Арзина, урожденная Рысь. Но жили они не здесь, а в Дагнерельме, у клана Черных Лис. Отец был славным мастером по оружию, вот Лисы и позвали его кое-какими секретами поделиться, а взамен обещали научить Рысей варить цветное стекло. Сам знаешь, у них оно на загляденье... Вожди договорились, и отец с матерью отправились на пять лет в Дагнерельм, а к нам приехали их мастера. Матушка уже тогда меня носила, в Дагнерельме я и родилась. Ну... пять лет прошли, настало время возвращаться. Лисы отца собрали в дорогу честь по чести, с подарками и охраной. А на полпути, в ничьих землях, их отряд встретили Росомахи...

— Твари вонючие, — уронил Хольм.

Он и так не любил этот клан, а уж после истории с Брангардом вовсе возненавидел.

— Ну, дальше ясно, да? — без обычной своей улыбки сказала Кайса. — Охрану перебили, отца с матушкой... Дело было осенью, ехали в крытом возке, так матушка меня в окно выкинула и велела в лес бежать. Глупо, конечно... Ну разве от оборотней убежишь? Еще и от Росомах! Но там склон был, она надеялась, что я по нему скачусь, и вдруг они не заметят? Не на что ей больше надеяться было, понимаешь?!

— Понимаю, — очень тихо сказал Хольм. — Это тебе... лет пять было?

— Без одного месяца, — кивнула Кайса, обнимая руками подтянутые и укрытые платьем колени. — Помню, как я и правда скатилась по склону и побежала в лес. И помню, как просила Луну меня спрятать. Сделать маленькой-маленькой и спрятать от этих страшных... Воняло от них... Ну, сам знаешь, Росомахи и есть Росомахи... Вот... А потом я раз — и побежала дальше на четырех лапах вместо двух ног! От страха обернулась, так бывает. Одежду скинула, конечно, и тут мне повезло — в овраге ручей тек. Я по нему! Не иначе, сама Луна подсказала, чтобы след сбить! Потом выбралась на берег и залезла на здоровенный дуб. Забилась в дупло, сижу, скулю... Потом сообразила и скуility перестала. Ну и... потеряли они меня, в общем. Нашли бы, конечно, да наши их спугнули. Арлис выслал навстречу брату отряд из Арзина, встретить хотел. Сам с ними ехал... Они совсем чуть-чуть не успели, понимаешь? На час опоздали!

— Понимаю... — выдохнул Хольм.

А что он еще мог сказать? Час — это очень много, когда речь идет о жизни и смерти. И хотя Луна любит всех своих детей, но на весах судьбы чья-то гиря все равно оказывается тяжелее.

— Ну вот... Арлис меня и нашел. Вытащил из дупла... Я не в себе была, кусалась, царапалась... Он меня в Арзин привез, кинулся к целительницам, а они только руками развели, даже Аренея. Поили всякими снадобьями, я от них засыпала, а просыпалась такая же дикая, сплошь зубы и когти. Вот тогда Эльдана, матушка Лесты, и заявила, что хватит ребенка мучить. Забрала меня и не побоялась, привела к Лесте. Совсем дикую, представляешь?! Кормила вместе с нею, спать в ее комнате укладывала... Я зубами щелкаю — а она мне сказки читает! Я лапами с когтями машу, а она улучит момент — и погладит меня... Как бы тебе объяснить, Волк... Эльдана — она ведь не дура, хоть иногда так и кажется. Просто добрая очень и наивная. Вообще не верит, что кто-то может на добро злом ответить! Аренея — та все понимает, вот бы кому женой вождя быть. Да не сложилось у них с Рассимором... Ты чего яблоко уронил? А, ну да, это тебе точно не рассказывали. И ты не болтай, ладно? — Хольм ошеломленно кивнул, и Кайса, поглядев на него испытующе, продолжила: — Аренея по молодости сохла по Рассимору, а он выбрал Эльдану. Можно понять, конечно. Одна — резкая, когтистая, на язык острая, еще и не очень красивая... Вторая — нежная, ласковая, а уж красавица... Весь Арзин, говорят, заглядывался, да и ты и сам видел, какова она до сих пор. А уж тогда! Ну... вот Эльдана и вышла за Рассимора, а к Аренее сватался Арлис, но она ему отказала и ушла в жрицы. Как по мне — зря, они же друг другу подходят, как две перчатки, по одной мерке шитые! Но так уж она решила... Арлис тоже не женился. И когда со мной такое получилось, ему меня и взять-то некуда было! Мальчишку мог бы и в казармы забрать, это дело понятное, а девочку? Эльдана же со мной возилась, пока я назад не обернулась и не вспомнила, как человеком быть. А

потом уговорила Арлиса, чтобы он меня ей оставил. Мы, мол, с Лестой одногодки, будем сестрами! И знаешь, Волк, что я тебе скажу? За все эти годы она между нами ни разу различия не сделала, воспитывала меня как родную! Другая бы избаловала бедную сиротку, а это, между нами, тоже дурость. Меня — еще и избаловать! Я бы тогда вовсе на шею села! Эльдана и так от моего характера натерпелась. Леста — смирная, послушная, родительская радость и гордость, а я... Ну, уж какая выросла!

Она снова вздохнула и попыталась расколоть еще пару орехов, но эти оказались крепче. Хольм молча забрал их из девичьих ладоней, стиснул в своей и высыпал перед Кайсой на стол мешанину скорлупы и кусочков лакомства. Кайса принялась сосредоточенно отделять одно от другого — очень удобно, если хочешь скрыть глаза, в которых стоят слезы.

— Хорошая ты выросла! — убежденно сказал Хольм. — Умная, верная, храбрая! И... яблоками славно кидаешься!

Кайса подняла на него взгляд, похлопала ресницами и вдруг... звонко рассмеялась.

— Яблоками... — проговорила она... — Уу-у-у-у! Это да! Это я могу! Ох, Волчок...

Отсмеявшись, девушка опять посерьезнела и продолжила, смахнув быстрым движением с глаз предательские слезинки:

— Вот так и получилось, что с Лестой мы выросли как сестры. Я ее очень люблю, правда! Она упрямая, но справедливая. И не дура, только ей нужно подумать обо всем хорошенько. Когда Эрлиса убили, ей пришлось хуже, чем Эльдане. Та хоть плакала навзрыд, но горе, говорят, со слезами из сердца вытекает. А на Лестану этот клятый медальон надели, словно кандалы! «Наследнице нельзя показывать слабость!» — зло передразнила она кого-то и возмущенно добавила: — Ты представляешь, Волчок, эта кошка драная еще учила Лесту, как себя вести! У-у-у-у... вот бы кому я зарядила в лоб чем-нибудь потяжелее яблока! Лестана тогда словно замерзла изнутри! Была обычная девчонка, живая, веселая, а тут на нее как навалилось все! Рассимор, конечно, старался от нее не требовать больше, чем можно было, но наследник должен участвовать в делах клана! И не по чуть-чуть, а всеми лапами вляпаться! А наши Клыки и Когти, чтоб их понос пробрал, ее будто на прочность пробовали, никаких скидок не делали, что девчонка, что наследницей стала недавно. Кажется, от Эрлиса — и то столько не требовали! А Лестана ночами не спала, учила законы и обычаи, а потом днями работала, помогала отцу. И все мучилась, что обернуться не может...

Она безнадежно махнула рукой, а потом обняла себя за плечи, словно озябла, и замолчала.

— Убью Ивара, — тихо и очень спокойно сказал Хольм. — Я не Рассимор, мне можно. Меня Луна не осудит за пролитую кровь родича.

— Убить этого выродка — дело нехитрое, — вздохнула Кайса. — Но без доказательств — нельзя. Иначе Рассимор и сам тянуть не стал бы. Но очень уж они с Мираной хорошо прикрылись со всех сторон! Она и вовсе неподсудна как жрица, ее только в Храме судить могут, а уж там у Мираны все давно в кулаке. Ну, или Луна ее сама накажет. Только ты хоть раз видел явную волю Луны? Чтобы прямо бац! — и покарала?

Хольм задумался. Помолчал несколько минут, а потом так же ровно сказал:

— Я сейчас жив и говорю с тобой, потому что уцелел в драке с Росомахой, потому что не погиб рядом с Лестаной у озера, и потому что ваш вождь умен и осторожен. А еще потому, что Арлис вовремя дотянул меня до целителей, а госпожа Арения сведуща в своем искусстве. Вот как понять, это воля Луны или так вышло? Не Луна же учила меня с детства махать кулаками и железом, а госпожу Арению — смешивать снадобья? И тебя в свое время спасла не она, а твоя матушка. И еще быстрые ноги, ручей, дупло и вовремя явившаяся подмога. А вот Эрлиса почему-то Луна не спасла. И мою мать, когда она умирала родами, и твоих родителей... Кайса, я не знаю, что в этом мире творится по воле Луны, а что — само собой. Но я точно знаю, что сначала мы сами должны сделать, что от нас зависит, а потом уже просить Луну о милости. Если, конечно, на это хватит времени и сил, когда мы сделаем то, что можем.

— Умный ты, Волчок... — медленно сказала Кайса, поднимая и крутя в пальцах упавшее яблоко. — Вроде таким дурнем прикидываешься, а ведь умный. Это ты нарочно?

— Да нет, — пожал плечами Хольм. — Это я как обычно. Умный у нас Брангард, а я просто привык следить, чтоб ему никто за спину не зашел. Ну и он мне — тоже. Кайса, я все спросить хочу, а каким был Эрлис? Мне тут про него такого рассказали! И сильный, и ловкий, и щедрый... ну прямо хоть на небо его вместо солнца выпускай! Извини! — спохватился он, но Кайса только хмыкнула. — Так какой он был?

— Хольм... — посмотрела на него Рысь чуть ли не с жалостью. — Эрлису, когда он погиб, чуть

больше двадцати было! Ты себя вспомни в двадцать, а? Вот ты какой был?

— Я? Дурак еще тот! — с готовностью признал Хольм с высоты своих нынешних двадцати пяти. — Так меня умником никогда не звали и сейчас не зовут. А про него только и слышно: Эрлис — то, Эрлис — это! Ваш Коготь его себе в преемники готовил бы, не будь Эрлис наследником. А это о чем-то говорит!

— Это говорит о том, что дядька Арлис помнит сына своего лучшего друга только хорошим, — не без досады отозвалась Кайса и тоже спохватилась: — Нет, я про Эрлиса дурного тоже не скажу! Он славный был! Щедрый — это верно! А чего не быть щедрым, если у тебя всего больше, чем кому-то на всю жизнь достанется? И золота, и силы, и удачи. Эрлис на Эльдану похож был, только она все думает о приличиях, а он был веселый дуралей, сердце нараспашку. За это его и любили... О чем ни попросишь — он все сделает, наизнанку вывернется, только не всегда подумает, чем это обернется. Но вырос бы в неплохого вождя, пожалуй... Ну, потом, как перебесился бы и по морде от жизни получил.

— Только получил не по морде, а сразу стрелу в спину... — сказал Хольм, и Кайса резко кивнула.

— Мне тогда пятнадцать было, как и Лесте, — сказала она глухо, смотря мимо Хольма. — Я, конечно, в него влюбилась. Дура... Эрлис и вправду вырос хорош собой. Высокий, статный, серебристый весь, как Леста, улыбка — солнышко. А уж Рысь у него какая была! Роскошный Котище! Урчал — сердце замирало... Я к нему в покои каждый день бегала! То пирожков принесу, то яблочек... Пояс ему сама вышила! Криво-косо, но старательно — все пальцы исколола. А он только смеялся. Мол, подрастешь, Кайса-молния, будешь мне невестой, а пока маленькая еще. Представляешь, каково девице в пятнадцать это слышать?!

— Дурак! — убежденно сказал Хольм, и Кайса ему благодарно улыбнулась.

— А как-то я ему хотела подарок неожиданный сделать! Эрлис очень сладкое любил, вот я ему пирожков яблочных с медом испекла и полезла с того самого дуба в окно. Думала, поставлю на стол, он придет и обрадуется. Пришел, ага. Только раньше меня и с подругой. Я на ветке стою, вцепилась в нее чуть ли не зубами, потому что руки заняты, а они там милуются! — Кайса вздохнула. — И тут эта кошка бесхвостая у него спрашивает, мол, а что это наша Кайсочка за тобой бегаешь? Ты бы пожалел девочку, хоть целоваться ее научил бы, а то кому она нужна такая... А он посмеялся в ответ и говорит: жалко бедняжку, вот и не гоняю ее. Да и сестру обижать неохота, приходится терпеть.

— То есть как «кому нужна»? — поразился Хольм, но Кайса безнадежно махнула рукой и закончила:

— Хотела я ему эти пирожки в окно запустить — ох и славно бы осколки полетели! Да плюнула. Слезла вниз и скормила их сторожевым собакам — они хотя бы от души мне благодарны были. А любовь кончилась — и за это я тому случаю очень благодарна. Впрочем, и Эрлису — тоже. Другой, пожалуй, меня не по носу щелкал бы, а в постель затащил — я же дуручка совсем была. Арлиса бы с вождем рассорил, мне жизнь испортил. А Эрлис был... Эрлис. Если бы меня другой кто обидел — он бы ему голову за меня оторвал, как за собственную сестру, я это точно знаю. Зато сам душу мне наизнанку вывернул и даже не заметил.

— Понятно... — в который уже раз за вечер повторил Хольм, чувствуя себя ученым говорящим скворцом. — А девушка та?

— Девушек таких у него в году по двадцать штук было, — фыркнула Кайса. — Они менялись чаще, чем Луна! С дочерьми знатных семейств у него ума хватало не связываться, а девицы попроще сами на шею вешались! Но жениться он никому не обещал и ребенка ни одной не сделал, иначе после его смерти это бы выплыло. Рассимор с Эльданой внука признали бы хоть от служанки, лишь бы родная кровь! А так у них только Лестана осталась да Ивар, чтоб его, племянничка!

— Ну, если уж ты все тут знаешь... — задумчиво сказал Хольм, раскалывая очередную пару орехов и подсовывая ее Кайсе, — Может, и отца его — тоже?

— Это нет! — покачала Кайса головой. — Эту тайну Мирана бережет, как собственный хвост, и даже сильнее! Хвост у нее видели, когда жрица оборачивалась, а вот от кого она Ивара родила, никто не знает. А если и знает — мне как-то не доложили. Но я подумала-подумала...

— И? — азартно подсказал Хольм.

— Очень они с Гваэлисом похожи... — медленно уронила Кайса. — В Арзине все знатные семьи между собой роднятся, но Авила, отец Гваэлиса, вождю и Миране в нескольких последних поколениях не родственник. И Кот он умный, хитрый, осторожный, такой бы запросто утаил связь с Мираной. А если оба сына пошли в отца, хоть и родились от разных матерей, то что в этом странного?

— Ничего, — согласился Хольм. — Да и следы все опять ведут в сторону Гваэлиса! Хвостом чую, это он меня отравленной железкой ткнул — больше просто некому!

Что-то еще крутилось на краю разума, важное, но ускользающее. Хольм безуспешно попытался поймать мысль, но она ускользала и дразнила его, как слишком юркая мышь — неповоротливого кота. Тьфу, совсем с этими Рысями окошатился! Уже про мышей думает, а не про зайцев или оленей, как порядочному Волку положено!

— Кайса! — вдруг вспомнил он совсем не то, но тоже важное. — А ты сама о чем поговорить со мной хотела?!

— Я? — рассеянно спросила та и вдруг встрепенулась: — Точно! Слушай, Волк, а ты уже придумал, что Лестане на день рождения подаришь?

Хольм хотел что-то сказать — и онемел. Что он может подарить самой прекрасной девушке на свете, да еще и дочери вождя богатого древнего клана?! Собственную шкуру? Дома нашел бы хоть немного достойный ее подарок, у Волков тоже в сундуках имеется всякое, но здесь... Да у него рубашки собственной нет и штанов — Рассимор его кормит и одевает!

Хольм стиснул зубы, чувствуя, как желваки зло перекатываются по скулам. Кайса посмотрела на него с обидной жалостью, в точности как Брангард, и сказала:

— Не дури, Волчок. Ты Лестане уже подарил то, что ни за какие деньги не купишь! Ты ей надежду на выздоровление дал! И себя в придачу! Но это ж неважно, да? Все вы, мужчины, одинаковые, считаете только то, что своими зубами поймали и принесли... Ну так вот! Перед самым днем рождения Лестаны, ровно за пять дней до него, будет большая охота. Вождь ее точно не отменит, потому что это поминальная охота по Эрлису, он каждый год на нее ездит. Попроси разрешения поехать с ним! В охотничьем снаряжении Арлис тебе не откажет! Если бы Лестана успела выздороветь, она бы тоже поехала, но вряд ли она сможет не только встать, но и сесть в седло. А жаль... Самое бы время ей там, на охоте, обернуться! После такого Ивар бы собственным коротким хвостом утерся! И уж это был бы такой подарок... Вы же истинная пара, Волчок, кому еще позвать ее Рысь, как не твоему зверю?

— Думаешь, получится? — спросил Хольм, растерявшись от мыслей, что понеслись вскачь, будто стадо оленей, угодившее в пчелиный рой.

— А кто мне только что рассказывал, что надо сделать все возможное? — фыркнула Кайса и бросила в рот очередной орех. — Зато если Лестана обернется, а Ивар не сможет... У-у-у-у, как замечательно получится! Рысь-то у них одна была на двоих, она не разорвется! А сережки — тю-тю!

— Это если Лестана сможет поехать... А если нет?

— Ну, тогда поедешь один, — рассудила Кайса. — И привезешь Лесте самого здоровенного зайца, которого найдешь! Что ты так смотришь? Ей Эрлис все детство зайца обещал, но так и не сподобился! А ты возьми и привези! Только живого! И пусть делает с ним, что хочет! Хоть по спальне гоняет, хоть по саду... Может, хоть так в ней Рысь проснется?

Зайца? Лестана хотела живого зайца, а этот... братец... не подарил сестре такой пустяк?! Хольм представил, как будут ржать прихлебатели Ивара, если он привезет с охоты не кабана, не благородного оленя, не медведя, а всего лишь зайца! Как жеребцы, а не как Рыси! Да и плевать! Если Лестане нужен заяц, она его получит. В самом деле, разве может быть для кошки лучшая забава, чем живая дичь?! Да он ей дюжину этих зайцев поймает! Осторожно, бережно! И притащит целых и невредимых, не покусанных!

— Это я могу! — выдохнул он счастливо.

— Ну, вот и славно, — улыбнулась Кайса, поднимаясь и указывая взглядом на окно, за которым полыхал багрово-золотой закат. — Пойдем, Волчок, пора.

Хольм тоже встал, напоследок окинув уютную комнату, где было столько же от Кайсы, сколько в покоях Лестаны от нее самой. Подумалось почему-то, что Брангарду бы здесь понравилось. Он тоже любит темное дерево, бронзовые безделушки и подсвечники, а главное — книги. Книги у Кайсы были везде, в точности, как у Брангарда. И даже карманы у них вечно набиты совершенно одинаково! Только Кайса в них таскает яблоки и, кажется, орехи, а Брангард припасал сухари и морковку, которой очень стыдился, но все равно любил похрустеть.

Хм... И с чего это такие мысли? Наверное, это письмо виновато! То, что он мельком увидел у Кайсы. Увидел и вспомнил совсем другое письмо, принесенное Соколом! А там и до мыслей о Брангарде недалеко оказалось! Но глупости это все, конечно...

Тихий мягкий голос матушки и вправду звучал совсем как в детстве, когда она читала им с Кайсой

сказки и древние легенды. Славные воины и благочестивые жрицы, мудрые правители и хитроумные купцы как живые говорили с пожелтевших и ломких от времени страниц... Сегодня матушка принесла не сказки, разумеется, а летопись об основателях Арзина, и Лестана с удовольствием слушала истории, которые знала давным-давно. Это были истории ее семьи!

Голос матушки убаюкивал, кутал теплом и лаской, и Лестана сама не заметила, как провалилась в сон. В этом сне она бежала по лесу и видела все вокруг очень странно, не как обычно. А потом заметила, что и бежит на четырех лапах, вытянув лицо... морду?

Лапы несли ее тело быстро и легко, Лестана мчалась вперед, и ветер приносил ей десятки прекрасных и заманчивых запахов, а уши чутко ловили малейшие лесные звуки. Пение птиц, аромат листвы и тонкие струйки запаха пробежавших неподалеку мышей, струйка потолще — от крупного зайца, что увидел ее издалека и кинулся бежать, спасаясь от страшной Рыси. Лестана только фыркнула ему вслед, она была сыта, а поиграть можно и позже — сейчас у нее важное дело. Она должна кого-то найти! Обязательно должна, иначе случится что-то плохое...

Промчавшись через поляну, она остановилась и принялась, поставив уши торчком. Чутье подсказывало, что она вот-вот найдет того, кого ищет, но уши никак его не слышали. Лестана длинным прыжком перемахнула невысокие кусты, наслаждаясь послушным мощным телом, и замерла. В других кустах, как раз на ее пути, кто-то был!

Припав к земле, она принялась подкрадываться, продвигаясь все медленнее и медленнее, перетекая по земле и все старательнее нюхая воздух, но в кустах была тишина, а ветер дул так неудачно... И вот в тот миг, когда она уже почти решила прыгнуть в кусты, они зашелестели, и огромный черный волк встал из них, в упор глядя на Лестану янтарно-желтыми глазами.

Лестана мявкнула от растерянности, извернулась и понеслась обратно, а волк огромными прыжками помчался вслед за ней, щелкая зубами прямо возле ее хвоста. Они летели по дивному летнему лесу, и солнце ярко светило через просветы в листве, Лестане почему-то совсем не было страшно, а, напротив, очень весело и томительно сладко. Она бежала со всех лап, но волк не отставал, делая вид, что вот-вот ухватит ее за хвост, но каждый раз очень старательно промахиваясь.

А потом Лестана увидела впереди ручей и попыталась его перепрыгнуть. Взлетела над неглубоким овражком, увидела внизу под собой блестящую ленту воды, почувствовала, как замерло сердце, и... проснулась! Вынырнула из дремоты с бешено колотящимся сердцем, отчаянно жалея, что так и не узнает, смог ли ее догнать черный волк. А если догнал — то что сделал?

— Бедная девочка, — услышала она совсем рядом голос, от звучания которого сердце заколотилось еще сильнее, а руки сами стиснули покрывало. — Эли, смотри, она просыпается.

«Внимательная, — с холодной ненавистью подумала Лестана. — И что же вам от меня нужно, дорогая тетушка?!»

— И правда! — подхватила матушка. — Леста, милая, уже закат, скоро Аренея придет тебя лечить.

— Так твоя сестра еще не бросила эту опасную затею? — небрежно поинтересовалась Мирана, и матушка немедленно угодила в ловушку.

— Почему опасную? — спросила она, пока Лестана с трудом размыкала тяжелые веки. — Разве это опасно?!

— Все ритуалы опасны, Эли, дорогая! — укоризненно сказала Мирана, сидящая рядом с постелью в глубоком кресле. — Их должны проводить хорошо обученные жрицы, а твоя сестра — целительница. Очень хорошая целительница! Но ведь не храмовая жрица, правда?

«Вот так она и льет отраву матушке в уши, — еще злее подумала Лестана. — С таким сочувствием, так ласково!»

— Я думаю, госпожа Аренея знает, что делает, — сказала она хриплым спросонья голосом и увидела, как матушка тревожно переводит взгляд с нее на Мирану, не зная, кому верить. — Мне ведь лучше, вы сами это отметили, тетушка.

— Да-да, Лесте лучше! — торопливо подтвердила матушка, робко улыбаясь. — Ты видишь, Мири? Она уже не такая бледная, губы порозовели! И руки... Они двигаются!

— Это прекрасно! — с готовностью отозвалась тетушка и улыбнулась Лестане. — Я так рада!

Сегодня она была в обычном белом платье, но на этот раз очень скромном, украшенном всего одной ниткой янтарных бус. Тонкое чеканное лицо мягко светилось в полумраке безупречной, несмотря на возраст, кожей, а глаза в полумраке казались темными, потому что Мирана сидела в стороне от

подсвечника.

— Леста, милая, — склонилась матушка к Лестане и легонько погладила ее по щеке. — Госпожа Мирана хотела поговорить с тобой об очень важном деле! Выслушай ее внимательно и будь умницей, подумай об этом хорошенько.

— Да, матушка. — Лестане очень хотелось подставить под ласковую ладонь голову и попросить погладить еще, но при Миране нельзя было выказывать подобную слабость, так что она поймала взгляд жрицы и улыбнулась уголками губ. — Я буду очень внимательна, обещаю.

— Наша Леста всегда умница, — улыбнулась в ответ Мирана. — Счастливы вы с Рассимором, имея такую дочь. Я не могу пожаловаться на Ивара, но все-таки он такой мальчишка! То подерется, то влипнет во что-нибудь... Ах, Лестана, если бы ты знала, как он жалеет, что не уберег тебя! Просто места себе не находит!

— Ничего, тетушка, я его не виню, — отозвалась Лестана, чувствуя, как холодная злость душит ее, но и прибавляет странным образом сил.

«Ох, только бы уши снова не появились! Совсем ни к чему выдавать Миране такое преимущество в игре. Пусть и дальше думает, что Лестана беспомощна!»

Она постаралась успокоиться и спросила, изо всех сил изображая наивную девочку. Примерно такую, какой была всего пару месяцев назад до отъезда из Арзина. И неважно, что та милая Лестана умерла от ножа в спину рядом с Волчьим храмом:

— Так что вы хотели, дорогая тетушка?

— Ах... — Ресницы Мираны затрепетали, и даже в полумраке стало видно, что они искусно подкрашены. — Эли, расскажи ей ты, прошу! Я так волнуюсь...

«Переигрываешь... тетушка! — Лестана в упор посмотрела на женщину, и та, словно уловив ее мысли, качнулась назад, глубже уходя в полумрак и скрывая лицо. — Но матушка поверит, конечно. Она всегда тебе верила и доверяет до сих пор».

— Да, конечно... — Матушка посмотрела на Лестану все с той же растерянностью и неловко, с настоящим, в отличие от Мираны, волнением сказала:

— Леста, милая... Ивар просит твоей руки.

В первый миг Лестана даже не поняла, что она слышит. Во второй — безмолвно поразились. В третий — возмутилась! Столько слов разом просились слететь с языка, что она не смогла вымолвить ни одного и тут же обрадовалась этому. Потому что сказала бы такое! Чего точно пока говорить не следовало...

— Ивар? — выдохнула она еще через несколько мгновений, щедро показывая свое удивление. — Но... он же мой брат!

— Всего лишь двоюродный! — торопливо прервала матушка. — Да, это близкое родство, но закон позволяет брак между вами! Леста, ты только подумай, как хорошо все устроится! Вы с Иваром знаете друг друга с детства, вы одной крови, а если ты выйдешь за него, то сможешь стать ему верной помощницей в делах! Этот брак примирит всех! Те, кто хотел видеть наследницей тебя, успокоятся и поймут, что власть осталась в нашей семье, незачем волноваться!

Мирана едва заметно поморщилась, и Лестана поняла: жрица сожалеет, что матушка так прямолинейна. Наверняка сама же и убеждала ее этими словами, матушка бы никогда в жизни не додумалась до таких причин брака.

— А еще он будет о тебе очень заботиться! — с жаром продолжила матушка уверения, и у нее даже румянец появился. — Леста, Ивар прекрасно воспитан и действительно достоин тебя! Он обещал...

— Если ты дашь ему согласие, девочка моя, — мягко прервала ее Мирана, — Ивар сможет проводить для тебя лечебный ритуал. Узы брака так же священны, как узы крови, и никто не осудит наследника, что он рискует жизнью ради жены и будущей матери своих детей...

«А рискуй он ради сестры, то осудили бы? — огрызнулся внутренний голос Лестаны. — Что за бред? Ложь пополам с правдой куда опасней, чем одна ложь! Но что Мирана задумала?! Неужели она заподозрила, что Хольм участвует в ритуалах, и поняла, что мы женаты? Иначе зачем эта фальшивая попытка заманить меня в брак?! Но что же делать? Как отказаться?!»

— А он не боится, что я никогда не смогу встать на ноги? — спросила она, старательно добавив в голос побольше неуверенности. — Или не смогу призвать зверя...

— Он все равно будет любить и уважать тебя! — Мирана наклонилась, и ее глаза в полумраке блеснули янтарем сильнее, чем настоящий янтарь в бусах. — Лестана, милая, Ивар станет тебе прекрасным мужем! А главное, ты сможешь примирить весь Арзин — разве это не прекрасно?

«В точности как Сигрун, — усмехнулась про себя Лестана. — Волчица тоже уверяла, что ее сынок — лучшее, что может быть у меня в жизни. Но даже она была куда честнее! Что же делать... Может, попросить время на раздумья?!»

— Мы могли бы объявить о браке до твоего дня рождения, — ласково подсказала Мирана, словно прочитав ее мысли. — Тогда никто не подумает, что ты вышла за Ивара от отчаяния, даже если Рысь к тебе не придет. Такое решение будет выглядеть очень достойно.

«И навсегда закроет мне все дороги, кроме одной — жены Ивара и матери его детей. Фу, даже подумать мерзко! Я — и этот... слизняк!»

— Я... вам очень благодарна, тетушка, — сказала она негромко, понимая, что отсрочка все равно не поможет. Напротив, нельзя давать Миране ни малейшего повода пустить нужные им с Иваром слухи о ее, Лестаны, согласии! — Но выйти за Ивара, простите, не могу.

— Почему? — так естественно изумилась жрица, что Лестана ей даже поверила. — Девочка моя, неужели ты до сих пор страдаешь по младшему сыну Ингевальда?! Мерзавцу, который тебя обманул?!

Ах, каким соблазном было сказать именно это! Лестана даже несколько мгновений посмаковала подсказанный тетушкой выход. Сказать, что она и правда ждет предложения от Брангарда — и пусть дорогие родственнички делают с этим, что хотят! Хоть дурой ее считают, хоть в Волчий город отправляют послов, чтобы Брангард вернул якобы данное им слово. Но потом Лестана подумала, что будет, если это хотя бы краем уха услышит Хольм. Это... окажется такой подлостью, которой ее Волк не заслужил! Да Лестана сама себя после такого уважать перестанет!

— Брангард? — удивилась она так же правдоподобно, как Мирана. — А он здесь причем? Нет, что вы, тетушка! Просто... ну как я могу думать об Иваре как о муже?! Мы же действительно росли вместе. Он мне брат — и только!

— Ну, если дело только в этом, все еще может измениться. — Глаза Мираны не потеплели, напротив, сузились и блеснули очень хищно. — Думаю, он сможет завоевать твое сердце. Так что не вижу никаких препятствий, чтобы вас обручить.

Лестана вдруг поняла с тошнотворным ужасом, что Мирана это всерьез. Больше того, только воля отца не даст Ивару с маменькой осуществить эту мерзость! С матушкой-то они живо справятся... Конечно, выдать Лестану замуж против воли будет нелегко, но... кто знает, до каких пределов подлости дойдет эта парочка?! «До любых, — сказала она себе с омерзением, словно нечаянно раздавила в руке что-то невыразимо гадкое. — До любых...»

— Нет! — сказала она громко и резко. — Тетушка, вы меня не поняли? Я не выйду замуж за Ивара. Если об этом пойдут слухи, я потребую найти и наказать виновных за оскорбление моей чести. Если кто-то попытается меня заставить, я откажусь от брака прямо у алтаря! Нужно будет — попрошу помощи у наших союзников, Черных Волков. Думаю, они не откажут в убежище. Но за Ивара не пойду ни за что и никогда, будь он даже последним мужчиной на свете!

— Лестана! — ахнула матушка. — Что ты говоришь? Как ты можешь?!

— Еще как могу! — отчеканила Лестана, смотря не на нее, а в яростно пылающие глаза Мираны. — Могу и говорю! Я. Не выйду. За Ивара!

— Лестана... — Матушка едва не плакала. — Что с тобой, девочка моя? Ты раньше такой не была! Это... это твоя проклятая поездка так на тебя повлияла?! А я была против! Я говорила твоему отцу, что тебе нужно найти жениха здесь, в родном городе... Мирана, дорогая, прости ее! Леста не знает, что говорит! Она больна, моя бедная девочка... Придет в себя, подумает и поймет, чего хочет на самом деле!

— О, думаю, твоя дочь отлично знает, чего хочет, — уронила Мирана, поднимаясь из кресла плавным величественным движением. — Что ж, может быть, она это и получит. Но как бы тебе не пожалеть об этом, дорогая племянница, — улыбнулась она, и Лестана содрогнулась от того, каким мягким воркующим голосом был сказан этот страшный намек.

Беспомощно замерев на кровати, она сжала левой рукой запястье правой, накрыв ее как раз там, где руку обвивал замшевый шнурок. Такой тонкий и непрочный, словно она сама... И все-таки придающий ей сил, совсем как злость перед этим. Да, она дала Хольму слово перед алтарем Луны не по любви, а ради милости богини. Но пока эта связь не разорвана, будет вести себя достойно. Миране ее не запугать! И отец обо всем узнает сегодня же! Он опытный осторожный вождь, у него

есть верные подданные и друзья, которые смогут защитить и Лестану, и ее семью... Смогут ведь?!

Память безжалостно показала ей лицо Эрлиса, который тоже не ждал беды, но Лестана упрямо возразила сама себе, что это совсем другое дело. Они теперь предупреждены! И Мирана с Иваром ничего не смогут сделать! Главное, не думать о плохом, ни за что не думать!

— Желаю тебе здоровья, милая, — обернулась Мирана от самой двери. — Идем, Эли, девочке нужно отдохнуть.

«Не ходи с ней!» — хотела крикнуть Лестана, но лишь в отчаянии прикрыла глаза. Что толку задержать матушку, если Мирана просто придет к ней потом и продолжит уговоры. Лучи закатного солнца уже побагровели, Аренея, наверное, ждет, пока Лестана останется одна. А стоит жрице увидеть здесь Хольма — она точно обо всем догадается. Ну почему отец не запретит этой гадине приползать к матушке и к самой Лестане?! Остается ждать и терпеть... До дня рождения совсем немного, нужно успеть восстановить силы!

Проводив взглядом жрицу и вздохнувшую на прощанье матушку, Лестана потянулась за мячиком. Раз-два-три! Раз-два-три! И снова, и снова, пока руку не свела судорога от усталости. Она выдержит! Мячик в другую руку — и заново, раз-два-три!

Глава 25

Подарок

— А ну лежи! — прикрикнула на него Аренея. — Сколько раз было говорено, чтобы сразу не вскакивал! Сердце надсадить хочешь?

Хольм виновато опустил на постель. Спорить с целителями — себе дороже, но как валяться, если столько дел? Нужно поговорить с вождем и Когтем обо всем, что он понял за эти дни.

Лежать, глядя в потолок, совсем не получалось, и он покосился на Лестану, задремавшую после ритуала. Боли она теперь не испытывала, вся мучительная часть доставалась Хольму, но каждый раз уставала, даже дышала с трудом. Аренея говорила, что это хорошо, значит, сила работает в теле, восстанавливая его, и действительно, с каждым днем у Лестаны все свободнее двигались руки, а ногами она уже чувствовала прикосновения и даже немного шевелила ступнями. Но время бежало с опасной стремительностью, назначенный срок приближался, а девушка все еще не могла встать, только сидела.

— Вот, выпей!

Аренея протянула стакан горячего ягодного отвара, щедро приправленного медом, и Хольм с удовольствием глотнул.

Все бы лекарства были такие вкусные!

— Мирана ведь жрица, — тихо сказал он то, о чем задумался только сегодня. — Неужели она не видит, что ритуал проходит не для одной Лестаны?

— Может, и видит, — хмыкнула целительница, присаживаясь на стул и тоже обхватив ладонями чашку. — Только видеть — одно, а сообразить, кто именно в нем участвует, совсем другое. Ты уж прости, Волк, но мы твои заслуги пока скрыли. Зато намекнули, что это Рассимор старается ради дочери. Так что Мирана ждет, пока он свалится с сердечным приступом или даже умрет сразу. Стервятница...

— Он же ее брат! — с омерзением выдохнул Хольм. — У нас тоже всякое бывало, но чтобы вот так?

Некстати вспомнилось, как Брангард боялся, что Сигрун отравит Хольма. Но мачеха-то ему никто! Ни капли общей крови! А тут родная сестра ждет смерти брата, будто гадюка, что греется на солнышке!

— А Ивар — ее сын, — напомнила Аренея. — Мирана с Рассимором никогда не были близки, но в делах клана она его поддерживала, а чего еще ждать от родича, который тебя не любит? Вот в семью он сестрицу зря пустил. Эльдана ей верит, как себе, даже больше. Мирана с ней всегда ласкова была, детей хвалила, да и делить им вроде бы ничего, вот бедняжка и привыкла, что золовка всегда рядом, всегда готова дать хороший совет, посочувствовать и утешить.

— И что, у вас действительно принято выходить за двоюродных?

Он бросил быстрый взгляд на Лестану, которая хмурилась во сне. О предложении жрицы она сразу же рассказала, и Хольму только зубы осталось сжимать, остро мечтая добраться до Ивара и пришибить выроodka. Ну зачем жить существу, у которого нет ничего святого?!

— Не принято, но случается, — мрачно отозвалась Аренея. — Только я не думаю, что Лестана им надолго понадобится живой и здоровой. Она не дурочка, крутить собой не позволит, а жить с Иваром попросту не сможет. Поэтому сейчас они что угодно пообещают, лишь бы ее заполучить, а там... Поест грибов нехороших или на лестнице оступится — и будет Ивар единственным правителем Арзина, когда Рассимору придет срок уходить за Реку. А этого, как думает Мирана, ждать недолго, вот и не мешает ему лечить Лестану.

Словно услышав, что о ней говорят, девушка зашевелилась. Подняла чуть припухшие веки, растерянно улыбнулась, будто не ожидая увидеть рядом Хольма, перевела взгляд на Аренею... И вдруг вскрикнула, побледнев и расширив глаза:

— Руки! Я не чувствую рук! Совсем!

Чашка выпала из рук Аренеи и стукнулась о деревянный пол, покатила по нему, разливая темный отвар. Целительница вскочила и бросилась к Лестане, взяла ее за руку и с силой надавила между большим пальцем и указательным.

— Здесь больно? — резко спросила она.

— Д-да... — испуганно ответила Лестана. — Но пошевелить не могу...

— А здесь? И здесь?

Аренея проверяла все новые точки на теле девушки, то на запястье, то на сгибе локтя, то возле ключицы. И каждый раз Лестана говорила, что прикосновения ощущает, но руки не поднимаются, а во всем теле тяжесть.

— Не понимаю, — бормотала Арения. — Ничего не понимаю... Нервы восстановились, мышцы, правда, слишком твердые... Прямо как камень... Ну ничего не понимаю, не должно быть такого...

А Хольму вдруг бросился в глаза яркий мячик, с которым Лестана не расставалась даже во сне, он и сейчас лежал на одеяле, выпав из ее руки. И еще несколько игрушек на столике возле кровати. А потом вспомнился кусок кожи, который он в детстве мял в руках, чтобы укрепить пальцы для оружия.

— Лестана... — начал он осторожно, чувствуя себя дураком. Ведь не может быть так, что он, воин, увидел то, что не поняла опытная целительница. — А ты с мячиком долго упражнялась?

— Что? — глянула на него девушка. В ее глазах был дикий ужас, и вряд ли она сейчас понимала, о чем Хольм спрашивает. — Что ты говоришь?

— Мячик, — терпеливо повторил он, поднял его и показал. — Ты же весь день его в руках мяла, так? И вчера — тоже?

— Ну да... — непонимающе отозвалась Лестана. — Арения сказала, это полезно. Я руки упражняла.

— Весь день? — ласково повторил Хольм и увидел краем глаза, как целительница поворачивается к ним от столика с лекарствами, ее глаза мечут молнии, а ноздри гневно раздуваются.

— Ты его что, из рук не выпускала? — загремела Арения. — Дура! И я тоже! — добавила она из похвальной справедливости, которую Хольм оценил. — Я-то думаю, откуда снова паралич?! У самой чуть сердце не остановилось! А вдруг лекарство не подходит? А вдруг я иглы неправильно ставила? А ты, дурица малолетняя, просто мышцы перенапрягла?! То-то они каменные! Там же спазм! Нет, вы на нее посмотрите? Кому было велено отдыхать? А ты уперлась, как ослица, и давай стараться! Думаешь, если уши тянуть, они быстрее вырастут? Ну так вот, это так не работает! Здоровое тело — и то можно испортить, если тренировать без ума, а ты себя больную не пожалела!

— Я же... как лучше... — всхлипнула Лестана. — Чтобы быстрее! К дню рождения!

— Не ругайте ее, — негромко сказал Хольм, садясь на краю кровати и беря узкую ладошку в свои. — Она не знала. Мне бы тоже сообразить.

— Вот ты и сообразил, — буркнула Арения. — А я опозорилась. Уф-ф-ф-ф... Так, два дня никаких занятий! — Она решительно сгребла игрушки и сунула их в свои бездонные карманы. — А потом посмотрим.

— У меня неделя до конца срока! — зазвенел голос Лестаны, и девушка с усилием села в постели ровнее. — Я должна встать на ноги!

— Ты выздороветь должна! — отрезала Арения. — Вы-здо-ро-веть! А не надорваться и не сдохнуть в угоду этому Совету! Сроки?! Да если нужно будет, год пролежишь, но встанешь потом здоровая! Способная ходить, бегать, любить и рожать! Или ты думаешь, кому-то будет лучше, если ты себя загонишь, как лошадь? Рассимор как-нибудь не глупее тебя, найдет управу на своих кошаков из Совета! А ты его только сильнее подведешь, если...

— Хватит, — уронил Хольм. — Она все поняла.

К его удивлению, жрица замолчала. Посмотрела на Лестану чуть виновато, присела на кровать с другой стороны и погладила девушку по голове.

— Все будет хорошо, — сказала она примирительно. — Леста, ты же умная девочка. Если зерно упало в землю, оно вырастет в свой срок, не раньше и не позже. Его нужно поливать и греть, но тянуть росток вверх не просто бесполезно — это значит его погубить. Ты никак не ускоришь свое выздоровление, если замучаешь тело, которому и без того трудно. Понимаешь?

Лестана кивнула, молча всхлипнув, по ее щекам бежали прозрачные дорожки слез. Целительница тяжело вздохнула, порывисто обняла ее и тут же отпустила. Хольм видел, что ее глаза тоже блестят, но Арения сморгнула и сказала:

— Пойду новое лекарство сварю и скажу девочкам, чтобы пришли тебя размяли. Мышцы — это пустяки, уж с этой бедой мы легко справимся.

И, бурча о непослушных дурных котятках, она вышла, а Хольм, замерев от тихой нежности, погладил пальцами ладонь Лестаны, словно пойманную птицу, перед тем, как отпустить.

— Ареня права, я такая дура! — вздохнула девушка, и он тут же горячо возразил:

— Неправда! Ты умная и сильная! И прекрасная наследница клана!

— Спасибо... Хольм. — Губы Лестаны тронула слабая улыбка. — Ты меня зря хвалишь, но все равно спасибо. Если бы Эрлис был жив...

— Послушай... — Хольм вздохнул, подсел поближе и осторожно коснулся кончиками пальцев щеки Лестаны, вытирая каплю, которая задержалась на нежной коже. — Ты не Эрлис и никогда им не будешь. Ну и что? Я вот не Брангард! Но я и не хотел бы им быть. Да, Бран умный и ловкий, но он — это он. А ты — это ты. Ты хороша сама по себе, не будучи Эрлисом. Я тут много с кем успел поговорить... Еще неизвестно, кто из вас был бы лучшим наследником, а потом и вождем. И уж точно глупо требовать от тебя того, что ты сделать не можешь. Да, воина и охотника из тебя не получится. Но мне почему-то кажется, что твой брат совсем не так хорошо разбирался в законах и торговых делах, как ты. А для вождя это важнее, поверь. Вождю нужны сильный разум и сильная воля, а тело — это уж как получится. Ты храбрая, Лестана, очень храбрая! Если бы я оказался прикован к постели, как ты... Даже не знаю, смог бы терпеть это все и даже не пожаловаться? А ты терпишь. И дерешься, как настоящий боец! Да если бы ты была парнем, я бы тебя не раздумывая взял в дружину, вот!

Лестана подняла на него глаза, все еще полные слез, но уже чистые и яркие, и обиженно проговорила:

— Вот видишь, все-таки — если бы я была парнем...

— Ну да! — удивился Хольм. — А зачем мне в дружине девушка, из-за которой все сойдут с ума и передерутся между собой?! Это ж придется днем и ночью от тебя взбесившихся дуралеев отгонять! И тебе беспокойство, и их жалко — будут сплошь с битыми мордами ходить. Нет! — подумав, сказал он с полным убеждением. — Никакой дружины! Самому мало! — и осекся.

Лестана смотрела на него... ехидно? Во всяком случае, плакать она больше не собиралась, даже улыбнулась уголками губ, просяив изнутри, как солнце, что вышло после дождя, и сказала:

— А просто сказать мне, что я красивая, ты не мог, да?

Растерявшись, Хольм замолчал, не в силах выдать ни слова. Он прекрасно понимал, что вот сейчас пришло время наговорить кучу всего важного, что обязательно нужно девушкам. Про глаза, про косы, про губы и тело... И он, конечно, знал все эти слова, ухаживал ведь за девицами у себя дома. Но вот беда — к Лестане это никак не подходило. Ну что можно сказать про ее глаза, если дух перехватывает, когда в них смотришь?!

— Понятно, — вздохнула Лестана и погрузилась — солнце опять спряталось за облако. — Ну да, я не такая...

— Какая? — напрягся Хольм, чувствуя, как будто пропустил удар и вот сейчас ка-а-а-ак получит с размаху по физиономии.

— Не такая, как Ингрид, — тускло отозвалась Лестана. — И как другие ваши девушки. Я их видела во дворце и на празднике. Тебе нужна такая, как они. Все равно, спасибо, что нашел для меня... настоящие слова, а не то, что говорят все вокруг.

— Лестана! — выдохнул Хольм, которому все-таки прилетело — и еще как. — Ты не поняла! Я не любил Ингрид. Мы были вместе, но только потому, что тогда я не знал тебя. Ты... Дело не в том, что ты красивая! Ты очень красивая, Луной клянусь! Просто...

— Перестань, — улыбнулась его Рысь и тоже коснулась его щеки, а потом погладила ее ладонью, задев отросшую за день щетину, так что у Хольма сладко потянуло внутри. — Ты замечательный, правда. Прости, что я была такой дурой. Когда все это кончится, мы же... нам не обязательно...

Она замолчала и отвела взгляд, а Хольму очень захотелось прямо сейчас набить кому-нибудь морду. Хорошо бы, конечно, самому себе — за тупость! Но можно Ивару! Ивару — даже намного лучше! Во-первых, чужую морду бить всяко удобнее, чем свою. Во-вторых, Ивар заслужил. А в-третьих... Ну почему драться с мужчинами легче, чем разговаривать с девушками?!

— Иди, — неловко попросила Лестана, покосившись на соседнюю комнату, откуда уже слышались

шаги. — И... ты ведь придешь? Ну... ночевать?

— Конечно! — пообещал Хольм, понимая, что сейчас выглядит беглецом и трусом, но решительно не зная, что с этим делать. — Я обязательно приду! Потом!

«Когда ты уснешь, — мог бы добавить он. — Когда я смогу просто лечь у двери и ждать, не явится ли какой-нибудь смертник, чтобы причинить тебе вред. Когда не нужно будет облекать мысли в слова, ведь драться и сторожить куда лучше молча, а это как раз то, что я умею. Но... я ведь не хочу всю жизнь провести у твоей двери на коврике, верно?»

Он встал и отступил к окну, впуская двух целительниц, от которых, а точнее, из сумки, что они несли, резко пахло лекарствами. Лестана мужественно улыбнулась ему, и Хольм не выдержал — все-таки сбежал. Присел на окно, выходящее в сад, перекинул ноги наружу и спрыгнул на влажную рыхлую землю. Вдохнул полной грудью ночной воздух — уже успело стемнеть. И пошел, не разбирая дороги, туда, где смутно белела громада заброшенного храма, где они с Лестаной заключили брак. Неплохое место, чтобы подумать. Может быть, даже помолиться! В конце концов, если Луна вмешалась в их с Лестаной судьбу, пусть хоть немного света прольет на его запутанные темные мысли.

Сегодня ее растирали особенно долго. Сначала движения целительниц были терпеливыми и бережными, потом постепенно стали сильнее, и Лестане показалось, что она превратилась в комок теста. Упругого мягкого теста, которое не может пошевелиться не потому, что не может, а просто ни малейшего желания на это нет!

Она закрыла глаза, невольно дыша сильным травяным запахом мази. Кожа приятно горела, и целительница предупредила, чтобы Лестана не терла глаза руками. В спальню проскользнула Кайса и поднесла к губам Лестаны кружку с теплым отваром, в котором сегодня особенно сильно чувствовался вкус зелья. Она послушно выпила и поблагодарила, а потом посмотрела в раскрытое окно.

— Закрыть? — спросила одна из женщин, неправильно ее поняв. — Дует?

— Нет-нет! — торопливо ответила Лестана. — Не надо! Я укурюсь потеплее, пусть проветрится!

— Это хорошо, полезно, — благосклонно кивнула целительница, и они обе вышли, оставив с Лестаной Кайсу, какую-то мрачную и тихую.

— А Волчок твой где? — спросила подруга, озираясь. — Охрана сказала, что он здесь.

— Волчок в окно выпрыгнул и убежал, — вздохнула Лестана. — Что ему тут со мной делать?

— Опять поссорились? — Кайса влезла на кровать с ногами, подтянула колени к подбородку, обняв их, и замерла, глядя на Лестану огромными янтарными глазами. — Что на этот раз?

— Нет. Мы не ссорились.

Лестана опять посмотрела в окно, не то чтобы избегая взгляда подруги, просто... Раньше онаверяла Кайсе любую мелочь, что была на душе, но вот сейчас... И нет, она не стала меньше доверять названной сестре. Просто поняла, что есть мысли и чувства, которые нужно оставлять для себя. Или хотя бы сначала продумать и пережить их в одиночестве.

— Понятно, — вздохнула Кайса и опять замолчала.

Лестана посмотрела на нее внимательнее и выругала себя — тоже молча. Привыкла думать, что у Кайсы всегда все хорошо и быть иначе не может. А с ней явно творится что-то не то!

— Кай, что случилось? — назвала она подругу детским коротким именем, протянув к ней руку.

Дотянуться не получилось, но Кайса сама подлезла поближе и цапнула руку Лестаны, легонько сжав, как незадолго до этого Хольм.

— Кай...

— Да ничего такого... — попыталась улыбнуться Кайса, а потом снова глянула на Лестану непривычно робко, как-то... просительно, что ли! — Леста, слушай... А помнишь, ты говорила, что Бран тебе совсем безразличен? Вот прямо совсем-совсем?

— Ну да, — недоуменно отозвалась Лестана, не понимая, но уже чуя что-то странное. — А что?

— Да так... — вздохнула Кайса и посмотрела опять — явно виновато. — Понимаешь, он... он мне написал. Сокол принес не одно письмо, а два! Второе — только для меня. А я... прости, Леста! Я тебе не сказала... — закончила она почти шепотом.

— Брангард написал тебе?! — поразилась Лестана. — Кайса... Погоди, вы же почти не виделись?! Там, в Волчьем городе?!

— Конечно, не виделись! — возмутилась Кайса. — Я тебе что, гадюка последняя, у подружки жениха отбивать? Ты же по нему сохла! Замуж собиралась... Я и держалась подальше. Язык распустила, правда, пару раз, но только при тебе! Кто знал, что он на шутки не обижается?! Неправильный Волк какой-то...

— А он тебе нравится? — растерялась Лестана от такой новости. — Вы с ним встречались-то... Ну да, глупо как-то звучит, я понимаю! Я сама... Кайса, но ты же не такая, как я! Ты всегда говорила, что будешь очень долго выбирать!

— Ну, говорила! — огрызнулась Кайса. — Можно подумать, у меня время на это было. Да говорю же, я и не собиралась! Мы без тебя виделись всего раз, когда ты без памяти лежала! Да и то, он молчал, а я орала и кидалась в него чем попало.

Лестана невольно приснула, представив эту дивную картину и пожалела, что не видела ее сама. Очень много потеряла! Глядишь, и никакой тоски по Брангарду у нее не было бы!

— А теперь? — спросила она, лукаво глядя на смущенную насупившуюся Кайсу. — Он тебе написал, так? Рассказывай уже! Я от любопытства сейчас помру!

— Ты... правда не обижаешься? — тихо спросила подруга, и Лестана постаралась ответить как можно серьезнее:

— Правда. Клянусь нашим дуплом! Тем, где мы в детстве прятались, помнишь?

Клятва дуплом у них тогда считалась самой настоящей, почти как Луной, и Кайса, вздохнув, протянула ей изрядно затертый листок.

— Я не буду читать чужое письмо! — возмутилась Лестана. — Это некрасиво! Так расскажи!

— А я тебе говорю — читай! — рявкнула подруга. — Разрешаю! Может, хоть ты что-нибудь поймешь!

Уступив жгучему любопытству, Лестана взяла плотный лист бумаги, испещренный уже знакомым почерком, прислушалась к себе. Но в душе не ворохнулось ничего, кроме тревоги — не хватало, чтобы этот сладкоречивый хитроумный красавец испортил жизнь ее названной сестре! Да, злости на него больше не было, понятно, что ради брата старался, но все-таки — разве он подходит Кайсе?!

«Доброго вам дня или ночи, госпожа Кайса... — полетели тонкие строчки. Лестана читала и действительно не могла понять, чего же хочет Брангард. — ...в этом году у нас дивный урожай яблок! Понятно, что с теми, которые привозят из Арзина, им не сравниться, но зато кидаться ими удобнее, они поменьше и гораздо крепче! — Лестана невольно улыбнулась, вчитываясь внимательнее. — Кстати, я забрал ваш выигрыш на ярмарке и собираюсь привезти его, как только смогу, вместе с другими вещами, которые вы у нас оставили. Лейв и Рогволд передают нижайший поклон и преисполнены восхищения, именно поэтому я честно признаюсь, что постараюсь держать их как можно дальше от вас, госпожа Кайса. Взамен обещаю таскать вашу корзину, как только вам это понадобится!..»

Строчки все летели и летели, складываясь в насмешливые легкие слова, рисующие картину ранней осени в Волчьем городе. Брангард писал о садах, где ветви ломаются под тяжестью яблок, о каких-то местных цветах, которые после дождя пахнут так, что порядочные Волки не могут пройти мимо, не чихнув, и о том, что рассветы разгораются все позже, а закаты — все раньше, и в Волчьем дворце пахнет свежим хлебом нового урожая, а зимой будут варить вино с медом и специями...

Лестана читала, и сердце ее щемило сладко и горько одновременно. Если бы Брангард так написал ей... Если бы для нее была эта осторожная и вместе с тем отчаянная надежда, сквозившая в строчках! Ни слова о красоте и достоинствах Кайсы, как писали бы другие! Ух, как бы Кайса его высмеяла за такое! Только спокойный и вместе с тем пронзительный рассказ о земле, которую младший сын вождя очень любил и пытался рассказать, как она прекрасна, девушке, которая ему очень нравилась.

Да, если бы Брангард писал так ей... Хорошо, что это было написано Кайсе, потому что Лестана хотела получить такое письмо совсем от другого Волка. Того, кто лучше владел кулаками и мечом, чем пером. Того, который мялся, не умея расточать похвалы, что легко слетели бы с губ любого из Котов, например. Того, который не говорил, а делал, не рассказывал, а защищал и заботился. Брангард не становился от этого хуже! Теперь Лестана верила, что Кайса не зря вздыхает, получив это письмо, написанное между строчек. Но ей самой были бы дороже две-три скупые строчки, написанные другой рукой. Да хоть одна! И там, наверное, было бы что-то вроде: «Подрался, победил, возвращаюсь...»

Она невольно улыбнулась, возвращая письмо Кайсе, и убежденно сказала:

— Он приедет. Точно приедет. А там уж ты сама решаешь.

— Как приедет, так и уедет, — буркнула Кайса. — Если совсем ничего не поможет, покажу ему своего зверя. Никто еще не выдержал! Спорим, даже твой Волк испугается?

Лестана представила Хольма, изумленно глядящего на Кайсу в зверином облике, и снова улыбнулась.

— А если нет? — уточнила она. — То есть если Брангард не испугается?

— Вот тогда и думать буду, — решительно сообщила Кайса.

Хольм неторопливо добрал до храма, чувствуя странную пустоту в душе и мыслях. Так бывает после особенно тяжелого боя, когда выложишься целиком, выжмешь досуха все силы, отдав их за победу. А еще иногда так бывало перед самым боем. Силы вроде бы все при тебе, но кажется, что еще шаг — и нога встретит пустоту, а не надежную землю, и ты окажешься где-то между небом и землей, между жизнью и смертью.

«Что висит между небом и землей? — вспомнил он совсем уж детскую загадку и сам себе ответил: — Конечно, Луна, что же еще. Вон она... Недавно встала! Круглобокая с одной стороны, с другой — лунные мыши отгрызли увесистый кусок...»

Он прислушался, но ничьих шагов не разобрал, только кузнечики старались напоследок, зная, что скоро начнет холодать. В Арзине лето длится дольше, но зима все равно вступит в свои права. Интересно, она здесь такая же морозная и снежная, как дома?

«Тебе этого не узнать, — напомнил он себе безжалостно. — Разве что пригласят погостить! Но это вряд ли. Никто не любит вспоминать тяжелые времена, а лекаря зовут в дом, когда надо вскрыть нарыв, после этого он не нужен. Рассимор обещал тебе награду, но вы оба понимаете, что это будет золото, оружие, какие-то редкости... В общем, совсем не то, что взял бы ты сам. А то, чего ты хочешь, наградой не взять, потому что желанная девушка — не вещь».

Он не стал входить в храм, а обошел его сбоку и увидел, что в одном месте ветви дикого винограда сплелись в подобие беседки с тремя ажурными стенами и крышей. Там, где беседка переходила в сад, лежал обломок белого мрамора размером с большой пень, и Хольм присел на него, вытянув ноги и любуясь красотой вокруг.

Вдали темнели деревья и высились дворцовые стены с черными и золотыми провалами окон. Хольм нашел взглядом башню Мираны, равнодушно посмотрел на окно, из которого прыгал, — отсюда высота казалась нестрашной. А может, и была такой. За последние дни у него сильно изменилось мнение о том, что действительно страшно.

Страшно — узнать, что у тебя в семье враг, способный ударить в спину. Страшно, когда дорогая тебе девушка плачет от боли и безнадежности, а ты бессилен помочь. Страшно, когда боишься предательства от родного брата, а потом не можешь доказать свою невиновность. Страшно, когда знаешь, что еще несколько дней, пара недель — и жизнь снова круто изменится, причем тебя никто не спросит, хочешь ли ты этого. А высокое окно или дерево... Этот страх можно пережить, если нужно.

«Ну и что я буду делать, когда все закончится? — спросил Хольм у равнодушного полукруга Луны над головой. — В Арзине меня никто не оставит даже простым дружинником, Рассимор понимает, что я не смирюсь с потерей Лестаны и могу натворить глупостей. Домой тоже не вернуться. Там Сигрун и Бран, который разорвется между нами. В другой клан я и сам теперь не поеду заключать брачный союз. Только не после Лестаны. Ну и что делать-то? В наемники податься? Мерзко... Еще я чужой кровью на жизнь не зарабатывал! А земли давно поделены между кланами, и свободные есть только далеко на Севере, где они никому не нужны, и в жарких степях, где тоже не выжить. Впрочем, если не убивать за деньги, как те же Росомахи, а наняться в купеческую охрану, то прожить можно... Смешно только, я — и купеческая охрана. Вот позор клану будет...»

Он передернул плечами и снова вдохнул ночной холод, напоенный запахами травы, листвы, каких-то мелких зверюшек... Наверное, надо было войти в храм — ну не зря же их строят! Жрицы говорят, что в храме легче дозваться до Луны или Матери рода, но Хольм в это не особо верил. Это как звать. Вон, Рудольф орет в бою так, что его наверняка и Луна слышит, не то что все вокруг на три полета стрелы. К Луне, конечно, обращаются не земным голосом плоти, а душевным, но и тут важно, кто и как зовет. Его, Хольма, Луна не услышала, когда дома он молился о справедливости!

«Ну и зачем ты тогда нужна? — подумал он с неожиданной злостью. — Только для того, чтобы светить по ночам? Чтобы отмерять время и раз в месяц устраивать праздник? Да еще, говорят, женщинам ты необходима для отсчета дней... ну и охотиться при твоём свете веселее и удобнее. Но

поклоняться-то тебе за что?! Разве Лестана не просила тебя о милости, как и я в свое время?! Разве Рассимор не умолял покарать убийцу своего сына? Чем ты помогла маленькой Кайсе, от ужаса спрятавшейся в звериную шкурку? Может, жрицы вообще врут! Может, это не ты даешь нам зверя, а он с нами сам по себе, с рождения, как руки и ноги?! Сделай хоть что-нибудь, Луна! Я чтил тебя всю жизнь и никогда ничего не просил, потому что воину просить стыдно. Но сейчас мне действительно нужна помощь. Не для себя! А ты... ты молчишь! Лампа глупая!»

Голова закружилась от безмолвного вопля, который рвался из самых глубин сердца, и Хольм почувствовал, как рот наполняется соленым, — он случайно прикусил губу. Резко выдохнул, вставая...

— Ну ты и наглец, Волчонок, — негромко и очень мягко сказал позади него женский голос.

Холодея от ужаса, ледяной россыпью прокатившегося по спине, Хольм обернулся. Она стояла в трех шагах от него, не дальше. Самое обычное лицо, тонкое и словно лишенное возраста, венец из толстых кос, то ли серебряных, то ли седых — не понять. Белое одеяние жрицы, но ничем не расшитое и без единого украшения, а ноги — босые. Простая женщина, если бы... Если бы только стена храма не просвечивала отчетливо через ее плечо.

— Прости, госпожа... — выдохнул Хольм.

— За что? — подняла она тонкие брови. — Отказываешься от своих дерзких слов?

— Нет, — упрямо покачал головой Хольм. — Не отказываюсь. Мне нужна твоя помощь, но не для себя. Только я отчаялся ее получить!

— Думаешь, ты единственный, кто взывает ко мне помощи? — улыбнулась она блекло и грустно. — Каждый час и миг летят ко мне сотни молитв и просьб. Волки и Рыси, Бобры и Медведи, Росомахи и Лисы... Все вы мои дети, но даже одному ребенку мать не всегда может утолить его нужды, а вас — бесчисленное множество.

— Понятно, — кивнул Хольм. — Что ж, тогда благодарю за великую милость. Не сердись, что оторвал от дел. Мы как-нибудь сами.

— Наглец, — повторила женщина, от одного вида которой у Хольма замирало сердце и хотелось упасть и ползти к ее ногам на пузе, прижав уши и виляя хвостом. — А вам и придется все делать самим. Думаешь, почему я никогда не исполняю ваши молитвы? Да просто вы не знаете, о чем просить. Закон жизни и смерти таков, что каждый должен сам выбирать свою судьбу и идти выбранным путем. У тебя есть враг? Прости его или убей — это твое право. У тебя есть друг — защити его или предай, ни награды, ни наказания от меня не будет. Вы сами вольны в своей жизни и смерти, Волк.

— Тогда зачем это все?! — отчаянно выдохнул Хольм. — Зачем ты связала нас с Лестаной? Зачем назначила именно ее моей парой?!

— Да ни за чем, — утомленно вздохнула женщина. — Ну с чего вы взяли, что истинная пара — это обреченность? Это всего лишь возможность. Если ты видишь хвост оленя, мелькнувший в кустах, разве ты можешь съесть его прямо там? Оленя сначала нужно догнать, убить, освежевать... Истинность пары — это обещание, что вы будете счастливы, если все сделаете правильно. Но разве это неверно для любой другой пары, не истинной? Просто кому-то в этом мире достается на охоте олень, а кому-то заяц, и тот худой. Но оленя и завалить посложнее, верно?

— Так это... не награда? — осенило Хольма. — Истинная пара — это испытание?

Женщина усмехнулась бесцветными бледными губами, и Хольм ощутил глупую, но невозможно горькую детскую обиду. Словно ему только что сказали, что он не Волк, каким себя считал всю жизнь, а... крот! Слепой! И даже прозреть не сможет!

— Конечно, испытание, — согласилась Луна. — Как и все на свете. Каждое мгновение своей жизни вы делаете крошечный выбор, но иногда наступает особый миг, и тогда выбор способен увести вас по иной дороге, которую вы даже представить не можете. Впрочем, хватит слов. Ты дозвался меня, Волк, так что можешь попросить. Если бы ты знал, как тебе повезло! Нечасто возле храма столь древнего и святого, напоенного силой множества молитв... начинает орать такой шумный нахал и дуралей. Как тут не услышать? Так что проси. Но помни, я не исполняю желания, которые вы можете исполнить сами.

И она снова усмехнулась то ли глумливо, то ли всерьез.

— Попросить... — Хольм лихорадочно замер, пытаясь осознать то, что только что услышал. — Но это что получается?! Я не могу попросить здоровья для Лестаны?!

— Не можешь, — равнодушно подтвердила Луна. — Исход этого желания зависит от ее молодости, силы и здоровья до этого, от искусства целителей, от желания самой Лестаны выздороветь, ну и от твоего желания ей помочь. Вот это все, перемешавшись, и определит победу или неудачу твоей возлюбленной Рыси.

— А... наказать Ивара?!

— У тебя что, рук и головы нету? — взметнулись тонкие белесые брови в издевательской гримасе. — Что ж, тогда пусть этим занимаются Рассимор, Арлис и прочие Коты.

— И с Мираной то же самое, так? — лихорадочно уточнил Хольм, получив в ответ едва заметный небрежный кивок. — И... ну понятно, про себя я и спрашивать не буду. Все сам, да? Лапами, зубами... тьфу — руками!

— Все сам, — повторила Луна. — Именно так. Я не выполняю желания ни хищников, ни добычи, потому что они просят о разном. Ты сразишься с Иваром, и победа достанется самому сильному, умному и удачливому. Что ж, если ты не знаешь, о чем просить...

Она поблела, словно собираясь растаять в воздухе, и Хольм торопливо вскрикнул:

— Нет, погоди! Пожалуйста! Ладно, пусть это глупо... но... подари мне чудо! Чудо я точно сам устроить не могу.

— Что? — как-то очень по-человечески переспросила Луна. — Чудо?

— Ну да! — выдохнул Хольм. — Я понял, нельзя просить то, что мы можем сделать сами. Но я хочу подарить Лестане чудо! Настоящее! Чтобы она улыбалась, чтобы отдохнула от этого всего, чтобы... обрадовалась, понимаешь?! Я бы сам для этого что угодно сделал, но не знаю — как. Да и чудеса не по моей части!

Луна смотрела на него так странно, что Хольм решил: вот сейчас ка-а-а-к даст по ушам! Или по обнаглевшей морде! Но узкие бесцветные губы снова тронула улыбка.

— И какое же чудо ты хочешь, Волк?

— Не знаю, — честно признался Хольм. — Для себя — сразу придумал бы, но это же не мне. Такое, чтобы она точно обрадовалась! Ты же... ты же Луна! Тебе все про нас известно, если жрицы не врут!

— Ну ты и задал мне задачку, — с веселым удивлением сказала женщина, и ее лицо слегка прояснилось, даже посветлело и показалось моложе. — То, что ее порадует? А заплатить согласен? Даром в этом мире даже я ничего не даю.

— Да понял уже, — вздохнул Хольм. — Согласен. Только у меня нет ничего. Одна шкура — и та сейчас нужна не для себя. Может, я отработаю как-то? Потом? Честное слово!

Луна рассмеялась, звонким чистым смехом, про который говорят — «серебряный». И лицо ее стало еще моложе. «Ну да, — в полном ошеломлении подумал Хольм. — А что странного? Она каждые три десятка дней стареет и молодеет, природа у нее такая».

— Отработает он... — веселилась белобрысая девчонка едва ли не младше Лестаны. — Ой, не могу... Отработает! Зайцев наловишь или соболей на шубу? Ну, насмешил... За такое... да, за такое не жалко! Но заплатить тебе все равно придется. Давно возле первого арзинского храма не лилось крови, а уж добровольно отданной — и вовсе мало припомню. Угостишь эту землю, Волк?

Хольм провел по поясу рукой и досадливо поморщился — ножа так и нет. Точно как голый!

— Протяни руку, — сказала Луна, темнея лицом, словно на серебряный диск набежало облако. — Я возьму столько, сколько сам пожелаешь отдать, но и чудо будет тебе по мерке твоей щедрости.

Хольм протянул руку, сначала правую, потом поспешно поменял и закатал рукав на левой, свободной от обручальной ленты. Лунный свет, струившийся с неба и мягко обрисовывающий женскую фигуру, вдруг сгустился. Прародительница всех оборотней небрежно выхватила из него четкий острый луч, яркий, как начищенная сталь, и провела им, словно лезвием, по руке Хольма поперек.

«Хорошо, что не вдоль, — равнодушно подумал Хольм, глядя, как капает на землю темная в лунном свете кровь. — Легче рана закроется. Если, конечно, все выйдет хорошо...»

— Иди! — велела Луна. — Окропи землю влагой своей жизни и подумай о той, для кого попросил чуда. Знаю, что со словами у тебя не очень, но хоть головой поработай! Эти мне мужчины!

Молча повернувшись, Хольм шагнул на поляну, заросшую мягкой низкой травой. Знакомой какой-

то... Потянул носом легкий аромат, вспомнив, как дома заваривали для питья листья с этим запахом. Земляника! Запах Лестаны, его Рыси! Это она пахнет земляникой, родниковой водой, лесным мхом и счастьем...

Сложенная ковшиком ладонь, куда стекала струйка крови, наполнилась, и Хольм, размахнувшись, плеснул перед собой. Капли крови разлетелись в траву, невидимые ночью. Он стиснул кулак и поработал им, чтобы кровь бежала быстрее — а чего тянуть? И снова вылил ее в траву. А потом еще, и еще... В глазах уже темнело, когда рядом раздался тот же серебряный голос:

— Ну хватит, хватит. Щедрость тоже бывает глупой. Не пожадничай, признаю. Будет тебе твое чудо. Приходи сюда на рассвете со своей Рысью.

— А... какое? — жадно спросил Хольм, быстро обернувшись, но женщины в белом уже не увидел, только светлое призрачное пятно упавшего через прореху в тучке лунного света.

— Настоящее! — прорезалось в ее голосе раздражение. — На которое время нужно. Поэтому на рассвете! Брысь отсюда, нахал! Совсем своей богине не доверяешь! И учти, милость моя дается только один раз! Как я и говорила, все остальное придется делать самому. Лапками!

К раздражению добавилось ехидство, и голос окончательно смолк.

— Благодарю! — запоздало крикнул Хольм и побрел в сторону дворца, размышляя, сможет ли залезть в окно.

На рассвете, значит? Ну что ж, просыпаться на рассвете ему не впервой!

Дойдя до нужного окна, Хольм подпрыгнул, не без труда подтянулся, влез в него и отдышался. Хотелось глупо улыбаться от простого понимания, что окно осталось открытым. Может, конечно, по неосторожности, но тогда его закрыла бы Кайса, а оно — вот оно! Ждало его...

Превращаться сил не было, и он завалился в кресло как был, одетым, прикрыв глаза и велел себе проснуться на рассвете, не раньше и не позже.

Лестана открыла глаза и поняла, что ее куда-то несут. Осторожно, медленно, стараясь не разбудить... Сердце тревожно застучало, и она дернулась, но сразу услышала торопливый знакомый голос:

— Тихо! Это я! Все хорошо.

— Что случилось? — прошептала Лестана, открывая глаза.

Мелькнула занавеска ее спальни, потом в лицо ударил холодный воздух, и Волк, что нес ее, прижимая к себе, виновато сказал:

— Потерпи немного, пожалуйста. Сейчас придем, и я тебя в плащ закутаю. Здесь недалеко.

— Да что случилось? — повторила Лестана, пытаясь заглянуть ему в лицо.

Пожар во дворце?! Медведи напали?! Ивар с Мираной подняли бунт?!

Но Хольм был подозрительно спокоен, а дворец крепко спал, если судить по тишине. Лестана завертела головой, пытаясь понять хоть что-нибудь, вытянула шею... Ничего! Обычный сад, знакомый ей каждым деревцем, кустом и веткой. Здесь не сажали розы и прочие роскошные ароматные цветы, как на площади перед дворцом, по обычаю сад сохранялся как можно более диким, только траву скашивали, чтобы было удобнее ходить. Платье Лестаны мгновенно стало влажным из-за росы, что лежала на каждом листе и травинке, пропитывала воздух и обволакивала все вокруг.

— Я все расскажу, — пообещал Хольм. — То есть покажу. Ничего страшного, ты только не волнуйся!

Голос у него все-таки был странный, неуверенный, словно Волк сам не до конца верил в то, что говорил. Но Лестана все равно успокоилась ровно до того момента, как поняла, что одета только в рубашку, а несет ее, прижав к широкой груди, чужой мужчина!

То есть не совсем чужой, конечно, а законный супруг, но... это же не настоящий брак! С другой стороны, Хольм с самой первой ночи ведет себя именно как муж. Заботится, оберегает... У них только в постели ничего нет — и Лестана покраснела, подумав, что если бы могло быть, брак стал бы совсем настоящим. Но можно ли тогда считать Хольма ее мужем прямо сейчас? Или дело все-таки в намерениях? Они заключили союз перед алтарем не слишком честно, собираясь его расторгнуть... Ох, голова кругом идет! И куда он ее все-таки тащит?!

Стены храма выросли впереди неожиданно, и Лестана едва не ахнула, закусив губу. В голову

немедленно полезло всякое: вдруг Хольм решил разорвать их договор?! Так очень редко, но все-таки бывает. Нужно вернуться к алтарю и разбить брачные браслеты в присутствии свидетелей, назвав причину расторжения брака... Но почему?!

Волк прошел мимо входа в храм, завернул за него и вышел на любимую поляну Лестаны. Не сбавляя шага, ухитрился скинуть с плеча плащ, который нес, освободил одну руку и расстелил плащ по мраморной глыбе, а потом посадил Лестану на него и закутал теплыми полами. Она ахнула от неожиданности, но с глыбы не упала, только вцепилась в руку Хольма, чтобы удержать равновесие.

— Смотри! — сказал Волк то ли виновато, то ли смущенно.

Из-за высоких деревьев у дальней границы сада всходило солнце, заливая его дивным розово-золотым светом. Каждый листик и травинка, покрытые росой, вспыхнули так, словно были усыпаны драгоценными камнями. Бескрайнее небо переливалось голубыми, бирюзовыми, сиреневыми тонами, только от солнца распространялся теплый ореол, и мир в этом перламутровом блеске был так прекрасен, что Лестана затаила дыхание. А потом снова глянула на траву и едва не закричала от восторга и неожиданности.

Земляника! Алая и багряная, крупная, блестящая! Каждая ягодка — на подбор! Ее любимая земляника, которую никто не смел тронуть на этой полянке, которой она делилась только с матушкой и Кайсой, да и то они смеялись и оставляли ей любимое лакомство, зная, что Лестана ждет его каждый год с нетерпением. Но... как?!

Она ведь отошла в самом начале лета! Лестана собственными руками собрала здесь каждую ягодку, заглянула под каждый листик... Да и земляника в этом году была не очень удачная, мелковата и особенной сладости не набрала. Только и удовольствия, что душистая. И все равно Лестана могла есть ее горстями, но только ту, что собирала сама. Принесенная слугами — совсем не то...

— Ты посиди, а тебе соберу! — тем же напряженным голосом сказал Хольм. — Сможешь?

Она кивнула и крепко взялась ладонью за край мраморной глыбы. Действительно, самой дотянуться до ягод не получится, но если их наберет Волк, то... это почти как если бы она сама собирала!

Сделав пару шагов вперед, Хольм принялся быстро обирать кустики, где уже и листья слегка пожухли, но ягоды краснели, нарушая все законы круговорота года. Лестана точно знала, что здесь уже два с лишним месяца никакой земляники нет и быть не может! Но вот же она!

Набрав первую горсточку, Волк вернулся, и Лестана протянула ему свободную ладонь. Однако не рассчитала — его ладони оказались гораздо вместительнее, и лишняя земляника посыпалась на мрамор и колени, укрытые плащом. Вскрикнув, Лестана принялась хватать ее обеими руками, забыв, что надо держаться! И опомнилась только, почувствовав, как Хольм придерживает ее за плечо. Совсем чуть-чуть, просто не давая потерять равновесие.

— Спасибо! — прошептала Лестана, еще сильнее краснея. — Я могу сидеть, правда...

— Ну и хорошо, — обыденно сказал Волк и опустился перед ней на колени.

Собрав чистые крупные ягоды и снова высыпал их, только теперь прямо на мрамор рядом с Лестаной. Сказал, вздохнув:

— Дурак я, надо было с собой хоть миску взять или корзинку какую-то. Ты ешь, а то домой ее нести не в чем. Да и вкуснее прямо с куста.

Лестана завороченно высыпала ягоды из ладони в рот, и сладкий душистый сок брызнул на язык. На миг она прищурилась от полного счастья, а потом открыла глаза и умоляюще посмотрела на Хольма.

— Вкусно как... — прошептала, еще не веря в случившуюся вдруг сказку.

— Это хорошо! — с непонятым облегчением выдохнул Волк и отправился снова собирать землянику.

К мраморной глыбе он возвращался еще два раза, каждый — с полными горстями. Высыпал ягоды Лестане в ладони, сколько помещалось, а остальное — горкой рядом с ней. И пока набирал новые, она бросала принесенные земляничины в рот, пока не спохватилась:

— А ты?! Хоть попробуй!

— Что я, земляники никогда не ел? — улыбнулся Хольм уже виденной ею улыбкой, от которой сердце снова застучало, но не тревожно, а сладко и томно. — Это тебе. Считай, что мой подарок.

— На день рождения? — тоже улыбнулась Лестана, слыша, как в разных уголках сада начинают

петь птицы, которые до этого молчали.

— Нет, — подумав, отозвался Хольм. — Это просто так. Может, на день рождения я тебе что-то другое подарю, а может — и не смогу. Зачем ждать какого-то дня, чтобы сделать подарок? Их надо делать всегда, как только получается.

Он собрал последние ягоды с особенно большого куста, самые крупные, подошел и высыпал их Лестане в ладони. А потом сказал, задумчиво окинув ее взглядом:

— Не нравится мне, что ты на камне сидишь. Говорят, это женщинам нехорошо, а плащ тонкий. Ну-ка...

И снова подхватил ее на руки, так что Лестана едва не взвизгнула, но удержалась и даже землянику не рассыпала. Только зажмурилась снова на миг, а когда открыла глаза, оказалось, что на камне теперь сидит Волк, а она — у него на коленях, плотно закутанная в плащ, только руки, полные ягод, торчат из складок.

— Вот так лучше, — тем же спокойным ровным голосом сказал Хольм, и Лестана поняла, что он и правда не видит в этом ничего особенного.

А раз так, то чего ей стесняться?! Она ведь не голая! Да и нет поблизости никого... И это, между прочим, ее муж, пусть об этом никто и не знает!

Она развернулась боком, устраиваясь удобнее, и вдруг увидела то, что раньше не замечала. На рукаве светлой рубашки Хольма немного выше левого запястья проступило темно-красное пятно. Сок земляники? Нет, оттенок другой...

— Что у тебя с рукой?

Она попыталась присмотреться, но Волк одернул рукав и прикрыл его складками плаща, небрежно пояснив:

— Да пустяки, за гвоздь зацепился, наверное, когда в окно лазил.

— Сильно поранился?

— Совсем чуть-чуть, — улыбнулся он, судя по голосу. — Рубашке больше досталось, а у меня уже все зажило. Я же Волк! На мне все заживает — куда там собакам...

— Все равно потом Аренее надо показать, — виновато вздохнула Лестана. — На всякий случай. А ты еще меня нес... Хольм, ты так ни одной ягоды и не съел! А земляника вкусная — никогда такой не ела! На!

Она протянула сложенные ладони, ожидая, что Волк возьмет из них ягоды. Он и взял — наклонился и подхватил одну ягоду губами, заодно коснувшись ими запястья Лестаны. Поднял черноволосую растрепанную голову и улыбнулся.

— Вкусная, да.

Непонятное облегчение снова прозвучало в его голосе, как будто Хольм и сам не ожидал, что ягоды будут сладкими.

— Как ты это устроил? — снова почему-то шепотом спросила Лестана. — Ну как?! Откуда здесь опять земляника?! Никогда она второй урожай за лето не давала, так просто не бывает! Если это мой подарок... то я хочу знать, как ты его сделал?!

— Не скажу, — ухмыльнулся Волк. — Хотя... дашь еще одну ягоду?

— Хоть все бери! — вспыхнула Лестана. — Вот!

— Не-е-е-е... — протянул этот хитрый нахальный Волчара, которого она недооценивала. — Мне одну!

И снова выхватил губами земляничину, не упустив случая поцеловать Лестане руку. Да еще не просто коснулся, а скользнул губами по запястью, почти коснувшись ими собственного бывшего шнурка, что теперь носила Лестана.

— Ну?! — нетерпеливо выдохнула Лестана. — Как?

— Третью! — потребовал обнаглевший Волк. — Честное слово, тогда скажу.

— Ладно, — уступила Лестана. — Но ты обещал!

— Ага, — подтвердил Волк и принялся вдумчиво выбирать ягоду в ее ладонях.

Медленно! Касаясь губами то одной земляничины, то другой... И, конечно, чистой случайностью было, что при этом он то и дело целовал пальцы, запястья, ладони... Щеки Лестаны горели румянцем уже давно, а теперь и вовсе запылали. Жар покатился вниз, наполняя все тело, расходясь по нему сладкой волной, пока не остановился внизу живота, заставив Лестану замереть в истоме.

— Хольм... — выдохнула она предательски сбившимся голосом.

— М-м-м? Ах да... — Волк поднял на нее пьяные, совершенно шальные глаза, синие, как сегодняшнее небо, и такие же яркие. — Очень просто! Я Луну попросил! И она за одну ночь вырастила землянику... Лестана, а ты знаешь, что сама ею пахнешь? Сладко...

Он потянул носом, а потом потянулся весь, пытаясь уткнуться лицом ей то ли в шею, то ли в макушку.

— Дурак! — Сжав ладони с последними земляничинами, Лестана соскочила у него с коленей. — Ты обещал честно ответить! И вовсе я ничем... таким... не пахну... ой...

Волк смотрел на нее широко раскрытыми глазами, в которых плескался восторг и такое счастье, что Лестане тут же стало совестно. Ну за что она ему нагрubiла? Но... Ой! Ой-ой-ой!

— Ты стоишь, — с той же счастливо шалой улыбкой пробормотал Хольм. — Лестана, ты стоишь!

— Ага... — ошеломленно согласилась Лестана. — Стою... Как это?

— Чудом! — заорал Хольм и, подхватив ее на руки, закружил, прижимая к себе. — Самым обыкновенным! Настоящим! Спасибо-о-о-о-о! — заголосил он куда-то в небо, а потом все-таки уткнулся лицом в волосы Лестаны и невнятно проговорил:

— Ну вот, а ты боялась. Сколько там до конца срока? Успеешь... Теперь точно успеешь.

— Успею... — повторила Лестана одними губами и посмотрела на свои руки с ужасом.

Впрочем, тут же сообразила — это просто сок земляники. Вот рубашку Хольма жалко, теперь сплошные пятна. И непонятно даже, что сказать... Что тут вообще можно сказать, если они оба теперь знают — это их первое и последнее такое утро. Ноги покалывало, словно Лестана их отсидела, но она чувствовала, что может пойти куда угодно хоть сейчас. И это значит, что больше нет необходимости в ритуале! Нет необходимости в Хольме...

— Пустите меня... — попросила она, едва сдерживая слезы. — Я хочу встать...

Он с невероятной бережностью опустил ее на землю, придержал за плечи и, лишь убедившись, что Лестана стоит уверенно, сделал шаг назад.

Она посмотрела в синие глаза, растерянные и тоже внезапно несчастные. Губы Волка были испачканы земляничным соком... Лестана качнулась вперед, вскинула руки, неумело обнимая его за шею, и прижалась губами к его губам. Земляника... а потом то же самое, что она почувствовала, когда увидела рассвет и осыпанную росой листву, только во много раз полнее, ярче, горячее!

Хольм поймал ее в объятия, прижал к себе, и Лестана утонула в его руках, его запахе, дыхании, нежности и требовательности его губ... Голова закружилась, и из последних остатков рассудка она качнулась назад, вырываясь. Хольм отпустил ее, только посмотрел так, словно она вырвала ему сердце, и хрипло позвал:

— Леста...

— Никогда... — прошептала Лестана, глядя ему в глаза. — Больше никогда, слышишь? Не надо! — вскрикнула она и, отвернувшись, пошла к дворцовой стене, неуверенно ступая непослушными еще ногами.

Хольм молча догнал ее, молча сунул ей локоть, и Лестана оперлась на него, с мучительной остротой сожалея, что больше никогда он не подхватит ее на руки легко и спокойно, не отнесет... куда угодно! Им нельзя, нельзя этого! Или... у нее просто не хватит сил отпустить его. Может, все было бы иначе, если бы он любил ее, а не просто чувствовал себя обязанным помочь. Но она ждала его признания, почти выпрашивала, а он молчал! И молчит до сих пор! Значит, чудо закончилось. Земляничная рассветная сказка, тайну которой она так никогда и не узнает. Сладкая, но обернувшаяся самой большой горечью в ее жизни.

Они дошли до окна ее спальни, и Лестана увидела, что под стеной один на один поставлены несколько камней, образуя устойчивую лесенку. Вот как он спускался с ней на руках, значит. Предусмотрительный... Заботливый...

Придерживая подол рубашки и уже не думая ни о каких приличиях, она забралась в окно, перелезла в спальню и нырнула в постель. Едва не расплакалась, вспомнив, что так ни разу не позвала Хольма в кровать. А ведь Кайса ее предупреждала! Дура высокомерная! Теперь он навсегда запомнит, как проводил все ночи у нее на коврике перед дверью!

Боль стыда терзала изнутри, и Лестана приподнялась, чтобы позвать, извиниться, сказать хоть что-нибудь...

Волк влез в окно, аккуратно повесил на кресло влажный от росы плащ, оглядел рубашку, испачканную земляникой, но будто в кровавых пятнах, и снова снял плащ, набросив его на плечи и запахнув так, чтобы прикрыть следы от ягод.

— Сладких снов... — сказал, не глядя на Лестану, и вышел, прикрыв за собой дверь.

Лестана уткнулась в подушку и затряслась в беззвучных рыданиях, все еще чувствуя на губах вкус его губ и земляники. Самый чудесный подарок в ее жизни! Выздоровление! Свобода! Разве не этого она хотела?! Почему же так горько?

Глава 26

Поминальная охота

— А хорошие у вас тут места, — жизнерадостно сказал Хольм, принимая у Тайвора стрелу с окровавленным наконечником. — Богатые на дичь.

Перепелку, из которой стрела была вытащена, Тайвор сунул в здоровенную охотничью сумку-ягдташ, уже забитую почти доверху, и снова вскочил в седло. Хольм под устремленными на него взглядами лучезарно улыбнулся и пожал плечами, будто извиняясь. Мол, что поделать, опять успел чуть-чуть раньше вашего наследника.

— Не расстраивайся, Ивар, — продолжил он самым сочувствующим тоном, на который был способен. — Остальные все твои. Куда мне столько? Размялся — и хватит!

Полюбовался бледным от злости лицом соперника и небрежно добавил:

— А хочешь — и тебе настреляю! Не дело наследнику возвращаться из леса с пустой сумкой. Понятно, ты просто крупного зверя ждешь, зачем тебе эти перепелки? Мне и самому стыдно, что Тайвора за такой мелочью гоняю, но как удержаться? Они только — фрррр! И стрела сама срывается! Прямо завидую, как ты можешь удержаться и не выстрелить?! Вот это сила воли!

Позади них двоих отчетливо послышался смехок кого-то из охранников. Причем это был не Тайвор, который ехал по правую руку от Хольма, так что усмехнулся кто-то из Котов Ивара, и тот отлично это понял.

Хольм, придерживая поводья, снова наложил стрелу на тетиву. Золотисто-гнедой жеребец, сегодня утром подаренный ему вождем, шел ровной мягкой рысью, иногда прядая ушами и ревниво косясь на других коней. Всадника он принял сразу, стоило Хольму одной рукой дать ему здоровенную морковку, а второй — выразительно показать кулак. Жеребец фыркнул, морковку взял, на кулак покосился задумчиво и пошел под седлом просто замечательно. Добрый конь, доброе оружие — чего еще желать? Хорошо бы, конечно, компанию другую, но с этим уже ничего не поделать.

Вождь с Арлисом держались немного поодаль справа, окруженные знатнейшими оборотнями Арзина и охраной. Там блестела на солнце богатая сбруя коней и украшения их хозяев, пестрели дорогие наряды. Хольм искренне не понимал, зачем на охоту надевать то, что жалко испачкать кровью, но в чужие обычаи не лез. Положено тут выезжать, хвалясь друг перед другом золотом, шелками и оружием, за которое можно купить пол-ярмарки, — это их кошачье дело.

Но всех, кто поехал с вождем, он цепко запомнил и в лицо, и по запаху, насколько это было доступно его человеческой сути. Тем более что было их не так уж много. Кое-кто отговорился нездоровьем, и Рассимор позволил им остаться дома.

Предполагаемый отец Ивара, он же казначей Арзина, держался незаметно и даже одет был поскромнее других, но Хольм поймал его взгляд и едва не поежился, таким острым тот оказался. Зато Мираны на охоте не было, но это, как понял, Хольм, никого не удивило. Жрица никогда не выезжала на охоту, даже на эту, поминальную. Жена вождя тоже осталась дома. Ну, понятно, куда хрупкой болезненной женщине такое напряжение. Как она в Рысь-то оборачивается?!

Впрочем, судя по тому, что неполноценной мать Лестаны не считали, зверя она все-таки призвала. Пусть даже один-единственный раз, но этого по обычаю достаточно. Не у всех детей Луны сильна звериная природа, многие всю жизнь проводят в человеческом облике и таких, как говорят жрицы, все больше. Да, быть зверем сладко, это пьянящее ощущение собственной силы и жгуче острое восприятие мира вокруг.

Но зверь не может заниматься ремеслами, писать картины или резать по кости и дереву, лить металл, засеивать поля и ухаживать за домашним скотом. Он даже детей может научить лишь тому, что составляет звериную жизнь — охоте и выживанию. Ему недоступно слишком многое из того, что нужно и дорого человеку. И чаша весов все чаще клонится в сторону людского облика...

Лестана с Кайсой ехали слева. Единственные женщины среди охотников, они держались в стороне от всех и даже охрану отослали, заявив, что не желают чужих ушей, а бояться чего-то, когда рядом столько отважных мужчин, просто глупо. Заявила это, конечно, Кайса, причем на слове «отважных» так насмешливо стрельнула взглядом в сторону Ивара, что за одно только это, будь она мужчиной, можно было бы позвать в круг.

Лестана промолчала, и Хольм тщетно пытался встретиться с ней глазами, а потом и пытаться перестал. Сегодня главное совсем другое. Она должна остаться жива и невредима, а остальное... Оно решится потом, если будет, кому решать. А пока что Лестана невозмутимо выдерживала жадные и любопытные взгляды, ни словом, ни взглядом не показывая, как ей сложно возвращаться

к роли возможной наследницы после всего, что случилось. Хольм всей душой хотел бы помочь, но это был ее бой и ее круг, а вместо одного соперника в нем Лестане противостоял весь Арзин.

Хольму же досталось общество Ивара. Как заметил Коготь с ядовитой любезностью, которая никого не обманула, сыновьям вождя всегда найдется, о чем поговорить. Вот Хольм и разговаривал. Хвалил арзинский лес, восхищаясь каждым ручейком и оврагом, мимо которого они проезжали, вспоминал состязание по стрельбе — от этого Ивар прямо-таки зубами закрипел! — и спрашивал, на какого зверя больше всего любят охотиться Рыси. В общем, вел себя, как жизнерадостный дурак, пенек мохнатый и дикий-предикий Волк, очень старающийся быть учтивым. Брангард бы оценил!

Коты Ивара отмалчивались, как и положено охранникам, которых взяли на охоту не ради болтовни, но самому Ивару молчать не позволяли приличия, и он сдержанно отзывался на глупости, которые радостно нес Хольм, но закипал все сильнее.

А потом из-под конских копыт начали взлетать перепелки, которых здесь оказалось превеликое множество. И Хольм, возблагодарив Луну за такой подарок, сорвал с плеча лук, все тем же глупым радостным тоном предложив Ивару пострелять на спор. Как в Волчьем городе!

Ивар, опять отчетливо скрипнув зубами, состязание не принял, но и не отказался напрямую, и это стало его ошибкой. Примерно час после этого Хольм открыто и нагло глумился над ним, стреляя будто бы небрежно, но именно тогда, когда сделать выстрел решал Ивар. И всякий раз попадал немного раньше, чуточку точнее, самую малость удачнее.

Тайвор сбился с ног, соскакивая с коня и бегая за подбитой дичью Хольма, но на курносой физиономии Кота цвела радостная насмешливая ухмылка, когда он подбирал очередную перепелку. Причем Хольм еще и стрелу напоказ использовал одну и ту же, пока остальные лежали в колчане нетронутыми. Особое охотничье щегольство, заметное тем, кто понимает. И сам Ивар, и его охранники видели это прекрасно, как и то, что наследнику Рысей удалось сбить всего двух перепелок, пока Хольм вертел головой и восхищался, какой прекрасный сегодня день. А стрел Ивар потерял пять или шесть...

Бегал за ними, кстати, не Гваэлис, как ожидал Хольм. Сын Авилара словно вспомнил о знатности своего рода, и в самый первый раз, когда Ивар велел ему принести стрелу, огрызнулся, предложив послать кого-то из охранников. Ивар удивленно вскинул брови, но больше о подобном не просил, и за чистенькими стрелами, зря улетевшими в очередную птичку, бегал хмурый Корин.

И с каждым конским шагом в сторону распадка, где загонщики обещали стадо оленей, Хольма все сильнее окутывала тоскливая тяжелая тревога. Она пропитывала лес, как невидимый туман, была в нос резкой вонью еще не пролившейся сегодня крови, звенела неслышным, но надсадным предсмертным криком. Никогда он не замечал за собой особой чувствительности, но сейчас готов был поверить, что и вправду существует нечто за краем жизни.

Говорят, что пролитая кровь вызывает о мести. Та кровь, что пролилась в этом лесу пять лет назад, ожидала долго, и Хольм всей своей сутью, и звериным чутьем, и человеческим разумом понимал, что из леса выйдут живыми далеко не все, кто въехал в него.

Распадок же был все ближе, и Хольм уже видел вживую те приметы, которые Арлис показал ему на карте. Вот они проехали тонкую серебряную ленту ручья, и Хольм едва удержался, чтобы не соскочить с коня и не напиться свежей воды, которая долетевшим запахом напомнила ему о Лестане. Вот на пути попался очередной овраг — и остался позади...

Хольм еще раз окинул взглядом Котов, окруживших плотным кольцом его и Ивара. Тайвор, что сегодня поехал с ним и за прислугу, и за оруженосца, держался как можно ближе, и было заметно, что ему неуютно, но дружинник старался не подавать виду. С бывшим другом он упорно избегал встречаться взглядом, Корин вообще был мрачнее тучи, и Хольм даже удивился, зачем Ивар взял его с собой. Наверное, решил, что после той позорной драки Кот мечтает отомстить.

Еще в свите Ивара были хорошо знакомые Хольму Рисал, Даррас и пятерка Котов, которых он видел в первый раз. Дружинников среди них не оказалось, только храмовые охранники, как вполголоса сказал Тайвор. Все отлично вооруженные, достаточно матерые и послушные Ивару, который среди них чувствовал себя в явной безопасности и даже весело. Ну, пока Хольм не устроил представление с охотой на перепелок. После этого веселости у наследника Арзина поубавилось.

«Восемь охранников, — вздохнул про себя Хольм. — А еще Гваэлис и сам Ивар. Он хоть и выглядит изнеженным щеголем, но это обманка. Стреляет сын Мираны точно неплохо, да и мечом наверняка умеет владеть. Гваэлис — темная лошадка, но хватило же ему ловкости и отваги броситься в драку почти безоружным, с одним лишь отравленным лезвием. Значит, десяток против нас двоих. Плохой расклад. Как ни крути, паршивый. Хуже было бы только остаться против них одному. Но кое-кто забыл, что Клык или Коготь — это не только тяжелые кулаки или острый меч».

Затрубил рог, и Хольм оглянулся на вождя с Арлисом. Там охрана растянулась вокруг высокородных, предоставляя им право встретить оленей, что вот-вот должны были выгнать на охотников загонщики. Мелькнул в просвет между дружинниками Арлис, потом сам Рассимор. Авилара нигде не было видно...

Он попытался встретиться взглядом с Лестаной, но она отвернулась, о чем-то тихо говоря с Кайсой. Сердце опять кольнула резкая тревога. Его Рысь, его истинная и единственная любовь... Кайса поклялась не отходить от нее ни на мгновение, но даже самые тщательно рассчитанные планы могут пойти ежу под хвост в любой момент. Если Хольм с Арлисом и вождем ошиблись... Нет, нельзя даже думать об этом, нельзя накликать неудачу мыслями!

Хольм повел плечами, вспомнив последние дни. Рассимор будто помолодел, сбросив тяжкий груз беспокойства за здоровье Лестаны, но тут же навалилась новая забота: было понятно, что все решится именно сегодня. Добровольно вождь Рысей власть не отдаст, Лестана вот-вот призовет Рысь, и надежды Мираны с Иваром тают, как тонкий весенний лед на солнце. Значит, ждать им нельзя... А поминальная охота, где вождь не сможет окружить себя всей дружиной, только несколькими охранниками, слишком удобный случай выиграть бой за Арзин.

И потому Лестана послушно пила лекарства и гуляла под присмотром самой Аренеи и пары доверенных дружинников, Вождь и его Коготь сбивались с лап, а Хольм, сидя у себя в гостевых покоях, смотрел и запоминал карты, снова и снова просчитывая каждый шаг, и ждал, ждал, ждал... Два дня назад его окно накрыла стремительная тень огромных крыльев, и Хольм выдохнул с облегчением. Теперь он точно знал, что даже его поражение дорого обойдется лживому ублюдку Ивару и всей его стае, сколько их там ни есть. Хотя проигрывать все равно не собирался...

Снова протрубил рог. На несколько мгновений Хольм окунулся в жадное предвкушение, накрывшее всех охотников. Гнать добычу — одна из величайших радостей, доступных и зверю, и человеку! Если бы он мог сейчас обернуться и рвануть за оленями Волком, ловя дурманный запах их ужаса, зная, что вот-вот настигнет добычу, и пасть наполнится восхитительным вкусом крови... Но сегодня у него иная охота! Куда тяжелее, страшнее и потому, что скрывать, азартнее.

Рог протрубил третий раз! И распадок содрогнулся от мощного топота копыт. Две стены холмов по обе его стороны оставили оленям один только путь. Охотники освободили его, прижавшись к склонам, потому что летящее стадо способно снести рогами и затоптать копытами кого угодно. Миг, второй, третий... Сладкое тягучее ожидание, почти любовное... Золотисто-ржавая волна показалась в дальнем конце распадка и помчалась по нему с жуткой стремительностью. Зазвенели стрелы, слетая с тетивы. И закричали первые пораженные ими олени.

Но завалить матерого рогача одной стрелой почти невозможно, для этого нужно безупречно верно попасть широким листовидным наконечником в стантовую жилу на шее, а попробуй это сделать, когда стадо мчится мимо, прикрывая друг друга и сбивая охотникам прицел. Хольм не удержался — выхватил из колчана именно такую стрелу, не легкую, для птицы или мелкой дичи, а «оленью». Бросил ее на тетиву... А потом, якобы поддавшись темной жажде, что бушевала в крови у всех вокруг, пустил коня в галоп за убегающим по распадку стадом. Рядом кричали и улюлюкали другие всадники, преследуя добычу.

Лестана — где она?! Краем глаза Хольм увидел, как скачущие Рыси делятся на два потока, потому что распадок впереди разошелся, огибая высокую скалу. Рассимор свернул вправо, там же мелькнул рослый вороной жеребец Арлиса с пригнувшимся всадником и сразу исчез в заслонивших его конях охраны.

Дальше смотреть в ту сторону Хольм не смог. Вырвавшись вперед и длинно, тягуче завывая по-волчьи, отчего ошалели не только олени, но и непривычные к этому лошади Рысей, он свернул налево, за округлый выступ скалы, куда кинулось несколько матерых рогачей. Может быть, именно в одном из них была его стрела — попробуй тут разгляди! Рядом, не преграждая ему путь, держался Тайвор, а с другой стороны — Ивар, отставший совсем чуть-чуть.

Рогачи обогнули скалу, мелькая сильными длинными ногами, вытянувшись на бегу и выгнув изящные шеи. Дальше справа скала, что рассекла распадок, уходила в землю, сменившись высоким холмом, заросшим таким густым кустарником, что травы под ним не видно было. Слева склон был крутым и голым, он серел выщербленным диким камнем, поднимаясь далеко вверх... Соловый конь Ивара вырвался вперед, еще немного... Хольм позволил ему это и ничуть не удивился, когда следом за наследником их с Тайвором начали обгонять остальные Коты. Первый, второй... пятый...

Когда примерно половина, включая Ивара, оказалась впереди, его охрана вдруг замедлилась и круто развернулась. Хольм едва не влетел в них на полном скаку, но поднял жеребца на дыбы — и услышал звонкие щелчки. Скрипнул зубами от бессильной злости и тоскливой жалости... Рухнув на передние копыта, его гнедой жалобно заржал и принялся заваливаться набок. В его шее торчало несколько «оленьих» стрел.

Вовремя вынув сапоги из стремян, Хольм соскочил на землю немного раньше, чем конь упал, и быстро оглянулся. Тайвора еще не спешили, но Кот сам осадил своего жеребца. Теперь их с Хольмом окружали два полукруга из десятка всадников, надежно отрезав путь и назад, и вперед. А вокруг высились склоны холмов и отвесы скал, образуя огромную чашу посреди левого рукава распадка.

— Ну что, Волк, нравится наша охота? — глумливо выкрикнул Ивар, красуясь в седле в десятке шагов перед ним. — Что ж ты дальше не скачешь?

Кто-то из Котов хохотнул, вроде бы Даррас, но у храмовых охранников лица остались настороженными. Это и понятно, серьезным бойцам не до смеха, пока противник еще стоит на ногах.

— А зачем? — улыбнулся Хольм, крепче сжимая одной рукой лук, что успел прихватить, когда бросил поводья, а второй — одну-единственную стрелу. — Я смотрю, дичи и здесь достаточно. Вон, какая у тебя шкурка красивая, такую на стену не стыдно повесить!

Ивар, выехавший на охоту в темно-зеленом бархате, щедро расшитом золотом, зло дернул уголком рта, и усмешка исчезла с его лица. А Хольм внимательно оглядел склоны впереди и рядом с собой. Высоко — никак не убежать. И докричаться до остальных им с Тайвором никто не позволит. Отличная ловушка! Очень умело и расчетливо поставленная на дурного Волка, который не сможет не поддаться зову охоты. А олени уже скрылись далеко вдаль, кстати... Вот пустяк — а жалко!

— Зато твою только под ноги можно бросить, — с искренним наслаждением вступил Ивар в словесный поединок, в котором чувствовал себя куда увереннее. — Да и то много чести. Летнюю волчью шкуру у нас даже слуги на коврики не берут — слишком облезлые твари!

— Это мы нарочно! — почти расслабленно отозвался Хольм. — Шкуры облезлые, уши вовсе без кисточек — ни красоты, ни пользы. А еще клыки длинные! Вот из нас коврики и не получают. Эй, Ивар, кисонька, а ты только издали языком болтать умеешь? Да за чужими спинами прятаться? Я гляжу, вы меня бояться еще сильнее стали! В прошлый раз вас только шестеро было, сегодня — уже десять!

— Для тебя и меня одного хватит, — скрипнув зубами, пообещал Ивар, а Хольм не удержался — снова внимательно глянул на склон немного впереди себя и тут же отвел взгляд.

Медленно, все так же красуясь, наследник Арзина спешил, и Гваэлис последовал его примеру, встав рядом и немного позади. Ивар неторопливо снял с седла лук...

— Ты! — бросил он Тайвору и кивком указал на землю. — С коня!

Тайвор молча послушался, спрыгнув и встав рядом с Хольмом. Руку он уронил на меч, пристегнутый к поясу, но это, конечно, не могло обмануть никого: дойди до драки, их с Хольмом попросту пристрелят охранники Ивара. Луки-то есть у всех...

«Пять шагов до Ивара с Гваэлисом, — прикинул Хольм, остро чувствуя заманчивую тяжесть собственного меча, который ему даже из ножен вытащить вряд ли позволят. — Еще пяток до трех конных Котов за ними. Там Даррас, Корин и еще один. Рисал с четверкой охранников позади... И время... Что там у Рассимора? Все ли в порядке с Лестаной?!»

— Неужели решил поединок мне дать? — поднял он брови, глядя прямо в бледное лицо Ивара, на котором горели яркие пятна возбуждения. — Вот это новость! Ты же в спину любишь бить, причем из засады! Как Лестану, как Эрлиса...

— Заткнись! — крикнул Ивар. — Ты ничего не знаешь!

— Да неужто? — Усмешка Хольма стала шире, он чуть склонил голову набок, держа взгляд Ивара своим, не позволяя ему отвести глаза. — Думаешь, ты самый умный? Хочешь, расскажу, как все было? А главное — почему! Ты ведь его ненавидел, правда? Эрлис был мало того что наследник вождя, так и сам по себе намного лучше тебя! Сильный, удачливый, щедрый... Все его любили! А он даже не гордился этим, просто принимал как должное. Да если бы он хоть понял, что ты с ним пытаешься соперничать! Так нет! Смеялся, наверное, по плечу тебя трепал, да? Как он тебя звал? Младший братец? А, нет, просто «мелкий», да? «Мелкий братец Ивар»!

Глядя в бешеную зелень глаз Ивара, Хольм подумал, что не зря часть этих дней потратил на то, чтобы еще глубже раскопать прошлое семьи Рассимора. Дружинники Гленн и Ортон, которых прислал к нему Коготь, удивились вопросу, но честно вспомнили все, что касалось отношений между наследником и его двоюродным братом. Даже то, как Эрлис шутливо звал Ивара. Ох, как это оказалось кстати! Сын Мираны взвился так, словно Хольм ему на хвост наступил.

— Замолчи! — снова выкрикнул он, болезненно побледнев. — Закрой пасть... Эй, Даррас!

— Не дашь мне договорить — не узнаешь кое-что очень важное! — торопливо сказал Хольм. — Твою матушку это не обрадует. Она скажет, что ты плохой котик!

— Пусть он говорит, — тихо, но веско уронил Гваэлис, и Коты покосились на него с удивлением.

Видимо, не привыкли, чтобы сын Авилара часто подавал голос при всех. «А ведь это он уже второй раз, — усмехнулся про себя Хольм. — Сначала отказался таскать стрелы, теперь вот командует Иваром... Линяет понемногу, показывает себя настоящего».

— Я сам решу! — с раздражением крикнул Ивар и тут же бросил: — Ну, говори, Волк. Послушаем твои бредни...

— А послушайте, — легко согласился Хольм, беззаботно улыбаясь. — Вы же меня все равно живым отпускать не собираетесь, да?

Он обвел взглядом Ивара, Гваэлиса, остальных... К тем, которые остались позади, поворачиваться не стал, все равно они ничего не решают. А вот если прервать поединок взглядов с Иваром, тот и выстрелить может. Именно в спину, как привык.

— Эрлиса на той охоте убил именно ты, — сказал он просто и веско в наступившей тишине. — Он ничего не заподозрил, когда вы повстречались. Просто не ожидал от родича. Любимого родича, между прочим. Хоть и звал тебя «мелким», но не в обиду, как ты думал. Мы, старшие братья, все такие, уж поверь. А ты с ним поболтал, потом расстался... отошел немного — и спокойно пристрелил из подаренного лука. Именно из него! Это же Эрлис тебя страшно унизил, подарив свой выигрыш, да? Сначала победил, как ты ни старался его превзойти, а потом бросил подачку... Так ты это видел, Ивар? А стрелок ты, между нами, и правда так себе. Нет, по неподвижной мишени хорошо, этого не отнять. А вот если мишень бежит, летает... Или, хуже того, огрызается! Ты же зайчиков поэтому на охоте и любишь, верно? — вовремя вспомнил он меткую шутку Кайсы. — Они в ответ не стреляют!

То ли показалось, то ли снова за спиной послышался еле заметный смешок. Ну что ж, это все-таки воины, хоть и простые охранники. А воины никогда и нигде не уважают трусов.

— Наследник клана, который боится выстрелить глаза в глаза, — презрительно сказал Хольм, добывая гордость Ивара. — Ох и славным вождем ты станешь, котик! Чую, все кланы вашей славе обзавидуются.

— Молчать... — прошипел Ивар, медленно, как во сне, поднимая лук.

— Пасть прикрой! — рявкнул на него Хольм, как на своего дружинника. — Я же первым успею!

И повел уже наложенной на свой лук стрелой.

— Ну! — продолжил он в полный голос. — Ты ведь и сам это знаешь, да?! Я успею первым! Как в Волчьем городе! Как успел бы Эрлис, если бы ты дал ему повернуться лицом! Так что прикрой пасть и слушай! Это ты убил своего двоюродного брата и пытался убить сестру, а потом свалить ее смерть на меня. Ты украл у нее зверя, потому что сам — неполноценный! Не только твоя мать сведуща в храмовых тайнах, есть и другие жрицы, которые смогут распознать колдовство на сережках Лестаны и подтвердить мои слова. Сережки ведь ты давно не проверял, да? — В глазах Ивара зеленым льдом стыл ужас, и Хольм горько усмехнулся. Вот это ничтожество едва не погубило Лестану, да и всю семью Рассимора! — И кстати, — добавил он. — Если я не вернусь с этой охоты, за дело возьмется мой брат. Волкам рот не заткнешь. И тогда не только ваш Совет, а на каждой площади Арзина узнают обо всем! Никогда не отмоешься!

— Ты... ничего... не докажешь... — мучительно прошелестел Ивар.

— Еще как докажу! — возразил Хольм. — Говорю же, ваш трюк с сережками Лестаны давно раскрыт, и сами сережки у меня в надежном месте. А что до остального... Да вот хотя бы они все будут свидетелями! — указал он небрежным кивком на Котов. — Они, конечно, должны тебя слушаться, но вот уважать... Придется тебе, котик, либо убивать эту охрану и набирать другую, либо терпеть их и знать, что они тоже все про тебя знают. Кстати, а Гваэлиса ты куда денешь? Это же он изображал тебя в твоей комнате, пока ты убивал Эрлиса в лесу. Я все понять не мог... А это же просто! Вы, Рыси, полагаетесь на слух, как мы на нюх. Но издали ни то, ни другое не работает. А глаза обмануть легче легкого! Твоя рубашка, твоя прическа... Только он чуть ниже, но за окном второго этажа этого не видно! Ни запаха, ни голоса не различить! Да что там, я сам обманулся, когда он вместо тебя на площади обнимал Ингрид. Вы решили, что если один раз это получилось, то и снова сойдет! Он стоял спиной ко всем, а приметными рубашками вы поменялись. И даже я увидел тебя, а не его! Одного не понимаю, что ты теперь собирался делать без собственного зверя? Как жить дальше и еще Арзином править? У тебя же нет Рыси! И даже украденного у Лестаны зверя ты потерял!

— Много болтаешь, Волк, — холодным звенящим голосом уронил Кот, но не Ивар, а Гваэлис. — Ну, понял ты все — и что? Легче тебе подышать с этим знанием?

— Не поверишь — еще как легче! — радостно оскалился Хольм. — Люблю, когда все ясно и понятно! Вот скажи, зачем ты Ингрид убил? Только потому, что она знала, с кем обнималась?

Память не вовремя и непрошено подсунула жаркий пряный запах, тяжесть горячего стройного тела в руках, сладкие губы... Как же неправильно и подло все оборвалось... Ингрид, глупая, ну зачем ты в это ввязалась?! Ради дурацкой мести? Из зависти? И не поняла, что в этой игре слишком высокие ставки, не по карману девчонке-Волчице, которая всего-то хотела вернуть Хольма в свою постель.

— Ну да, — спокойно отозвался Гваэлис. — Утром она бы услышала, в чем тебя обвиняют, и могла бы все рассказать. А так ее даже искать не стали, пока мы не уехали. Привыкли, наверное, что по чужим постелям пропадает. А тебя только это интересует, Волк?

В его голосе слышалась ледяная насмешка, и у Хольма впервые прополз по спине холодок настоящей тревоги. Гваэлиса он, кажется, недооценил.

— Да остальное вроде я и так знаю, — пожал он плечами. — Отравил меня в той драке тоже ты, правда? Увидел, что Арлис вмешался и вот-вот вас разгонит, ну и поторопился. Поспешись — ежиков насмешишь, как у нас говорят... Я выжил...

— И продолжил путаться под ногами, — кивнул Гваэлис. — Это все?

— Ну, почти, — согласился Хольм. — Если не считать того, что сейчас ваш с Иваром общий отец пытается убить вождя по просьбе госпожи Мираны. Семейные дела иногда такие грязные... Сплошная кровь и грязь, правда, котики?

— А вот это ты зря сказал, — очень тихо сказал Гваэлис, едва заметно сдвигаясь ближе к Ивару. — Зря, Волк...

— Ага. Теперь тебе придется не только меня, но и всех, кто здесь был, убирать! — напротив, повысил голос Хольм, зная, что Коты ловят каждое его слово.

И не только Коты.

— Да ладно! — продолжал он, чувствуя, как невидимая шерсть встала дыбом от страшного напряжения. — Нас всего-то двое! Да их... девять. Восемь, если считать охрану. Потому что, чуёт мой хвост, Ивару и так не повезет.

— Умный ты, Волк, — одними губами улыбнулся Гваэлис, а его глаза так и остались кусками зеленого льда, в точности того же цвета, что у Ивара, но гораздо пронзительнее. — Даже жалко... Если бы я раньше знал, что ты такой умный, я бы с тобой иначе играл. Я бы договориться попробовал. Тебе же Лестана нужна была, ты из-за нее сюда явился и влез своими погаными лапами в то, что тебя не касается. Так я бы тебе отдал ее!

«Влез, да-а-а... — с мстительным удовольствием подумал Хольм, даже немножко гордясь собой. — Еще как влез! И поломал все вам, умникам».

— Что ты с ним разговариваешь?! — снова выкрикнул Ивар, уже весь в красных пятнах, словно кто-то надавал ему оплеух. — Убейте его! Он знает про матушку!

— Тяжело тебе с ним, да? — спросил Хольм почти сочувственно и напоролся на два ненавидящих его взгляда, один — почти безумный, второй — холодно-расчетливый. — Всегда быть вторым при таком придурке!

— Помолчи, Ивар, — брезгливо бросил Гваэлис. — Хоть сейчас помолчи.

— Не командуй мной! — заорал сын Мираны. — Эй, вы, бейте Волка! А ты! Ты не смей говорить обо мне так, будто меня нет!

— Это он потому, что тебя и вправду нет, — уронил так же ровно Гваэлис и сделал еще шаг.

Его рука мелькнула так быстро, что Хольм едва это разглядел. Похоже, умение бить в спину в этой семье передавалось с кровью. Хорошо, что Лестана из другой ветви. Как же хорошо!

— Так ничего и не понял, — вздохнул он, глядя в изумленные глаза оседающего на землю Ивара.

Из уголков тонких бледных губ Кота сочилась кровь, наследник Арзина свалился под ноги своему брату и невидяще уставился куда-то вдаль пустыми глазами.

— Господин Гваэлис... — напряженно начал кто-то из Котов.

— Молчать, — бросил ему Гваэлис, окончательно сбросив маску тихони. — Вы все слышали этот разговор. И все знаете слишком много. Кто хочет жить, будет делать, что я скажу. Сегодня власть в Арзине поменяется. Вождя с Когтем сейчас дорезают в другом рукаве распадка. И либо вы уйдете отсюда моей свитой, либо не уйдете вообще, когда охрана отца придет сюда. Или вам этот недоносок так дорог был? Трус и предатель? Он даже с Волком побоялся сам разделаться!

Замолчав, Гваэлис посмотрел на Хольма почти сочувственно и бледно усмехнулся:

— Не вовремя же ты влез... И язык распустил не вовремя. Теперь не договоримся.

— Не договоримся, — подтвердил Хольм, медленно поворачиваясь и обводя Котов взглядом. — Ну что? Хоть поединок мне даст кто-нибудь? Вам ведь еще перед Волками за меня отвечать! Или им вы тоже тело с раной от стрелы покажете?!

Больше всего он боялся, что именно так Гваэлис и прикажет сделать. Просто велит пристрелить и его, и Тайвора, чтобы не возиться. Сам-то в круг точно не выйдет, не из того теста слеплен. А вокруг было так тихо и мирно... Легкий ветерок шевелил листья кустарника, заорал где-то в вышине канюк. Хольм вздохнул, снова отводя взгляд от равнодушных скал.

— Надо будет — покажем, — бросил Гваэлис. — Я вот вообще думаю, что это ты, Волк, нашего вождя и убил. Сошел с ума и убил. И Когтя — тоже ты. А уже потом тебя охрана расстреляла.

— Не поверят, — сообщил Хольм, выразительно качнув наконечником стрелы, все так же наложенной на лук. — И не будет у тебя, умненький Котик, союзников-Волков. А они тебе ой как пригодятся, когда Медведи узнают, что у вас такая заваруха началась. Вас ведь сейчас мягкими лапами взять можно будет! Без Рассимора да без Арлиса.

— Чушь, — уронил Гваэлис. — Это у вас все на преданности вождю держится, а у нас его заменить легче, чем ты думаешь. Будет новый вождь — и новый Коготь тоже найдется. Убейте его! — бросил он охранникам, поколебался и добавил: — Без стрел! Скажем, что в поединке погиб.

И предусмотрительно отступил, спрятавшись за всадниками.

Широко улыбнувшись, Хольм бросил лук и потянул из ножен меч. Тайвор повторил это мгновением позже и, развернувшись, встал спиной к спине Хольма.

— Двое против десяти? — неожиданно подал он голос. — Ну, тогда и умирать не стыдно. Стыдно за тех из вас, кто в живых останется!

— Трое, — буркнул Корин, чего Хольм уж вовсе не ожидал. — Идите вы с вашими сварами хитрозадыми! Хоть от самого себя тошно не будет...

И, легко соскочив с коня, мигом оказался возле Хольма с Тайвором, на бегу вытащив меч.

— Не пожалеешь? — ухмыльнулся ему Хольм, чувствуя, как на душе, несмотря на тревогу, стало легче.

Всегда приятно видеть, что в мире существует не только подлость ради собственной выгоды. Корин встал рядом с ними, обреченными, хотя прекрасно понимал, что тоже погибнет. И все-таки решил умереть, спасая честь Арзина хотя бы так. Значит, та драка на тренировочной площадке была не зря.

— Отвали! — зло буркнул ему Кот. — Я не ради тебя сдохнуть собираюсь!

Он с вызовом поглядел на бывших соратников, и Даррас, оглянувшись на Гваэлиса, нерешительно поднял лук. «Что ж, — подумал Хольм, — обычных дружинников никому и правда показывать не обязательно. Какая разница, как их убивать? Так что пора. И так уже заигрался!»

— Ну?! — заорал он во всю глотку, посмотрев поверх головы Гваэлиса. — Долго вы еще?! Или ждете, пока нас на коврики пустят? Бран, зараза!

— Сам ты зараза! — откликнулся со склона знакомый голос, и его обладатель встал из густого кустарника, что заплел холмы, а вслед за ним принялись подниматься воины в полном доспехе и с готовыми к стрельбе луками. — Оружие на землю!

— Все слышали, шкур-р-ры др-р-раные?! — громыхнул второй знакомый голос так, что даже Хольму захотелось прикрыть уши ладонями. — Кто дер-р-рнется — уши к яйцам пр-р-римотаю! Лапы р-р-р-разжали! Луки и мечи бр-р-росили! Увижу у кого нож — на пор-р-ртянки пущу! Пер-р-рвый десяток — вниз! Вто-р-рой десяток — пр-рицел дер-р-жать! Тр-ретий-четвер-р-тый — в охранение! За пер-р-вым — вниз!

Со склона лавиной посыпались Волки, смяв и сбив на землю охранников Гваэлиса, а его самого

оставив на ногах, но стянув руки за спиной ремнем. На Хольма налетели сразу две знакомые рожи и радостно заорали, кинувшись обниматься:

— Вожак! Живой! А мы тут! Сюда! К тебе! С Рудольвом! Он братъ не хотел, а мы! Хо-о-ольм! Клык! Ты им всем показал, да?!

— Уйдите, барбосы! — хрипел Хольм, которого стиснули сразу четыре здоровенные лапищи. — Вырастил на свою голову! Лейв, перестань! Рогволд... Хватит уже! Радуются они... Ребра поломаете, лоси дурные! Кто вас учил так с Клыком обращаться?! Да рад я вам, рад, отпустите только!

Он с трудом выбрался из восторженных объятий, хмыкнул и велел, указав кивком на ошеломленных Тайвора с Корином:

— Этих не трогайте, они со мной. Бран! Где там наши драгоценные хозяева? Все слышали и видели?

— Больше, чем ожидали, — мрачно сказал, подходя к нему, Кердан. — Просить прощения будем потом, не до того сейчас. Только скажу, что мне стыдно за Арзин. И за себя стыдно...

Он передернул плечами и уставился на Гваэлиса, который ответил ему ненавидящим взглядом.

— Это ничего, — негромко ответил Хольм. — Если рана загноилась, ее надо чистить, а не прикрывать повязкой. Иначе даже под шелком гной завоняет, а кровь будет отравлена. Арзин тяжело ранен, это верно, и все-таки кровь у него живая и чистая. Бран! — поискал он глазами брата. — Где Рудольв? Надо узнать, что там у вождя Рассимора?

— Да справились они, — махнул рукой брат. — У нас на скале сторож, ты что, не слышал, он канюком недавно кричал. — Наверное, сюда сейчас подойдут.

— Выйдем навстречу, — потребовал Хольм, которого все сильнее давила непонятная тревога. — Хуже не будет. Этих с собой! — указал он на связанных Котов.

— Ты... — выдохнул Гваэлис, переводя на него взгляд и смотря потрясенно. — Ты...

— Ну, я, — пожал плечами Хольм. — Не ожидал, да? Это потому что ты самый умный. Вот мы, кто подурнее, всегда знаем, что на любого умника найдется другой. Понимаешь, — доверительно поделился он, — вытащить из города часть арзинской дружины — это вы сразу насторожились бы! Куда они пошли, зачем... Ясно же, что у вас в дружине соглядатаев хватало! А тут Бран так удачно и вовремя подошел! Не для вас, конечно, для нас. Вот я и решил, что самое время мне побыть дураком, пока умники делят место вождя. Ты в догонялки любил в детстве играть? Я — да. Главное, вовремя цапнуть соперника за хвост, чтобы он больше думать ни о чем не мог, только о том, как бы тебя поймать и загрызть. Понарошку загрызть, конечно. Дети же... Но Ивар, оказывается, в догонялки не наигрался. Или играл плохо. Сразу поверил, что я поеду неизвестно куда с десятком чужих бойцов и Котом, который с меня мечтает шкуру снять.

— Ты... его нарочно злил! — неверяще произнес Гваэлис. — Всю дорогу! И потом...

— Ну да, — рассеянно кивнул Хольм. — А господин Кердан и еще трое Котов из вашего Совета отговорились от охоты и с вечера тут в засаде сидели вместе с моими ребятами. Понимаешь, это нам, чужакам, веры нет. Мало ли что Брангард рассказал бы! А так сами все увидели и услышали. Ладно, хватит болтовни! — Он отошел от связанного и рывкнул в пространство: — Лейв! Коня мне!

Тревога не отпускала, нарастая все сильнее, и Хольм наконец понял, что его беспокоит. Лестана! Ее Рысь звала Волка, отчаянно, громко, прорываясь через то внемирное пространство, в котором дремлют звери оборотней, ожидая, пока их призовут. Лестана в беде! И ей нужен ее Волк!

Ей казалось, что множество взглядов то и дело скользят по ней, словно липкие тонкие плети неведомых, но очень гадких растений. Лестана с трудом удерживалась, чтобы не передергиваться каждый раз, чувствуя чужое внимание. Уговаривала себя, что это простое любопытство, что подданные и должны смотреть на ту, которая может вскоре опять стать наследницей клана... И все-таки мерзкое чувство, словно ее лапают, не проходило.

Немного удалось избавиться от этого, отъехав подальше остальных и спрятавшись за Кайсу, которые любые взгляды были нипочем. Подруга прекрасно держалась в седле, грызла орешки и небрежно сплевывала скорлупу вниз, сначала на дорогу, потом — на лесную тропу. Даже когда подъехали к распадку, запас орехов в бездонных карманах Кайсы еще далеко не иссяк.

— Ну и что ты решила? — негромко спросила Кайса, стрельнув взглядом в Хольма, который ехал рядом с Иваром и улыбался так широко и открыто, что лишь полный дурак мог в это поверить.

Или Ивар, который никогда не верил в чужой ум.

— Не знаю! — выдохнула Лестана, стараясь больше туда не смотреть.

Оказалось, это требовало настоящего искусства — поглядывать на Хольма только в те короткие моменты, когда он сам точно не видел ее.

— Не опоздай, — уронила Кайса, вздохнув, и замолчала.

«Легко ей говорить, — подумала Лестана, понимая, что это несправедливо, и все-таки обижаясь. — Со стороны всегда все кажется проще, а как решить, если им с Хольмом осталось всего несколько дней быть вместе?! Потом он уедет, наверное... У него там клан! Может, если бы Арзин встретил его иначе, Хольм и остался бы здесь, но после всего, что случилось, как можно просить его об этом?»

«А ты согласна его попросить? — проснулся в ней другой голос, до отвращения рассудительный. — Ты сама-то хочешь провести рядом с ним всю жизнь?! Только не повторяй про истинную пару, вам обоим давно понятно, что у вас все не так, как в легендах! По-своему, глупо, неправильно... Какая истинная связь может заставить то тянуться друг к другу, то отталкиваться в сомнениях?! У истинных возлюбленных все просто, они друг без друга жить не могут, они друг для друга — целый мир! А ты ведь можешь остаться без Хольма и не умереть, правда?»

«Могу, наверное, — вздохнула про себя Лестана. — Вот живет ведь как-то тетушка Арения одна! Всю жизнь посвятила заботе о больных и раненых, уважаема и почитаема... Хотя ни для кого не секрет, что поведи она бровью — и Коготь Арлис в тот же момент предложил бы ей брачный браслет. Но об этом даже говорить не принято, никто и не говорит, уважая их обоих. А жаль... Но так получилось, что все счастливы быть не могут, и Арения выбрала счастье любимой сестры. Да, но ведь Хольм никого не любит! Он сам сказал, что Ингрид была лишь увлечением, и я сердцем чувствую, что это правда. Глупо ревновать к покойнице... Но еще глупее отдавать его неизвестно кому! Той, кого он еще только может встретить в будущем, и неизвестно, будет ли счастлив! А еще глупо не слышать собственные чувства и врать себе...»

«Ты же его боялась, — хмыкнул тот, другой голос. — До ужаса, до отвращения! Как ночного кошмара и дикого зверя!»

«Ну, боялась, — со стыдом признала Лестана. — Дура была! Зато вот Ивара мне никогда в жизни бояться не случилось — и что? Кто из них оказался подлым и жестоким? Во-о-от... Хольм... Он заслуживает самой верной и чистой любви! Такой же, на какую способен сам. Вдруг я просто не смогу дать ему ее?! Да, меня к нему тянет. Он сильный, благородный... И красивый! — В памяти вспыхнули очертания обнаженного тела в полумраке спальни, и Лестана подставила вспыхнувшие щеки прохладному ветерку. — Он может сделать женщину счастливой! Но мы такие разные... Как мы сможем быть вместе, даже если он... И как можно думать об этом прямо сейчас?! Я только молю Луну, чтобы он остался жив! Пусть не моим, чужим, но живым и невредимым!»

Первые два рога она пропустила почти равнодушно, не поддаваясь вспыхнувшему вокруг азарту. Только подъехала ближе к отцу, помня его наставление держаться как можно ближе, когда все начнется. Поймала одобрительный взгляд, крепче сжала поводья. Это была далеко не первая ее охота, и Лестана прекрасно знала, что делать. Ничего не бояться, сохранять спокойствие, уверенно держаться в седле и ждать, пока общая скачка вынесет ее в нужное место.

Убивать зверей она не любила, а красивых величественных оленей было тем более жалко. Да, их шкуры и мясо пойдут в дело до мельчайшего кусочка, как и рога, и прочая кость. Это закон Луны: одни должны умереть, чтобы жили другие. И раз уж ей выпало родиться Рысью, а не оленихой, ничего с этим не поделаешь. Рысью уж точно быть намного лучше! Но упоения охотой она все равно не понимала. Может, потому и зверя призвать никак не получалось?

«Нет, — решительно сказала она себе. — Рысь я не могла призвать только из-за Ивара! Вот матушка гораздо нежнее, добрее и мягче меня, а Рысь к ней приходила. Правда, только в юности, но отец говорил, что очень красивая, чистого серебряного цвета. Значит, и у меня должна быть такая».

Вспомнились сны, где она в облике рыси бежала то от черного волка, то рядом с ним, и в щеки снова бросился жар, а где-то внизу живота сладко потянуло... Ах, если бы Хольм пришел к ней за эти дни, пока готовилась охота! Она бы сама плюнула на гордость и пошла к нему поговорить, но отец запретил, да и Хольм слишком явно старался держаться от нее подальше...

Третий рог ворвался в мысли, и Лестана испуганно вздрогнула. А потом общий поток подхватил ее и понес! Осталось только держаться рядом с отцом, пригнувшись к лошадиной шее, и лететь вдаль, наслаждаясь мгновениями абсолютной свободы и восторга. Вот за это она и любила охоту! Не за добычу, не за обязательную кровь, а за скачку, где ненадолго отменялись все требования этикета и традиций, где она была самой собой! Не дочерью вождя, не наследницей, а просто Лестаной! И хотелось, чтобы эти мгновения длились и длились...

Отец что-то крикнул, но Лестана его не расслышала. Она попыталась повернуться, но между ними вклинился кто-то из охранников. Кайса чуть-чуть отстала, но Лестана не переживала: подруга

прекрасно держится в седле и скоро ее нагонит. За первым охранником последовал второй — Лестана поморщилась, ну что за невежество! Не могут лошадей немного придержать, чтобы не мешать вождю и его дочери?!

Когда дружинников стало уже трое, в ней вспыхнуло беспокойство, и почти сразу Лестана поняла, что ее оттесняют к самому краю распадка. Места были знакомые, поминальная охота проходила здесь почти каждый год, и Лестана отлично помнила, что там дальше съезд в небольшой овраг. Но... почему?!

— Отец! — крикнула она, повернувшись и пытаясь отыскать его взглядом.

И тут повод ее коня перехватили! Двое крепких дружинников оказались вровень с ее конем по бокам, взяв Лестану в клещи. Один из них крепко держал повод, а второй выдернул ее из седла и перетащил к себе прямо на скаку.

Лестана крикнула, но ей зажали рот рукой, притиснули к огромному телу, и она замерла, изнывая от беспомощной ярости, но понимая, что если освободится — вылетит под копыта скачущих лошадей.

Ее похититель свистнул, и второй кивнул. Они рванули к спуску в овраг, отделившись от остальных. Лестана никак не могла понять, неужели никто не видит происходящего, но впереди, там, где был отец, слышались крики, лязгнули мечи и жалобно заржали лошади.

Ее сердце замолотило чаще, мысли исчезли, смытые страхом, и она попыталась извернуться, уже не в силах думать наперед. Но конь похитителя, хоть и замедлился, все-таки шел по узкой тропе слишком быстро, спускаясь вниз.

— Тихо, дура! — рывкнул незнакомый голос ей в ухо. — Никто тебя не тронет!

«Дура?» Это он ей?! Лестана так растерялась и изумилась, что даже на несколько мгновений замерла. Сама себя она еще не так иногда ругала в мыслях, но чтобы кто-то другой?! Не Кайса, не Аренея, а какой-то воин?!

А потом возмущенные мысли сменились другими, испуганными. Что там наверху?! Отец говорил, что все решится сегодня, и Лестана знала план в общих чертах, но похищения там не было! Может, ее почему-то не стали предупреждать?! Но никто из верных отцу дружинников не был бы с ней так груб!

— Тут еще одна! — крикнул, догоняя их, второй. — Куда ее?

У него на седле билась, извиваясь и приглушенно рыча, Кайса.

Лестана закусила губу, понимая, что это очень-очень плохо! Такого в плане точно быть не могло! Значит, все по-настоящему! И непонятно, когда отец или Арлис заметят, что они с Кайсой исчезли. У них там наверху своих забот хватает, все началось гораздо раньше, чем должно было!

Тропа кончилась, приведя к дну оврага. Здесь тек крохотный ручеек, было сыро и темно, как вечером. Дружинник, что ее схватил, остановил коня у большого дуба, спрыгнул вниз и снял Лестану, поставив ее на землю.

— Не бойся, светлейшая Рысь, — сказал он с насмешливой улыбкой. — Говорю же, никто тебя не обидит. Ты нам еще живая и здоровая пригодишься. Но если начнешь орать — подружке твоей не жить. Она нам не нужна, сама виновата, что подвернулась.

Лестана задыхнулась от мерзкой угрозы — даже в глазах потемнело. И как никогда в жизни пожалела, что не может обернуться. Прямо сейчас! Да, похитители — тоже оборотни, но разъяренному зверю хватит нескольких мгновений, чтобы показать им Рысь-матушку!

— Я не буду кричать, — процедила она, как только лапища, зажавшая ей рот, убралась. — Что вам нужно?

— Помолчи, — бросил похититель, вглядываясь вверх через листву деревьев. — Ну, что там?

— Там ваших на ленточки режут, — язвительно сообщила Кайса, которую тоже спустили на землю. — И очень скоро заметят, что нас нет. А после этого хоть в кротов обращайтесь — вас из-под земли достанут!

— Храбрая кошечка, — отозвался похититель, и Лестана, обмерев, поняла, что это не Кот! — Только болтливая слишком. А то прямо женился бы.

Кайса возмущенно набрала воздуха, явно собираясь достойно ответить, и вдруг замерла, перехватив взгляд Лестаны. В ее собственном взгляде тоже мелькнул ужас.

— А, кошечки поняли, что мы не из их стаи, — усмехнулся дружинник. — Вот и умницы!

«Медведь, — с безмолвным тошнотворным страхом сообразила Лестана. — Это Медведь! Почему я сразу не поняла?! И как не поняли остальные, среди которых он затесался? Ладно, это пока неважно... А важно — что он собирается делать!»

— Зачем я вам? — спросила она, стараясь говорить спокойно, как полагается дочери вождя. — Вы же понимаете, если причините вред мне или моей названной сестре, воспитаннице моего отца, это станет причиной войны.

— Вот поэтому никто вам вредить и не собирается, — сказал Медведь с полным безразличием, но Лестане показалось, что искренне. — Посидишь здесь немножко, пока мы не пойдем, чья там наверху победа, а потом поедешь к нам в гости. Если будешь хорошо себя вести, то и обращаться с тобой станут, как с дочерью вождя. Ну, а если нет — сама виновата, строптивых девок мы учить умеем. А подружка твоя... — Он смерил задумчивым взглядом Кайсу, которая стояла смирно, только глаза зло блеснули. — Она тоже с тобой поедет. Раз ты так сестру любишь, то не захочешь, чтобы она за твою строптивость каждый раз плетей получала.

— И вы думаете, что вам это сойдет с рук? — Лестана изумилась так, что даже ярость на время отступила. — Если станет известно, что вы украли дочь вождя, какой клан не посчитает это трусостью? Угрожать врагам жизнью похищенных девушек! Да вы себя сами опозорите так, что никогда не отмоетесь! И Луна лишит вас милости.

— Луна любит смелых и сильных, — снова усмехнулся Медведь, оглядев Лестану почти одобрительно. — Кто победил, тот и прав, так у нас говорят. А ты, светлейшая Рысь, подумай лучше вот о чем. Если твой отец сегодня останется в живых, ему будет не до войны с нами. Да и зачем воевать с кланом, куда вышла замуж его любимая единственная дочь! Ух ты, как глазки засверкали! — негромко рассмеялся он. — Все вы строптивыцы до первой брачной ночи... Ну, а если верх возьмет ваша жрица со своим паршивым котенком, ты нас еще поблагодаришь. Лучше выйти за настоящего воина, чем за этот... заячий хвост.

— За настоящего воина я выйду с радостью! — отрезала Лестана. — Но не за того, кто ворует девушку, не надеясь добиться ее по любви!

Она с надеждой посмотрела вверх, туда, где еще слышались далекие смутные звуки, потом перевела взгляд на обоих Медведей и презрительно сказала:

— Замуж? К вам в клан? И раньше не собиралась, а теперь — тем более. Это же насколько вы сами себя не уважаете, если такое творите!

— Да заткни ты ее, — буркнул второй. — Эти Рыси у меня уже в печенках сидят! Мелкие, тощие, подержаться не за что, а строят из себя! Давай лучше уходить, все равно новости нас догонят.

Лестана прикусила губу изнутри, понимая, что кто бы ни победил, отец или Ивар, их с Кайсой все равно не отпустят. И проклятый Медведь прав! Она будет слишком ценной заложницей, чья жизнь или смерть может качнуть весы судьбы непредсказуемым образом! Пожертвует ли отец ею, если дойдет до войны? В любом случае, их род будет прерван... А если место вождя займет Ивар... Нет, конечно, этот мерзавец ею дорожить не станет! Но Медведи могут всем объявить, что воюют с Рысями, чтобы вернуть Арзин ей, Лестане! А потом просто пришлют с ней своих воинов и якобы-мужа, который захватит город и клан от ее имени.

Этого нельзя допустить! Даже если ей самой придется умереть!

Но Кайса... И до спасения так близко!

— Уходим, — решил тот, что разговаривал с нею, явно главный из двоих. — Не глупите, девочки, иначе придется вас в мешках везти!

— Я бы их в этих мешках и утопил, — также зло буркнул второй. — Ишь, глазищами зыркают! Что белая, что рыжая!

— Не съедят, не бойся, — хохотнул первый, а Лестана поймала взгляд Кайсы.

Та не хуже нее понимала, что происходит, и многозначительно посмотрела вверх, но не выше по склону, а на дерево. Лестана медленно опустила ресницы. Медведи... Это плохо. Вот будь они Кабанами, за Кайсу можно было бы почти не беспокоиться. Луков у них нет — это хорошо. Со стрелой наперегонки не очень-то побегаешь. Но выхода нет, придется рискнуть. Кто-то должен добраться до Рысей и вызвать погоню! Даже Ивар не сможет отдать Медведям такую ценную

заложницу, как Лестана. Сам убьет — но им не отдаст.

Она увидела, что Кайса напряглась, и заговорила, отвлекая внимание на себя:

— А как поживает ваш собрат, которому старший сын Ингевальда холку наломал? Племянник вашего вождя, если не ошибаюсь. Он вам друг или родич? Очень уж повадки одинаковые! Тоже силой похвалялся не перед мужчинами, а перед нами. Все Медведи такие трусливые или только вы с ним?

— Пасть прикрой! — прорычал второй, но главный бросил взгляд на Кайсу и рывкнул:

— Держи рыжую! Она сейчас обернется!

Шагнув к Лестане, он стиснул ее за плечо так, что боль пронзила насквозь. Извернувшись, Лестана впилась в ладонь Медведя зубами. Он сжал сильнее, показалось, что плечо хрустнуло... Прежняя Лестана закричала бы, подчиняясь грубости, но это было до того, как она раз за разом проходила через ритуал. Лестана нынешняя знала, что боль может быть союзником. И теперь ее зубы сжимались все сильнее, пока в рот не хлынула отвратительная соленая кровь.

— Ах ты, тварь! — ругнулся Медведь и второй рукой наотмашь ударил ее по лицу.

У Лестаны перед глазами вспыхнуло, а потом потемнело. Зубы разжались сами собой, а Медведь поднял ее за шиворот, словно нашкодившую кошку, и встряхнул. Закричала Кайса. Нет, заверещала! Яростно, громко, истошно. И в руках второго, что уже ее схватил, осталась одежда подруги, из которой выскользнул ярко-рыжий комок меха.

Метнувшись к дубу, Кайса взмыла по стволу, и Медведи разом выругались.

— Это же не Рысь! — изумленно выдохнул главный, и Лестана расхохоталась сквозь слезы боли.

— Какие умные медвежата! — передразнила она похитителей, с яростным удовольствием слушая, как наверху трещат ветки, а потом треск удаляется. — Поймали двух Рысей, а одна из них совсем не Рысью оказалась. Ну и как вы ее ловить будете, а? Это я с ветки на ветку бы не перепрыгнула! А она весь лес насквозь пробежит с дерева на дерево! И что с вами будет, когда Рыси обо всем узнают? Думаете, успеете меня увезти? Ну, хватайте! — Голос попытался сорваться на плач, и Лестана выпрямилась, вскинула голову, гордо глядя на обоих Медведей. — Только смотрите, во второй раз ошибетесь! — крикнула она, умирая от страха, но не собираясь это показывать. — Я уже замужем! И ни одна жрица Луны меня не обвенчает с другим! И Арзин вы моим приданым не получите!

— Врешь! — рывкнул главный из Медведей. — Мы уже месяц тут живем! Если бы дочь вождя вышла замуж — весь город бы кипел от такой новости! Да ты же нетронутая, что я, не чую?!

— Плохо чуешь! — процедила Лестана и сдернула с правого запястья манжет рукава, обнажая кожаный шнурок, давно потемневший и вид имеющий самый жалкий, но сейчас он был ей дороже любой драгоценности в мире. — Я замужем! Вот мой брачный браслет! Я дала клятву перед алтарем Луны и готова подтвердить это в любом храме. И мой муж — самый смелый, сильный и благородный в мире! Он сын вождя и славный воин! Он вас найдет и... уши вам вытянет и узлом завяжет! — в последний момент смягчила она то, что как-то услышала от охранников.

— Браслет? Чей?! — Медведь, уже не скрываясь, потянул носом, и его золотисто-карие глаза полыхнули яростной желтизной. — Волк?!

— Черный Волк, — надменно подтвердила Лестана. — Тронешь меня — и война у вас будет не с одним кланом, а с двумя!

— Так вот что Ингевальдов выродок здесь забыл? — вдруг широко улыбнулся Медведь. — А я-то думал... Промахнулась ты, кошечка. Твоего драгоценного Волка сейчас Ивар на подметки режет. Скоро будешь вдовой, а вдове второй раз к алтарю сходить не зазорно. Я тебя сам в жены возьму! И научу, как быть послушной! Ты у меня мурлыкать — и то с разрешения будешь!

И он снова поднял руку, спокойно, небрежно...

Лестана увернулась и услышала горловое рычание. Успела понять, что это из ее собственной груди, и удивилась. А Медведь насмешливо сказал:

— Не пугай. Ты же неполноценная, все это знают...

Слово обожгло, как тот первый удар наотмашь. Лестана пригнулась — и в следующий миг мир изменился. В нем больше не было места для нее прежней! Никто пока не шел к ней на помощь, а значит, следовало спасать себя самой. Эти двое не видели в ней женщину, достойную уважения и защиты, она была для них просто добычей. Но Рысь не становится ничьей добычей без драки.

Лестана почувствовала, как ее тело течет, меняясь! Как трещат кости и сухожилия, как плавятся от мгновенной боли мышцы, но тут же вспыхивают новой силой и скоростью... Как зубы и когти меняют привычный облик, удлиняясь и заостряясь... Рыча, она рванула пояс и вывернулась из штанов, благодаря Луну, что не надела сегодня платье, а рубашка слетела сама.

— Мать-Медведица... — растерянно произнес ублюдок, чьи руки пахли ее кровью.

Только сейчас Лестана почувствовала боль в разбитой щеке, но это больше не имело значения — ссадина скрылась под шерстью. Не переставая рычать, она встала на все четыре лапы, изнемогая от яростного восторга. Так вот как это бывает?!

Эти выродки хотели лишить ее дома и права распоряжаться собой! Укрощать они ее собрались! Твар-р-ри! И они сказали, что Хольма вот-вот убьют! Ур-роды облезлые!

Ненависть рвалась из нее, и лишь краем сохранившегося человеческого рассудка Лестана заставила себя попятиться, потому что оба Медведя разом потянули из ножен мечи. Тр-русы! Подлые мер-р-рзкие тр-русы! Она провопила это прямо в них, не думая, поймут или нет! Махнула лапой, давая понять, что подойти к ней будет не слишком просто, и оскалилась.

Хольм? Где же ты? Рысь бесновалась, завывая, припадая на передние лапы, а Лестана внутри нее понимала, что счет идет на мгновения. Убегать по лесу от конных воинов бесполезно — догонят и зарубят. Лет тут редкий, никуда не юркнешь. На дереве от Медведей тоже не спастись, они не Кабаны или Волки, чтобы сидеть внизу, а она не... не Кайса, в общем, чтобы скакать по веткам куда быстрее них. Одна надежда, что помощь придет достаточно быстро. Хольм, ну где же ты? Лестана сама не знала, почему зовет именно его. Наверное, потому что разум отказывался принять страшную угрозу Медведей. Хольм не может погибнуть! Он сильный и умелый!

«Но если... — подумала Лестана, боясь даже в мыслях назвать это страшное слово. — Если он не придет... если никогда больше не сможет прийти... Я убью того, кто это сделал. Загрызу! Разорву! Он мой, и мне больше никто и никогда не нужен! Если он ранен, я буду его выхаживать! Если он захочет уйти — я пойду следом, пока он сам не скажет, что я ему не нужна. А если весь мир будет против нас, я встану рядом и... Хо-о-ольм! Пожалуйста, просто приди за мной!»

Рысь отчаянно взывала голосом Лестаны, и тут в ветвях дуба над нею что-то затрещало, и Медведь, подобравшийся опасно близко, зашатался, схватившись за лоб — в него прилетел увесистый камень. И еще, и еще! Из ветвей слышалось гневное стрекотанье и летели все новые камни, заставляя Медведей отступать, прикрывая голову руками. А потом чуткие уши Лестаны услышали конский топот и треск веток под копытами. Медведи тоже его услышали — грязно ругаясь, они взлетели в седла перепуганных коней, направляя их в русло ручья.

Лестана замерла — шерсть дыбом, сердце бешено молотится, уши прижаты... Ей было стыдно, страшно и неизмеримо хорошо одновременно. Хольм... Он сейчас увидит ее вот такой — и что скажет?!

Два коня слетели с тропы одновременно. И два всадника спрыгнули с них. Один кинулся к дубу, вглядываясь в его ветви, второй — к Лестане. Живой... Это все, что она могла сейчас понять. Живой и даже кровью не пахнет! Присев перед Лестаной на корточки, Хольм раскрыл объятия, и она прыгнула в них, едва успев убрать когти, ткнулась в него и жалобно заурчала-замурлыкала, тычась мордой в его грудь, пока сильные ласковые руки гладили ее, обнимали и пытались обхватить всю, словно обычную кошку.

— Леста... — шептал Хольм, не глядя, что творится вокруг. — Лестана моя... Все хорошо, слышишь? Все хорошо... Твой отец жив... Какая же ты красивая... Какая ты у меня чудесная... Моя лунная Рысь... Все хорошо... любимая моя... Все хорошо.

Глава 27

Сыновья и братья

Упругое мохнатое тело огромной кошки замерло в его руках, и Хольм вдохнул восхитительный запах чистого меха. От Рыси пахло и самой рысью, и Лестаной, этот аромат будоражил кровь, и Хольм на несколько мгновений замер, ловя невероятное чувство, запоминая его, впечатывая себе в душу, а потом вздохнул и тихо сказал:

— Пора возвращаться, ненаглядная моя.

Кошка возмущенно заурчала и прижалась к нему сильнее.

— Дайте плащ, — велел Хольм, и перед ним почти сразу упало их два или три — любой оборотень понимает, что нужно девушке, призвавшей зверя в первый раз.

Вокруг шумел лес, Брангард что-то говорил, задрав голову к ветвям огромного дуба, и Хольм не без легкого злорадства подумал, что младшего брата ждет интересная неожиданность, если кое-какие предположения верны. Вниз по ручью дружинники вязали Медведей, оттуда слышался треск веток, пыхтение и глухие звуки ударов — Котам очень не понравилось похищение девушек их клана, и тут Хольм их полностью одобрял. Ничего, не убьют, оставят ценных пленников для вождя, а помятые морды этим выродам только на пользу.

У него же сейчас была другая забота, перед которой отступила и смерть Ивара, и разыгранное перед арзинским Советом представление. Лестана пошевелилась в его руках и муркнула снова, сначала вопросительно, потом жалобно.

— Я знаю, что не хочется, — вздохнул Хольм. — Но это ненадолго! Теперь ты сможешь призывать свою Рысь, когда пожелаешь, а в другое время она всегда будет неподалеку. Ты же мне веришь, правда?

— Какая красавица! — оценил подошедший Рудольв. — Уши, глазища... Хольм, ублюдков повязали. Урожай на славу, пора местному вождю им похвалиться. А где вторая девушка?

— Рудольв, отойди, — ровно и тихо велел Хольм, накидывая плащ на огромную кошку. — Подождут чуток. Смотрите только, чтоб не сбежали.

— Ты меня еще поучи, как лапу задирать, — хмыкнул матерый Волк и гаркнул: — Лейв, Рогволд, Харальд, выводите их наверх и ждите нас там. Брангард?!

— Не ори, — недовольно отозвался младший. — Лучше плащ еще один дай.

Из ветвей послышалось возмущенное громкое стрекотанье, и Хольм невольно сглотнул — он действительно относился к этим зверям с опаской, ничуть не соврав Кайсе, а тут такое... Такое, в общем! Когда он «это» увидел в ветвях, и «оно» повело их на помощь Лестане — сам чуть хвост не поджал от ужаса. Но то он, а Брангард чего дурака валяет?

— Что?! — выдохнул младший с изумлением, которое разом вознаградило Хольма за всех «дураков» и «пеньков мохнатых», что он слышал от братца. — Это же... не Рысь!

— А ты что, не понял? — с насмешливым наслаждением спросил Хольм, продолжая обнимать закутанную в плащ Лестану, которая в его руках словно потяжелела. — Ну и тугодум же ты, братец! Давно догадаться мог бы. Ты хоть раз видел Рысь, которая так метко кидается чем угодно? Рысь, у которой орехов полные карманы и яблочко, да и в комнате запасы везде рассованы. Рысь, которая не косу плетет, а пышный хвост завязывает! Я еще дома понял, что тут какая-то странность, но запах смутил.

Запах его действительно запутал. Наверное, этому есть какое-то объяснение, и все-таки от Кайсы всегда пахло Рысью, самой настоящей, а на землю с нижней ветки дуба спрыгнула огромная... Белка! Огненно-рыжая, с роскошным хвостом и кисточками на ушах, она встала на задние лапы, вытянула передние, украшенные длинными жуткими когтями, и очень зло застрекотала, глядя то на Брангарда, то одежду, лежащую рядом с ним.

Рысь в объятиях Хольма извернулась, тоже разглядывая эту сцену, и как-то насмешливо мявкнула.

— Ты бы отошел, — посоветовал Хольм. — Девушка одеться не может!

— А... Прошу прощения! — торопливо сказал Брангард, отходя на пару шагов и вежливо поворачиваясь спиной.

Спина его при этом излучала такое недоумение и потрясение, которое не всякое лицо выразит.

Хольм тоже отвел взгляд, посмотрев на свою Рысь. Лестана менялась... Не у всех призвание зверя проходит легко и безболезненно, а отпустить его впервые еще сложнее, но у нее это было даже по-своему красиво. Линии тела, обрисованные плащом, потекли и изменились, милая кошачья морда неуловимо превратилась в девичье лицо с огромными, широко распахнутыми глазами, припухшими губами и... ссадиной на щеке.

— Это кто? — тихо спросил Хольм, касаясь здоровой кожи рядом с алой полосой, чтобы не сделать больно. — Медведи? Который из них?

— Неважно... — прошептала Лестана, утыкаясь ему в грудь лицом уже в человеческом обличье. — Ты пришел...

— Разве ты думала, что я не приду? — непонимающе уточнил Хольм. — Что я позволю тебя увезти?!

— Нет! Я... боялась, что... За тебя...

— Не надо, — шепнул Хольм, утыкаясь лицом в серебристую макушку, еще хранящую запах зверя. — Никогда за меня не бойся. Вообще ничего и никогда не бойся, слышишь? Ты не должна...

— Ну и что такого?! — раздался у него за спиной такой же злой голос, каким было стрекотанье. — Никогда Белок не видели, господин Волк? Или вам только Рысь подавай?! Ну, простите, так уж получилось! Не Рысь я, не Рысь, ясно вам наконец?!

Хольм медленно повернулся, увлекая за собой Лестану, и они разом посмотрели в ту сторону. Кайса, уже одетая, но растрепанная, стояла перед Брангардом, уперев руки в бока и высокомерно задрав голову. Волк, выше ее почти на эту самую голову, хлопал глазами и вид имел такой обескураженный, что Хольм его почти пожалел, но все равно нахмурился. Если этот умник сейчас что-то ляпнет...

— А... по мне, так вы отличная Рысь, — отмер вдруг Брангард. — Прекрасная! Можно сказать, образцовая!

Кайса фыркнула и склонила голову набок, прислушиваясь, а Брангард продолжил, глядя ей в глаза с истовой искренностью и вдохновением:

— А кто скажет иное, тот просто правильных Рысей не видел! Рысь — это ведь что?! Лапы с когтями, уши с кисточками... мех... рыжий! Самый рысиный цвет, это все знают! И лапы я сам видел. А уж когти... когти какие!

«Когти там и правда роскошные, — стараясь не заржать, согласился Хольм. — Зверь хоть и бывает ростом немного меньше человека, но пропорции сохраняются. Любой, кто хоть раз видел белку вблизи, знает, что когти у нее как кинжалы, а в человеческом размере и вовсе жуть. Страшный зверь! Не зря ж я их боюсь!»

— И уши! — с отчаянием обреченного продолжал Брангард под внимательным задумчивым взглядом Кайсы. — Уши с кисточками! Еще с какими кисточками! Красивыми! Пушистыми!

— Во-от... слышал? — давясь смехом, прошептала Лестана. — Уши с кисточками — это важно...

— Хвост забыл, — медовым голосом подсказала Кайса, накручивая на палец длинную рыжую прядь.

— А что хвост? — возмущенно удивился Брангард, делая к ней первый осторожный шаг. — Прекрасный хвост, мне очень нравится! Рыжий, длинный... то есть роскошный! В общем, Рысь! Точно Рысь! Хотя мне все равно, если честно, — признался он вдруг очень жалобно. — Я просто не ожидал, правда. Но это даже здорово.

— Хольм, найди мою одежду, — негромко попросила Лестана, и он, опомнившись, кинулся за ее охотничьим костюмом из тонкого зеленого сукна.

Поднял, стряхнул прилипшие листики и травинки, виновато вздохнул:

— Испачкалась.

— Ничего, — ровно отозвалась Лестана, выпутывая одну руку из складок плаща. — Отвернись.

Хольм поспешно отвернулся, стараясь отвлечься от шелеста ткани и старательно глядя в сторону Брангарда, который уже повел Кайсу к своей лошади, что-то рассказывая ей по пути. Белка, значит! Нет, ну бывает же такое?! Как она вообще может оборачиваться в Белку? Это же не крупный хищник, даже не Бобер или Выдра, а... мелочь лесная!

Потом вспомнил когти-кинжалы на рыжих лапах, содрогнулся и признал, что Луна, пожалуй, мудра и милостива. Будь у Белок собственный клан, они бы и Росомахам жару задали, и Медведям.

Страшный же зверь, если вырастет! Быстрый, смертоносно опасный, бесстрашный... еще и дружный! Клан Белок — представить жутко!

Лестана тронула его за руку, и Хольм стремительно повернулся к ней.

— Как все прошло? — спросила она тем же отвратительно ровным и вежливым голосом.

— Как надо, — буркнул Хольм. — Ваши Клыки и Когти из Совета услышали достаточно, и Ивар это подтвердил. Только... он погиб.

— Это ты... его?

Он никак не мог понять, что же звучит в ее голосе. Истинная дочь вождя! Спокойная, бесстрастная, думающая только о деле.

— Нет, Гваэлис, — честно сказал Хольм. — И мне очень интересно, как он это объяснит.

— Мне тоже, — тускло сказала Лестана. — Лошадь только одна осталась... Я поеду с тобой?

— Если ты не против, — выдохнул Хольм.

Сел в седло, наклонился, подхватывая девушку, и усадил перед собой. Лестана словно всю жизнь так ездила, держась за переднюю луку седла, а он стиснул зубы, уговаривая себя не тянуть каждый раз носом воздух, вдыхая ее чистый нежный запах. Достаточно себя мучить!

Они выехали по тропе, оказавшись последними, кто поднялся наверх. В распадке перед спуском в овраг уже собрались все, кто остался в живых. Хольм поспешно нашел взглядом Рассимора и Арлиса и выдохнул с облегчением. Коготь берег правую руку, перетянутую окровавленной повязкой, но рана вряд ли была тяжелой: в седле он держался спокойно, глаза блестели удовлетворенно и азартно. Рассимор выглядел мрачнее, но это и понятно, он уже увидел тело Ивара, которое лежало на траве между ним и связанным Гваэлисом.

Чуть поодаль дружинники караулили Медведей, там Хольм углядел Тайвора с Корином и своих молодых дуралеев, но подходить пока не стал. Заняты делом — и славно.

Зато нашел взглядом Брангарда, который ему кивнул, мол, все идет как надо, и стоящую рядом с ним Кайсу. Ну и напоследок — Авилара, тоже связанного и под охраной Гленна с Ортоном.

Глубоко вдохнув, он передернулся — воздух вонял болью, страхом и кровью. Не все дружинники были целы, а кое-кого из знакомых Хольм вообще не разглядел, хотя заметил их в начале охоты. Майреда вот нет... А один из близнецов, которые были в охране Лестаны, еле держится на ногах, и нигде не видно его брата. Да, дорого обошлась Арзину эта чистка созревшего нарыва...

— Что ж, господа Совет, Клыки и Когти Арзина, — раздался над распадком ясный и как никогда сильный голос Рассимора. — Раз уж вы почти все здесь, не вижу смысла тянуть с разбирательством до возвращения в город. Но сначала — другое дело. — Он указал на мрачных Медведей, связанных и действительно изрядно помятых. — Эти двое пытались похитить мою дочь и ее названую сестру, племянницу Арлиса. Если бы не Волки, что вовремя подоспели, у них могло бы и получиться. Что скажете в свое оправдание?

Один из Медведей опустил взгляд, второй, напротив, высокомерно усмехнулся разбитым в кровь ртом и заговорил так же громко:

— Оправдываться? Мне? Сыну вождя? Лучше сам подумай, светлейший Рассимор, что ты ответишь моему отцу, когда он спросит, где его сын.

— Я найду, что ответить, — холодно отозвался Рассимор. — Дюжина свидетелей покажет, что вы пытались украсть наших девушек. Или в землях Медведей правит беззаконие? Или воля Луны и обычаи предков для вас ничего не значат?

— Ваши свидетели врут! — брезгливо бросил Медведь, и Хольм глянул на него уже иначе, оценивающе. — Мало ли что вы скажете, чтобы оправдать распутство ваших девиц. А они, между прочим, сами согласились поехать с нами. Увидели сильных мужчин и аж хвостиками завиляли. Понятное дело, теперь кричат, что их похитили, как еще им сохранить честь? Одна, между прочим, даже не Рысь, а вообще неизвестно что! Беличье отродье! Кто когда слышал про оборотней, призывающих Белку? Может, Луна и решила пошутить, создав такое существо, но причем тут Рыси? Что касается твоей дочери, светлейший Рассимор, то ты уж сам сначала определись, кто она, девица на выданье, замужня женщина или...

Он напоказ потянул носом и скривил такую брезгливую морду, что все стало понятно без слов. А на распадок опустилась такая тяжелая смертельная тишина, что испуганно притихли даже листья на

деревьях, как показалось Хольму. Рыси молчали, понимая, что отвечать на подобное должен вождь и ответ может быть только одним. А после него не может быть уже ничего, кроме войны. Войны, которую долго ждали, но все-таки пытались оттянуть по возможности, и вот она пришла, дохнула смердящей пастью, источающей вонь крови, пожаров, смерти...

Волки молчали тоже. Рудольв, прищурясь, глядел на Медведей так, что было понятно: прикидывает, как именно настругал бы их на ломтики. Дружинники сдерживались из последних сил, но только позволь — разорвут. И это слегка отрезвило Хольма, заставив разогнать алый туман, застилающий мысли. Связанных убивать нельзя. Все, что происходит здесь и сейчас потом годами будет обсуждаться в других кланах, и малейший урон чести станет непростительным.

«Ну, уж один-то мне точно достанется, — с холодной ясностью подумал Хольм, отогнав желание немедленного убийства, как досадливую муху. — Но вряд ли именно этот. Арлис не отдаст. Он Коготь, это его земля и его право. А жа-а-а-аль!»

— Я тебя услышал, — тихо сказал Рассимор, но в полнейшем безмолвии его голос прозвучал не менее ясно, чем некоторое время назад. — Тебя услышали все, Медведь, и запомнили, можешь не сомневаться.

— Запомнили! — подтвердил Брангард и замолчал, позволяя хозяину Арзина продолжить.

— Сначала о том, что ты здесь наговорил... — Улыбка у Рассимора была едва заметной и ох какой нехорошей. — Девушка Кайса — наша по крови, рождению и воспитанию. Ее родители были Рысями. Самой Кайсе Луна подарила этот облик в знак особой милости, так мы все считаем. Но будь она из какого угодно клана, да хоть обычным человеком, с чего ты взял, что мы позволим обидеть ее? Рыси чтят законы предков, а законы гласят, что женщина вольна в своем выборе. Кайса, прости за этот вопрос, но я должен его задать. Ты хотела уехать с этими... оборотнями? — выплюнул он не менее презрительно, чем до этого Медведь.

— Нет! — резко ответила Кайса. — Не хотела. Вижу их впервые и, будь моя воля, никогда бы больше не видела. Клянусь Луной и Мать-Рысь мне свидетельница, что он лгал!

— Вот так, — удовлетворенно сказал Рассимор, снова поворачиваясь к Медведям. — А ты поклянешься Луной в своих словах?

— Я что, девчонка? — усмехнулся Медведь. — Мужчина подтверждает свои слова мечом. Кто из твоих воинов посмеет выйти против меня в круг? А может, это будешь ты сам, вождь? Или твой Коготь?

Он глянул в сторону Арлиса, и Хольм с той же отстраненной холодностью подумал, что нюх у Медведя отменный и глаз верный. Арлис ранен. Может, рана и нетяжелая, но идти с такой на поединок — почти верная смерть. А среди остальных Рысей неизвестно, найдется ли достойный соперник этому ублюдку. Здоровенный, даже тумачи ему особого вреда не причинили, и ясно, что очень уверен в себе. Еще и левша, судя по тому, что левое предплечье толще. Неудобный противник... И Арлис это понимает, и все остальные — тоже.

— Надо будет, найдется, кому защитить нашу честь, — бросил Рассимор. — Что до моей дочери, то ты слишком долго... дышал запахами своего клана, — позволил он себе ядовитый укол. — Она замужем по законам Луны, и остальное тебя не касается.

Среди Рысей поползли недоуменные шепотки, и члены Совета, и простые Коты разглядывали Лестану, которая выпрямилась и выдерживала это внимание с ледяным спокойствием, только немного побледнела.

— Моя дочь сегодня призвала зверя! — повысил голос Рассимор. — Милость Луны сошла на нее, и этому были свидетели!

— Подтверждаю! — снова ясно проговорил Брангард.

— Подтверждаем! Клянемся! Сами видели! — наперебой загомонили Волки и Коты, бывшие там.

— Отличный зверь! — легко перекрыл всех Рудольв. — Здоровая красивая Рысь, а уж как на этих двух скалилась и лапой махала! Думал — порвет! — малость польстил он Лестане, но шепотки вмиг стали одобрительными.

— Светлейшая Лестана — законная наследница Арзина, — сказал Кердан. — Теперь это ясно, здесь и говорить не о чем. Что до ее супружества... А это не ваше Медвежье дело! — рявкнул он. — Сами разберемся! Вы, беззаконные ублюдки, нам на нашей земле еще указывать будете?! Да вы след наших девиц недостойны понюхать, не то что пасть открывать и что-то говорить про них!

Коты возмущенно загомонили, и войной запахло так мерзко и пронзительно, что Хольм скривился,

поняв, что ошибся. Этим тварей следовало убивать прямо там, в овраге. Он бы потом взял вину на себя, сказал бы, что понятия не имел, кто они, просто отбивал похищенных девушек. И его Волки с Брангардом во главе, и Коты это подтвердили бы, а теперь свидетелей слишком много. Потому и Медведь настолько нагл и высокомерен. Он сейчас играет для тех, кто услышит эту историю позже. Рассказанную так, как нужно Медведям. И если убить их теперь... вспыхнет не просто война, а великое противостояние кланов, потому что у Медведей врагов не меньше, чем друзей, и одни не захотят оказаться следующей добычей, а другие будут свято уверены, что уж их-то жадность союзников обойдет стороной. Дележ земель — дело только тех кланов, которые в этом увязли, но такое прямое нарушение обычаев...

У Хольма заломило в висках от тревоги и беспомощности. Ярость, кипящая в крови, требовала немедленно сделать что-то, и крики Рысей в сторону пленных ее подогревали. Рассимор уже был не на шутку бледен, вот ему Хольм сейчас не завидовал. Даже плененные и связанные Медведи ухитрились все повернуть к своей выгоде.

«Его надо убить, — безнадежно подумал Хольм. — Вот этого — обязательно и непременно. В драке я бы с ним потягался с радостью, но не в таких играх. Вон, даже Рассимор не знает, что делать, и Кердан уже попятился назад, сообразив, что хватил лишку...»

— Приеду домой, расскажу клану о том, какая славная охота в землях у Рысей! — врезался в нарастающий гул звонкий чистый голос Брангарда, расколов его и перекрыв не хуже, чем вопли Рудольва. — За один день выловить столько ядовитых опасных тварей — это редкая удача. Так ты говоришь, что вождь Медведей спросит со светлейшего Рассимора за твою кровь? — поинтересовался он с нехорошей задумчивостью, и гул возбужденных голосов начал понемногу стихать. — Интересно будет послушать! Только я тогда тоже найду, о чем спросить твоего отца на Большом Совете кланов. Он ведь, кажется, как раз следующей весной, да? Например, о наемнике Росомахе, который взял деньги вперед, а заказ выполнить так и не сумел. Вы, наверное, думали, что ваш маленький секрет умер вместе с ним? Не угадали! Росомаха похвалился своей женщине, как щедры с ним будут Медведи, когда он лишит клан Черных Волков наследника... И она готова подтвердить это в храме перед алтарем.

— Вр-решь... — прорычал Медведь, в упор глядя на Брангарда.

— А ты проверь! — безмятежно улыбнулся младший братец Хольма. — Клятва этой Лисы... Я сказал, что она Лиса, нет? А, забыл! Так вот, клятва Лисы, которой о наших делах врать незачем, а потом клятва почтенных и благородных Рысей, и что ты бросишь на другую чашу весов? Рассказ, как вы пытались украсть двух женщин из чужого клана? Одну — замужнюю, вторую — сговоренную?

Кайса, стоящая рядом с ним, вытаращила глаза и дернулась, но промолчала, хотя видно было, что это стоит ей невероятных усилий.

— А еще, — неумолимо продолжал Брангард, — лично я собираюсь потолковать по душам с Волчицами всех цветов! И с нашими, и с Серыми, и даже с Белыми на всякий случай. Ваш наследник, если не ошибаюсь, как раз послал сватов к Серым? Ох, как он счастлив будет узнать об этом позоре! Отблагодарит тебя по-братски!

Медведь на глазах мрачнел, а Брангард продолжал, расчетливо и спокойно его добивая:

— Очень мне интересно, много ли девушек из чужих кланов захотят выйти замуж за ваших мужчин, когда станет известно, что даже сын вождя ни в ежиный хвост не ставит обычаи? Причем самые древние, исконные, данные самой Луной! Много ли Волчиц, Лисиц, Кабаних позволят своим дочерям хоть глаза поднять на любого Медведя? Большой Совет кланов, как я и говорил, весной, но перед ним у кланов зимой пройдут ярмарки. И я тебе собственным хвостом клянусь, на каждой из них будут петь о славных воинах, что позарились на двух беззащитных девчонок и не смогли их увезти. Потому что одна из них впервые в жизни обернулась, а вторая оказалась... ужас-то какой... Белкой! Бедные, бедные Медведи, где уж им было справиться с такими страшными зверями?!

Медведь ненавидяще посмотрел на Брангарда и прошипел, уже не рыча:

— Не за того Росомаха взялся, похоже. Ты, значит, и есть Брангард?

— Он самый, — насмешливо кивнул младший. — И мое слово, слово наследника Черных Волков, тоже будет кое-чего стоить для кланов. Как и слово нашего Клыка, — вторым кивком указал он на Хольма. — Ну что, потягаемся в рассказах?

— Песня о том, как Медведь хотел Белку украсть... — зычно проговорил Рудольв, ухмыляясь. — А что, я бы послушал и доброго пива за такую забаву поднес. Не, я понимаю, всяк на девчонок по-своему глядит, но чтоб на белок кидаться да еще в чужие земли за ними ехать? Или у вас они вовсе перевелись? Всех поймали да переженились на них? Смотрите, измельчает медвежья порода, будете верхом на зайцах кататься и с ежами воевать.

В толпе дружинников смешки уже переходили в откровенный гогот, и напряжение, что повисло в воздухе, заметно рассеялось. Оскорблений, конечно, никто не забыл, но кровью, что вот-вот прольется, уже так не пахло. Брангард, склонившись к уху Кайсы, что-то горячо зашептал, рыжая фыркнула, но беззлобно, а Рассимор велел:

— Уведите этих двоих. Разговаривать я буду теперь не с ними, а с вождем Медведей. И если он пожелает получить своего дурного отпрыска обратно, вира за нашу обиду будет велика, а извинения должны быть очень учтивыми. Что до тебя, светлейший Брангард, поверь, дружбы мы не забываем.

Младший легко поклонился и снова принял вид благонаправного гостя, ненароком попавшего на чужую свару. И вмешаться некрасиво, и в стороне постоять не всегда удается. Хольм его понимал и был искренне благодарен, но в сердце кольнула тревога. Лестана была так влюблена в его брата... Неужели забыла все? Особенно сейчас, когда Бран явился героем и спасителем, еще и войну только что предотвратил, если вождь Медведей окажется не дураком.

— Что ж, теперь о делах не менее печальных, — уронил Рассимор, дав Котам чуть времени на разговоры и снова легко завладев их вниманием. — Авилар, я слушаю тебя.

— Не о чем нам разговаривать, вождь, — ответил невысокий худощавый Кот, даже сегодня не изменивший обыкновению сдержанно одеваться в темное. Руки у него были связаны за спиной, но лицо чистое, да и на одежде никаких следов крови. Похоже, бывший казначей клана сам не дрался, положился на мечи храмовых охранников, присланных Мираной. — Вину признаю, снисхождения не жду, кару за такое и сам знаю. Впрочем... Если будет на то твоя милость, прошу за сына. Молодой он, дурной, просто делал то, что я ему приказывал. Опять же, на Ивара смотрел, поверил лучшему другу... Может, ради моих прежних заслуг заменишь ему казнь изгнанием? Пожалей мальчишку...

И Авилар низко поклонился Рассимору, который глядел на него, хмурясь.

— Пожалеть, говоришь? — спросил, наконец, вождь, когда изменник выпрямился. — Послушать тебя, Гваэлис белее и пушистее зимнего зайца. Он виновен в пособничестве Ивару и смерти моего сына. Пусть и был всего лишь помощником, но виновен. Он снова отвел подозрения от Ивара, когда тот пытался убить мою дочь. На его руках — кровь той Волчицы, что могла свидетельствовать против них. И уже здесь в Арзине он пытался убить Хольма, сына вождя Ингевальда. Любой такой вины достаточно для смертного приговора, Авилар, а их четыре. Мальчишка, говоришь? Твой сын из тех змей, что ядовиты, как только вылупились! Ивар убил Эрлиса в пятнадцать, а Гваэлис был тогда на год младше него! И ты хочешь, чтобы я его отпустил?!

— Хватит, отец! — бросил Гваэлис, стоя прямо и глядя вокруг без малейшей тени страха на лице. — Не унижайся. Проси за себя, если хочешь, а мне все равно.

— Почему ты убил Ивара? — спросил в наступившей снова тишине Рассимор, которому уже наверняка рассказали, что случилось в другом рукаве распада.

— А ты не понимаешь, вождь? — ответил молодой Кот с ясной и слегка безумной улыбкой. — Скажу только, что Ивар не заслуживал править Арзином. Ты разве сам этого не видел? Тупой завистливый ублюдок! Еще и трусливый! Все, на что его хватило, это убить Эрлиса, да и то из лука, чтобы издалека. Он подбил твоего сына, как оленя или зайца! И Лестану не добил из трусости, решил, что сама умрет, а Волки были совсем рядом. Еще и этого в живых оставил, — с омерзением кивнул он в сторону Хольма. — Я бы все сделал иначе, гораздо умнее, а он испугался, что к девчонке вот-вот вернется Рысь, и начал творить глупости одну за другой. Подставил Волка так, что в это никто не поверил, потом не смог избавиться ни от него, ни от Лестаны... И все это время только ныл и жаловался, что у него ничего не выходит! И вот этот слизняк должен был стать нашим вождем?!

— Из тебя, конечно, вождь получился бы куда лучше, — негромко сказал Хольм, у которого в разуме стала складываться очень нехорошая картина. — Вы ведь с отцом и не собирались делать Ивара наследником, а потом отдавать ему Арзин, верно? Этого хотела Мирана, но не вы двое. Интересно получается...

— Чтоб ты сдох, — с бессильной ненавистью выдохнул Гваэлис. — Если бы не ты!

Он рванулся в яростной, но бесполезной попытке порвать ремни, и Хольм слишком поздно вспомнил, что тонкое лезвие, которым Гваэлис полоснул его спину во дворце, так и не нашли. Что может быть проще — всегда носить его с собой? На запястье, например! Они двое прыгнули одновременно. Гваэлис — к Лестане, Хольм — ему наперерез. Меч — слишком долго. В ладонь сам собой прыгнул охотничий нож, и Гваэлису не хватило единственного шага. Он вытянулся всем телом, пытаясь достать Лестану, и клинок вошел в сердце по самую рукоять.

— Не... на... ви... — шевельнулись губы, и младший сын Авилара осел на землю, глядя в небо пустыми глазами, в пальцах правой руки блеснуло тонкое узкое лезвие, больше похожее на иглу.

Хольм наклонился, вытер нож об его рубашку, сунул в ножны и только тогда повернулся к Лестане. Девушку била дрожь, и Хольм стянул свою куртку из тонкой замши, накинул ей на плечи.

— Я же сказал, не бойся, — напомнил он тихо. — Я здесь.

А в нескольких шагах от них связанный Авилар рухнул на землю лицом вниз, дико, утробно завывая и пытаясь обернуться. Дружинники мигом подняли его и врезали по физиономии, бывший казначей закатил глаза и обмяк уже в настоящем забытьи.

— На коня его! — устало велел Рассимор. — Хотя бы этот за все должен ответить. Спасибо тебе, Клык.

Хольм кивнул, а Брангард заметил, со спокойным любопытством рассматривая тело:

— Да, не дурак был. Даже сейчас все рассчитал безошибочно. Бросился бы на Хольма — мог просто на кулак нарваться. Да любой из нас его постарался бы просто сбить с ног. А он выбрал именно ту цель, за которую его убили без рассуждений. Не дурак и не трус.

— Ага, просто сволочь, — буркнул Хольм. — Ну что, желающие сдохнуть на сегодня кончились?

Он оглянулся на Авилара, которого как раз бросили на коня, словно тюк. Дружинники собирались, седлая лошадей, и стало видно, что коней много свободных. Считать Хольм не стал, на душе и так было паршиво.

— Как у вас все прошло? — спросил он у Арлиса больше для очистки совести, чем из любопытства.

— Да как и думали, — отозвался Коготь, морщась и прижимая к груди раненую руку. — Только мы рассчитали, что успеем из распада выехать, а они раньше напали. Три дюжины храмовых, матерые как на подбор... Если б не кольчуги под одеждой, они половину стрелами сразу положили бы. А так мы пригнулись, спрятались за оленями, проскочили поближе — и пошла потеха. У нас пятеро погибло, у них — почти все. Трех раненых не стали добивать, чтобы Мирану с Авиларом прижать к стене. А этот... — указал он взглядом на Авилара, — до последнего невинную девицу изображал. Только когда Гваэлиса привели, понял, что проиграл. Малой кровью обошлось, в общем.

— Малой, — согласился Хольм, понимая, что это действительно так.

Пятеро погибших в переделе огромного клана — сущие пустяки. Да еще три с лишним десятка их противников, точно таких же дружинников, только оказавшихся с другой стороны. Мирана могла бы использовать наемников, ничего бы не изменилось.

— Что, Волк, паршиво? — проницательно поинтересовался Арлис.

— Крови не люблю, — буркнул Хольм. — Странно, да?

— Неа, — отозвался Кот. — Не странно. Правильно как раз. Плох тот боец, кто любит кровь ради крови. А ты Клык, тебе тем более это ни к чему. Этим вот простительно, — кивнул он на Лейва с Рогволдом, которые что-то азартно обсуждали с Тайвором. — Пока молодые и дурные. Подрастут, поумнеют, тоже кровь разлюбят. А тебе повезло, ты сразу умный, а не потом.

— Дожил, — усмехнулся Хольм. — Умным признали. Ладно, поехали, что ли.

Он чуть было не сказал «домой», но осекся. Какой ему здесь дом? А жалко... Арзин оказался уютнее и теплее, чем можно было предположить даже в самых смелых мечтах. Да и Коты... тоже ничего. Некоторые. Арлис вот, Тайвор... Сам вождь! Даже Корин, гонять его просто некому правильно. Жаль будет уезжать.

Окончательно заглушив радость от победы, он поблагодарил Тайвора, что подвел ему лошадь, ревниво поглядывая на Лейва с Рогволдом. Корин держался в стороне, посматривая то на Хольма, то на Арлиса, и видно было, что хочет поговорить, но то ли дурная гордость не дает, то ли просто подходящего времени дожидается. Хольм вздохнул и тронул Арлиса за рукав здоровой левой руки.

— Возьми парня обратно, — попросил, указав на молодого Кота. — Он без дружины пропадет, я этих норовистых знаю, сам такой. А парень стоящий, он на Ивара попер, когда думал, что нас вот-вот убьют.

— Мне рассказали, — ухмыльнулся Арлис. — Вот ведь как бывает, а? Сдохнуть он, значит, не боялся, а подойти да поговорить... Эй, Корин! Тащи сюда хвост.

Бывший дружинник подошел, изо всех сил стараясь не делать это слишком торопливо. Хольм заметил, что Тайвор наострил уши, да и другие Рыси нет-нет поглядывали в их сторону.

— Завтра утром выйдешь в караул у Восточных ворот, — сказал ему Арлис. — Волку спасибо скажи, он за тебя заступился.

— Понял, — буркнул Корин и исподлобья посмотрел на Хольма, наверно, подбирая слова благодарности.

— Проставишься, — сообщил ему Хольм невозмутимо. — Вон, Тайвор на именины к себе зовет, туда и принесешь. Если что, я пиво люблю. Пиво у вас хорошее, не поспорить.

— Понял! — радостно выдохнул Корин, просветлев на глазах и умчался к лошадям.

— Умеешь, — одобрительно хмыкнул Коготь. — С девицами бы так ладил... Ну что зыркаешь? Правду говорю. Или домой наладился? Сбежать — оно проще, конечно.

— Со стороны все умные. — Хольм зло передернулся и вскочил в седло жеребца, которого терпеливо держал Тайвор. — Поедем уже или здесь заночуем?

Лестана плотнее закуталась в мягкую замшу куртки, такой широкой, что в нее можно было глубоко запахнуться, а рукава пришлось подкатывать. Плечи у Волка те еще, как только в двери проходит? Неудивительно, что он так легко носил ее на руках. Целых два раза... Сначала — из храма, потом — на земляничную поляну. И оба раза она этого не оценила. Ну почему, когда дело касается Хольма, она такая дура?! Ведь хочет высказать ему все, что на сердце, а потом спросить его самого, но язык не поворачивается, зато всякие глупости творятся сами собой!

Зачем она тогда убежала, а? Ясно, что он все понял неправильно и потом прятался от нее, близко не подходил. Конечно, у него были дела, но час на разговор нашелся бы! Если бы Волку этот разговор был нужен!

А теперь он едет неподалеку от нее, хмурый, лицо как из камня высеченное, и не знает, что больше всего на свете ей хочется провести пальцами по уже наметившейся морщинке между бровями и разгладить ее. А потом — по губам. Чтобы улыбнулся и, может быть, опять поймал ее пальцы нежным неторопливым поцелуем. Хотя бы пальцы...

Лестана не выдержала — опять посмотрела в его сторону и выругала себя дурой — уже в который раз. Ей сейчас не о том думать надо!

Заговор раскрыт, вина Ивара и Мираны доказана, Гваэлис мертв, а казначея Авилара казнят. Еще очень долго Арзин будет трясти, как в лихорадке. Станут бушевать слухи и сплетни, начнутся интриги за место казначея, подозрения и разбирательства, кто поддерживал Авилара... А еще Храм наверняка выскажет протест, что вождь вмешивается в дела жриц! И с Медведями нужно что-то решать... Хвала Небесам, что Хольм удержался и никого из них не убил, она-то видела, как в нем кипит это желание. И, словно мало забот, младший сын Ингевальда нацелился на Кайсу. Сговоренная девица, это ж надо?!

«А отец объявил перед всеми, что ты сама замужем, — напомнила себе Лестана. — Вот еще с чем придется решать. Нет, если объяснить Совету обстоятельства этого брака, то никто тебя не осудит, но...»

Она опять вздохнула и покосилась на Хольма. Прислушалась к себе, привыкая к новым, непонятым, но восхитительным ощущениям. Где-то внутри Лестаны, не в теле, конечно, а в неизвестной до сих пор части ее сути дремала огромная Рысь. Мягкая, теплая, мохнатая, полная силы и уверенности, которой она готова была щедро поделиться со своей человеческой половиной. Рысь не спала, только прикрыла серебристые глазки, но усы и уши чутко подергивались, и Лестана с тихим восторгом обнаружила, как иначе воспринимается мир вокруг. Запахи, звуки, прикосновения!

Рысь потянулась, лениво перевернулась набок и принялась вылизывать толстую светлую лапу с розовыми подушечками. Она признавала, что у человеческой сути могут быть свои дела, особенно днем, но ей хотелось играть. И обязательно снова повстречаться с тем Черным Волком! Принюхаться к нему, потрогать мягкой лапой с втянутыми когтями, нацелиться на черный мохнатый хвост и... прыгнуть, прижав его к земле. А потом извернуться, словно в ужасе, и убежать, слушая, как совсем рядом щелкают страшные зубы, старательно не задевая ее собственный хвост, короткий и круглый...

Лестана сбросила наваждение и смущенно потрясла головой. Так вот на что это похоже?! Словно ей вернули то, что было давно утрачено, и Лестана сама не понимала, как ей необходима эта часть ее души. А Хольм так ласково ее обнимал... И он сказал ей «любимая»! Сказал же! Ну почему просто не повторить это еще раз и не сказать, что он хочет остаться?! Что ей делать, если это был мгновенный порыв и Волк собирается все-таки уехать? Вот что, а?!

Мысли неслись беспорядочно, она то мучилась из-за того, что думает о себе, когда Арзин еще в

опасности, то уговаривала, что это все необходимые раздумья. Все равно нужно что-то решать, и чем быстрее, тем лучше!

Может, поэтому обратная дорога в город показалась ей намного короче, чем утром путь в лес. Самое страшное все-таки позади, все, кто ей дорог, живы... И даже кровью Ивара отцу не придется пачкаться, гадюки сами себя перегрызли. А Хольм... он опять ее спас, теперь от безумного Гваэлиса! Вот что он за Волк такой, а?! Нет бы взять, да и... попросить награду за спасение девы, как в сказках и дурацких песнях! Там если герой убивает чудовище или спасает целый клан от врагов, то уж рука дочери вождя ему непременно полагается, ради этого все и затевалось. Лестана опять вздохнула. Ну вот, еще бы она думала, что жизнь бывает как в сказках!

Подло вспомнилось подаренное земляничное чудо, даже рот наполнился этим вкусом, и она едва не заплакала.

— Сговоренная, значит? — раздался рядом тихий ядовитый голос Кайсы, и Лестана заставила себя прислушаться. — А я-то и не подозревала! А то еще могла узнать, что я уже сорок лет замужем, у меня дюжина внуков и костяная нога!

— Нога-то откуда? — растерянно, но заинтересованно спросил Брангард.

— А, то есть дюжина внуков — это ничего? Это так и надо?!

— Ну... — судя по голосу, Волк задумался, а потом бодро выдал: — Нет, вот так я точно не согласен! Сорок лет — это хорошо и правильно! Дюжина внуков — тоже отлично! Но я хочу во всем этом участвовать! Чтобы постепенно, со вкусом... А если сразу узнать — это же неинтересно! Да и чтобы внуки получились, надо сначала детей сделать. А вот сколько надо детей, чтобы потом родилось пятнадцать внуков, а? Предлагаю проверить! Для начала надо парочку. Нет, лучше трех! А вообще-то, я и на пятерых согласен, большая семья только в радость.

— Ну ты и... нахал! — поразилась Кайса, и в голосе подруги Лестана впервые услышала интерес, обращенный к мужчине. — А что твоя маменька скажет, если ты привезешь домой... сам знаешь что?

— Не «что», а любимую женщину, — нравоучительно и даже слегка занудно сказал Брангард. — Ой, как много она скажет... Но это ее право — говорить. А мое — жить, как я считаю нужным, и любить, кого захочу. Матушку я уважаю и даже слушаюсь иногда, но жениться собираюсь не на ней. И вообще, ты ей обязательно понравишься. Потом. Когда она поймет, что съесть тебя не получится, то обязательно полюбит и зауважает. То есть сначала зауважает, а потом полюбит. Но обязательно.

— Да-да, и пятеро детей, я помню, — язвительно отозвалась Кайса тем же новым тоном, который у нее прорезался именно для этого Волка. — Уже бегу, аж лапы заплетаются!

— Хочешь — расплету? — жизнерадостно поинтересовался Брангард. — Ай, больно!

— Это не больно, это я только начала, — сообщила Кайса. — А нечего тянуть свои лапы к моим! Не для того я их, может, заплетала!

И эти двое рассмеялись. Разом и совершенно одинаково! Лестана в зародыше удавила грустную обидную зависть и вздохнула, радуясь за Кайсу. Подруга это заслужила! Да, она не Рысь, но так уж получилось. Брангарду еще предстоит узнать историю маленькой девочки, что в ужасе изо всех старалась спрятаться, сделавшись меньше, как можно меньше!

И Луна исполнила ее желание, девочка обернулась не Рысенком, как должна была, а Бельчонком. Юрким, способным взлететь на любое дерево, отыскав спасительное дупло, и затаиться там, избежав смерти, потому что убийцы искали девочку или Рысь, а не Белку. Белки ведь не бывают оборотнями, это всем известно... Вот и получилась из Кайсы Рысь, но... в облике Белки. Запах, правда, рысиный, как все говорят, но все остальное. И что? Сердце у Кайсы огромное, смелое и доброе, а уж какой там хвост — неважно. Но, кажется, Брангард это как раз понимает.

А потом дорога кончилась, мелькнули мимо предместья Арзина, краткий путь по городу, и впереди вырос дворец. Лестана невольно поежилась, представив, сколько всего придется объяснить матушке. Как бы она снова не слегла от таких новостей. И еще Мирана... Она столько горя причинила их семье, но Лестана не могла почувствовать себя победительницей. Просто не могла! Радоваться такому... Нет-нет, пусть это просто скорее закончится, как страшный сон, и их семья снова заживет счастливо и спокойно!

Их настоящая семья! Отец, матушка, Лестана и...

Она осеклась, мысли словно смыло, потому что на площадке перед дворцом, огромной, выложенной мраморными плитами и окаймленной кустами роз, не было ни души, кроме одной-единственной женщины, замершей посередине языком белого пламени с темно-рыжим верхом.

Как она узнала? Сердце подсказало или тайные умения жрицы? Или кто-то из заговорщиков ускользнул и кинулся во дворец? Или просто она ждала, изнывая от страха за судьбу сына, но понимая, что запущенный с горы валун заговора уже не остановить?

Мирана смотрела на них молча, и под этим взглядом отряд как-то сам собой разделился, дружинники отъехали, даже Арлис посторонился, прихватив с собой Кайсу и Брангарда, и Лестана увидела, что перед прямой, как стрела, жрицей остались только они с отцом, Хольм и пришедший в себя за время пути Авилар.

— Где Ивар? — звонким ломким голосом спросила Мирана, и Лестане стало жутко, когда она встретила взгляд зеленых глаз жрицы, оглядевший их всех.

— Покажите ей, — велел Рассимор.

Из толпы дружинников вышел один, ведя под уздцы коня с парой навьюченных тел. Резанул ножом по веревкам, не тратя время на развязывание, и на мрамор упали одно за другим два тела. Пачкая кровью белоснежный камень, что каждый день мыли слуги, легли рядом, удивительно похожие. Оба рыжие, зеленоглазые, с тонкими красивыми лицами... Лестана посмотрела на них и словно впервые увидела то, что давно должна была заметить. Но все это видели, а не замечал никто. Ее замутило от ужаса и отвращения.

— Ивар... — прошелестела Мирана, качнувшись вперед, как дерево в бурю, и снова выпрямившись. — Сын мой...

— Ивар?! Сын?! — раздался вопль Авилара, вцепившегося в луку седла. — Ты даже сейчас видишь только одного?! А как же Гваэлис?! Мой мальчик! Мирана, как ты можешь? Как ты могла все эти годы?! Жрица! Высшая! Оставила себе одного, а второго, случайного, подкинула мне, как щенка! Чтобы никто не знал, чтобы не осудил тебя, святую и безгрешную. Слушайте! Слушайте все! — закричал он, качаясь в седле и глядя вокруг безумными глазами. — Что мне теперь скрывать?! Я любил ее! Любил всю жизнь! Молился на нее, к собственной жене годами в спальню не заходил. Поклялся, что никому не скажу, от кого Ивар. Как же, первое дитя! Подарок Луны! И единственное, да! А потом года не прошло, она еще кормила Ивара грудью и вот... не рассчитала. Срок был такой, что побоялась умереть, если вытравить плод. Помнишь, Рассимор, как она была то нездорова, то творила тайные обряды в храме, никому не показываясь... Пара доверенных жриц ее прикрывала, так она их потом отравила! Чтобы никто не узнал о втором ребенке, незаконном. А младенца ко мне принесла! Я жену перед этим заставил беременность изображать, сказал, что возьму ребенка на воспитание, пусть никто не знает, что неродной. Она согласилась... Очень малыша хотела, да и меня думала вернуть. Когда поняла, что это от моей тайной женщины, угасла за пару месяцев и ушла за Реку. А сына я воспитал. Второго сына, только моего! Она его знать не хотела, пока ей двойник для Ивара не понадобился! Бедный мой мальчик, он как узнал, что его настоящая мать жива, так сошел с ума. Сначала мечтал, что она его признает и будет любить, потом озлобился. А этот выродок, первенец, его не братом считал, а слугой! Да если бы Гваэлис его не убил, я бы сам! Какой из него был бы вождь? А я... я... только ради сына... Слышишь, гадюка? Не ради тебя! Ради сына! Моего мальчика... умного... смелого...

Он захрипел, содрогаясь в рыданиях, и у Лестаны мороз прошел по коже. Какая... мерзость! Какая жуть! Бросить собственного ребенка, потому что это стоило бы Миране положения жрицы! Погубить столько людей... совсем невинных! Даже собственного племянника... Уж не говоря о Лестане и Хольме, которого могли казнить ни за что! И все ради чего?! Чтобы самой остаться верховной жрицей, а Ивару подарить Арзин?! Как игрушку, которую требует, вопя и топая ногами, невоспитанный ребенок?!

— Ты сам виноват, — разомкнула Мирана белые губы, едва заметные на бледном лице. — Ты был слишком слабым. Если бы любил меня, давно взял бы клан и положил к моим ногам. Тогда я могла бы растить обоих сыновей. Сама виновата, выбрала не того. Коготь смог бы, но он смотрел на эту дрянь... до сих пор смотрит. А больше в Арзине и мужчин не отказалось. Выродились. Надо было в других кланах искать. Вот, Лестана же нашла, скромница наша, котенок...

Она растянула губы в какой-то действительно гадючьей улыбке, безразлично взглянув на Лестану, потом скользнула взглядом по остальным и с чудовищной усталостью сказала:

— Может, я и сына не того выбрала. И жизнь прожила не ту... Но хотя бы одно, последнее, сделаю, как надо. Рассимор, тебе не придется пачкаться в моей крови. И передайте кто-нибудь Эльдане, что у нее, единственной, я прошу прощения. Дура она, но добрая. Любит всех... Мне бы так, но не случилось. Прощайте.

Лестана невольно вскрикнула — рука Мираны метнулась ко рту. А потом жрица медленно и плавно опустила на колени между распростертыми телами своих сыновей, последним бессильным движением взяла их за руки и упала между ними ничком.

В чудовищной тишине слышались только глухие бессмысленные подвывания Авилара и, бросив на него взгляд, Лестана поняла, что изменник сошел с ума.

— Ну, теперь-то все? — буркнул Хольм, спрыгивая с лошади и подходя к Лестане.

Она молча соскользнула с седла в его объятия, так спокойно, словно иначе быть не могло. Оглушенная ужасом и отвращением душа молчала, только мучительно заныла спина после целого дня в седле.

— Аренею позовите! — услышала Лестана голос отца, но Хольм уже нес ее во дворец, и Лестана прижалась к нему, как к единственному источнику спокойствия, проваливаясь то ли в сон, то ли в беспамятство.

Последней мыслью было, что вот он опять несет ее на руках, а она... Рысь где-то внутри мурлыкнула и безмолвно согласилась, что несет — и правильно. Хорошо несет, уютно и удобно! И в нужном направлении! Главное, чтобы сам потом не сбежал, а остался рядом, так будет теплее, мягче и безопаснее...

Эпилог

В кустах взвыло на две... три... нет, четыре луженые глотки, да так, что Хольм едва не облился крепким пивом, которое, между прочим, еще и пригубить не успел! Вот только попытался!

Зато Арлис невозмутимо отхлебнул из своей кружки и благодушно усмехнулся.

— Любят тебя дружинники, Волк! Третий день поделить не могут, прямо хоть большие деньги с народа бери за такое представление.

Хольм только рукой махнул. Одно слово, обормоты мохнозадые! Что Лейф с Рогволдом, что Корин с Тайвором... В первый день, когда эта четверка в первый раз сцепилась, выясняя, чей Клык, Хольм полез их разнимать и как-то незаметно увлекся, а потом подоспели Арлис с Рудольвом, еще несколько Рысей, и драка приобрела широту и размах, который и в Волчьем-то городе на праздниках редко бывает. И добро бы, если б одной дракой все и закончилось!

Но на следующий же день Лейф с Рогволдом устроили засаду в саду — поджидая, в этом Хольм нимало не сомневался, Кайсу, однако вместо Кайсы в сад вышел Тайвор, и Волки тут же вспомнили, что вчера выяснили только, кто тут еж позорный, а кто —мышь лишайный, а вот Хольм остался не поделенным. Драка закипела снова, правда, в этот раз Хольм благоразумно решил не влезать, только поржал втихомолку. Нашли ценность, понимаешь ли!

А сейчас и вовсе не до смеха! Сколько бы шерсти ни пустили по ветру мохнатые обалдуи, а решать что-то придется! Может, и впрямь домой вернуться? Правда, в Арзине он теперь вроде как герой — и до чего ж это скучно, оказывается!

Азартные котовьи вопли и переливчатый волчий вой вдруг оборвались так резко, словно на драчунов плеснули из ближайшего окна ведро воды, и Хольм привстал — просто посмотреть, что там случилось!

И не удержался от смешка. Посреди густых цветущих кустов возвышался Рудольв, сжимая в каждой руке по обернувшемуся Волку, причем Лейф и Рогволд в зверином облике поджимали хвосты, а перед Рудольвом смирнехонько, как игрушечные, застыли Тайвор и Корин, тоже не успевшие ни перекинуться, ни хотя бы мявкнуть что-нибудь в свое оправдание.

— Хорошо у вас молодежь воспитывают, — одобрил Коготь, выглянув из-за его плеча. — Действенно. Почти как у нас! А ты что сидишь?

— А куда идти-то? — не понял Хольм, разморенный солнцем, и сделал наконец-то щедрый глоток еще не успевшего степлиться пива.

— Ой, дурак, — протянул Коготь, глядя на Хольма с обидной жалостью. — К жене иди! Обними, скажи, что любишь, а то ведь дотянешь до отъезда и кинешься обратно со своими Волками просто от отчаяния! Два дурня! — сердито фыркнул он.

— В чужой охоте каждый мастер, — лениво процедил Хольм, стараясь не показать, как его задело непрошеное поучение. — А в своей —мышь за оленя принял. Что ж ты, умный такой, сам к госпоже Аренее не пошел да не сказал?

— Двадцать лет как сказал, — огрызнулся Арлис, мрачней на глазах. — Если что изменилось, и тут сразу сказал бы. Только мне вот не помогло, а ты, дурень, счастья своего не видишь.

— Тогда и правда не говори, — согласился Хольм, едва удерживаясь от смеха. — И в самом деле, зачем? Если и так знает. Пусть ей Рудольв скажет, я сразу заметил, как он на госпожу Аренею поглядывает. А что? Вон, Брангард Кайсу вашу увезет, чтоб мне блох подцепить, если нет! И госпожа Аренее с ней поедет. У нас целительницы в почете! Это храмовым замуж и детей нельзя, а дружинным — да ради Луны! На руках ее носить будем, если Рудольв позволит, конечно. Он хоть и постарше меня лет на тридцать, а Волчара еще хоть куда. Вон, двух лосей разом поднял и не надорвался же...

— Помолчи, Волк! — душевно посоветовал Арлис, нехорошо блестя глазами, и Хольм покладисто заткнулся. — Рудольв, говоришь? — снова оглянулся он на кусты, где коротко взвизгнуло, а потом затрещали ветки и в одну сторону выкатились два серых клуба, в другую — два рыжеватых, а потом спокойно вышел Рудольв и отряхнул штаны с рубахой от шерсти.

Нарядные штаны с рубахой, между прочим, бархатные! Хольм первый раз видел такого разряженного Рудольва, который еще и доспех снял, вот уж где невидаль. Арлис окинул матерого Волка взглядом, помрачнел и поднялся.

— Пойду-ка прогуляюсь, сказал он с лицом решительным и обреченным. — А ты, если вякнешь

кому...

— Да что я, сам себе враг? — удивился Хольм. — Я, может, еще здесь останусь! Вот возьму да приду к тебе в дружину проситься. Возьмешь?

— Вот только тебя там и не хватало, — хмыкнул Коготь. — Я еще на покой уходить не собираюсь, а два жоака на одну стаю — это перебор.

— Все равно придется кого-то из наших в подручные брать, — заметил Хольм. — Дружину отец вам пообещал, да наши Волки под Рысью ходить не согласятся. Им жоак нужен из своих, а уж он перед тобой будет ответ держать. Соглашайся, пока себя предлагаю, со мной всегда договориться можно.

— Наглый ты, Волк, — с одобрением заметил Арлис и, видя, что Рудольв куда-то пошел, бросил: — Потом договорим. Некогда мне!

— Ну, удачи, — от души пожелал ему в спину Хольм и тоже поднялся.

Смех смехом, а решать надо. И он уже, в общем-то, давно решил, еще когда принес Лестану в забытый и положил на кровать в ее спальне. Но для последнего шага кое-чего не хватало, и за час до полуночи Хольм постучал в комнату Брангарда.

Почетного гостя разместили по соседству с Хольмом, правда, в покоях Брангарда жил еще и Рудольв, так что Хольм не опасался, что явится в неподходящий момент. Брат выглянул на стук, зевнул и поинтересовался:

— Тебе чего? Я спать уже лег. Знаешь, какая голова тяжелая? Три часа с арзинским Советом новый договор обсуждали. Если б знал, я бы тебе перед той охотой список дал, кого еще прибить. Может, новые были бы посговорчивей!

— Дело есть, — сообщил Хольм, оттеснил брата в комнату и потребовал: — Дай браслеты!

— Какие? — спросил Брангард, но взгляд дрогнул.

— Обручальные, — ласково уточнил Хольм. — И не ври, что нету. Я тебя знаю, хомяк ты запасливый. И не последнюю морковку прошу, а всего лишь пару браслетов. Ну надо, сам понимаешь!

— Я их, между прочим, для себя вез, — обиженно надулся Брангард. — На всякий случай, вдруг сразу согласится... От сердца отрываю! Нет, это ж надо, тебе эти Кошаки даже браслетов не выдали на венчанье?!

— А я что, взял бы у них? — удивился в свою очередь Хольм, и Брангард тяжело вздохнул, меряя его взглядом с пониманием и сочувствием.

— Ладно, бери, — махнул он рукой и полез куда-то в сундуки, которым незаметно оброс, едва появившись в Арзине.

Достал замшевый сверток и сунул Хольму, всем видом изображая горечь утраты, а потом предупредил:

— Ты только не молчи, когда уговаривать ее будешь. Ну чего ты скалишься, пенек мохнатый? Знаю я тебя! Сунешь молча ей браслет и будешь стоять страдать... ну хочешь, я тебе на бумажке слова нужные напишу? А ты выучишь! Я никому не скажу, честно!

— Ты лучше беличий язык учи, — посоветовал ему Хольм. — Орехи запасай. И присматривай возле нашего дворца деревья повыше — для будущих детей!

— Зачем? — возмутился Бран. — Эй, они же Волками родятся! Чей город и храм, тот и зверь у детей! Хольм? Хольм, зараза блохастая, ты же пошутил, да?!

Но Хольм его не слышал. Он выскочил из комнаты, сжимая в руке успокоительную тяжесть двух брачных браслетов, завернутых в замшу. Если ему суждено получить от Лестаны отказ, пусть это будет по-настоящему, безнадежно и окончательно. И пусть уже все решится, наконец. Он больше не верит в легенды об истинных парах, которые не могут разлучиться ни волей богов, ни умыслом людей. Истинность любви — всего лишь возможность, надежда, обещание, а что вырастет из этого зерна — зависит от самой пары. Но Хольм собирался сделать все возможное, чтобы у него получилось.

Лестана проснулась оттого, что ее Рысь мурлыкала. Громко, радостно, прямо с упоением. Для человеческого уха это было неслышно, но от этого мурчания внутри расходилось приятное тепло и неба. А еще их покачивало. То есть и Лестану, и Рысь... Тьфу, да как же отделить свои ощущения от чувств зверя? Кайса только смеялась и говорила, что это приходит с опытом. Вот у нее далеко не

всякое дерево вызывает желание на него залезть, да и орехами иногда выходит поделиться, а не прятать их про запас. Но не всегда...

Лестана открыла глаза и поняла, что ее несут. Замерла, вдыхая родной запах — куртка, в плечо которой она уткнулась носом, была та же самая, пахнувшая Волком, лесом, самую чуточку дымом, кровью, еще чем-то... Рысь понемногу учила ее различать запахи и звуки, так что теперь мир был полон интереснейших загадок, а уж куртка Хольма... Хольма?!

Она пошевелилась и поняла, что это не сон. Вокруг был сад, впереди — сияющая в лунном свете громада храма, которая быстро приближалась, а нес Лестану, разумеется, Хольм.

Только теперь не в плаще, а прямо в покрывале с ее кровати!

— А сегодня-то зачем? — растерянно спросила она. — Можно было просто позвать...

— Чтобы ты не сбежала, — серьезно ответил Волк. — Надоело, знаешь ли. То есть я, конечно, готов тебя каждый день ловить, но только если ты сама этого хочешь. Вот я и решил выяснить. А для этого надо, чтобы ты не сбежала хотя бы один раз.

— А... — начала Лестана и замолчала.

Ей очень захотелось прижать уши, поджать хвост и как можно глубже забиться в покрывало, еще и нос лапами закрыть. В бытии Рысью имелись не только преимущества, оказывается, ее Кошка на все отзывалась именно как... Кошка! И сейчас она чувствовала себя очень-очень виноватой. Какой же душой Хольм ее считает, если поймал, как несмышленого котенка, и тащит разговаривать! Хорошо хоть не за шкуру. Он бы мог, наверное, здоровенный же!

Он молча донес ее до того же камня, где они сидели в прошлый раз, и Лестана увидела, что мраморная глыба застелена толстым одеялом. Украдкой вздохнула: предусмотрительный. Заботливый. И чего ей, дуре, еще надо? Ничего, наверное! Только как бы теперь снова все не испортить?

Хольм же осторожно опустил ее на камень и тут же укутал покрывалом голые ноги. Сверху Лестана запахла покрывало сама, скрывая грудь и плечи. Нерешительно посмотрела на Хольма, а тот сел рядом, достал что-то из кармана куртки, развернул и протянул Лестане.

— Вот, — сказал совершенно обыденно.

На широкой ладони с мозолями от оружия лежал тонкий серебряный браслет невероятно изящной работы. Множество цветов сплетались между собой, их венчики были усеяны крошечными бриллиантами, как каплями росы, и Лестана мгновенно вспомнила рассвет и землянику. Еще бы, поляна ведь та же самая, только ягод больше нет. «Потому что чудо дважды не повторяется, — прозвучал в ее сознании далекий женский голос, напомнивший интонациями тетюшку Арению. — Самой придется его делать, своими лапками!»

— Это что? — осторожно задала Лестана совершенно дурацкий вопрос.

— Браслет, — терпеливо пояснил Хольм. — Брачный. Твой, женский. Мой потолще и без цветочков.

Лестана молчала, набираясь сил, чтобы сказать единственно нужные и верные слова. Вот сейчас... сейчас она еще раз вдохнет и ка-а-ак скажет. Что ей не нужно это серебро и бриллианты дивной работы, если все это ради договора между Волками и Рысями. Но она согласна всю жизнь носить истрепавшийся и затертый замшевый шнурок, если только Хольм, если он... И она бы обязательно сказала это, но не успела.

Хольм тоже набрал полную грудь воздуха, будто собрался нырять, и выдохнул:

— Я тебя люблю! Не потому, что ты дочь вождя. Не потому, что у тебя сильный зверь. Даже не потому, что ты красивая. Хотя ты очень красивая! — поправился он поспешно и продолжил: — Дело не в этом. Ты можешь быть кем угодно. Какой угодно. Можешь потерять свою Рысь, или заболеть и стать некрасивой, или перестать быть наследницей... Я тебя люблю, потому что ты — это ты. Единственная. И я хочу быть с тобой. Просто Лестаной, понимаешь? С девушкой, которая не боится признать, что она неправа. Справедливой, умной, доброй... Готовой взять на себя тяжелую ношу. Я же знаю, править кланом — это очень тяжело! Я хочу быть с девушкой, которая смогла посмотреть на меня и тоже — увидеть... Не зверя, не Клыка Черных Волков, а меня самого. Я люблю тебя. И я постараюсь говорить это почаще, раз так надо. Не знаю, зачем, все равно ж ничего не изменится, но если надо — я научусь. Мне многому еще придется учиться, если только... если ты захочешь, чтобы я остался.

Его голос дрогнул, и Лестана вздрогнула вместе с ним, словно между ними была натянута невидимая струна. Посмотрела в синие глаза, что сейчас казались черными, как ночное небо,

только где-то в глубине горела пара ярких искорок, словно звезды.

— Не надо браслет... — прошептала она и тоже торопливо перебила сама себя, выпустив руку из покрывала. — У меня уже есть вот этот! Он настоящий! Не хуже любого другого!

— Порвется же... — после недолгой тишины сказал Хольм и взял ее запястье горячими жесткими пальцами.

Сердце Лестаны ухнуло куда-то вниз, а по телу помчалась сладкая волна.

— Можно? — спросил Волк, и она кивнула, не зная, о чем спрашивает, но готовая на что угодно.

Держа ее ладонь в своих, Хольм коснулся губами кончиков пальцев, уверенно повел дорожку поцелуев вверх... И жар от его прикосновений стал невыносимо сильным, плава Лестану изнутри.

— Моя Рысь, — сказал Хольм уверенно, не спрашивая, а утверждая. — Моя жена. Моя пара.

— Да... — выдохнула Лестана, едва слыша себя. — Мой Волк. Мой муж. Моя пара.

Потянувшись, она обвила его шею руками, выскальзывая из одеяла, и прошептала:

— Я люблю тебя. Ты мое чудо, подаренное Луной. Если я когда-нибудь об этом забуду, просто скажи, что я дура, ладно? Глупая Кошка, которая сама не знает, чего хочет. Но сейчас я знаю. Мне нужен ты. Останься со мной, пожалуйста. Я прошу, Хольм. Я хочу быть с тобой. Сейчас. Потом. Всю жизнь.

Его руки легли ей на талию, ладони прошлись вверх по спине, и Лестана тихонько застонала, так правильно и хорошо это было. Чуть прикрыв глаза, подалась ближе, и горячие губы Хольма, удивительно нежные и осторожные, коснулись ее губ. Лестана вздохнула, проваливаясь куда-то...

Огромная серебряная Рысь шаловливо боднула Черного Волка мордой в бок и отпрыгнула, приглашая играть. Тот наклонил голову и потянулся всем телом. Рысь припала к земле, подскочила на мягких упругих лапах и передней прижала хвост Волка к траве. Волк извернулся и лениво щелкнул зубами возле ее лапы, а потом сразу лизнул Рысь в нос. Она возмущенно мявкнула и помчалась по призрачной траве, пропитанной лунным сиянием...

Лестана упоенно целовалась, плаваясь в руках Хольма и едва замечая, что он стягивает с нее ночную сорочку. Холодный ветерок касался ее горячей кожи, и от этого все становилось еще острее, слаще, почти болезненным, не переходя тонкую грань удовольствия. Запустив пальцы в ее косы, Хольм расплетал их, и Лестана едва сдерживалась, чтобы не мурлыкать, выгибаясь в мужских объятиях. Спohватившись, что оказалась обнаженной, она принялась решительно раздевать Хольма. В самом деле, что за несправедливость?! Сняла куртку, затем рубашку... Положила ладони на гладкие горячие плечи с округлыми мышцами, провела по ним вниз и в стороны... Хольм отозвался тихим довольным стоном, и Лестана поняла, что на правильном пути. Ремень, штаны... Это ее Волк, и она хочет видеть его целиком! Уже видела один раз, но слишком быстро, не разглядела. А теперь надо хорошенько рассмотреть, что ей досталось!

Хольм прикусил ее ухо зубами, тут же зализал, и Лестана ахнула. Как прилежная ученица тут же повторила это, но, шалея от собственной смелости, пошла дальше, целуя полузакрытые веки, брови, кончик носа, скулы и только потом снова губы...

Рысь и Волк мчались по лунной дороге, оставив позади поляну и лес. Дорога, сплетенная из лунного света, то поднималась ввысь в самое небо, петляя между облаками, то спускалась почти к самой земле. Два огромных зверя, сильных, юных, красивых, полных радости жизни, летели по ней плечо к плечу, иногда ласково толкая друг друга мордами или ухитряясь на бегу потереться боками. Очередной поворот привел их снова к поляне, полной земляники, такой же призрачной, как все здесь, но и такой же настоящей при этом. Рысь и Волк не разбирались в тонкостях устройства лунного мира, но им это было и не нужно, они знали толк в более нужных вещах. Подпрыгнув, Рысь коварным прыжком сбила спутника с лап, и он с готовностью повалился на траву, а Рысь упала на него сверху. Крутясь и катаясь, они играли, шалея от запахов и звуков ночи, купаясь во всеобъемлющем счастье и зная, что это — навсегда.

Лестана выплыла из блаженного забытья, потянулась, тихонько вдохнула, не пытаясь освободиться из крепких мужских объятий. Толстое одеяло не давало замерзнуть снизу, плотное покрывало укутало их сверху, а с неба лился совершенно ошеломительный поток лунного света.

— Это же надо, — томно вздохнула Лестана, удобнее устраиваясь подбородком на плече Хольма. — В дворцовом саду! На каменюке какой-то... Хорошо еще, что никто не видел...

«Словно... кошка гуляющая! — сообщила она себе. — И не стыдно! Вот ни капельки!»

— Не видел, — довольно согласился Хольм. — А вот насчет «не слышал» — даже не знаю. Может, кто-то и не слышал. Если окно было закрыто.

— Хольм! — возмутилась она и стукнула его в плечо кулачком.

— Шучу! — Волк поцеловал ее в кончик носа. — Ну и пусть завидуют, если даже слышали! Кстати, дай руку все-таки!

Он поймал ее запястье, уже привычно обласкал губами и надел браслет, защелкнув его.

«Мужчины, — насмешливо и разнеженно подумала Лестана. — Как будто эта серебряная полоска что-то решает!»

Но второй браслет выкопала из покрывала и торжественно надела на своего Волка, прищурившегося от удовольствия. Прямо поверх шелковой ленты, уже не серебряной, а несчастно-вылинявшей.

— Поедем в гости на свадьбу Кайсы, — сказала она серьезно, — оставим эти ленточки возле вашего озера. Пусть вернутся туда, где все это началось.

— Пусть, — согласился Хольм и обнял ее крепче. — Ты не замерзла?

— Я Рысь! — возмутилась Лестана. — У меня шуба! Но... пора возвращаться, да?

— В постели мягче, — шепнул Волк, целуя ее в губы. — И удобнее. И можно не думать, кто вылезет в сад побегать под луной и увидит лишнее. Я тебя отнесу, только оденусь...

— Оденсья, — согласилась Лестана. — Нечего всем тебя разглядывать. Мой!

И потянувшись, нежась в теплом покрывале, пока Хольм торопливо одевался.

Потом он подхватил ее и все-таки унес в спальню. И Лестана, едва коснувшись прохладной простыни разгоряченным телом, мгновенно уснула, хотя клялась себе, что спать не будет. Не будет, пока не удостоверится, что этот наглый Волк никуда не денется!

Но провалилась в сон почти такой же сладкий, как его объятия, и стала в этом сне Рысью. Лунная дорожка послушно стелилась под ее лапы, Лестана мчалась по ней, чувствуя Хольма в Черном Волке, что бежал рядом. Они летели в будущее, зная, что оно может быть нелегким, но непременно будет одним на двоих, а значит, и радости, и печали достанутся им тоже пополам. Только радость от разделения умножается, а печаль — наоборот. «Хольм и Лестана, — шептал с неба лунный свет. — Волк и Рысь, истинная пара, обрученные Луной, но не связанные ничем, кроме собственной любви и верности. Да будет так, ибо именно так и должно быть от начала до конца времен».

Эпилог 2

Сказ про ценную морковь, вредную свекровь и такую разную любовь!

Круглое серебряное зеркало Луны плыло над Великим Лесом, Великими Горами и Великими Морями, то есть над всеми землями оборотней. Заливало нежным сиянием города и поселки, речную и озерную гладь, поляны и рощи, вглядываясь в землю, на которой все шло своим чередом. Луна видела бесчисленные рождения и смерти, она знала, что круговорот жизни бывает жестоким и несправедливым, но знала и то, что за зимой всегда приходит весна, а любовь и надежда уравнивают другую чашу весов, делая жизнь прекрасной.

А еще Луна иногда любила подсматривать за своими детьми. Не всегда это приносило ей радость, но случались и особые вечера, когда у некоторых из ее детей, самых любимых, все было хорошо, и тогда лунный свет лился и искрился особенно нежно и чисто...

— Арлис? Я же тебе только утром перевязку сделала! Только не говори, что ты умудрился ее содрать или намочить!

Аренея подозрительно посмотрела на Когтя дружины, что мялся у двери с такой виноватой мордой, какой она у него давным-давно не видела.

— А? Нет, повязка на месте!

Арлис торопливо задрал рукав рубашки и показал свежую белую ленту на предплечье. Повязка была в полном порядке. Хм...

— А что случилось? — поинтересовалась Аренея, переливая только что сваренное зелье в бутылку и затыкая пробкой. — Коты опять с Волками подрались? Или их наконец-то похмельем пришибло пополам с расстройством желудка? Учти — лечить не буду! Не хотят думать головой, пусть думают брюхом, сидя в уборной.

— Да нет... — вздохнул Арлис. — Ари... мне с тобой поговорить надо.

— Кто ж тебе не дает? — удивилась Аренея. — Проходи и говори. Если что-то не для чужих ушей, так я одна, девчонки на праздник ушли.

Девчонки... Некоторым за полсотни лет перевалило, но все как одна сегодня на площади, где Арзин третий день празднует свадьбу дочери вождя с Клыком Черных Волков. Там гулянье, смех, накрытые столы и бочки с вином и пивом... Хотя само венчание случилось давным-давно, а настоящий праздник Рассимор устроил теперь, после победы. И гости славные, дружинников Брангард привел как на подбор... В другой раз Аренея сама, может быть, полюбовалась на матерых Волков, что и в драке оказались хороши, и за девицами ухлестывали рьяно, и даже с Котами-соперниками ухитрились драться весело, без выбитых зубов и сломанных костей, а только показывая лихость с обеих сторон. Но сегодня... сегодня что-то настроения не было.

— Я спросить хотел, Ари... — помолчав, сказал Арлис и посмотрел совсем виновато, разве что уши не прижал. — Помнишь, я тебя когда-то замуж звал?

— Нашел, что вспомнить, — передернулась Аренея. Все-таки вечер оказался паршивым. Вот зачем было душу беречь, а? — Ну, звал... И что?

Какой же она тогда была душой. Нет, о том отказе Аренея не жалела. Слишком она любила Рассимора, а его лучшего друга уважала и ценила, чтобы поменять не сложившуюся любовь на фальшивую. Арлис-то ее любил, а вот она, что она могла ему дать?

— Двадцать лет прошло... — тихо сказал Арлис. — Ты все еще его любишь?

— Да какая теперь разница? — горько усмехнулась Аренея, ставя бутылку на стол, потому что руки отчего-то задрожали. — Арлис, ты уж говори прямо, не ходи как кот вокруг сметаны. — Чего ты хочешь?

Разозлившись на собственную слабость, она упрямо взяла вторую бутылку и зачерпнула деревянным ковшиком отвар из большого котелка.

— Ладно, — покорно согласился Коготь. — Скажу прямо. Ари, выходи за меня!

Бутылка выскользнула из рук Аренеи на пол и с грохотом разлетелась на осколки.

— Что... Ты что, рехнулся?!

— Ага, — с очень несчастным видом согласился Арлис. — Давно уже. Вот как тебя первый раз

увидел, так и того... Ари, ну пожалуйста! Если дело только в храме, так придумаем что-нибудь. Уйдешь к нам в дружину, я тебе собственный лазарет построю! А если ты все-таки Рассимора... до сих пор...

— Да причем тут Рассимор?! — взывала Арения. — Ну, любила я его, было такое! Но сколько лет прошло! Я эту любовь извела и вытравила, как лишай! Рассимор мне как брат, я его детей принимала, болячки им лечила, Эльдану по-женски пользовала... Какая любовь?! Причем тут Рассимор?! Арлис, ты... Ты с дуба рухнул?! Мне сорок четыре года! Какое — «замуж»?

— Так самое время! — заверил Кот, подаваясь к ней и жадно заглядывая в лицо. — Ари, сердечко мое! Я же столько лет... никого, кроме тебя... ненаглядная моя... Столько лет тебя люблю!

— А какого же ты... молчал? — угрожающе тихо прошипела Арения, поудобнее перехватывая черпак. — У тебя что, язык на эти двадцать лет отсох? Я-то думала, у тебя эта дурь давно прошла... Ну, позвал замуж... Я отказала. Ты и замолчал! На двадцать! Чтоб их! Проклятых лет! Арлис, еж тебя покусай, какого пня трухлявого ты молчал?

— А что я мог сказать? — нервно возразил Арлис, зорко следя за покачивающимся в ее руках черпаком. — Ты и так знала, что я тебя люблю.

— Откуда? — взывала Арения. — Откуда я могла это знать?!

— Так я же сказал! — рявкнул Арлис. — Сказал, что люблю. Что зову замуж. Я тебе предложение сделал, браслет принес. Ты меня куда послала? Во-о-от... Если бы я за эти двадцать лет полюбил другую, я бы на ней и женился! А я же только тебя! Что мне, каждую неделю надо было к тебе с браслетом приходить?! Зачем? Ничего же не изменилось!

— Убью, — безнадежно произнесла Арения, беспомощно пытаюсь отогнать мысль о том, какой дурой она сама была все эти годы. — Убью, вылечу, потом опять убью. Какой же ты... пень!

Двадцать лет! Он, видите ли, думал, что и так все понятно! А она рыдала над тем, что видела в зеркале, и думала, что он сделал ей предложение из жалости! Потом, конечно, поумнела, но... Арлис-то молчал! Пропадал со своей дружиной, на девиц даже не смотрел, хотя за лихого и славного Когтя пошла бы любая... Да что там, Арения сама на него часто поглядывала со сладкой тоской, коря себя за то, что отказалась. Рассимор оказался первой любовью, сильной, пылкой, но быстро сгоревшей, а Арлис был рядом всегда, но только как друг. Пенек мохнатый, мышами поеденный! Хоть бы на праздник позвал потанцевать, хоть бы в окно разок залез! Да она бы и на храмовые обычаи не посмотрела...

— Скотина! — Арения с размаху лупанула его ковшиком. Тренированный Коготь отбил его ладонью, но целительница, войдя в раж, била снова и снова. — Двадцать лет! Ну хоть бы год или два... Молчал! Филин ты бескрылый! Крот слепой! Зараза!

— Госпожа Арения? — раздался от двери голос.

Арения с Арлисом обернулись разом. Она, запыхавшаяся, покрасневшая, так и сжимала в руке черпак. Арлис же мгновенно помрачнел и прищурился, потому что в дверях стоял Волк из дружины Ингевальда. Здоровенный матерый Волчище... как же его... Рудольв! Ну да, тот самый, что сейчас был там временно Клыком вместо Хольма.

— Госпожа Арения, вам досаждают? — поинтересовался Волк, хищно и радостно сверкнув глазами. — Позвольте помочь?

— Нет! — рявкнула Арения мигом раньше, чем Арлис успел открыть рот. — Не позволю! Самой мало! И нечего мне тут шерсть дыбом друг на друга поднимать! Господин Рудольв, у вас дело? Неотложное? Кто-то умирает или рожает? Ах, нет? Ну, тогда подождите, я еще не закончила!

— Да-да, — расплылся Арлис в такой язвительной ухмылке, что Арения поклялась добавить ему черпаком еще пару раз только за нее. — Погодите малость, господин Рудольв. А лучше — поищите другую целительницу. Их там на площади много. Эта занята. Она еще черпак об меня не обломала.

— И обломаю! — зарычала Арения, ненавидя обоих мерзавцев за многозначительный взгляд, которым они обменялись. После чего Волк, разочарованно вздохнув, развернулся и вышел, а Кот обернулся к ней. — Ты! Зар-раза!..

— Ты это уже говорила! — мягко сказал Арлис и шагнул к ней.

Ловко поднырнул под черпак, уклонился — и тут же сгреб ее в объятия, так что Арения только охнула.

— Вот примешь мой браслет, — шепнул в самое ухо, отчего у Арении мгновенно жар разлился по

телу, — тогда можешь лупить меня на законных основаниях. Если заслужу. Моя Рысь...

И он ее поцеловал так жадно, требовательно и сладко, что Аренея вздохнула и обмякла, покоряясь. Черпак выпал из ее руки и куда-то укатился, а целительница и жрица Аренея уткнулась лицом в плечо Арлиса, Когтя Арзина, и впервые подумала, что не такая уж она и высокая. Или это просто у него плечо такое удобное, подходящее.

Да и замуж, в общем-то, ей пока не поздно. Луна ее любит, женские дни приходят как часы, многие молодые позавидуют, так что есть еще несколько лет, чтобы родить ребенка. Или двух. Или... да сколько Луна даст! Лишь бы от него, от этого кошака дурного, мерзавца молчаливого... Да, точно! Выйдет за него, родит детей — и пусть Арлис жалеет о потерянной свободе всю оставшуюся жизнь! Сам виноват. Оба виноваты, давно уже могли быть счастливы, если б не их общая дурость. А теперь нагонять придется, жить оставшиеся годы ярче и слаще, чем в молодости...

— Ну что, завтра в храм? — оторвавшись от ее губ, спросил Арлис. — Я-то могу и сегодня, но тебе же платье надо и все эти штучки...

— Надо, — вздохнула Аренея. — А тебе — браслеты добывать. Или они у тебя тоже двадцать лет ждали?

— Ну да, — удивился Арлис и взял ее руку, приложил ладонью к щеке, потерся, а потом поцеловал ладонь. — А что такого? Я же никому другому брачный браслет дарить не собирался! Лежал только для тебя и сейчас лежит. Так ведь и ты все такая же, как двадцать лет назад, ничего не изменилось...

— Хольм...

Лежа на его руке, Лестана лениво выводила круги на запястье Хольма острым ноготком. Это было щекотно и очень приятно, а еще приятнее было смотреть на ее пушистые ресницы, подведенные темной краской глаза, тонкие брови и нежно припухшие губы... Он мог бы смотреть на нее часами, наверное, но не выдерживал — руки так и тянулись к жене, а тогда уж просто любоваться ею не получалось.

— Хо-о-ольмгард... — протянула она. — Красивое имя... А почему тебя дома коротким называли? Ты же старше Брангарда, а его полным именем зовут.

— А так с самого начала повелось, — лениво отозвался Хольм. — Сигрун пришлось нас вместе воспитывать, отец бы иного не потерпел, но она женщина умная, вот и это обернула по-своему. Нашкодим вместе — виноват я, ведь я же старший. Сделаем что-то хорошее — это Бран придумал. Ну и с именами тоже. Брангард — звучно, красиво, а Хольм... просто Хольм.

— Не понимаю, — вздохнула Лестана. — Как так можно? Хорошо, что брат у тебя не такой. Хо-ольмгар-рд...Хо-ольм... А мне и так, и так нравится! Длинное имя у тебя будто рычит на конце, а короткое — мягкое, словно мехом погладили.

Наклонившись, Хольм поцеловал ее в кончик уха, смешно проглядывающий между распущенных серебристых прядей. Вот что еще ему нравилось — зарываться лицом и руками в ее волосы и дышать их запахом. Сча-а-а-астье...

— А вдруг Сигрун будет обижать Кайсу? — встрепелась Лестана, приподнимаясь и заглядывая ему в лицо. — Она же старше, у нее там своя... стая, да? А Кайса у Волков будет совсем одна! Я знаю, что Брангард ее любит, но у него будут свои мужские дела, а женщины... Мы иногда такими гадкими и подлыми бываем!

— Я думаю, Бран ее не даст в обиду, — сказал Хольм, перебирая мягкие серебряные пряди. — Да и Кайса терпеть не станет. Что ей, некуда вернуться, если у них ничего не получится? Но Бран же не дурак. А мы поедем на их свадьбу и сами посмотрим, как там дела обстоят.

— Арлис с Аренеей тоже хотят поехать. И матушка с отцом...

— Что, твоя матушка больше не боится страшных диких Волков? — поддразнил Хольм, и Лестана фыркнула.

— Нет. Она говорит, что если ты спас меня от Медведя, значит, ты сильный и благородный. С Мираной и Иваром ей, конечно, было сложнее все понять, но когда матушка узнала, кто убил Эрлиса... — Рысь вздохнула, а потом опять тихонько хихикнула и поделилась: — А еще она говорит, что ты красивый, только немного неотесанный. Зато верный... И еще — что ты бедный мальчик!

— Бедный-то почему? — искренне поразился Хольм, пропустив «мальчика», все-таки госпожа Эльдана куда старше него.

— Потому что рос без родной матери, — уже серьезно пояснила Лестана. — А про ваши отношения с Сигрун ей Брангард рассказал, не я, честное слово! Я... только подтвердила потом. И ничего, кроме правды, не говорила. Ты ведь не обижаешься? Хольм?

— Ну, если ей в голову не придет меня жалеть, — вздохнул Хольм, — то ничего страшного.

— Ей уже пришло в голову, что тебя надо любить, — так же серьезно и мягко сказала Лестана. — И она права. Я постараюсь, чтобы она тебя не слишком замучила заботой, но ты все равно готовься к семейным завтракам и ужинам, у нас так принято. И к пирожкам с твоей любимой начинкой. Ты же с печенкой любишь, да? Мне на кухне сказали! И еще она собирается сама сшить тебе рубашку, как отцу шьет. Но у нее очень красивое шитье, правда, это я с лапами из-под хвоста уродилась, как Кайса говорит!

— На пирожки и рубашки я согласен, — пообещал Хольм. — И завтракать люблю, только я встаю рано. Но нагулять до завтрака голод — это правильно, больше пирожков влезет.

— Вот сюда? — мурлыкнула Лестана, запуская руки ему под рубашку и поглаживая горячий живот с твердыми мышцами, обтянутыми атласной кожей. — В такого большого Волка поместится очень много пирожков! Только не ешь меня, страшный Волк! Ай!

Грозно рыча, Хольм перевернул ее на спину и принялся целовать в шею, расстегивая пуговицы на легком домашнем платье. Лестана смеялась и пыталась уклониться, но как-то получалось так, что лишь выгибалась в его объятиях, дразня еще сильнее.

«Пирожки... — с насмешливым изумлением подумал Хольм. — Мать-Волчица, это же надо было дожить до такого, чтобы меня звали на семейные завтраки и ужины! И выясняли, какие пирожки я люблю. Шили мне рубашку, звали полным именем... Арлис уже сказал, что до поездки к Волкам я могу погулять на свободе, а потом бездельничать не выйдет. Арзинский Совет хочет нанять дополнительную дружину из других кланов, и этим пришлым понадобится вожак помоложе и позубастее, так что Арлис, мол, знает одного подходящего Волка, которому делать нечего. Ну что, все правильно... Рассимор — славный вождь, но рано или поздно он уйдет за Реку в края счастливой охоты, и Лестана станет главой клана. А это значит, что ей понадобится надежный Коготь на смену Арлису. Кстати, надо поговорить с Арлисом о Лейве с Рогволдом. Обормоты слезно просили замолвить за них словечко — желают остаться в Арзине. Здесь такие девушки, такие девушки! Раз уж им Кайса не досталась, хоть за другими Рысями побегать хотят. Ну, раз уж мне придется ездить с охраной как мужу наследницы, лучше этой четверки и желать нельзя. Пара Котов, пара Волков — и спина всегда будет прикрыта... Нравится здесь обормотам — пусть остаются. Девушкам они тоже нравятся, а то, что дети, в случае чего, родятся Рысятами, Лейва с Рогволдом не смущает. Ну да, и у меня тоже. Странно об этом даже думать, но... я же их буду любить от этого не меньше! По деревьям придется научиться лазить — это да! Иначе как оттуда снимать Рысят?

Он приподнялся и посмотрел на румяную Лестану, наблюдающую за ним из-под ресниц. Кошка! Красивая, страстная, сильная, ласковая и верная... Его женщина, не испугавшаяся ни якобы проклятой дикой крови — спасибо злему языку Сигрун, ни упрямого нрава, ни всего, что должно было их разлучить. И заслужившая всю любовь и верность, которые Хольм мог ей дать!

— Люблю тебя, — сказал он, исполняя свое обещание говорить это постоянно. — А вот интересно, бывают черные Рысы? Ну, вдруг из наших детей мастью кто-то в меня пойдет? Или черно-серебряные — вот красиво было бы!

— Дорогая госпожа Сигрун, — напевно сказала Кайса, держа в руках тяжелое блюдо с пышущими жаром пирожками. — Не откажите отведать. Очень хотелось вас чем-то порадовать!

— Конечно, милая... — улыбнулась Сигрун так, словно у нее побаливал зуб.

Не настолько сильно, чтобы скривиться, но достаточно, чтоб этом не забывать. И Кайса тоже улыбнулась — еще радостнее и ласковее.

Поставила блюдо на стол в комнате будущей свекрови, встала рядом, как примерная девочка. Глазки долу, руки сложены на поясе впереди. Лапочка — да и только! Немудено, что Брангард насторожился. Дорогой и любимый жених все утро разговаривал с матушкой и вид теперь имел взъерошенный и весьма злой. Кайса, конечно, не подслушивала — кто бы ей позволил? Служанки так и ходят по пятам, а деревьев у свекровушки под окном нет. Непорядок, кстати, надо посадить. Иву, например, она быстро растет! Но Сигрун же может и догадаться... Эх, весела доля невесты, а женой еще веселее будет.

— Присядь, милая, — медово попросила Сигрун, и тут насторожилась уже Кайса.

Но села, вежливо сложив руки на коленях.

Сигрун взяла сверху пирожок, надкусила его, прожевала и проглотила кусочек. Даже сделала вид,

что ей понравилось, хотя Кайса не обманывалась, пирожки у нее получались и получше. А здесь печка незнакомая, мука немного не такая, как дома...

— Это с яблоками, да? Очень вкусно! — похвалила Сигрун и положила надкусанный пирожок на край блюда. — Скажи мне, милая Кайса, а когда мы сможем увидеть твоего зверя? Бран говорит, что он прекрасен! И мне очень хочется посмотреть на Белку, которая привела моего сына в такой восторг.

„Знает, — поняла Кайса, глядя Волчице в глаза. — Но то ли не верит, то ли еще не решила, что с этим делать“.

— Ой, конечно! — Она встала и огляделась. — Что, прямо здесь? Мне не сложно, только Бран...

— Я отвернусь! — поспешно сказал любимый, и Кайса мысленно зачала ему, что выйти и оставить ее с матушкой он не решился.

Хм, интересно, за кого из них боялся?

Бран отошел к окну, а Кайса спокойно сняла платье, стянула рубашку и все остальное белье. Стыдиться ей нечего, а Волчицы на кухне уже предупредили ее, что здесь принято показаться матери жениха, чтобы та своими глазами увидела: девица здорова, изъянов не имеет. Мудрый обычай, потом свекровь точно не скажет, что ее обманули и выдали ежиху за лань.

Так что она скинула все и бесстыже потянулась, призывая свою Белку. Скользнула в нее, мягкую, уютную, словно надела теплую шубку в холод, и уже звериными глазами посмотрела на замершую в кресле Сигрун. Потянула носом...

— Уже можно? — Брангард повернулся от окна и улыбнулся, глядя на нее в ответ.

Звериная часть Кайсы заподозрила в этом „оскале“ неладное, но человеческий рассудок тут же распознал улыбку как умиленную. И пахло от Брана приятно — радостью. А вот от Сигрун полыхнуло возмущением и неприязнью, и Кайса недовольно застрекотала.

— Действительно, Белка... — то ли растерянно, то ли разочарованно проговорила Сигрун.

— То есть моих слов, матушка, вам было недостаточно? — раздраженно уточнил Бран. — Кайса, сердце мое, думаю, матушка увидела все, что хотела.

„Угу, и я — тоже, — мысленно отозвалась Кайса. — Увидела, унюхала, поняла“.

Она не без сожаления сбросила звериный облик и принялась невозмутимо натягивать одежду. После обращения кожа неприятно потела, ткань к ней липла, да и казалась слишком грубой, даже тонкий шелк. То ли дело собственный мех!

— Брангард, это невозможно, — негромко, но очень решительно сказала Сигрун, обернувшись к сыну, пока Кайса одевалась. — Ты не можешь взять в жены эту девушку. Она очень славная, я не спорю, но... как хорошо, что вы еще не заключили брак перед алтарем. Мы попросим прощения у вождя Рассимора за ошибку. Вы... не подходите друг другу.

— Матушка, мы не будем этого делать, — так же ровно сказал Брангард. — Потому что я собираюсь жениться на Кайсе, а она дала свое согласие. И я не собираюсь в пятый раз тебе объяснять, почему не намерен слушаться тебя в этом вопросе. Просто вспомни четыре прежних раза, и тебе станет все ясно.

Кайса застегнула последнюю пуговку, отошла к столу и взяла пирожок. Самый поджаристый, даже чуть подгоревший с бочка. М-м-м-м! Яблоки с медом — вкуснятина!

— Бран! — На щеках Сигрун появились розовые пятна. — Ты хочешь, чтобы я сказала все напрямую? Твои дети могут родиться Белками! А вдруг это... это передается?! Они же будут... грызть!

Если бы она не сказала про зверя Кайсы, как про редкую болезнь, Кайса промолчала бы. А чего открывать рот, если Бран и сам замечательно справляется? Но Сигрун перешла черту, а Бран блеснул глазами уже с настоящей злостью.

— Обязательно передается, — беспечно сообщила Кайса, дожевывая пирожок. — Грызучесть — она такая! Кстати, дорогая будущая матушка, а от кого у вас Брангард? — Она наклонилась к потерявшей дар речи Сигрун и как можно более громким шепотом продолжила: — Я бы не стала спрашивать! Что ж я, не понимаю? Но сама видела уже раза три, как он грыз! И ладно бы кость, Волкам это даже положено. Так ведь нет! Он грыз... морковку! — Она сунула руку в карман передника, взятого на кухне, вытащила оттуда огромную чищеную морковку и протянула жениху. —

Кстати, на! Я тебе прихватила.

— Спасибо, милая! — с чувством сказал Брангард, и злой блеск в его глазах сменился смешливым. Взяв морковку, он сунул ее в рот и с наслаждением захрустел.

— Вот! — невозмутимо сказала Кайса, указывая на него глазами. — Видите?! Вы уверены, что он у вас... Волк? Точно не Заяц? Не то чтобы я против, но если у нас родятся полу-Белки, полу-Зайцы, каково им тут жить будет? Среди Волков?!

Брангард грыз морковку так, что любой заяц умер бы от зависти, и алчно косился на пирожки, Сигрун медленно приходила в себя, а Кайса улыбалась так мило и светло, что войди сейчас кто в комнату, непременно бы улыбнулся в ответ. Белки, они вообще звери чрезвычайно умильные! Пока не запустили зубы или не полоснули когтями.

— Вот, значит, как... — медленно сказал Сигрун. — Бран, и ты... ей это спустишь?

Брангард проглотил кусок морковки и вздохнул.

— Матушка, — сказал он проникновенно. — Разве я когда-нибудь был непочтительным сыном? Кажется, совсем наоборот. Но уважать и почитать свою мать и позволить испортить себе жизнь — это разные вещи. Ты хочешь, чтобы я никогда не женился? Не надо про сотни других достойных девушек. Верю — их сотни. А мне нужна одна эта. И внуки у тебя будут от нее. Или их не будет вообще. Ты этого добиваешься?

— Брангард, я...

Щеки Сигрун пошли уже не розовыми пятнами, а красными, и Кайса вздохнула. Дожать сейчас любимую свекровушку — как орех разгрызть! Но ведь не простит ни ей, ни сыну, а при случае припомнит обязательно.

— Бран! — сказала она укоризненно. — Ну что ты сразу матушку внуками пугаешь? Она еще так молода, что сама родить может. Вот родит себе другого сына, хорошего, а нам с тобой останется только в Арзин податься. Так что грызи морковку и молчи! Внуки... Ты себе представляешь, что у нас родиться может? Ладно, если они будут умные и красивые, как ты? А вдруг добрые и милые, как я? Госпожа Сигрун, — проникновенно обратилась она к Волчице. — Вы его не слушайте! Если вам очень-очень надо будет, конечно, вы нас разведете. Жените его на славной Волчице, она будет вам в рот заглядывать, зубы пересчитывать и хвостиком вилять. А ему с ней жить придется, но это ж пустяки, правда? Особенно, когда вам исполнится... много исполнится, в общем, и он станет вождем. Вот тогда ему милая послушная жена в самый раз пригодится! Вся ваша стая, особенно женская ее часть, просто счастлива будет! Они ее в санки станут запрягать вместо лошади и кататься на ней будут. А вас вспоминать с ужасом и радостью. С ужасом, что вы у них были, а с радостью, что кончились.

Она замолчала, и в комнате стало тихо. Сигрун разглядывала Кайсу так пристально, что Кайса почти смутилась, но вместо этого взяла еще два пирожка. Один — себе, второй подала Брангарду.

— Бран, милый, принеси нам кувшинчик ягодного отвара, — сказала, наконец, Сигрун, не глядя на сына.

Умница Брангард молча вышел, и Кайса с интересом подняла брови.

— Я надеюсь, ты его очень любишь, — сказала, еще помолчав, Волчица. — Это единственное, за что я прощу подобную наглость.

— Если б я его не любила, — сообщила Кайса, — я бы от вас держалась подальше, чем от лишайного зайца. Так что можете даже не сомневаться.

— Так уверена, что клан удержишь? — усмехнулась Сигрун. — Когда меня не будет.

— Нет, — равнодушно сказала Кайса. — Клан удержит мой муж, а потом — мои дети, если Луна будет милостива. А я просто буду рядом. Я же на самом деле милая и пушистая, честно-честно.

— Я заметила, — кивнула Сигрун и тяжело-претяжело вздохнула. — Невестка — Белка! Ну что ж, зато ни у кого такой нет. Особая милость Луны, так и будем всем говорить. Добро пожаловать в клан, доченька.

— Спасибо, матушка, — ответила кивком Кайса и не удержалась: — Я знала, что поладим, мы ведь обе такие милые и пушистые.

Повернулась к двери и позвала:

— Бран, заходи! Все хорошо, никто никого не съел!

— Но если дети родятся Белками... — снова вздохнула уже обреченно Сигрун.

— То я на месте Медведей научился бы оборачиваться в кротов, — заметил, входя, Брангард.

Наклонился и поцеловал в щеку матушку, потом — Кайсу. И спокойно закончил:

— Как же я вас люблю обеих. И поэтому жить мы все будем долго, дружно и замечательно!